

HAL
open science

Раннесредневековый могильник Заостровье- 1 в Северной Самбии

Michel Kazanski, Edvin Zaltsman, Konstantin Skvortsov

► **To cite this version:**

Michel Kazanski, Edvin Zaltsman, Konstantin Skvortsov. Раннесредневековый могильник Заостровье- 1 в Северной Самбии. Institut d'archéologie de l'Académie des sciences de Russie. 2018, 978- 5- 94375- 211- 7. <hal-02471477>

HAL Id: hal-02471477

<https://hal.science/hal-02471477v1>

Submitted on 8 Feb 2020

HAL is a multi-disciplinary open access archive for the deposit and dissemination of scientific research documents, whether they are published or not. The documents may come from teaching and research institutions in France or abroad, or from public or private research centers.

L'archive ouverte pluridisciplinaire HAL, est destinée au dépôt et à la diffusion de documents scientifiques de niveau recherche, publiés ou non, émanant des établissements d'enseignement et de recherche français ou étrangers, des laboratoires publics ou privés.

Сефлак аткин III

39
Институт
археологии
Российской
академии наук

М.М. Казанский, Э.Б. Зальцман, К.Н. Скворцов

РАННЕСРЕДНЕВЕКОВЫЙ МОГИЛЬНИК ЗАОСТРОВЬЕ-1 В СЕВЕРНОЙ САМБИИ

Материалы
спасательных
археологических
исследований

22

**РАННЕСРЕДНЕВЕКОВЫЙ
МОГИЛЬНИК ЗАОСТРОВЬЕ-1
В СЕВЕРНОЙ САМБИИ**

Bz

Setelan alken^{III}

39.

Bund.

256
B365

9/40

1/1 Bz

3/4

Bz.

1/10 Bz

1/3

1/5

1/3

1 Bronze stielde.

Институт
археологии
Российской
академии наук

М.М. Казанский, Э.Б. Зальцман, К.Н. Скворцов

РАННЕСРЕДНЕВЕКОВЫЙ МОГИЛЬНИК ЗАОСТРОВЬЕ-1 В СЕВЕРНОЙ САМБИИ

при участии М.В. Добровольской, А.В. Зиновьева, И.А. Сапрыкиной

Материалы
спасательных
археологических
исследований

22

Москва 2018

УДК 902/904
ББК 63.4
К14

Утверждено к печати Ученым советом ИА РАН

Ответственный редактор

доктор исторических наук *А. В. Мастыкова*

Рецензенты

доктор исторических наук *Д. С. Коробов*

доктор исторических наук *О. В. Шаров*

К14

Казанский М. М., Зальцман Э. Б., Скворцов К. Н.

Раннесредневековый могильник Заостровье-1 в Северной Самбии / Отв. ред. А. В. Мастыкова. Материалы спасательных археологических исследований. Том 22. М.: ИА РАН, 2018. 312 с.; ил.

ISBN 978-5-94375-246-9

В монографии публикуются результаты комплексного исследования раннесредневекового некрополя Заостровье-1, принадлежавшего западным балтам (эстиям). Памятник исследован в 2010 г. в ходе спасательных раскопок на территории Зеленоградского района Калининградской области. На основе анализа погребальных комплексов удалось выявить особенности погребального обряда и материальной культуры древних эстиев, получены новые палеоантропологические, археозоологические, радиоуглеродные данные, предложены исторические выводы.

Книга предназначена для историков, археологов, антропологов, палеозоологов и всех интересующихся прошлым Юго-Восточной Прибалтики.

УДК 902/904

ББК 63.4

ISBN 978-5-94375-246-9

DOI: 10.25681/IARAS.2018.978-5-94375-246-9

© Федеральное государственное бюджетное учреждение науки Институт археологии Российской академии наук, 2018

© Казанский М. М., Зальцман Э. Б., Скворцов К. Н., 2018

ВВЕДЕНИЕ

ИСТОРИКО-ГЕОГРАФИЧЕСКАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА РЕГИОНА И ИСТОРИЯ АРХЕОЛОГИЧЕСКОГО ИЗУЧЕНИЯ

Задачей данной публикации является введение в научный оборот материалов могильника Заостровье-1 эпохи Великого переселения народов и раннесредневекового времени, исследованного в ходе спасательных работ Неолитическим отрядом (руководитель Э. Б. Зальцман) Самбийской археологической экспедиции Института археологии РАН на территории современного Зеленоградского района Калининградской области (Рис. 1, 1).

Памятник выявлен около ныне не существующего хутора Шлакалькен (Schlakalken, Кг. Fischhausen, в 1939–1945 гг. – Кг. Samland, в орденских документах упоминается с XIV в.), к югу от современного поселка Заостровье в бассейне реки Спокойная (Рис. 1, 2; 2, 1). Незначительная сегодня по размеру река Спокойная с ее мелкими притоками впадает в Балтийское море на северном побережье Самбийского полуострова. В довоенное время эти реки были более полноводными и в периоды благоприятных гидрологических условий сюда заходили промысловые виды рыб. С этим обстоятельством возможно связано наличие памятников на данной территории бронзового и раннего железного веков, известных к началу XX в. (Lauknicken, Schalkalken, Kalkschberg, Tykrehnen: *Hollack*, 1908. S. 88, 127, 144, 169). В ходе работ Неолитического отряда Самбийской археологической экспедиции ИА РАН памятники этих эпох выявлены в непосредственной близости от могильника Заостровье-1 (Рис. 3)¹.

Окружающая местность – слабохолмистая равнина, поверхность которой до недавнего времени активно распахивалась. Пахотный слой начал образовываться не позднее XVIII века. Вдоль р. Спокойная в северном направлении ландшафт не меняет свой облик вплоть до берега Балтийского моря. Важнейшим фактором рельефообразования в данной местности явилось воздействие ледника и его последующих стадий деградации. При отступлении ледника захваченный им материал в виде смеси из глины, песка, гравия и валунов скапливался на поверхности, образуя моренный холмисто-западинный рельеф (*Зальцман*, 2013. С. 3, 4).

Памятники самбийско-натангийской культуры, к которой относится изучаемый нами некрополь, были впервые зафиксированы в районе Шлакалькена в XIX в. С 1893 г. начались их раскопки под руководством К. Кретчмана и Х. Кемке (*Jentsch*, 1896. S. 119, 123). Насколько можно понять из материалов в архиве Р. Гренца (Rudolf Grenz Archiv, В. 39; см. также: Samland – Archiv. Fundkartei. MBl. 105), работы производились западнее и юго-западнее имения Шлакалькен, к северу от грунтовой дороги на хутор Ликсайден (Lixeiden), а также к востоку от него (Рис. 2, 2). Остатки дороги видны и поныне. Первая сводка самбийско-натангийских памятников содержится в археологической карте Э. Холлака, где в данном регионе указаны могильники римского времени² (Schalkalken, Tenkieten: *Hollack*, 1908. S. 144, 163). В 1906 году Э. Холлак проводил раскопки севернее имения, в зоне с погребениями средневекового времени. В 1934 году К. Фойгтманн сделал новые находки на участке могильника южнее дороги от Шлакалькена на Ликсайден (*Hilberg*, 2009. S. 487; *Nowakiewicz*, 2011. S. 421). В 1935–1936 гг. южнее этой дороги также проводил исследования В. Гронау, в ходе которых им были обнаружены погребения без каменных кладок,

¹ Их публикация не входит в задачи данной работы.

² Более точным является громоздкое определение «эпоха римских влияний».

датированные позднеримским временем (*Hilberg*, 2009. S. 487; *Nowakiewicz*, 2011. S. 421). Всего на землях хутора Шлакалькен к 1939 г., по данным Г. Янкуна, было известно три могильника: один к северу от хутора, уже тогда очень разрушенный (№ 1), один к западу, по дороге на хутор Ликсайден, исследованный в небольшой своей части (№ 2 – в картотеке из архива Р. Гренца материал из данного могильника, опубликованный Г. Янкуном в 1939 г., фигурирует как могильник Шлакалькен-IV: *Rudolf Grenz Archiv*, В. 31), где тем не менее проводились довольно широкие раскопки (*Jankuhn*, 1939. S. 245, 246. Abb. 1) и один к юго-востоку (№ 3) (о нем см.: Глава первая) (Рис. 2, 2). По всей видимости могильник 2 (он же «Schalkalken-IV» по Р. Гренцу) соответствуют могильнику римского времени Заостровье-2, изучавшемуся в последние годы Самбийской экспедицией ИА РАН³. Информация о довоенных работах в районе Шлакалькена попала в послевоенные немецкие и польские сводки памятников и материалов самбийско-натангической культуры (например: *Jaskanis*, 1977. S. 280, 281; *Hilberg*, 2009. S. 487–490; *Nowakiewicz*, 2011. № 164). При этом иногда памятники в районе Шлакалькена, в первую очередь некрополь римского времени к западу от хутора Шлакалькен, упоминаются как «Ярославское», по названию ныне не существующего сельского поселения (*Jaskanis*, 1977. S. 280, 281). В последние десятилетия разведками К. Н. Скворцова, Е. А. Калашникова, А. В. Мастыковой в районе Шлакалькена выявлены новые памятники самбийско-натангической культуры. В 2009–2011 гг. здесь развернула широкомасштабные работы Самбийская археологическая экспедиция ИА РАН (руководитель А. Н. Хохлов), в ходе которой исследовано несколько могильников римского времени и начала средневековья (раскопки Э. Б. Зальцмана, Е. В. Лагуткиной, А. В. Мастыковой, К. Л. Юганова: *Зальцман*, 2013; *Лагуткина*, 2010; *Мастыкова*, 2011а; *Мастыкова*, 2011б; *Мастыкова*, 2013; *Мастыкова, Добровольская, Юганов*, 2017; *Мастыкова, Хохлов*, 2012; *Юганов*, 2011).

Несколько объяснений по поводу используемой терминологии. Названия исторических провинций балтийского региона, таких как Самбия, Натангия, Вармия, Надровия и т. д., относящиеся к более позднему времени, нами используются чисто условно, для удобства географической локализации памятников. Кроме того, отметим, что в русском языке еще с дореволюционных времен принято два названия Самбийского полуострова: Земландия и Самланд.

Публикуемый нами памятник, как уже говорилось, относится к заключительной фазе самбийско-натангической культуры. Польские археологи используют для нее методически более точное наименование «культура Доллькайм-Коврово», где название эпонимного памятника Dollkeim-Коврово полностью исключает навязывание этнических или территориальных атрибуций, однако в российской археологии более устоялся термин «самбийско-натангическая культура». Эта культура охватывает территорию Самбийского полуострова, исторических Натангии, частично Надровии, ее хронологические рамки, надежно установленные на сегодняшний день: последняя треть I – начало/первая половина VIII вв.⁴ В середине V – начале VIII в. соседями самбийско-натангической культуры являются: на западе – памятники эльблонгской группы западнобалтского круга древностей (см.: *Kontny, Okulicz-Kozaryn, Pietrzak*, 2011), на юге – памятники ольштынской западнобалтской группы (см.: *Кулаков*, 1989; *Jakobson*, 2009), на востоке – группа грунтовых могильников Нижнего Немана (см.: *Šimėnas*, 2006).

В археологии Средней Европы время от последней трети IV по середину – третью четверть V в. (условно 375–450/470 гг.) определяются как эпоха Великого переселения народов. Последующий период начала средневековья, середина V – первая половина VIII в., в данном регионе не получил общего названия. На значительной части территории восточной половины Средней Европы расселяются славяне и культурно-историческое развитие идет

³ Раскопки Самбийского отряда САЭ ИА РАН в 2011 г. под руководством А. В. Мастыковой и К. Л. Юганова.

⁴ Как мы увидим далее, в некрополе Заостровье-1 выявлены погребения и более позднего времени (эпоха викингов), по обряду и инвентарю полностью соответствующие захоронениям самбийско-натангической культуры.

здесь своим путем. Представляется, что для неславянских территорий к северу от Карпат, к которым и относится зона самбийско-натангийской культуры, уместным будет определение этого периода как меровингского, поскольку именно меровингская цивилизация оказала наибольшее воздействие на здешние неславянские народы. При этом надо помнить, что условное определение «меровингские» применяется к древностям территорий, которые никогда не входили в состав меровингского королевства, таких как Чехия, Норвегия, Финляндия или Ленинградская область Российской Федерации. Для второй половины VIII–X в. в Юго-Восточной Прибалтике представляется удобным определение «эпоха викингов».

Что касается относительной археологической хронологии, то для древностей римского времени и начала эпохи Великого переселения народов в данной работе используется общепринятая хронология европейского Барбарикума (*Shchukin, Kazanski, Sharov, 2006. P. V*):

- период (фаза) B1a: 10/20–40 гг. н. э.
- период (фаза) B1b: 20/40–70/80 гг. н. э.
- период (фаза) B2: 70/80–160/170 гг. н. э.
- период (фаза) B2/C1: 160/180–200 гг. н. э.
- период (фаза) C1a: 160/180–210/230 гг. н. э.
- период (фаза) C1b: 220/230–250/270 гг. н. э.
- период (фаза) C2: 250/260–300/320 гг. н. э.
- период (фаза) C3: 300/320–350/370 гг. н. э.
- период (фаза) D1: 360/370–400/410 гг. н. э. – горизонт Виллафонтана (Villafontana)
- период (фаза) D2: 380/400–440/450 гг. н. э. – горизонт Унтерзибенбрунн (Untersiebenbrunn)

Для западнобалтских древностей интересующего нас периода мы применяем хронологическую западнобалтскую схему (см. подробно: *Kowalski, 1991; Bitner-Wróblewska, 2001. P. 14–19, 117–120; Hilberg, 2009. S. 83–86; Скворцов, 2010а. С. 180–183*):

- период (фаза) D1: 350/360–375/400 гг. н. э.
- период (фаза) D2: 375/400–430 гг. н. э.
- период (фаза) D3/E1: 450–520 гг. н. э.
- период (фаза) E2a: 520–570 гг. н. э.
- период (фаза) E2b: 570–610/625 гг. н. э.
- период (фаза) E3: 610/625–650/675 гг. н. э.
- период (фаза) F: 650/675– 750 гг. н. э.
- период (фаза) G: после 750 гг.

Все приведенные здесь абсолютные даты имеют, разумеется, ориентировочное значение.

В подготовке материалов к публикации использованы результаты естественно-научных анализов (см.: Приложения 1–4), выполненных при поддержке РФФИ, проект № 16-06-00058 «Методы элементного и изотопного анализов в изучении историко-культурных связей и образа жизни населения Юго-Восточной Прибалтики (римское время – начало средневековья)», в рамках которого также осуществлена работа в немецких архивах.

Авторы хотели бы выразить благодарность за помощь в работе над этой монографией начальнику Самбийской экспедиции ИА РАН Александру Хохлову, сотрудникам Самбийской экспедиции Анастасии Андреевой, Алексею Сидорову, Александре Медведевой, сотрудникам Лаборатории геохимии изотопов и геохронологии Геологического института РАН Наталии Зарецкой и Марии Певзнер, директору Археологического музея земли Шлезвиг-Гольштейн Клаусу фон Карнап-Борнхайму, сотрудникам этого музея Фолькеру Хильбергу, Тимо Ибсену и Йоргу Новотному, сотруднику берлинского Музея Пре-и Протоистории Хайно Неймауеру.

ГЛАВА ПЕРВАЯ

МОГИЛЬНИК ЗАОСТРОВЬЕ-1 (РАСКОПКИ 2010 Г.).

ОБЩАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА

Могильник ЗАОстровье-1 расположен в междуречье правого берега р. Спокойная и левого берега ручья Безымянный (правый приток р. Спокойная), в 1 км к югу от южной окраины пос. ЗАОстровье (Рис. 1, 2; 3). Холм, на котором располагается могильник, имеет высоту 40,46 м над уровнем воды в р. Спокойная (на 01. 06. 2010 г.), протекающей с юга на север в 250 м к западу от памятника. В древности, в направлении ЮВ–СЗ его прорезал овраг, куда постепенно сполз культурный слой. Памятник исследовался в 2010 г. Неолитическим отрядом (руководитель Э. Б. Зальцман) Самбийской археологической экспедиции ИА РАН (Зальцман, 2013).

Судя по данным архива Р. Гренца (Rudolf Grenz Archiv, В. 32; см. также: Samland – Archiv. Fundkartei. MBL 105), к востоку от хутора Шлакалькен, к северу от дороги на Калькберг (Kalkberg) и к северо-западу от населенного пункта Лаукникен (Lauknicken), к западу от современной р. Спокойная, приблизительно там, где впоследствии Э. Б. Зальцманом проводились исследования, был обнаружен некрополь эпохи Великого переселения народов и начала средневековья (Рис. 2, 2). Известно, что в 1893 г. К. Крейчман и Х. Кемке раскапывали могильник у хутора Шлакалькен. Об этих раскопках имеются лишь краткие упоминания (Jentsch, 1896. S. 119, 123), хотя известно, что были обнаружены погребения как римского времени, так и более поздние, периодов D и E, т. е. со второй половины IV по VII вв. (Rudolf Grenz Archiv, В. 39). Насколько можно судить по схематическому наброску карты в архиве Р. Гренца (Rudolf Grenz Archiv, В. 39; см. также: Samland – Archiv. Fundkartei. MBl. 105) работы в 1893 г. проводились к западу от хутора Шлакалькен, к северу от грунтовой дороги на Ликсайден. Вовсе не исключено, что речь идет об участке обширного некрополя римского времени Шлакалькен 2–4 – ЗАОстровье-2, раскопки которого, как уже говорилось выше, проходили в 2011 г. (Мастыкова, 2011б; Юганов, 2011). Сведения о некоем могильнике 3 («Schalkalken-III»), исследованном в 1893 г., содержатся в архиве О. Тишлера в Музее Прее-и Протоистории в Берлине. Имеется описание раскопанных могил и схематический план этого исследованного участка с местоположением могил⁵.

Как уже говорилось, в публикации 1939 г. Х. Янкун указывает на существование некрополя 3, к востоку от хутора Шлакалькен, на территории принадлежащей уже хутору Лаукникен (Lauknicken) (Рис. 2, 2), но никаких сведений о находках меровингского времени на этом памятнике в работе Х. Янкуна нет (Jankuhn, 1939. S. 245). Однако в архиве Ф. Якобсона (Fēliksa Jākobsona arhīvs)⁶, а также в архиве М. Шмидехельм (Arhiv Martha Shmidehelm; документы, касающиеся Восточной Пруссии, помечены дополнительными номерами N° 7.1–24) карточки с вещами меровингского времени (период E, согласно западно-

⁵ «Schlakalken, Fischhausen». Prussia-Archiv, Signatur PM-A 877/1. Staatliche Museen zu Berlin, Preussischer Kulturbesitz, Museum für Von- und Frühgeschichtlichen Sammlung des Prussia Museums Königsberg i. Ostpr. (Signatur IXd 8). Пользуемся случаем поблагодарить хранителя коллекций Хайно Неймауера за любезно предоставленную возможность ознакомиться с этим материалом.

⁶ Архив хранится в Национальном Историческом музее Латвии, г. Рига. Благодарим Фолкера Хильберга за предоставленную информацию.

балтской хронологии, т. е. приблизительно 450–650/675 гг.) помечены как «Schlakalken-III», что и позволило связать находки интересующего нас времени с этим памятником (*Hilberg*, 2009. S. 487–490. Abb. 10.41). Частично карточки Ф. Якобсона уже публиковались (*Hilberg*, 2009. S. 487–490; *Nowakiewicz*, 2011. № 164) (Рис. 4–7). В архиве Р. Гренца содержится информация о могильнике с трупосожжениями периодов D и E (т. е. со второй половины IV по вторую половину VII в.), обнаруженном в 1 км к востоку от хутора Шлакалькен, на территории относящейся к хутору Лаукникен, к северо-западу от него и к северу от дороги на Калькберг (Kalkberg), к западу от современной р. Спокойная. Памятник был обнаружен зимой 1909 г. Здесь были найдены урновые трупосожжения с каменными закладами, керамика, янтарная бусина, железная овальная пряжка, копье, нож, две железные подвзятые фибулы и другие вещи (*Rudolf Grenz Archiv*, B. 32; см. также: *Samland – Archiv. Fundkartei. MB1 105*). Возможно именно этот памятник и имел в виду Х. Янкун. Однако остается непонятным соотношение этого могильника с некрополем Шлакалькен-3, поскольку никаких упоминаний в материалах Р. Гренца о работах на территории Лаукникена в 1893 г. нет.

Очень вероятно, что речь идет о нашем могильнике Заостровье-1. Соответствует это местоположение и информации Х. Янкуна о могильнике Шлакалькен-3, находившемся к востоку от хутора Шлакалькен, но уже на территории принадлежавшей поселению Лаукникен. Граница между землями Шлакалькена и Лаукникена⁷ проходила как раз чуть западнее холма, на котором впоследствии проводил работы Э.Б. Зальцман. Впрочем, вполне возможно, что на этой возвышенности находилось два и более могильников. В любом случае материал немецких раскопок требует отдельного анализа и публикации, поэтому нами он не рассматривается.

В 2010 г. на могильнике Заостровье-1 была вскрыта площадь 4392 м² (Рис. 8). Раскоп имел стратиграфию следующего характера: непосредственно под слоем дерна толщиной от 0,05 до 0,25 м, находился слой светло-серо-коричневого песка (пахотный слой), мощностью от 0,07 до 0,35 м. Ниже залегал культурный слой (в пределах оврага), представленный светло-серой супесью с вкраплениями древесного угля, мощностью от 0,05 до 0,60 м. Ниже продолжался материковый песок светло-желтого цвета. Собственно могильник Заостровье-1, занимал лишь ограниченную площадь. Как уже отмечалось, на раскопанном участке также выявлены объекты (ямы и погребения) эпохи бронзы и раннего железного века.

Большинство объектов фиксировались уже на материке. Они представлены, в массе своей, погребальными ямами овальной и овально-удлиненной формы, нередко «двухъярусными» (остатки кремации размещаются в верхней части погребальной ямы, а сопровождающее захоронение коня находится в ее нижней части), а также очажными и хозяйственными объектами, в которых встречались, как правило, фрагменты керамики⁸. Среди «хозяйственных объектов», ямы 22.1 и 23.3, получили радиоуглеродные даты⁹, подтверждающие их принадлежность эпохе Великого переселения народов и меровингскому времени (см.: Приложение 4). В целом, все эти объекты, не являющиеся погребениями, могли нести какую-то культовую нагрузку (ср. например: *Smirnova*, 2006). Впрочем, ввиду невыразительности материала изучаемого памятника, любые спекуляции в данном случае представляются пока беспочвенными.

Всего обнаружено не менее 90 объектов, погребений и ям, связанных с некрополем поздней фазы самбийско-натангийской культуры (Рис. 8). Немалая часть погребений оказалось разграбленными. Предположительно, это произошло не позднее XIX в., так как никаких

⁷ Пользуемся случаем поблагодарить Йорга Новотного за эту ценную информацию.

⁸ Поселенческие объекты эпохи бронзы и раннего железа будут предметом отдельной публикации, которая готовится Э.Б. Зальцманом.

⁹ Радиоуглеродное исследование древесного угля из объектов 22.1, 23.3 было проведено в Лаборатории Института геохимии окружающей среды НАН Украины, см.: Приложение 4.

внешних проявлений земляных работ более позднего времени на данном холме не зафиксировано (Зальцман, 2013).

Погребальные комплексы располагались четырьмя группами. Первая группа погребений была ориентирована в направлении ЮВ–СЗ и занимала северо-западную часть раскопа, на участке 3 (в дальнейшем – группа погребений 1, не менее 19 объектов). Вторая группа, вытянутая в направлении ЮЗ–СВ, более многочисленная, размещалась в северо-восточной и центральной частях раскопа на участках 1 и 2 (группа погребений 2, не менее 38 объектов). Третья, немногочисленная группа погребений выявлена в западной части исследованной площади на участке 1 (группа погребений 3, не менее 9 объектов). Наконец, четвертая группа погребений размещалась в южной части раскопа на участке 2 и прилегающих квадратах участка 1 (группа 4, не менее 16 объектов) (Рис. 9).

ГЛАВА ВТОРАЯ

ПОГРЕБАЛЬНЫЙ ОБРЯД

Могильник располагался на возвышенности, что типично для могильников самбийско-натангической культуры (*Jaskanis*, 1974. S. 38–46; *Скворцов*, 2010а. С. 16). При этом некрополи данной культуры находятся, как правило, около источников воды, что соответствует топографии могильника Заостровье-1 (*Jaskanis*, 1974. S. 41; *Скворцов*, 2010а. С. 16).

Все без исключения погребения на могильнике Заостровье-1 совершены по обряду кремации, очень распространенному у населения Восточной Пруссии в древности, уже с эпохи бронзы и доминирующей с римского времени (*Okulicz*, 1973. S. 229; *Jaskanis*, 1974. S. 126; *Скворцов*, 2010а. С. 17). Судя по антропологическим данным, кальцинированные кости принадлежали как взрослым мужчинам и женщинам, так и детям (Рис. 10), при этом погребения младенцев не зафиксированы (подробнее см.: Приложение 1). Два погребения, 29.1, 37.1, содержали только кальцинированные кости животных (см.: Приложение 1. Табл. 1).

Кремации, как правило, «безурновые» – кальцинированные кости вместе с остатками погребального костра, как это обычно для самбийско-натангической культуры, помещались в грунтовые ямы, округлой или овальной формы с покатыми или прямыми стенками. Более или менее круглые в плане ямы зафиксированы в погребениях 17.1¹⁰, 18.1, 32.1, 33.1, 35.1, 36.1, 20.2, 34.2, 35.2, 41.2, 43.2, 47.2, 2.3, 3.3, 4.3, 14.3, 43а.3, 45.3, 47.3, 49.3, 62.3, 72.3, 73.3.

Среди овальных ям преобладает ориентация по оси СВ–ЮЗ: погребения 3.1, 12.1, 21.1, 27.1, 28.1, 38.1, 40.1, 43.1, 44.1, 47.1, 33.2, 46.2, 1.3, 5.3, 13.3, 19.3, 37.3, 42.3, 46.3, 48.3, 51.3, 52.3, 59.3, 61.3. Имеются ямы с ориентировкой С–Ю: погребения 1.1, 2.1, 4.1, 14.1, 19.1, 29.1, 41.1, 46.1, 45.2, 9.3, 11.3, 17.3, 32.3, 55.3, 58.3, 64.3, 71.3; реже по оси СЗ–ЮВ: погребения 8.3, 50.3; по оси З–В: погребения 7.1, 25.1, 34.1, 37.1, 39.1, 48.1, 40.2, 6.3, 18.3, 35.3, 66.3. Диаметр безурновых кремаций, не содержавших погребения лошадей, достигает 2,3 м, погребения с лошадьми имеют длину от 0,9 до 2 м, ширину от 0,69 до 1,74 м.

Количество кальцинированных костей в погребениях невелико, что уже неоднократно отмечалось для памятников финальной фазы самбийско-натангической культуры (*Скворцов*, 2010а. С. 19, там же библиография). Безурновые ямные захоронения более всего типичны для финальной фазы самбийско-натангической культуры, т. е. для конца эпохи Великого переселения народов и для меровингского времени (*Okulicz*, 1973. S. 471), что, в частности, подтвердили и сравнительно недавние раскопки на могильнике Митино (*Скворцов*, 2010а; 2010б). На сегодняшний день могилы не имеют внешних признаков на дневной поверхности. Размер погребальных ям мог достигать 1,5×2,15 м и глубина – до 0,8 м.

Особо стоит отметить наличие среди кальцинированных костей не только останков человека, но и животных – погребения 43.2, 14.3, а в погребениях 29.1 и 37.1, как уже говорилось, надежно определены только кости животного (определения М. В. Добровольской, см.: Приложение 1).

В ряде случаев погребальные ямы перекрывались скоплениями камней или отдельными валунами: погребения 12.1, 14.1, 18.1, 19.1, 21.1, 27.1, 28.1, 32.1, 33.1, 37.1, 38.1, 39.1, 40.1, 41.1, 46.1, 40.2, 1.3, 2.3, 3.3, 5.3, 8.3, 11.3, 13.3, 17.3, 19.3, 32.3, 37.3, 42.3, 46.3, 51.3, 52.3, 58.3,

¹⁰ Здесь и далее первая цифра означает номер погребения (объекта), вторая – номер участка.

59.3, 61.3. Присутствие камней отмечено для могил на всей исследованной площади. Наличие каменных закладок более или менее округлой формы типично для памятников самбийско-натангической культуры (*Okulicz*, 1973. S. 446).

Значительная часть погребений являются двухъярусными, когда на дно ямы помещалась туша коня (о костных останках лошадей см.: Приложение 2), часто в расчлененном виде или же ее часть, а в верхнем ярусе ямы находились остатки трупосожжения, фиксирующиеся в виде скопления или линзы с кальцинированными костями, углем, золой: погребения 2.1, 3.1, 4.1, 12.1, 14.1, 17.1, 18.1, 21.1, 25.1, 27.1, 28.1, 29.1, 34.1, 37.1, 38.1, 40.1, 43.1, 44.1, 48.1, 33.2, 40.2, 46.2, 1.3, 5.3, 6.3, 11.3, 13.3, 17.3, 18.3, 19.3, 37.3, 48.3 (?), 49.3 (?), 51.3, 52.3 (?), 55.3, 58.3, 59.3, 61.3, 66.3, 72.3. Такие погребения представлены на исследованной площади повсеместно, хотя на участке 3, в группе погребений 4, их немного (Рис. 11).

Иногда захоронения лошадей перекрыты камнями, отделявшими конские останки от кремаций верхнего яруса: погребения 8.1, 12.1, 25.1, 27.1, 28.1, 37.1, 43.1, 40.2, 5.3, 6.3, 13.3, 37.3, 49.3, 51.3, 52.3, 55.3, 58.3, 61.3, 66.3, 72.3.

Представлена ориентировка коней головой на Ю, с отклонениями к В и З – погребения 27.1, 29.1, 17.3, 58.3, 59.3.

на ЮВ – погребение 6.3;

на ЮЗ – погребения 3.1, 38.1, 43.1, 44.1, 33.2, 46.2, 5.3, 13.3, 19.3, 37.3, 48.3, 51.3, 52.3;

на З, с отклонениями к С и Ю – погребения 34.1, 37.1, 48.1, 18.3, 66.3;

на СВ – конское погребение 47.1.

Двухъярусные погребения также широко распространены на могильниках поздней фазы самбийско-натангической культуры, например на Митино (*Скворцов*, 2010а. С. 28–30).

В одном случае, кажется удалось зафиксировать помещение захоронения коня к востоку от остатков кремации. Это погребение 15.3, которое было разрушено ямой XIX в., а к востоку от него, вне перекопа XIX в., были обнаружены останки коня. Отметим, что в подобных случаях на могильниках самбийско-натангической культуры конские захоронения обычно располагались к западу от кремации (*Скворцов*, 2010а. С. 26–28). Встречен и ряд отдельных конских погребений (например, погребения 1.1, 7.1, 19.1, 32.1, 47.1, возможно 35.1), где присутствие остатков погребального костра не зафиксировано. При этом отдельные захоронения коней отмечены как в группе погребений 1 (погр. 15.3), так и в группе погребений 2 (погр. 32.1, 35.1), а также в группе погребений 3 (погр. 1.1, 7.1), и, наконец, в группе погребений 4 (погр. 19.1, 47.1). Отдельные конские захоронения довольно широко распространены у балтов в широком хронологическом диапазоне (*Скворцов*, 2010а. С. 30, 31). Для прусской территории на 1990 г. В. И. Кулаков зафиксировал 121 случай одиночного погребения коня (*Кулаков*, 1990. С. 22).

Присутствие коней в могилах у западных балтов известно с раннеримского времени и бытуют вплоть до средневековья (*Jaskanis*, 1974. S. 471; *Скворцов*, 2010а. С. 25). В частности, на могильнике Заостровье-1 наиболее поздние погребения с конем – 18.1 и 40.2, датируются, по данным радиоуглеродного анализа¹¹, эпохой викингов (период G, соответственно 869–1017 гг. и 862–988 гг.; см.: Приложение 4). Погребения с лошадьми хорошо представлены и у восточных балтов, в частности на территории Литвы (*Bliujienė et alii*, 2017). Считается, что захоронения коней в балтском контексте связаны в первую очередь с мужскими погребениями (*Okulicz*, 1973. S. 384; *Nowakowski*, 1996. S. 63). В предшествующую римскую эпоху погребения коней являлись социальным маркером (*Кулаков*, 1994. С. 145, 146), в то время как начиная с эпохи Великого переселения народов, конские захоронения массово сопровождают могилы самого разного имущественного уровня. Раскопки на могильнике Митино в общем

¹¹ Радиоуглеродное исследование древесного угля проведено в Лаборатории геохимии изотопов и геохронологии Геологического института РАН, см.: Приложение 4.

подтвердили этот вывод, однако на могильнике Заостровье-1 часть конских захоронений (не менее четырех надежных случаев) оказалась связанной с погребениями, антропологически определенными как женские (см.: Глава пятая).

Интересные наблюдения сделаны А. В. Зиновьевым, исследовавшим остеологическую коллекцию могильника Заостровье-1. Возраст всех захороненных лошадей на этом могильнике не превышал шести лет, т. е. они не достигали зрелости и их еще нельзя было использовать в качестве скаковых. При этом среди определимых останков встречены только кости жеребцов. По мнению А. В. Зиновьева использование молодого жеребца в качестве жертвенного животного является одним из элементов погребального обряда, характерного именно для могильника Заостровье-1 (см.: Приложение 2).

Погребения сопровождались скромным инвентарем – лепной керамикой, кусками янтаря, встречены также ножи, бусы, спиральные кольца, пряслица, одна арбалетная фибула. Вещи находились как среди остатков трупосожжения в верхнем ярусе могилы, так и под ними, в заполнении. Захоронения коней нередко содержали элементы снаряжения, обычно удила и пряжки. Исключительной находкой является металлическая гарнитура питьевого рога из погребения 18.3 (группа погребений 1). Похожие элементы гарнитуры есть и в погребении 3.3, возможно они также принадлежат гарнитуре питьевого рога. Выделяется и погребение 46.2, содержащее остатки бронзовой гарнитуры конской узды (группа погребений 4) (Рис. 12). В целом закономерностей в распределении инвентаря по выявленным на Заостровье-1 четырем группам могил определить не удается.

Погребальные обряды могильника очень напоминают те, что хорошо известны для поздней стадии самбийско-натангийской культуры по раскопанным широкой площадью некрополям Митино (*Скворцов*, 2010а; 2010б), Доллькайм-Коврово (*Кулаков*, 2004; *Кулаков* 2007) и др. Безурновые погребения-кремации в грунтовых ямах, часто под каменными вымостками, сопровождаемые конскими захоронениями, типичны для поздней фазы самбийско-натангийской культуры. При этом, как показали масштабные раскопки на могильнике Митино (*Скворцов*, 2010а; 2010б), могилы заключительных стадий самбийско-натангийской культуры отличаются скромным инвентарем, они явно «беднее» захоронений римского времени. Впрочем, такой вывод нуждается в определенной корректировке. Прежде всего для периода E, особенно для фаз E1 и E2a (т. е. 450–570 гг.) в Самбии и Натангии хорошо известны так называемые вождеские погребения с богатым престижным инвентарем (см.: Глава пятая). Далее, на ряде памятников меровингского времени, например Митино, Доллькайм-Коврово, Лаут (Lauth)-Большое Исаково, Варникам (Warnikam)-Первомайское, Зопфен (Zopfen)-Суворово, Хюненберг (Hünenberg)-Гора Великанов, выявлены довольно многочисленные погребения, которые мы относим к «среднему классу», с украшениями и элементами убора из сравнительно недорогих цветных металлов, а также предметы вооружения (см.: Глава пятая). Довольно богатые могилы, содержавшие фибулы, браслеты, элементы ременной гарнитуры, предметы вооружения и др., известны и на могильнике Шлакалькен-3, раскопанном в 1893 г. (например: погребения 6, 10, 12, 35, 39, 43, см.: *Hilberg*, 2009. Abb. 10, 42; *Nowakiewicz*, 2011. № 164) и, возможно, составлявшем с могильником Заостровье-1 единое целое. Поэтому совсем не исключено, что публикуемые здесь погребения принадлежат либо относительно «бедной», по сравнению с другими, группе населения (клану? общине?), либо же раскопки 2010 г., жестко ограниченные в масштабе реалиями спасательных работ, соответствуют наименее «богатой» части памятника.

ГЛАВА ТРЕТЬЯ

ПОГРЕБАЛЬНЫЙ ИНВЕНТАРЬ

Погребальный инвентарь могильника Заостровье-1 сравнительно немногочислен, но достаточно выразителен и хорошо вписывается в контекст самбийско-натангийской культуры эпохи Великого переселения народов и начала средневековья. Поэтому при классификации материала мы использовали, там где это было возможно, типологию, разработанную К. Н. Скворцовым для находок из некрополя Митино, относящегося к той же эпохе, раскопанного широкой площадью и детально опубликованного (Скворцов, 2010а; 2010б). В значительной степени использованы и выводы, касающиеся географического распространения и датировок предметов, аналогичных найденным в Митино. Разумеется, сведения изложенные в монографии, посвященной могильнику Митино, здесь уточнены и дополнены.

ПРЕДМЕТЫ УБОРА И РЕМЕННАЯ ГАРНИТУРА

Арбалетная фибула (Рис. 13, 1; 14). Фибула из погребения 73.3 отличается тем, что имеет слегка расширяющуюся к окончанию ножку с двумя продольными фасетками и спинку трапециевидного сечения¹². Пружина довольно длинная, с дугообразной нижней тетивой, закрепленной в средней части пружины. Приемник невысокий, равен по длине ножке, его конец обломан. По морфологии данная фибула может быть родственна центральноевропейским группам Шульце 143, 144, 153–157, позднееримского времени, точнее периодов С2 (250/260–300/320 гг.) и С3 (300/320–350/370 гг.) по хронологии европейского Барбарикума (Schulze, 1977. S. 85, 86, 89–91), хотя и не имеет там прямых аналогов. Впрочем, не исключено, что данная фибула является ранним вариантом застежек V–VI вв. с крестовидным окончанием ножки.

Спиралевидные кольца (Рис. 13, 2). На могильнике в 2010 г. вне археологического контекста обнаружено одно довольно широкое многовитковое металлическое кольцо. Предметы этого типа широко распространены в Прибалтике в римское время и в раннем средневековье. В свое время Х. Моора интерпретировал такие находки как перстни (Moora, 1929. Taf. XXVIII, 1, 2; Moora, 1938, S. 458–462), их также относят к пронизкам. Однако, для Самбии V–VII вв. любая интерпретация пока является сугубо гипотетической, поскольку здесь эти предметы происходят из кремаций и их позиция в уборе погребенных не ясна.

Многовитковые кольца хорошо известны на памятниках самбийско-натангийской культуры позднееримского и раннесредневекового времени. При этом вначале доминируют пронизки из круглой в сечении проволоки, впоследствии из уплощенного, подтреугольного в сечении стержня. Известны такие пронизки и в материалах ольштынской группы, а также в древностях восточных балтов на территории Литвы (Скворцов, 2010а. С. 96, 97; *Bliujienė*, 2013. 384.4, 1, 3, 4 pav.). За пределами балтского ареала, в циркумбалтийском регионе похожие вещи известны и в финских коллективных каменных могильниках Северной Латвии, таких как Странте (Strante) и Велла Краванда (Vella Kravanda), датированных римским временем и началом средневековья (Moora, 1929. Taf. XXVIII, 1, 2) а также на аналогичных памятниках Эстонии (например: *Шмидехельм*, 1955. Рис. 12, 6; 14, 1; 19, 8, 10, 11, 16, 17, 19–21; 30, 2; 31, 4; *Аун*, 1992. Рис. 26, 1), в Финляндии (*Hackman*, 1905. Abb. 11, 8, 9; *Kivikoski*, 1973. Taf. 16,

¹² Химический состав и техника изготовления этой фибулы изучены И. А. Сапрыкиной, подробнее см.: Приложение 3.

122) в культуре длинных курганов (Аун, 1992. Рис. 51, 12–14; Михайлова, 2014. С. 108, 109. Рис. 25, 8, 20). В целом такие украшения имеют широкую дату, от римского времени до эпохи викингов (Скворцов, 2010а. С. 96, 97).

Посоховидные булавки (Рис. 13, 4, 5). Бронзовые булавки с загнутым «посоховидным» концом были обнаружены в погребениях 31.3 и 58.3. Посоховидные булавки хорошо известны в римское время и в начале средневековья у восточных балтов и прибалтийских финнов (Скворцов, 2010а. С. 102). При этом у западных балтов меровингского времени булавки встречаются только в женских и детских захоронениях (Мастыкова, Добровольская, 2013. С. 77; Mastykova, Dobrovolskaia, 2013. P. 275). В Восточной Пруссии такие булавки известны в римское время. Для меровингского времени заколки, аналогичные нашей, отмечены на могильнике Митино, где они выделены во второй вариант булавок. В эпоху Великого переселения народов они известны также на о. Борнхольм (Скворцов, 2010а. С. 101, 102) и на континенте, в частности, на могильнике Патай (Páty) в Венгрии (Ottományi, 2001. 7, 2, 3 kőr.) и Морей (Moreuil) в Пикардии (Bayart, Piton, Schuler, 1981. Pl. 20, 6, 7), где парные булавки считаются частью германского костюма (Quast, 2005. S. 264–272).

Пряжки (Рис. 15). В качестве основного признака при классификации была использована форма рамки, затем язычка и щитка. Принадлежность этих предметов поясной, обувной гарнитуре или конскому снаряжению по имеющимся данным не может быть установлена, кроме тех случаев, когда изучаемые предметы оказались в конских погребениях. Судя по антропологическим данным, полученным на могильнике Митино (Добровольская, 2010), пряжки встречаются как в мужских, так и в женских погребениях, а наконечники ремней типичны для мужских погребений. Кроме того, в ряде случаев пряжки, особенно «восмерковидные», входили в состав конского снаряжения.

Пряжки с В-образной рамкой (тип Митино II) (Рис. 15, 1). Фрагмент одной такой железной пряжки был найден вне погребений. Она плоская, прямоугольная в сечении, язычек не сохранился. В-образные пряжки также относятся к числу очень распространенных. Впервые они появляются в позднеимперском контексте в IV в., их разные вариации широко распространяются в Европе и существуют до VII в. и позднее. В-образные пряжки хорошо представлены и в древностях самбийско-нотангской культуры эпохи Великого переселения народов и раннего средневековья (см. подробнее: Скворцов, 2010а. С. 72, 73).

Пряжки с прямоугольной рамкой (тип Митино VI) (Рис. 15, 2–5). Четыре пряжки этого типа происходят из следующих погребений: 2.1 (рядом с удилами), 46.2 (в верхней части заполнения ямы), 59.3 (у черепа коня), 13.3 (в заполнении ямы). Они сделаны из железа, рамка близка квадратной, в сечении она прямоугольная (погребения 2.1, 13.3, 46.2) или округлая (погребение 59.3). На тыльной стороне язычка имеется кольцо, обернутое вокруг рамки. Язычки плоские, прямоугольные в сечении, слегка выступающие за рамку. Судя по позиции в могилах, данные пряжки могли служить как элементами одежды, так и частью конской сбруи. Простые прямоугольные пряжки настолько широко распространены в римское время и в средневековую эпоху, что перечисление параллелей не имеет смысла. Имеются такие пряжки и в древностях самбийско-нотангской культуры V–VII вв. (см. например: Скворцов, 2010а. С. 80, 81).

Профилированные пряжки (тип Митино III) (Рис. 15, 6–10). Они были найдены в погребениях: 3.1 (у ног коня), 29.1 (у черепа коня), 59.3 (у черепа коня), 46.2 и 51.3 (в заполнении верхней части этих двухъярусных погребений). Пряжки железные, сечение рамки и язычка имеет прямоугольную форму. Боковые стороны рамки «вдавлены» внутрь, конец язычка загнут в петлю и обернут вокруг основания рамки. Если учитывать их местоположения в погребениях, эти пряжки могли входить как в состав конского снаряжения (погребения 3.1, 29.1, 59.3), так и в убор погребенного (погребения 46.2 и 51.2).

На территории бывшей Восточной Пруссии профилированные пряжки хорошо известны на памятниках самбийско-нотангийской культуры, в частности в некрополях Митино и Зопфен-Суворово, а также в материалах эльблонгской и ольштынской групп (Скворцов, 2010а. С. 76–78). Такие пряжки известны в Восточной Европе уже в позднеримское время и с эпохи Великого переселения народов получили довольно широкое распространение. Эти пряжки представлены у восточных балтов, в Литве и Латвии, в славянских древностях, в культурах лесной зоны Восточной Европы, у степных кочевников, в восточногерманских памятниках, у финно-угров и т. д. (Kazanski, 1999. P. 203; Скворцов, 2010а. С. 77, 78, там же библиография). Эти пряжки в западнобалтском контексте имеют широкую дату, от эпохи Великого переселения народов до орденского времени (подробнее: Скворцов, 2010а. С. 77–79).

КОНСКОЕ СНАРЯЖЕНИЕ

На изучаемом могильнике конское снаряжение представлено, прежде всего, удилами, а также накладками и пряжками, последние рассмотрены выше.

Накладки (Рис. 13, 10; 18, 1). Из погребения 46.2 происходят умбоновидные металлические накладки, найденные у головы коня¹³. Накладки имеют цилиндро-коническую калотту (конус со скругленной вершиной и цилиндр в основании), довольно широкие поля и радиальный декор в виде гравированных линий. Они очень напоминают умбоны позднеримского времени типа Коженъ (Kogzeń)-Цилинг (Zieling) Р или типы Цилинг К-1 и К-2 с конической калоттой, имеющий цилиндрическую форму у основания, иногда с каннелюром и более или менее широким полем вокруг калотты. Они хорошо известны по материалам пшеворской и черняховской культур (Zieling, 1989. S. 121–124, 137; Kazanski, 1994. P. 438–441). Похожие накладки были найдены на могильнике Бартенштайн (Bartenstein) в раннесредневековых конских погребениях 1 и 3 (La Baume, 1944. S. 15. Abb. 20; 21).

Небольшие модели умбонов щитов из бронзы известны в Восточной Пруссии. Это накладка неясного происхождения, находящаяся в фондах Калининградского Областного Историко-Художественного Музея, а также круглая брошь в виде умбона из частной коллекции, найденная в пруду в поселке Вавилово Багратионовского района Калининградской области (Кулаков, 2016б. Рис. 10). Первая напоминает умбоны раннеримского времени, форма второй, по имеющейся публикации, не ясна. Миниатюризированные копии предметов вооружения, в том числе щитов, хорошо известны в вельбаркской и пшеворской культурах (Kokowski, 1993. P. 336, 337. Fig. 4; Andrzejowski 2000; Kontny, 2008а). Однако, эти вельбаркские и пшеворские находки по времени довольно далеко отстоят от рассматриваемых здесь древностей, а кроме того, насколько нам известно, там имеются миниатюрные воспроизведения целых щитов, а не умбонов.

Наиболее близкой по времени и по функции параллелью являются сбруйные накладки (Рис. 18, 2) из известного «княжеского» погребения Унтерзибенбрунн (Untersiebenbrunn) в Нижней Австрии (Kubitschek, 1911. Taf. IV, 8; Or des princes barbares 2000. N° 9, 21). Погребение датируется периодом D2, т. е. 380/400–440/450 гг., хронологии европейского Барбарикума. Интересно, что при этом подвески явно имитируют щиты с умбонами типа Добродзен (Dobrodzień) с каннелированной калоттой (о них см.: Kazanski, 1994. P. 447, 448), типичные для предшествующего времени, периода D1, что соответствует 360/370–400/410 гг.

Привлекает внимание также находка в погребении Майльбю (Mejlby) в Дании (Lund Hansen, 1971. DK 43, 17, 20), где вместе с североευропейской крестообразной фибулой (Reichstein, 1975. N° 505), более всего близкой формам периодов C3/D1–D2, т. е. первой половины IV – первой половины V в. (ср.: Reichstein, 1975. Taf. 13, 2; 68, 1, 2; 80, 1, 3, 4, 6, 7; 82, 2, 10; 118,

¹³ Химический состав и техника изготовления этих накладок изучены И. А. Сапрыкиной, подробнее см.: Приложение 3.

2), найдены два миниатюрных умбона. К этому же времени относится миниатюрная подвеска в виде щита на знаменитой цепи из клада Шимлеул-Сильванеи-Силадьшомлио I (Şimleul-Silvaniei/Szilágysomlyó) в Трансильвании, относящегося к началу эпохи Великого переселения народов (Capelle, 1994. S. 42–44. Fig. 33. Taf. 25, 27). Очень близкая аналогия трансильванской подвеске указана Б. Контным в материалах Восточной Пруссии, в погребении XXV могильника Альт-Мунтовен/Мунтово (Alt-Muntowen/Muntowo) (Konny, 2008a. Fig. 5, a; ср.: Gaerte, 1929. S. 259). Добавим в этот список и подвески в виде щитов с умбоном из датской находки Хустенторп (Høstentorp), сопровождавшейся монетами от 337–361 гг. по 395–423 гг. и предметами первого звериного стиля, несколько более позднего времени (Voss, 1954. Fig. 8; 9). Наконец, миниатюрное золотое изображение круглого щита с умбоном найдено в погребении эпохи переселения народов вместе с кубком типа Снартемо-Кемпстон-Экеторп-8 (Sartemo-Kempston-Eketorp)¹⁴ в Хуг (Houge) в Норвегии (Rygh, 1885. P. 54. N° 310). Стоит также вспомнить умбовидные сбруйные накладки византийского происхождения с декором в виде перегородчатой инкрустации, хорошо представленные в «княжеских» находках постгуннского времени, например погребение 2 Апахиды (Arahida) и погребение 2 Морской Чулек (Harhoiu, 1998. Taf. LXIV, 1–10; Or des princes barbares, 2000. N° 29, 15–26; Засецкая и др., 2007. Табл. IV–VI), датированные периодом D3, т. е. 450–480 гг. Их параллели имеются и в ранневизантийской иконографии, например на так называемом диптихе Барберини (Grabar, 1966. Fig. 319; 322). Надо отметить, что аппликации в виде миниатюрных умбонов с фасетированной калоттой имеются и в меровингском контексте. Два миниатюрных изображения умбонов с фасетчатой калоттой и звездообразным полем были найдены в погребении 794 могильника Бюль (Bulles) в Северной Франции. Они явно входили в состав убора погребенного (Legoux, 2011. Vol. 2. P. 182; 298, 794.2). Впрочем, похожие умбовидные сбруйные накладки имеются и гораздо ближе, на могильнике самбийско-натангийской культуры Шоссейное (Skvortsov, 2015. Fig. 6, c). Стоит упомянуть и находку бронзовой умбовидной накладки с гравированным концентрическим декором в ранневизантийском городе Сарды в Малой Азии (Waldbaum, 1983. Pl. 50. N° 876). Не исключено, что она тоже принадлежит конскому убору (Рис. 18, 3).

Если принять во внимание хронологию памятников горизонта Унтерзибенбрунн (куда входит и находка Шимлеул-Сильванеи-Силадьшомлио I), скандинавских находок, а также находок горизонта Апахиды-Блужина-Турнэ (Arahida-Blučina-Tournai), и, наконец, памятников шиповского горизонта в Восточной Европе, то накладки следует отнести к периодам D2–E1 западнобалтской хронологии (т. е. 375/400–520 гг.). Сходство с умбонами типа Коженъ не противоречит такой дате, поскольку эти умбоны бытуют в позднеримское время, но известны и в контексте эпохи Великого переселения народов, в частности в Абхазии (Цебельда, погр. 61; Шапка-Апианча, погр. 25/38; Лар, погр. 12) и в древностях самбийско-натангийской культуры, например погребение 43 Гребитен (Grebieten). При этом умбоны из Гребитена, Цебельды и Шапки имеют относительно узкое поле вокруг калотты, тогда как находка из Лара по пропорциям ближе к имитациям-накладкам из Заостровья-1 (Kazanski, 1994. P. 439). Возможно, обломки обоймиц, происходящие из того же погребения 46.2, также являются элементами гарнитуры конской сбруи.

Удила. Все известные в данном некрополе удила принадлежат одной группе – удила с кольчатыми псалями. В меровингской археологии их определяют как *Ringtensen*. Они существуют в течение всего меровингского времени и типологически не подразделяются (Oexle, 1992. S. 17–34), при этом доминируют двухчастные удила.

Двучастные удила (тип Митино I) (Рис. 19; 24, 2, 3). Этот тип представлен в четырех погребениях: 1.3, 17.1, 27.1, 48.1, 51.3, а также вне комплексов. Они все изготовлены из железа,

¹⁴ О них см. также: Казанский, Мастыкова, 2013. С. 99–101.

путемковки. По сечению колец и грызл, округлому или прямоугольному, могут быть разделены на три основных варианта:

- 1 – с псалиями и грызлами, округлыми в сечении (тип Митино I. 1) – находка 2010 г. вне комплекса (Рис. 19, 1);
- 2 – с псалиями, прямоугольными в сечении, и грызлами, округлыми в сечении (тип Митино I. 2) – погребения 1.3, 48.1, 51.3 (Рис. 19, 2, 3, 5);
- 3 – с псалиями и грызлами, прямоугольными в сечении (тип Митино I. 3, 4) – погребение 27.1 (Рис. 19, 4).

Стоит отметить, что большая часть находок происходит с территории участка 1, в средней части могильника.

Подобные удила широко распространены в Европе уже в римское время и существуют в течение всего раннего средневековья, поэтому приведение аналогий смысла не имеет. Они хорошо известны и в древностях самбийско-натангической культуры V–VII вв., в частности на могильниках Митино и Доллькайм-Коврово, Зопфен-Суворово, а также на памятниках соседних западнобалтских групп, таких как эльблонгская и ольштынская (*Скворцов*, 2010а. С. 146–150). Кольчатые двучастные удила римского времени имеют, как правило, большие кольца и сравнительно короткие грызла. С эпохи переселения народов кольца становятся меньше, а грызла длиннее, хотя и в это время существуют удила с большими кольцами и сравнительно короткими грызлами (например: *Skvorzov*, 2007. Taf. 59, 4a; *Griciuvienė*, 2009. P. 55. N° 190).

В типологии М. Орзнеса, созданной для Северной Европы, двучастные удила с кольчатыми псалиями относятся к типам OE и OD и особенно характерны для III–VII вв. (*Ørsnes*, 1993. S. 190, 191). Впрочем, в Северной Европе они известны и позднее (*Скворцов*, 2010а. С. 150). Столь же широкие датировки – все меровингское время – предложены и для западноевропейских двучастных удил (*Oexle*, 1992. S. 19–34), при этом подчеркивается их широкое распространение уже в гуннское время (*Oexle*, 1992. S. 20).

Особое место занимают двучастные удила из погребений 17.1 и 47.1 (Рис. 24, 2, 3). Они характеризуются витыми грызлами и кольцевидными псалиями округлого сечения. Двучастные удила с витыми грызлами также известны в погребении 297 могильника Зопфен-Суворово, где они были найдены вместе с перекладчатой фибулой периода E2b, т. е. 570–610/625 гг. (*Кулаков*, 1990. Табл. XVI, 7). Такие удила известны в материалах пеньковской культуры, принадлежавшей славяноязычным антам, например на поселении Селиште (Selište) в Молдавии (*Казанский*, 2015. Рис. 13, 10), а также в позднеримских-ранневизантийских древностях Балкан, например в римской крепости *Ad Pirum* современная Хрушица (Hrušica) в Словении (*Ulbert*, 1981. Taf. 22, 190) или Царичен-Граде (*Bavant*, 2012. Fig. 3, 1997/100). В западнобалтских древностях такие удила встречаются и позднее, вплоть до эпохи викингов (см. например: *Кулаков*, 1990. Табл. XVII, 1, 6; XX, 5, 9 и т. д.).

Трехчастные удила (тип Митино III) (Рис. 20–23; 24, 1). Эти удила, помимо двух штанг-грызл, имеют еще и центральное звено – трензель в виде S. Они встречены в следующих погребениях: 2.1, 3.1, 14.1, 21.1, 28.1, 29.1, 32.1, 38.1, 43.1, 33.2, 40.2, 46.2, 5.3, 13.3, 15.3, 18.3, 19.3, 37.3, 49.3, 52.3, 55.3, 58.3, 59.3, 61.3, 66.3, 72.3. Удила изготовлены из железа, путемковки. По сечению колец и грызл, округлому или прямоугольному, могут быть разделены на варианты:

- 1 – с округлыми в сечении псалиями, грызлами и центральным звеном (как у типа Митино III. 1, 2) – погребения 14.1, 29.1 (Рис. 20, 1, 8).

- 2 – с округлыми в сечении псалями, прямоугольными в сечении грызлами и округлым в сечении центральным звеном (тип Митино III. 2, 3, 5) – погребения 21.1, 28.1, 5.3, 15.3, 18.3, 19.3, 52.3 (Рис. 20, 2–7; 21, 1).
- 3 – с округлыми в сечении псалями, прямоугольными в сечении грызлами и центральным звеном (близко типу Митино III. 2, 3) – погребения 38.1, 13.3, 37.3, 72.3 (Рис. 21, 2–5).
- 4 – с прямоугольными в сечении псалями, округлыми грызлами и прямоугольным или округлым в сечении центральным звеном – погребение 2.1 (Рис. 22, 1).
- 5 – с прямоугольными в сечении псалями, грызлами и прямоугольным или округлым центральным звеном (близко типу Митино III. 2, 3) – погребения 3.1, 32.1, 33.2, 58.3, возможно погребение 49.3 (псалии не сохранились) (Рис. 22, 2, 4–7).
- 6 – с разными псалями, одно округлое, другое прямоугольное в сечении, прямоугольными в сечении грызлами и округлым в сечении центральным звеном – погребение 40.2 (Рис. 22, 3).
- 7 – с раскованными профилированными держателями колец (соответствует типу Митино III. 5) – погребения 43.1, 55.3, 59.3, 61.3, 66.3. Псалии и центральное звено округлые в сечении, грызла прямоугольные в сечении, за исключением погребения 55.3 с грызлам, округлыми в сечении (Рис. 23).

В целом трехчастные удила соответствуют североевропейской форме 1C2a по типологии Орзнеса и существуют с позднеримского времени до эпохи викингов (*Ørnesnes*, 1993. S. 190, 191). Для Восточной Европы они идентифицированы С. Ю. Каргопольцевым как балтские (*Каргопольцев*, 1994. С. 76). Что касается собственно балтских древностей, то трехчастные удила хорошо известны у западных балтов V–VII вв. Они, представлены, например на могильниках самбийско-натангийской культуры, таких как Митино, Зопфен-Суворово, Айсли-тен (Eissliethen)-Геройское-5 (*Скворцов*, 2010а. С. 155–159). Известны они и на могильниках Тенген (Tengen) (*Berendt*, 1873. Taf. I, 3b) и Хох-Шнакайнен (Hoch-Schnakeinen) (*Erlich*, 1939. Abb. 8a)¹⁵. Интересно, что при этом они отсутствуют на могильнике Доллькайм-Коврово, раскопанном большой площадью и содержащем немало погребений интересующей нас эпохи (*Кулаков*, 2004; *Кулаков*, 2007). Следует отметить, что погребение 40.2 могильника Заостровье-1, откуда происходят удила типа Митино III, относится уже к эпохе викингов (период G – радиоуглеродная калиброванная¹⁶ дата 862–988 гг.; см. подробнее Приложение 4).

Трехчастные удила также имеются в могильниках эльблонгской группы (*Кулаков*, 1990. Табл. 3, 21; *Kontny, Okulicz-Kozaryn, Pietrzak*, 2011. Pl. LI, 1; LXV, 2; LXVI, 2; LVIII, 4; LXXIII, 2; LXXIX, 1; LXXXI, 15; LXXXVII, 4; XCIV, 3; C, 1; CI, 1; CV, 13, 14; *Скворцов*, 2010а. С. 155–159). В восточнобалтском контексте V–VII вв. они известны в Литве (многочисленные находки, см.: *Kulikauskas, Kulikauskene, Tautavičius*, 1961. 204, 1 pav.; *Tautavičius*, 1981. 40, 5 pav.; *Vaškevičiūtė*, 1987. 3, 3 pav.; *Kazakevičius*, 1993. 80; 131, 8 pav.; *Bertašius*, 2005. Taf. CLXVI, 2; *Michelbertas*, 2005. 7i, 2 pav.; *Griciuvienė*, 2009. P. 58. N° 204. P. 78–80. № 299. P. 82–84. № 321; *Bliujienė*, 2013. 8.2, 4 pav., 175 pav.), в Латвии (*Stubavs*, 1976. Tab. XI, 4; *Graudonis*, 1974. 31, 2; 37, 1 att.), в латвийско-белорусском пограничье (Прудники: *Шадыра*, 2001. Рис. 8, 1; *Шадыра*, 2006. Табл. 15, 37).

Для эпохи Великого переселения народов и начала средневековья трехчастные удила также представлены в Дании и материковой Швеции, а также на Готланде (*Tillväxten*, 1907.

¹⁵ На том же могильнике Тенген, в погребении 14, найдены и пятичастные удила (*Berendt*, 1873. Taf. I, 14a). В кладе Русиши (Rūšiši) в Латвии, позднего V – раннего VI в. (судя по арбалетной фибуле с рифленным корпусом), также встречены пятичастные удила (*Urtans*, 1977. P. 148. 52, 17 att. N° 22; *Oras*, 2015. P. 336).

¹⁶ Радиоуглеродное исследование древесного угля проведено в Лаборатории геохимии изотопов и геохронологии Геологического института РАН, см.: Приложение 4.

Fig. 97), при этом центральное звено представляет собой сравнительно небольшое кольцо или прямоугольную рамку (*Ørsnes*, 1988. Taf. 182, 1, 2; 183, 1, 2; *Ørsnes*, 1993. S. 245–247. Fig. 40, b; 41, a; *Ramqvist*, 1992. Pl. 46, c). У прибалтийских финнов они засвидетельствованы для этого времени в Финляндии (*Hackman*, 1905. Abb. 15, 2; *Kivikoski*, 1973. Taf. 42, 387; 70, 632), в Северной и Западной Эстонии (*Aspelin*, 1884. P. 330. № 1744; *Mandel*, 1995. Abb. 12, 11; *Mandel*, 2003. Tah. II; III).

Еще восточнее, в лесной зоне России трехчастные удила известны на памятниках Верхнего Днепра¹⁷ (Демидовка, Близнаки: *Шмидт*, 1995. Рис. 1, 22; *Казанский*, 2008. Рис. 1, 8; 2, 4; *Казанский*, 2015. Рис. 18, 25, 27), памятниках культуры длинных курганов (*Михайлова*, 2014. С. 154. Рис. 39, 4), а также на других памятниках Северо-Запада (Доложский погост, Юрьевская Горка и др.: *Казанский*, 1999. С. 410; *Казанский*, 2008. С. 310. Рис. 5, 3; 7, 17; 8, 1). Изредка они встречаются у германцев меровингского времени, например на аламманском могильнике Клепсау (Klepsau) (*Koch*, 1999. Abb. 11) или тюрингском могильнике Эзельвег (Eselweg), правда со стержневыми псалями (*Arrhenius*, 1983. Fig. 17).

Итак, дата удил данного типа довольно широка и охватывает как позднеримское время, так и раннее средневековье, вплоть до эпохи викингов включительно, при этом они хорошо представлены, как уже говорилось, в древностях эпохи Великого переселения народов – начала средневековья.

В погребении 46.2 представлен вариант трехчастных удил с витыми грызлами, кольцевыми псалями, округлыми в сечении и центральным звеном, прямоугольным в сечении (Рис. 24, 1). Подобные трехчастные удила с витыми грызлами известны также в погребении 410–412 натангийского могильника Зопфен-Суворово (*Bitner-Wróblewska*, 2008. Табл. CCXLI). Видимо появляются эти удила довольно рано. На могильнике Илишкен (Plischken) они присутствуют в погребении с материалом периода В2, т. е. 70/80–160/180 гг. (*Nowakowski*, 1996. Taf. 92, 3).

БЫТОВЫЕ ПРЕДМЕТЫ И ОРУДИЯ ТРУДА

Эта категория представлена небольшим количеством находок. Особое внимание привлекают питьевые рога, находка относительно редкая для самбийско-натангийской культуры эпохи Великого переселения народов. Другие предметы – ножи, пряслица, точильные камни – относятся к массовым категориям находок.

Питьевые рога (Рис. 13, 7; 16). Элементы металлической оковки питьевого рога найдены в погребении 18.3. Сохранилась верхняя часть в виде пластины, гладкой у устья рога, но имеющей горизонтальный декор в виде рубчатых линий под ободком и в месте облома. Вдоль края рога идет накладной металлический ободок, круглый в сечении. Необходимо отметить и находку фрагмента металлической накладки с очень похожим тисненым декором, а также девять невыразительных обломков металлических пластин, в погребении 3.3. Скорее всего, они могут принадлежать гарнитуре питьевого рога. При этом анализ химического состава металла показал, что фрагменты питьевых рогов из погребений 3.3 и 18.3 распадаются на две группы, но, странным образом в каждом из этих погребений обе группы представлены (см. подробнее: Приложение 3). Не исключено, что при этикетировании находок возникла путаница.

Питьевые рога с металлическими оковками распространяются в циркумбалтийском регионе уже в позднелатенскую и римскую эпохи и продолжают существовать в эпоху Великого

¹⁷ Традиционно это памятники относят к тушемлинской культуре. Однако последнее время исследователи показали родство керамики этих памятников с посудой поздней киевской и колочинской культур (*Лопатин*, 1989; *Лопатин*, 2005; *Лопатин*, *Фурасьев*, 2007. С. 92–103).

переселения народов (*Andrzejowski*, 1991). В интересующее нас время, т. е. в периоды D и E (350/360–650/675 гг.), они, по данным Я. Анджеевского, известны в Самбии, Мазурии, на территории Литвы и Латвии, на о. Готланд, в Южной Норвегии, Средней Швеции и в финской Остроботнии (*Andrzejowski*, 1991. Мара 33). При этом наиболее поздние находки известны в Средней Швеции, на Самбийском полуострове и в бассейне нижнего течения Западной Двины (Рис. 17).

Питьевые рога с металлическими оковками у балтов представлены рядом находок. К ранней фазе эпохи Великого переселения народов относятся находки оковки питьевого рога в погребении 57 кургана 1 могильника Нетта (*Netta*) сувалкской («судавской») группы памятников (*Kaczyński*, 1966. Pl. II, 1; *Bitner-Wróblewska*, 2007. Pl. XXX, 16). Питьевой рог с оковкой края, напоминающей находку из Заостровья-1, был найден в погребении 42 АВ, эпохи переселения народов, на том же могильнике Нетта (*Kaczyński*, 1976. Рyc. 6; *Bitner-Wróblewska*, 2007. Pl. XXI, 14, 15). Для поздней фазы эпохи переселения народов на балтских территориях показательны находки в «вождеских» и «воинских» погребениях в Варникам-Первомайское, Таурапилисе (*Taurapilis*), Видгиряе (*Vidgiriai*), Плинкайгалисе (*Plinkaigalis*), Новинке (*Nowinka*) (*Tischler, Kemke*, 1902. Taf. XIII, 4; *Tautavičius*, 1981, 31. pav.; *Šimėnas*, 2006. 24 pav.; *Kazakevičius*, 1993. S. 131–134. 124, 7; 125, 8; 201, 1; 203; 205; 208–213 pav.; *Kontry, Okulicz-Kozaryn, Pietrzak*, 2011. Pl. VIII; IX; LII, 4; LIX, 14; *Bliujienė*, 2013. 384.5 pav.). Отметим и совсем недавнюю находку питьевого рога на могильнике Гаутен (*Gauten*)-Путилово-1 (*Скворцов*, 2016. Рис. 6).

Несомненно находки этих питьевых рогов связаны с привилегированными погребениями (*Vaitkunskienė*, 1995. P. 104). Зато рог V–VI вв. из погребения 39 западнолитовского могильника Рубокен-Рубокай (*Ruboken/Rubokai*) был найден вместе с предметами женского убора, такими как бусы, браслеты, спиралевидные пронизки (*Bezzenberger*, 1904. S. 165–169. Abb. 141; *Kazakevičius*, 1987. Fig. 13; *Andrzejowski*, 1991. № 363). Это делает не столь уж невероятной женскую атрибуцию по антропологическим данным погребения 18.3 на могильнике Заостровья-1 (см. подробнее: Приложение 1). К сожалению, неизвестен характер погребения, в котором была найдена орнаментированная гарнитура рога поздней фазы эпохи переселения народов, могильника Пашушвис (*Pašušvis*) (*Kazakevičius*, 1987. Fig. 12; *Andrzejowski*, 1991. № 234).

Оковки краев рогов имеют различную форму, причем точные аналогии рогу из Заостровья-1 подыскать трудно. Однако на некоторых питьевых рогах отмечен накладной ободок, а более всего близки заостровской находке некоторые гладкие оковки рогов типа Анджеевский К2, доживающие в Литве и Мазурии до периода C–D, т. е. до позднеримского времени и эпохи Великого переселения народов (*Andrzejowski*, 1991. S. 45, 46. Рyc. 10, d, f). К ним видимо относятся оковка рога позднеримского времени из погребения 40 на могильнике Лаут-Большое Исаково (*Skvorzov*, 2007. Taf. 47, 18, 19), оковка, также позднеримского времени, из погребения 129 могильника Нетта (*Bitner-Wróblewska*, 2003. Fig. 8, 6; *Bitner-Wróblewska*, 2007. Pl. LXVIII, 6), оковка из погребения 2 эпохи переселения народов могильника Плинкайгалис (*Kazakevičius*, 1993. 125, 8 pav.). Оковка верхней части рога из вождеского погребения в Таурапилисе также конструктивно напоминает нашу находку, но она имеет растительный декор (*Tautavičius*, 1981. 31 pav.).

В целом для эпохи Великого переселения народов, в отличие от позднелатенского и римского времени, хронология питьевых рогов с металлическими элементами остается не разработанной. Основная тому причина – сравнительно небольшое количество находок и их выраженный индивидуальный характер.

Ножи (Рис. 13, 3, 11) были найдены в погребениях 17.1 и 64.3. По имеющемуся фрагменту сложно установить форму ножа из погребения 64.3. Впрочем, атрибуция данного предмета

сугубо предположительна. Не исключено, что он имеет более позднее происхождение (Рис. 13, II).

Хорошо сохранился нож из погребения 17.1. Он ассиметричный, расширяющийся к середине клинка, с выступающим дуговидным лезвием и горбатой спинкой. Черенок является продолжением пластины клинка и располагается на его продольной оси (Рис. 13, 3).

Как показали антропологические исследования на могильнике Митино (Добровольская, 2010), ножи там встречены как в мужских, так и в женских захоронениях, но в тенденции они более характерны для мужского погребального инвентаря. На могильнике Заостровье-1 нож также происходит из предположительно мужского погребения 17.1 (по антропологическим данным, см.: Приложение 1).

Ножи с горбатой спинкой и выступающим дуговидным лезвием, хорошо известны в материалах самбийско-натангийской культуры уже с римского времени (например: *Ehrlich*, 1939. Abb. 3; *Nowakowski*, 1996. Taf. 35, 14; 83, 5; *Kulakov*, 2005. Fig. 56, 6; 70, 7, 8). Так, на могильнике Доллякайм-Коврово такие ножи, иногда очень крупных размеров, представлены в ряде погребений позднеимперского времени и эпохи переселения народов: 255, 256, 257, 260, 288, 308, 319, 327, 364 (Кулаков, 2007. Рис. 13, 4; 16, 6; 18, 1; 24, 3; 72; 116, 8; 123, 2; 140, II; 221, I). Как уже указывалось, некоторые из них могут быть боевыми. Известны они и на могильнике римского времени Лаут-Большое Исаково в погребениях 14, 19, 22, 23, 25, 27, 44 (Skvorzov, 2007. Taf. 17, 6; 23, 8; 26, 7; 28, 6; 30, 3; 36, 6; 52, 41), на некоторых из них имеется таушированный декор (дамаскировка) у обуха. На могильнике Митино ножи такой формы встречены в погребениях: 12, 29, 60, 65, 68, 167, 209, 288, 349, 361 (Скворцов, 2010б. Табл. XV, 2; XL, 3; XCIV, 3; CII, 2; CX, 2; CCLXXIV, 3; CCCXXXII, 1; CDL, 1; DXCVII, 4; DCXX, 1), хотя на этом памятнике лучше представлены ножи с относительно прямой спинкой и дугообразным лезвием. Стоит упомянуть и находку позднеимперского времени из могильника Хох-Шнакайнен (*Ehrlich*, 1939. Abb. 3).

Ножи с горбатой спинкой и дуговидным лезвием хорошо представлены в балтских древностях других регионов. Они известны уже в римское время в материалах богачевской культуры (например: *Hollack, Peiser*, 1904. Taf. II, 37; IV, f; VIII, 60d; IX, 53 и т. д.; *Juga-Szymańska*, 2007b. Tabl. II.36, 3; *Juga-Szymańska*, 2007a. Tabl. IV; *Karczewska, Karczewski*, 2007. Рис. 3, a; *Kontny*, 2008b. Fig. 6, a; 9, b; 10, a), а также сувалкской («судавской») группы (например: *Jaskanis*, 1958. Pl. XV, 6; *Antoniewicz et alii*, 1963. Рис. 6, a; *Bitner-Wróblewska*, 2007. Pl. XI, 19,4, 23В,9; XII, 24,7 и т. д.).

Для эпохи Великого переселения народов и раннего средневековья такие ножи есть в Литве (см. например: *Гупевич*, 1951. Рис. 11; *Kazakevičius*, 1993. 108, 1; 121, 8; 125, 5; 128, 5, 6, 8; 129, 1 pav. и т. д.; *Bertašius*, 2005. Taf. LXXXII, 7; XCIX, 4; CXXIV, 5; CXXXI, 7; CXXXIV, 6; CXLI, 9; CXLII, 84; *Astrauskas, Gliezniénė, Šimėnas*, 1999. 1; 3 pav.; *Binter-Wróblewska*, 2001. Pl. XL, 7; *Kurila, Kliaugaitė*, 2007. 31, 4 pav. и др.), в Латвии, например, на городище Кентес (Kentes) (*Stubavs*, 1976. Tab. IX, 15, 16), в белорусском Подвинье (Прудники: *Шадыра*, 2001. Рис. 5, 14, 16, 22; *Шадыра*, 2006. Табл. 13, II, 7, 14, 16). Интересно, что, насколько можно судить по опубликованному материалу, на памятниках соседней ольштынской группы доминирует другой тип ножа – с прямой спинкой и выступающим дуговидным лезвием, ножи интересующего нас типа там редки (*Jakobson*, 2009. Taf. 151, b; 169, c). Для эльблонгской группы, в первую очередь для некрополя Новинка, такая форма ножей также не характерна.

Эта форма ножей в позднеантичное и раннесредневековое время также широко распространена и за пределами балтских территорий. В восточной половине циркумбалтийского региона эти ножи встречаются в коллективных каменных могильниках Северной Латвии – Каугарс II (Kaugars II), Славека (Slavėka) – где точная датировка затруднена (*Moora*,

1929. Taf. XXXI, 5–7), в каменных могильниках римского времени в Эстонии (*Шмидехельм*, 1955. Рис. 12, 10; 17, 4; 28, 6, 7; *Laul*, 2001. Joop. 64, 4), в Финляндии (*Aspelin*, 1880. P. 256, 258. № 1280, 1264; *Kivikoski*, 1973. Taf. 20, 177). Восточнее, ножи с горбатой спинкой и выступающим лезвием представлены в лесной зоне России и Белоруссии, на памятниках типа Заозерье-Узмень (*Лопатин*, *Фурасьев*, 2007. Рис. 106, 2; 107, 9, 10), культуры длинных курганов (*Михайлова*, 2014. Рис. 30, 2) и культуры Тушемля-Банцеровщина (*Митрофанов*, 1978. Рис. 35, 3; *Звяруга*, 2005. Мал. 61, 19; 63, 9; 65, 9, 10; 67, 7), в бассейне Верхней Волги (*Максимов*, *Розанова*, 1998. Рис. 1, 1; *Исланова*, 2008. Рис. 49, 5). В Скандинавии также имеется подобная форма ножей (*Rygh*, 1885. P. 45. № 145, 146; *Nerman*, 1935. Taf. 19, 232; *Stjernquist*, 1955. Pl. XXVI, 7; *Albrechtsten*, 1968. Pl. 130, d; *Beskow-Sjöberg*, 1977. Fig. 56; 64). Подобные ножи известны в интересующий нас период в германских древностях Центральной Европы, например на памятниках добродзеньской группы (*Szydlowski*, 1974. Tabl. I, p; III, a, h; LXXXIV, b, c; LXXXIV, b, c; LXXXV, d, h и т.д.), на могильнике Жерники Вельки (*Gross Sürding/Żerniki Wielkie*) (*Zotz*, 1935. Abb. 10, 7; 13, 11), а также у варваров дунайского региона и на территории Восточной Римской империи (*Ivanišević*, *Kazanski*, *Mastykova*, 2006. P. 39).

Итак, ножи такого типа имеют широкую датировку, охватывающую римское время и раннее средневековье.

Пряслица (Рис. 13, б). Керамическое пряслице было обнаружено в детском погребении 73.2. Оно биконическое, со скругленными гранями. Судя по антропологическим данным, полученным на могильнике Митино, керамические пряслица более характерны для женских захоронений (*Добровольская*, 2010; *Мастыкова*, *Добровольская*, *Юганов*, 2017. С. 44, 45). Вполне возможно, что и на могильнике Заостровье-1 пряслице происходит из погребения девочки. Такого рода предметы очень широко распространены в Европе в эпоху Великого переселения народов, поэтому приведение списка аналогий теряет смысл. В древностях самбийско-натангийской культуры биконические пряслица, в частности, хорошо известны на могильниках Митино, Доллькайм-Коврово, Зопфен-Суворово, Шлакалькен-5 и т.д. (*Скворцов*, 2010а. С. 105, 106; *Мастыкова*, *Добровольская*, *Юганов*, 2017. С. 47. Рис. 7, 5; 8, б). Биконические пряслица имеют очень широкую дату, охватывающую римское время и раннее средневековье.

Точильные камни (Рис. 13, 8). Каменный оселок вытянутой прямоугольной формы, плоский, с отверстием для подвешивания, был обнаружен в погребении 11.3. Поиск аналогов не имеет смысла, поскольку такого рода изделия широко распространялись и во времени и в пространстве.

Каменные песты (Рис. 13, 9). Каменный пест цилиндрической формы обнаружен в погребении 5.1. Не исключено, что он вторичного использования и принадлежит более раннему времени.

КЕРАМИКА

Обломки керамических сосудов встречены во многих погребениях: 4.1, 5.1, 12.1, 14.1, 17.1, 18.1, 19.1, 27.1, 33.1, 34.1, 35.1, 37.1, 39.1, 40.1, 44.1, 48.1, 20.2, 33.2, 34.2, 35.2, 41.2, 42.2, 43.2, 46.2, 2.3, 3.3, 5.3, 9.3, 13.3, 4.3, 19.3, 22.3, 29.3, 31.3, 32.3, 35.3, 38.3, 41.3, 45.3, 46.3, 50.3, 51.3, 54.3, 55.3, 59.3, 66.3, 67.3, а также на других объектах, связанных с могильником: 22.1, 23.3. В подавляющем большинстве случаев эти мелкие фрагменты невыразительны, что не позволяет составить полного представления об имеющихся формах. Тем не менее, их характер дает возможность составить общее представление о глиняной посуде населения, оставившего могильник Заостровье-1. Вся керамика лепная, доминируют коричневые, серо-коричневые и черно-коричневые тона, обжиг неравномерный, тесто грубое, плохо промешанное,

с добавлением дресвы, поверхность сосудов неровная, плохо заглажена, но имеются и отдельные фрагменты с залощенной поверхностью.

Дно сосудов плоское, иногда с небольшой закраиной, венчик прямой или слегка отогнутый наружу. Отдельные формы (форма 3) имеют край венчика загнутый внутрь. Иногда венчик украшен по краю вдавлениями, отмечены и случаи украшения сосудов вдавлениями под венчиком. Иногда тулово (особенно для формы 1) украшено геометрическим декором, выполненным с помощью зубчатого штампа. Такой декор В. И. Кулаков определяет как «лоскутный» (Кулаков, 1994. С. 42). В отдельных случаях (форма 7) внешняя и внутренняя поверхность сосуда покрыта штриховкой. В одном случае верхняя часть сосуда была украшена налепным ушком.

Выделяется несколько форм керамических сосудов.

Форма 1 (Рис. 25). Довольно высокие биконические сосуды вытянутой формы (высота сосуда превосходит наибольший диаметр), округлобокие или ребристые с высоким горлом и туловом, расширенным в нижней части – погребения 4.1, 12.1, 14.1, 37.1, 13.3, 14.3, 19.3, 46.3, вероятно 5.3. Сосуды этой формы часто несут штампованный зубчатый декор. Эта форма соответствует типу 1 по В. И. Кулакову (Кулаков, 1994. С. 40–42. Рис. 22, 1)¹⁸, а также керамическим типам Митино XIV, XVI, XVII, XIX, XXI, XXIV–XXVI, широко представленным на памятниках самбийско-натангийской культуры и датируемым меровингским временем, т. е. поздним V–VII в. (Скворцов, 2010а. С. 123–131; ср.: Nowakowski, 1996, Taf. 107).

Для датировки сосудов этой формы с зубчатым штампованным («лоскутным») декором показательными являются следующие находки на памятниках самбийско-натангийской культуры:

- Доллькайм-Коврово, погребение 91а (Кулаков, 2004. Рис. 45, До-91а, 1); Митино, погребение 27 (Скворцов, 2010б. Табл. XXXV, 2) – с арбалетными фибулами с прямой ножкой (тип Митино I, см.: Скворцов, 2010а. С. 39–41). Дата таких фибул охватывает V–VII вв.
- Зопфен-Суворово, погребение 237 (Кулаков, 1990. Табл. 13, 12); Митино, погребение 318 (Скворцов, 2010б. Табл. DXXI, 2) – с фибулами с площадкой на ножке (тип Митино Па), фазы E2b, т. е. 570–610/625 гг.
- Доллькайм-Коврово, погребение 116 (Кулаков, 2004. Рис. 49, До-116, 2) – с арбалетной фибулой типа Митино IV (о них см.: Скворцов, 2010а. С. 50–52), фазы E2b, т. е. 570–610/625 гг. и E3, что соответствует 610/625–650/675 г.
- Митино, погребение 29 (Скворцов, 2010б. Табл. XLI, 1) – с перекладчатой фибулой типа Митино V (о ней см.: Скворцов, 2010а. С. 55–57), фазы E2b, т. е. 570–610/625 гг. и E3: 610/625–650/675 г.

Для датировок этой керамики следует учесть и данные радиоуглеродного анализа¹⁹, полученные для изучаемого нами могильника Заостровье-1 (см.: Приложение 4):

- погребение 4.1: 657–675 гг.
- погребение 14.1: 661–712 гг.
- погребение 37.1: 437–594 гг.

Как видно, они в целом подтверждают даты, установленные по другим памятникам.

¹⁸ Эта же типология воспроизведена и в последующей работе 2003 г., см.: Кулаков, 2003а. С. 298–300. Рис. 129.

¹⁹ Радиоуглеродное исследование древесного угля проведено в Лаборатории геохимии изотопов и геохронологии Геологического института РАН, см.: Приложение 4.

На сосудах других форм «лоскутный» орнамент отмечен и для несколько более раннего времени, периода D1 западнобалтской хронологии, т. е. для 350/360–375/400 гг. (см. например: Кулаков, 2004. Рис. 61, До-163, 5).

На памятниках соседней эльблонгской групп сосуда **формы 1** с «лоскутным» орнаментом представлены, в частности, на могильнике Новинка в погребении 41 вместе с S-видными фибулами (*Kontny, Okulicz-Kozaryn, Pietrzak, 2011. Pl. XXVII, 1, 2, 5*). Подобные фибулы восходят к меровингской традиции, вернее к ее скандинавским переработкам, и датируются серединой и второй половиной VI в. (*Kontny, Okulicz-Kozaryn, Pietrzak, 2011. S. 66*). Данное погребение отнесено к хронологической группе 2 могильника Новинка (рубеж VI–VII вв.), равно как и погребения 11 и 26 этого же некрополя, содержавшие сосуды **формы 1** со штампованным декором. В то же время погребения 83 и 120 с подобными сосудами определены как принадлежавшие хронологической группе 3 (ранний VII в.) (*Kontny, Okulicz-Kozaryn, Pietrzak, 2011. Tabl. 4*).

Что касается древностей более южной, ольштынской группы, то здесь зубчатый орнамент хорошо представлен на керамике, но сосуды **формы 1** с таким декором нам в этом контексте неизвестны, по крайней мере из хорошо датированных комплексов.

Исходя из вышесказанного, сосуды **формы 1** из погребений 12.1, 4.1, 14.1, 37.1, 13.3, 14.3, 19.3, 46.3, вероятно 5.1 и 5.3 со штампованным декором могут быть хроноиндикатором фаз E2b и E3 (570–610/625 и 610/625–650/675 гг.), а также фазы F (после 675 г.) (погребение 14.1) на могильнике Заостровье-1.

Форма 2 (Рис. 26, 1–6). Слабопрофилированные сосуды с наибольшим расширением по венчику и легким перегибом в средней части тулова представлены в погребениях 12.1, 33.2, возможно 2.3. В целом эти сосуды соответствуют типу Митино III (*Скворцов, 2010а. С. 119. Рис. 78*). К ним примыкает сосуд близкой формы, но более приземистый из погребения 41.3, аналогичный типу Митино II (*Скворцов, 2010а. С. 119. Рис. 77*).

Форма 3 (Рис. 26, 7). Довольно приземистые округлобокие сосуды с наибольшим расширением в верхней части тулова и загнутым внутрь венчиком – погребение 41.2.

В археологии германских народов римского времени, в частности в вельбаркской культуре (см. например: *Кухаренко, 1980. С. 31, 32. Рис. 4; Wołagiewicz, 1993. S. 55; Cieśliński, 2010. Taf. 4, Grab 1, 1*), такие сосуды хорошо известны, они определяются термином «Kumpf». Они несколько напоминают сосуды типа Митино VIII (*Скворцов, 2010а. С. 120, 121. Рис. 83*), а по В. И. Кулакову соответствуют типу 2. Опираясь на выводы польских исследователей, В. И. Кулаков справедливо связывает данную форму с переживанием позднеимских керамических традиций (*Кулаков, 1994. С. 42. Рис. 22, 2*). Отметим, что нам неизвестны подобные сосуды в надежно датированных погребениях самбийско-натангийской культуры меровингского времени.

Форма 4 (Рис. 27, 1–4). Низкие округлобокие или ребристые сосуды с наибольшим расширением в средней части тулова – погребения 9.3, 13.3, 66.3. Погребение 4.1 по декору принадлежит форме 1, а по общей морфологии – форме 4. Насколько можно судить по сосуду из погребения 66.3, у них было довольно выраженное прямое горло. В некоторой степени сосуды формы 4 соответствуют керамике типов 2.1 и 2.3 по В. И. Кулакову (*Кулаков, 1994. С. 42. Рис. 22, 2.1, 2.3*).

Форма 5 (Рис. 27, 5, 6). Округлобокие сосуды вытянутой формы с расширением в верхней или средней части и довольно широким дном – погребения 14.3, 50.3. Подобные формы имеются и в Литве в начале средневековья (*Bliujienė, 2013. 1, 34 pav.*).

Форма 6 (Рис. 28, 1). Сосуды цилиндроконической формы, с цилиндрической верхней частью тулова, выраженным ребром и усеченно-конической нижней частью, известны только по отдельным фрагментам в погребении 41.2. Не исключено, что речь идет о сосудах близких типу Митино V (*Скворцов*, 2010а. С. 119. Рис. 80), но утверждать это, ввиду фрагментарности сохранившихся обломков, не представляется возможным. Близкие по форме сосуды имеются в контексте вельбаркской культуры Южной Прибалтики (*Cieśliński*, 2010. Taf. 16, Grab 55, 2). Возможно, данная форма является дериватом так называемых сосудов на ножке позднеаримского времени. В качестве переходной формы можно назвать сосуд из погребения 5.1 (Табл. 5, 1).

Форма 7 (Рис. 28, 2). Открытые (?) сосуды с выделенным днищем и округлыми стенками, известны только по фрагменту донной части, найденной вне закрытого комплекса на участке 2, в секторе 5, раскопок 2010 г.

ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ

ХРОНОЛОГИЯ И ПЛАНИГРАФИЯ МОГИЛЬНИКА

Обоснования датировок конкретных предметов погребального инвентаря приведены в третьей главе, посвященной их анализу. Здесь попытаемся, на основании хронологии этих вещей, а также по уже имеющимся данным радиоуглеродного анализа, установить даты погребений и попытаемся свести эти комплексы в хронологические фазы.

Судя по датировкам сопровождающего инвентаря, наиболее ранние захоронения на могильнике Заостровье-1 могут относиться еще к позднееримскому времени. Так арбалетная фибула из погребения 73.3 (группа погребений 1) может быть датирована периодами С2–С3 хронологии европейского Барбарикума, т. е. временем от 250/260 по 350/370 гг. Точно также, погребение 41.2 (группа погребений 4), содержащее фрагменты кумпфа, может принадлежать римскому времени.

Видимо, к эпохе Великого переселения народов и началу средневековья относится погребение 46.2 (группа погребений 4) с умбовидными накладками конской сбруи, оптимальной датой которых являются фазы D2–E1 западнобалтской хронологии, т. е. 375/400–520 гг.

Погребение 18.3 (группа погребений 1) с оковкой рога, точная датировка которых в рамках периодов D–E не установлена, имеет довольно широкую хронологию. То же самое можно сказать и по поводу основных находок конского снаряжения – удила и накладок, дата которых в целом не противоречит их отнесению к V–VII вв. Такая хронология подтверждена и находками из погребений 14.1 и 21.1, имеющими радиоуглеродную дату (соответственно: 661–712 гг. и 648–721 гг.). Впрочем, кольчатые удила встречены и в погребении 40.2, относящемуся уже к эпохе викингов (период G: 862–988 гг.; см.: Приложение 4²⁰).

Сосуды **формы 1** со штампованным декором из погребений 4.1, 12.1, 14.1, 37.1, 13.3, 14.3, 19.3, 46.3, вероятно 5.1 и 5.3 (группы погребений 1, 2, 3) позволяют отнести эти могилы к фазам E2b и E3, т. е. соответствует 570–610/625 гг. и 610/625–650/675 гг. Впрочем, судя по радиоуглеродной калиброванной дате, погребение 37.1 относится скорее к 437–594 гг., т. е. к фазам E1 и E2a. Данные радиоуглеродного анализа для погребения 14.1 дали несколько более позднюю дату: 661–712 гг. (см.: Приложение 4²¹), поэтому можно утверждать, что керамика со штампованным декором бытует и в фазе F (после 675 г.), по крайней мере в начальной ее стадии. Таким образом, дата сосудов со штампованным декором может быть несколько расширена.

На сегодняшний день нами получены данные радиоуглеродного анализа, проведенного в Лаборатории Института геохимии окружающей среды НАН Украины по древесному углю из двух ям:

22.1: с вероятностью в две сигмы 420–570 гг., с вероятностью в одну сигму 435–455 гг. (группа погребений 2, южная часть)

²⁰ Радиоуглеродное исследование древесного угля проведено в Лаборатории геохимии изотопов и геохронологии Геологического института РАН, см.: Приложение 4.

²¹ Радиоуглеродное исследование древесного угля проведено в Лаборатории геохимии изотопов и геохронологии Геологического института РАН, см.: Приложение 4.

23.3: с вероятностью в две сигмы 430–620 гг., с вероятностью в одну сигму 530–610 гг. (группа погребений 2, северная часть).

В Лаборатории геохимии изотопов и геохронологии Геологического института РАН (аналитик Н. Е. Зарецкая) с вероятностью в две сигмы по древесному углю установлена дата еще девяти объектов, расположенных на участках 1 и 2. Это следующие погребения:

- 4.1: 657–675 гг. (группа погребений 3),
- 14.1: 661–712 гг. (группа погребений 3),
- 18.1: 869–1017 гг. (группа погребений 4),
- 21.1: 648–721 гг. (группа погребений 2, южная часть),
- 27.1: 688–771 гг. (группа погребений 2, южная часть),
- 33.1: 674–780 гг., группа погребений 3, южная часть),
- 37.1: 437–594 гг., группа погребений 2, южная часть),
- 34.2: 806–899 гг., группа погребений 4),
- 40.2: 862–988 гг., группа погребений 4).

Этих данных все же недостаточно, чтобы наметить территориальную эволюцию могильника. Можно однако отметить, что наиболее ранние захоронения фиксируются в окраинных группах 1 (погребение 73.3) и 4 (погребения 41.2 и 46.2) (Рис. 29). Впрочем яма 22.1 с довольно ранней радиоуглеродной датой находится в группе 2, занимающей центральную часть раскопанного участка (Рис. 29). Более поздняя «лоскутная керамика» найдена в северной половине некрополя (Рис. 30). Погребения 4.1, 14.1, 21.1, 27.1, 33.1, радиоуглеродная дата которых соответствует концу фазы Е3 и фазе F западнобалтской хронологии (т. е. первой половине VII – середине VIII в.) сосредоточены в южной части группы 2 и в группе 3, т. е. в центральной части раскопанного сектора некрополя. Также необходимо отметить, что все три погребения, по радиоуглеродной дате принадлежащие эпохе викингов (период G), находятся в южной группе 4 (Рис. 30).

Таким образом, общие хронологические рамки могильника могут быть определены в рамках V–IX/X вв., что соответствует фазам D–G западнобалтской археологической периодизации.

Как было сказано, могилы располагались четырьмя компактными группами (Рис. 9). Первая группа погребений была ориентирована в направлении ЮВ–СЗ и занимала северо-западную часть раскопа (участок 3, не менее 19 погребений). Вторая группа, вытянутая в направлении ЮЗ–СВ, наиболее многочисленная, размещалась в центральной и северо-восточной частях раскопа (участки 1 и 2, не менее 38 погребений). Третья, немногочисленная группа выявлена в западной части исследованной площади (участок 1, не менее 9 погребений). Наконец, четвертая группа находилась в южной части раскопа (участок 2 и прилегающие квадраты участка 1, не менее 16 погребений). Видимо такая планиграфия связана с существованием особых участков или групп могил (семейных? клановых?). В группе 1 находилось погребение 18.3, выделяющееся своим инвентарем (уровня 2а, см.: Глава пятая), а именно наличием пиршественного рога. Погребение 46.2 с бронзовыми элементами узды (уровень 2b, см.: Глава пятая), находится в южной части раскопанного участка, в группе 4.

Можно отметить еще некоторые закономерности в планиграфии могильника. Так, захоронения коней сосредоточены в западной и центральной части раскопанной площади, в группах погребений 2–4 и полностью отсутствуют в группе погребений 1. Зато погребения, сопровождавшиеся конями, распределены по всему изученному участку (Рис. 11).

ГЛАВА ПЯТАЯ

ГЕНДЕРНЫЕ ПРИЗНАКИ И СТРАТИФИКАЦИЯ ПОГРЕБЕНИЙ САМБИЙСКОГО ПОЛУОСТРОВА ЭПОХИ ВЕЛИКОГО ПЕРЕСЕЛЕНИЯ НАРОДОВ И МЕРОВИНГСКОГО ВРЕМЕНИ²²

ГЕНДЕРНЫЕ ИНДИКАТОРЫ

На могильнике Заостровье-1, благодаря антропологическому исследованию М. В. Добровольской (см.: Приложение 1), выявлено 11 женских захоронений, 7 мужских захоронений и 13 детских и подростковых захоронений. Они более или менее равномерно располагаются по всей площади могильника, за исключением второй, самой большой группы погребений, для которой антропологические данные недостаточны. Детские погребения были выявлены только в северной половине исследованной площади, что также возможно связано с недостаточностью выборки (Рис. 10). Обычно половозрастное определение погребенных в могильниках западных балтов на территории Калининградской области базировалось на археологических критериях, т. е. на составе погребального инвентаря. Также считается, что широко распространенные в самбийско-натангийской культуре захоронения коней являются маркерами мужских могил. Но антропологическое изучение костных останков до недавнего времени здесь не проводилось. Исследования материала могильников Митино, Заостровье-1 и Шлакалькен-5 (Добровольская, 2010; Мастыкова, Добровольская, 2013; Mastykova, Dobrovolskaia, 2013; Мастыкова, Добровольская, Юганов, 2017) позволили определить некоторые закономерности распределения погребального инвентаря, в зависимости от поло-возрастной принадлежности погребенных на могильниках самбийско-натангийской культуры (Рис. 31).

При сопоставлении археологических и антропологических данных оказалось, что по набору вещей детские погребения содержали те же предметы, и были совершены по тому же обряду, что и захоронения взрослых людей. Последние отличаются лишь присутствием ножей. Количество «безинвентарных» погребений, подвергнутых антропологическому анализу, у мужчин и женщин также сопоставимо. Значительная часть предметов погребального инвентаря являются общими для всех трех категорий погребений и встречена в мужских, женских и детских захоронениях. Но при этом количество находок с этими предметами не всегда равнозначно, что позволяет выявить некоторые тенденции в составе погребального инвентаря. К числу предметов и признаков, общих для мужских, женских и детских погребениях относятся наличие одной или двух фибул, разрозненных бус, пряжек, ножей (пряжки и ножи лучше представлены в погребениях взрослых людей), кусков необработанного янтаря (Мастыкова, Добровольская, 2013. С. 77; Mastykova, Dobrovolskaia, 2013. Р. 273–275).

Выяснилось, что мужские погребения содержат шпоры, ременные наконечники, браслеты, а также сопровождаются конскими захоронениями. Присутствие в погребальном инвентаре ножа также чаще отмечено для мужских захоронений. Признаки женских захоронений выступают не так четко. Можно тем не менее полагать, что наличие трех арбалетных фибул,

²² На эту тему авторами уже опубликована статья (Казанский, Мастыкова, Скворцов, 2017). Здесь мы предлагаем расширенный вариант ее текста.

булавок и керамических пряслиц являются скорее индикаторами женских могил (*Мастыкова, Добровольская, 2013. С. 77; Mastykova, Dobrovolskaia, 2013. P. 273–275*). На могильнике Заостровье-1 палеоантропологический анализ кремаций, который позволил выделить мужские, женские и детские погребения (см.: Приложение 1). Помимо погребений, где пол погребенных был установлен антропологически, стоит отметить находку пряслица в детском погребении 73.2, что характерно скорее для женских погребений.

Сложнее обстоит дело с погребениями, сопровождающимися захоронениями коней. В Митино этот признак связан в первую очередь с мужскими могилами (9 мужских, т.е. приблизительно 30% от общего числа определенных как мужские и 3 женских, т.е. 14%) (*Мастыкова, Добровольская, 2013. С. 77*). Однако на Заостровье-1 остатки коней были найдены в одном мужском захоронении 66.3, а также в пяти других захоронениях – 4.1, 12.1, 17.1, 5.3, по антропологическим данным отнесенных к мужским условно. В то же время конские захоронения здесь сопровождали четыре женских погребения 3.1, 14.1, 59.3, 11.3, а также, вероятно, погребения 1.3, 17.3, 18.3, 19.3, где костные женские останки определены предположительно. Конские захоронения присутствуют также в детских погребениях: 37.3 и, возможно, в 6.3 и 58.3 (см.: Приложение 1). Детские погребения с лошадьми были зафиксированы и на могильнике Митино (подробнее см.: *Мастыкова, Добровольская, 2013. С. 77*).

СОЦИАЛЬНАЯ СТРАТИФИКАЦИЯ

В варварской археологии Северной Европы уже давно принят принцип выявления социальной дифференциации по степени богатства погребального инвентаря, его редкости и престижности, а также по особенностям погребального обряда (см. например: *Hedeager, 1992. P. 285 и сл.*). Для начала средневековья базовым считается исследование Р. Кристляйна по меровингским могильникам, где по признакам ценности и редкости предметов выявлены три страты или, как их называет Р. Кристляйн, «качественные группы» захоронений, в целом соответствующие делению меровингского общества на некие социальные группы (*Christlein, 1973; Казанский, Перен, 2014. С. 264, 265*). Его методика, с различными модификациями, успешно применяется для самых разных варварских социумов, от британских островов до Северного Кавказа (обзоры: *Харке, Савенко, 2000а; Харке, Савенко, 2000б; Мастыкова, 2009. С. 159–164, там же библиография*), включая и восточногерманские древности Центральной Европы (*Bierbrauer, 1980. S. 138–140; Bierbrauer, 1989b, S. 152–155; Bierbrauer, 1989a, 75–84*). Социологические интерпретации Р. Кристляйна встретили возражения (*Steuer, 1982; Steuer, 1989; Brather, 2006*)²³, однако археологическая классификация не оспаривалась. Исследователи подчеркивают, что, разумеется, не следует искать в археологическом материале прямого отражения социальной шкалы, выявленной по письменным свидетельствам – соотношение данных разных дисциплин нуждается в отдельном изучении (см. например для меровингов: *Périn, 1998. P. 169, 170, 180, там же библиография вопроса*). Поэтому все попытки прямолинейно «приклеить» к археологическим стратам дефиниции, полученные из анализа

²³ В частности Х. Штойером отмечалось, что меровингское общество было организовано по принципу «вертикальной мобильности», когда престиж, богатство и социальное положение конкретной семьи зависели, прежде всего, от ее близости королевской власти. Анализ же взаимовстречаемости погребальных вещей демонстрирует «горизонтальную» иерархию и отражают личную зажиточность погребенных индивидуумов (*Steuer, 1982. S. 517–532*). Кроме того, судя по антропологическим данным, у меровингов богатство погребального инвентаря зависит, прежде всего, от возраста погребенных (*Stauch, 2008*). Все это так, но в архаических обществах личное богатство обычно соответствует комфортабельной социальной позиции, многочисленные этнографические примеры тому свидетельство. Несомненно и в меровингском королевстве многие могилы с богатым инвентарем принадлежали местной социальной верхушке, сильным и «благородным» кланам и фамилиям, традиционно сохранявшим на местах власть и авторитет, независимо от близости королевской власти. Как показал Ж. Пинар Жил на визиготском и, частично меровингском, материале, уровень личного богатства погребенного прямо соотносится с «привилегированной» топографией могилы, а в ряде случаев его высокое социальное положение подтверждается письменными источниками, например, захоронение короля Хильдерика в Турнэ (*Пинар Жил, 2016*).

письменных источников, остаются не убедительными. С учетом вышесказанного нам представляется, что принципы стратификации по степени качественности инвентаря, предложенные Р. Кристляйном вполне применимы и к древностям западных балтов. Действительно, письменные источники, правда более поздние, прямо указывают на связь между социальным и имущественным статусом умерших и богатством вещей, так или иначе задействованных в погребальных ритуалах («Орозий короля Альфреда», цит. по Матузова, 1979. С. 26; *Петр из Дусбурга*, Хроника Земли Прусской, III. 5).

Для самбийско-натангйской культуры вопрос выявления привилегированных «вожде-ских» погребений, а также захоронений «среднего класса» поставлен уже довольно давно (*Bitner-Wróblewska*, 2001. P. 121–127). Принципы, отработанные на общеевропейском материале, успешно применялись для определения социальной стратификации могильника Митино (*Скворцов*, 2010а. С. 35, 36). В целом же для самбийско-натангйской культуры, социальная стратификация по богатству погребального инвентаря и особенностям погребального обряда была предложена В. И. Кулаковым, где отдельная часть была посвящена древностям V–VI вв. (*Кулаков*, 2005. С. 341–366)²⁴. Нами также была предпринята попытка определения социальной стратификации погребальных комплексов самбийско-натангйской культуры V–VII вв. (*Казанский, Мастыкова, Скворцов*, 2017). С учетом этих разработок мы и попытались выявить признаки социальной стратификации на материалах могильника Заостровье-1.

Привлечение широкого круга памятников заключительной фазы самбийско-натангйской, к которой и относится могильник Заостровье-1, позволяет выявить три основных уровня погребений, разделяющихся по степени значимости погребального инвентаря и некоторым деталям погребального обряда. Какие группы стоят за предлагаемой здесь градацией можно установить лишь при наличии прямых свидетельств письменных источников, а их практически нет. При этом, как уже подчеркивалось, очень опасно переносить социальную модель и даже терминологию, выработанную на материале других варварских социумов, поскольку все они имели свои особенности социальной эволюции. Далее, надо помнить, что погребальный обряд есть табуированное, законсервированное выражение взглядов древнего населения, в нем могут отражаться не только социальная позиция, но и обстоятельства и время смерти, возраст, происхождение, род занятий, конфессиональные различия и пр. Поэтому прямая социальная реконструкция на основе только погребального обряда требует особой осторожности и при отсутствии письменных свидетельств всегда является сугубо гипотетической.

УРОВЕНЬ 1. ПРИВИЛЕГИРОВАННЫЕ ПОГРЕБЕНИЯ

В Барбарикуме эпохи Великого переселения народов и раннемеровингского времени к привилегированным относят отдельные погребения или небольшие кладбища, отличающиеся неординарным, богатым, по местным рамкам, инвентарем, реже особым погребальным обрядом, и, в ряде случаев, особой топографической позицией. Данный уровень, опираясь в первую очередь на хорошо изученный материал германских народов, можно разделить на уровни 1а и 1б:

Уровень 1а. Это так называемые королевские и княжеские погребения и клады. Разумеется, социальная терминология здесь условна (*Steuer*, 1987; *Steuer*, 2006). Эти находки отличаются

²⁴ Необоснованное использование римской терминологии, создающей ложное впечатление о социальной структуре балтов, отсутствие антропологических определений, четко сформулированных критериев выделения социальных страт (подробно приводятся описания захоронений, по которым читатель должен самостоятельно угадывать, что-же между ними общего или различного), а также чрезвычайно малая выборка погребений V–VII вв., привлеченных для исследования, не позволяют использовать схему В. И. Кулакова.

не только экстраординарностью инвентаря и особыми деталями обряда, но и «статусными» предметами – регалиями власти (*Bierbrauer*, 1989a. S. 77; *Quast*, 1993. S. 107, 108). Для середины V – раннего VI в. особо значимыми являются такие памятники как уже упоминавшееся погребение франкского короля Хильдерика в Турнэ в Валлонии (*Brulet*, 1991; *Kazanski, Périn*, 2005; *Périn, Kazanski*, 2005; *Казанский, Перен*, 2005; *Quast*, 2015), погребение Пуан (Pouan) в Шампани (*L'Or des princes barbares*, 2000. № 27), камерные погребения в большом кургане в Жураны (*Žuráň*) и захоронение в Блучине (*Blučina*) в Моравии (*Poulik*, 1995; *Tihelka*, 1963; *L'Or des princes barbares*, 2000. № 33), небольшое «королевское» кладбище в Апахиде в Трансильвании (*Harhoiu*, 1998. S. 157–161. Taf. 58–69; *L'Or des princes barbares*, 2000. № 29–31), подкурганное захоронение в Хегом (*Högom*) в Норрланде (*Ramqvist*, 1992). В несколько более позднее время, VI–VII вв., в циркумбалтийском регионе к числу таких погребений относятся знаменитые «королевские» курганы в Уппсале (*Duczko*, 1996; *Ljungkvist*, 2008). Среди женских находок особым богатством выделяются клады в Клуз-Сомешени (*Cluj-Someşeni*) в Трансильвании (*Harhoiu*, 1998. S. 171. Taf. 70, 71; *L'Or des princes barbares*, 2000. № 32) и в Доманьяно (*Domagnano*) в Италии (*Bierbrauer*, 1975. S. 272–281. Taf. 18–21; *Curletti, Della Porta*, 1995). Они имеют следующие характеристики:

– Богатый инвентарь, как правило, с золотыми и импортными вещами. Мужские погребения – с «парадным» оружием, в первую очередь с богато декорированными мечами (о «парадных» мечах см. сводку: *Menghin*, 1983; см. также: *Казанский, Перен*, 2014. С. 266, Рис. 2), в меровингско-аламанской зоне имеющими рукоять, обложенную золотой фольгой (см. список: *Steuer*, 1987. Liste 8). Присутствует и богатое конское снаряжение (Турнэ, Апахиде, Хегом). Женский убор, как, например, из клада Клуз-Сомешени, подчас имитирует костюм византийской/позднеримской знати (*Казанский, Мастыкова*, 2014), или же, как «орлиные» фибулы в Доманьяно, отражают имперское влияние (*von Rummel*, 2007. S. 331–337; *von Rummel*, 2012).

– Статусные вещи – символы власти. У германцев это массивные золотые браслеты с расширенными концами (Турнэ, Пуан, Блучина, Апахиде и др., о них см.: *Вернер*, 2013), посох или скипетр (Хегом, возможно Турнэ; см.: *Arrhenius*, 1995. P. 317. Fig. 5; *Quast*, 2010). У варваров, так или иначе связанных с Империей, в погребениях высшего уровня встречаются и регалии, отмечающие их место в римской иерархии, такие как Т-образные фибулы высших римских чиновников, носившиеся на «форменном» плаще (Апахиде, Турнэ, имитация в Блучине; см. *Theune-Grosskopf*, 1995), именные перстни (Апахиде, Пуан, Турнэ).

– Часто особый погребальный обряд: наличие больших курганов (Хегом, Журань, Уппсала, возможно Турнэ; о «королевских» курганах см.: *Müller-Wille*, 1992; *Müller-Wille*, 1997), захоронения нескольких коней (например: Турнэ, Журань; см.: *Kazanski, Périn*, 2005; *Périn, Kazanski*, 2005).

– В ряде случаев фиксируется изолированность «королевских» и «княжеских» погребений (Журань), иногда формирующих отдельные небольшие кладбища (Апахиде) или же их привязанность к большим культовым и/или политическим центрам (для VI–VII вв., Уппсала: *Duczko*, 1996). Наконец, такие погребения могут занимать в некрополе, особую, центральную позицию, вокруг которой и формируется кладбище (Турнэ: *Périn*, 1998. P. 171; *Казанский, Перен*, 2014. С. 271).

На территории самбийско-нотангийской культуры в эпоху Великого переселения народов и в меровингское время погребения *уровня Ia* не выявлены²⁵.

²⁵ Найденные в Хаммерсдорф-Млотечно (*Hammersdorf-Młoteczno*) «клады» (см.: *Кулаков*, 2003а. С. 99–102; *Cieśliński*, 2008. S. 124–127; *Cieśliński*, 2010. S. 162–168. Abb. 46–51; *Kulakov*, 2014) несомненно соответствуют высшему социальному уровню. Однако данные находки расположены в районе устья р. Пасленка и могут принадлежать не самбийско-нотангийской, а вельбаркской культуре («клад А» и, возможно, «клад В» по В. И. Кулакову; см.: *Кулаков*, 2003а. С. 99) и частично

Уровень 1b (Рис. 32). Иногда погребения этого уровня называются «вождескими» (например: «les tombes des chefs» во французской меровингской археологии), разумеется предложенное название сугубо гипотетично. Могилы **уровня 1b** имеют следующие признаки:

– Богатый инвентарь, включающий предметы, призванные подчеркнуть особую позицию погребенного. Для мужских могил это «парадное» оружие, прежде всего, меч или скрамасак с декором, шлем (о мечах и шлемах см.: *Steuer*, 1987), конские погребения с богатым снаряжением, или его отдельные элементы, такие как седло, декорированные удила и сбруя, а также посуда из пиршественного набора (стеклянные кубки, питьевые рога с металлическим декором, о социальной значимости последних см.: *Vaitkunskienė*, 1995. P. 104). Для женских могил характерен особо богатый набор украшений из золота или позолоченного серебра (подробнее см.: *Казанский, Перен*, 2014. С. 269).

– В ряде случаев такие погребения могут занимать обособленную позицию (участок) в некрополе, и/или иметь особую погребальную конструкцию (погребальная камера, оградка, курган: *Christlein*, 1973. Abb. 17; 18; 21; *Périn*, 1998. P. 171. Fig. 3–5; *Казанский, Перен*, 2014. С. 269).

К этой категории на территории самбийско-натангийской культуры рассматриваемого времени могут быть отнесены погребения с парадным оружием и/или конским снаряжением Варникам-Первомайское погребения 1 и 4 (Рис. 32), Тенген, Экриттен (Ekritten)-Ветрово и вероятно погребение 14²⁶ Коддин (Koddien). Такие захоронения уже идентифицированы исследователями как привилегированные (*Кулаков*, 1997; *Hilberg*, 2009. S. 311–342; *Skvortsov*, 2013a; *Skvortsov*, 2013b; *Скворцов*, 2016; *Скворцов*, 2017). К этой же категории могут быть причислены находки без парадного оружия, но с престижным конским убором (узды, седла), отражающие скандинавскую моду, такие как Варенген (Warengen)-Котельниково, погребение 335 Митино (*Hilberg*, 2009. S. 331. Abb. 9.19; *Скворцов*, 2016) и недавно обнаруженные погребения на могильниках Шоссейное и Кляйн Меденау (Klein Medenau)-Логвино (*Skvortsov*, 2013b; *Скворцов, Хохлов*, 2014; *Скворцов*, 2016). Относится к этому уровню и погребение 21 на могильнике Кляйнхайде (Kleinheide)-Гурьевск, содержавшее помимо оружия, золотой браслет или гривну (*Скворцов*, 2010a. С. 35). Если данный предмет является гривной, то можно предположить его связь с римской воинской модой (о ней см. например: *Soupart*, 2003. P. 71), проявившейся в погребениях варварских вождей с V в. в разных регионах Европы. Погребение 65 Варникам-Первомайское (*Tischler, Kemke*, 1902. S. 45; *Кулаков*, 1997. С. 147) с оружием, золотой обкладкой, возможно от ритона и со стеклянным импортным кубком типа Снартемо-Кемпстон-Экеторп-8, середины – второй половины V в., (см.: *Казанский, Мастыкова*, 2013. С. 99–101), также может быть отнесено к этому уровню. Наконец, следует упомянуть и находку погребения с питьевым рогом в серебряной позолоченной оправе в Гаутен-Путилово-1 (*Скворцов*, 2016).

Что же касается женских погребений **уровня 1b**, то они нам для самбийско-натангийской культуры пока не известны.

сменившей ее эльблонгской группе («клад С»): *Кулаков*, 2003a. С. 99–102; *Ciešliński*, 2008. S. 124–127). Впрочем, на заключительной стадии своего существования памятники вельбаркской культуры все же находятся значительно западнее устья р. Пасленка (*Ciešliński*, 2008. Abb. 1). Но в то же время клад из Фромборка (Frombork/Frauenberg), найденный неподалеку от Хаммерсдорф-Млотечно, совмещает как балтские, так и германские вещи (*Ciešliński*, 2008. S. 127, 128. Abb. 13; *Ciešliński*, 2010, 168. Abb. 52). Также следует учитывать тот факт, что граница между эльблонгской и самбийско-натангийской культурами является условной.

²⁶ Здесь обнаружена пара лошадей, захороненных под каменной кладкой, с богатым снаряжением, состоявшем из многочисленных элементов сбруи – железных удили, накладок, пряжек и наконечников ремней изготовленных из бронзы. Один из наконечников был украшен с лицевой стороны золотой фольгой с зооморфным окончанием, некоторые накладки также были частично декорированы серебряными, а четверики – золотыми пластинами (*La Baume*, 1944. S.16, 17).

УРОВЕНЬ 2. ПОГРЕБЕНИЯ «СРЕДНЕГО КЛАССА»

В европейской археологии к этому «народному» уровню, соответствующему значительной части населения, так называемому «среднему классу» варварского общества, обычно относят рядовые могилы со сравнительно недорогими металлическими украшениями и деталями костюма (Амброз, 1968. С. 22; Christlein, 1973. S. 153–156. Abb. 11; Bierbrauer, 1989b. S. 152–155; Мастыкова, 2009. С. 166–170, 175, 176; Пинар Жил, 2016). Данный уровень хорошо представлен на могильниках самбийско-нотангийской культуры, существовавших в V–VII вв., в частности на Митино (Скворцов, 2010а. С. 35, 36), Доллькайм-Коврово (Кулаков, 2004; Кулаков, 2007), Лаут-Большое Исаково (Skvorzov, 2007), Варникам-Первомайское (Tischler, Kemke, 1902. S. 41–45; Кулаков, 1997; Skvortsov, 2013b; Skvorcov, 2017), Зопфен-Суворово (Кулаков, 1990), Хюненберг-Гора Великанов (Кулаков, 2014), Гребитен (Кулаков, 2016а) и др. К нему относятся погребения с металлическими украшениями из недорогих цветных металлов или даже железа (фибулы, браслеты, элементы ременной гарнитуры, булавки), в мужских захоронениях присутствует оружие и/или всадническое снаряжение, чаще всего копья, скрамасаксы, шпоры. Для мужских погребений самбийско-нотангийской культуры характерно также наличие сопровождающего конского захоронения. В могилах нередко встречаются ножи, отдельные бусы, пряслица, очень часто – керамика.

По характеру инвентаря такие могилы можно разделить на уровни 2а, 2б и 2с:

Уровень 2а (Рис. 33). Погребения выделяющиеся своим инвентарем – захоронения с оружием или всадническим снаряжением, например шпоры: Доллькайм-Коврово (погр. 279), Митино (погр. 29, 226). Типичный набор оружия этого уровня – копья и скрамасаксы – представлен на могильниках Митино (погр. 287), Доллькайм-Коврово (погр. 69, 75а, 119, 191, 325а), Лаут-Большое Исаково (погр. 35, 39, 46, 52), Грейбау (Greibau)-Люблино-Краснополье (погр. 1.1992 г.), Зопфен-Суворово (погр. 392), Шлакалькен III (погр. 12), Гребитен (погр. 52, 113) и др. Также к этому уровню стоит отнести погребения, сопровождавшиеся двойными захоронениями коней с серебряной гарнитурой оголовий – Митино погр. 119, 259 и находки с серебряными витыми/тордированными браслетами и гривнами – Митино погр. 208, 300, 319, 326, 336; Гросс Саусгардене (Gross Sausgarden) погр. 32; а также клад Кляйн Оттерн (Klein Ottern) (Рис. 34) (Скворцов, 2010а. С. 36; Hilberg, 2009. S. 324. Abb. 9. 16а; 9. 17).

Из женских погребений к **уровню 2а** следовало бы отнести могилы с особо богатым убором, но пока на материалах самбийско-нотангийских могильников надежно их выделить не удастся. Чисто теоретически можно предположить, что к этой категории относятся женские могилы с пальчатыми фибулами особо крупных размеров, известными в виде изолированных находок (Hilberg, 2009. Taf. 22, 186, 188), но доказать это сейчас невозможно.

Видимо к этому уровню относятся захоронения с отдельными редкими предметами, типичными для «привилегированных» погребений, но оказавшиеся в рядовом контексте, как например питьевой рог, найденный на могильнике Заостровье-1 в погребении 18.3. Это захоронение, судя по антропологическим определениям, предположительно может быть женским. Оно выявлено в северной половине участка, исследованного в 2010 г., в группе погребений 1 (Рис. 12).

В целом же из женских погребений к **уровню 2а** следует отнести могилы с особо богатым личным убором, но пока на материалах самбийско-нотангийских могильников это надежно сделать не удастся.

Уровень 2б (Рис. 35). Погребения с довольно устойчивым набором вещей или его составляющими: фибулы, бронзовые браслеты и гривны, пряжки, бусы, ножи, пряслица, керамика.

Они часто сопровождаются конскими захоронениями. Эти погребения довольно многочисленны, назовем показательные находки:

- Митино: погребения 27, 28, 30, 57, 60, 61, 65, 76, 84, 86, 97, 167, 206, 207, 209, 217, 253, 257, 259, 262, 266–268, 271, 273–275, 279, 296, 300–304, 307, 309, 316, 318, 321, 332, 344, 354, 355, 358, 361, 364, 365, 378, 381, 386, 390, 396;
- Зопфен-Суворово: погребения 15, 94, 131, 138, 140, 156, 157, 171, 179, 186, 192, 198, 200, 204, 213, 222, 237, 264, 284, 286, 303, 307, 317, 319, 342, 381, 384, 386;
- Лаут-Большое Исаково: погребения 33, 34, 38, 41, 43, 56, 61;
- Доллькайм-Коврово: погребения и связанные с ними конские захоронения 92, 114, 116, 147, 150, 183, 209, 270, 272, 273, 275, 276, 280, 282, 284, 288, 289, 291, 294, 298, 304, 308, 325, 327, 336, 342, 355, 364, 366;
- Кляйнхайде-Гурьевск: погребение 15;
- Детлевсру (Detlevsruh)-Песочное: погребения 7, 13, 20, 22, 23, 25, 26, 28с, 29;
- Айслитен-Геройское: погребения 43, 197, 210, 241;
- Хюненберг-Гора Великанов: погребения 15, 42, 51, 57, 106, 185;
- Вакерн (Wackern)-Елановка: погребение 3;
- Варенген-Котельниково: погребение 18,
- Попелкен (Popelken)-Гвардейск: погребение 37;
- Шлакалькен III: погребения 6, 10, 35, 39, 43.

Сюда же, возможно, следует отнести и малоинвентарные (практически только с керамикой) могилы сопровождавшиеся конским захоронением, содержащим бронзовые элементы сбруи, например, погребение 216 могильника Митино.

На могильнике Заостровье-1 к *уровню 2b* следует отнести могилу 46.2, сопровождавшуюся конским захоронением, содержащим элементы сбруи, помимо часто встречаемых удилов (Рис. 12).

Уровень 2с (Рис. 36). Погребения с единичными вещами, не считая керамики, а также безинвентарные погребения с конями (с удилами и подпружными пряжками или без них), например:

- Митино: погребения 1, 8, 12, 17, 18, 34, 35, 40, 45, 47, 49, 52, 59, 63, 67–71, 78, 89, 90, 92, 99, 101, 102, 104, 106, 112, 116, 118, 121, 123, 125, 129, 137, 146, 153, 155–158, 160, 161, 164, 166, 168, 169, 181, 183, 193, 197–199, 212, 244, 245, 266, 272, 279, 282, 284, 288, 289, 292–294, 297, 298, 305, 311, 314, 320, 322–324, 329, 330, 340–342, 346–351, 353, 366, 373, 375, 380, 385, 388;
- Доллькайм-Коврово: погребения 107, 262, 310, 315а, 316, 319;
- Кляйнхайде-Гурьевск: погребения 16, 29с;
- Зопфен-Суворово: погребения 18, 13, 123, 216, 387.

В целом граница между *уровнями 2b и 2с* довольно расплывчата, тем более, что погребальный инвентарь часто очень фрагментирован.

На Заостровье-1 к *уровню 2с* можно отнести могилы с отдельными вещами, а также захоронения с конями: погребения 2.1, 3.1, 4.1, 8.1, 12.1, 14.1, 17.1, 18.1, 21.1, 25.1, 27.1, 28.1, 29.1, 34.1, 37.1, 38.1, 40.1, 43.1, 44.1, 48.1, 33.2, 40.2, 1.3, 5.3, 6.3, 8.3, 11.3, 13.3, 15.3, 17.3, 19.3, 37.3, 48.3, 49.3, 51.3, 52.3, 55.3, 58.3, 59.3, 61.3, 66.3, 72.3, 73.3.

УРОВЕНЬ 3. ПОГРЕБЕНИЯ «НИЗОВ»

К данному уровню относятся погребения без инвентаря, за исключением керамики, без конских сопровождающих захоронений (Рис. 37). Скорее всего они принадлежат социальным группам, рассматривавшимся в древних социумах как «низшие». Их количество, как

правило, велико для любой варварской археологической культуры. Так, Ф. Бирбрауер напоминает, что для восточных германцев V в. в карпато-дунайском бассейне этот тип захоронений является наиболее многочисленным (*Bierbrauer*, 1989a. S. 76).

Надо подчеркнуть, что в принципе соотношение бедного погребального обряда и «низкой» социальной позиции может быть ложным (*Brather*, 2009. С. 279; *Пинар Жил*, 2016. С. 18, 34). Многое зависит от культурных и погребальных традиций конкретного населения. Так, в поздней Римской империи представителей социальных верхов хоронили чаще всего без сопровождающего инвентаря, т. к. социальная позиция погребенного выражалась прежде всего в богатстве погребальной архитектуры. Далее, в эту категорию механически попадают все разрушенные погребения, где инвентарь не сохранился.

К **уровню 3** на могильнике Заостровье-1 относятся: погребения 33.1, 36.1, 39.1, 41.1, 42.1, 46.1, 34.2, 35.2, 41.2, 42.2, 43.2, 45.2, 47.2, 2.3, 4.3, 8.3, 9.3, 14.3, 27.3, 32.3 (?), 35.3, 42.3, 43а.3, 45.3, 46.3, 47.3, 56.3, 57.3, 57а.3, 71.3. Подобные погребения неоднократно встречались и в других некрополях самбийско-натангической культуры.

Разумеется, количество могил разных уровней не отражает реального процентного соотношения, гипотетических групп, которым принадлежат эти уровни. Действительно, ряд членов социума мог быть захоронен в другом месте или по археологически неуловимому обряду (подвешивание на деревьях, потопление в воде и т. д.), или вообще не подвергаться захоронению (новорожденные младенцы?). Наконец, количество могильников раскопанных полностью, в целом в Европе начала средневековья, является очень ограниченным, не говоря уже о конкретной самбийско-натангической культуре.

При сравнении материала из разных погребальных памятников выявляется неравномерность в богатстве погребального инвентаря. Эта разница отчетливо выступает при сравнении, например, могильников Митино и Заостровья-1 с некрополем Варникам-Первомайское. Скорее всего, проявится разница и в богатстве инвентаря на разных участках одного и того же некрополя, принадлежавших различным группам (семьям, кланам). Однако для памятников заключительной фазы самбийско-натангической культуры такой анализ никем не проводился.

Исследованные широкой площадью погребальные памятники финальной части эпохи Великого переселения народов и меровингского времени в самбийско-натангическом регионе, такие как Митино и Заостровье-1, выглядят беднее, чем могильники конца римского времени и начальной фазы эпохи Великого переселения – погребений с металлическим инвентарем меньше, набор вещей скромнее (ср. например: *Кулаков*, 2005. С. 289–341). Впрочем, как уже подчеркивалось выше, вывод о «бедности» самбийско-натангических памятников меровингского времени довольно относителен. Не исключено, что эта черта характеризует именно названные памятники и ее не стоит экстраполировать на всю культуру, где, как мы видели, имеются и более богатые погребения. Однако на сегодняшний день число «бедных» погребений самбийско-натангической культуры на могильниках меровингского времени несомненно больше, чем в предыдущее римское время. Создается ощущение, что в V–VII вв. контраст между «бедными» и «богатыми» погребениями усиливается.

Исследователями уже давно отмечается эта бедность ассортимента местных украшений, ставшая характерной чертой памятников Самбии и Натангии в V–VII вв. Среди представленных форм украшений преобладающими являются подражания литовским или мазурским образцам (*Okulicz*, 1973. S. 472, 474). Подчеркивается и отчетливый контраст между достаточно скудным погребальным инвентарем жителей Самбии и Натангии и богатым погребальным инвентарем погребений юго-западных групп западных балтов – эльблонгской и олыштынской

(Okulicz, 1973. S. 471)²⁷. В то же время, благодаря работам А. Битнер-Врублевской и Ф. Хильберга легко убедиться, что самбийско-натангийский регион дал значительное количество находок фибул из цветных металлов, типичных для меровингского времени, основная масса которых явно происходит из погребальных памятников (*Bitner-Wróblewska*, 2001; *Hilberg*, 2009).

Тем не менее какие-то изменения наверняка происходили. В самбийско-натангийской группе с конца V в. становится более редким обычай класть в могилы оружие (*Okulicz*, 1973. S. 384) в отличие от римского времени и эпохи Великого переселения народов, где во многих мужских погребениях присутствуют предметы вооружения (*Okulicz* 1973. S. 342, 344, 362). В мужских погребениях исчезают металлические детали щитов, ременная так называемая «самландская» гарнитура²⁸, ее постепенно заменяют гарнитуры с языковидными наконечниками и пряжками с крестообразным язычком. При этом разрыва традиций ни в погребальном обряде, ни в составе погребального инвентаря не наблюдается. Можно предположить, что наблюдаемые изменения имели скорее социальную подоснову, при сохранении общих культурных традиций.

²⁷ Интересно, что погребальный инвентарь на могильниках V–VI вв. Нижнего Немана также становится весьма скудным (*Tautavičius*, 1996. P. 77, 82).

²⁸ Дата «самландских» поясов: конец IV – первая треть V в. (*Bitner-Wróblewska*, 2001. P. 109–117).

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

КУЛЬТУРНО-ИСТОРИЧЕСКИЙ КОНТЕКСТ ПАМЯТНИКОВ САМБИИ В ЭПОХУ ВЕЛИКОГО ПЕРЕСЕЛЕНИЯ НАРОДОВ И В МЕРОВИНГСКОЕ ВРЕМЯ

Могильник Заостровье-1 принадлежит поздней фазе самбийско-натангийской культуры, т. е. в основном периоде Е западнобалтской хронологии (450–675 гг.). Эта культура существует уже в римское время (*Nowakowski*, 1996. S. 49, 50) и доживает по крайней мере до второй половины VII в., а может быть продолжает существовать и позднее, на что, в частности, указывают радиоуглеродные даты некоторых погребений могильника Заостровье-1 (см.: Приложение 4). Есть все основания идентифицировать носителей самбийско-натангийской культуры как эстиев (*Aestii*), упоминаемых Тацитом, Иорданом, Кассиодором и Вульфстаном как раз на этом участке Балтийского побережья, к востоку от Вислы (из последних работ см.: *Bitner-Wróblewska, Wróblewski*, 2015).

Впервые эстии появляются в самом конце I в. н. э. (98 г.), у Тацита в его описании «Германии», т. е. европейского Барбарикума, занятого самыми различными народами. Тацит помещает эстиев на берега Свевского моря, т. е. Балтики. При этом эстии по Тациту единственный народ в данном регионе, занимающийся сбором янтаря, что позволяет безусловно отнести Самбию к зоне их расселения (*Корнелий Тацит*, Германия, XLV)²⁹. У Птолемея (первая половина II в. н. э.) на Балтийском побережье упоминаются некие оссии (*Οσσιοι, Ossioi*), занимающие позицию между вельтами на западе и карбонами на востоке (*Клавдий Птолемей*, Географическое руководство. III. 5. 10). Напрашивается их соотнесение с эстиями Тацита и Иордана (*Kolendo*, 1992. P. 188; *Nowakowski*, 1995. S. 82)³⁰.

В интересующее нас время эстии известны Иордану в первой половине VI в. как приморский «вполне мирный» народ на берегу Океана к востоку от устья Вислы (*Иордан*, *Getica*, 36)³¹. Само же вислинское устье, разделяющееся по Иордану на три горла, занимает народ видиварии «собравшиеся из различных племен» (*Иордан*, *Getica*, 36), обычно идентифици-

²⁹ Тацит отмечает у эстиев более высокий, по сравнению с германцами уровень земледелия, отмечает схожесть их обычаев и облика со свевами, а их язык сопоставляет с британским, т. е. кельтским. По его информации, эстии поклоняются праматери богов. Ее символизирует изображение вепря, которое эстии носят на себе (одежда или татуировка?) и на оружии. Железные предметы (в русском переводе А. С. Бобовича – мечи) у эстиев якобы встречается редко, чаще всего они действуют дубинами: «... *Rarus ferri, frequens fustus usus* ...» (однако точный перевод латинского *fustus* – цеп для молотыбы зерна) (*Корнелий Тацит*, Германия, XLV).

³⁰ Оссиев помещают к северу от Самбии, на северной границе балтского мира (*Nowakowski*, 1995. S. 82; *Nowakowski*, 1996. S. 111), то есть на Куршской косе и клайпедском побережье, во всяком случае где-то на участке побережья от Самбии до Курземе, но не далее (*Žulkus*, 2000. S. 92. Abb. 3). Отмечается, что в балтийских языках *usta, osts, uosts* означает «дельта», а созвучные имени оссиев топонимы известны в районе дельты Немана и в окрестностях Клайпеды. Это река Осса, приток Лаукне, впадающая в Куришгаф (*Žulkus*, 2000. S. 92). Не исключено, что с оссиями сопоставимы не локализуемые оксионы (*Oxionas*) Тацита – мифический народ с человеческим лицом и звериным телом (*Корнелий Тацит*, Германия XLVI.6). Что же касается собственно Самбии, то имеется точка зрения, согласно которой в I–II вв. н. э. в Самбии появляется новое, не балтское население, связанное с кельтской и германской культурными традициями (*Кулаков*, 2003а. С. 57–59; *Кулаков*, 2003б. С. 103, 108). Обсуждение этой темы выходит далеко за рамки нашей публикации.

³¹ Известие Иордана о том, что соседями эстиев являются степные акациры, может иметь два объяснения. Не исключено, что речь идет о каком-то коротком моменте экспансии балтов, когда они достигли южной кромки лесной зоны (*Казанский*, 1999. С. 415). Однако более вероятно другое объяснение. Неоднократно отмечалось, что в представлении древних Восточная Европа была по сути довольно узким перешейком между Океаном (Балтийским морем) и огромным Меотийским озером, т. е. Азовским морем. На такой карте народы бассейна Дона неизбежно оказывались соседями народов южного и восточного побережья Балтики (см. например, с подсчетами дистанций: *Ellegård*, 1987. P. 17; см. также: *Dion*, 1977. P. 78, 179; *Подосинов*, 2007. С. 24; *Казанский*, 1999. С. 415; *Казанский*, 2010б. С. 125).

руемые с памятниками эльблонгской группы (культуры) западных балтов. Последняя возникает в эпоху Великого переселения народов в результате миграции балтского населения на территорию Эльблонгской возвышенности, занятую до этого вельбаркским населением (*Bitner-Wróblewska*, 2008. P. 107–109). Возможно замечание Иордана о смешанном характере видвариев отражает вполне реальное совместное проживание в рамках единой территории балтского и германского населения (*Ciésliński*, 2008. S. 128).

Помимо свидетельства Иордана сохранилось также послание Теодориха Великого, написанное Кассиодором в ответ на посольство эстиев, проживавших на берегу Океана, в остроготскую Италию (*Cassiodorus, Variarum* V.2, русский перевод: *Хенниг*, 1961. С. 60, 61; см. также *Вольфрам*, 2003. С. 455). Поскольку в послании Теодориха идет речь о янтаре, легко догадаться, что в нем под эстиями подразумеваются жители Самбии, самого богатого янтарем участка балтийского побережья³². Эстии Пруссии упоминаются и позднее, в IX в., в рассказе о плавании Вульфстана в Вислинский залив, сохранившемся в англосаксонском переводе «Истории против язычников» Павла Орозия, сделанном королем Альфредом. Вульфстан также локализует этот народ к востоку от Вислы³³. Наконец, *Aisti* названы среди обитателей южного берега Балтийского моря у Эйнхарда, в его жизнеописании Карла Великого (приблизительно 817–830-е гг.) (*Eginhard, Vie de Charlemagne*, 12.15).

Публикуемый нами памятник, могильник Заостровье-1, находится в северной половине Самбийского полуострова, относительно густо населенной в эпоху Великого переселения народов и в меровингское время (Рис. 38). Разумеется, территория исторической Восточной Пруссии исследована далеко не равномерно, но наиболее значимые работы проводились именно на территории Самбии. С другой стороны, остаются практически неизвестными поселения самбийско-нотангской культуры. Они начали широко исследоваться лишь в самые последние годы. Поэтому карта памятников V–VII вв. отражает, прежде всего, уровень наших знаний об археологии региона в интересующее нас время. Тем не менее, уже сейчас можно сделать вывод о высокой степени концентрации самбийско-нотангского населения на полуострове, а также наметить некоторые особенности древнего расселения.

Могильники Самбийского полуострова эпохи Великого переселения народов и меровингского времени, по состоянию исследований на сегодняшний день распадаются на две территориальные группы, северную и южную, разделенные гребнем Самбийской возвышенности³⁴. Памятники северной группы занимают северо-восточный склон Самбийского мо-

³² Модная идея о том, что письмо Теодориха к эстиям, написанное Кассиодором, является всего лишь стилистическим упражнением, нуждается в обосновании. Ее единственным аргументом является факт, что в письме Теодориха не сообщается об эстиях ничего нового по сравнению с информацией Плиния или Тацита (см. подробнее: *Bliujienė*, 2011. P. 210–212, там же библиография). Спрашивается, а какая еще информация о далеких эстиях, помимо наличия у них большого количества янтаря, могла серьезно заинтересовать королевский двор Равенны?

³³ «...Вульфстан сказал, что он вышел из Хэтума [Хедебю], что он был в Трусо через семь дней и ночей, что корабль весь путь шел под парусами. Справа по борту был Веонодланд, а слева – Лангланд и Лэланд, и Фольстер, и Сконег; и все эти земли принадлежат Денемарку. И далее слева от нас был Бургенеланд, и у них свой собственный король. Далее, за землей бургендов, слева от нас были те земли, которые называются сначала Блэкингаг и Меоре, и Эоланд, и Готланд и эти земли принадлежат Свеону. И Веонодланд был справа от нас на всем пути до устья Висле. Висле – очень большая река и она разделяет Витланд и Веонодланд; а Витланд принадлежит эстам, а Висле вытекает из Веонодланда и впадает в Эстмере; а ширина Эстмере не менее пятнадцати миль. Далее на востоке в Эстмере впадает Илфинг из озера, на берегу которого стоит Трусо; и они вытекают вместе в Эстмере, Илинг с востока от Эстланда, а Висле с юга от Винодланда. И далее Висле дает Илфингу свое название и вытекает из этого озера с запада на север в море; и поэтому называется это место устьем Висле...» (цит. по *Матузова*, 1979. С. 26, 27).

³⁴ Особое значение имела и сама Самбийская возвышенность (нем. *Alk-Gebirge*), упоминаемая в многочисленных местных легендах и связанная, судя по названию, со священными для древних балтов местами (*Schlicht*, 1922. S.153–155; *Péteraitis*, 1997. P. 48). Как показал анализ материала римского времени и эпохи Великого переселения народов, престижные находки, маркирующие центры власти, тяготеют либо к местам сбора янтаря, либо к коммуникациям, по которым янтарь доставлялся с Самбийского полуострова к устью Вислы. Элиты эстиев безусловно играли важную роль в янтарной торговле (*Skvortsov*, 2013a. P. 176; *Skvortsov*, 2013b. P. 360. Fig. 6; *Скворцов*, 2016).

ренного плато, а южная – находится соответственно на его южном склоне и на прилегающей заболоченной приморской низине. Учитывая высокую степень исследованности полуострова, можно предполагать, что эта карта отражает реальную ситуацию. Публикуемый нами могильник безусловно относится к северной группе, также как и исследованные широкой площадью и введенные в научный оборот неоднократно упоминавшиеся здесь некрополи Доллькайм-Коврово и Митино.

Сложнее дело обстоит с выявлением границ других групп самбийско-натангийской культуры, выявленных на территории Калининградской области. Памятников там известно гораздо меньше и поэтому зоны их концентрации, возникающие при картировании находок, пока чисто условны. Компактная группа памятников выделяется в Натангии, от р. Преголя до бассейна р. Мамоновка. Западнее, за р. Пасленка располагаются уже памятники эльблонгской группы. Надо отметить, что провести реальную границу между памятниками самбийско-натангийской и эльблонгской культур затруднительно. Те и другие обладают очень близкими культурными характеристиками. У них очень похожи, если не сказать идентичны, керамика, металлические предметы убора, оружие, предметы обихода, близок и погребальный обряд. Однако, обсуждение этого вопроса не входит в наши задачи. Поэтому мы выражаем здесь традиционную точку зрения, согласно которой граница этих двух культур проходит по р. Пасленка.

В целом, в эпоху Великого переселения народов и в меровингское время памятники самбийско-натангийской культуры, независимо от их географической позиции, включая обе территориальные группы Самбийского полуострова, а также натангийскую территориальную группу, характеризуются устойчивым набором черт в погребальном обряде и материальной культуре. Везде зафиксированы поля погребений с могилами без видимых на сегодняшний день внешних признаков, в них доминируют кремации с сожжением покойного на стороне и последующим захоронением в яме. Присутствуют каменные конструкции, погребения очень часто сопровождаются захоронением коня и имеют двухъярусный характер, когда туша коня или ее части помещаются на дно погребальной ямы, а останки кремации – в ее верхней части. В материальной культуре везде выступают типичные вещи, такие как фибулы типа Доллькайм-Коврово переходного и основного вариантов (*Bitner-Wróblewska*, 2001. Fig. 6; 7), фибулы с лопатковидной и звездчатой ножкой типов I и II (*Bitner-Wróblewska*, 2001. Fig. 11; 12), фибулы с крестовидным окончанием ножки (*Скворцов*, 2010а. Рис. 6), поясные гарнитуры самландского горизонта (*Bitner-Wróblewska*, 2001. Fig. 28), пряжки с крестообразным основанием язычка, скрамасаксы (*Šimėnas*, 2006. 59 pav.), сосуды с «лоскутным» декором. Очень возможно, что эта гомогенность культуры отражает некое экономическое, этническое, языковое или конфессиональное единство, но эти предположения нуждаются в аргументации, не связанной с археологическими источниками.

Возможно, территориальная обособленность выявленных групп отражает их социально-политическую обособленность. Иными словами, они могли представлять собой относительно замкнутые коллективы, с четко разграниченной территорией, разделенной пустующими зонами – ситуация многократно описанная для варваров в античных и средневековых источниках.

На такую мысль наводит карта распространения престижных погребений *уровня 1b* (см.: Глава пятая). Они выявлены в северной самбийской группе. Это погребения в Ветрово-Экриттен, Митино, Кляйнхайде-Гурьевск. Имеются находки из захоронений престижного характера и в южной самбийской группе, хотя их здесь меньше – на могильниках Варенген-Котельниково, Гаутен-Путилово-1 и Кляйн Меденау-Логвино. Группа престижных погребений четко выступает и в натангийской группе – Шоссейное, Варникам-Первомайское и Тенген (*Скворцов*, 2016). То есть, каждой значительной группе памятников соответствует некоторое количество «вождеских» захоронений. На территории самбийско-натангийской

культуры пока неизвестны «княжеские» находки *уровня Ia*. Зато они есть по соседству, близ устья р. Пасленка, в Хаммерсдорф-Млотечно, то есть уже на пограничье с вельбаркской и сменившей ее эльблонгской культурами. Надо отметить, что эта территория входит в зону концентрации золотых монет IV–VI вв. близ устья Вислы (см. карту распространения: *Godlowski*, 1980. Karten 4–6; *Maczyńska*, 2007. Karten 1; 2; *Ciolek*, 2010. Abb. 1). Далее на восток, собственно в зоне самбийско-натангийской культуры, эти монеты не выявлены.

Трудно сказать, с чем связана концентрация находок *уровня Ia* близ устья р. Пасленка и их отсутствие на сегодняшний день в других группах. Самое простое объяснение – недостаточный уровень исследованности территории самбийско-натангийской культуры. Но если сегодняшняя археологическая ситуация отражает все же некую историческую реальность, то это означает, что на территории эльблонгской группы находился какой-то важный центр, имевший особое значение в эпоху Великого переселения народов. Это может быть, например, культовый центр, с чем, возможно, связано выпадение кладов с золотыми гривнами («клад С»: *Cieśliński*, 2010. Abb. 50; 51)³⁵ и ритуально испорченной посудой («клад В»: *Cieśliński*, 2010. Abb. 48; 49)³⁶.

Однако один из «кладов» («клад А») в Хаммерсдорфе-Млотечно (*Кулаков*, 2003а. С. 99. Рис. 30; *Cieśliński*, 2008. Abb. 7; 8; *Cieśliński*, 2010. S. 162. Abb. 46) с роскошной фибулой горизонта Унтерзибенбрунн (380/400–440/450 гг.), типичной для дунайской аристократии, является погребением. Это указывает на возможное существование здесь центра власти (*Кулаков*, 2003а. С. 93–115), возможно напоминающего по модели так называемые варварские малые королевства.

Такие «королевства» хорошо известны по письменным источникам V в. в Западной и Центральной Европе. В отличие от больших варварских объединений позднеримского времени, таких как «держава Германариха», они занимают компактную территорию, это особенно хорошо видно на примере дунайских или франкских королевств середины – второй половины V в. Так, сравнительно небольшая территория позднеримской Паннонии, к западу от Дуная, была поделена между тремя остроготскими королями из династии Амалов (*Kiss*, 1979; *Корсунский, Гюнтер*, 1984. С. 170). На ограниченной территории современной Южной Бельгии и приграничных районов Франции располагалось, по меньшей мере, два франкских королевства: одно со столицей в Турнэ и другое – со столицей в Камбрэ (*Лебек*, 1993. С. 39). В Северной Галлии известны и их археологические следы, в первую очередь погребения воинских предводителей раннемеровингского времени, начиная со знаменитой могилы короля Хильдерика.

В Центральной Европе районы концентрации «привилегированных» могил и кладов горизонтов Унтерзибенбрунн (период D2, т. е. 380/400–440/450 гг.), Смолин-Косино (D2/3: 430/440–460/470 гг.) или Апахида-Блучина-Турнэ (D3, что соответствует 450–470/480 гг.) считаются археологическим выражением существования небольших «варварских королевств» (*Laszlo*, 1951; *Tejral*, 1997; *Tejral*, 1999; *Tejral*, 2011. S. 401–403). По мнению Я. Тейрала речь идет о небольших высоко милитаризированных группах смешанного, германского и негерманского (гуннского, аланского и т. д.) происхождения, которые возникли в смутную эпоху Великого переселения народов (*Tejral*, 1997; *Tejral*, 2011. S. 401–403). В начальной стадии

³⁵ «Клад С» в Хаммерсдорфе-Млотечно содержит золотые гривны типа Андерссон R300 (*Andersson*, 1995. S. 94–96). Эти гривны скандинавского типа в римское время появились в Скандинавии и в Северной Германии и отсюда распространились в Балтийском бассейне, где доживают до VII–IX вв. (*Moora*, 1938. S. 322–332; *Lincke*, 1939; *Аун*, 1992. С. 138, 139; *Abegg-Wigg*, 2008. S. 31–34). В Восточной и Юго-Восточной Прибалтике речь чаще всего идет, конечно, о местных дериватах, которые тем не менее отражают скандинавско-южнобалтийскую моду.

³⁶ Преднамеренно разломанная, видимо в ритуальных целях, серебряная посуда римского происхождения хорошо представлена в балтийских кладах скандинавской традиции. Такие находки известны в Дании и Южной Швеции и связаны с культами германских народов. За пределами Южной Скандинавии такие клады известны в Восточной Прибалтике (см. подробнее: *Казанский*, 2010а; *Oras*, 2015).

своего существования такие группы выступают чаще всего как пограничные федераты Рима (такие как гото-алано-гуннские отряды Алафея и Сафрака в Паннонии в 378 г.) или вассалы гуннов (например, остrogотские Амалы, оставшиеся в Восточной Европе). После смерти Атилы и окончательного падения римского лимеса в 450–460-е годы, эти королевства получают независимость и вступают между собой в жестокую борьбу за лидерство.

Подобные малые «королевства» в V в. (гуннское и постгуннское время) можно выделить и у оседлого населения Восточной Европы (Казанский, 1997; Kazanski, 1998; Казанский, Мастыкова, 2001. С. 146–148; Ахмедов, Казанский, 2004. С. 169; Казанский, Мастыкова, 2009. С. 245–247; Казанский, 2014. С. 40–42). Судя по географии «княжеских» находок и кладов золотых монет к востоку и югу от Карпат, такие королевства были в черняховском ареале, например, на Днепровском Левобережье или в Центральной Бессарабии. Скорее всего они были связаны с готами, оставшимися под властью гуннов в Восточной Европе (подробнее см.: Казанский, 1997; Kazanski, 1998; Shchukin, Kazanski, Sharov, 2006. P. 145–152; Kazanski, 2009. P. 140–152). На территории современной Румынии и Восточной Венгрии на сегодняшний день исследователи выделяют по археологическим материалам для гуннского времени несколько центров власти, в частности на Верхней Тиссе, в Трансильвании, в Олтении и в Мунтении. Они характеризуются находками монетных кладов, «вождейских» захоронений и вещевых кладов, погребений с мечами, женских захоронений с диадемами, гуннских котлов (Ciupercă, Măgureanu, 2008. P. 125. Fig. 3). Часть из них соответствует гуннским «наместничествам», другие могут быть соотнесены с «вассальными» королевствами.

Малые варварские королевства выделяются исследователями и в циркумбалтийском бассейне, как в Скандинавии (об их скандинавском варианте *Folkland* см.: Ramqvist, 1991), так и в Восточной и Южной Прибалтике (Ramqvist, 1991; Ramqvist, 1992; Wyszomirska-Werbart, 1992; Näsman, 1999; Кулаков, 1998; Кулаков, 2003а; Näsman, 2006; Кулаков, 2015). Показательно, что по подсчетам П. Рамквиста (Ramqvist, 1991. S. 46. Fig. 1), число археологически выявляемых центров власти Феннскандии (всего 15) соответствует числу королевств у скандинавских народов, называемому Прокопием (*Прокопий*, Война с готами, II.15.15).

Возникая в специфической ситуации повышенной военной напряженности, малые королевства строятся по принципу военной организации. В ней главную роль играют отношения жесткого подчинения королю (предводителю), причем как составляющих такое королевство кланов (семей) так и отдельных воинов, объединенных в королевскую дружину. При этом подданные, по крайней мере на первых порах, часто выбирают предводителя, вероятнее всего из представителей «благородных», харизматических родов и сохраняют за собой право сместить, а то и просто убить неудачливого короля. Король здесь прежде всего, военный предводитель, остальные функции второстепенны. Он является объединяющей фигурой, вокруг которой собирается разноплеменная дружина, представляющая реальную опору его власти. Такая форма организации часто сопутствует первому типу этногенеза по Х. Вольфраму (так называемые «новые народы», руководимые военными предводителями: *Wolfram*, 1997. P. 129, 130).

Этническое происхождение воинов, как впрочем, и остальных подданных, при этом имеет второстепенное значение. Интернациональный облик материальной культуры варварской аристократии эпохи Великого переселения народов, в большинстве случаев делает невозможной определение этнокультурной принадлежности конкретных памятников. Этот интернациональный характер «княжеской цивилизации» объясняется в первую очередь мобильностью и гетерогенностью варварской верхушки. Такая гетерогенность проявляется, например, в тесных династических связях гуннской, германской и аланской аристократии, засвидетельствованной письменными источниками. Напомним, что заключение династических браков в древности и средневековье являлось одной из форм легитимации военно-политических

союзов. Иллюстрацией этого являются, например, браки Аттилы с германскими принцессами, отраженные в известном эпосе цикла Нибелунгов или же брак легендарного гуннского вождя Баламбера с Вадамеркой, племянницей не менее легендарного остроготского короля Винитария (*Иордан, Getica*, 249). Хорошо известен и скандальный брак франкского короля Хильдерика с тюрингской королевой Базиной. Аспар, могущественный восточноримский военачальник аланского происхождения, был женат третьим браком на сестре остроготского короля Теодориха, сына Триария, а его любовницей тоже была готка (*Санкоев, 1992. С. 59*). Показательным является и тот факт, что для некоторых германских вождей предполагается гуннское происхождение. Так, дискутируется возможное гуннское происхождение знаменитого Одоакра (*Reynolds, Lopez, 1946–1947; Macbain, 1983*). Полевой командир юстиниановского времени Мунд, не то гот, не то гепид, оказывается связанным родственными узами с родом Аттилы (см. комментарии Е. Ч. Скржинской в: *Иордан, Getica*, 300, 301, 363; там же указание на другие источники).

Разумеется, мы не знаем, охватывало ли политическое влияние этого гипотетического «эльблонгско-пасленского королевства» и территорию самбийско-натангийской культуры или же ограничивалось зоной поздней вальбаркской и эльблонгской культур.

Являясь обособленными коллективами, различные группы самбийско-натангийской культуры тем не менее не представляли собой абсолютно замкнутые социумы. Находки предметов инородного происхождения свидетельствуют о контактах самбийско-натангийского населения с другими регионами Европы.

Прежде всего это находки, говорящие о связях с соседними группами балтов. Так, видимо с территории ольштынской группы в самбийско-натангийском ареале распространяются язычковые наконечники ремней (*Скворцов, 2010а. Рис. 42*), фибулы типа Тумяны (*Tumiany/Daumen*) (*Bitner-Wróblewska, 2001. Fig. 17*), перекладчатые арбалетные фибулы (*Скворцов, 2010а. Рис. 15*). На восточнобалтийские связи указывает находка фибулы литовского варианта типа Доллькайм-Коврово в Праддау (*Praddau*)-Солнечное. Сюда данная фибула могла попасть с территории западнолитовской или нижненеманской групп (*Bitner-Wróblewska, 2001. P. 182. Fig. 9*).

Отчетливо выступают скандинавские связи носителей самбийско-натангийской культуры в эпоху Великого переселения народов (*Hilberg, 2009. S. 179–203*). Для второй половины V – первой трети VI в. можно назвать находки скандинавских фибул из погребения 13 могильника Детлевсру-Песочное (*Hilberg, 2009. S. 180, 181. Abb. 6.1. Taf. 12, 91*), из погребения 9А могильника Шакаулак (*Schakaualack*)-Малая Липовка (*Hilberg, 2009. S. 182–184. Abb. 6.4, c, Taf. 33, 291³⁷*) и из могильника Хюненберг (*Hünenberg*)-Доброе (*Hilberg, 2009. Taf. 32, 282*).

«Парадное» клинковое оружие с декором первого германского звериного стиля известно в захоронениях воинских предводителей на могильнике Варникам-Первомайское (*Кулаков, 1997; Кулаков, 2003а. С. 93–115; Hilberg, 2009. S. 311–330*). Такие металлические обкладки имеют скандинавские параллели (подробнее см.: *Кулаков, 1997. С. 144; Hilberg, 2009. S. 328–330*). Скрамасаксы с узким заостренным концом и каннелюрами «кровостоками» на клинке, распространенные в Самбии с эпохи Великого переселения народов, также могут иметь скандинавское происхождение (*Kazanski, Mastykova, 2005. P. 123; Казанский, 2012. С. 121; Казанский, Мاستыкова, 2013. С. 98, 99*).

³⁷ В. И. Кулаков опубликовал сопровождающий инвентарь, вместе с которым была найдена данная фибула (*Кулаков, 2011. Рис. 2*). Обращает на себя внимание наличие в этой могиле ремennого наконечника римского времени (периода С1, т. е. 160/180–250/270 гг.), типа Раддац J-II-1 (*Кулаков, 2011. Рис. 2, 5; ср.: Raddatz, 1957. S. 94. Abb. 2, 1; 3, 2*). Можно предположить, что либо приведенный комплекс погребения не достоверен (вещи происходят из разных могил), либо наконечник «вторично» использовался в эпоху Великого переселения народов.

Предметы конского снаряжения, украшенные декором в зверином стиле и с антропоморфными элементами появляются у эстиев также под влиянием скандинавской «воинской» культуры (Казанский, 2016. С. 215). Это, например, обкладки седла и узды из погребения 335 могильника Митино (подробнее: Скворцов, 2010а. С. 162–166; Skvorzov, Pesch, 2011) и элементы конской гарнитуры первого германского звериного стиля из захоронения на могильнике Варенген-Котельниково (*Katalog des Prussia-Museums*, 1897. S. 10. N° 24. Abb. 20; Gaerte, 1929. Abb. 237; Hilberg, 2009. S. 331. Abb. 9.19).

Некоторые вещи демонстрируют дунайские контакты носителей самбийско-натангийской культуры. В первую очередь необходимо упомянуть серогончарные кувшины гуннского времени из некрополя Варникам (см. например: Кулаков, 1997. Рис. 8, *Wa-30.3*, *Wa-31.5*; Рис. 12, *Wa-61.3*), происходящие из дунайского региона (Nowakowski, 1996. S. 76)³⁸. Также к концу гуннского времени относится и дериват фибулы типа Артанд-Захонь (Ártánd-Záhony), гуннского времени (поздняя часть периода D2 и период D2/D3, т.е. 420–450 гг.) из Грунден (Grunden) (Kühn, 1974. Taf. 261, 64.6; ср.: Tejral, 2007. Abb. 20, 10; Bierbrauer, 2008. S. 126, 127. Abb. 17).

Дунайские и вообще восточногерманские элементы для постгуннского времени (периоды E1–E2: 450–610/625 г.) хорошо известны для ольштынской группы (Hilberg, 2009. S. 87–177; Казанский, 2010в, С. 24). В самбийско-натангийских древностях в это время дунайские элементы представлены слабее. Назовем трехпалую фибулу из погребения 18 в Варенген-Котельниково (Hilberg, 2009. Kat. 317), очень отдаленную имитацию трехпалой фибулы из Детлевсру-Песочное (Hilberg, 2009. Kat. 92) и дериват дунайской фибулы с волютами типа Сокольнице (ср.: Tejral, 1976. S. 18, 19; Taf. 1, 4, 5) из Куссен (Kussen)-Весново (Hilberg, 2009. Kat. 175). Дело, кажется не в том, что Самбийский полуостров находится дальше от Дуная, чем Мазурское Поозерье – ведь дунайские вещи попадают и на более отдаленные территории, например в соседнюю с Самбией Западную Литву (см. например: Hilberg, 2009. Abb. 5.31; 5.49). Создается впечатление, что балты ольштынской группы в постгуннское время монополизировали контакты прусских земель со среднедунайским регионом.

Для более позднего времени, скорее всего соответствующего периоду E3 западнобалтской хронологии (610/625–650/675 гг.), дунайские вещи на территории Калининградской области представлены находкой из Линкунен (Linkuhnen)-Ржевское (Hilberg, 2009. Kat. 188 и возможно 186). Это фибула типа Вецел (Vetel) или Гымбаш-Кошовени (Gymbaş-Coşoveni) (см.: Симонова, 1970; Vagalinski, 1994; Katsouginannapoulou, 1997). Основная зона их распространения – Средний Дунай, при этом они пока известны только на территориях к западу и югу от ареала славянского расселения (Симонова, 1970. Рис. 2; Vagalinski, 1994. Abb. 2; Katsouginannapoulou, 1997. Abb. 5), что дает основания связывать их с неславянским, может быть германским компонентом населения Подунавья. Дата фибул этого типа – VII в., точнее его вторая половина, если судить по находке в закрытом комплексе (клад или погребение?) в Кошовени-де-Жос (Coşoveni-de-Jos) в Румынии, вместе со звездчатыми серьгами так называемого пастырского типа, распространенными с середины VII в. (Curta, 1994. Fig. 6, 5, 9).

Археологические находки свидетельствуют и о «западных» морских связях населения самбийско-натангийской культуры, осуществлявшихся, видимо, вдоль южного берега Балтийского моря (Kazanski, Mastykova, 2005; Казанский, Мастыкова, 2013; Казанский, 2013). Назовем фибулы типа Брейтенфурт (Breitenfurth), которые имеют саксонское происхождение и хорошо известны на памятниках эстиев (Hilberg, 2009. S. 205–207. Abb. 7.1. Fudnliste 8). Фибулы типа Монсхайм и их дериваты (Monsheim-Liebenau-West Stow: Kühn, 1974. S. 878–888;

³⁸ Предположение В. Новаковского (2007. С. 150), что в этих кувшинах перевозили вино, нам кажется слишком экстрагантным. Речь идет все же скорее о столовой посуде, а не о транспортной таре.

Böhme, 1986. S. 554–556) с ромбической ножкой и прямоугольной головкой, датируемые 450/470–500/520 гг., типичны для континентальных саксов, основная зона их распространения – район нижнего течения Эльбы и Везера. Эти фибулы и их имитации хорошо известны в Самбии и Натангии (*Hilberg*, 2009. Taf. 22, 23; 13, 99; 14, 100–106). Можно предположить, что фибулы типа Монсхайм, как и застежки типа Брейтенфурт, распространялись вдоль морского каботажного пути и при этом в районе Шлезвига, если верить картам распространения этих фибул, находился «перевалочный пункт», соединявший североморский и балтийский отрезки этого пути (*Kazanski, Mastykova*, 2005. P. 120; *Казанский, Мастыкова*, 2013. С. 106)³⁹.

Сложнее определить происхождение имитаций трехпалых западных фибул типа Крефельд (Krefeld), вроде найденной в могильнике Хюненберг-Доброе (*Hilberg*, 2009. Kat. 284) и их деривата из Гаутен-Путилово (*Hilberg*, 2009. Kat. 116). Мода на них могла попасть как по морю с Запада, так и по речным путям с Дуная, где такие фибулы тоже известны (*Hilberg*, 2009. Abb. 7.2).

Арбалетные фибулы типа Руйе (Rouillé) и рифленые фибулы типов Дурагон (Duráton) и Эстагель (Estagel), хорошо известны на Западе в V–VI вв., также представлены в Самбии и Натангии. Это, возможно, отражает какие-то западные морские контакты эстиев (*Казанский*, 2013).

Наконец, упомянем стеклянный кубок типа Снартемо-Кемпстон-Экеторп-8 из погребения 65 могильника Варникам-Первомайское (*Gaerte*, 1929. S. 268. Abb. 209). Стеклянные кубки Снартемо-Кемпстон-Экеторп-8, центр производства которых локализуется где-то к северу от Альп и к западу от Эльбы, особенно хорошо представлены на Эланде, Готланде и в Восточном Свеаланде (*Stjernquist*, 1985–1986. Fig. 3; *Näsman*, 1998. P. 264. Fig. 2). Известны они и на южном побережье Балтийского моря (*Godlowski*, 1980. S. 69). Такая картография находок свидетельствует об их несомненном распространении морским путем, видимо вдоль южнобалтийского побережья.

Отметим, что на памятниках самбийско-натангийской культуры практически нет меровингских фибул из Германии, хорошо представленных в ольштынской группе (*Hilberg*, 2009. S. 209–289)⁴⁰. Отсутствуют здесь и фибулы среднеднепровского типа, изредка попадающие в погребения ольштынской группы (*Hilberg*, 2009. Kat. 21).

Можно заметить, что основная масса импортных находок и их подражаний, выявленная на памятниках самбийско-натангийской культуры, связана либо с южными, дунайскими контактами, либо с морскими контактами эстиев, осуществлявшихся вдоль южного берега Балтийского моря, а также со скандинавскими островами. Об этом же свидетельствует и распространение самбийско-натангийских «женских» вещей за пределами их основного ареала (см.: *Bitner-Wróblewska*, 2001. Fig. 6; 11; 12; 28; 30)⁴¹. Видимо, «морская» ориентированность населения самбийско-натангийской культуры и отразилась в уже упомянутых выше свидетельствах Иордана и Кассиодора об эстиях как о народе, проживающем на берегу Океана. Связи балтского приморского населения Южной Прибалтики с меровингским миром хорошо

³⁹ Ф. Хильберг выразил скептическое отношение к предложенной нами интерпретации появления этих фибул в Восточной Пруссии (*Hilberg*, 2009. S. 207), но к сожалению, никак свой скептицизм не аргументировал.

⁴⁰ Исключение может составлять фибула, происходящая предположительно из Черняховска/Инстербурга (*Hilberg*, 2009. Kat. 131).

⁴¹ Исследователи балтских древностей предполагают, что распространение предметов женского убора самбийско-натангийской культуры за пределами их основного ареала отражает прежде всего брачные связи (*Bitner-Wróblewska*, 2001. P. 124, 125). Брачные союзы, как правило, закрепляли военно-политические связи между различными варварскими народами. Важно отметить, что представленные здесь материалы ни в коей мере не связаны с престижной «княжеской» цивилизацией, но отражают материальную культуру «среднего класса» (*Bitner-Wróblewska*, 2001. P. 121–126), видимо также участвовавшего в осуществлении межрегиональных и межкультурных контактов путем «смешанных» браков.

зафиксированы и в VII в. (см. например: *Kontny, Pietrzak*, 2013). Роль торговли в этих контактах несомненна. Предполагается, что особенно притягательными для скандинавов были янтарь на юге и меха на востоке (*Несман*, 1989. С. 21). Однако некоторые скандинавские археологи считают, что ее не стоит преувеличивать. По их мнению политические альянсы между знатью разных племен, а также чисто военные события – набеги с целью грабежа – играли не меньшую роль (*Несман*, 1989. С. 21). В определенной степени такая точка зрения оправдана. Действительно, в эпоху Великого переселения народов на Балтике импорты сводятся почти исключительно к предметам роскоши, такие как стеклянная посуда, украшения, золотые монеты (*Lundström*, 1985. S. 272, 273), что указывает на ограниченную роль торговли.

В заключение остановимся на вопросе уровня «богатства» поздних самбийско-нотангийских памятников, которые в своей массе явно беднее могильников предшествующего римского времени. Не исключено, что объяснение надо искать в событиях охвативших весь бассейн Балтийского моря. Напомним, что примерно до 500 г. продолжается эпоха военного стресса в Южной Балтике, который в IV–V вв. охватывает Ютландию, Датские острова, Борнхольм, Эланд, Сканию – об этом свидетельствуют находки жертвенных мест выраженного воинского характера (*Näsman*, 1999. С. 5, 6; *Казанский*, 2010в. С. 33–35). В раннем VI в. наконец происходит спад военной активности в южнобалтийском бассейне (*Näsman*, 1998. P. 261. Fig. 1). К этому времени здесь возникает новая экономическая и военно-политическая ситуация. С V в. в центре экономических контактов на Балтике оказываются Борнхольм, Скания, Эланд, Готланд, Уппланд (*Lund Hansen*, 1988. S. 161, 162. Abb. 2; *Казанский*, 2010в. С. 35–37). Ситуация меняется к середине VI в. Может быть, в это время до скандинавских островов докатилась, как считают некоторые исследователи, общеевропейская эпидемия чумы эпохи Юстиниана, 541–590 гг. (*Сегер*, 1984. С. 107; *Ахбое*, 2001. P. 130). В целом, в середине VI в. в балтийском бассейне происходят какие-то важные изменения, отразившиеся в «выпадении» кладов золотых вещей. На этот период приходится не только чума, но и суровые зимы, частые солнечные затмения, неурожай, голод, выразившиеся в повышенной смертности среди населения Северной Европы. Не исключено, что стали сказываться последствия природной катастрофы 536 г., о которой в последние годы немало написано (см. например: *Baillie*, 1994; *Ахбое*, 1999; *Gunn*, 2000; *Философов*, 2011; *Löwenborg*, 2012; *Arrhenius* 2013; *Tvauri*, 2014). Видимо, эти мрачные события послужили причиной зарытия значительного числа жертвенных кладов (*Stenberger*, 1977. S. 355, 356; *Ахбое*, 2001. P. 129–131; *Казанский*, 2010в. С. 37). Можно предполагать, что «обеднение» эстиев, носителей самбийско-нотангийской культуры, как-то связано с этим кризисом VI в. Впрочем, «бедность» самбийско-нотангийской культуры в раннем средневековье не надо абсолютизировать. Как показали последние работы К. Н. Скворцова на могильнике Алейка-VIII в северной части Самбийского полуострова, здесь имеется ряд богатых захоронений с конями и престижным набором вещей. Когда этот материал будет введен в научный оборот, представления о степени «богатства» раннесредневековых эстиев потребуют существенной корректировки.

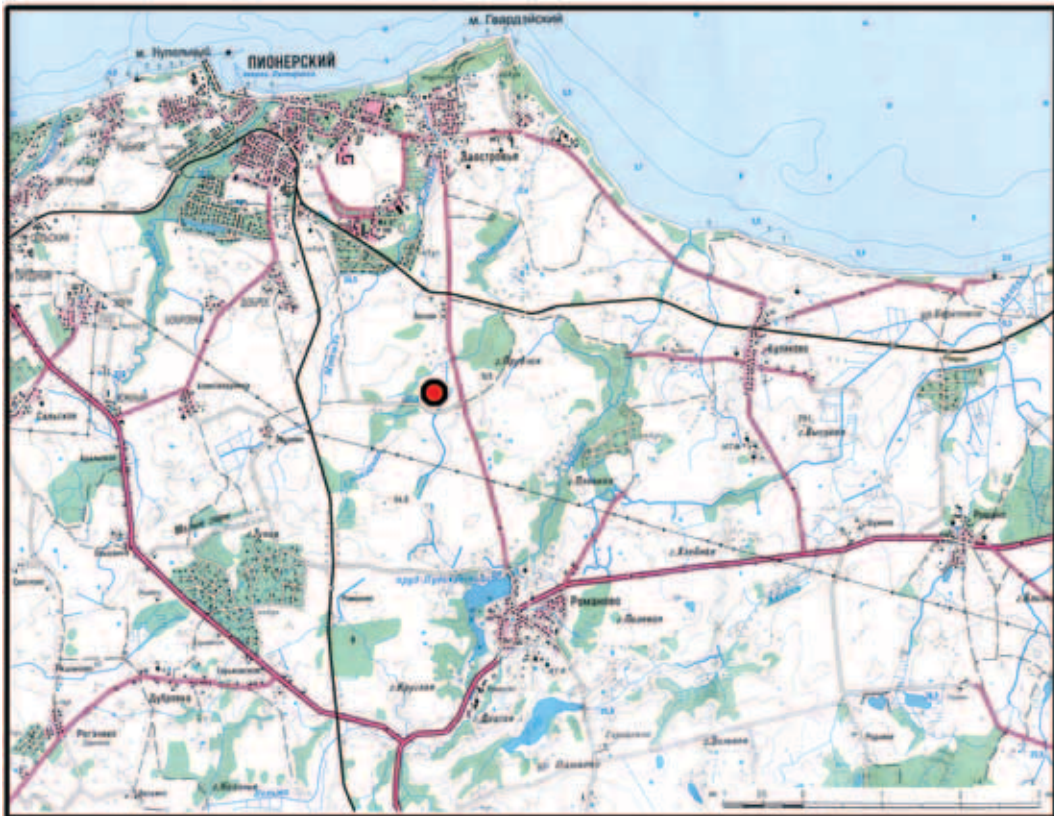
Относительно долгий посткризисный период продолжался вплоть до эпохи викингов, о чем свидетельствуют наиболее поздние погребения на могильнике Заостровье-1, ничем не отличающиеся от захоронений более раннего времени. В то же время характер этих поздних находок свидетельствует об относительно стабильном характере общества эстиев вплоть до IX в. Кстати, сохранение этнонима эстии, которое также прослеживается до IX в. (уже упоминавшееся свидетельство Вульфстана), подчеркивает эволюционную преемственность этнических, а возможно и социально-экономических структур у западных балтов Самбии и Нотангии в течение раннего средневековья.

АЛЬБОМ РИСУНКОВ

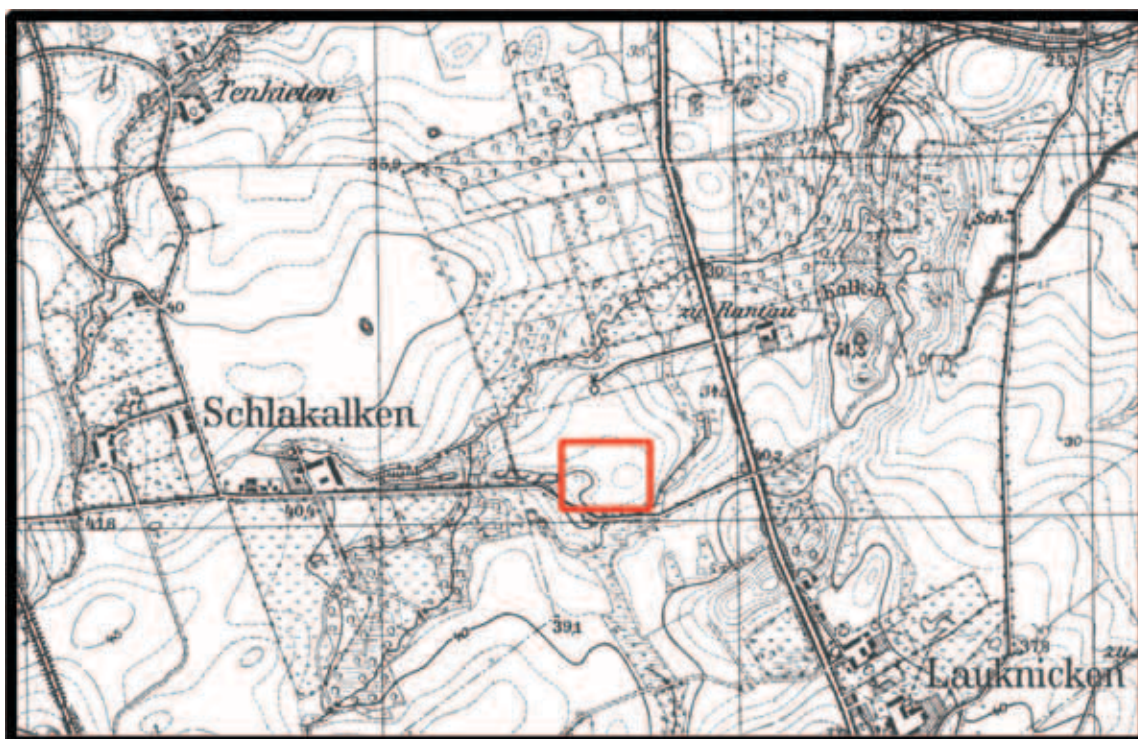

1

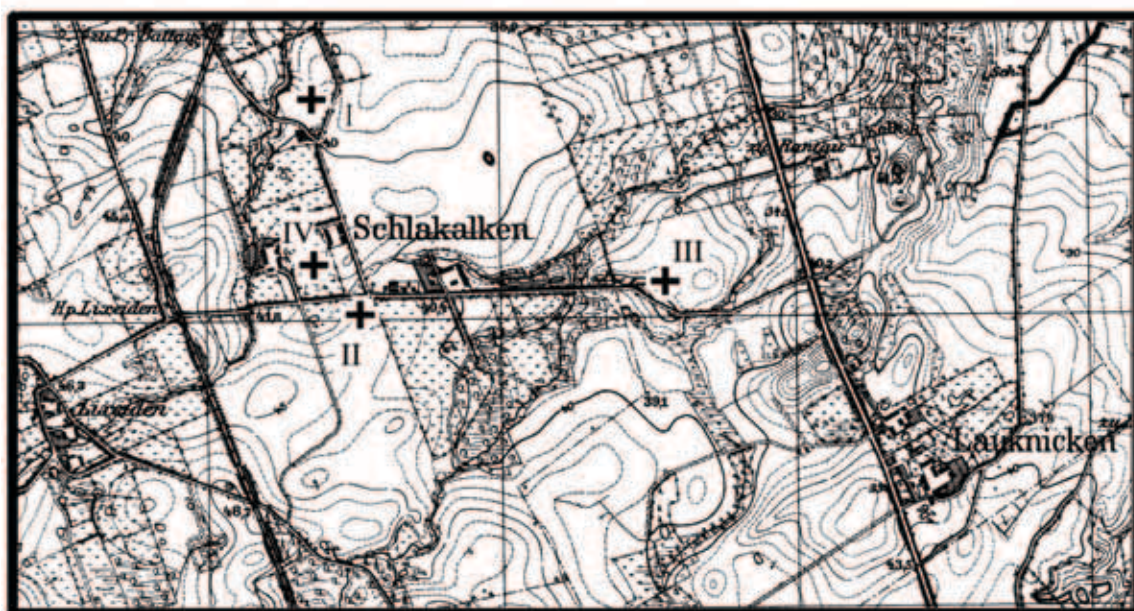

2

Рис. 1. Географическое положение могильника Заостровье-1

1

2

Рис. 2. Географическое положение могильника Заостровье-1 относительно хутора Шлакалькен
 1 – позиция памятника между хуторами Шлакалькен и Лаукникен; 2 – расположение памятников
 вокруг хутора Шлакалькен, известных до 1945 г.
 По: Hilberg, 2009. Abb. 10.41

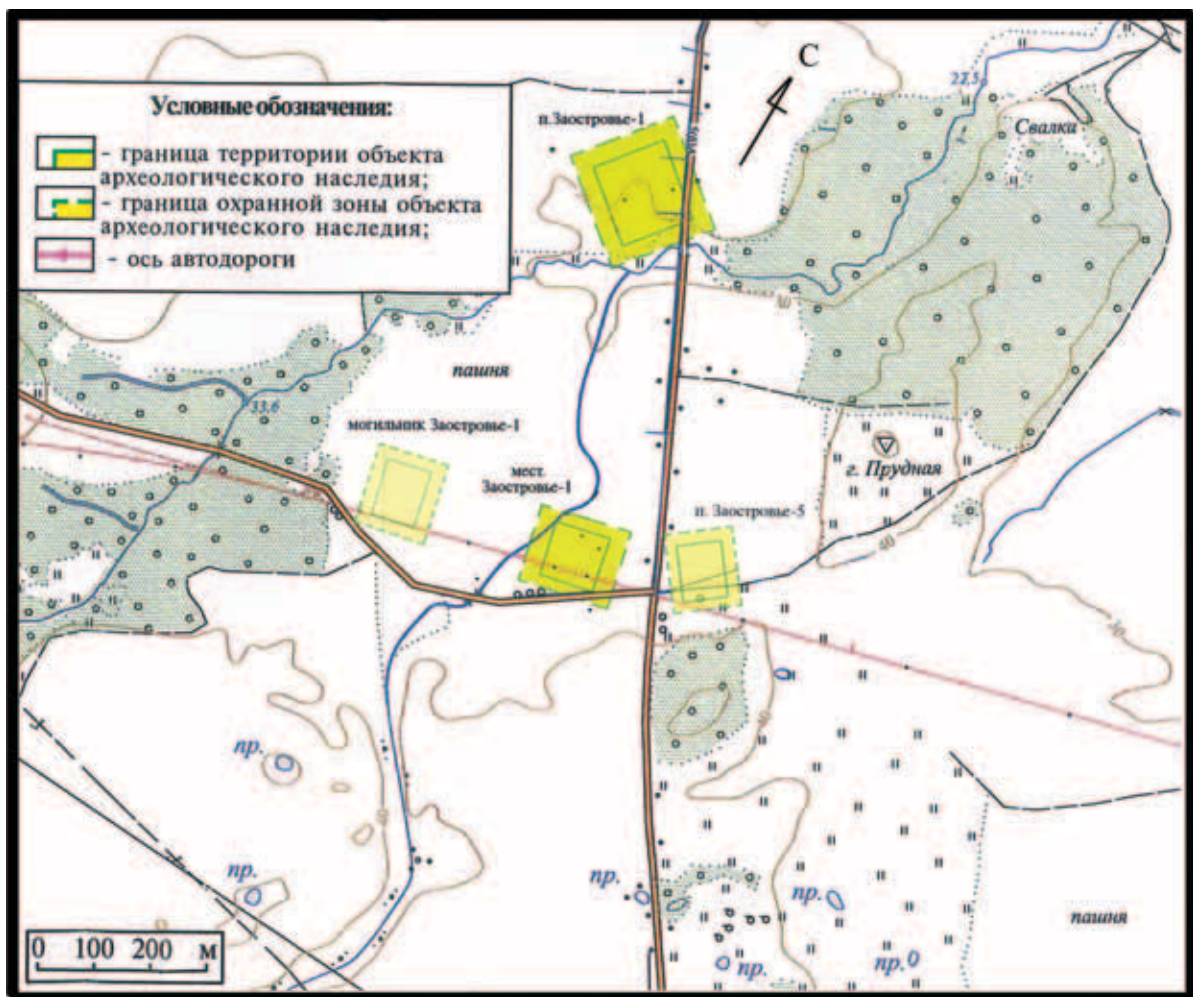

Рис. 3. Топографическая ситуация в районе могильника Заостровье-1 и участки, исследованные Самбийской экспедицией ИА РАН в 2010 г.

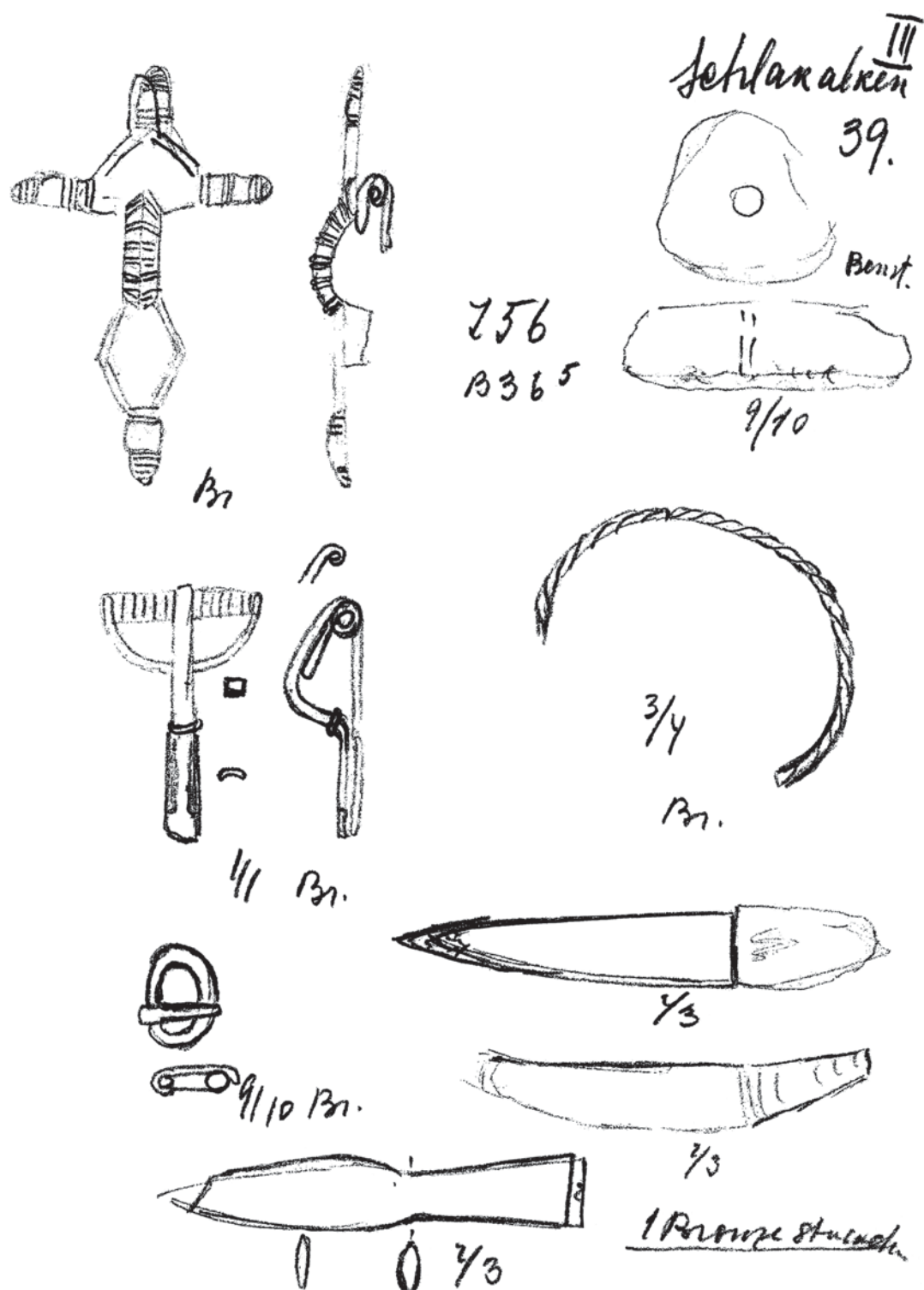

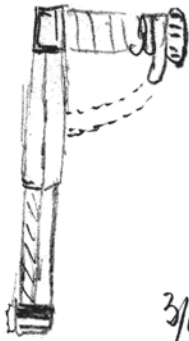
Рис. 4. Могильник Шлакалькен-III (Schlakalken-III), погребение 39

По: Hilberg, 2009. Abb. 10.41

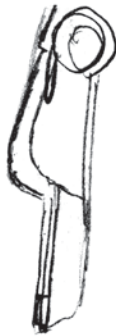
A fibel in schluss kreutz

Schlankalen

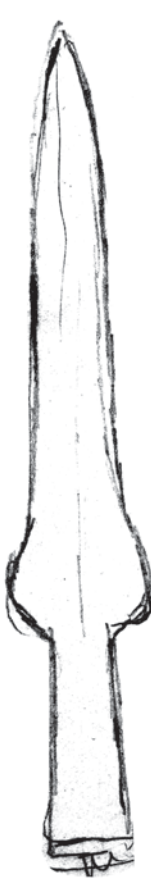
10

$\frac{3}{4}$ m

$\frac{3}{4}$ m

$\frac{1}{2}$

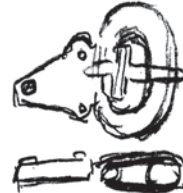
$\frac{1}{2}$

12.

Fibel wie 10.

schmale

$\frac{2}{3}$

$\frac{2}{5}$

$\frac{2}{5}$

Рис. 5. Могильник Шлакалькен-III (Schlakalken-III), погребения 10 и 12

По: Nowakiewicz, 2011. № 164

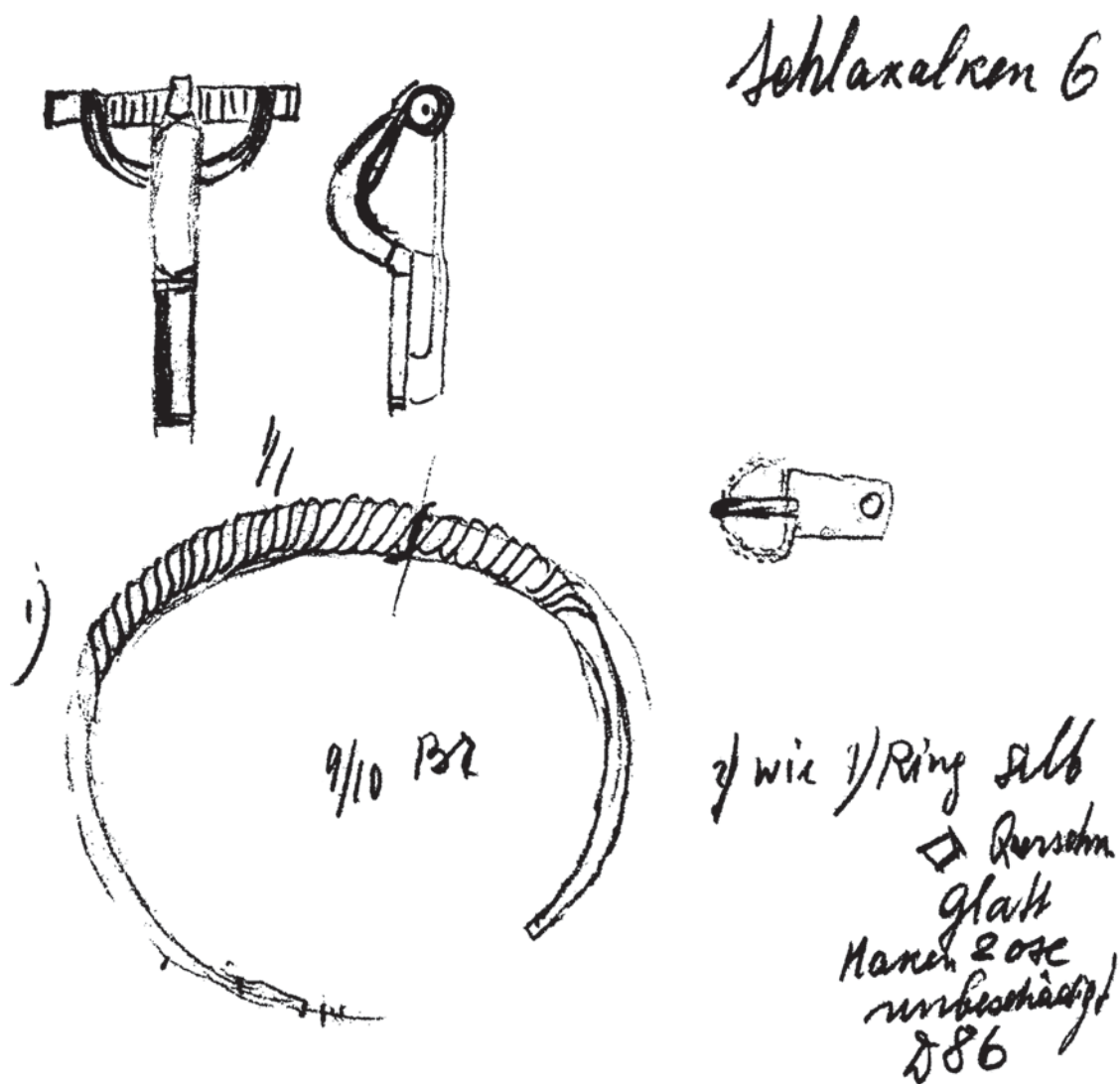

Рис. 6. Могильник Шлакалькен-III (Schlakalken-III), погребение 6

По: Nowakiewicz, 2011. № 164

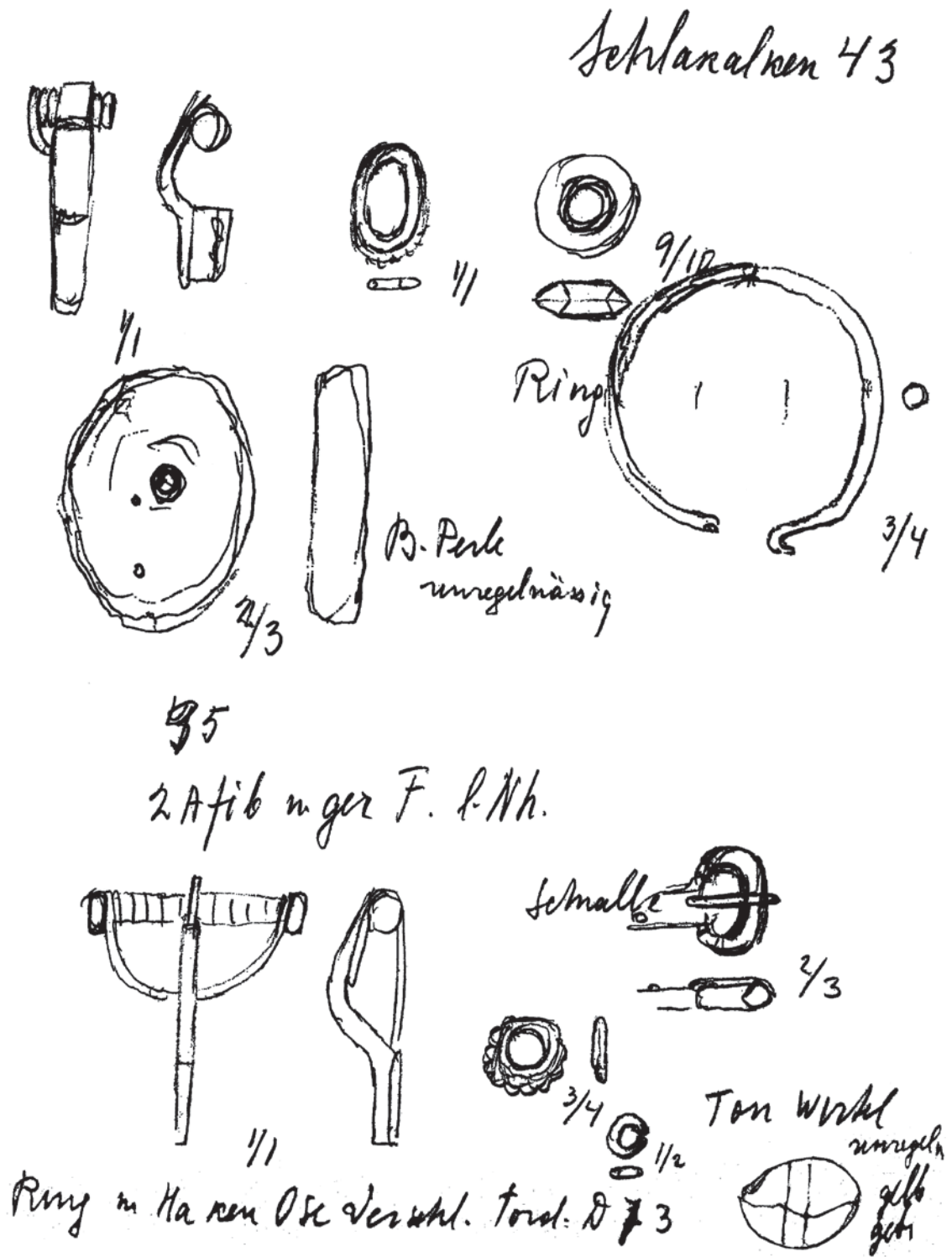

Рис. 7. Могильник Шлакалькен-III (Schlakalken-III), погребения 43 и 45

По: Nowakiewicz, 2011. № 164

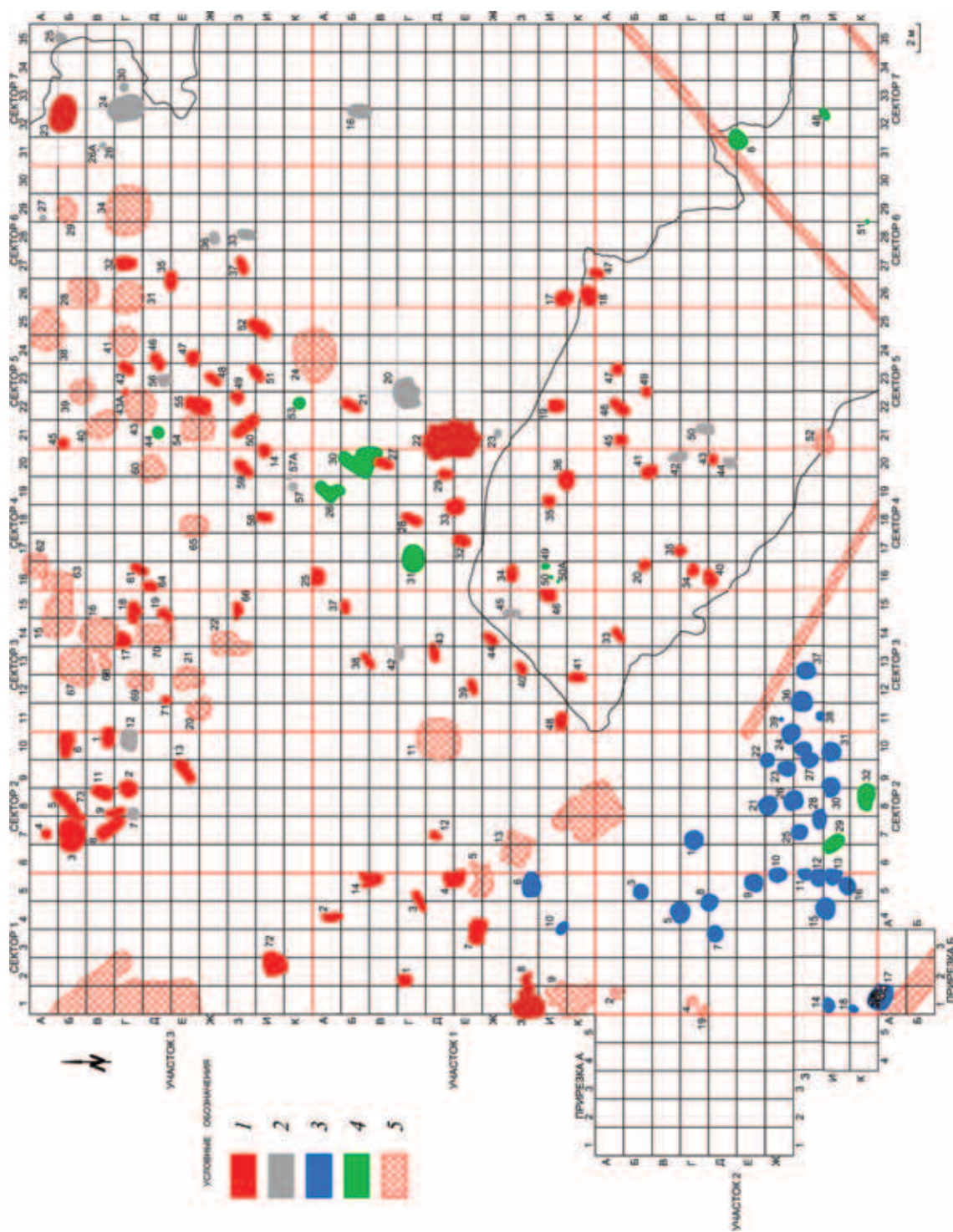

Рис. 8. План могильника Заостровье-1

1 – объекты, связанные с могильником; 2 – объекты не имеющие обоснованной даты; 3 – объекты раннего железного века; 4 – объекты эпохи бронзы; 5 – поздние ямы и перекопы

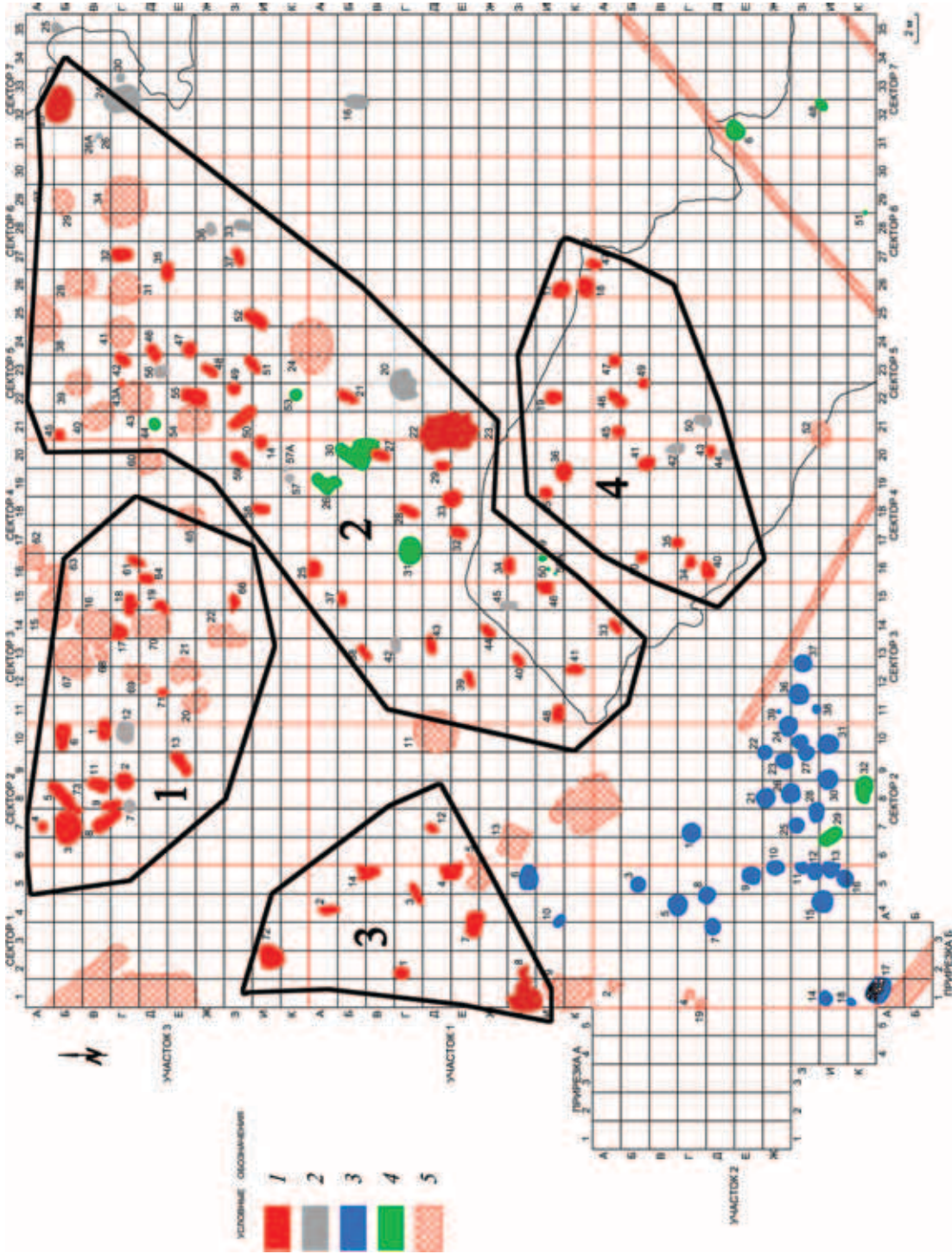

Рис. 9. Могильник Заостровье-1. Гипотетические группы погребений

1 – объекты, связанные с могильником; 2 – объекты не имеющие обособленной даты; 3 – объекты раннего железного века; 4 – объекты эпохи бронзы; 5 – поздние ямы и переколы

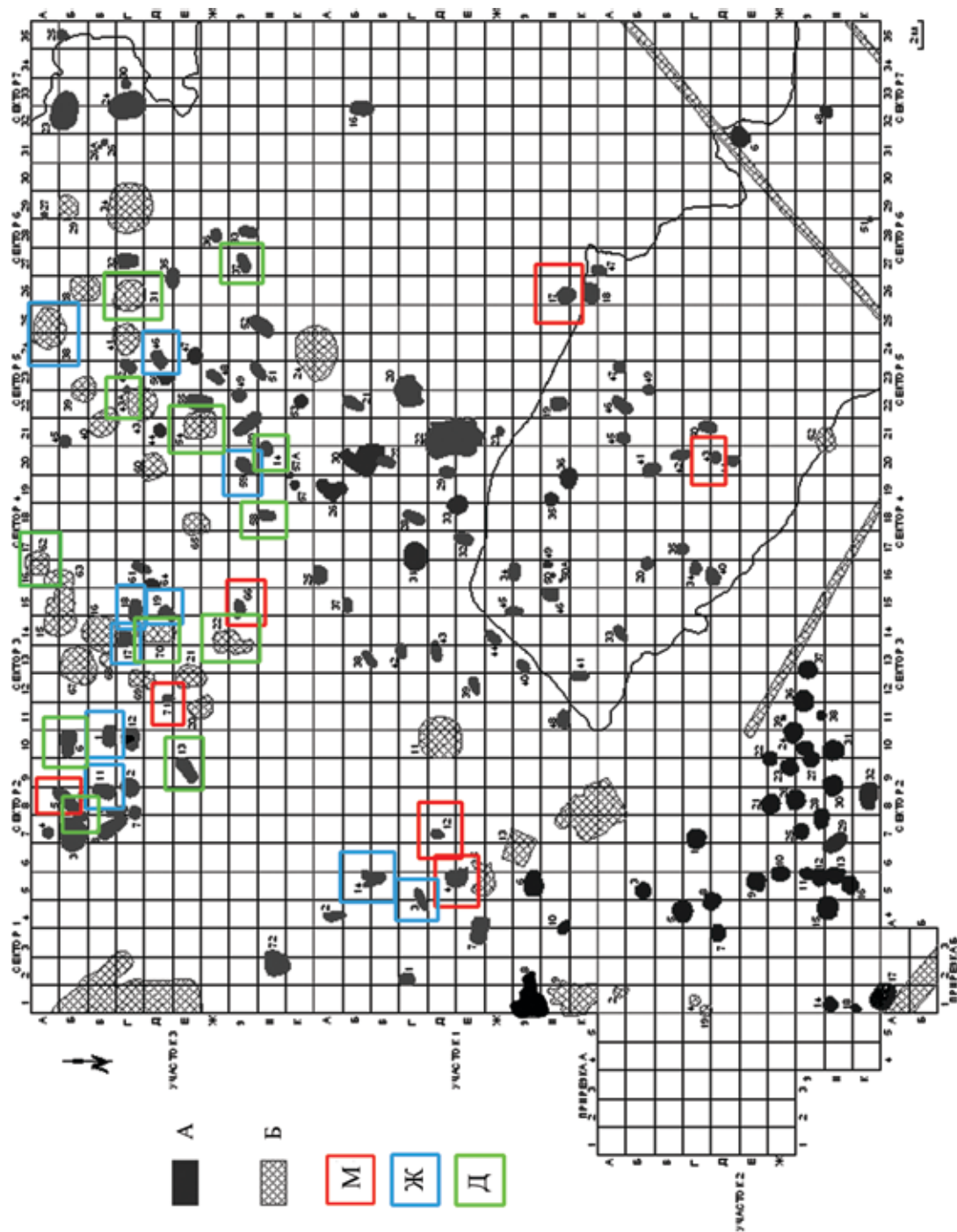

Рис. 10. Распределение мужских (М), женских (Ж) и детских (Д) на территории могильника Заостровье-1
 А – исследованные объекты; Б – разрушенные объекты и поздние перекопы

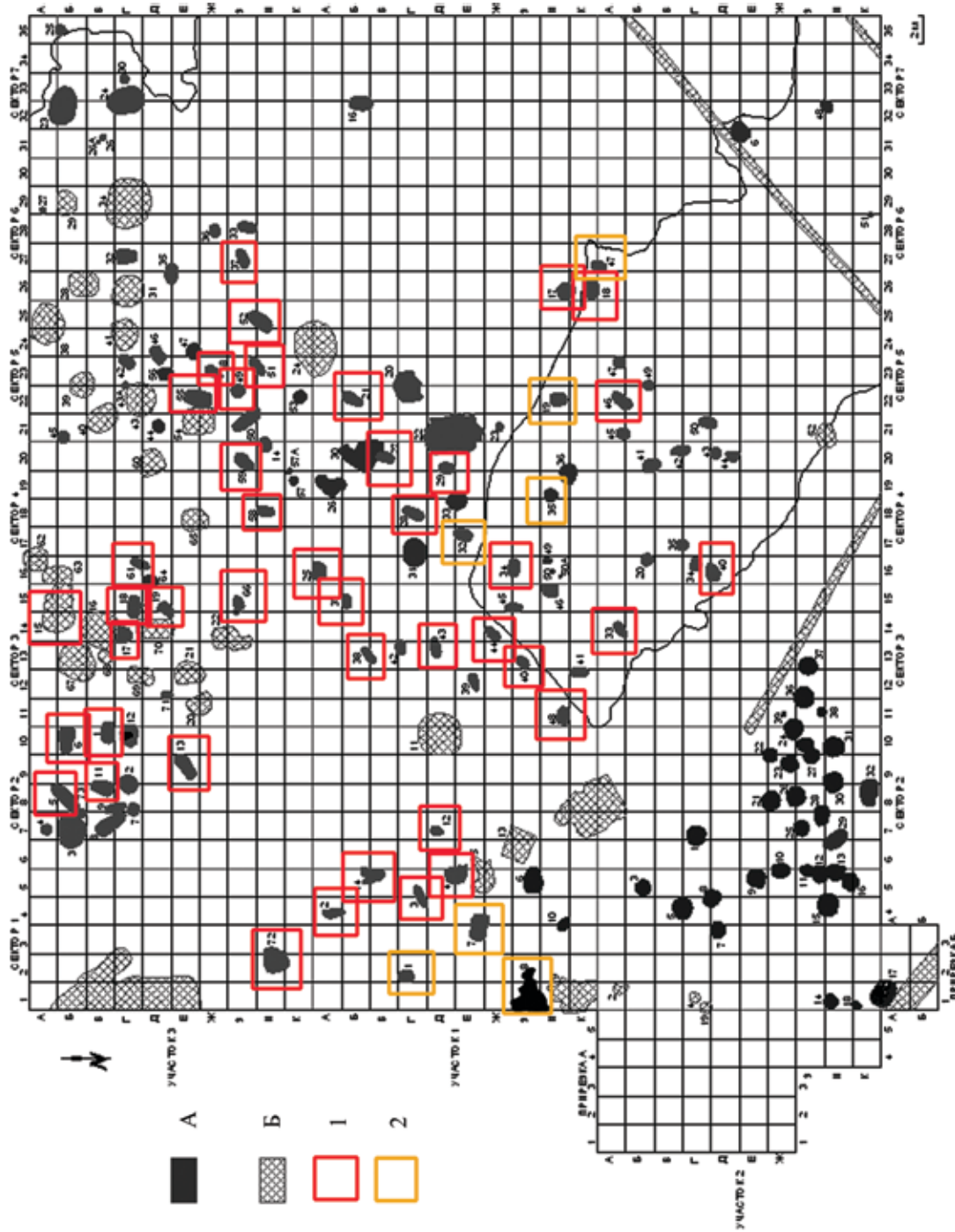

Рис. 11. Распределение погребений с конями (1) и захоронений коней (2) на территории могильника Заостровье-1
 А – исследованные объекты; Б – разрушенные объекты и поздние перекопы

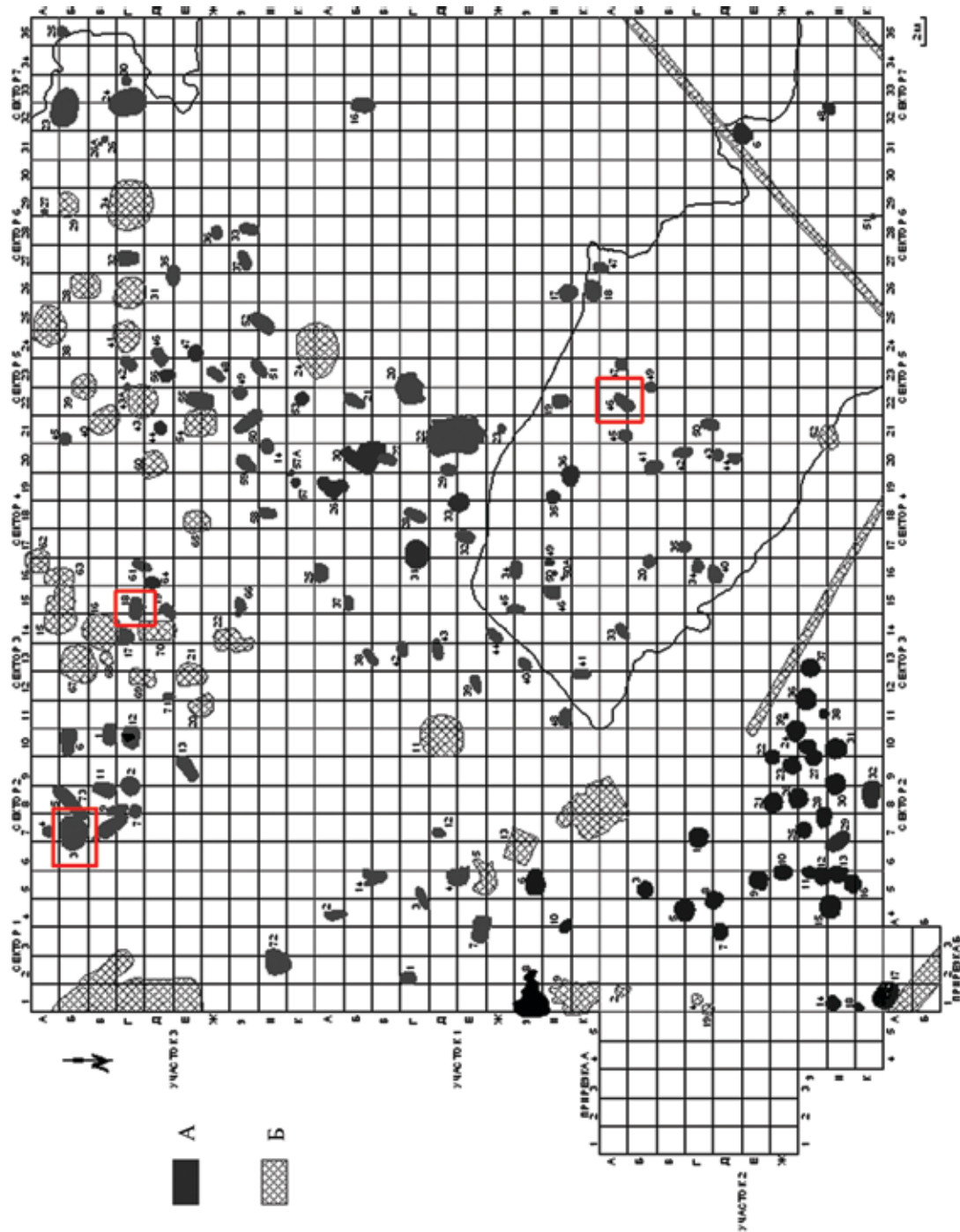

Рис. 12. Распределение погребений с «богатым» инвентарем на территории могильника Заостровье-1

А – исследованные объекты; Б – разрушенные объекты и поздние перекопы

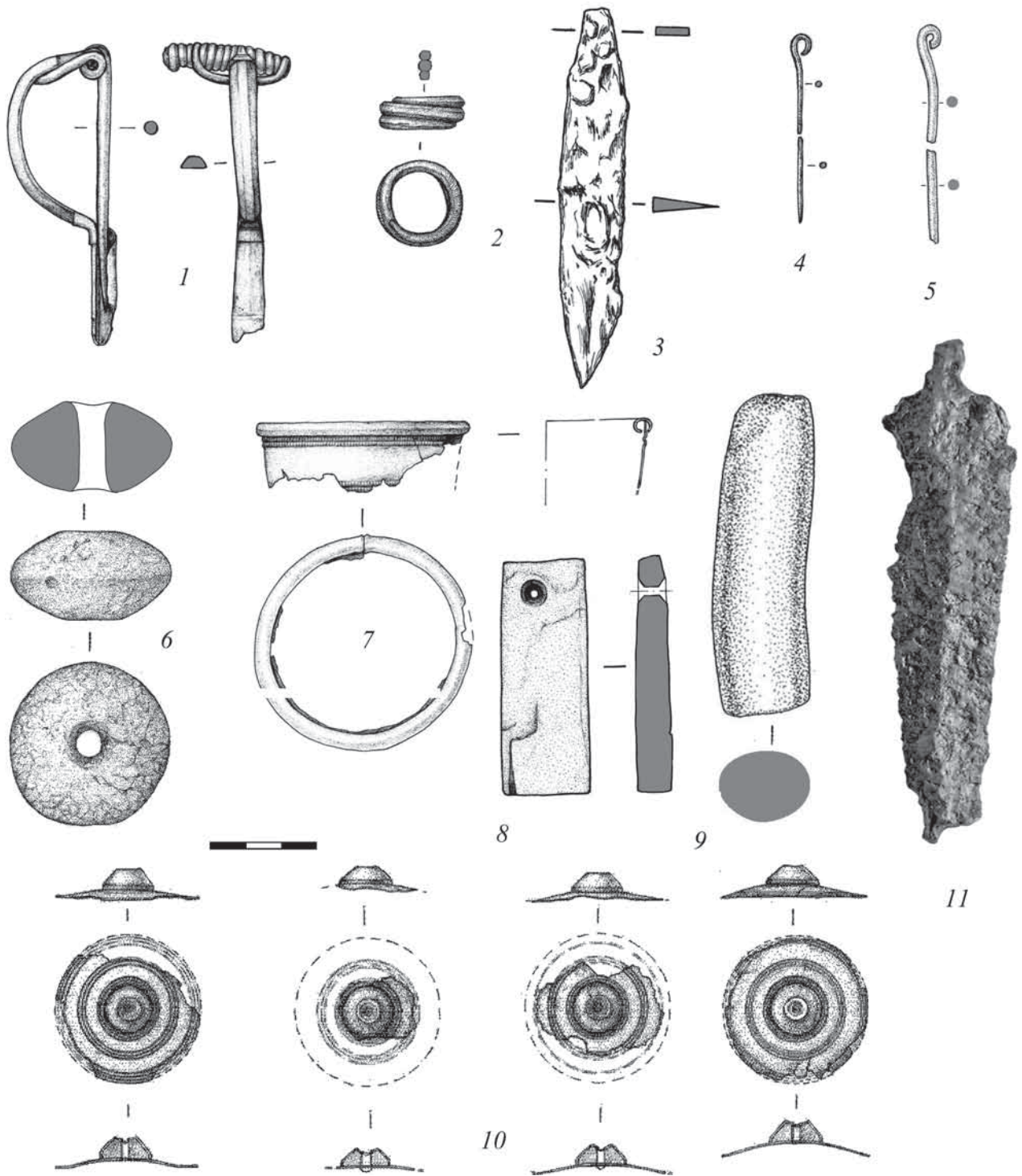

Рис. 13. Могильник Заостровье-1. Вещи из объектов и слоя

1, 6 – объект 73.3; 2 – слой, участок 5, сектор 1, кв. Е-25; 3 – объект 17.1; 4 – объект 58.3;
 5 – объект 31.3; 7 – объект 18.3; 8 – объект 11.3; 9 – объект 5.1; 10 – объект 46.2; 11 – объект 64.3
 1, 2, 4, 5, 7–10 – бронза; 3, 11 – железо; 6 – керамика; 8, 9 – камень

Рис. 14. Фibuла из объекта 73.3
бронза

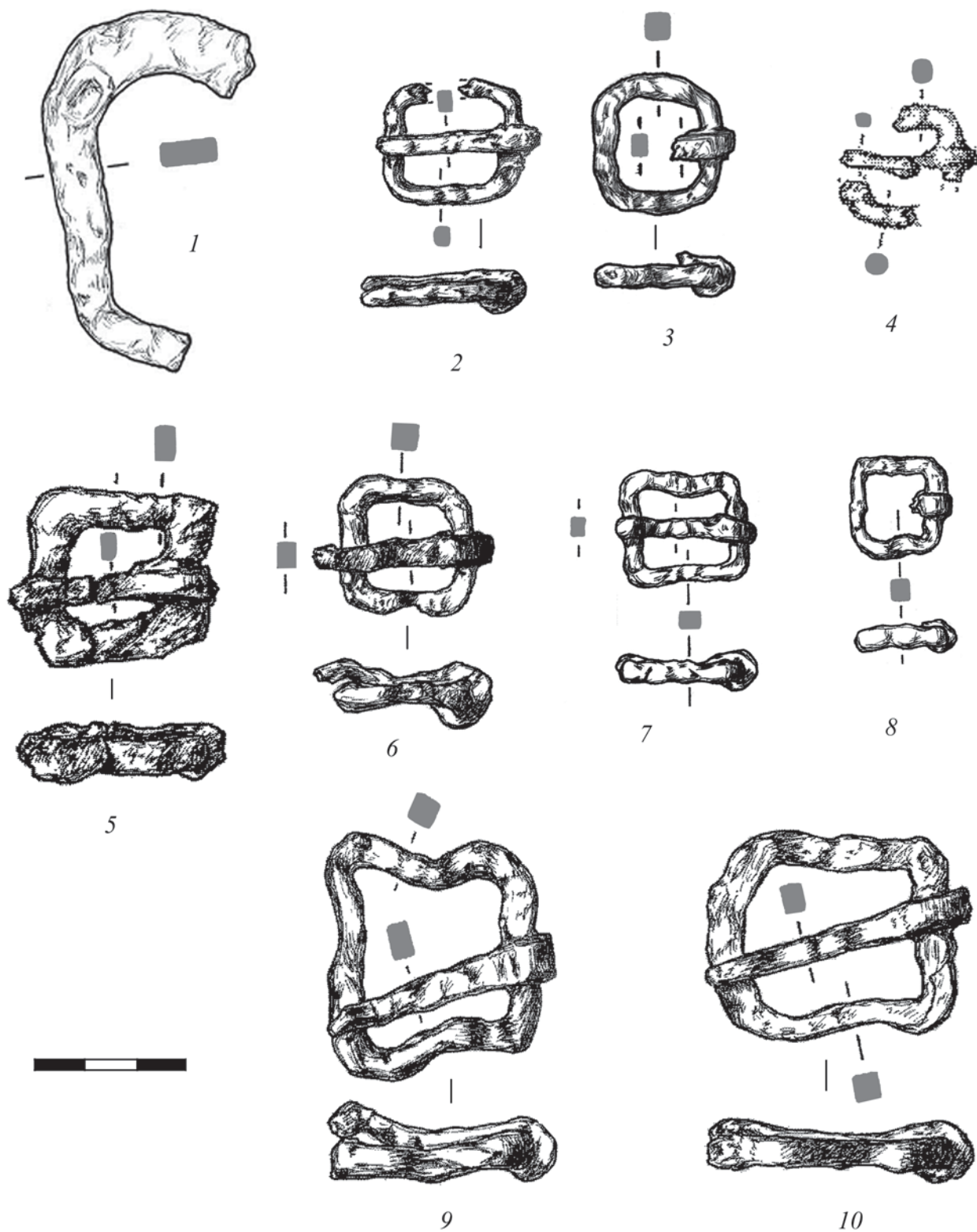

Рис. 15. Железные пряжки

1 – слой, участок 2, сектор 5, кв. А-25; 2 – объект 2.1; 3 – объект 13.3; 4, 6 – объект 59.3;
 5 – объект 46.2; 7 – объект 51.3; 8 – объект 29.1; 9 – объект 3.1; 10 – объект 46.2

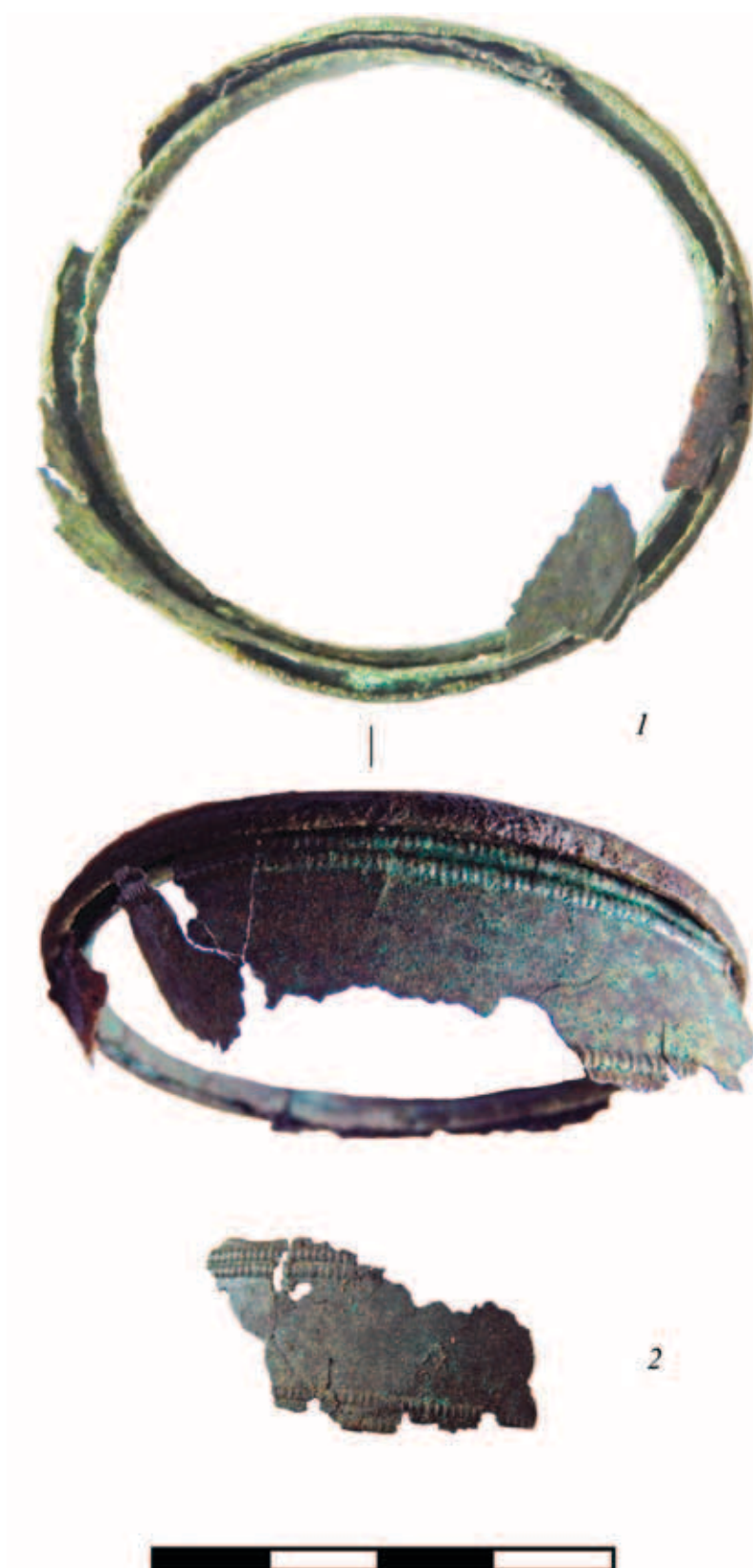

Рис. 16. Питыевой рог из объекта 18.3 (1) и пластина (гарнитуры рога?) из объекта 3.3 (2)
бронза

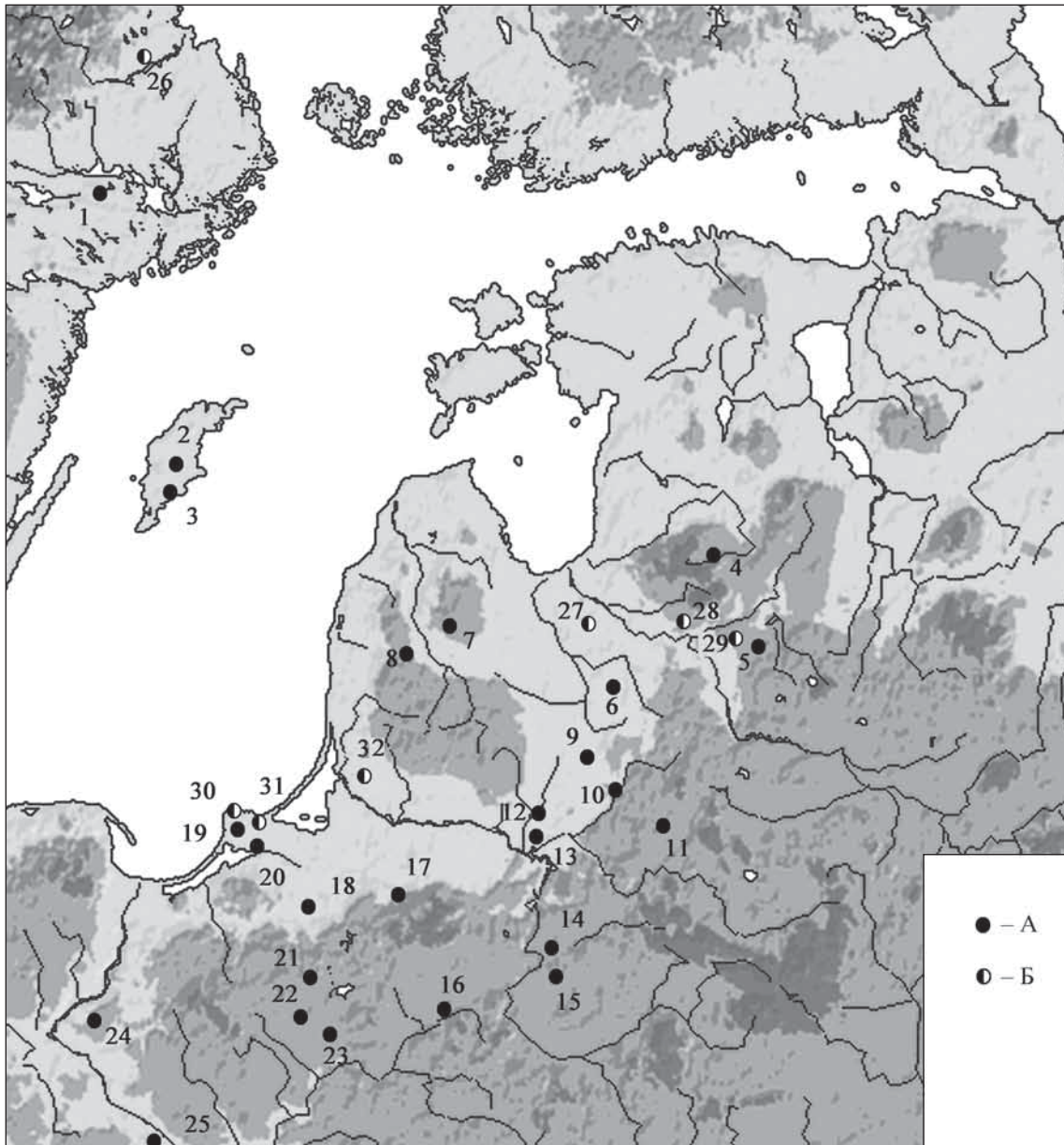

Рис. 17. Находки металлических элементов питьевых рогов

А – период С–D и D; Б – период E.

1 – Стенстуган (Stenstugan); 2 – Сойвиде (Sojvide); 3 – Роес (Roes); 4 – Яун-Тевенес (Jaun-Tēvenēs); 5 – Салиенеки (Salenieki); 6 – Линкайчай (Lincaičiai); 7 – Кокумуижа (Kokumuīža); 8 – Кукяй (Kukiai); 9 – Пашилай (Pašiliai); 10 – Риклкай (Riklkai); 11 – Таурапилис (Taurapilis); 12 – Пашушвис (Pašušvys); 13 – Плинкайгалис (Plinkaigalis); 14 – Крикштонис (Krikštonis); 15 – Высокие (Wysokie); 16 – Нетта (Netta); 17 – Швайцария (Szwajcарia); 18 – Гуты (Guty); 19 – Коврово-Доллкайм (Dollkeim); 20 – Люблино (Seerappen); 21 – Косево (Kosewo Stare/Alt Kosseven); 22 – Старе Кийкуты (Stare Kiejkuty); 23 – Госор (Gašior); 24 – Грубно (Grubno); 25 – Ждзаров (Żdżarów); 26 – Хаде (Hade); 27 – Кентес (Kentes); 28 – Леясбитени (Lejasbitēni); 29 – Лиелпудери (Lielpuderi); 30 – Гаутен (Gauten)-Путилово; 31 – Заостровье-1; 32 – Рубокай (Rubokai).

По: *Andrzejowski*, 1991, с дополнениями

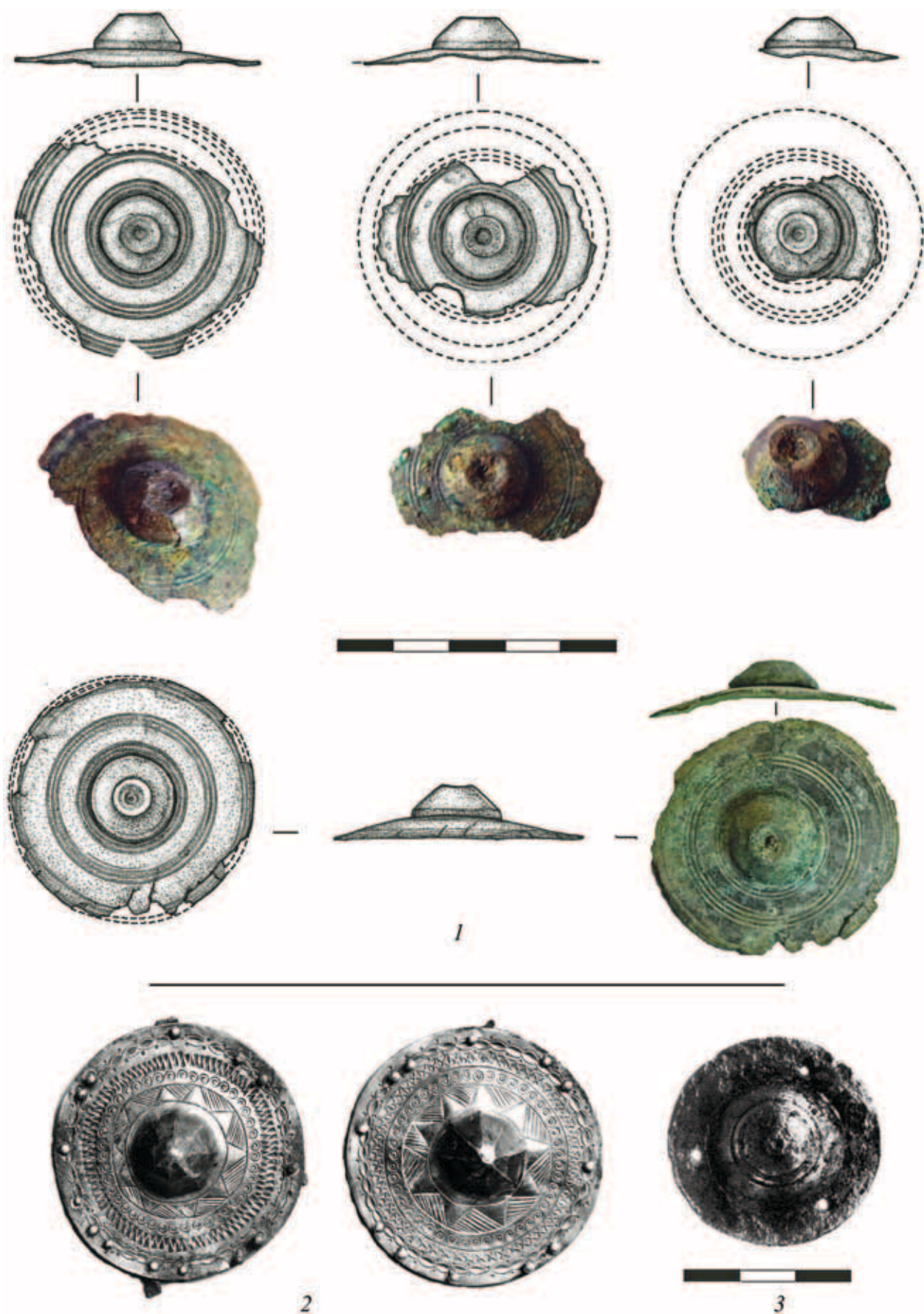

Рис. 18. Накладки конской сбруи из объекта 46.2 (1) и их параллели из Унтерзибенбрунна (2) и Сард (3)

2 – фото *Kunsthistorisches Museum*, Вена; 3 – по: *Waldbaum*, 1983. Pl. 50, 876

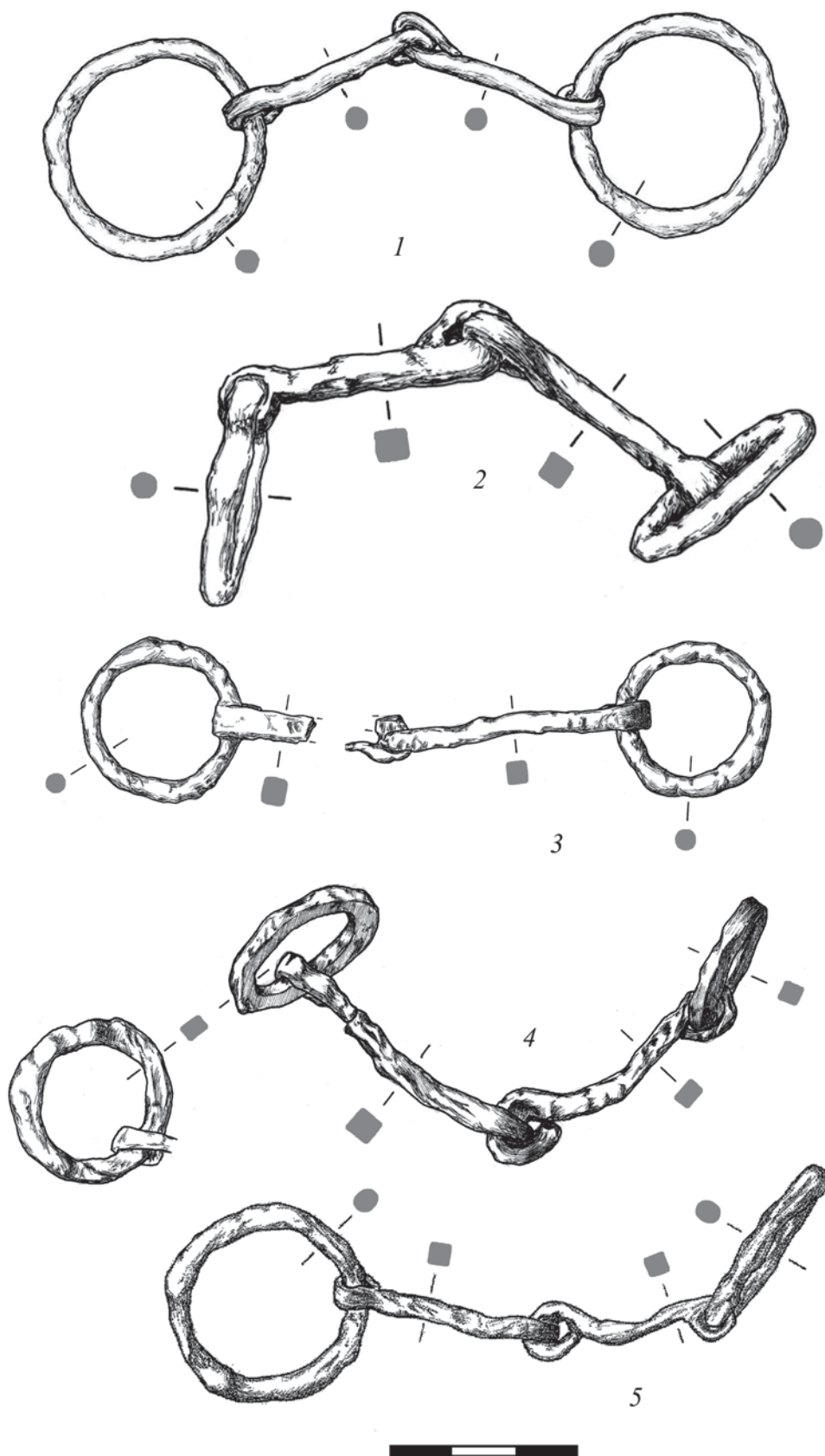

Рис. 19. Двучастные железные удила

1 – слой, участок 2, сектор 5, кв. А-25; 2 – объект 48.1; 3 – объект 51.3; 4 – объект 27.1; 5 – объект 1.3

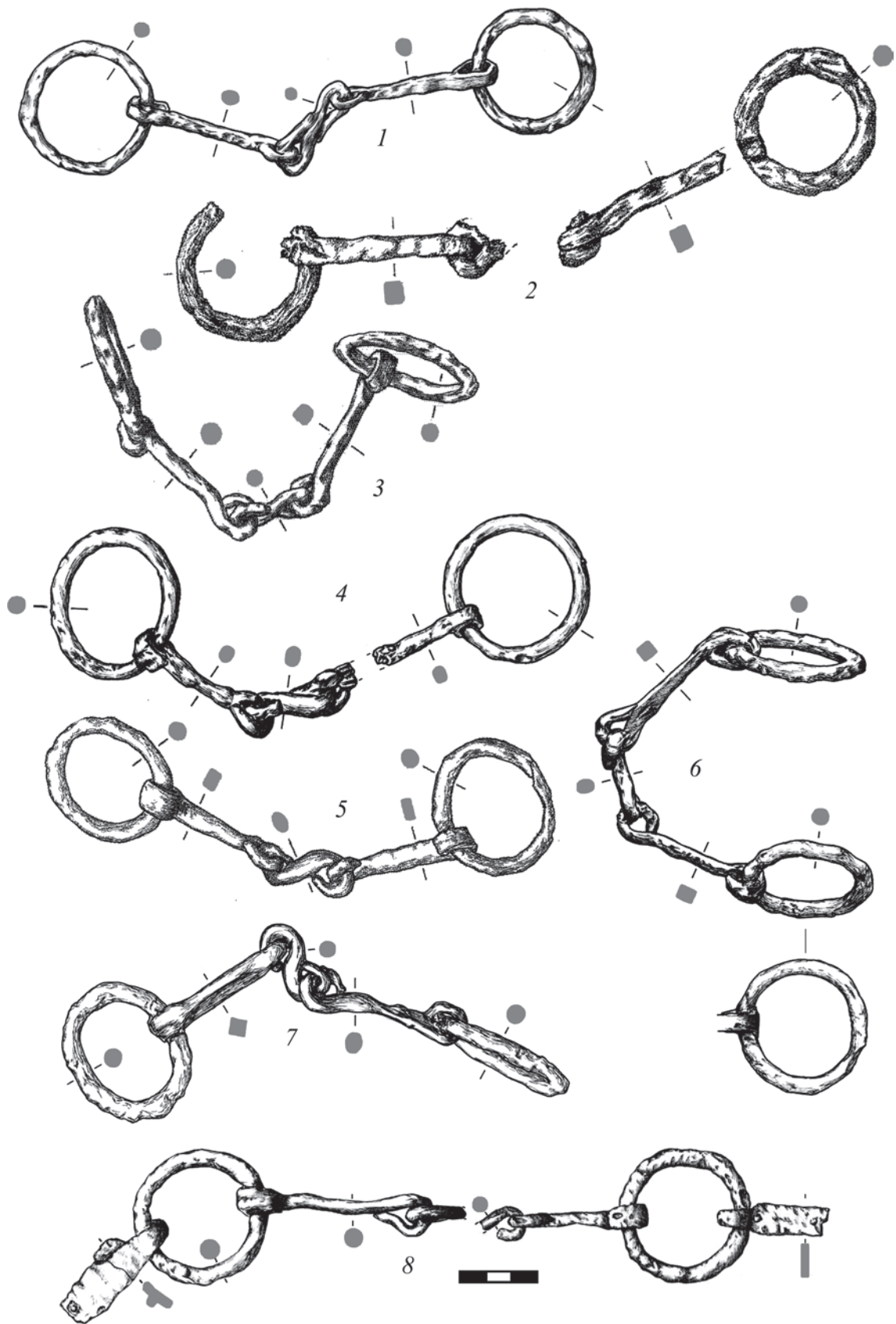

Рис. 20. Трехчастные железные удила

1 – объект 29.1; 2 – объект 28.1; 3 – объект 21.1; 4 – объект 5.3; 5 – объект 15.3; 6 – объект 19.3;
7 – объект 18.3; 8 – объект 14.1

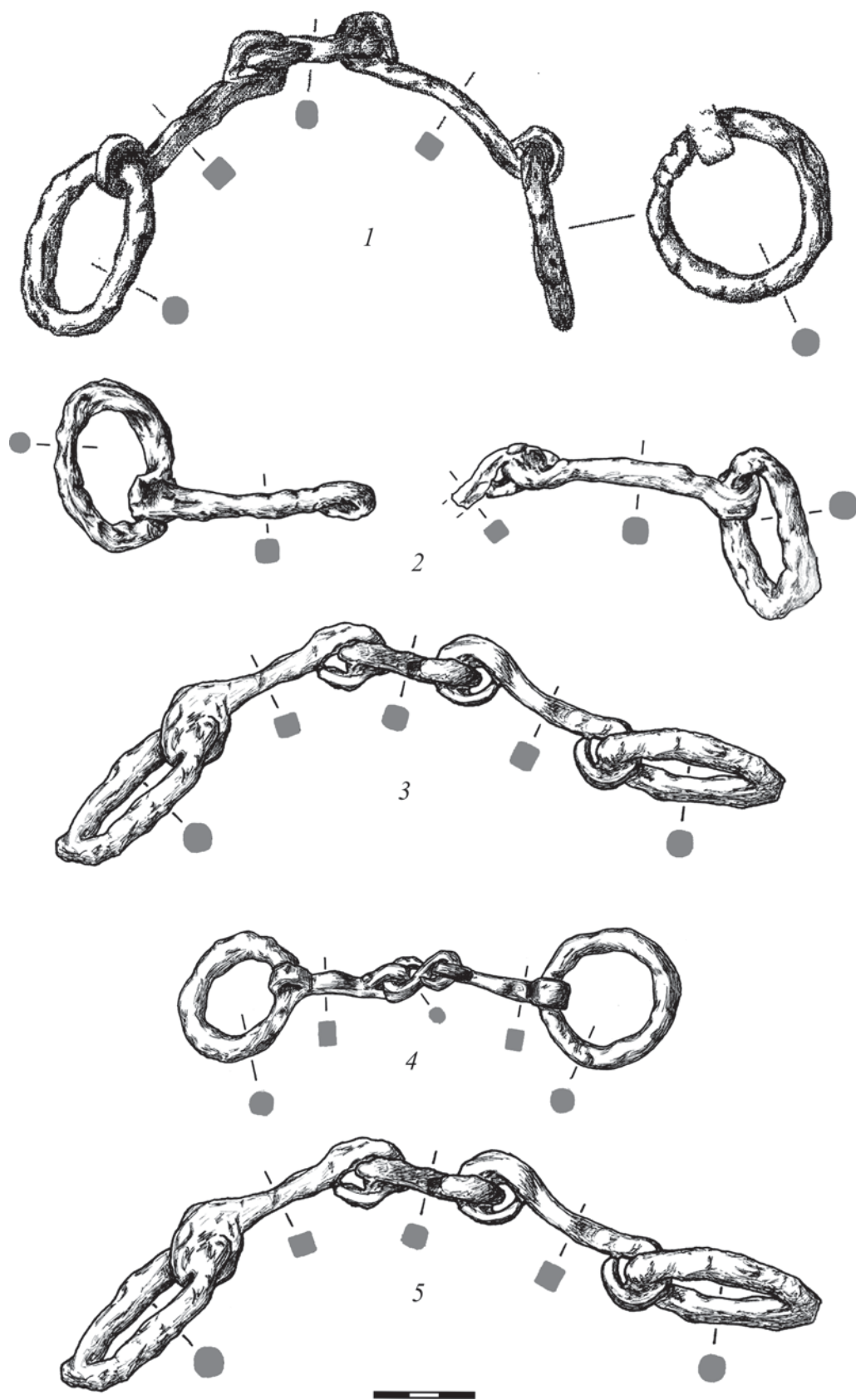

Рис. 21. Трехчастные железные удила

1 – объект 52.3; 2 – объект 13.3; 3 – объект 37.3; 4 – объект 38.1; 5 – объект 72.3

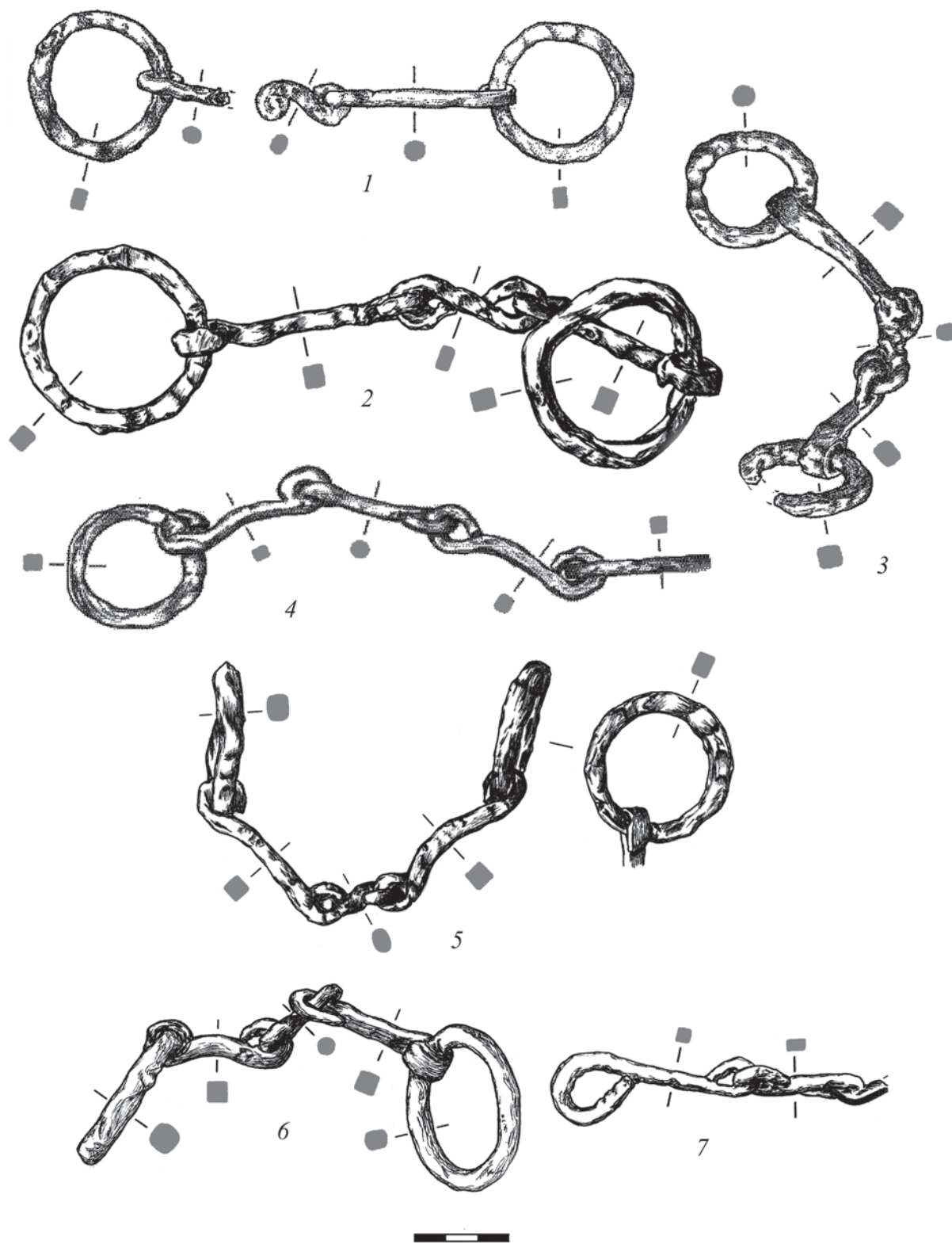

Рис. 22. Трехчастные железные удила

1 – объект 2.1; 2 – объект 33.2; 3 – объект 40.2; 4 – объект 3.1; 5 – объект 58.3; 6 – объект 32.1; 7 – объект 49.3

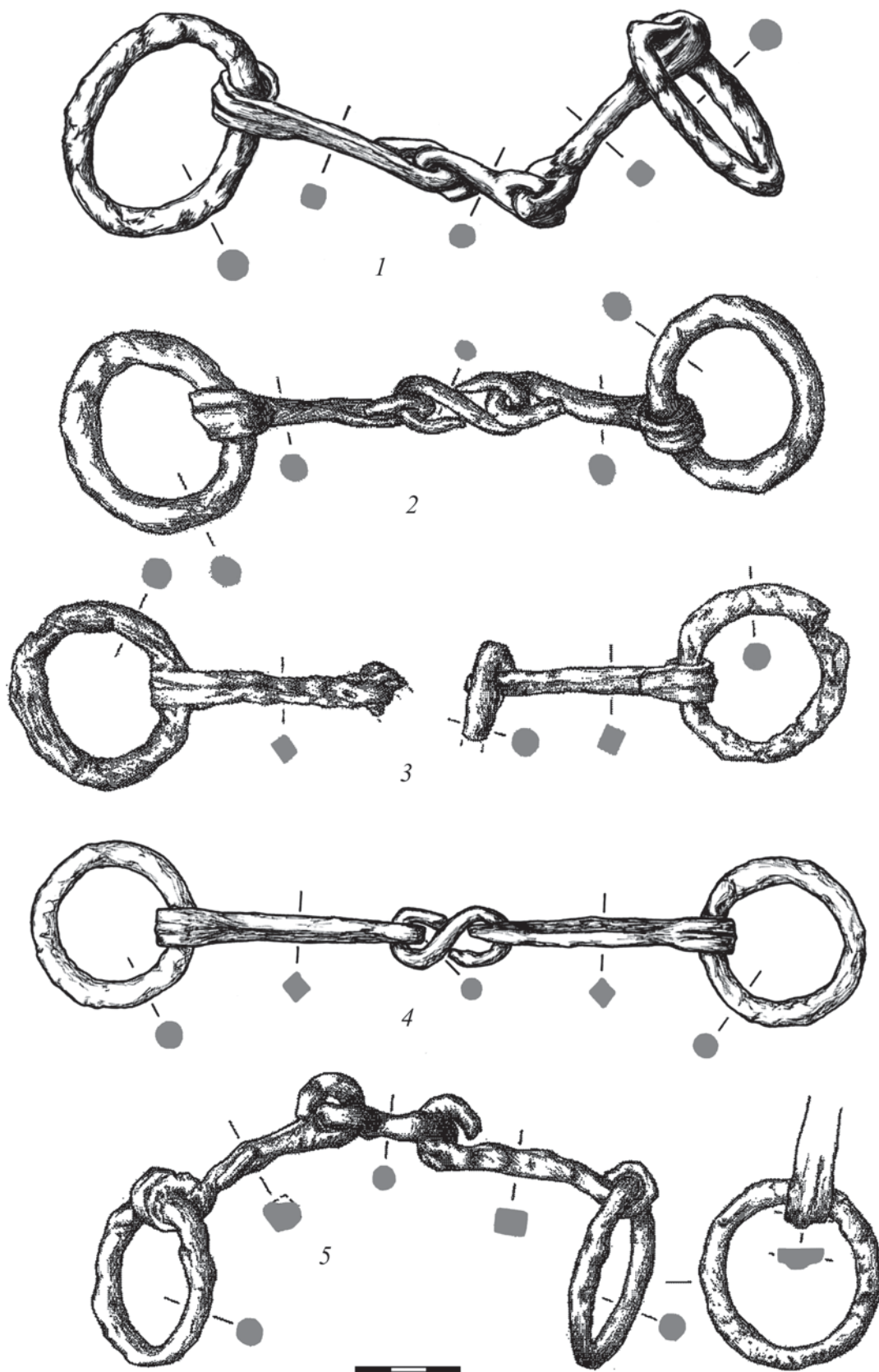

Рис. 23. Трехчастные железные удила

1 – объект 43.1; 2 – объект 55.3; 3 – объект 59.3; 4 – объект 61.3; 5 – объект 66.3

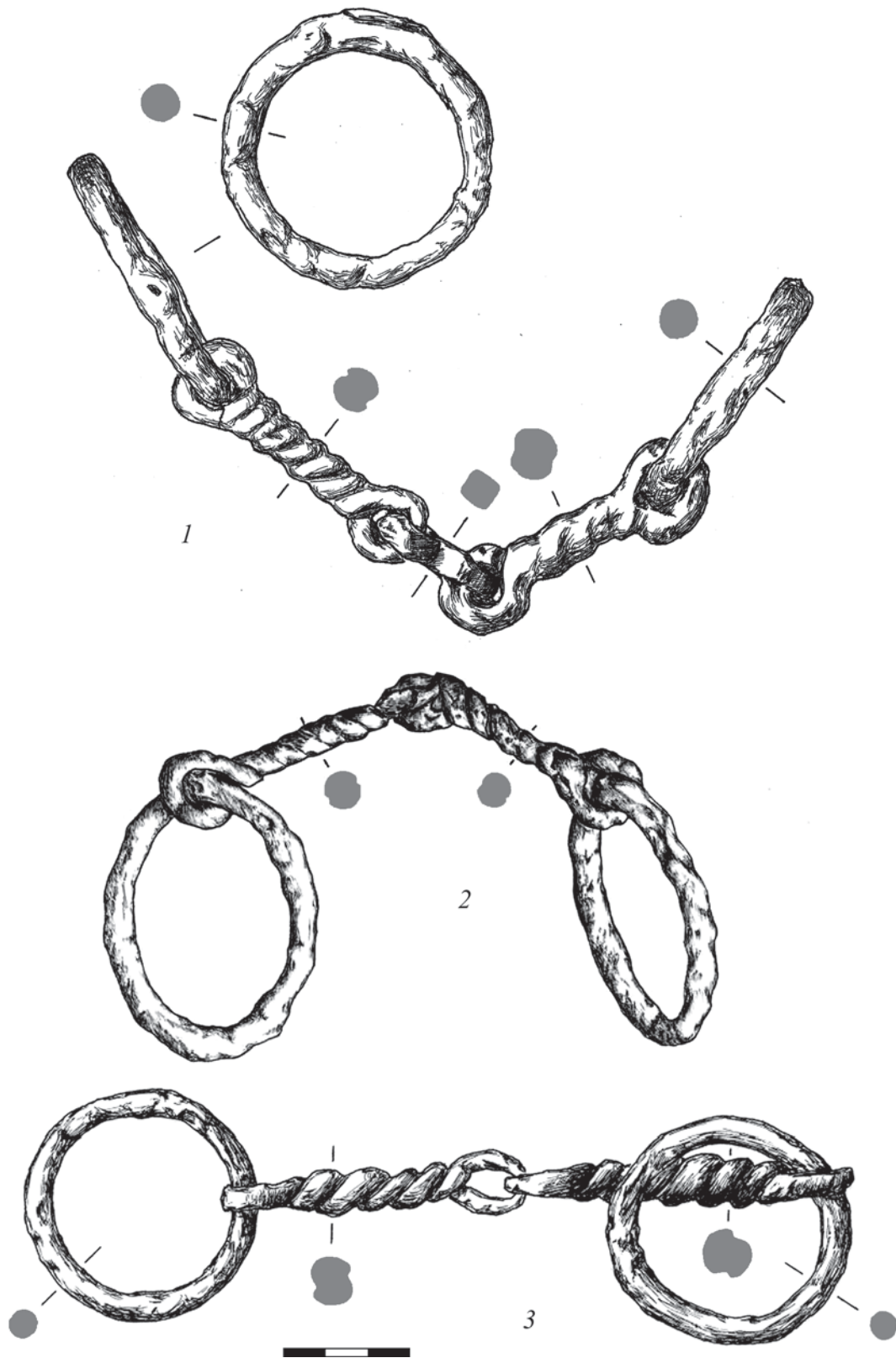

Рис. 24. Двучастные (2, 3) и трехчастные (1) железные удила с витыми грызлами
 1 – объект 46.2; 2 – объект 47.1; 3 – объект 17.1

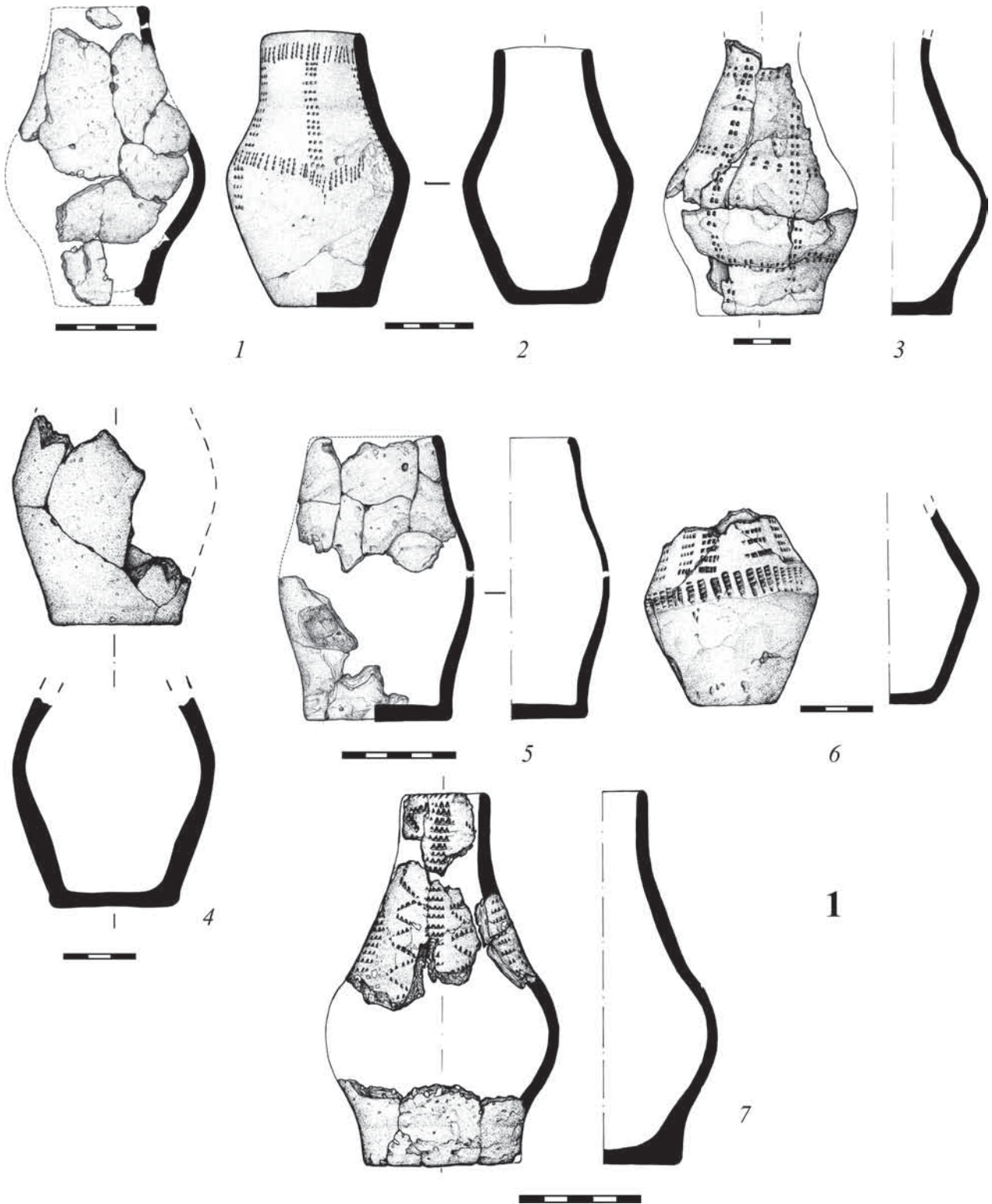

Рис. 25. Керамические сосуды. Форма 1

1 – объект 13.3; 2 – объект 12.1; 3 – объект 37.1; 4 – объект 5.3; 5 – объект 46.3; 6 – объект 14.1;
7 – объект 14.3

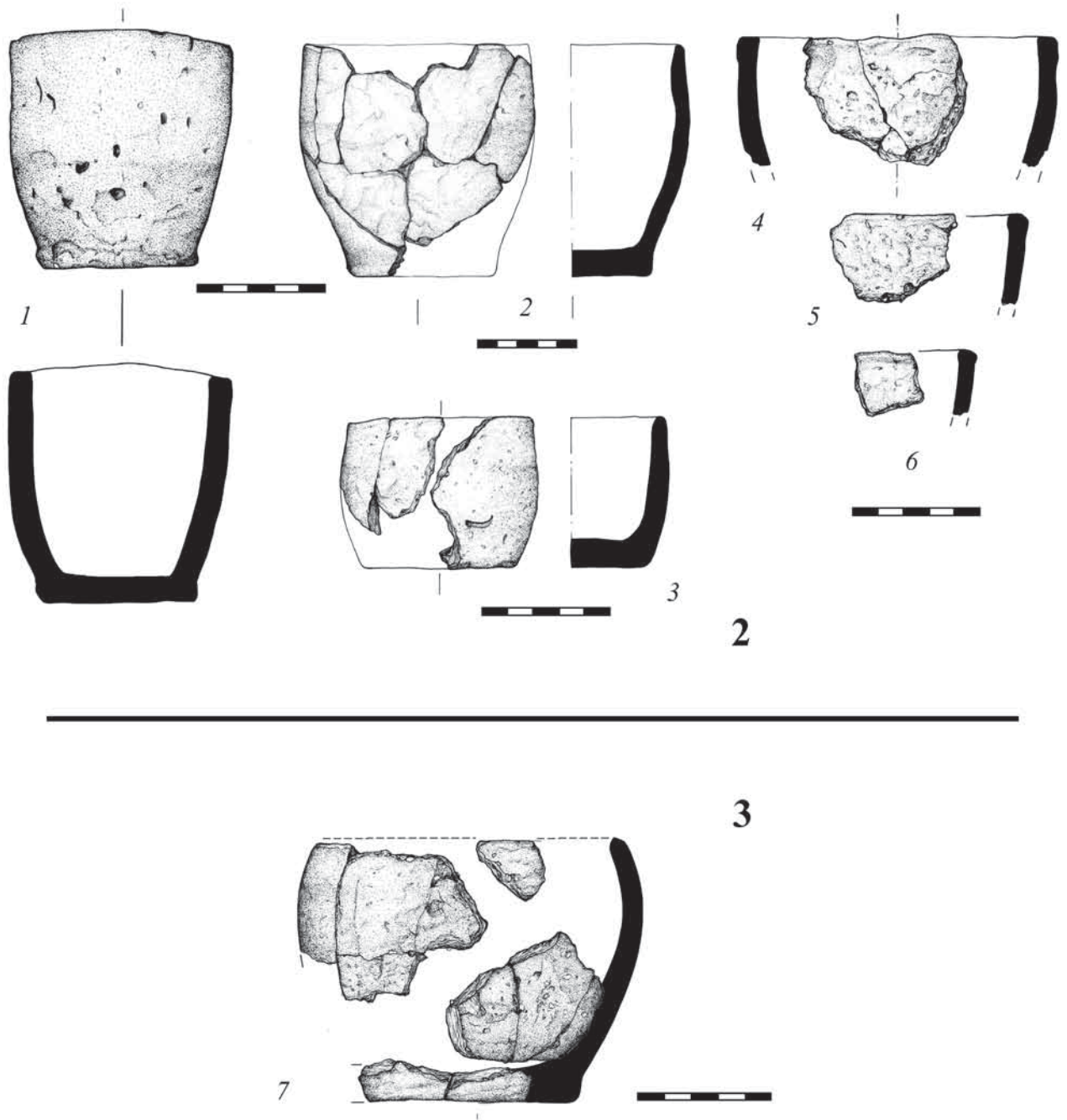

Рис. 26. Керамические сосуды. Формы 2 и 3

1 – объект 12.1; 2 – объект 33.2; 3 – объект 41.3; 4–6 – объект 2.3; 7 – объект 41.2

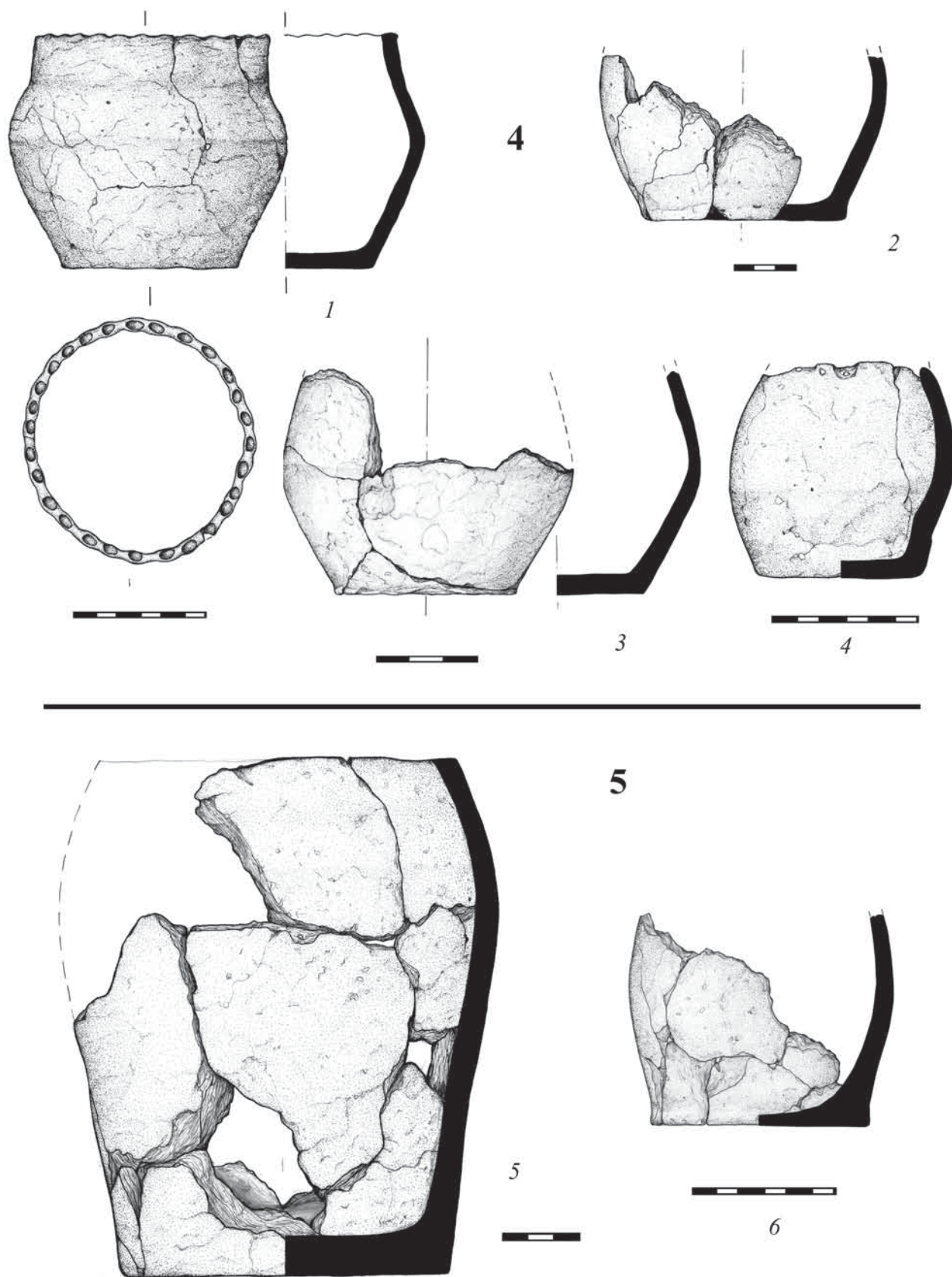

Рис. 27. Керамические сосуды. Формы 4 и 5

1 – объект 66.3; 2 – объект 4.1; 3 – объект 13.3; 4 – объект 9.3; 5 – объект 14.3; 6 – объект 50.3

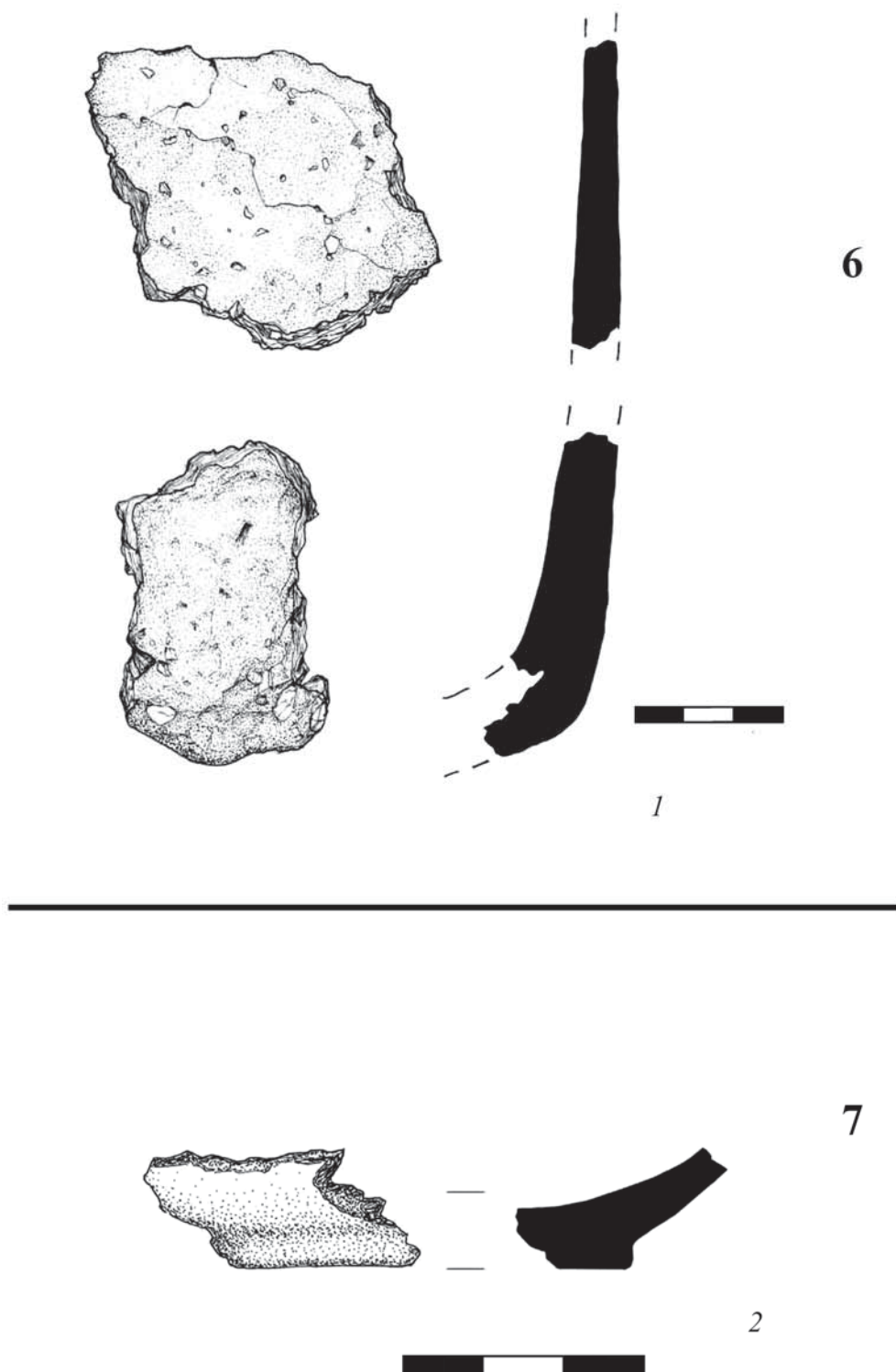

Рис. 28. Керамические сосуды. Формы 6 и 7

1 – объект 41.2; 2 – слой, участок 2, сектор 5

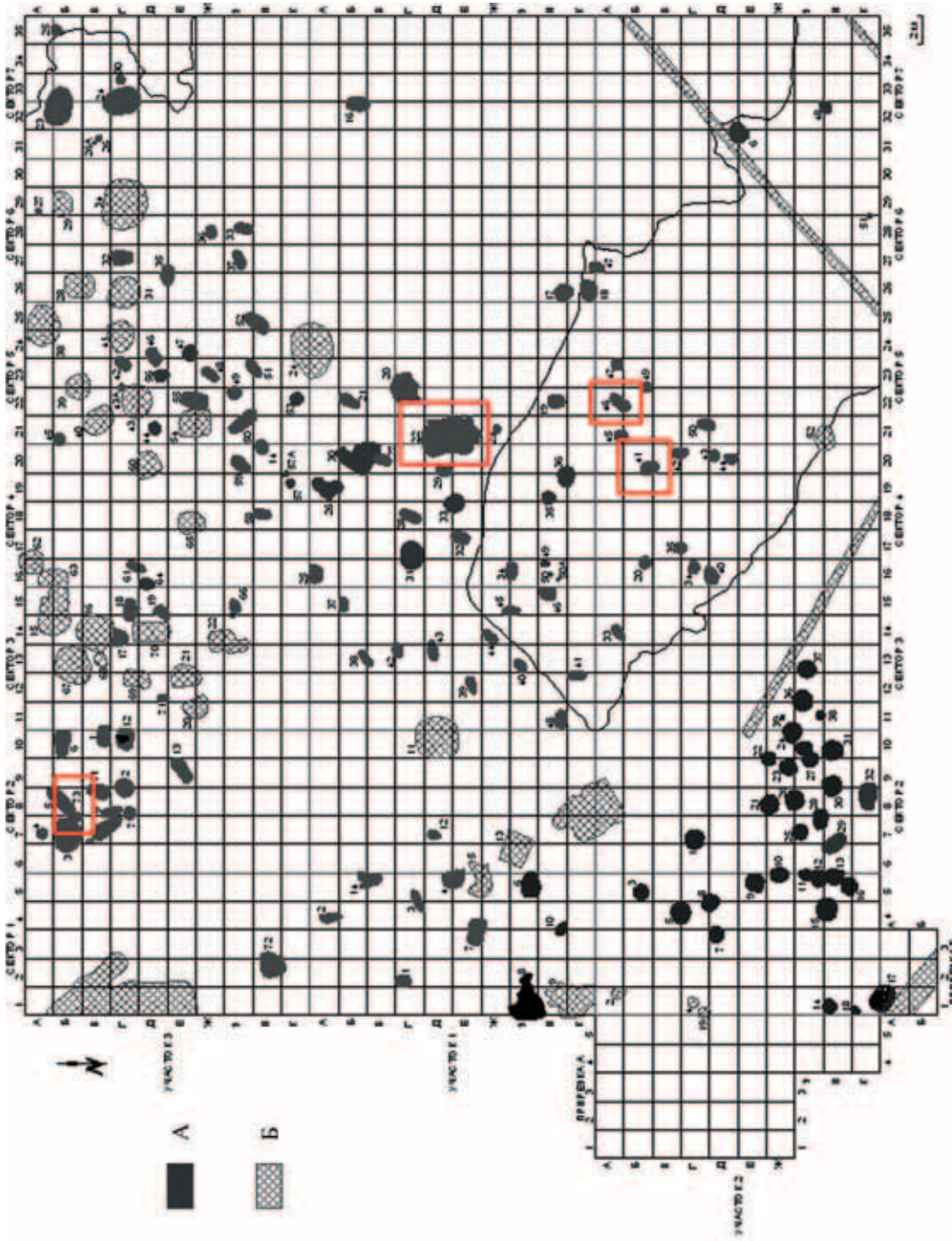

Рис. 29. Распределение наиболее ранних погребений на территории могильника Заостровье-1
 А – исследованные объекты; Б – разрушенные объекты и поздние перекопы

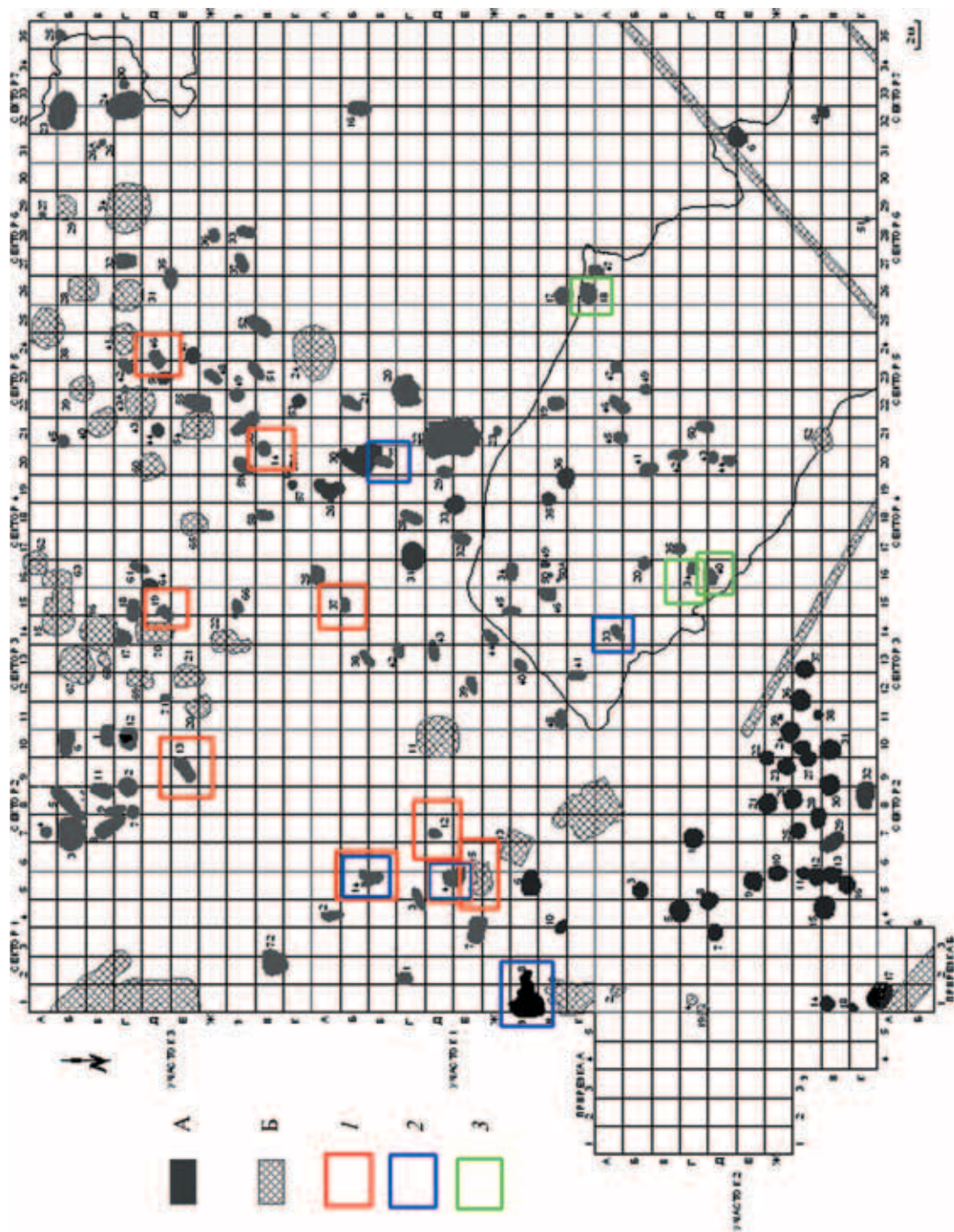

Рис. 30. Распределение «лоскутной» керамики и поздних погребений на территории могильника Заостровье-1

А – исследованные объекты; Б – разрушенные объекты и поздние перекопы. 1 – «лоскутная» керамика; 2 – погребения с радиоуглеродной датой середины VII в.; 3 – погребения с радиоуглеродной датой IX–X вв.

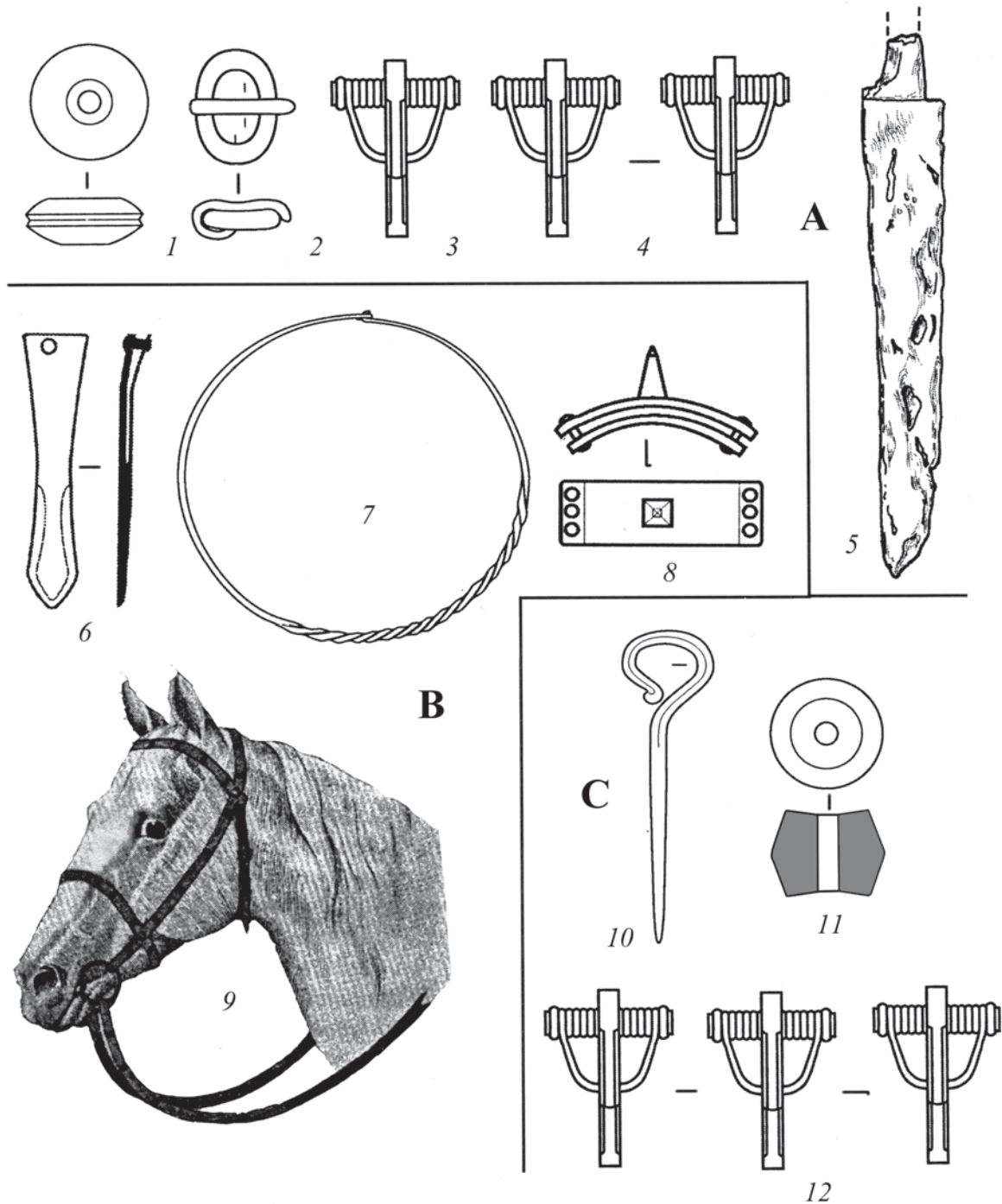

Рис. 31. Гендерные признаки погребений позднего этапа самбийско-натангийской культуры

А – вещи типичные для мужских и женских могил; В – вещи типичные для мужских могил; С – вещи типичные для женских могил. 1 – бусы; 2 – пряжки; 3 – одиночные фибулы; 4 – пары фибул; 5 – ножи; 6 – ременные наконечники; 7 – браслеты (гривны?); 8 – шпоры; 9 – конское снаряжение и погребения коней; 10 – булавки; 11 – пряслица; 12 – три фибулы

По: *Mastykova, Dobrovol'skaya, 2013. Fig. 2*

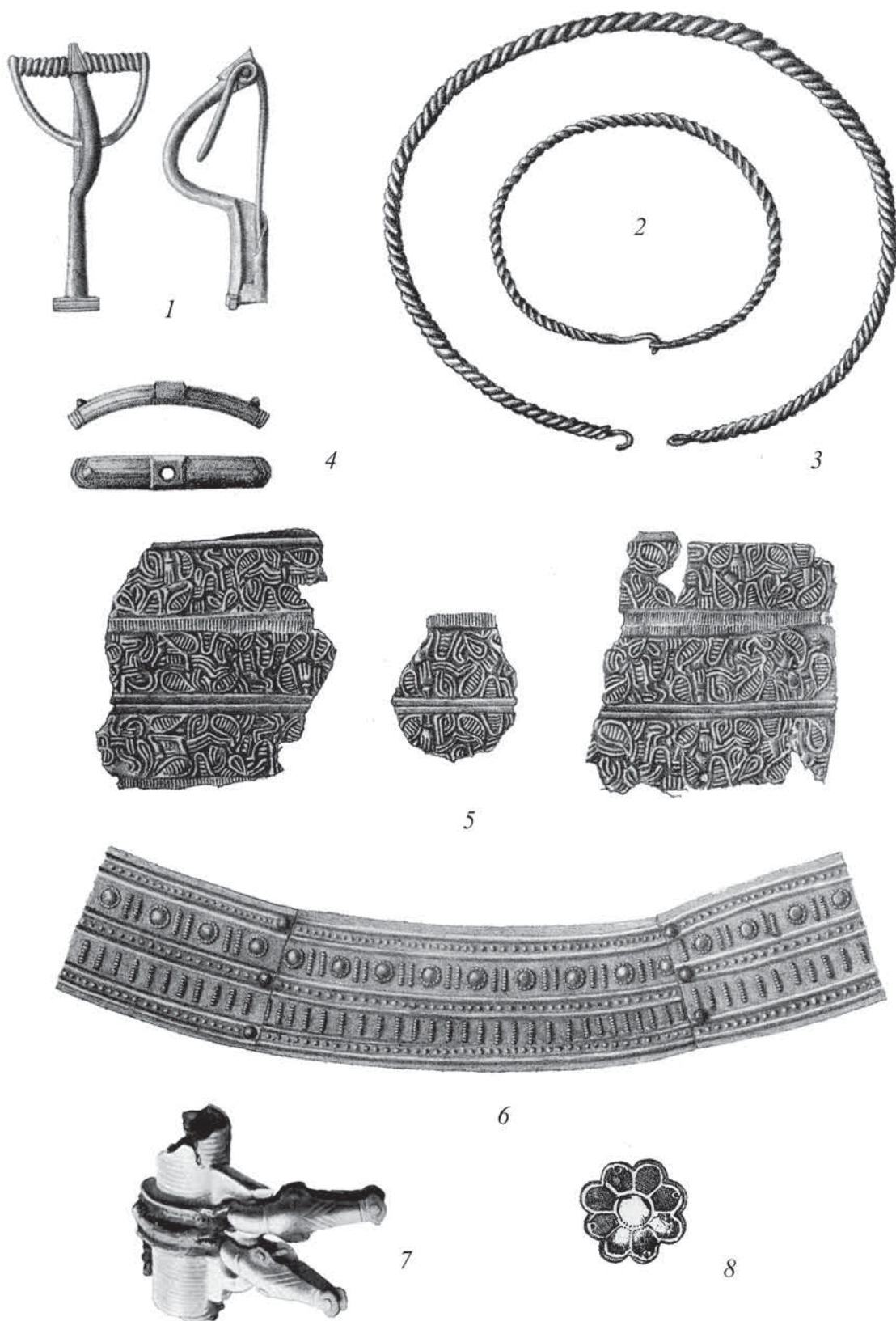

Рис. 32. Инвентарь уровня 1b

Варникам (Warnikam)-Перовомайское, погребение 1

По: Hilberg, 2009. Abb. 9.5; 9.6

без масштаба

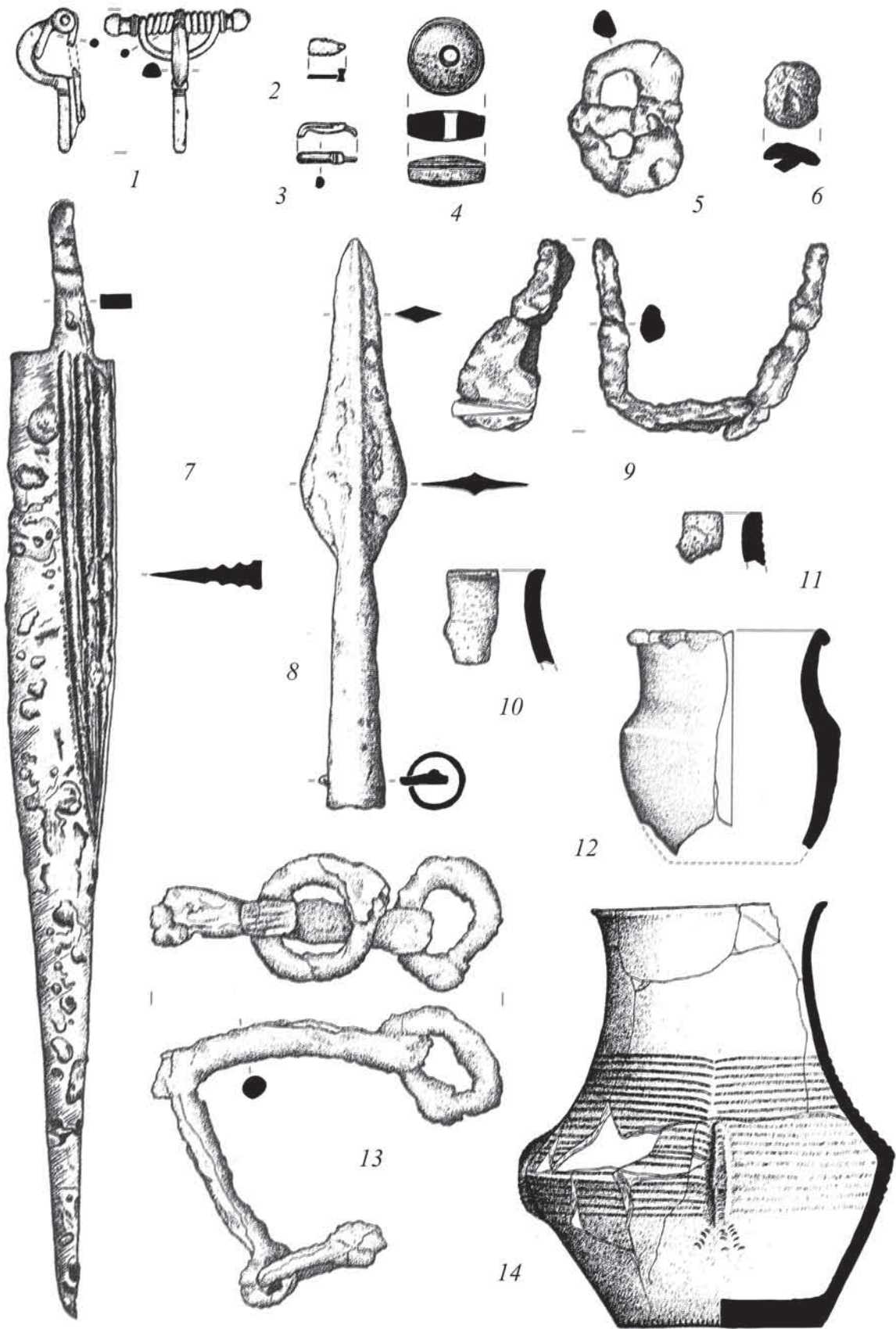

Рис. 33. Инвентарь уровня 2а

Лаут (Lauth)-Большое Исаково, погребение 52

По: Skvorzov, 2007. Abb. 64; 65

без масштаба

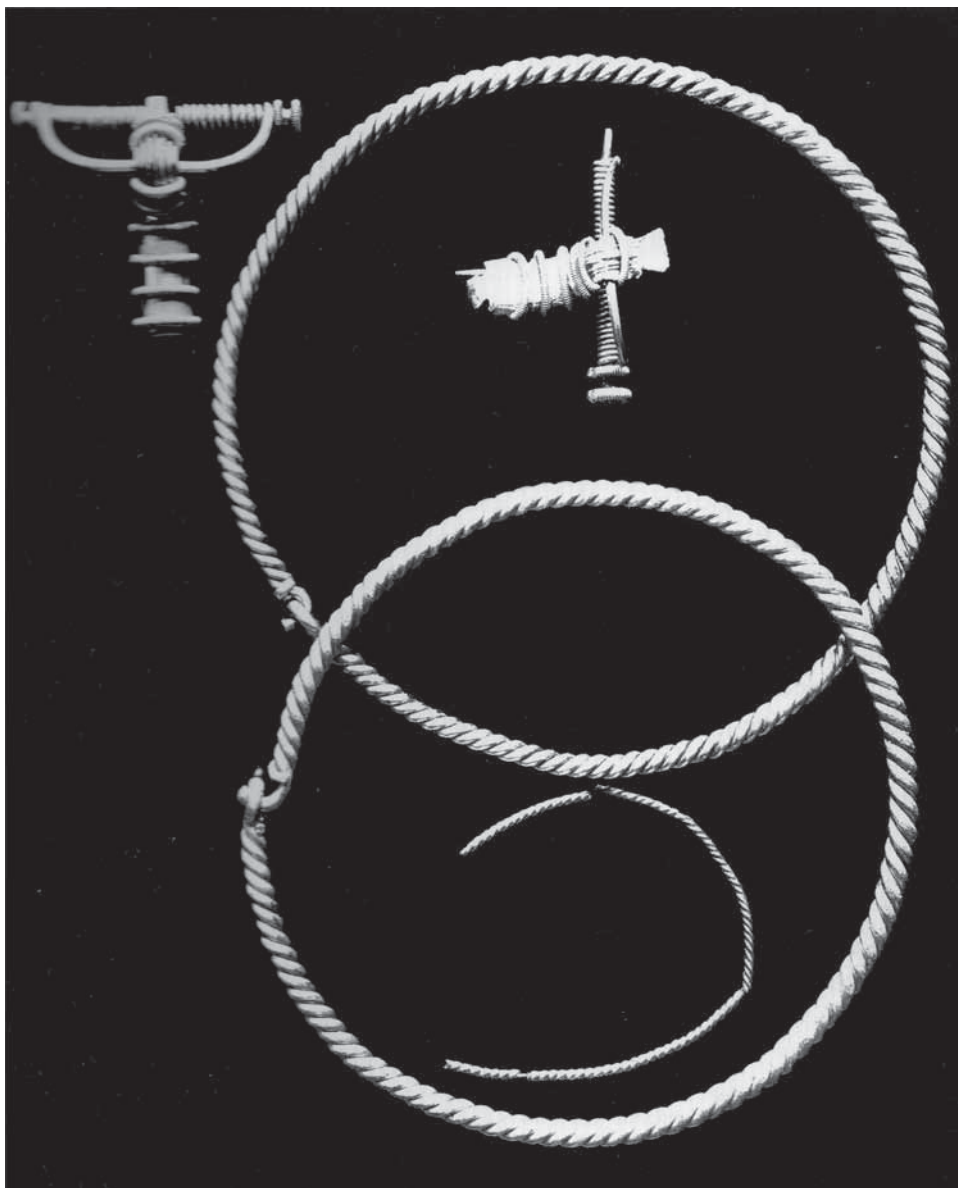

Рис. 34. Инвентарь уровня 2а
Кляйн Оттерн (Klein Ottern), клад
По: *Hilberg*, 2009. Abb. 9.17
без масштаба

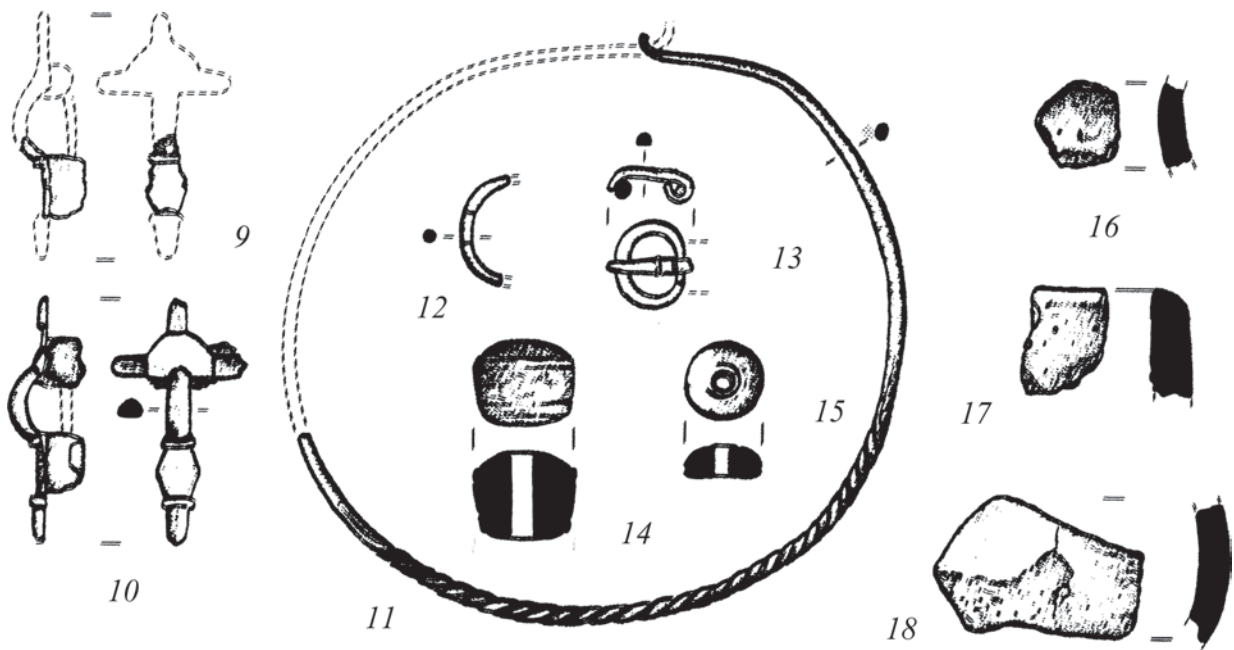
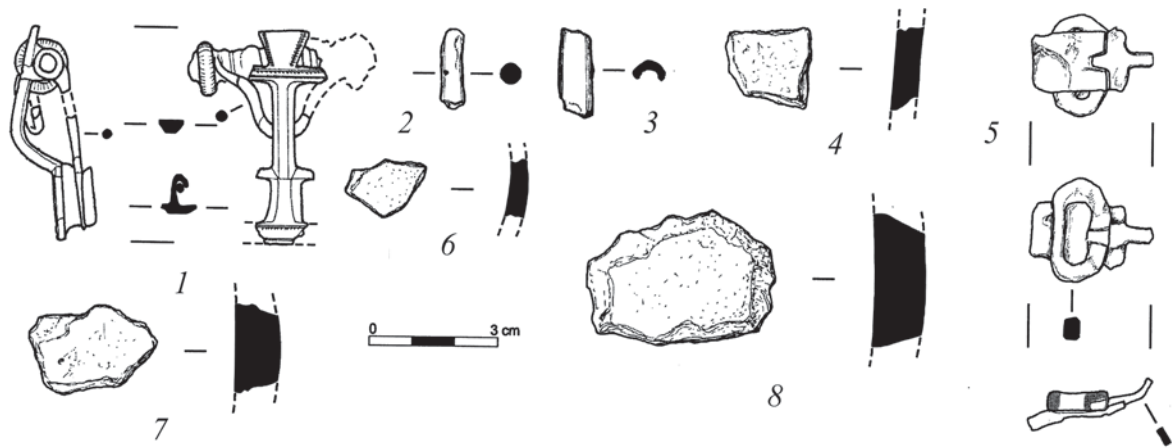

Рис. 35. Инвентарь уровня 2b

1–8 – Митино, погребение 30; 9–18 – Лаут (Lauth)-Большое Исаково, погребение 33

1–8: по: Скворцов, 2010б. Табл. XLIV; 9–18: по: Skvorzov, 2007. Taf. 39

9–18 – без масштаба

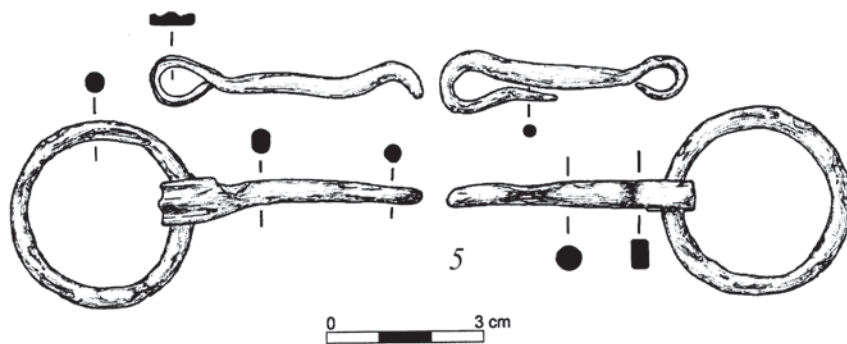
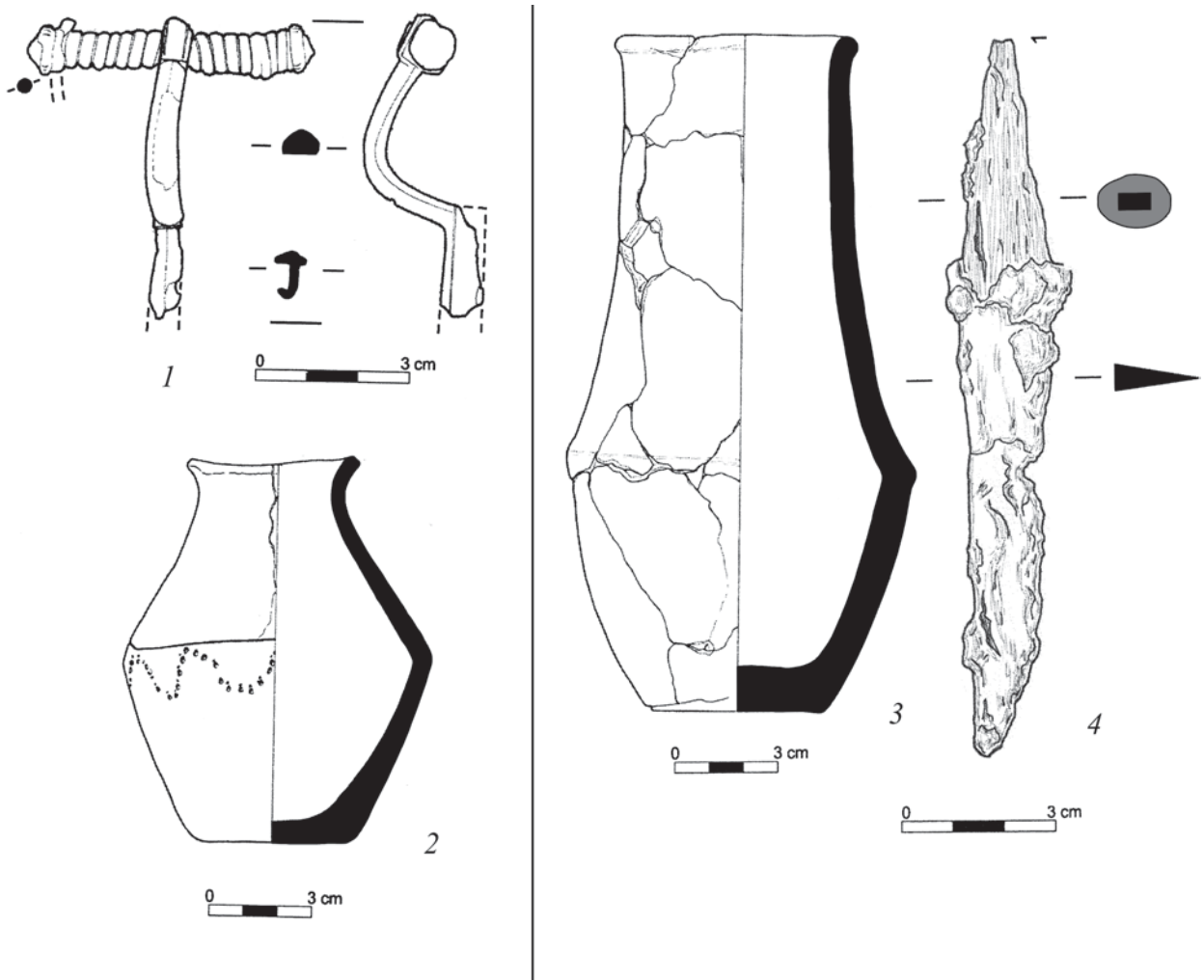

Рис. 36. Инвентарь уровня 2с

1, 2 – Митино, погребение 314; 3, 4 – Митино погребение 366; 5 – Митино, погребение 97
 По: Скворцов, 2010б. Табл. CLXX, DXI, DCXXXII

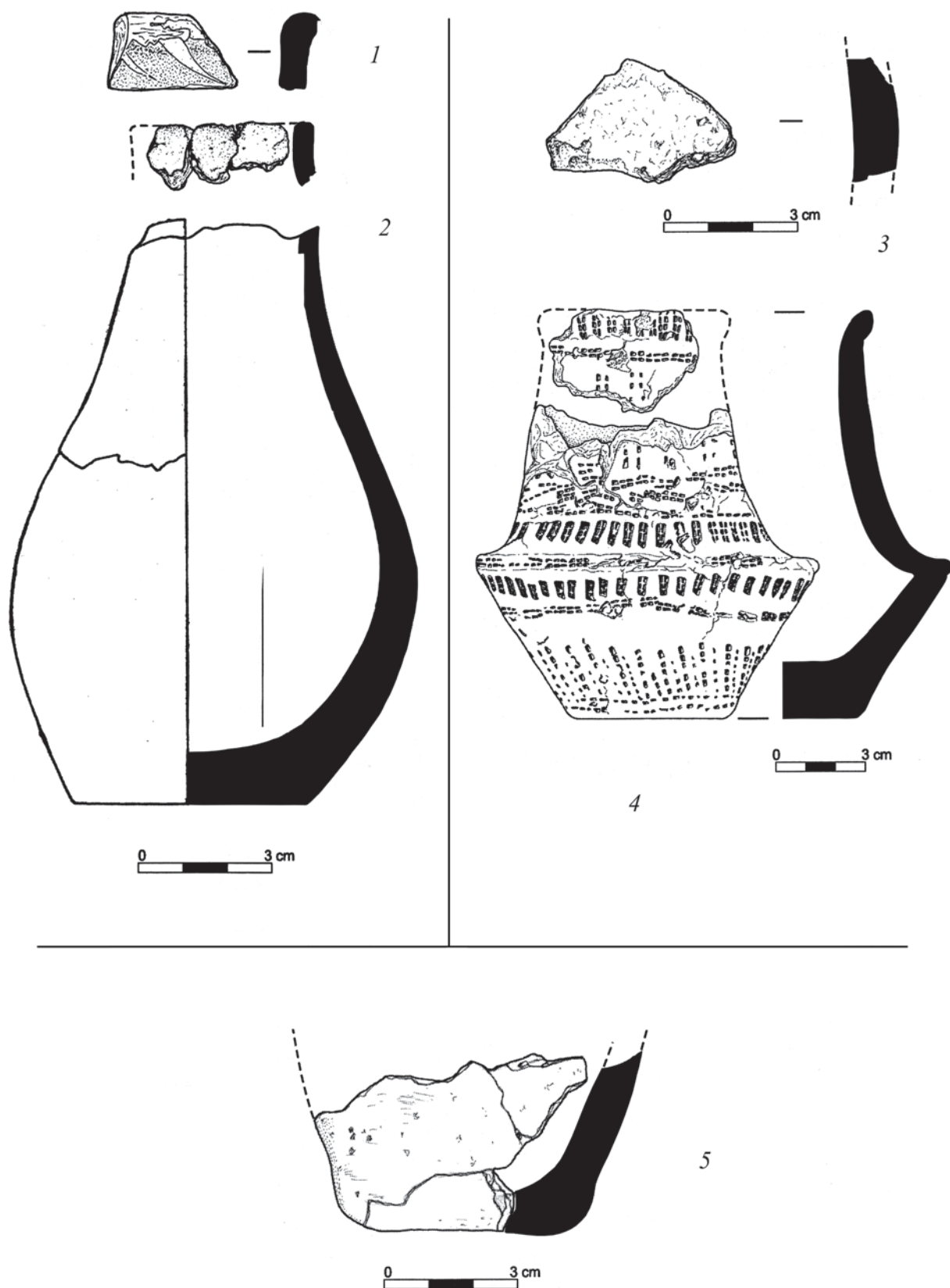

Рис. 37. Инвентарь уровня 3

1, 2 – Митино, погребение 13; 3, 4 – Митино, погребение 41; 5 – Митино, погребение 46
 По: Скворцов, 2010б. Табл. XVII, LVIII, LXV

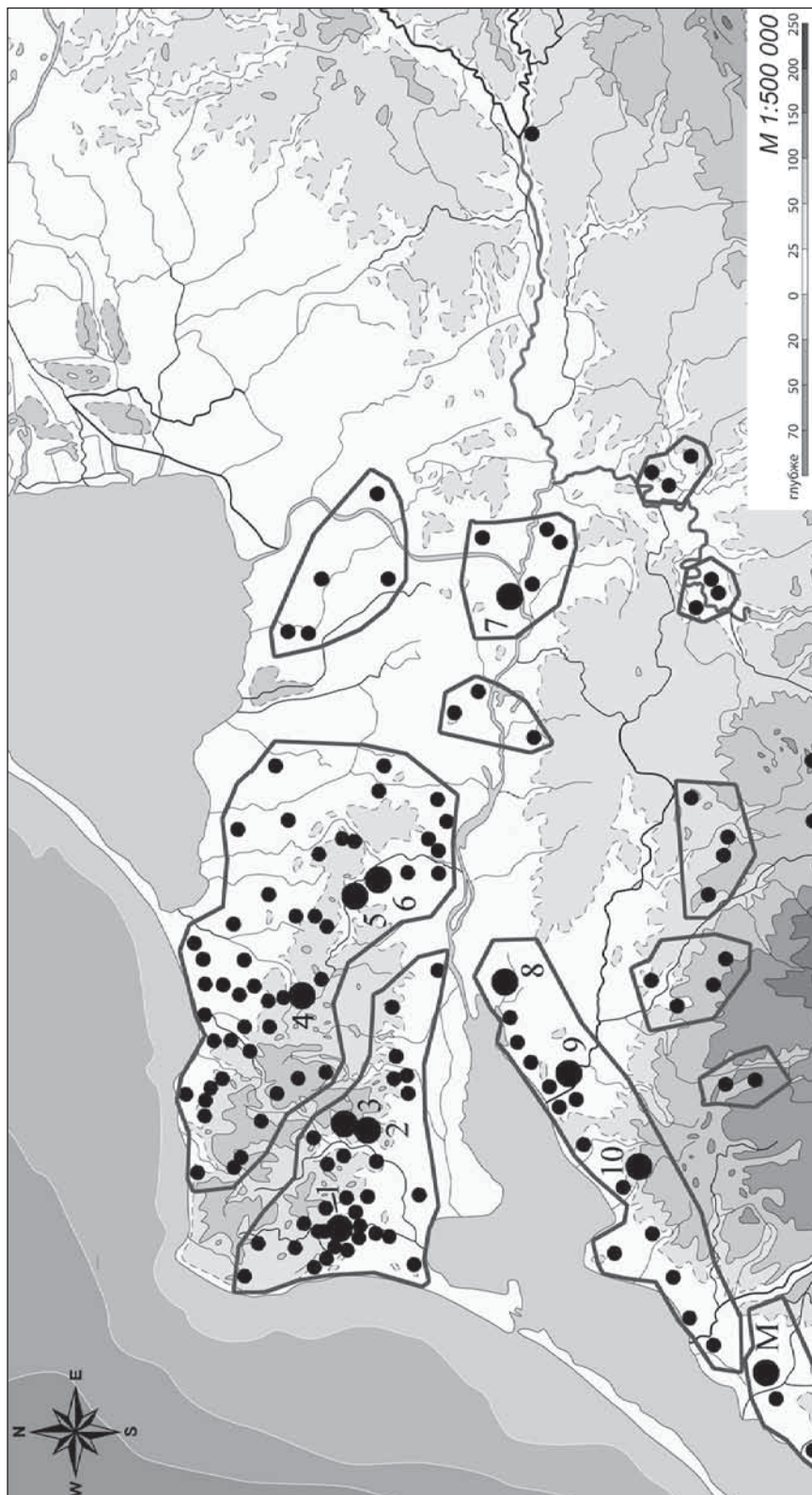

Рис. 38. Распространение памятников поздней фазы самбийско-натангической культуры (период E) и география привилегированных погребений

1 – Гаутен-Путилово-1; 2 – Кляйн Меденау-Логвино; 3 – Варенген-Котельниково; 4 – Экритген-Ветрово; 5 – Митино; 6 – Кляйнхайде-Гурьевск; 7 – Кодлин; 8 – Шоссейное; 9 – Тенген; 10 – Варникам-Первомайское; М – Хаммерсдорф-Млотечно
 По: Казанский, Мастыкова, Скворцов, 2017. Рис. 8

КАТАЛОГ ПОГРЕБЕНИЙ

Каталог составлен на основании «Отчета о раскопках могильника Заостровье-1» (Зальцман, 2013) с привлечением дополнительной полевой документации. Здесь приведены описания всех археологических объектов, исследованных на территории могильника, за исключением тех, которые датируются эпохой бронзы, раннего железного века и Новейшим временем (например, воронки от снарядов и пр.), а также объекты, не имеющие ясной датировки: 5.1⁴², 9.1, 13.1, 16.1, 20.1, 23.1, 42.1, 45.1, 2.2, 4.2, 19.2, 20.2, 42.2, 44.2, 7.3, 10.3, 12.3, 24.3, 26.3, 26А.3, 27.3, 30.3, 33.3, 36.3, 50.3, 56.3, 57.3, 57А.3, 68.3. Вполне возможно, что некоторые из них имеют отношение к публикуемому здесь могильнику, но доказать это пока невозможно.

Половозрастные определения даны М. В. Добровольской (см.: Приложение 1).

Результаты археозоологического исследования костных останков лошадей представлены А. В. Зиновьевым (см.: Приложение 2).

Химический состав и техника изготовлений изделий из цветного металла из погребений 46.2, 3.3, 18.3, 73.3 проведены И. А. Сапрыкиной (см. Приложение 3).

Радиоуглеродное исследование древесного угля проведено: из объектов 22.1, 23.3 – в Лаборатории Института геохимии окружающей среды НАН Украины; погребений 4.1., 14.1, 18.1, 21.1, 27.1, 33.1, 37.1, 34.2, 40.2 – в Лаборатории геохимии изотопов и геохронологии Геологического института РАН (см.: Приложение 4).

УЧАСТОК 1

Объект 1 (уч. 1, сект. 1, кв. Г–2)⁴³ (Табл. 1). Конское захоронение.

Совершено в овальной яме, ориентированной по линии С–Ю, размером 0,87×1,22 м, глубина в материке до 0,24 м. Стенки ямы слегка покатые, дно плоское. Заполнение объекта – серо-коричневая супесь. Признаков наличия кремации не прослежено.

В центре ямы, на глубине 0,1–0,15 м от уровня предматерика, было зафиксировано скопление различных костей коня (в том числе зубы и длинные кости конечностей). По-видимому, туша коня была положена в могилу в расчлененном виде.

Находки: предметов в объекте не обнаружено.

Объект 2 (уч. 1, сект. 1, кв. А–4) (Табл. 2). Двухъярусное погребение.

Совершено в овальной яме неправильной формы, ориентированной по линии С–Ю, размером 0,81×1,52 м, углубленной в материк до 0,17 м. Стенки ямы слегка покатые, дно плоское. Верхний ярус – безурновая кремация, нижний – конское захоронение. Заполнение верхнего

⁴² Здесь и далее первая цифра означает номер погребения (объекта), вторая – номер участка.

⁴³ Здесь и далее «уч.» – участок, «сект.» – сектор, «кв.» – квадрат.

яруса в виде линзы вытянутой формы с темно-серой супесью, смешанной с незначительным количеством мелкого угля и кальцинированных костей. Заполнение нижнего яруса – серо-коричневая супесь, мощностью до 0,17 м.

Кости коня фиксировались на глубине 0,1–0,14 м. Кости концентрировались у восточной и южной стенки ямы. По-видимому, туша лошади была положена в могильную яму в расчлененном виде (Табл. 2, 3–5).

Находки:

1. Железные кольчатые удила в юго-восточной части ямы, в районе зубов лошади, на глубине 0,08 м от уровня предматерика (Табл. 2, 1);
2. Железная пряжка от конской упряжи⁴⁴ лежала рядом с удилами, в районе зубов лошади, на глубине 0,06 м от уровня предматерика (Табл. 2, 2).

Возраст лошади: 25–27 месяцев.

Объект 3 (уч. 1, сект. 1, кв. Г-Д-4; Г-5) (Табл. 3). Двухъярусное погребение. Совершенно в овальной яме неправильной формы, ориентированной по линии СВ-ЮЗ, размером 0,72×2,06 м, углубленной в материк до 0,55 м. Верхний ярус – безурновая кремация, нижний – конское захоронение. Заполнение верхнего яруса – три скопления темно-серой и серо-коричневой супеси, смешанной с углем, золой и фрагментами кальцинированных костей, мощностью 0,05–0,11 м, сосредоточенных в северо-восточной и юго-восточной частях объекта. Заполнение нижнего яруса – серо-коричневая супесь, мощностью до 0,55 м.

В заполнении ямы, на глубине от 0,1 до 0,55 м, обнаружен скелет лошади, частично сохранивший анатомический характер. Кости лошади составляют два отдельных скопления. В западной части ямы были зафиксированы кости передней части туши лошади: череп с зубами, кости передних конечностей, лопатки. В восточной части – задняя часть туши лошади: тазовые кости, длинные кости задних конечностей. Расположение костей позволяет утверждать, что были погребены расчлененные части туши, причем задняя часть туши лежала выше (Табл. 3, 3–5).

Находки:

1. Железные кольчатые удила, в западной части ямы, в районе зубов лошади (Табл. 3, 2);
2. Две железных пряжки (сохранилась одна), в западной части ямы, в районе задних конечностей коня (Табл. 3, 1).

Антропологическое определение: погребение содержало костные останки взрослого человека, скорее всего женщины.

Объект 4 (уч. 1, сект. 1, кв. Д-Е-5–6) (Табл. 4). Двухъярусное погребение.

Совершено в яме овальной, близкой к треугольной, формы, ориентированной по линии С-Ю, размером 1,36×1,76 м, углубленной в материк до 0,42 м. Стенки ямы слегка покатые, дно плоское. Верхний ярус – безурновая кремация, нижний – конское захоронение. В верхнем ярусе, в западной части ямы, находилось наиболее значительное скопление супеси темно-серого цвета с обильными включениями крупного угля и крупными фрагментами кальцинированных костей, мощностью 0,06–0,07 м. Заполнение нижнего яруса – серо-коричневая супесь, мощностью до 0,44 м.

Вдоль северо-западной стенки, на глубине 0,28–0,32 м от уровня предматерика, было обнаружено конское захоронение. В западном углу могилы находился череп коня. В 0,3 м

⁴⁴ Рисунок в отчете не приведен; предмет имеется в коллекции материалов могильника Заостровье-1.

северо-восточнее черепа коня, встречены фрагменты его передних конечностей. Фрагменты задней части туши коня (задние конечности, тазовые кости) зафиксированы в северо-восточном углу могильной ямы. Судя по разрозненному расположению костей, туша коня была положена в яму в расчлененном виде (Табл. 4, 2–4).

Находки:

1. Придонная часть лепного сосуда коричневого цвета, орнаментированная зубчатым штампом, в заполнении верхнего яруса, на глубине 0,08 м от уровня предматерика (Табл. 4, 1).

Антропологическое определение: погребение содержало костные останки мужчины (?), в возрасте до 50 лет.

Возраст лошади: 25–27 месяцев.

Радиоуглеродное исследование древесного угля⁴⁵: 2σ 657–675 AD.

Объект 5 (уч. 1, сект. 1, кв. Е-Ж–5–6). (Табл. 5). Яма.

Контуры выявлены на уровне предматерика. Возможно, разрушенное во время распашки погребение, но следов кальцинированных костей и угля не зафиксировано. Овальной формы, ориентированная по линии З–В, размером 1,58×2,18 м, глубина в материке до 0,48 м. Стенки ямы покатые, дно неровное. Верхняя часть заполнения – темно-серо-коричневая супесь, мощностью до 0,29 м. Ниже – слой серо-коричневой супеси, мощностью до 0,27 м. У западного края объекта – слой светло-коричневой супеси, мощностью до 0,5 м. С глубины 0,22 м от уровня предматерика, фиксировалась наибольшая линза серо-коричневой супеси, длиной 0,5 м, мощностью до 0,12 м (Табл. 5, 3, 4).

Находки:

1. Каменный пест вытянутой цилиндрической формы, в заполнении (Табл. 5, 2);
2. Фрагменты лепного сосуда, в верхней части заполнения (Табл. 5, 1).

Объект 7 (уч. 1, сект. 1, кв. З-Ж–3–4) (Табл. 6). Конское захоронение.

Совершено в яме овальной формы, ориентированной по линии ЗСЗ–ВЮВ, размером 1,66×1,06 м, глубина в материке до 0,19 м. Стенки ямы слегка покатые, дно плоское. Возможно, захоронение было нарушено в результате многолетней распашки. Заполнение – серо-коричневая супесь, мощностью до 0,16 м. Признаков наличия кремации не прослежено.

В северо-западной части ямы, на глубине 0,06–0,12 м обнаружена – задняя часть туши коня (длинные кости конечностей).

Находки: предметов в объекте не обнаружено.

Объект 8 (уч. 1, сект. 1, кв. З–1–2; И–1) (Табл. 7). Конское захоронение (?).

Совершено в яме неправильной овальной формы, ориентированной по линии З–В, размером 2,04×3,22 м (ширина ямы дана по ее восточной части, где яма имеет некоторое ответвление с северо-восточной стороны), глубина в материке до 0,54 м. Дно ямы неровное. В западной части объекта зафиксировано углубление овальной формы, ориентированное по линии С–Ю, размером 0,8×1,8 м, глубиной 0,54 м от уровня предматерика. Заполнение объекта представлено двумя слоями. Верхний слой – темно-серая супесь с небольшим содержанием древесного угля, мощностью до 0,2 м. Ниже – слой серо-коричневой супеси, мощностью до 0,34 м.

⁴⁵ Проведено в Лаборатории геохимии изотопов и геохронологии Геологического института РАН, см.: Приложение 4.

У северного края ямы зафиксирована незначительная углистая прослойка, вытянутой формы. Признаков наличия кремации не прослежено.

В средней части ямы, ближе к ее северной стенке, на глубине 0,15 м от уровня предматерика, зафиксирован крупный камень, скорее всего, перекрывавший захоронение. В заполнении было обнаружено два скопления конских костей. Одно располагалось в северо-восточной части ямы, на глубине 0,08–0,16 м от уровня предматерика; второе – в южной части ямы, на глубине 0,06–0,14 м от уровня предматерика.

Находки: предметов в объекте не обнаружено.

Возраст лошади: 48 – 52 месяца.

Объект 12 (уч. 1, сект. 2, кв. Д–7) (Табл. 8; 9). Двухъярусное погребение.

В юго-восточной части объекта, на его поверхности, зафиксированы два валуна. Контуры погребения выявлены на уровне предматерика, глубина в материке до 0,56 м. Совершенно в овальной яме, ориентированной по линии СВ–ЮЗ, размером 0,65×0,83 м, глубиной до 0,2 м от уровня предматерика. Верхний ярус – безурновая кремация, нижний – конское захоронение. Заполнение верхнего яруса – темно-серая супесь, смешанная с большим количеством древесного угля, золы и крупных фрагментов кальцинированных костей, мощностью до 0,2 м. В этом слое, на глубине 0,03 м от уровня предматерика, зафиксирована аморфной формы линза серо-коричневой супеси, размером 0,04×0,08 м. Заполнение нижнего яруса – серо-коричневая супесь, мощностью до 0,61 м.

В заполнении верхнего яруса, над захоронением коня, на глубине от 0,18 до 0,22 м от уровня предматерика, обнаружена конструкция в виде почти сплошного заклада из четырех крупных камней, размерами от 0,17×0,22 до 0,18×0,35 м. Конское захоронение выявлено в нижнем ярусе с глубины 0,16 м от уровня предматерика. Конские кости находились в овальной яме, ориентированной по линии СВ–ЮЗ, размером 0,8×1,86 м, глубиной 0,63 м от уровня материка. На дне ямы найден скелет коня, лежащий на правом боку с подогнутыми конечностями. Туша коня была положена в могилу в анатомическом порядке, но без головы, и занимала основную часть ямы на глубине 0,2–0,26 м от уровня предматерика. Голова лежала в стороне, у юго-восточной стенки могилы, на глубине 0,36 м от уровня предматерика (Табл. 8).

Находки:

1. Орнаментированный лепной сосуд с заглаженной поверхностью и вытянутым горлом, на максимальном расширении тулова украшенный «лоскутным» орнаментом, выполненным оттиском трехубчатого штампа, в верхнем ярусе погребения, в центре ямы, рядом с крупным камнем, на глубине 0,13 м от уровня предматерика (Табл. 9, 2);
2. Небольшой лепной сосуд баночной формы с заглаженной поверхностью, в центре ямы, в верхнем ярусе погребения, рядом с крупным камнем (Табл. 9, 1).

Антропологическое определение: Погребение содержало костные останки взрослого молодого мужчины (?).

Возраст лошади: 54–60 месяца.

Объект 14 (уч. 1, сект. 1, кв. Б–В–5) (Табл. 10–12). Двухъярусное погребение.

В центральной части объекта, на глубине около 0,25 м от уровня предматерика, находился крупный камень, перекрывавший погребение. Совершенно в овальной яме, ориентированной по линии С–Ю, размером 1,01×1,7 м, глубина в материке до 0,56 м. Стенки ямы прямые, дно плоское. Верхний ярус – безурновая кремация, нижний – конское захоронение. Заполнение

верхнего яруса представлено двумя слоями. Верхний слой – серо-коричневая супесь, смешанная с незначительным количеством угля и золы, мощностью до 0,14 м. Следующий слой, мощностью до 0,18 м, темно-серая супесь характеризуется интенсивными включениями древесного угля и золы. В обоих слоях фиксировались кальцинированные кости. Заполнение нижнего яруса – серо-коричневая супесь, мощностью до 0,44 м.

Конский скелет коня располагался на дне могильной ямы, на глубине 0,26–0,4 м. Череп коня находился в южной части ямы, у южной стенки. Севернее головы коня, располагалось скопление костей передней части туши коня. В северной половине могильной ямы зафиксированы задняя часть туши коня: тазовые кости, кости задних конечностей (Табл. 10). Судя по расположению костей, туша коня была положена в могилу в расчлененном виде.

Находки:

1. Фрагменты двух лепных сосудов, верхняя часть одного из них украшена зубчатым штампом, в заполнении (Табл. 11, 6; 12, 1);
2. Два фрагмента венчика лепного сосуда, орнаментированного зубчатым штампом, в заполнении (Табл. 12, 5, 6);
3. Три фрагмента стенок лепного сосуда, из них два с зубчатым штампом, в заполнении (Табл. 12, 2–4);
4. Железные удила с железными обоймицами, в челюстях коня (Табл. 11, 1).
5. Железные обоймы и заклепки (Табл. 11, 2–5)⁴⁶.

Антропологическое определение: Погребение содержало костные останки женщины 35–45 лет.

Возраст лошади: 48–52 месяца.

Радиоуглеродное исследование древесного угля⁴⁷: 2σ 661–712 AD.

Объект 17 (уч. 1, сект. 6, кв. И-К–26) (Табл. 13; 14). Двухъярусное погребение.

Совершено в округлой яме, ориентированной по линии С–Ю, размером 1,14×1,34 м, глубина в материке до 0,3 м. Дно ямы плоское, стенки прямые. Верхний ярус погребения – безурновая кремация, нижний – конское захоронение. Заполнение верхнего яруса – темно-серая супесь, смешанная с большим количеством крупного угля и кальцинированных костей, мощностью до 0,2 м. Заполнение нижнего яруса – серо-коричневая супесь, мощностью до 0,24 м.

Кости коня зафиксированы на глубине 0,04–0,2 м от уровня выявления объекта. Захоронение коня представлено двумя скоплениями. В южной части ямы, на расстоянии 0,2 м от южной стенки, обнаружены кости передней части туши лошади (череп, лопатки, длинные кости передних конечностей), у северной стенки ямы – задняя часть (длинные кости конечностей, тазовые кости). Судя по расположению костей, туша коня была помещена в могильную яму в расчлененном виде (Табл. 13).

Находки:

1. Фрагмент венчика лепного сосуда, в верхнем ярусе заполнения (Табл. 14, 1);
2. Железные кольчатые удила, в районе головы коня на глубине 0,16 м от уровня выявления объекта (Табл. 14, 3);
3. Железный нож, в заполнении верхнего яруса (Табл. 14, 2).

Антропологическое определение: Погребение содержало костные останки взрослого мужчины (?).

Возраст лошади: 26–28 месяцев.

⁴⁶ Они не упоминаются в описании погребения в отчете, но приведены на рисунках.

⁴⁷ Проведено в Лаборатории геохимии изотопов и геохронологии Геологического института РАН, см.: Приложение 4.

Объект 18 (уч. 1, сект. 6, кв. К–26) (Табл. 15). Двухъярусное погребение.

В северной части погребения, на поверхности объекта, находился камень вытянутой формы. Контуры погребения выявлены в культурном слое поселения бронзового века. Совершено в округлой яме, диаметром 1,4 м, глубина в материке до 0,64 м. Стенки ямы покатые, дно плоское. Верхний ярус погребения – безурновая кремация, нижний – конского захоронения. Заполнение верхнего яруса представлено темно-серо-коричневой супесью, с примесью крупного угля, золы и кальцинированных костей, мощностью до 0,48 м. Кроме того, в заполнении верхнего яруса было две темных углистых линзы мощностью до 0,07–0,18 м. Одна линза примыкала к поверхности объекта, другая находилась на глубине 0,05 м от уровня предматерика. Также на поверхности объекта выявлена линза светло-серо-коричневой супеси мощностью до 0,12 м. Заполнение нижнего яруса – серо-коричневая супесь, мощностью до 0,47 м.

В заполнении, у восточной стенки, на глубине 0,06–0,16 м от уровня предматерика, зафиксированы отдельные кости коня (Табл. 15, 4–6).

Находки:

1. Три фрагмента стенок лепного сосуда, в заполнении (Табл. 15, 1–3).

Антропологическое определение: погребение содержало костные останки взрослого человека.

Возраст лошади: менее 24 месяцев.

Радиоуглеродное исследование древесного угля⁴⁸: 2σ 869–1017 AD.

Объект 19 (уч. 1, сект. 5, кв. И–22) (Табл. 16). Конское захоронение.

В заполнении, на глубине 0,12 м от уровня предматерика, в южной части ямы находился крупный камень, размером 0,13×0,26 м. Еще один камень, размером 0,18×0,22 м, располагался в центральной части ямы, на расстоянии 0,17 м от восточной стенки. Глубина залегания камня – 0,14 м от уровня предматерика. Совершено в овальной яме, ориентированной по линии С–Ю, размером 0,96×1,24 м. Заполнение представлено двумя слоями. Верхний слой – темно-серая супесь, смешанная с незначительным количеством угля, мощностью до 0,1 м. Ниже находился слой серо-коричневой супеси, мощностью до 0,24 м. Признаков наличия кремации не прослежено.

В заполнении ямы, на глубине 0,06–0,16 м от уровня предматерика, были обнаружены разрозненные кости коня (Табл. 16, 6–8).

Находки:

1. Пять фрагментов стенок лепного сосуда, в верхней части заполнения (Табл. 16, 1–5).

Возраст лошади: от 13 до 15 месяцев.

Объект 21 (уч. 1, сект. 5, кв. Б–22) (Табл. 17). Двухъярусное погребение.

В северной части объекта, на глубине 0,08 м от уровня предматерика, находился крупный камень продолговатой формы, размером 0,14×0,24 м. Контуры погребения фиксировались на уровне предматерика. Совершено в овальной яме неправильной формы, ориентированной по линии СВ–ЮЗ, размером 1×1,6 м, глубина в материке до 0,62 м. Стенки ямы прямые, дно плоское. Верхний ярус – безурновая кремация, нижний – конское захоронение. В верхнем ярусе, в центральной части объекта, в овальной ямке, размером 0,76×0,1 м, выявлено скопление темно-серой супеси, смешанной с углем и мелкими кальцинированными костями, мощностью до 0,17 м. Заполнение

⁴⁸ Проведено в Лаборатории геохимии изотопов и геохронологии Геологического института РАН, см.: Приложение 4.

нижнего яруса – серо-коричневая супесь, мощностью до 0,42 м. В слое серо-коричневой супеси было зафиксировано две линзы светло-коричневой супеси, мощностью 0,06–0,14 м.

Кости коня залежали на глубине 0,12–0,44 м от уровня предматерика. Около северной стенки находился конский череп. Южнее черепа зафиксированы кости передней части туши (кости конечностей, фрагмент позвоночного столба). В северной части ямы находилась задняя часть туши коня (тазовые кости, длинные кости задних конечностей). Судя по расположению костей в погребении, лошадь была положена в яму в расчлененном виде. В заполнении нижнего яруса объекта, в районе передней части туши коня, залегал крупный камень (Табл. 17, 2, 3).

Находки:

1. Железные кольчатые удила, в челюстях коня (Табл. 17, 1).

Возраст лошади: от 26 до 28 месяцев.

Радиоуглеродное исследование древесного угля⁴⁹: 2σ 648–721 AD.

Объект 22 (уч. 1, сект. 4–5, кв. Д–20–21; Е–20–21; Ж–21) (Табл. 18–21). Яма.

Объект представляет собой неправильную овальную яму, видимо хозяйственного назначения, ориентированную по линии С–Ю, размером 2,94×4,08 м, глубина в материке до 0,75 м. Стенки ямы покатые, дно неровное. В южной части зафиксировано овальное углубление, ориентированное по линии СЗ–ЮВ, размером 1,3×1,72 м, углубленное в материк до 0,46 м. Заполнение объекта на уровне предматерика не однородное. Западная часть объекта в большей степени представлена темно-серой супесью. В слое темно-серой супеси, в северо-западном углу объекта, выявлено овальное пятно с обильными включениями древесного угля, размером 0,74×1,68 м. Еще одно пятно с аналогичным заполнением, размером 0,26×0,65 м, зафиксировано в юго-западном углу объекта. У восточной границы объекта обнаружено большое скопление фрагментов обожженной глины, а также небольшое количество обожженной глины – близ западной границы объекта. В заполнении объекта выделяется три основных слоя. Верхний – пережженная глина, мощностью до 0,38 м, далее находился слой темно-серой супеси, перемешанной с углем, мощностью до 0,2 м. Нижний слой – светло-коричневая супесь, мощностью до 0,25 м. В южной части объекта, на глубине 0,22–0,24 м обнаружено два крупных пережженных куски древесины, размером 0,07×0,08 м и 0,22×0,34 м (Табл. 18–21).

Находки:

1. Десять фрагментов стенок лепных сосудов, два фрагмента днищ лепных сосудов, два фрагмента венчиков лепных сосудов, один из которых имел неглубокие пальцевые вдавления, в заполнении.

Радиоуглеродное исследование древесного угля⁵⁰: 1σ 435–455 AD; 2σ 420–570 AD.

Объект 25 (уч. 1, сект. 4, кв. А–16) (Табл. 22). Двухъярусное погребение.

Совершено в овальной яме, ориентированной по линии З–В, размерами 1,08×1,64 м, глубина в материке до 0,58 м. Стенки ямы прямые, дно плоское с понижением уровня в западном направлении. Верхний ярус – безурновая кремация, нижний – конское захоронение. Заполнение верхнего яруса – темно-серо-коричневая супесь, перемешанная с большим количеством угля, золы и кальцинированных костей, мощностью до 0,22 м. Заполнение нижнего яруса – серо-коричневая супесь, мощностью до 0,4 м.

Конское захоронение перекрыто скоплением пяти крупных камней, размером от 0,08×0,15 м до 0,26×0,34 м. Кости коня выявлены на глубине 0,22–0,45 м. В западной части

⁴⁹ Проведено в Лаборатории геохимии изотопов и геохронологии Геологического института РАН, см.: Приложение 4.

⁵⁰ Проведено в Лаборатории Института геохимии окружающей среды НАН Украины, см.: Приложение 4.

могильной ямы – кости передней части туши коня, в восточной части – задняя часть конской туши: тазовые кости, кости конечностей. Судя по расположению костей, туша коня была положена в могилу в расчлененном виде. В западной части могильной ямы, где находились кости передней части коня, на глубине 0,16–0,38 м.

Находки: предметов в объекте не обнаружено.

Антропологическое определение: Погребение содержало костные останки взрослого человека.

Объект 27 (уч. 1, сект. 4, кв. В–20) (Табл. 23). Двухъярусное погребение.

В южной объекта, на глубине 0,15 м от уровня предматерика, найден крупный камень, размером 0,17×0,23 м. Контуры погребения зафиксированы на уровне предматерика. Совершено в овальной яме, ориентированной по линии ЮЮЗ–ССВ, размером 0,76×1,52 м, глубина в материке до 0,68 м. Стенки ямы прямые, дно плоское. Верхний ярус – безурновая кремация, а нижний – конское захоронение. Заполнение верхнего яруса – темно-серая супесь, смешанная с крупным углем, золой и кальцинированными костями, мощностью до 0,18 м. Заполнение нижнего яруса – серо-коричневая супесь, мощностью до 0,6 м.

В заполнении нижнего яруса, в центральной части ямы, на глубине 0,23–0,29 м от уровня предматерика, обнаружено два крупных камня, размером 0,14×0,18 м и 0,25×0,31 м. Более крупный камень перекрывал камень поменьше. На дне ямы, на глубине 0,24–0,47 м, зафиксировано конское захоронение. В юго-западной части ямы располагался череп лошади. Рядом с черепом встречены отдельные кости передних конечностей лошади. Две длинные кости задних конечностей находились в северной части ямы (Табл. 23, 2, 3).

Находки:

1. Железные кольчатые удила, в челюстях лошади (Табл. 23, 1).
2. Фрагмент стенки тонкостенного лепного сосуда, в заполнении верхнего яруса.

Возраст лошади: 12–14 месяца.

Радиоуглеродное исследование древесного угля⁵¹: 2σ 688–771 AD.

Объект 28 (уч. 1, сект. 4, кв. Г–18) (Табл. 24). Двухъярусное погребение.

В юго-западной части объекта, на глубине 0,14 м от уровня предматерика, находился крупный камень, размером 0,33×0,49 м. Контуры погребения выявлены на уровне предматерика. Совершено в овальной яме, ориентированной по линии СВ–ЮЗ, размером 0,83×1,82 м, углубленной в материк до 0,48 м. Стенки ямы прямые, дно по большей части плоское, в юго-западной части – небольшое углубление. Верхний ярус – безурновая кремация, нижний – конское захоронение. В верхнем ярусе зафиксировано два слоя. Верхний слой – темно-серая супесь, смешанная с углем, мощностью до 0,08 м, в небольшой овальной ямке, размером 0,52 м, в центральной части объекта. Ниже находился слой серо-коричневой супеси, смешанной с углем, мощностью до 0,16 м. В обоих слоях верхнего яруса зафиксированы кальцинированные кости. Заполнение нижнего яруса – серо-коричневая супесь, мощностью до 0,64 м.

В заполнении нижнего яруса, в северо-восточной части объекта, на глубине 0,36 м от уровня предматерика, находился крупный камень, размером 0,27×0,42 м. В северной части ямы, на глубине 0,22–0,43 м, располагались череп и кости передней части туши коня (часть позвоночного столба, кости конечностей). Череп был отделен от остальной туши (Табл. 24, 2–4).

⁵¹ Проведено в Лаборатории геохимии изотопов и геохронологии Геологического института РАН, см.: Приложение 4.

Находки:

1. Железные кольчатые удила, под черепом лошади, на глубине 0,45 м от уровня предматерика (Табл. 24, 1).

Возраст лошади: 54–60 месяцев.

Объект 29 (уч. 1, сект. 4, кв. Д–19–20) (Табл. 25). Двухъярусное погребение.

Совершено в овальной яме, ориентированной по линии С–Ю, размером 0,75×1,17 м, глубина в материке до 0,5 м. Стенки ямы прямые, дно плоское. Верхний ярус – безурновая кремация, нижний – конское захоронение. Заполнение – темно-серая супесь, смешанная с мелким углем, золой и небольшим количеством крупных кальцинированных костей, мощностью до 0,14 м. Кальцинированные кости принадлежат животному. Заполнение нижнего яруса – серо-коричневая супесь, мощностью до 0,52 м. В южной части ямы, на глубине 0,09 м от уровня предматерика, выявлена линза светло-серой супеси, мощностью до 0,1 м.

На дне ямы, на глубине 0,26–0,38 м, обнаружено конское захоронение. Передняя часть скелета вместе с черепом находилась в южной части ямы. В северной части ямы – задняя часть туши лошади (тазовые кости и задние конечности). По всей видимости, туша коня перед захоронением была расчленена (Табл. 25, 3–5).

Находки:

1. Железные кольчатые удила, в челюстях лошади, на глубине 0,37 м (Табл. 25, 2);

2. Железная пряжка, в районе черепа лошади, на глубине 0,36 м (Табл. 25, 1).

Возраст лошади: 18–20 месяцев.

Объект 32 (уч. 1, сект. 4, кв. Е–17) (Табл. 26). Конское захоронение.

В верхней части объекта, в центре ямы, на глубине 0,08 м от уровня предматерика, залегал крупный камень продолговатой формы, размером 0,25×0,51 м. Совершено в округлой яме, диаметром 1,3 м. Стенки ямы покатые, дно плоское. Заполнение – серо-коричневая супесь. Признаков наличия кремации не прослежено.

На дне ямы, центральной части, на глубине 0,31–0,42 м от уровня предматерика, были обнаружены кости коня – череп и фрагменты передней части туши (Табл. 26, 2–4).

Находки:

1. Железные кольчатые удила, в челюстях лошади, на глубине 0,43 м (Табл. 26, 1).

Возраст лошади: 20–22 месяца.

Объект 33 (уч. 1, сект. 4, кв. Д–Е–18–19) (Табл. 27). Погребение.

В северо-восточной части ямы было встречено два камня. Контуры погребения фиксировались на уровне предматерика. Совершено в яме неправильной округлой формы, диаметром 1,41 м, ориентированной по линии ЮВ–СЗ, глубиной в материке до 0,3 м. Дно ямы плоское, стенки прямые. Заполнение представлено двумя слоями. Верхний слой – серо-коричневая супесь с незначительным количеством мелких кальцинированных костей, мощностью до 0,22 м. Ниже – слой светло-серой супеси, мощностью до 0,1 м. (Табл. 27, 2, 3).

Находки:

1. Фрагмент днища лепного сосуда, в верхнем слое заполнения объекта (Табл. 27, 1).

Радиоуглеродное исследование древесного угля⁵²: 2σ 674–780 AD

⁵² Проведено в Лаборатории геохимии изотопов и геохронологии Геологического института РАН, см.: Приложение 4.

Объект 34 (уч. 1, сект. 4, кв. Ж-3–16) (Табл. 28). Двухъярусное погребение.

Контурьы фиксировались в культурном слое поселения бронзового века. Совершено в овальной яме, ориентированной по линии З–В, размером 0,78×1,28 м, глубина в материке до 0,51 м. Стенки ямы прямые, дно плоское. Верхний ярус – безурновая кремация, нижний – конское захоронение. Заполнение верхнего яруса – темно-серая супесь с небольшим количеством угля и мелких кальцинированных костей. Мощность заполнения составляет до 0,1 м. Заполнение нижнего яруса – серо-коричневая супесь, мощностью до 0,45 м.

На дне ямы, на глубине 0,24–0,31 м, найден скелет лошади. Кости лошади составляют два отдельных скопления. В западной части ямы находились кости передней части туловища, в восточной части ямы – фрагменты тазовых костей и длинные кости задних конечностей (Табл. 28, 4–6).

Находки:

1. Фрагмент стенки лепного сосуда, в заполнении верхнего яруса (Табл. 28, 3);
2. Фрагменты железных предметов, в заполнении (Табл. 28, 1, 2).

Возраст лошади: 20–22 месяца.

Объект 35 (уч. 1, сект. 4, кв. И–19) (Табл. 29). Конское захоронение.

Контурьы фиксировались в культурном слое поселения бронзового века. Совершено в округлой яме, ориентированной по линии С–Ю, размером 0,74×0,9 м, глубина в материке до 0,44 м. Дно ямы ровное, стенки слегка покатые. Заполнение составляли два слоя. Верхний слой – темно-серо-коричневая супесь, мощностью до 0,38 м. Ниже находился слой серо-коричневой супеси, мощностью до 0,19 м. Признаков наличия кремации не прослежено.

В заполнении, в придонной части ямы, на глубине 0,45 м, встречена трубчатая кость лошади.

Находки:

1. Два фрагмента стенок лепного сосуда, в заполнении, в верхней части ямы.

Возраст лошади: менее 15 месяцев.

Объект 36 (уч. 1, сект. 4, кв. И-К–19–20) (Табл. 30). Погребение.

Контурьы выявлены в культурном слое поселения бронзового века. Совершено в округлой яме, ориентированной по линии З–В, размером 1,24×1,44 м, углубленной в материк до 0,39 м. Стенки ямы покатые, дно слегка вогнутое. Заполнение представлено двумя слоями. Верхний слой – темно-серая супесь, смешанная с небольшим количеством угля и мелких кальцинированных костей, мощностью до 0,24 м. Ниже находился слой серо-коричневой супеси, мощностью до 0,08 м.

Находки: предметов в объекте не обнаружено.

Объект 37 (уч. 1, сект. 3, кв. Б–15) (Табл. 31). Двухъярусное погребение.

В верхней части заполнения, с западной стороны объекта, на глубине 0,28–0,42 м от уровня предматерика, зафиксировано два крупных камня. Верхний камень, размерами 0,24×0,28 м, менее чем наполовину перекрывал нижний камень, размеры которого 0,3×0,32 м. Контурьы погребения фиксировались на уровне предматерика. Совершено в овальной яме, ориентированной по линии З–В, размером 0,71×1,24 м, глубина в материке до 0,62 м. Стенки ямы прямые, дно плоское. Верхний ярус – безурновая кремация, нижний – конское захоронение. Заполнение верхнего яруса – супесь темно-серого цвета с обильными включениями крупного угля, мощностью до 0,28 м. Здесь были обнаружены фрагменты кальцинированных костей животного. Заполнение нижнего яруса – темно-серая супесь.

В нижней части верхнего яруса, над погребением коня, обнаружен камень. На глубине от 0,5–0,6 м от уровня предматерика, на дне ямы, были обнаружены кости передней и задней части туши лошади, череп отсутствовал. Судя по расположению костей, туша была ориентирована на запад (Табл. 31, 2–4).

Находки:

1. Фрагментированный лепной сосуд, украшенный так называемым «лоскутным» орнаментом, выполненный оттиском зубчатого штампа, в верхнем ярусе погребения, в заполнении восточной части ямы, на глубине 0,08 м от уровня предматерика (Табл. 31, 1).

Возраст лошади: 25–35 месяцев.

Радиоуглеродное исследование древесного угля⁵³: 2σ 437–594 AD

Объект 38 (уч. 1, сект. 3, кв. Б-В-13) (Табл. 32). Двухъярусное погребение.

В северо-восточной части объекта, на его поверхности располагалась группа из трех камней, размером от 0,18×0,23 м до 0,27×0,4 м. Еще один крупный камень, размером 0,13×0,18 м, обнаружен в юго-западной части объекта. Совершено в яме подпрямоугольной формы с закругленными углами, ориентированной по линии ЮЗ–СВ, размером 0,64×1,36 м, углубленной в материк до 0,39 м. Стенки ямы прямые, дно плоское с понижением уровня в юго-западном направлении. Верхний ярус – безурновая кремация, нижний – конское захоронение. Заполнение верхнего яруса – темно-серая супесь с включением мелкого пастообразного угля и мелких кальцинированных костей, рассеянными практически на всей площади погребения, мощностью до 0,51 м. Заполнение нижнего яруса погребения – серо-коричневая супесь.

На дне ямы – скелет лошади частично сохранивший анатомический порядок. Глубина залегания скелета от 0,28 до 0,42 м от уровня предматерика. Кости лошади представляли собой два скопления. В юго-западной части погребения, на глубине 0,36–0,38 м от уровня предматерика – фрагменты конского черепа с зубами и фрагменты костей верхних конечностей. В северо-восточной части ямы на глубине 0,28–0,3 м располагались фрагменты позвоночного столба, длинных костей задних конечностей и тазовых костей. Расположение костей лошади позволяет полагать, что были погребены расчлененные части туши, причем задняя часть лежала выше (Табл. 32, 2–4).

Находки:

1. Железные кольчатые удила, в районе черепа лошади, на глубине 0,33 м от уровня предматерика (Табл. 32, 1).

Возраст лошади: 12–15 месяцев.

Объект 39 (уч. 1, сект. 3, кв. Е-12) (Табл. 33). Погребение.

В центральной части погребения, на поверхности объекта, на глубине около 0,25 м от уровня предматерика, находился крупный камень размером 0,44×0,63 м. Совершено в яме овальной формы, ориентированной по линии ВСВ–ЗЮЗ, размером 0,74×1,24 м, глубина в материке до 0,4 м. Стенки ямы прямые, дно плоское. Заполнение представлено двумя слоями. Верхний слой – темно-серая супесь, смешанная с углем и фрагментами кальцинированных костей, мощностью до 0,08 м. Нижний слой – серо-коричневая супесь с незначительным количеством угля, мощностью до 0,18 м (Табл. 33, 2, 3).

Находки:

1. Фрагмент стенки лепного сосуда с заглаженной поверхностью, на глубине 0,06 м от уровня предматерика, в верхнем слое заполнения могильной ямы (Табл. 33, 1).

⁵³ Проведено в Лаборатории геохимии изотопов и геохронологии Геологического института РАН, см.: Приложение 4.

Объект 40 (уч. 1, сект. 3, кв. 3–13) (Табл. 34). Двухъярусное погребение.

В заполнении объекта, на глубине 0,26–0,32 м, зафиксированы три крупных камня, размером 0,23×0,25 м, 0,16×0,2 м и 0,21×0,24 м. Камни находились вплотную друг к другу и располагались в северо-восточной части ямы. Совершено в яме овальной формы, ориентированной по линии ЮЗ–СВ, размером 0,72×1,08 м, углубленной в материк до 0,54 м. Стенки ямы прямые, дно плоское. Верхний ярус – безурновая кремация, нижний – конское захоронение. Заполнение верхнего яруса – темно-серая супесь с включениями мелкого угля, золы и кальцинированных костей, мощностью до 0,14 м. Заполнение нижнего яруса – серо-коричневая супесь, мощностью до 0,39 м.

В северо-восточной части ямы, на глубине 0,46–0,52 м, находились фрагменты задних конечностей лошади (Табл. 34, 6–8).

Находки:

1. Днище и венчик лепного сосуда, между скоплением камней и юго-восточной стенкой объекта, на глубине 0,06 м от уровня предматерика (Табл. 34, 4, 5);
2. Два фрагмента лепного сосуда, в заполнении (Табл. 34, 2, 3);
3. Фрагмент венчика лепного сосуда с подлощенной поверхностью, в заполнении (Табл. 34, 1).

Возраст лошади: 22–24 месяца.

Объект 41 (уч. 1, сект. 3, кв. К–12–13) (Табл. 35). Погребение.

Контуров зафиксированы в культурном слое поселения бронзового века, на поверхности объекта, в центральной его части, находился валун. В центральной части заполнения объекта, на глубине 0,16–0,18 м от уровня предматерика, вплотную друг к другу, лежали два крупных камня размером 0,32×0,33 м и 0,29×0,4 м. Совершено в могильной яме овальной формы, ориентированной по линии С–Ю, размером 1×1,32 м, глубиной 0,41 м. Дно ямы вогнутое, стенки покатые. Заполнение представлено двумя слоями. Верхний слой – темно-серо-коричневая супесь, смешанная с углем с крупными фрагментами кальцинированных костей, мощностью до 0,16 м. Нижний слой – супесь серо-коричневого цвета, мощностью до 0,36 м.

Находки: предметов в объекте не обнаружено.

Объект 43 (уч. 1, сект. 3, кв. Д–13–14) (Табл. 36). Двухъярусное погребение.

Контуров зафиксированы на уровне предматерика. Совершено в овальной яме, ориентированной по линии СВ–ЮЗ, размером 0,72×1,85 м, глубина в материке до 0,55 м. Стенки ямы прямые, дно плоское с понижением уровня в юго-западном направлении. Верхний ярус – безурновая кремация, нижний – конское захоронение. Заполнение верхнего яруса – темно-серая супесь, смешанная с углем, золой и большим количеством крупных кальцинированных костей, мощностью до 0,26 м от уровня предматерика. Заполнение нижнего яруса – серо-коричневая супесь, мощностью до 0,54 м.

В заполнении нижнего яруса, над конским захоронением, на глубине 0,32–0,4 м от уровня предматерика, находился каменный заклад, состоящий из большого числа крупных камней (около девяти), размером от 0,18×0,21 до 0,2×0,27 м. Камни распределены на всем пространстве ямы, но большая их часть располагалась в северо-восточной части ямы. На дне ямы, на глубине 0,34–0,56 м, обнаружены кости лошади, в виде двух отдельных скоплений. В юго-западной части ямы – передняя часть туши коня (череп, лопатки, кости передних конечностей, часть позвоночного столба). Кости задних конечностей – в северо-восточной части объекта. Судя по расположению костей, туша коня была положена в могилу в расчлененном виде (Табл. 36, 2–4).

Находки:

1. Железные кольчатые удила, в районе черепа лошади, на глубине 0,5 м от уровня предматерика (Табл. 36, 1).

Антропологическое определение: Погребение содержало костные останки взрослого человека старше 50 лет.

Возраст лошади: 66–72 месяца.

Объект 44 (уч. 1, сект. 3, кв. Ж–14) (Табл. 37). Двухъярусное погребение.

Совершено в овальной яме, ориентированной по линии СВ–ЮЗ, размером 0,69×1,22 м, глубина в материке до 0,5 м. Стенки ямы прямые, дно плоское. Верхний ярус – безурновая кремация, нижний – конское захоронение. Заполнение верхнего яруса – темно-серая супесь с включением угля и с крупными фрагментами кальцинированных костей, мощностью до 0,2 м. Заполнение нижнего яруса – темно-серая супесь, мощностью до 0,36 м.

На глубине 0,28–0,45 м от уровня предматерика обнаружено погребение лошади. Череп и передняя часть скелета зафиксированы в юго-западном секторе ямы, на глубине 0,4–0,45 м от уровня выявления погребения. В северо-восточном секторе, на глубине 0,28–0,42 м от уровня выявления погребения – задняя часть туши. Судя по расположению костей, была захоронена расчлененная туша коня (Табл. 37, 4–6).

Находки:

1. Три фрагмента стенок лепного сосуда, в верхнем ярусе заполнения (Табл. 37, 1–3).

Антропологическое определение: Погребение содержало костные останки взрослого человека.

Возраст лошади: 12–14 месяцев.

Объект 46 (уч. 1, сект. 3, кв. И–15) (Табл. 38). Погребение.

В центральной части ямы ближе к западной стенке, в заполнении, на глубине 0,22 м от уровня предматерика, обнаружен крупный камень размером 0,27×0,28 м. Восточнее этого камня, на глубине 0,1 м от уровня предматерика, находился камень меньшего размера 0,06×0,15 м. Выявлено в слое поселения более раннего времени. Совершено в овальной яме, ориентированной по линии С–Ю, размером 0,79×1,18 м, глубина в материке до 0,24 м. Стенки ямы прямые, дно плоское. Заполнение представлено двумя слоями. Верхний слой – линза супеси темно-серого цвета, с древесным углем, золой и кальцинированными костями. Диаметр линзы – 0,48 м, мощностью – 0,1 м. Основную часть объекта занимал нижний слой темно-серой супеси с небольшими вкраплениями древесного угля, мощностью до 0,32 м (Табл. 38, 4–6).

Находки:

1. Два фрагмента стенок и один фрагмент днища лепного сосуда, в заполнении (Табл. 38, 1–3).

Объект 47 (уч. 1, сект. 6, кв. К–27) (Табл. 39). Конское захоронение.

Контуры фиксировались на уровне материка. Совершено в овальной яме, ориентированной по линии ЮЗ–СВ, размером 0,64×2,2 м, глубиной в материке 0,32 м. Заполнение ямы – серо-коричневая супесь, мощностью до 0,32 м. Признаков наличия кремации не прослежено.

Кости передней части туши коня, в том числе и череп, находились в северо-восточной части ямы на глубине 0,02–0,1 м, на расстоянии 0,23 м от северо-восточной стенки. В 0,28 м юго-западнее этого скопления костей, на глубине 0,02 м, выявлено еще несколько мелких костей коня (Табл. 39, 2–4).

Находки:

1. Железные кольчатые удила, в челюстях лошади, на глубине 0,2 м от уровня предматерика (Табл. 39, 1).

Возраст лошади: 13–15 месяцев.

Объект 48 (уч. 1, сект. 3, кв. И–11) (Табл. 40). Двухъярусное погребение.

Совершено в яме неправильной овальной формы, ориентированной по линии З–В, размером 1×1,42 м, глубина в материке до 0,38 м. Стенки ямы слегка покатые, дно плоское. Верхний ярус – безурновая кремация, а нижний – конское захоронение. Заполнение верхнего яруса – супесь темно-серо-коричневого цвета, смешанной с углем и кальцинированными костями, мощностью до 0,18 м от уровня предматерика. Заполнением нижнего яруса – супесь темно-серого цвета, мощностью до 0,3 м.

На глубине 0,34–0,36 м от уровня предматерика обнаружены кости лошади. Скопление конских костей находилось в западной части ямы, и было представлено передней частью скелета и черепом (Табл. 40, 5–7).

Находки:

1. Два фрагмента лепного сосуда (стенка и венчик), в верхнем ярусе заполнения (Табл. 40, 2, 3);
2. Железный гвоздь, в верхнем ярусе заполнения (Табл. 40, 1);
3. Железные кольчатые удила, под конским черепом, на глубине 0,34 м от уровня предматерика (Табл. 40, 4).

Возраст лошади: 22–24 месяца.

УЧАСТОК 2

Объект 20 (уч. 2, сект. 4, кв. Б–16–17) (Табл. 41; 42). Яма.

Контурсы выявлены в культурном слое поселения бронзового века. Яма имеет округлую форму, диаметром 0,84 м, глубина в материке до 0,44 м. Стенки ямы покатые, дно плоское. Заполнение представлено двумя слоями. Верхний слой – светло-коричневая супесь, мощностью до 0,4 м. Нижний слой – серо-коричневая супесь, мощностью до 0,09 м (Табл. 41).

Находки:

1. Одиннадцать фрагментов лепного сосуда (четыре фрагмента стенки, один фрагмент дна, шесть фрагментов венчиков, украшенных пальцевыми вдавлениями), на поверхности, в центральной части объекта (Табл. 42, 1–11);
2. Кусочек янтаря, размером 2×1,5 см, в заполнении.

Объект 33 (уч. 2, сект. 3, кв. А–Б–14) (Табл. 43; 44). Двухъярусное погребение.

Контурсы выявлены в культурном слое поселения бронзового века. Совершено в овальной яме, ориентированной по линии СВ–ЮЗ, размером 0,64×1,24 м, глубиной 0,62 м от уровня обнаружения. Стенки ямы слегка покатые, дно плоское. Верхний ярус погребения – безурновая кремация, нижний – конское захоронение. Заполнение верхнего яруса – темно-серая супесь с большой концентрацией угля и большим количеством крупных фрагментов кальцинированных костей, мощностью до 0,28 м. В юго-западной части заполнения отмечена линза серо-коричневой супеси, размером 0,2 м, мощностью до 0,18 м. Заполнение нижнего яруса – серо-коричневая супесь, мощностью до 0,65 м.

В придонной части ямы на глубине 0,18–0,62 м обнаружены кости лошади. В юго-западной части, на глубине 0,65 м, находился череп коня. На расстоянии 0,48 м, северо-восточнее

черепа, на глубине 0,6 м, выявлены кости передней части туши лошади (длинные кости передних конечностей, лопатки). В северной части ямы на глубине 0,18–0,38 м находились кости задней части туши: тазовые кости, кости конечностей. Вероятно, туша коня была положена в могилу в расчлененном виде (Табл. 43).

Находки:

1. Лепной сосуд, в заполнении верхнего яруса, на глубине 0,12 м от уровня выявления объекта (Табл. 44, 2);
2. Десять фрагментов лепного сосуда (девять фрагментов стенок и один фрагмент венчика), в заполнении верхнего яруса;
3. Железные кольчатые удила, в районе черепа лошади на глубине 0,63 м от уровня выявления объекта (Табл. 44, 1).

Антропологическое определение: Погребение содержало костные останки человека старше 30 лет.

Возраст лошади: 16–19 месяцев.

Объект 34 (уч. 2, сект. 4, кв. Г–16) (Табл. 45). Погребение.

Контуры выявлены в культурном слое поселения бронзового века. Совершено в округлой яме, ориентированной по линии ЗСЗ–ВЮВ, размерами 0,79×0,98 м, глубина в материке – до 0,14 м. Стенки ямы слегка покатые, дно плоское. Заполнение объекта состояло из двух слоев. Верхний слой – серо-коричневая супесь с вкраплением угля и мелких кальцинированных костей, мощностью до 0,06 м. Нижний слой – серо-коричневая супесь, мощностью до 0,09 м (Табл. 45, 6, 7).

Находки:

1. Пять фрагментов стенок лепного сосуда, в верхнем слое (Табл. 45, 1–5).

Радиоуглеродное исследование древесного угля⁵⁴: 2σ 806–899 AD.

Объект 35 (уч. 2, сект. 4, кв. В–Г–17) (Табл. 46). Погребение.

Контуры выявлены в культурном слое поселения бронзового века. Совершено в округлой яме, диаметром 0,88 м, глубина в материке до 0,39 м. Стенки ямы покатые, дно плоское. Заполнение объекта состояло из трех слоев. Верхний слой – темно-серая супесь, смешанная с большим количеством угля и большим скоплением кальцинированных костей, мощностью до 0,24 м. Нижний слой – серо-коричневая супесь, мощностью 0,26 м (Табл. 46, 3, 4).

Находки:

1. Два мелких фрагмента лепного сосуда, в верхнем слое заполнения (Табл. 46, 1, 2).

Антропологическое определение: погребение содержало костные останки взрослой женщины (?).

Объект 40 (уч. 2, сект. 4, кв. Г–Д–16) (Табл. 47). Двухъярусное погребение.

На поверхности объекта было зафиксировано три валуна. Контуры погребения выявлены в культурном слое поселения бронзового века. Совершено в овальной яме, ориентированной по линии ЗЮЗ–ВЮВ, размерами 0,96×1,32 м, глубина в материке до 0,28 м. Стенки ямы слегка покатые, дно плоское. Верхний ярус – трупосожжение, нижний – конское захоронение. Заполнение верхнего яруса – серо-коричневая супесь, смешанная с углем и мелкими

⁵⁴ Проведено в Лаборатории геохимии изотопов и геохронологии Геологического института РАН, см.: Приложение 4.

кальцинированными костями, мощностью до 0,15 м. Заполнение нижнего яруса – серо-коричневая супесь, мощностью до 0,19 м.

В заполнении нижнего яруса, на глубине 0,16–0,24 м было зафиксировано скопление пяти крупных камней. Под камнями, на глубине 0,2–0,24 м, на дне ямы, располагалось конское захоронение (Табл. 47, 2–4).

Находки:

1. Железные кольчатые удила, в районе конского черепа (Табл. 47, 1).

*Радиоуглеродное исследование древесного угля*⁵⁵: 2σ 862–988 AD.

Объект 41 (уч. 2, сект. 4, кв. Б-В–20) (Табл. 48). Погребение.

Контуры выявлены в культурном слое поселения бронзового века. Совершено в округлой яме, диаметром 1,18 м, углубленной в материк до 0,15 м. Стенки ямы слегка покатые, дно плоское. Основная часть заполнения объекта – темно-серая супесь, смешанная с углем и мелкими кальцинированными костями, мощностью до 0,15 м. На дне ямы зафиксирована линза серо-коричневой супеси, мощностью до 0,04 м (Табл. 48, 4, 5).

Находки:

1. Развал лепного сосуда с узким днищем и расширением в верхней части – два фрагмента венчика, один фрагмент стенки, один фрагмент днища, на поверхности объекта, в юго-восточной части (Табл. 48, 3);

2. Два фрагмента придонной части лепного сосуда, в заполнении (Табл. 48, 1, 2).

Объект 43 (уч. 2, сект. 4, кв. Д–20) (Табл. 49). Погребение.

Контуры выявлены в культурном слое поселения бронзового века. Совершено в округлой яме, диаметром 0,86 м, глубина в материке до 0,14 м. Стенки ямы слегка покатые, дно плоское. Заполнение состояло из двух слоев. Верхний слой — темно-серая супесь, смешанная с углем и кальцинированными костями человека и животного, мощностью 0,12 м. Ниже, а также по краям ямы, располагался слой серо-коричневой супеси, мощностью до 0,07 м (Табл. 49, 7–9).

Находки:

1. Семь фрагментов стенок лепного сосуда, в заполнении, в южной части объекта, на глубине 0,04–0,1 м от уровня выявления объекта (Табл. 49, 1–6).

Антропологическое определение: Погребение содержало костные останки мужчины (?) в возрасте до 40 лет.

Объект 45 (уч. 2, сект. 5, кв. А-Б–21) (Табл. 50). Погребение.

Контуры зафиксированы в культурном слое. Совершено в овальной яме, ориентированной по линии С–Ю, размером 0,99×0,8 м, глубина до 0,2 м. Стенки ямы покатые, дно слегка вогнутое. Заполнение состояло из двух слоев. Верхний слой – темно-серая супесь, смешанная с углем и мелкими кальцинированными костями, мощностью до 0,1 м. Нижний слой – серо-коричневая супесь, мощностью до 0,12 м (Табл. 50, 5, 6).

Находки:

1. Четыре фрагмента стенок и один фрагмент днища лепного сосуда, в верхней части заполнения (Табл. 50, 2–4);

2. Железный стержень, квадратный в сечении (шило?), в заполнении (Табл. 50, 1).

⁵⁵ Проведено в Лаборатории геохимии изотопов и геохронологии Геологического института РАН, см.: Приложение 4.

Объект 46 (уч. 2, сект. 5, кв. А-Б-22) (Табл. 51–53). Двухъярусное погребение.

Контуры выявлены в культурном слое поселения бронзового века. Совершено в овальной яме, ориентированной по линии СВ–ЮЗ, размерами 0,8×1,61 м, глубиной до 0,8 м. Стенки ямы слегка покатые, дно плоское. Верхний ярус – безурновая кремация, нижний – конское захоронение. Заполнение верхнего яруса – темно-серая супесь, смешанная с углем и мелкими кальцинированными костями, мощностью до 0,1 м. Заполнение нижнего яруса – серо-коричневая супесь, мощностью до 0,76 м.

В придонной части ямы, на глубине 0,53–0,76 м, находился скелет лошади. В юго-западной части могильной ямы располагались кости передней части туши коня: череп, лопатки, кости передних конечностей. В северо-восточной части погребения – тазовые и длинные кости задних конечностей (Табл. 51).

Находки:

1. Кусочек янтаря 0,8×1 см, в заполнении верхней части объекта;
2. Три фрагмента стенок лепного сосуда, в заполнении;
3. Две железные пряжки, в заполнении верхней части объекта (Табл. 53, 1, 2);
4. Железные кольчатые удила, в районе черепа коня, на глубине 0,56 м от уровня выявления объекта (Табл. 53, 3);
5. Четыре бронзовые накладки на упряжи⁵⁶, в районе черепа коня, рядом с удилами, на глубине 0,5–0,52 от уровня выявления объектов (52, 1–4).
6. Бронзовые обоймицы и заклепки (Табл. 52, 5–9)⁵⁷.

Возраст лошади: 16–19 месяцев.

Объект 47 (уч. 2, сект. 5, кв. А-23) (Табл. 54). Погребение.

Контуры выявлены в культурном слое поселения бронзового века. Совершено в округлой яме, диаметром 0,87 м, глубиной до 0,36 м. Стенки ямы покатые, дно плоское. Заполнение состояло из двух слоев. Верхний слой, мощностью до 0,14, представлен серо-коричневой супесью с включениями мелкого угля и фрагментов кальцинированных костей. Нижний слой – серо-коричневая супесь, мощностью до 0,25 м.

Находки: предметов в объекте не обнаружено.

УЧАСТОК 3

Объект 1 (участок 3, сект. 2, кв. В-10–11) (Табл. 55). Двухъярусное погребение.

В верхнем слое погребения, на поверхности объекта выявлены два валуна. Совершено в овальной яме неправильной формы, ориентированное по линии ЮЗ–СВ, размером 0,9×2,56 м, углубленной в материк до 0,7 м. Стенки ямы прямые, дно неровное с плавным понижением уровня ближе к середине ямы. Верхний ярус – безурновая кремация, нижний – конское захоронение. Заполнение верхнего яруса – темно-серо-коричневая супесь, смешанная с древесным углем, золой и фрагментами кальцинированных костей, мощностью до 0,32 м. Заполнение нижнего яруса – серо-коричневая супесь, мощностью до 0,7 м.

На дне ямы, на глубине 0,15–0,53 м от уровня предматерика, лежал полный скелет коня в анатомическом порядке, в вытянутом положении, на животе (Табл. 55, 5, 6).

⁵⁶ Химический состав и техника изготовления этих накладок изучены И. А. Сапрыкиной, подробнее см. Приложение 3.

⁵⁷ Не упоминаются в тексте отчета, но приведены на рисунках и имеются в коллекции материалов могильника Заостровье-1.

Находки:

1. Два кусочка янтаря, в верхнем ярусе погребения (Табл. 55, 1, 2);
2. Железные удила, в челюстях коня, на глубине 0,49 м от уровня предматерика (Табл. 55, 4);
3. Железный четырехгранный штырь с загнутым концом⁵⁸, в верхнем ярусе погребения, (Табл. 55, 3).

Антропологическое определение: погребение содержало костные останки взрослой женщины (?).

Возраст лошади: 50–52 месяца.

Объект 2 (участок 3, сект. 2, кв. Г–9–10) (Табл. 56). Погребение.

На глубине 0,04 м от уровня предматерика, в центральной части ямы было зафиксировано скопление из семи камней. Контуры погребения выявлены на уровне предматерика. Совершено в округлой яме, диаметром 1,22 м, углубленной в материк до 0,59 м. Дно неровное. Заполнение – темно-серо-коричневая супесь, смешанная с углем и незначительным количеством кальцинированных костей (Табл. 56, 6–8).

Находки:

1. Два фрагмента придонной части и три фрагмента венчика лепного сосуда, в центральной части объекта, под скоплением камней, на глубине 0,09–0,11 м от уровня предматерика (Табл. 56, 1–5).

Объект 3 (участок 3, сект. 2, кв. Б–6–7) (Табл. 57). Погребение.

В северной части объекта обнаружено три валуна. Контуры погребения выявлены на уровне предматерика. Совершено в округлой яме, диаметром 2,26 м, глубиной в материке до 0,66 м. Дно неровное. На дне ямы обнаружено небольшое углубление диаметром 0,62 м, глубиной до 0,18 м. Заполнение – серо-коричневая супесь, смешанная с небольшим количеством угля и мелкими кальцинированными костями. В центральной части заполнения, на глубине 0,02–0,22 м, зафиксировано скопление из восемнадцати камней, размером от 0,05×0,06 м до 0,1×0,14 м (Табл. 57, 6–8).

Находки:

1. Фрагмент днища и фрагмент стенки лепных сосудов, в верхней части заполнения (Табл. 57, 2, 5);
2. Бронзовая пластина с тисненым орнаментом, в заполнении⁵⁹; очень похожа на оковку рога в погребении 18.3 и поэтому может быть предположительно идентифицирована как фрагмент гарнитуры питьевого рога (Табл. 57, 1). В коллекции материалов из могильника Заостровье-1 имеется еще 9 мелких фрагментов бронзовых пластин, обозначенные на этикетке как фрагменты рога, происходящие из погребения 3.3.
3. Железный гвоздь, в заполнении (Табл. 57, 3);
4. Мелкие фрагменты янтаря, в верхней части заполнения (Табл. 57, 4).

Объект 4 (участок 3, сект. 2, кв. А–7) (Табл. 58). Погребение.

Контуры выявлены на уровне предматерика. Совершено в округлой яме, диаметром 0,8 м, глубиной в материке до 0,18 м. Стенки ямы слегка покатые, дно пологое. Заполнение

⁵⁸ В отчете предварительно определен как заклепка.

⁵⁹ Химический состав и техника изготовления этих предметов изучены И. А. Сапрыкиной, подробнее см.: Приложение 3.

не являлось однородным. В верхней части – темно-серая супесь, смешанная с углем, золой и небольшим количеством кальцинированных костей, мощностью до 0,08 м; затем – слой темно-серо-коричневой супеси, мощностью до 0,13 м. Нижний слой – серо-коричневая супесь, мощностью до 0,1 м.

Находки: предметов в объекте не обнаружено.

Антропологическое определение: погребение содержало костные останки взрослого (?) человека.

Объект 5 (участок 3, сект. 2, кв. А–8; Б–8) (Табл. 59; 60). Двухъярусное погребение.

На поверхности объекта найдено четыре крупных валуна. Совершено в овальной яме неправильной формы, ориентированной по линии СВ–ЮЗ, размером 0,88×2,66 м, глубина в материке до 1,09 м. Стенки ямы прямые, дно плоское. Верхний ярус – безурновая кремация, нижний – конское захоронение. Заполнение верхнего яруса – темно-серо-коричневая супесь, смешанная с большим количеством крупного угля и кальцинированных костей, мощностью до 0,38 м. В заполнении верхнего яруса, на глубине 0,06–0,14 м, зафиксировано скопление шести крупных камней, размерами от 0,06×0,15 м до 0,08×0,16 м. Заполнение нижнего яруса – серо-коричневая супесь, мощностью до 1,08 м.

В центральной части ямы, над конским погребением, было зафиксировано скопление четырех крупных камней, лежащих плотно друг к другу. На дне ямы, на глубине 0,66–0,88 м от уровня предматерика, находился скелет коня. В юго-западной части ямы были обнаружены кости передней части туши коня – череп, передние конечности, лопатки, часть позвоночного столба. Северо-восточнее этого скопления зафиксированы кости задних конечностей лошади. Лошадь была положена в могилу в расчлененном виде (Табл. 59).

Находки:

1. Придонная часть лепного сосуда, на глубине 0,35 м, возле скопления камней, в верхнем ярусе (Табл. 60, 2);
2. Железные удила, в челюстях у лошади, на глубине 0,88 м от уровня предматерика (Табл. 60, 1).

Антропологическое определение: погребение содержало костные останки мужчины (?) 20–49 лет.

Возраст лошади: 66–72 месяца.

Объект 6 (участок 3, сект. 2, кв. Б–10) (Табл. 61). Двухъярусное погребение.

Совершено в овальной яме, ориентированной по линии З–В, размером 1,12×2,22 м, глубина в материке до 0,76 м. Стенки ямы прямые, дно плоское.

Верхний ярус – безурновая кремация, нижний – конское захоронение. В верхнем ярусе, в юго-восточной части, выявлена линза с темно-серо-коричневой супесью, смешанной с большим количеством угля, золы и кальцинированными костями, мощностью до 0,18 м. Кроме того, в верхнем ярусе слой серо-коричневой супеси с содержанием древесного угля, мощностью до 0,4 м, частично фиксировался с уровня поверхности объекта и частично залегал под слоем линзы. Заполнение нижнего яруса представлено светло-серо-коричневой супесью, мощностью до 0,56 м. В западной части ямы этот слой начинался непосредственно с уровня выявления объекта.

В заполнении нижнего яруса, возле южной стенки, на глубине 0,34 м от уровня предматерика, залегал крупный камень, размером 0,25×0,32 м. Камень находился непосредственно над скелетом коня. Конское захоронение было выявлено на дне ямы, на глубине 0,32–0,54 м

от уровня предматерика. Скелет коня передней частью был ориентирован в юго-восточном направлении. (Табл. 61, 3–6).

Находки:

1. Три фрагмента железного предмета вытянутой формы, в верхнем ярусе (Табл. 61, 2);
2. Небольшой заостренный железный предмет, в верхнем ярусе;
3. Железный гвоздь (?), в верхнем ярусе (Табл. 61, 1).

Антропологическое определение: погребение содержало костные останки ребенка (?).

Возраст лошади: 66–72 месяца.

Объект 8 (участок 3, сект. 2, кв. В-Г-7) (Табл. 62). Погребение.

На поверхности объекта, в юго-восточной части, на глубине 0,07–0,14 м от уровня предматерика, выявлено скопление, состоящее из четырех камней, размером от 0,09×0,1 м до 0,16×0,21 м. На расстоянии 0,32 м, юго-восточнее скопления камней, на глубине 0,03 м от уровня предматерика, обнаружен еще один камень, размером 0,08×0,14 м. В северо-западной части ямы, на глубине 0,06 м от уровня предматерика, залегал камень, размером 0,08×0,11 м. Контуры погребения выявлены на уровне предматерика. Совершено в овальной яме, ориентированной по линии СЗ–ЮВ, размером 1×2,38 м, глубина в материке до 0,28 м. Стенки ямы прямые, дно плоское. Верхний слой заполнения – темно-серо-коричневая супесь, смешанная с древесным углем, золой и мелкими кальцинированными костями, мощностью до 0,15 м. В этом слое обнаружено шесть камней. Нижний слой – это серо-коричневая супесь, мощностью до 0,12 м.

Находки: предметов в объекте не обнаружено.

Объект 9 (участок 3, сект. 2, кв. В-Г-7-8) (Табл. 63). Погребение.

Контуры выявлены на уровне предматерика. Совершено в овальной яме, ориентированной по линии ЮЮВ–ССЗ, размером 0,66×1,46 м, глубина в материке до 0,27 м. Стенки ямы слегка покатые, дно плоское. Заполнение верхнего яруса – темная серо-коричневая супесь, смешанная с мелкими кусочками древесного угля, золой и кальцинированными костями, мощностью до 0,19 м; далее – слой серо-коричневой супеси, мощностью до 0,11 м. Нижний слой заполнения представлен серо-коричневой супесью, мощностью до 0,12 м (Табл. 63, 2–4).

Находки:

1. Небольшой лепной сосуд баночной формы, в юго-восточной части объекта, в верхнем слое заполнения, на глубине 0,07 м от уровня предматерика (Табл. 63, 1).

Объект 11 (участок 3, сект. 2, кв. В-8-9) (Табл. 64). Двухъярусное погребение.

На поверхности объекта, в юго-восточной части, на глубине 0,09–0,14 м от уровня предматерика, зафиксировано компактное скопление около двенадцати крупных камней, размером от 0,07×0,1 м до 0,24×0,38 м. Контуры погребения выявлены на уровне предматерика. Совершено в овальной яме, ориентированной по линии ССВ–ЮЮЗ, размером 1,02×1,82 м, глубина в материке до 0,87 м. Стенки ямы прямые, дно неровное, в его юго-восточной части имеется углубление овальной формы. Верхний ярус – безурновая кремация, нижний – конское захоронение. Заполнение верхнего яруса – темно-серая супесь, смешанная с большим количеством древесного угля, золы, кальцинированными костями, мощностью до 0,44 м. Заполнение нижнего яруса – серо-коричневая супесь, мощностью до 0,87 м.

На дне ямы, в ее северной части, обнаружены кости задних конечностей и тазовые кости коня (Табл. 64, 2, 3).

Находки:

1. Оселок с округлым отверстием, в верхнем ярусе, под скоплением камней, на глубине 0,33 м от уровня предматерика (Табл. 64, 1).

Антропологическое определение: погребение содержало костные останки взрослой женщины.

Возраст лошади: 40–42 месяца.

Объект 13 (участок 3, сект. 2, кв. Е–9) (Табл. 65–67). Двухъярусное погребение.

На поверхности объекта обнаружены крупные камни. Контуры погребения выявлены на уровне предматерика. Совершено в овальной яме, ориентированной по линии ЮЗ–СВ, размером 0,92×2,14 м, глубина в материке до 0,7 м. Дно ямы плоское, стенки отвесные. Верхний ярус – безурновая кремация, нижний – конское захоронение. Заполнение верхнего яруса – темно-серо-коричневая супесь, смешанная с большим количеством древесного угля, золы и кальцинированными костями, мощностью до 0,36 м. Кроме того, на поверхности объекта фиксировалось две линзы серо-коричневой супеси с незначительным количеством угля, мощностью 0,14–0,24 м. Заполнение нижнего яруса – светло-серо-коричневая супесь, мощностью до 0,7 м.

В заполнении верхнего яруса, в северо-восточной части объекта, на глубине 0,04–0,19 м от уровня предматерика, зафиксировано три камня, размерами от 0,08×0,14 м до 0,38×0,4 м, перекрывавшие нижний ярус. На дне ямы, на глубине 0,25–0,5 м от уровня предматерика, выявлен скелет коня. В юго-западном секторе ямы находились кости передней части туши лошади – череп, позвоночный столб, кости передних конечностей, а в северо-восточной – тазовые и кости задних конечностей (Табл. 65). Туша коня перед погребением, вероятно, была расчленена.

Находки:

1. Фрагмент стенки лепного сосуда, в северо-восточной части объекта, на его поверхности (Табл. 67, 1);
2. Плохо сохранившийся лепной сосуд, в верхней части заполнения (Табл. 67, 2);
3. Три фрагмента стенок лепного сосуда, в верхней части заполнения (Табл. 66, 4, 5);
4. Нижняя часть лепного сосуда, в верхней части заполнения (Табл. 66, 3);
5. Железные кольчатые удила, в районе черепа лошади, на глубине 0,48 м от уровня предматерика (Табл. 66, 1);
6. Железная пряжка, в заполнении (Табл. 66, 2).

Антропологическое определение: погребение содержало костные останки подростка.

Возраст лошади: 50–52 месяца.

Объект 14 (уч. 3, сект. 4, кв. И–20–21) (Табл. 68; 69). Погребение.

Контуры выявлены на уровне предматерика. Совершено в округлой яме неправильной формы, диаметром 0,46 м, глубиной в материке до 0,46 м. Стенки ямы слегка покатые, дно плоское. Заполнение темно-серая супесь, смешанная с золой и кальцинированными костями человека и животного, мощностью до 0,45 м. В этом слое зафиксирован валун.

Находки:

1. Развал массивного толстостенного лепного сосуда, в южной части ямы (Табл. 69, 1);
2. Лепной сосуд с сильно выделяющимися гранями, верхняя часть орнаментирована зубчатым штампом, венчик украшен насечками, в центральной части ямы, стоял на дне (Табл. 69, 8);
3. Шесть фрагментов лепных сосудов, в заполнении (Табл. 69, 2–7).

Антропологическое определение: погребение содержало костные останки ребенка (?).

Объект 15 (уч. 3, сект. 3, кв. А-Б-14-15) (Табл. 70). Двухъярусное погребение (?).

Погребение, видимо, было разрушено более поздней ямой (XIX в.?). Остатки кремации выявлены в заполнении перекопа, западнее конского захоронения, в небольшой овальной яме, ориентированной по линии С-Ю, размером 0,45×0,74 м. Заполнение – тёмно-серо-коричневая супесь с обильным содержанием золы и небольшим количеством крупных кальцинированных костей, мощностью до 0,15 м. Конское захоронение обнаружено восточнее перекопа XIX в., в овальной яме неправильной формы, ориентированной по линии С-Ю, размером 1,1×1,22 м, глубина в материке до 0,55 м. Верхний слой заполнения представлен серо-коричневой супесью мощностью до 0,2 м. В этом слое была выявлена линза светло-серой супеси шириной 0,58 м и мощностью до 0,47 м. Ниже залегал слой светло-серо-коричневой супеси мощностью до 0,37 м.

Кости коня зафиксированы на глубине 0,08–0,15 м от уровня предматерика. В погребении была выявлена передняя часть туши коня, в том числе и череп (Табл. 70, 2, 3).

Находки:

1. Железные кольчатые удила, в челюстях лошади (Табл. 70, 1).

Антропологическое определение: погребение содержало костные останки взрослого человека.

Возраст лошади: 50–52 месяца.

Объект 17 (уч. 3, сект. 3, кв. Г-13-14) (Табл. 71). Двухъярусное погребение.

На поверхности объекта обнаружено два крупных камня. Один камень, размером 0,18×0,26 м, залегал в северо-западной части ямы, на глубине 0,12 м от уровня предматерика. В южной части ямы, на глубине 0,06 м от уровня предматерика, встречен другой камень, размером 0,28×0,36 м. Контуры погребения выявлены на уровне предматерика. Совершено в овальной яме, ориентированной по линии ССВ-ЮЮЗ, размером 1,1×1,56 м, глубина в материке до 0,72 м. Стенки ямы покатые, дно плоское. Верхний ярус – безурновая кремация, нижний – конское захоронение. Верхний ярус – темно-серая супесь, смешанная с крупными кусочками угля, золой и кальцинированными костями, мощностью до 0,32 м. Заполнение нижнего яруса – серо-коричневая супесь, мощностью до 0,69 м.

На дне ямы, на глубине 0,2–0,36 м, находилось захоронение лошади. В южном секторе ямы находились остатки передней части туши лошади без черепа – кости передних конечностей, лопатки, позвоночный столб, в северной части ямы – тазовые и кости задних конечностей. Туша лошади была положена в могильную яму, вероятно, в расчлененном виде.

Находки: предметов в объекте не обнаружено.

Антропологическое определение: погребение содержало костные останки женщины (?) в возрасте до 40 лет.

Возраст лошади: более 42 месяцев.

Объект 18 (уч. 3, сект. 3, кв. Г-14-15) (Табл. 72; 73). Двухъярусное погребение.

Контуры выявлены на уровне предматерика. Совершено в овальной яме, ориентированной по линии ЗЮЗ-ВССВ, размером 1,25×2 м, глубина в материке до 0,79 м. Стенки ямы покатые, дно плоское. В восточной части ямы, на глубине 0,3 м, обнаружен камень. Верхний ярус – безурновая кремация, нижний – конское захоронение. Верхний слой – темно-серо-коричневая супесь, смешанная с крупными кусочками угля, мощностью до 0,29 м; далее – слой темно-серой супеси с включениями крупного древесного угля и большого количества кальцинированных костей. Заполнение нижнего яруса – серо-коричневая супесь, мощностью до 0,65 м.

Скелет коня лежал на дне ямы. Конь был положен вытянуто на животе, с подогнутыми конечностями, головой на ЗЮЗ (Табл. 72).

Находки:

1. Железные кольчатые удила, в челюстях лошади (Табл. 73, 3);
2. Кусочек янтаря, 1×1 см, в заполнении верхнего яруса погребения;
3. Бронзовая оковка питьевого рога⁶⁰, в верхнем ярусе погребения, западнее камня (Табл. 73, 1);
4. Бронзовая прямоугольная пластина, возможно элемент гарнитуры питьевого рога, в верхнем ярусе погребения, западнее камня (Табл. 73, 2).

Антропологическое определение: погребение содержало костные останки взрослой женщины (?).

Возраст лошади: 25–27 месяцев.

Объект 19 (уч. 3, сект. 3, кв. Д-Е-14-15) (Табл. 74). Двухъярусное погребение.

В северо-восточной части ямы, на глубине 0,05 м от уровня предматерика, выявлено два валуна. Контуры погребения выявлены на уровне предматерика. Совершено в овальной яме, ориентированной по линии ЮЗ-СВ, размером 1×1,96 м, глубина в материке до 0,81 м. Стенки ямы отвесные, дно плоское с резким понижением уровня в западную сторону. Верхний ярус – безурновая кремация, нижний – конское захоронение. Верхний ярус – темно-серая супесь, смешанная с крупным углем, золой и фрагментами кальцинированных костей, мощностью до 0,23 м. Заполнение нижнего яруса – серо-коричневая супесь, мощностью до 0,8 м.

Скелет коня находился на дне могильной ямы, в расчлененном виде. Судя по расположению черепа, конь был ориентирован головой в юго-западном направлении (Табл. 74, 3–5).

Находки:

1. Фрагмент придонной части лепного сосуда, с оттиском штампа клиновидной формы на тулове, в месте максимального расширения, в заполнении второго яруса (Табл. 74, 2);
2. Фрагмент стенки лепного сосуда, в заполнении;
3. Железные кольчатые удила, в челюстях лошади (Табл. 74, 1).

Антропологическое определение: погребение содержало костные останки взрослой женщины (?).

Возраст лошади: определить не представляется возможным.

Объект 22 (уч. 3, сект. 3, кв. Ж-3-13-14) (Табл. 75). Разрушенное погребение.

Обнаружено к юго-западу от ямы XIX в. в виде скопления темно-серо-коричневой супеси, смешанной с древесным углем, золой и мелкими кальцинированными костями, мощностью до 0,13 м. Прослежены остатки погребальной ямы, глубиной до 0,57 м в материке.

Находки:

1. Фрагмент янтаря, в заполнении.

Антропологическое определение: погребение содержало костные останки ребенка (?).

Объект 23 (уч. 3, сект. 7, кв. А-32; Б-32-33) (Табл. 76). Яма.

Яма овальной формы, ориентирована по линии ЗСЗ-ВЮВ, размером 1,81×2,66 м, глубина в материке до 0,63 м. Верхний слой заполнения – плотный серо-коричневый суглиной шириной 1,82 м и мощностью до 0,31 м, в центральной части объекта. Ниже, также в центральной части, фиксируется слой серо-коричневой супеси с красноватым оттенком, мощностью

⁶⁰ Химический состав и техника изготовления изучены И. А. Сапрыкиной, подробнее см.: Приложение 3.

до 0,29 м. Под слоем красноватой серо-коричневой супеси, фиксируется слой темно-серо-коричневой супеси с содержанием древесного угля, мощностью до 0,48 м.

Находки:

1. Пять фрагментов венчиков лепных сосудов, в заполнении;
2. Два фрагмента днищ лепных сосудов, в заполнении.

Радиоуглеродное исследование древесного угля⁶¹: 1σ 530–610 AD; 2σ 430–620 AD.

Объект 28 (уч. 3, сект. 6, кв. Б-В-26) (Табл. 77). Разрушенное погребение.

Погребение, видимо, было разрушено более поздней ямой (XIX в.), в которой выявлены кальцинированные кости взрослого человека.

Находки:

1. Фрагмент стенки лепного сосуда, в верхнем слое заполнения;
2. Фрагмент венчика лепного сосуда, в верхнем слое заполнения объекта.

Объект 29 (уч. 3, сект. 6, кв. Б-29) (Табл. 78). Разрушенное погребение.

Погребение, видимо, было разрушено более поздней ямой (XIX в.), в которой выявлены три кальцинированные кости.

Находки:

1. Два фрагмента стенок лепного сосуда, в верхней части заполнения ямы.

Объект 31 (уч. 3, сект. 6, кв. В-Г-25–26; Д-26) (Табл. 79). Разрушенное погребение.

Погребение, видимо, было разрушено более поздней ямой (XIX в.), в которой выявлены три фрагмента кальцинированных костей ребенка (?) и древесный уголь (Табл. 79, 5, 6).

Находки:

1. Фрагменты стенок лепного сосуда, в верхней части заполнения ямы (Табл. 79, 1, 3, 4).
2. Булавка (Табл. 79, 2)⁶².

Объект 32 (уч. 3, сект. 6, кв. Г-27) (Табл. 80). Погребение.

В северной части объекта три валуна. Контуры погребения выявлены на уровне предматерика. Совершено в овальной яме неправильной формы, ориентированной по линии С-Ю, размерами 0,97×1,52 м, глубина в материке до 0,5 м. Стенки ямы прямые, дно неровное с достаточно резким понижением уровня в южном направлении. Верхний слой заполнения – темно-серо-коричневая супесь с небольшим содержанием древесного угля. Ниже залегал слой серо-коричневой супеси, мощностью до 0,32 м (Табл. 80, 2, 3).

Находки:

1. Фрагмент стенки лепного сосуда, в верхней части заполнения (Табл. 80, 1).

Объект 35 (уч. 3, сект. 6, кв. Д-Е-26–27) (Табл. 81). Погребение (?).

Контуры выявлены на уровне предматерика. Совершено в овальной яме, ориентированное по линии З-В, размером 0,88×1,74 м, глубина в материке до 0,5 м. Стенки ямы немного покатые, дно неровное с резким понижением уровня в западном направлении. В западной части

⁶¹ Проведено в Лаборатории Института геохимии окружающей среды НАН Украины, см.: Приложение 4.

⁶² Нет в описании погребения в отчете, но булавка изображена на таблицах к отчету и имеется в коллекции материалов из могильника Заостровье-1, как происходящая из погр. 31.

объекта заполнение темно-серо-коричневой супеси с примесью древесного угля, мощностью до 0,5 м, зафиксировано в округлой ямке, диаметром 0,64 м (Табл. 81, 4, 5).

Находки:

1. Фрагмент венчика лепного сосуда, в заполнении;
2. Фрагмент удил, в заполнении (Табл. 81, 3);
3. Фрагменты заостренных железных предметов, в заполнении (Табл. 81, 1, 2).

Объект 37 (уч. 3, сект. 6, кв. 3–27) (Табл. 82). Двухъярусное погребение.

На поверхности объекта обнаружено три валуна. Совершено в овальной яме, ориентированной по линии СВ–ЮЗ, размером 0,71×1,94 м, глубина в материке до 0,63 м. Верхний ярус – безурновая кремация, нижний – конское захоронение. Заполнение верхнего яруса – темно-серо-коричневая супесь с небольшим содержанием древесного угля и крупных кальцинированных костей, мощностью 0,12 м, наиболее интенсивно этот слой зафиксирован в северо-восточной части объекта. Заполнение нижнего яруса – серо-коричневая супесь, мощностью до 0,63 м.

Над конским погребением, в северо-восточной части ямы, на глубине 0,12–0,18 м от уровня предматерика, выявлено три валуна размером 0,31×0,46 м. В придонной части ямы, на глубине 0,52–0,54 м от уровня предматерика, зафиксировано конское захоронение. В юго-западной части ямы находилась передняя часть туши коня (череп, позвоночный столб, кости передних конечностей), в северо-восточной – задняя часть туши (тазовые кости, кости задних конечностей) (Табл. 82, 2–4). Конь был положен в могилу, видимо, в расчлененном виде.

Находки:

1. Железные кольчатые удила, в челюстях коня (Табл. 82, 1).

Антропологическое определение: погребение содержало костные останки ребенка.

Возраст лошади: 25–27 месяцев.

Объект 38 (уч. 3, сект. 5, кв. А–Б–24–25) (Табл. 83). Разрушенное погребение.

Погребение, видимо, было разрушено более поздней ямой (XIX в.?), в верхней части которой выявлена небольшая прослойка темно-серо-коричневой супеси, содержащая фрагменты древесного угля и кальцинированных костей, мощностью до 0,1 м.

Находки:

1. Мелкие фрагменты лепной керамики, в верхней части заполнения;
2. Кусочек янтаря, 1,2×0,8 см, в верхней части заполнения.

Антропологическое определение: погребение содержало костные останки молодой женщины (?).

Объект 41 (уч. 3, сект. 5, кв. В–Г–24–25) (Табл. 84). Разрушенное погребение (?).

Погребение, видимо, было разрушено более поздней ямой (XIX в.?), в верхней части которой выявлена прослойка темно-серо-коричневой супеси, содержащая фрагменты древесного угля, мощностью до 0,17 м (Табл. 84, 2, 3).

Находки:

1. Фрагменты небольшого лепного сосуда баночной формы, в верхней части заполнения (Табл. 84, 1).

Объект 42 (уч. 3, сект. 5, кв. Г–23–24) (Табл. 85). Погребение.

На поверхности объекта выявлено два валуна. Контуры погребения выявлены на уровне предматерика. Совершено в овальной яме, ориентированной по линии СВ–ЮЗ, размером 0,76×1,26 м, глубина в материке до 0,29 м. Стенки слегка покатые, дно плоское. Заполнение объекта – темно-серая супесь, смешанная с золой, древесным углем и небольшими фрагментами кальцинированных костей, мощностью до 0,24 м.

Находки: предметов в объекте не обнаружено.

Объект 43а (уч. 3, сект. 5, кв. Г–22–23) (Табл. 86). Погребение.

Контуры выявлены на уровне предматерика. Совершено в округлой яме, диаметром 0,5 м, глубина в материке до 0,22 м. Стенки немного покатые, дно плоское. Заполнение объекта представлено двумя слоями. В верхней части заполнения представлено – темно-серой супесью, смешанной с мелким древесным углем и кальцинированными костями, мощностью до 0,18 м. Ниже находился слой серо-коричневой супеси, мощностью до 0,19 м.

Находки: предметов в объекте не обнаружено.

Антропологическое определение: погребение содержало костные останки ребенка.

Объект 45 (уч. 3, сект. 5, кв. Б–20–21) (Табл. 87). Погребение.

Контуры выявлены на уровне предматерика. Совершено в округлой яме, диаметром 0,76 м, глубина в материке до 0,15 м. Стенки покатые, дно вогнутое. Верхний слой заполнения – темно-серая супесь, смешанная с золой и мелкими кальцинированными костями, мощностью до 0,08 м. Ниже залегал слой серо-коричневой супеси, мощностью до 0,07 м (Табл. 87, 2, 3).

Находки:

1. Фрагмент стенки лепного сосуда, в заполнении, верхний слой заполнения (Табл. 87, 1).

Объект 46 (уч. 3, сект. 5, кв. Д–23–24) (Табл. 88). Погребение.

На поверхности объекта, в его юго-западной части, выявлен валун. Контуры погребения выявлены на уровне предматерика. Совершено в овальной яме неправильной подпрямоугольной формы, ориентированной по линии ЮЗ–СВ, размером 0,8×1,7 м, глубина в материке до 0,53 м. Стенки слегка покатые, дно плоское. Верхний слой заполнения – темно-серая супесь, смешанная с большим количеством золы, крупных кусочков угля и крупных фрагментов кальцинированных костей, мощностью до 0,34 м. В нижней части верхнего слоя выявлено два валуна. Ниже залегал слой серо-коричневой супеси, мощностью до 0,49 м, в котором, на глубине 0,4 м от уровня предматерика, обнаружена случайная (?) кость коня (Табл. 88, 2–4).

Находки:

1. Фрагментарно сохранившийся лепной сосуд, с расширением в средней части, в верхнем слое заполнения (Табл. 88, 1).

Антропологическое определение: погребение содержало костные останки взрослой женщины (?).

Объект 47 (уч. 3, сект. 5, кв. Е–23–24) (Табл. 89). Погребение.

Контуры выявлены на уровне предматерика. Совершено в округлой яме, диаметром 1,12 м, глубина в материке до 0,28 м. Стенки слегка покатые, дно плоское. Заполнение объекта

представлено двумя слоями. Верхний слой заполнения – серо-коричневая супесь, смешанная с золой, мелким углем и мелкими кальцинированными костями, мощностью до 0,18 м. Ниже залегал слой серо-коричневой супеси, мощностью до 0,12 м.

Находки: предметов в объекте не обнаружено.

Объект 48 (уч. 3, сект. 5, кв. Ж–23) (Табл. 90). Двухъярусное погребение (?).

Контуры выявлены на уровне предматерика. Совершено в овальной яме, ориентированной по линии СВ–ЮЗ, размером 0,64×1,32 м, глубина в материке до 0,39 м. Стенки слегка покатые, дно плоское. Заполнение в центре ямы – темно-серо-коричневая супесь, с фрагментами древесного угля, мощностью 0,12 м. Заполнение нижнего яруса – серо-коричневая супесь, мощностью до 0,38 м.

В южной части ямы, на глубине 0,22 м, был зафиксирован череп коня (Табл. 90, 2–4).

Находки:

1. Два фрагмента венчика лепного сосуда, в верхней части заполнения (Табл. 90, 1).

Возраст лошади: 22–24 месяца.

Объект 49 (уч. 3, сект. 5, кв. З–22) (Табл. 91). Двухъярусное погребение (?).

Контуры выявлены на уровне предматерика. Совершено в округлой яме неправильной формы, диаметром 0,98 м, глубина в материке до 1,34 м. В центральной части ямы заполнение верхнего яруса представлено темно-серо-коричневой супесью с примесью древесного угля, мощностью до 0,1 м. Заполнение нижнего яруса – серо-коричневая супесь, мощностью до 0,3 м.

Над конским захоронением, на глубине 0,15–0,2 м от уровня предматерика, в центре ямы было зафиксировано скопление валунов. Камни лежали вплотную друг к другу. На дне ямы, на глубине 0,3–0,4 м от уровня предматерика, было обнаружено два скопления костей коня – в западной и восточной частях ямы. Череп в погребении не найден (Табл. 91, 2–5).

Находки:

1. Фрагмент железных удил, в заполнении (Табл. 91, 1).

Возраст лошади: 13–15 месяцев.

Объект 50 (уч. 3, сект. 5, кв. З-И–21–22) (Табл. 92). Яма.

Контуры выявлены на уровне предматерика. Яма овальной формы, ориентированная по линии ЮВ–СЗ, размером 0,94×2,88 м, глубина в материке до 0,31 м. Стенки ямы слегка покатые, дно плоское. Верхний слой заполнения представлен темно-серо-коричневой супесью, мощностью до 0,21 м. Нижний слой – серо-коричневая супесь, мощностью до 0,1 м (Табл. 92, 2–4).

Находки:

1. Нижняя часть сосуда, в южной части ямы, на глубине 0,06–0,1 м от уровня предматерика (Табл. 92, 1).

Объект 51 (уч. 3, сект. 5, кв. З-И–23) (Табл. 93). Двухъярусное погребение.

На поверхности объекта зафиксировано три валуна. Контуры погребения выявлены на уровне предматерика. Совершено в овальной яме неправильной формы, ориентированной по линии ЮЗ–СВ, размером 1,0×2,04 м, глубина в материке 0,64 м. Верхний ярус – безурновая кремация, нижний – конское захоронение. Заполнение верхнего яруса представлено

слоем темно-серо-коричневой супеси с содержанием древесного угля. Заполнение нижнего яруса – серо-коричневая супесь, мощностью до 0,54 м.

Над конским погребением на глубине 0,12–0,5 м от уровня предматерика были зафиксированы пять крупных валунов, вытянутых по линии ЮЗ–СВ, размером 0,29–0,49 м. На дне могильной ямы выявлено конское захоронение. Кости коня залежали в могиле в анатомическом порядке. Конь лежал на животе, мордой вниз и головой ориентирован на ЮЗ (Табл. 93, 5–8).

Находки:

1. Железные кольчатые удила, в челюстях лошади (Табл. 93, 4);
2. Железная пряжка, в верхнем ярусе погребения (Табл. 93, 1);
3. Фрагменты стенок лепного сосуда, в заполнении (Табл. 93, 2, 3).

Возраст лошади: 66–72 месяца.

Объект 52 (уч. 3, сект. 5, кв. 3–25; И–24–25) (Табл. 94). Двухъярусное погребение (?).

На поверхности объекта, в его северо-восточной части, зафиксировано два валуна. Совершенно в овальной яме, ориентированной по линии ЮЗ–СВ, размером 1×1,9 м, глубина в материке до 0,59 м. Заполнение верхнего яруса представлено слоем темно-серо-коричневой супеси с содержанием древесного угля, мощностью до 0,17 м. Заполнение нижнего яруса – серо-коричневая супесь, мощностью до 0,56 м.

На глубине 0,15–0,3 м от уровня предматерика, над конским погребением, в северо-восточной части ямы, выявлено три валуна размером 0,25–0,3 м. На дне ямы зафиксировано конское захоронение. Передняя часть туши (череп, передние конечности, часть позвоночного столба) располагались в юго-западной части ямы. В северо-восточной – задние конечности коня (Табл. 94, 2–4). Конь был положен в могилу, видимо, в расчлененном виде.

Находки:

1. Железные кольчатые удила, в челюстях коня (Табл. 94, 1).

Возраст лошади: 24–26 месяцев.

Объект 54 (уч. 3, сект. 5, кв. Е-Ж–21–22) (Табл. 95). Разрушенное погребение.

Погребение, видимо, было разрушено более поздней ямой (XIX в.?), в верхней части которой выявлена прослойка темно-серо-коричневой супеси, содержавшая фрагменты древесного угля и кальцинированные кости, мощностью до 0,51 м (Табл. 95, 7, 8).

Находки:

1. Фрагменты стенок и один фрагмент венчика лепного сосуда, в прослойке с углем и кальцинированными костями (Табл. 95, 1–6).

Антропологическое определение: погребение содержало костные останки подростка (?).

Объект 55 (уч. 3, сект. 5, кв. Е-Ж–22) (Табл. 96; 97). Двухъярусное погребение.

Совершено в овальной яме, ориентированной по линии С–Ю, размером 1,16×1,92 м, глубина до 0,59 м. Верхний ярус – безурновая кремация, нижний – конское захоронение. Заполнение верхнего яруса – темно-серая супесь с содержанием древесного угля и крупных кальцинированных костей, мощностью до 0,31 м. Заполнение нижнего яруса – серо-коричневая супесь, мощностью до 0,49 м.

Над конским погребением, в южной части ямы, на глубине 0,3–0,35 м от уровня предматерика, выявлено три валуна размером 0,34–0,44 м. На дне ямы зафиксировано конское захоронение. Наибольшее количество конских костей находилось в южной части ямы, другое

скопление костей – в противоположном северном конце ямы (Табл. 96). Конь был положен в могилу, видимо, в расчлененном виде.

Находки:

1. Три фрагмента лепного сосуда – одна стенка и два венчика, из них один с небольшими сквозными отверстиями, в верхнем ярусе погребения (Табл. 97, 1–3);
2. Железные кольчатые удила, среди южного скопления конских костей (Табл. 97, 4).

Антропологическое определение: Погребение содержало костные останки человека 40–49 лет.

Возраст лошади: 66–72 месяцев.

Объект 58 (уч. 3, сект. 4, кв. И–18) (Табл. 98). Двухъярусное погребение.

На поверхности объекта, в его южной части находился валун. Контуры погребения выявлены на уровне предматерика. Совершено в овальной яме, ориентированной по линии ССВ–ЮЮЗ, размером 0,72×1,8 м, глубина в материке до 0,55 м. Стенки ямы отвесные, дно плоское. Верхний ярус – безурновая кремация, нижний – конское захоронение. Заполнение верхнего яруса – темно-серая супесь, перемешанная с золой, крупным углем и кальцинированными костями, мощностью 0,19 м. Заполнение нижнего яруса – серо-коричневая супесь, мощностью до 0,54 м.

На глубине 0,2–0,42 м от уровня предматерика, залегало три валуна. На дне ямы, под камнями, обнаружен скелет коня, лежащий в анатомическом порядке, вытянуто на животе, головой на Ю (Табл. 98, 3–5).

Находки:

1. Железные кольчатые удила, в челюстях лошади (Табл. 98, 1);
2. Бронзовая булавка с загнутым «посоховидным» концом, в заполнении (Табл. 98, 2).

Антропологическое определение: погребение содержало костные останки подростка (ребенка?).

Возраст лошади: 25–27 месяцев.

Объект 59 (уч. 3, сект. 4, кв. 3–19–20) (Табл. 99). Двухъярусное погребение.

На поверхности объекта, в его юго-западной части найден валун. Контуры погребения выявлены на уровне предматерика. Совершено в овальной яме, ориентированной по линии ЮЗ–СВ, размером 0,88×1,96 м, глубина в материке до 0,74 м. Стенки ямы отвесные, дно плоское. Верхний ярус – безурновая кремация, нижний – конское захоронение. Заполнение верхнего яруса – темно-серая супесь, смешанная с углем, золой и кальцинированными костями, мощностью до 0,25 м. В пределах верхнего яруса, в южной части объекта, вплотную к друг другу лежали два крупных камня. Заполнение нижнего яруса – серо-коричневая супесь, мощностью до 0,72 м.

На дне ямы, на глубине 0,32–0,6 м, обнаружено захоронение коня. В юго-западной части ямы находилась кости передней части туши лошади – череп, лопатки, кости передних конечностей, в северной части – длинные кости задних конечностей (Табл. 99, 5–7). Конь был положен в могилу, видимо, в расчлененном виде.

Находки:

1. Железные кольчатые удила, в челюстях коня (Табл. 99, 4);
2. Две железные пряжки, в районе черепа лошади (Табл. 99, 1, 2);
3. Фрагмент стенки лепного сосуда, в верхнем ярусе (Табл. 99, 3).

Антропологическое определение: погребение содержало костные останки взрослой женщины (?).

Возраст лошади: 25–27 месяцев.

Объект 61 (уч. 3, сект. 4, кв. Г-Д-16) (Табл. 100). Двухъярусное погребение.

На поверхности объекта, в его северо-восточной части, обнаружен валун. Контуры погребения выявлены на уровне предматерика. Совершено в овальной яме, ориентированной по линии СВ-ЮЗ, размером 0,86×2,28 м, глубина в материке до 0,64 м. Стенки ямы отвесные, дно неровное с понижением в южном направлении. Верхний ярус – безурновая кремация, нижний – конское захоронение. Заполнение верхнего яруса – темно-серая супесь, смешанная с золой и кальцинированными костями, мощностью до 0,12 м. Заполнение нижнего яруса – серо-коричневая супесь, мощностью до 0,64 м.

Четыре крупных камня зафиксированы над скелетом коня, они лежали вплотную друг к другу, по линии СВ-ЮЗ, в северо-восточной части объекта. На дне ямы находился скелет коня, лежащего на левом боку. Кости коня располагались в анатомическом порядке (Табл. 100, 2-4).

Находки:

1. Железные удила, в челюстях коня (Табл. 100, 1).

Антропологическое определение: погребение содержало костные останки взрослого человека.

Возраст лошади: 56-60 месяцев.

Объект 62 (уч. 3, сект. 4, кв. А-16-17). (Табл. 101, А). Разрушенное погребение.

Погребение, видимо, было разрушено более поздней ямой, в заполнении которой фиксировались крупные фрагменты угля и кальцинированные кости. В заполнении объекта по всей его глубине встречено большое количество камней разного размера (Табл. 101, А, 1, 2).

Находки:

1. Фрагменты керамических сосудов, в верхней части заполнения объекта.

2. Фрагмент зернотерки, в заполнении объекта.

Антропологическое определение: погребение содержало костные останки ребенка-подростка.

Объект 64 (уч. 3, сект. 4, кв. Д-15-16) (Табл. 101, Б). Погребение.

Совершено в яме неправильной овальной формы, ориентированной по линии С-Ю, размером 0,78×1,14 м, углубленной в материк до 0,32 м. Заполнение представлено темно-серо-коричневой супесью с небольшим содержанием древесного угля и кальцинированными костями (Табл. 101, Б, 1, 2).

Находки:

1. Железный нож (? – атрибуция предмета предположительна), в верхней части заполнения (Табл. 101, Б, 3).

Объект 65 (уч. 3, сект. 4, кв. Е-Ж-17-18) (Табл. 101, В). Разрушенное погребение.

Погребение, видимо, было разрушено более поздней ямой, в верхней части которой обнаружено небольшое количество мелких кальцинированных костей ребенка-подростка (Табл. 101, В, 1, 2).

Находки: предметов в объекте не обнаружено.

Объект 66 (уч. 3, сект. 3, кв. З-14-15) (Табл. 102; 103). Двухъярусное погребение.

Совершено в овальной яме, ориентированной по линии ЗЮЗ-ВСВ, размером 1,06×1,0 м, глубина в материке до 0,69 м. Стенки ямы подвесные, дно плоское. Верхний ярус – безурновая

кремация, нижний – конское захоронение. Заполнение верхнего яруса – темно-серая супесь, смешанная с фрагментами угля, золой и кальцинированными костями, мощностью до 0,36 м. Заполнение нижнего яруса – серо-коричневая супесь, мощностью до 0,62 м.

В верхнем ярусе, в центре ямы, на глубине было обнаружено три крупных камня. На дне ямы были обнаружены кости коня. Передняя часть скелета с черепом располагалась в западной части могильной ямы, в восточной – длинные кости задних конечностей (Табл. 102). Туша коня была положена в могилу, видимо, в расчлененном виде.

Находки:

1. Лепной сосуд с пальцевыми вдавлениями по венчику, в верхнем ярусе (Табл. 103, 3);
2. Железные кольчатые удила, в челюстях коня (Табл. 103, 1);
3. Фрагмент железного предмета (Табл. 103, 2).

Антропологическое определение: погребение содержало костные останки взрослого мужчины.

Возраст лошади: 50–52 месяца.

Объект 67 (уч. 3, сект. 3, кв. Б-В-12-13) (Табл. 104). Разрушенное погребение.

Погребение, видимо, было разрушено более поздней ямой, в верхнем слое которой обнаружено небольшое количество мелких кальцинированных костей (Табл. 104, 3, 4).

Находки:

1. Фрагменты стенок лепного сосуда, в верхнем слое заполнения (Табл. 104, 1, 2).

Объект 70 (уч. 3, сект. 3, кв. Г-Е-14; Д-13) (Табл. 105). Разрушенное погребение.

Погребение, видимо, было разрушено более поздней ямой, в верхней части которой обнаружен фрагмент кальцинированной кости ребенка (?).

Находки: предметов в объекте не обнаружено.

Объект 71 (уч. 3, сект. 3, кв. Д-11-12; Е-12) (Табл. 106). Погребение.

Контуры выявлены на уровне предматерика. Совершено в овальной яме, ориентированной по линии С-Ю, размером 0,56×0,78 м, глубина в материке до 0,16 м. Стенки ямы слегка покатые, дно плоское с понижением уровня в северную сторону. Заполнение объекта представлено двумя слоями. Верхний слой зафиксирован в небольшой округлой ямке, диаметром 0,23 м, в виде серая супеси, смешанной с большим количеством кальцинированных костей и золой, мощностью до 0,06 м, Второй слой заполнения – серо-коричневая супесь, мощностью до 0,16 м.

Находки: предметов в объекте не обнаружено.

Антропологическое определение: погребение содержало костные останки мужчины 30–39 лет.

Объект 72 (уч. 3, сект. 1, кв. И-К-2-3) (Табл. 107). Двухъярусное погребение.

Контуры погребения зафиксированы на уровне предматерика. Совершено в округлой яме, ориентированной по линии З-В, размером 1,74 м, глубина в материке до 0,32 м. Стенки ямы прямые, дно неровное с небольшим углублением в центре. Верхний ярус – безурновая кремация, нижний – конское захоронение. Верхний слой заполнения, в западной части ямы, представлен темно-серой супесью с включениями древесного угля и кальцинированных костей,

мощностью до 0,17 м. С восточной стороны к этому слою примыкает темно-серо-коричневая супесь с включениями древесного угля и кальцинированных костей, мощностью до 0,23 м. Основной слой заполнения – серо-коричневая супесь, мощностью до 0,31 м, на поверхности которого фиксируются две линзы серо-коричневой супеси, мощностью 0,11–0,14 м.

В северо-восточной придонной части ямы, на глубине 0,05–0,2 м, выявлены кости коня – череп, длинные кости передних конечностей, лопатки и одна кость задней конечности. Между костями передней части туши и костью задней конечности коня обнаружено два крупных камня. Конь был положен в могилу, видимо, в расчлененном виде (Табл. 107, 2, 3).

Находки:

1. Железные кольчатые удила, в челюстях у коня (Табл. 107, 1).

Антропологическое определение: погребение содержало костные останки взрослого человека.

Возраст лошади: 66–72 месяца.

Объект 73 (участок 3, сект. 2, кв. Б–7–8) (Табл. 108). Погребение.

Контуры выявлены на уровне предматерика. Совершено в округлой яме неправильной формы, диаметром 0,56 м, глубина в материке до 0,3 м. Стенки ямы отвесные, дно плоское. В верхней части объекта фиксировался слой темно-серо-коричневой супеси с небольшими вкраплениями древесного угля, мощностью до 0,12 м; под ним – темно-серая супесь с примесью древесного угля, золы и кальцинированных костей, мощностью до 0,2 м. Ниже залегал слой серо-коричневой супеси, мощностью до 0,25 м (Табл. 108, 3, 4).

Находки:

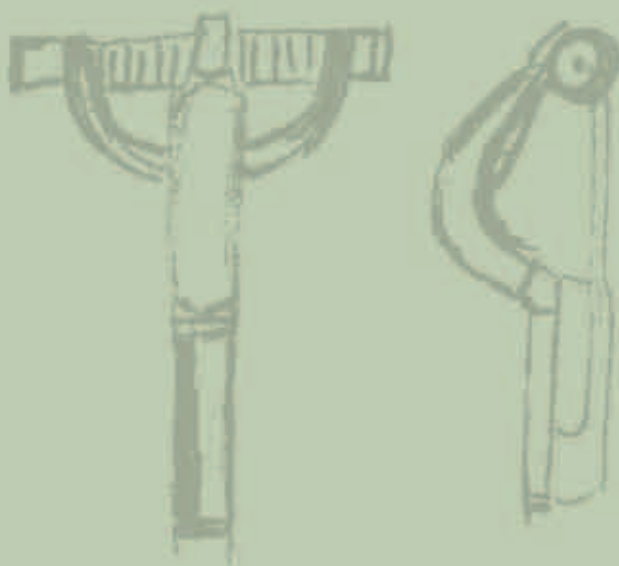
1. Бронзовая арбалетная фибула⁶³, в заполнении объекта, в центре ямы, на глубине 0,15 м от уровня предматерика (Табл. 108, 1);

2. Керамическое пряслице, в заполнении объекта, в центре ямы, на глубине 0,18 м от уровня предматерика (Табл. 108, 2). Оба предмета находились рядом друг с другом, практически на одной глубине, среди древесного угля, золы и кальцинированных костей.

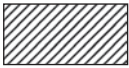
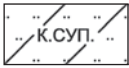
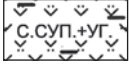

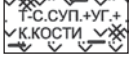
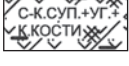

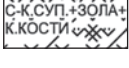
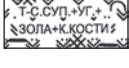
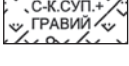
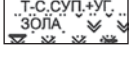
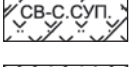
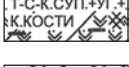
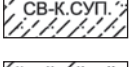
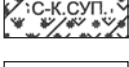
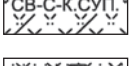
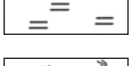
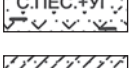

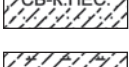
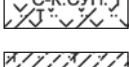
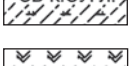
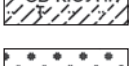

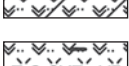

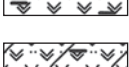
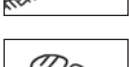
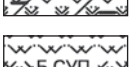

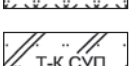

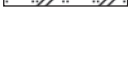
Антропологическое определение: погребение содержало костные останки ребенка.

⁶³ Химический состав и техника изготовления этой фибулы изучены И. А. Сапрыкиной, подробнее см.: Приложение 3.

АЛЬБОМ ТАБЛИЦ КОМПЛЕКСОВ

УСЛОВНЫЕ ОБОЗНАЧЕНИЯ

	дерн		супесь коричневого цвета
	супесь серого цвета с включением угля		супесь красновато-коричневого цвета
	супесь серо-коричневого цвета		супесь тёмно-серого цвета с включением пещины
	супесь серо-коричневого цвета с включением угля		супесь тёмно-серого цвета с включением угля и кальцинированных костей
	супесь серо-коричневого цвета с включением угля и кальцинированных костей		супесь тёмно-серого цвета с включением золы и кальцинированных костей
	супесь серо-коричневого цвета с включением золы и кальцинированных костей		супесь тёмно-серого цвета с включением угля, золы и кальцинированных костей
	супесь серо-коричневого цвета с включением гравия		супесь тёмно-серого цвета с включением угля и золы
	супесь светло-серого цвета		супесь тёмно-серо-коричневого цвета с включением угля и кальцинированных костей
	супесь светло-коричневого цвета		супесь серо-коричневого цвета с интенсивным слоем ожелезнения
	супесь светло-серо-коричневого цвета		пережжённая глина (пещина)
	песок серого цвета с включением угля		куски обожжённой древесины
	песок светло-коричневого цвета		супесь серо-коричневого цвета с красноватым оттенком
	суглинок светло-коричневого цвета		супесь светло-коричневого цвета с красноватым
	супесь тёмно-серого цвета		ожелезнение
	супесь тёмно-серо-коричневого цвета		перекоп
	супесь тёмно-серого цвета с включением угля		материк
	супесь тёмно-серо-коричневого цвета с включением угля		камни
	супесь белого цвета		керамика
	супесь темно-коричневого цвета		

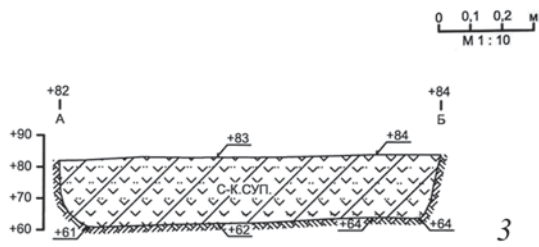
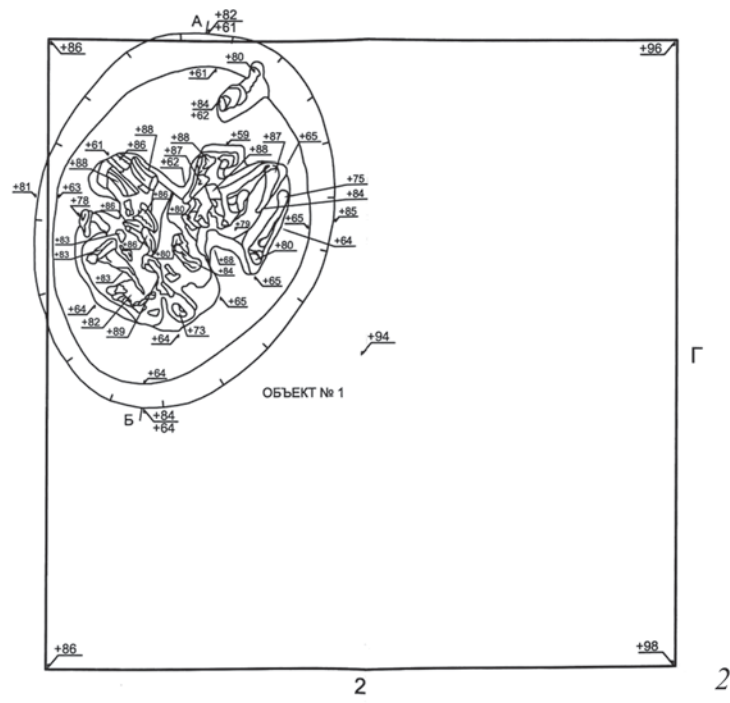
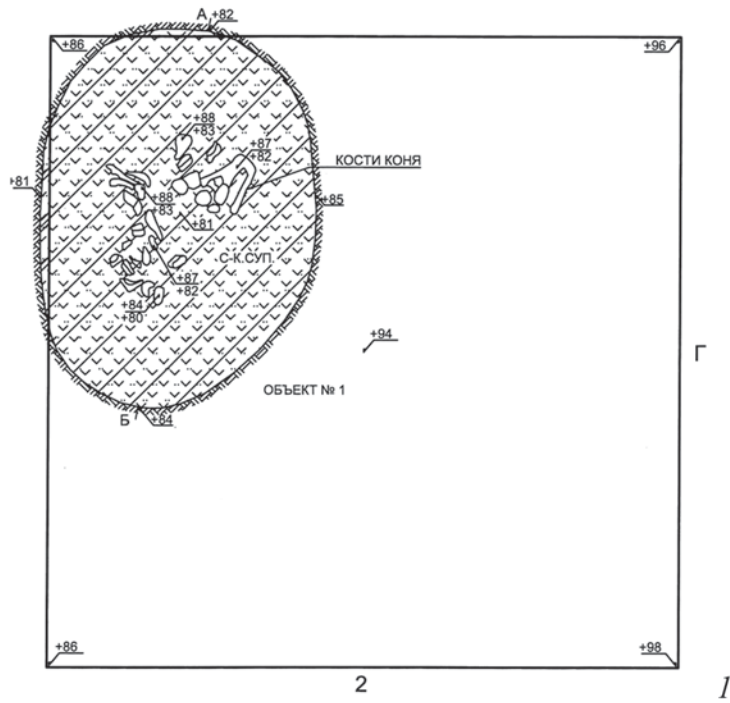

Табл. 1. Объект 1, участок 1

1 – план; 2 – план после разборки объекта; 3 – разрез

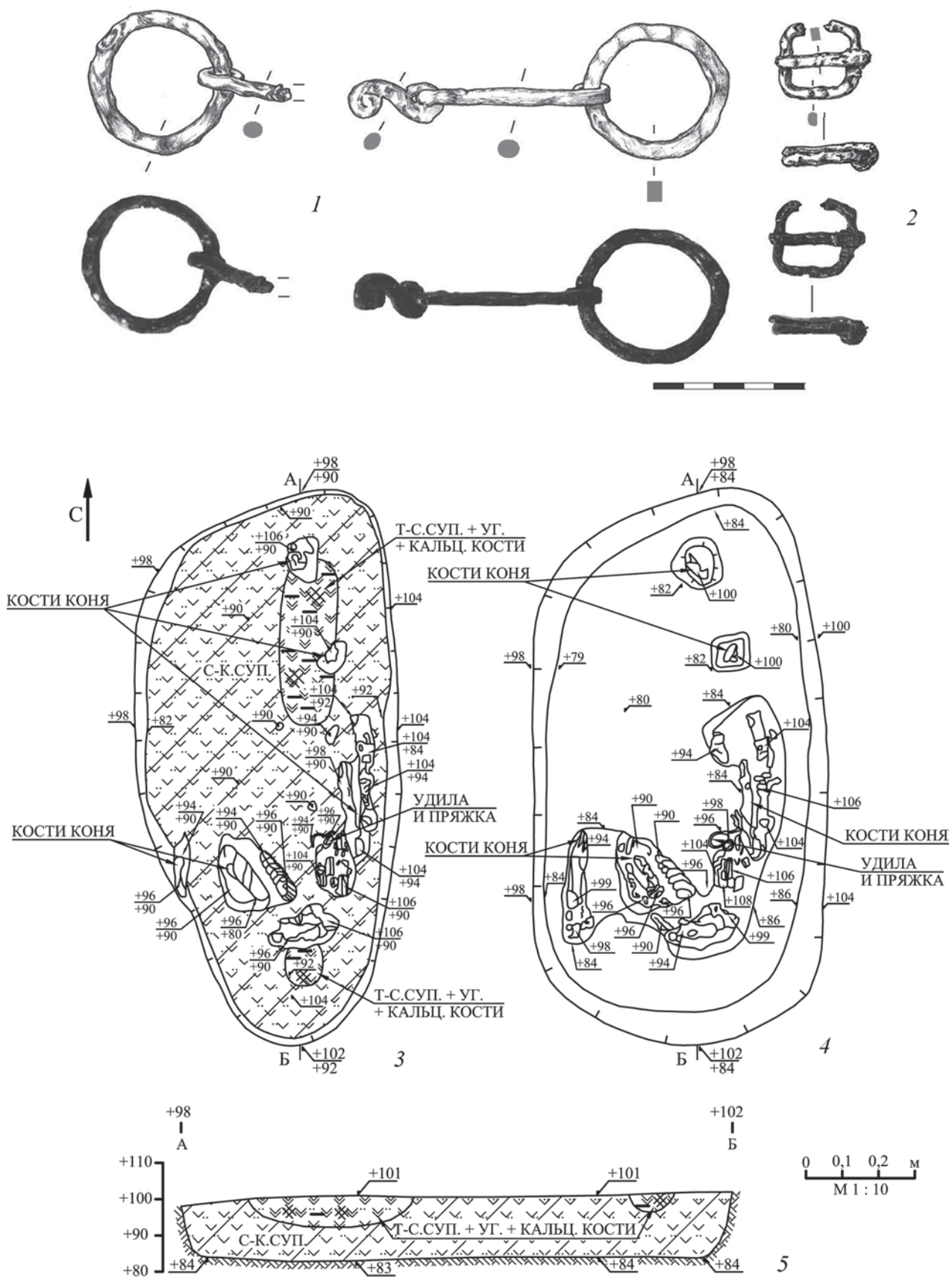

Табл. 2. Объект 2, участок 1

1 – железные удила; 2 – железная пряжка; 3 – план; 4 – план после разборки объекта; 5 – разрез

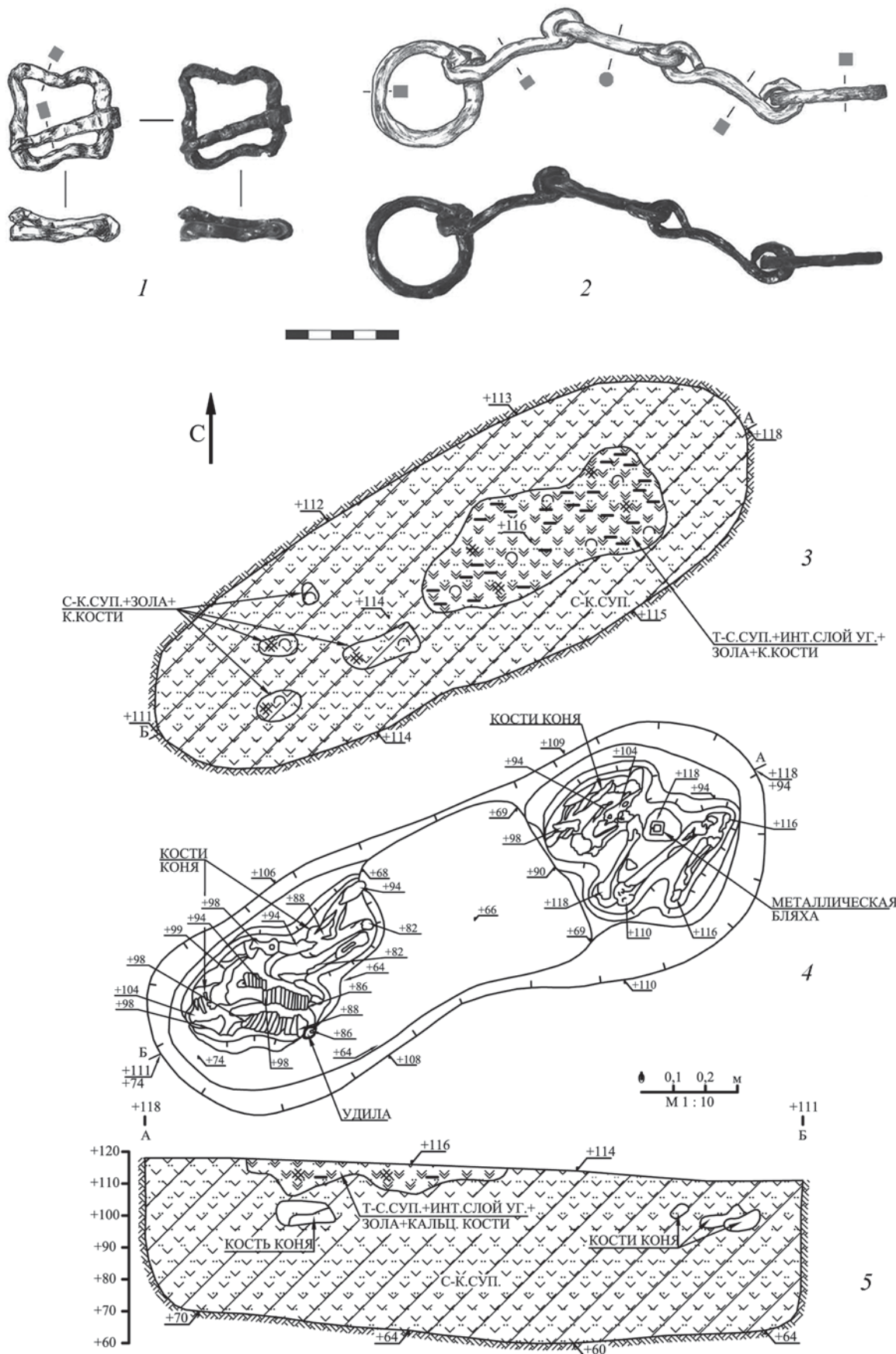

Табл. 3. Объект 3, участок 1

1 – железная пряжка; 2 – железные удила; 3 – план; 4 – план после разборки объекта; 5 – разрез

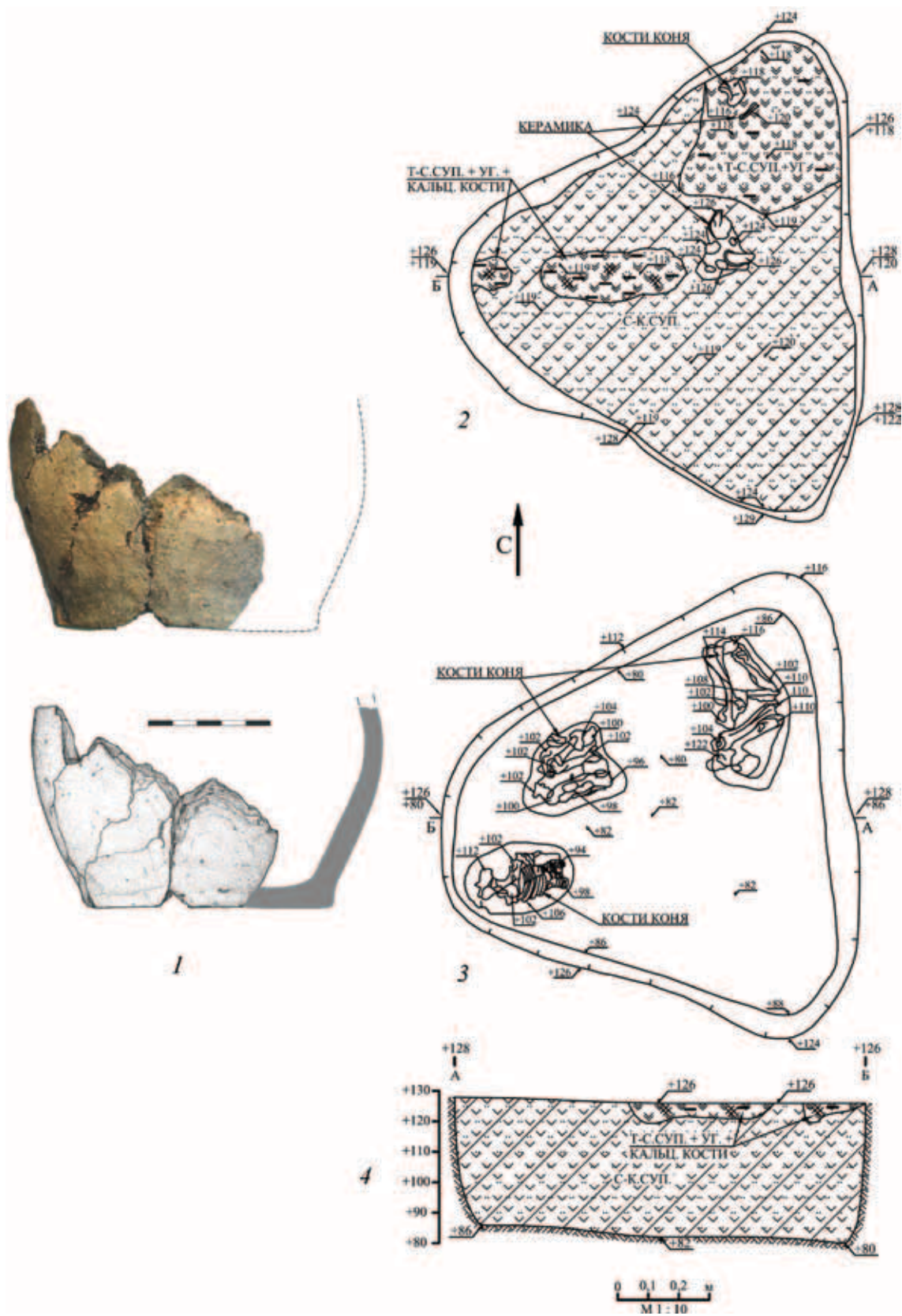

Табл. 4. Объект 4, участок 1

1 – керамический сосуд; 2 – план; 3 – план после разборки объекта; 4 – разрез

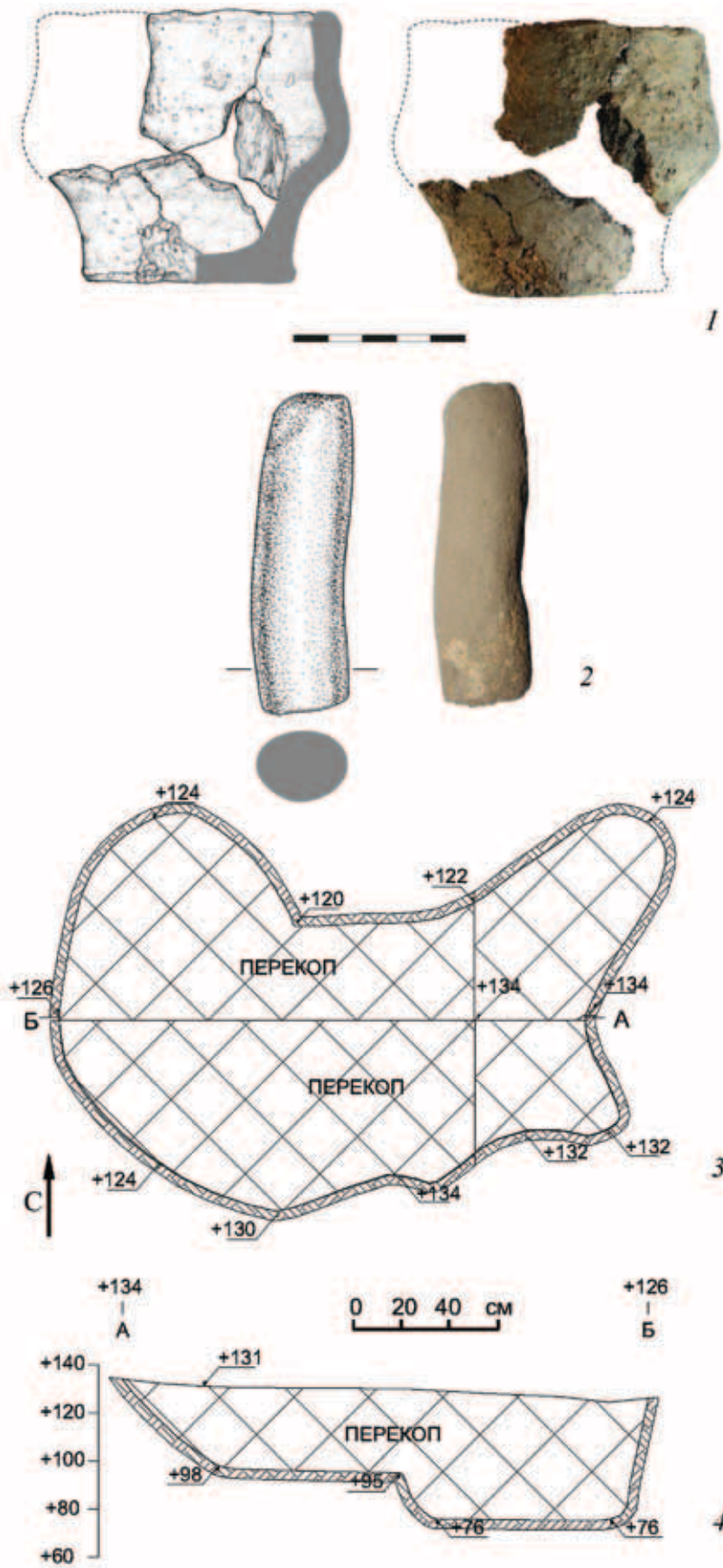

Табл. 5. Объект 4, участок 1

1 – керамический сосуд; 2 – каменный пестик; 3 – план; 4 – разрез

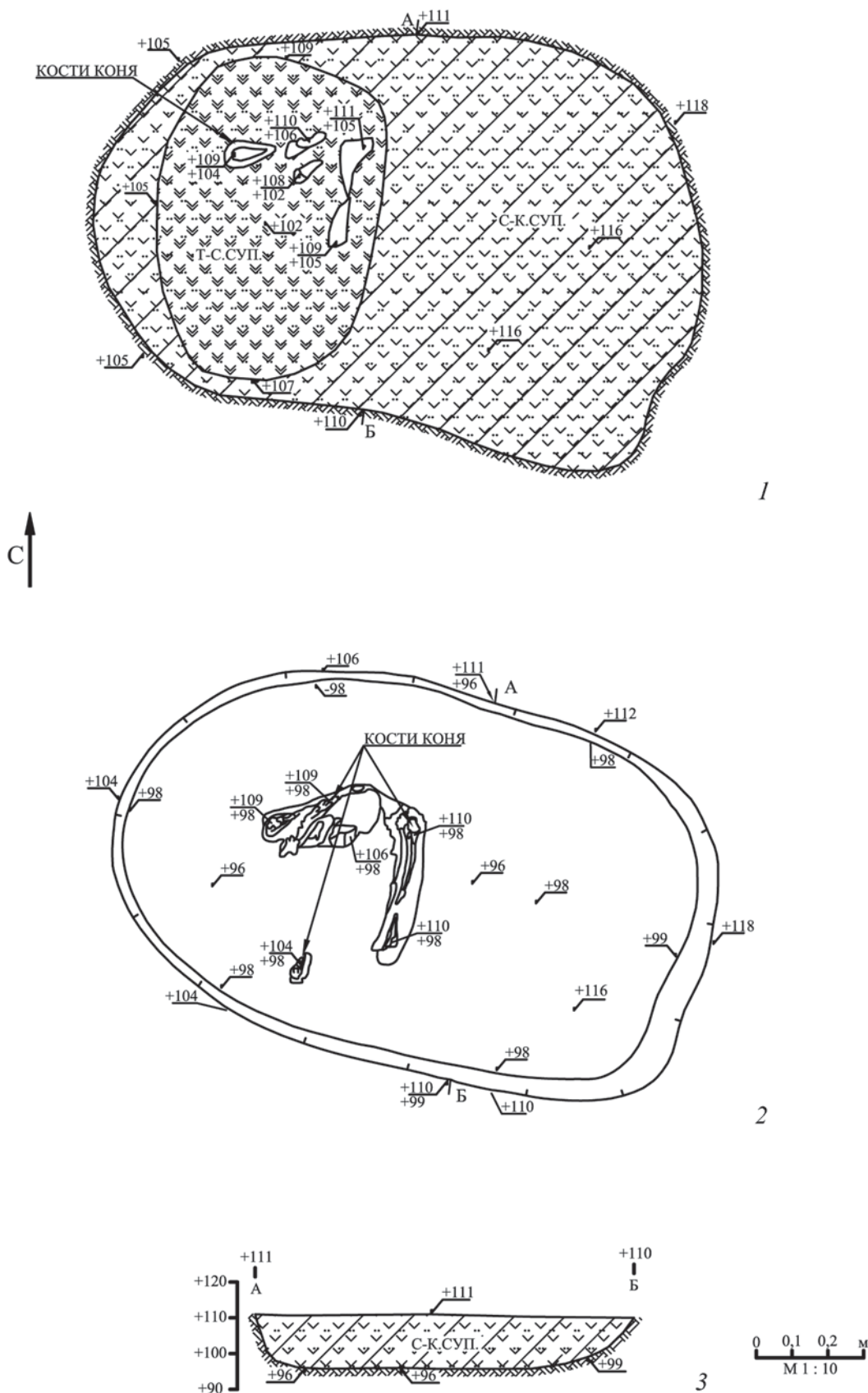

Табл. 6. Объект 7, участок 1

1 – план; 2 – план после разборки объекта; 3 – разрез

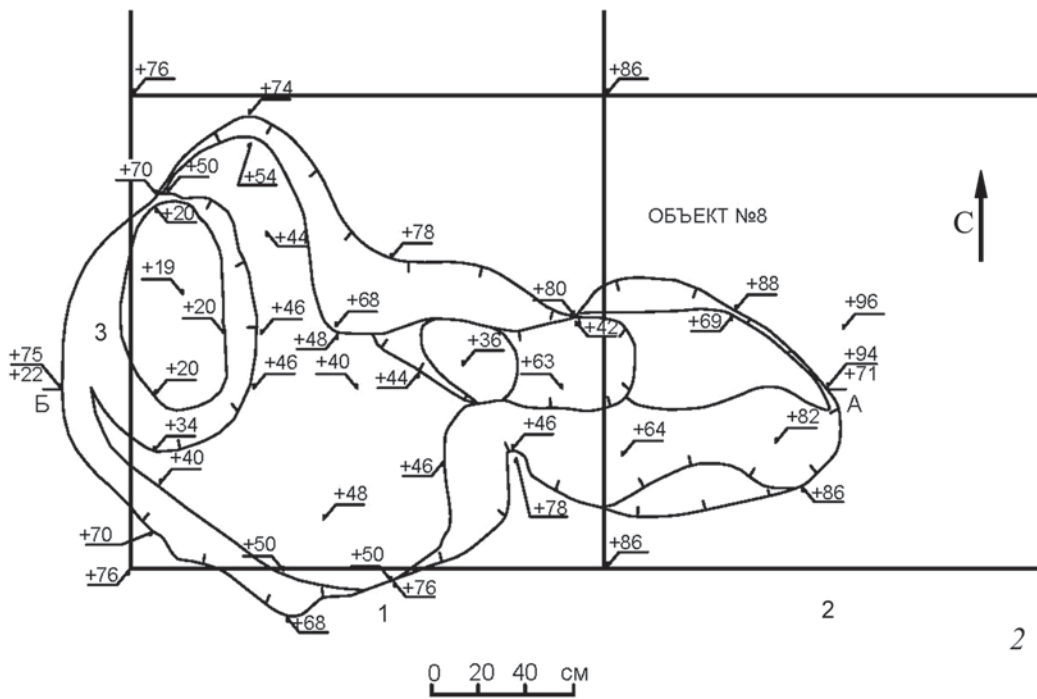
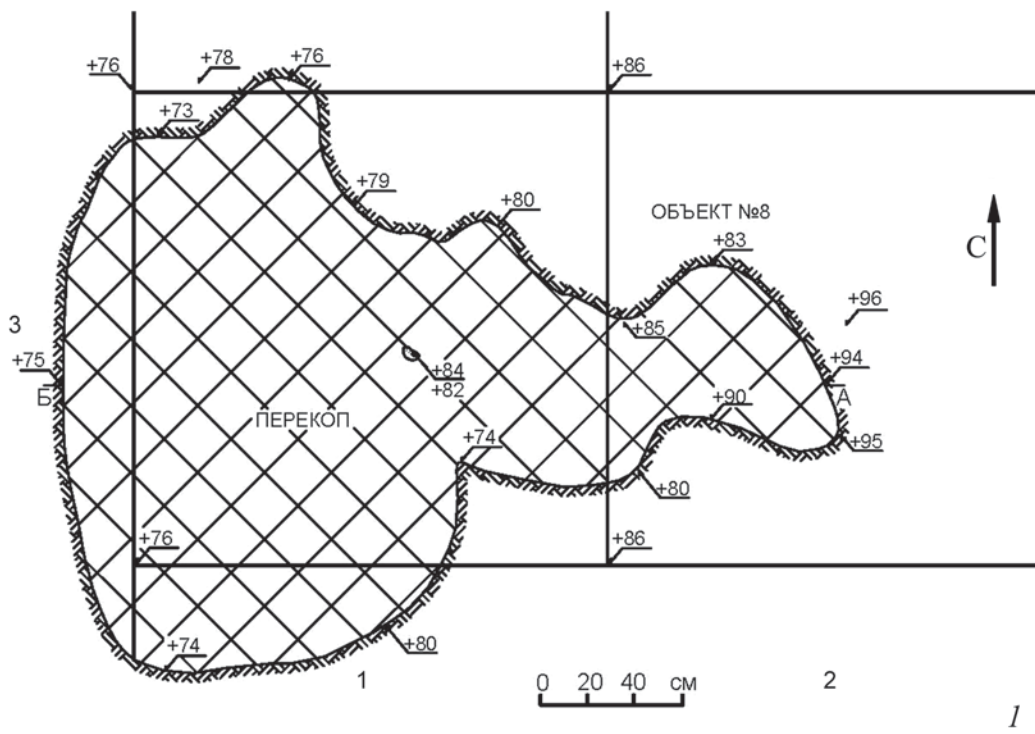

Табл. 7. Объект 8, участок 1

1 – план; 2 – план после разборки объекта

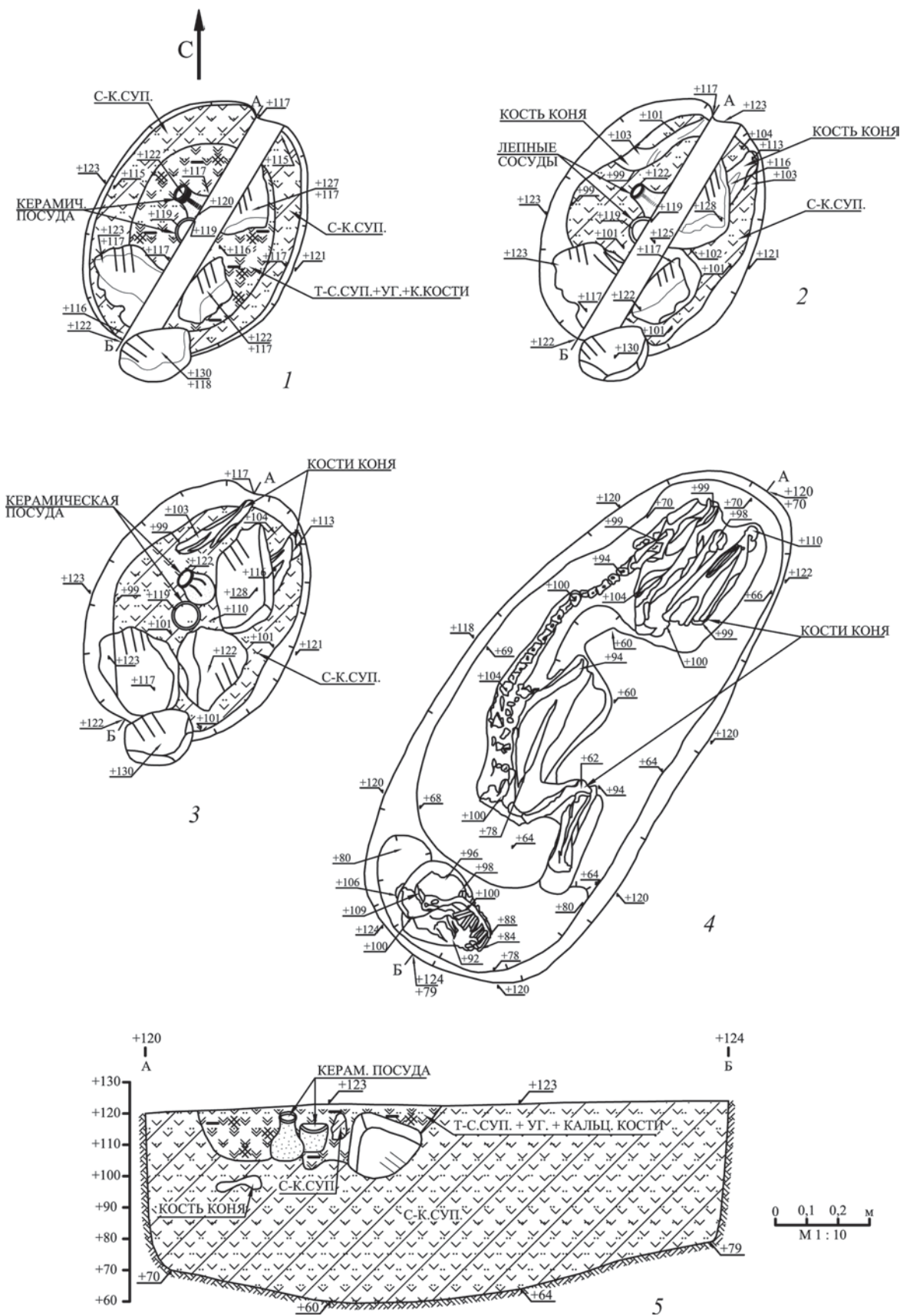

Табл. 8. Объект 12, участок 1

1-3 – планы верхнего яруса погребения на разных уровнях разборки; 4 – план нижнего яруса после разборки объекта; 5 – разрез

Табл. 9. Объект 12, участок 1

1, 2 – керамические сосуды из верхнего яруса погребения

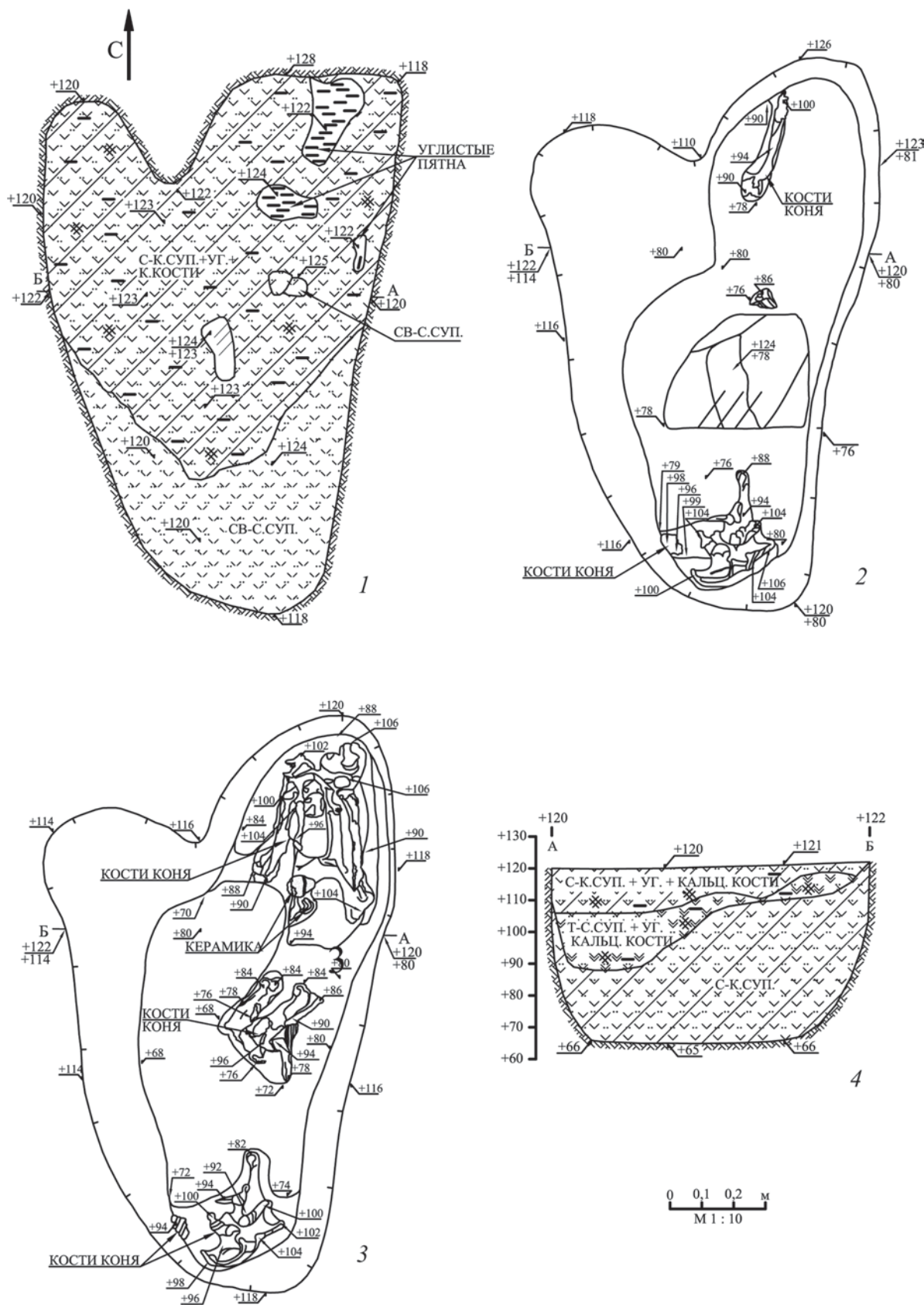

Табл. 10. Объект 14, участок 1

1, 2 – планы на разных уровнях разборки; 3 – план после разборки объекта; 4 – разрез

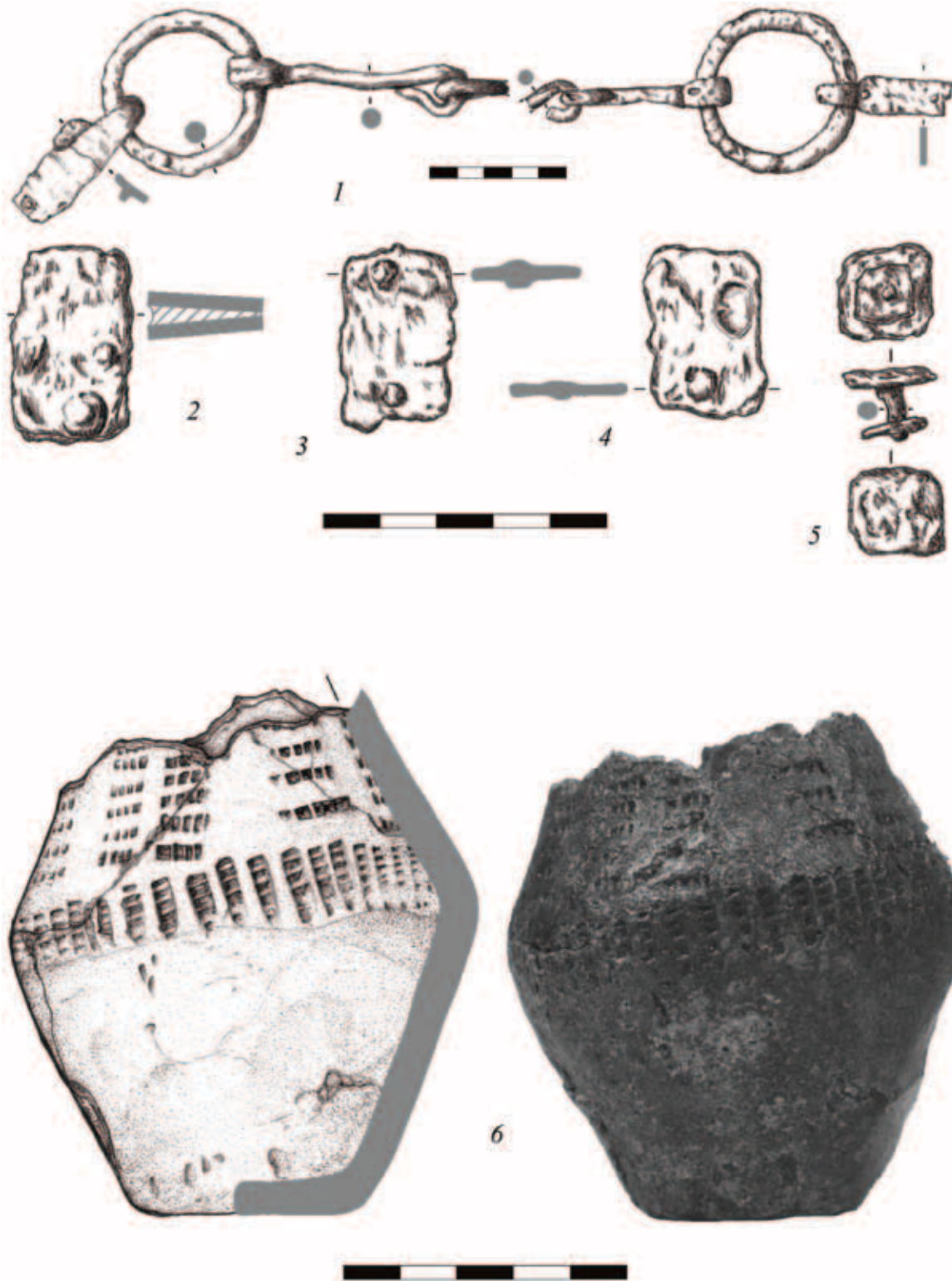

Табл. 11. Объект 14, участок 1

1 – железные удила; 2–5 – железные предметы; 6 – керамический сосуд

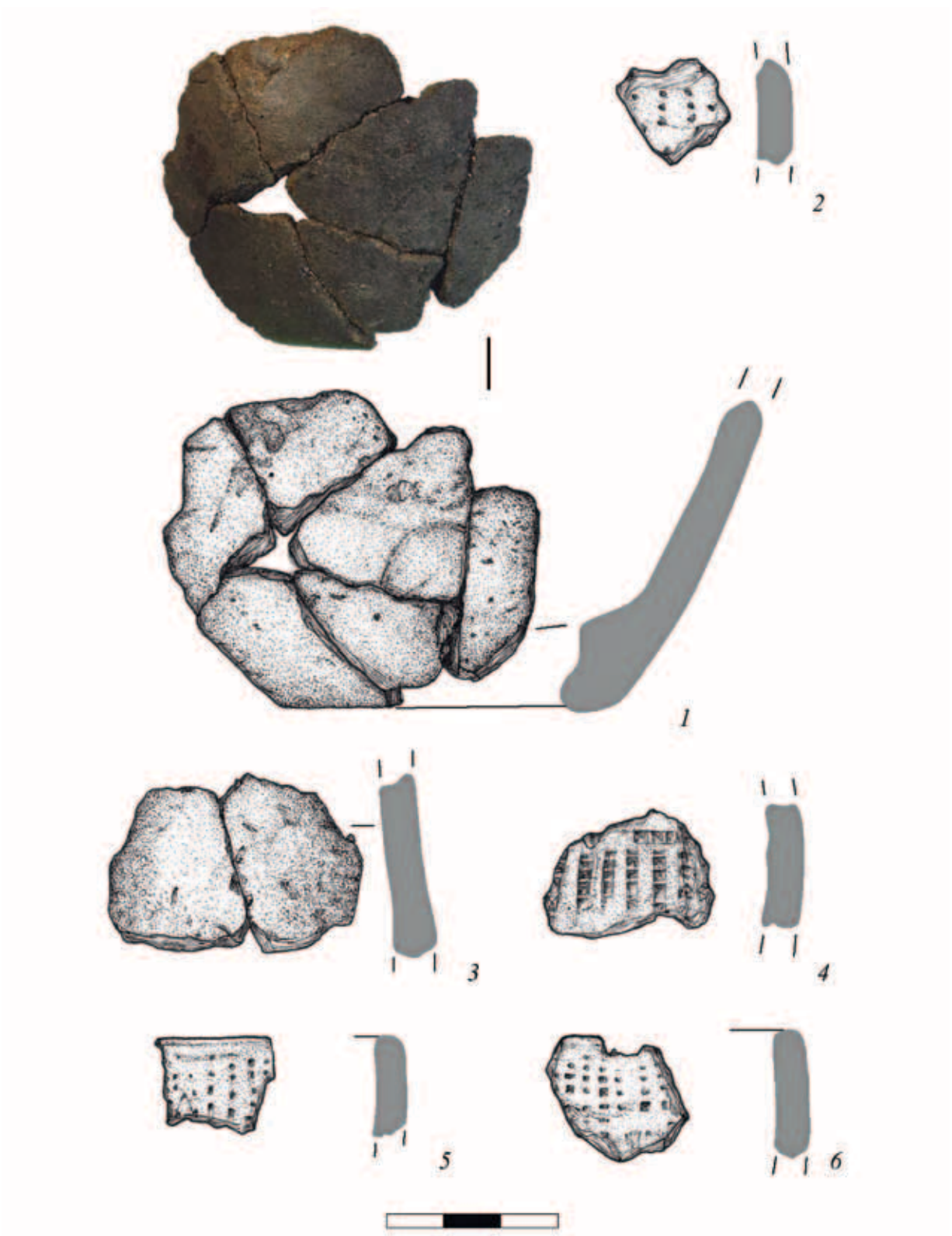

Табл. 12. Объект 14, участок 1

1–6 – фрагменты керамических сосудов

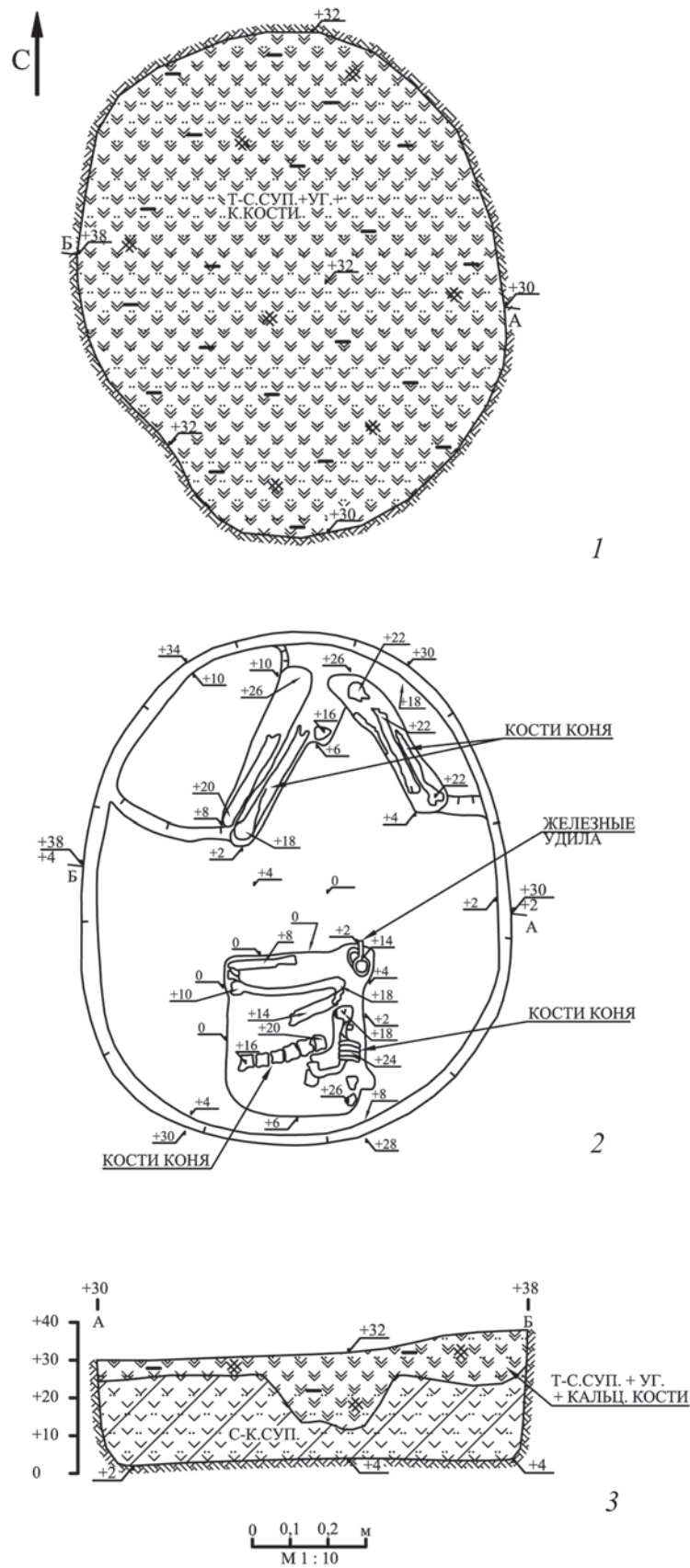

Табл. 13. Объект 17, участок 1

1 – план; 2 – план после разборки объекта; 3 – разрез

Табл. 14. Объект 17, участок 1

1 – фрагмент керамического сосуда; 2 – железный нож; 3 – железные удила

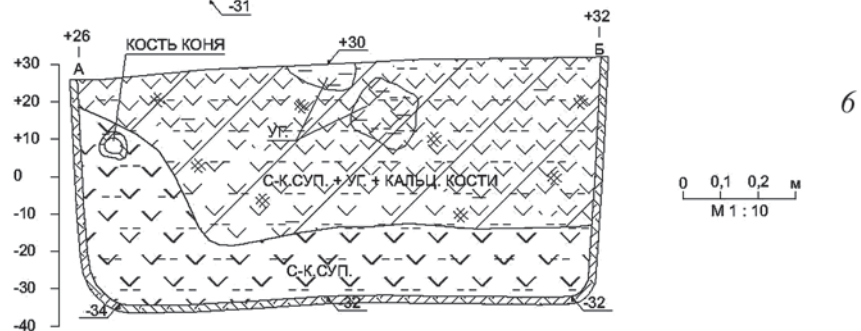
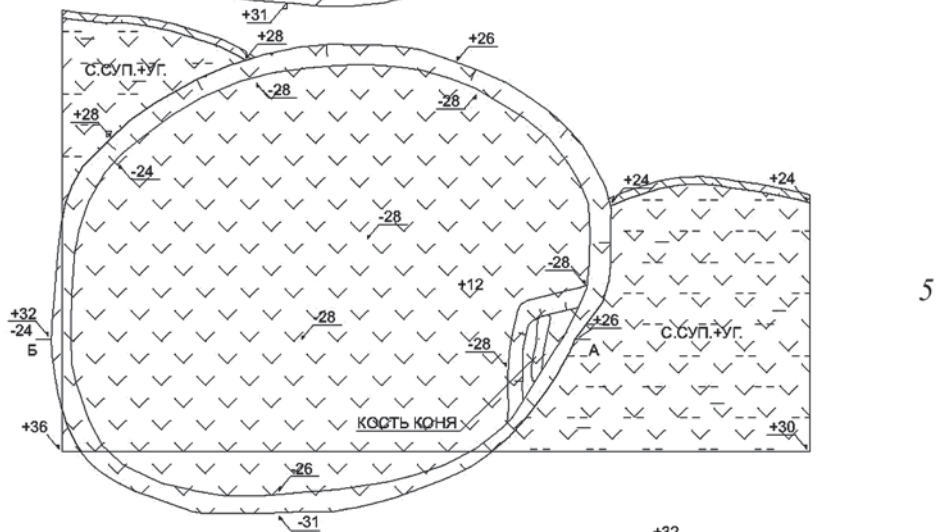
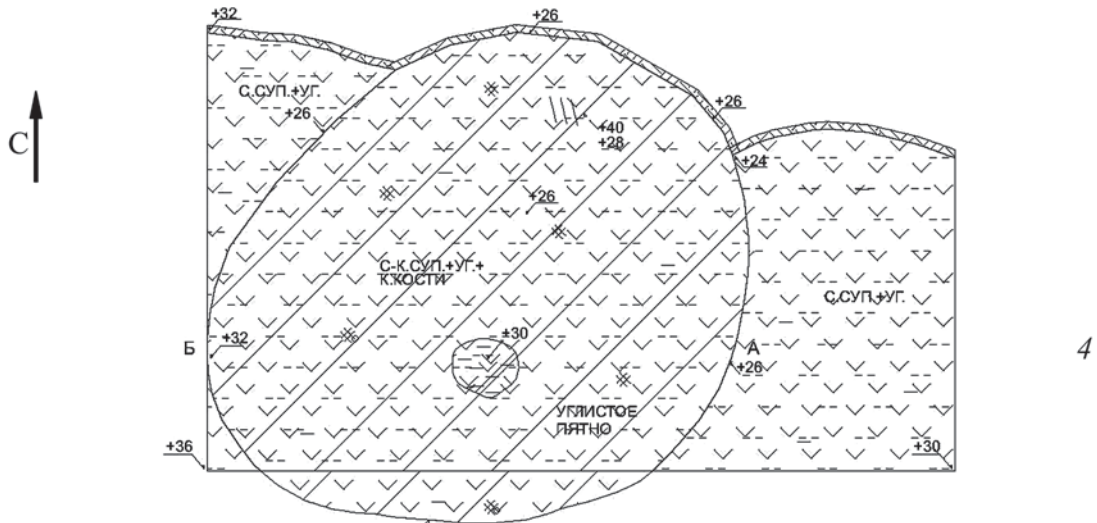
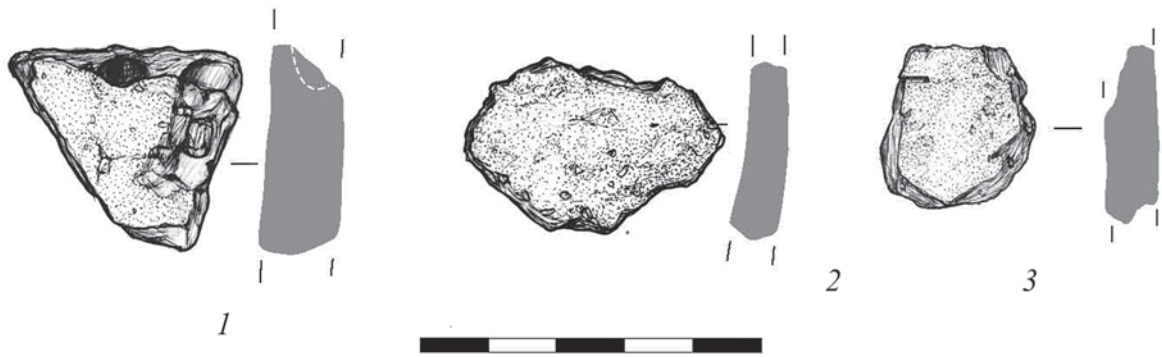

Табл. 15. Объект 18, участок 1

1-3 – фрагменты керамических сосудов; 4, 5 – планы на разных уровнях разборки; 6 – разрез

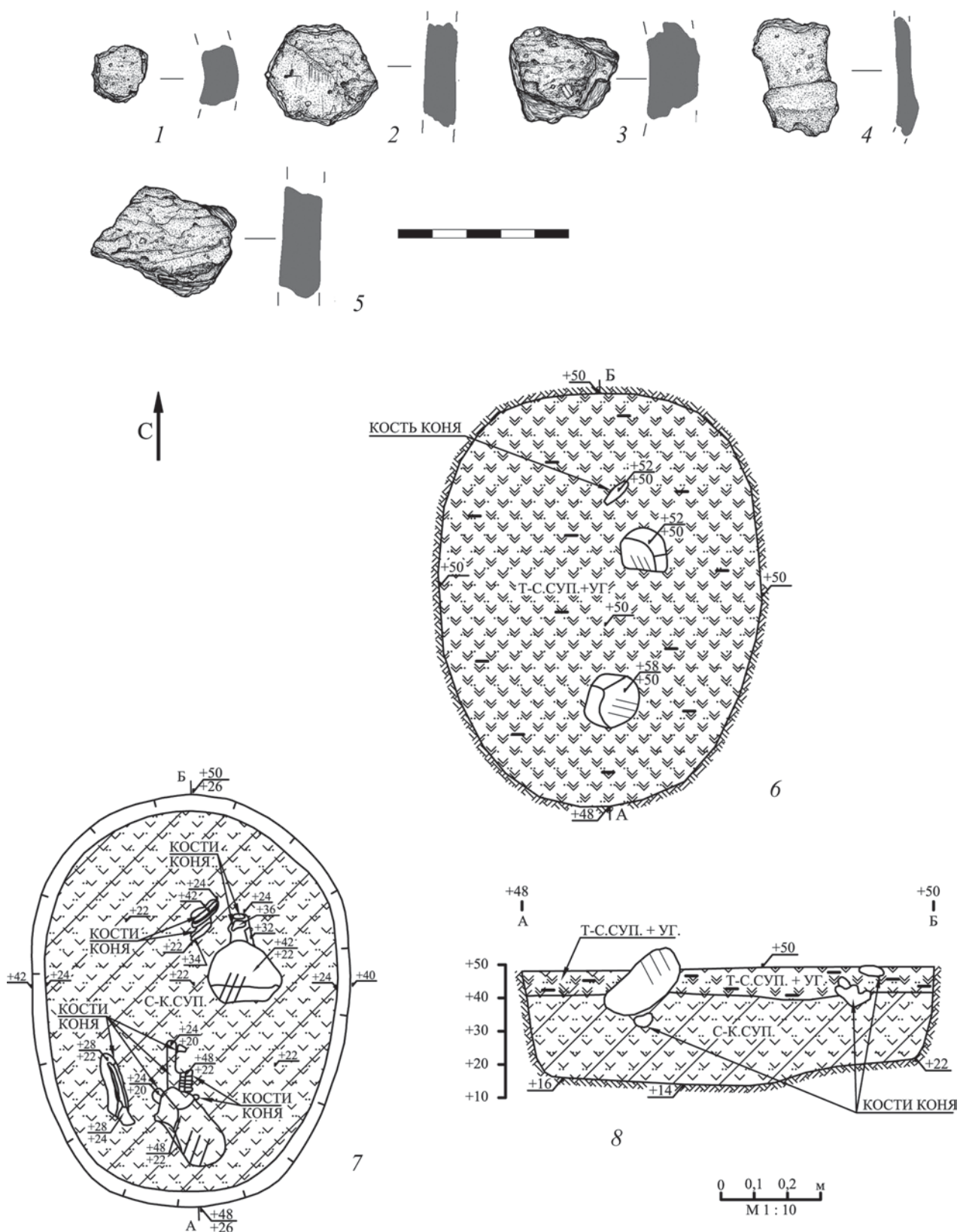

Табл. 16. Объект 19, участок 1

1-5 – фрагменты керамических сосудов; 6, 7 – планы на разных уровнях разборки; 8 – разрез

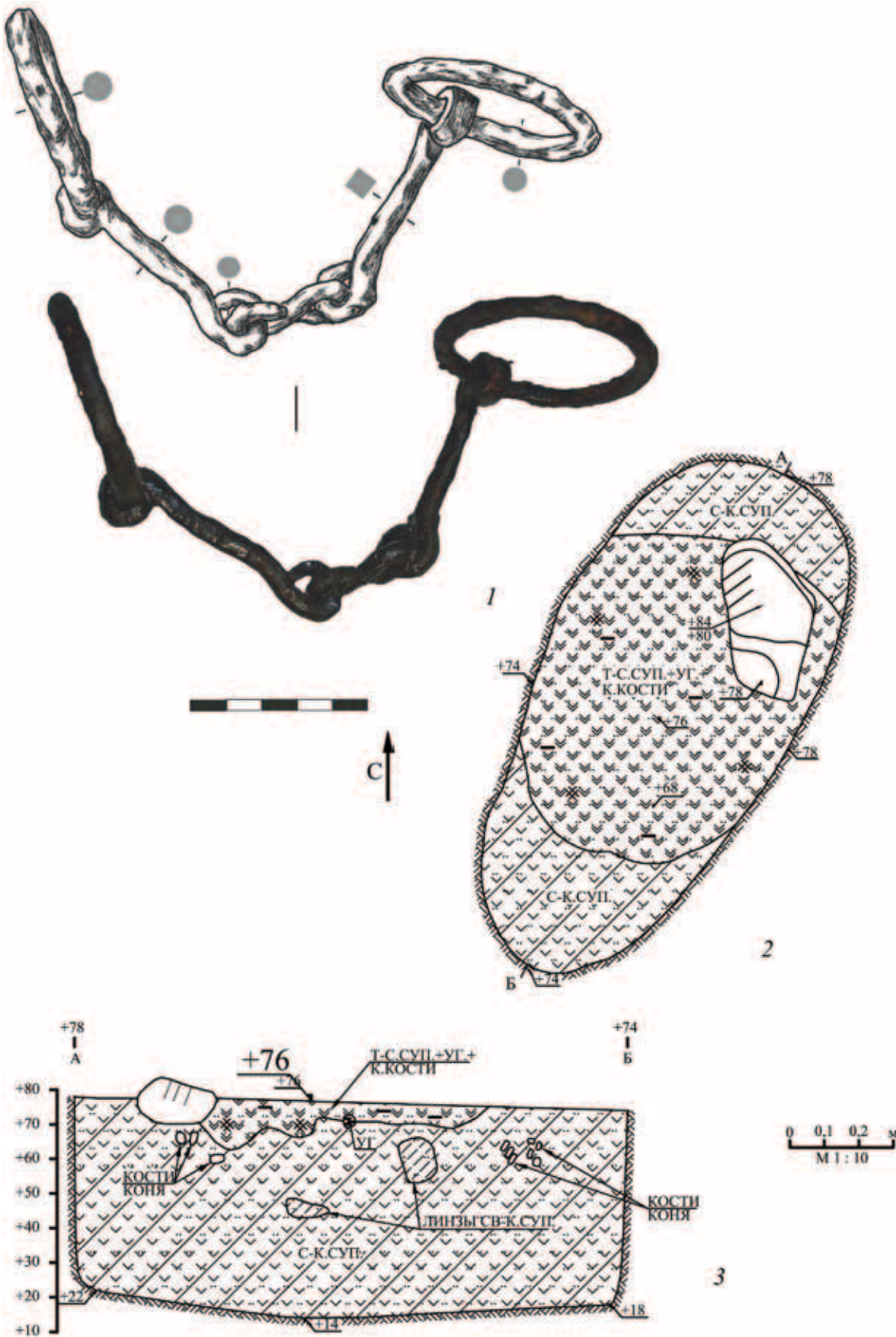

Табл. 17. Объект 21, участок 1

1 – железные удила; 2 – план; 3 – разрез

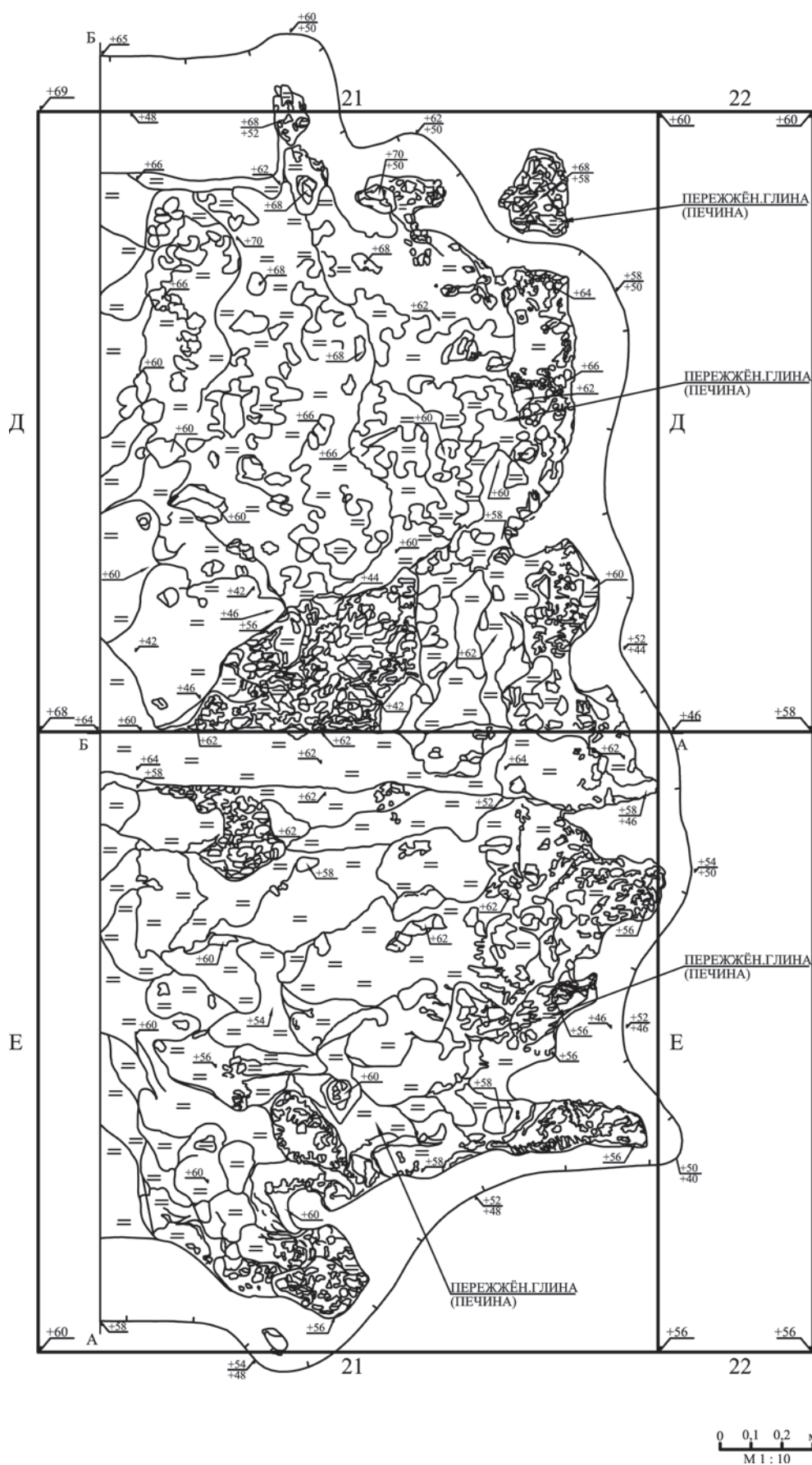

Табл. 18. Объект 22, участок 1

План восточной половины объекта

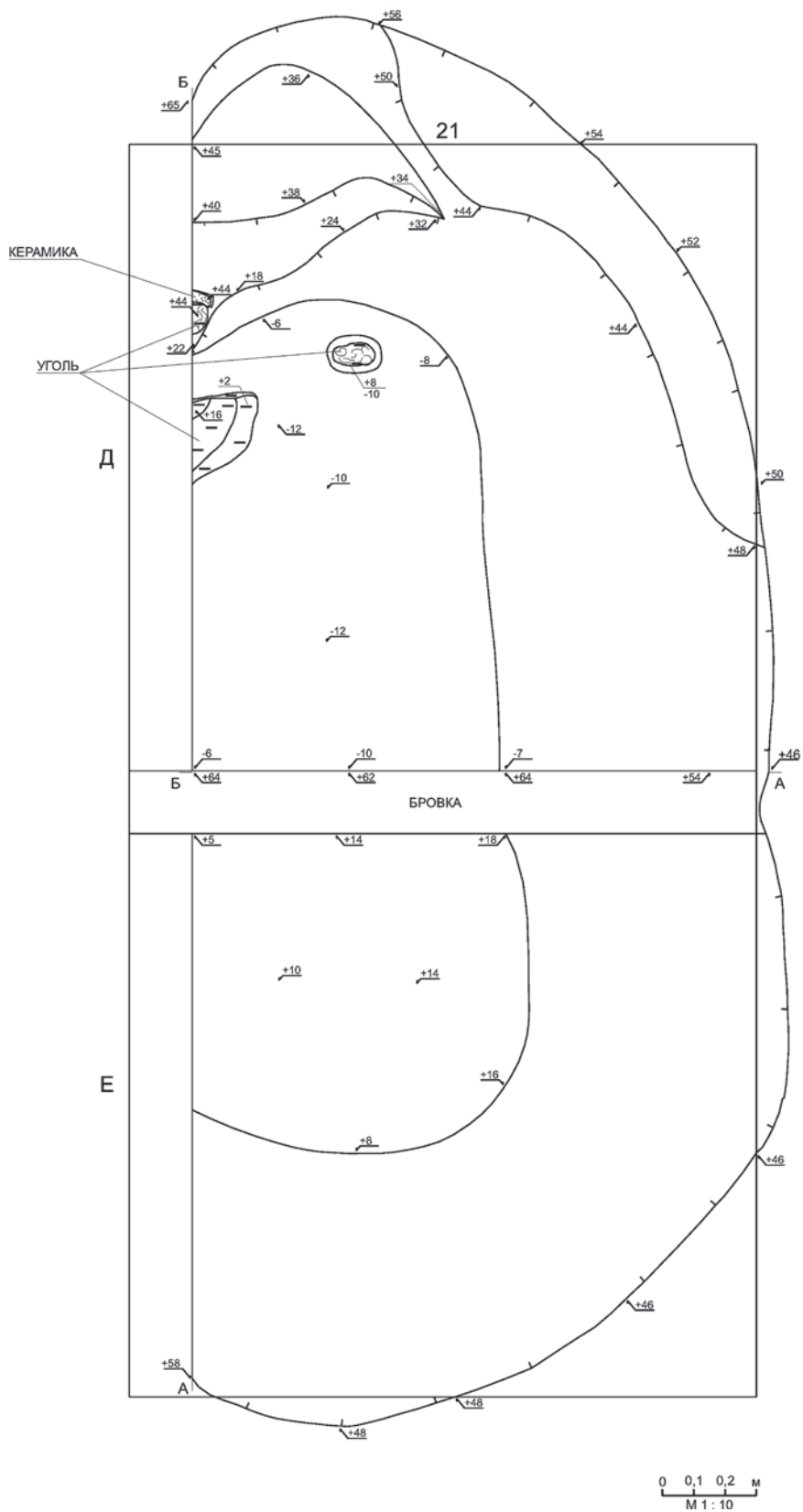

Табл. 19. Объект 22, участок 1
План восточной половины объекта после выборки

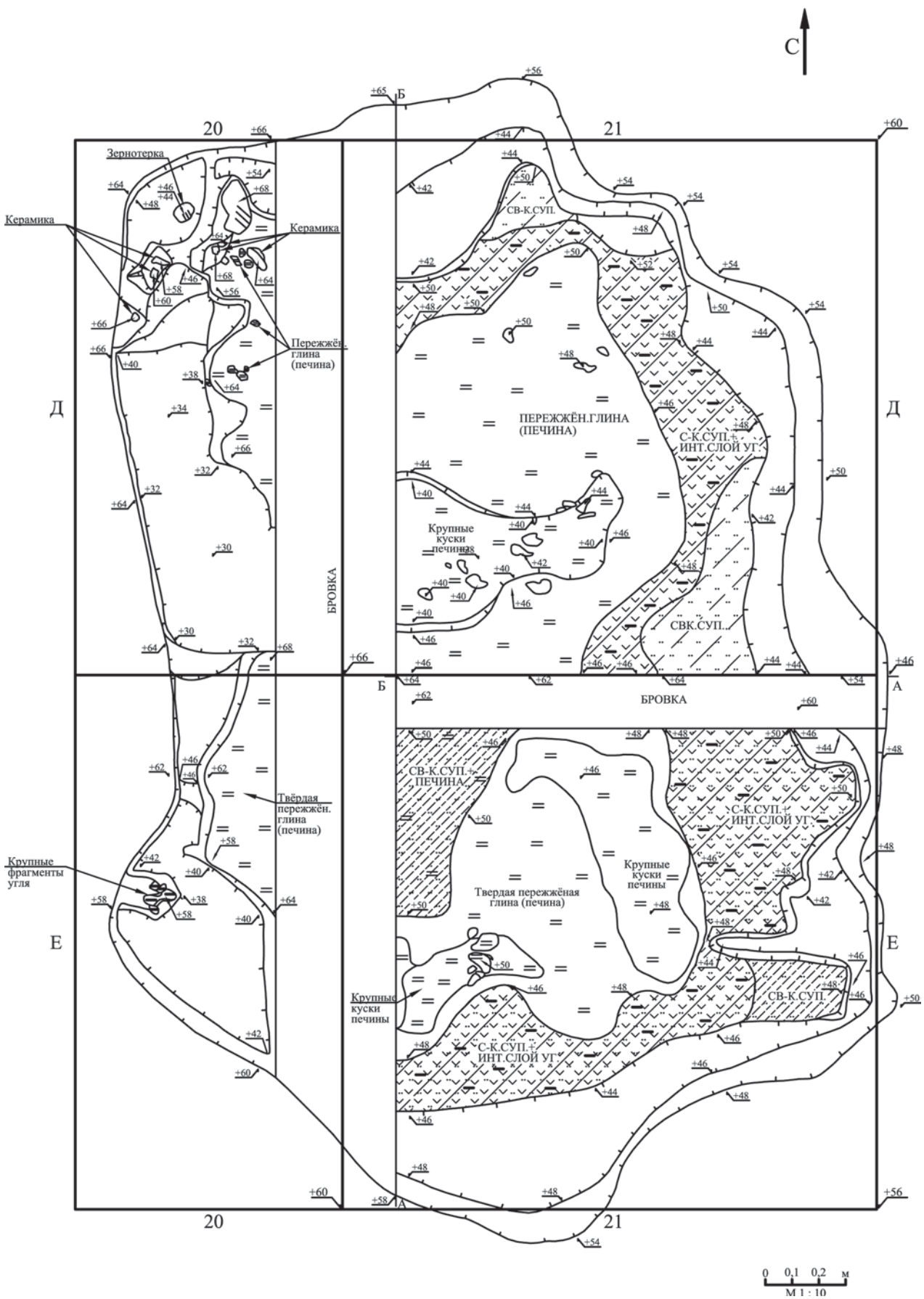

Табл. 20. Объект 22, участок 1

Общий план

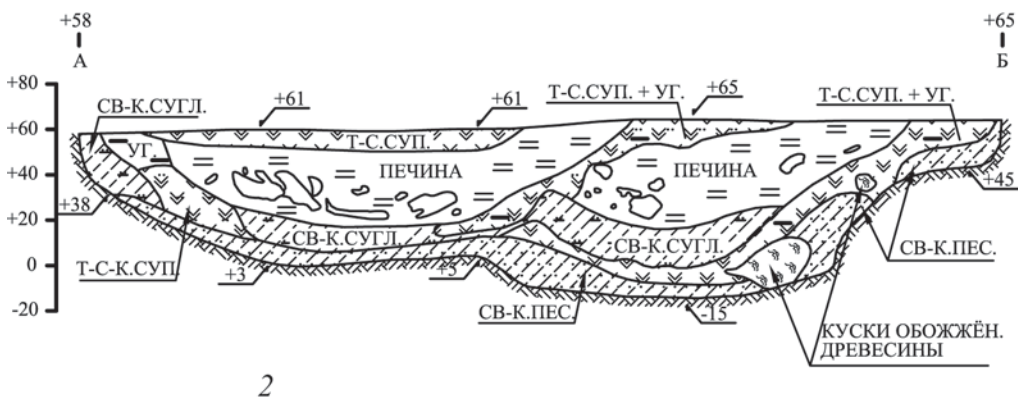
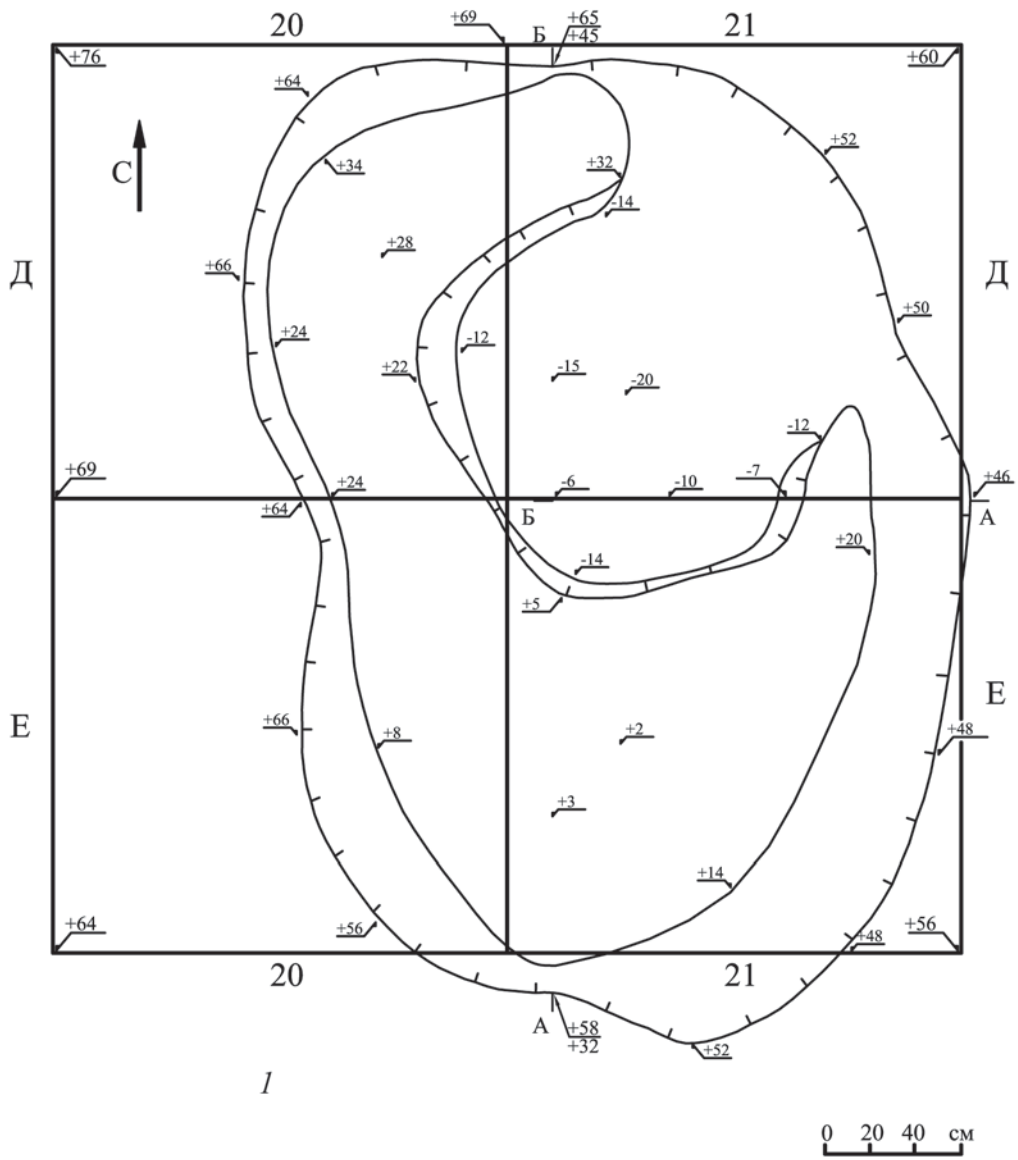

Табл. 21. Объект 22, участок 1

1 – план после разборки объекта; 2 – разрез

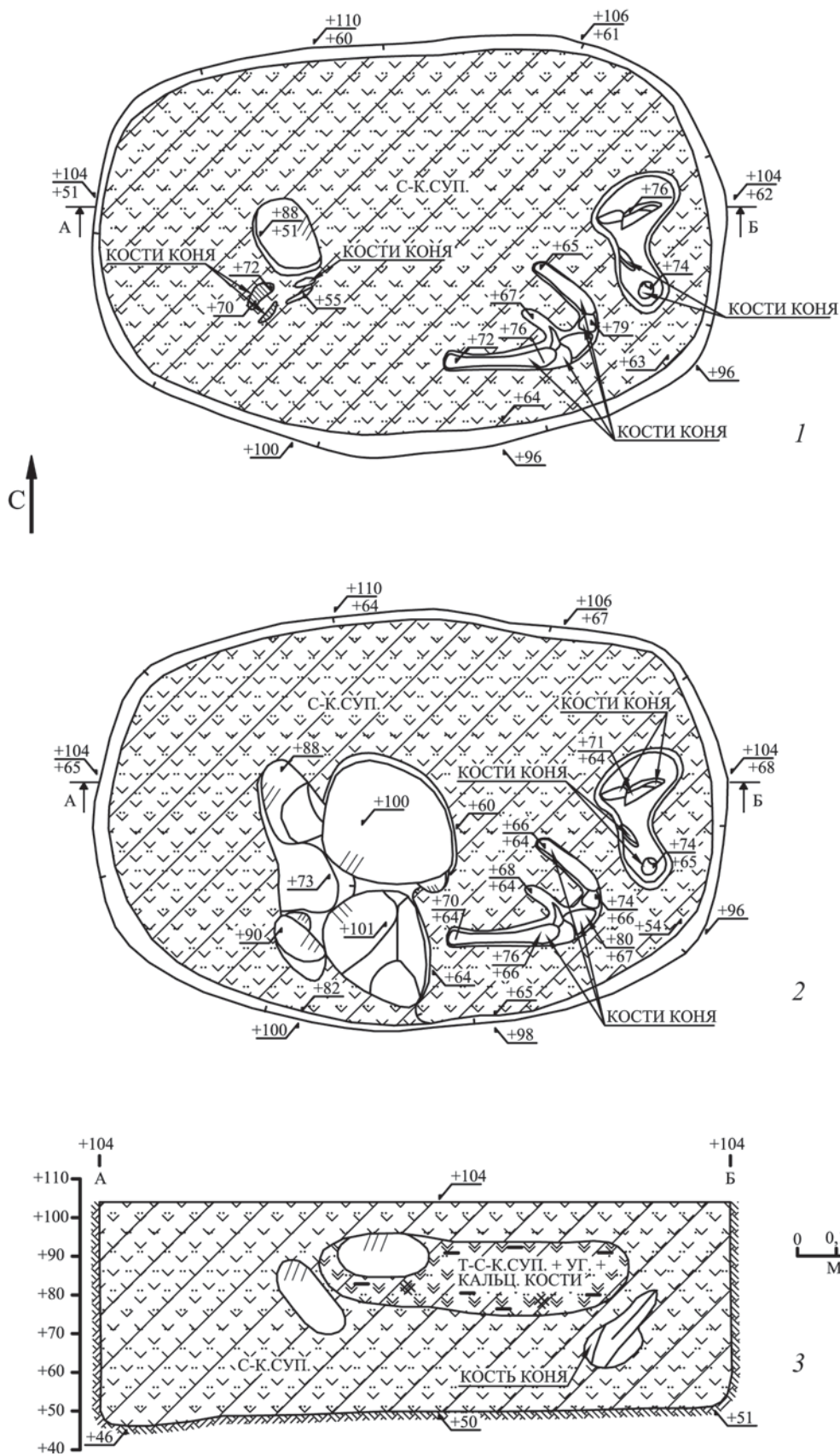

Табл. 22. Объект 25, участок 1

1, 2 – планы на разных этапах разборки объекта; 3 – разрез

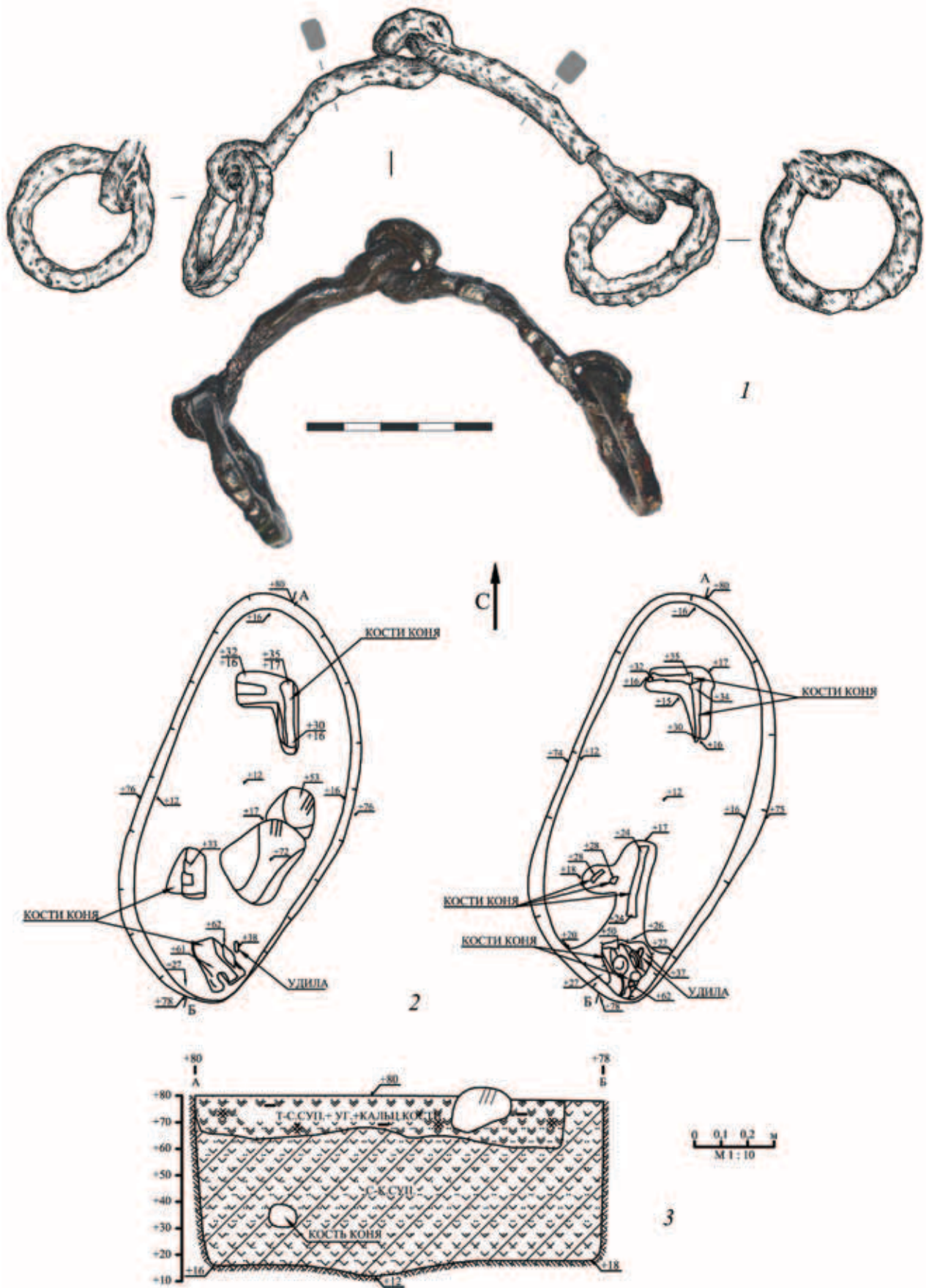

Табл. 23. Объект 27, участок 1

1 – железные удила; 2 – планы на разных уровнях разборки; 3 – разрез

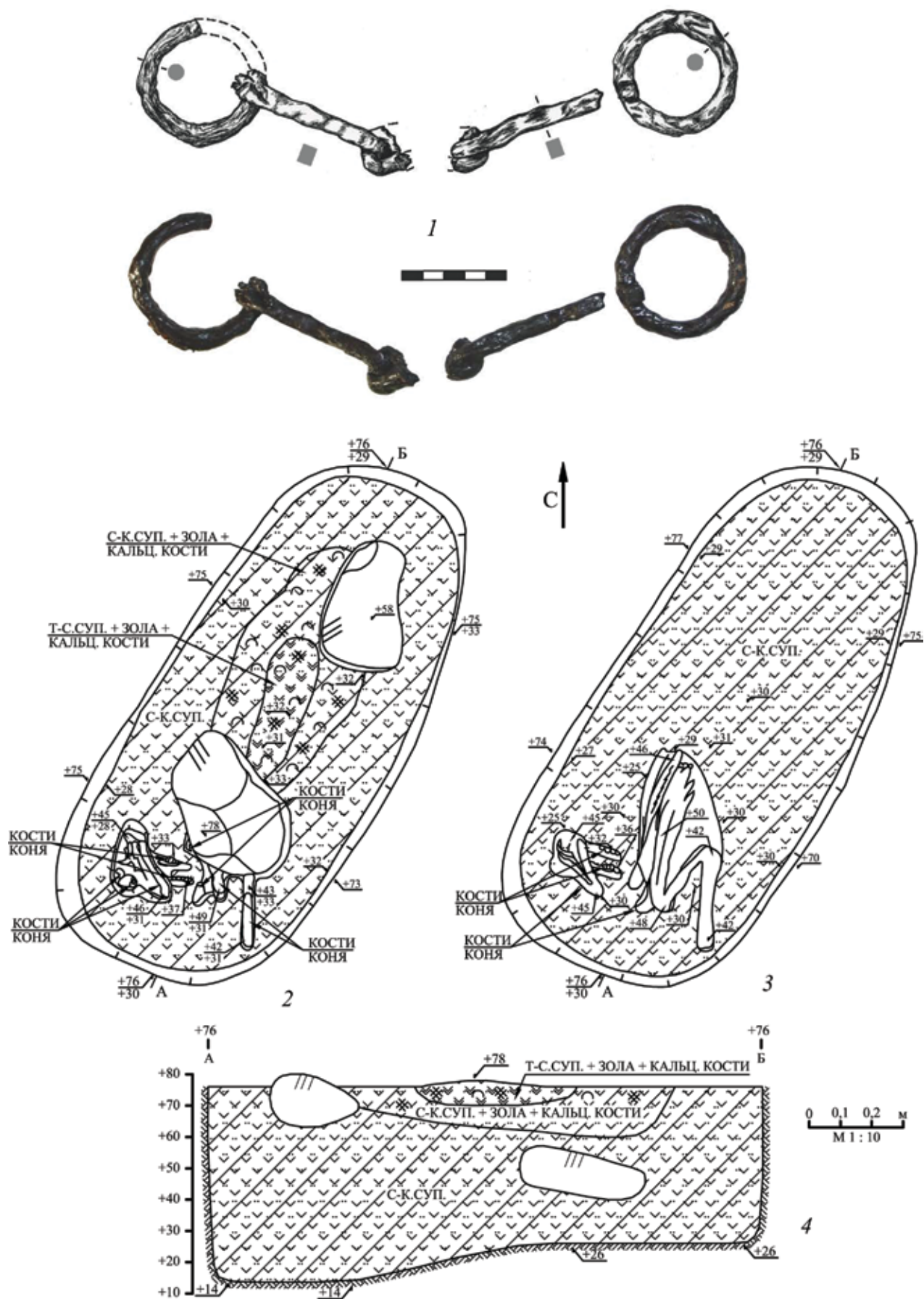

Табл. 24. Объект 28, участок 1

1 – железные удила; 2, 3 – планы на разных уровнях разборки; 4 – разрез

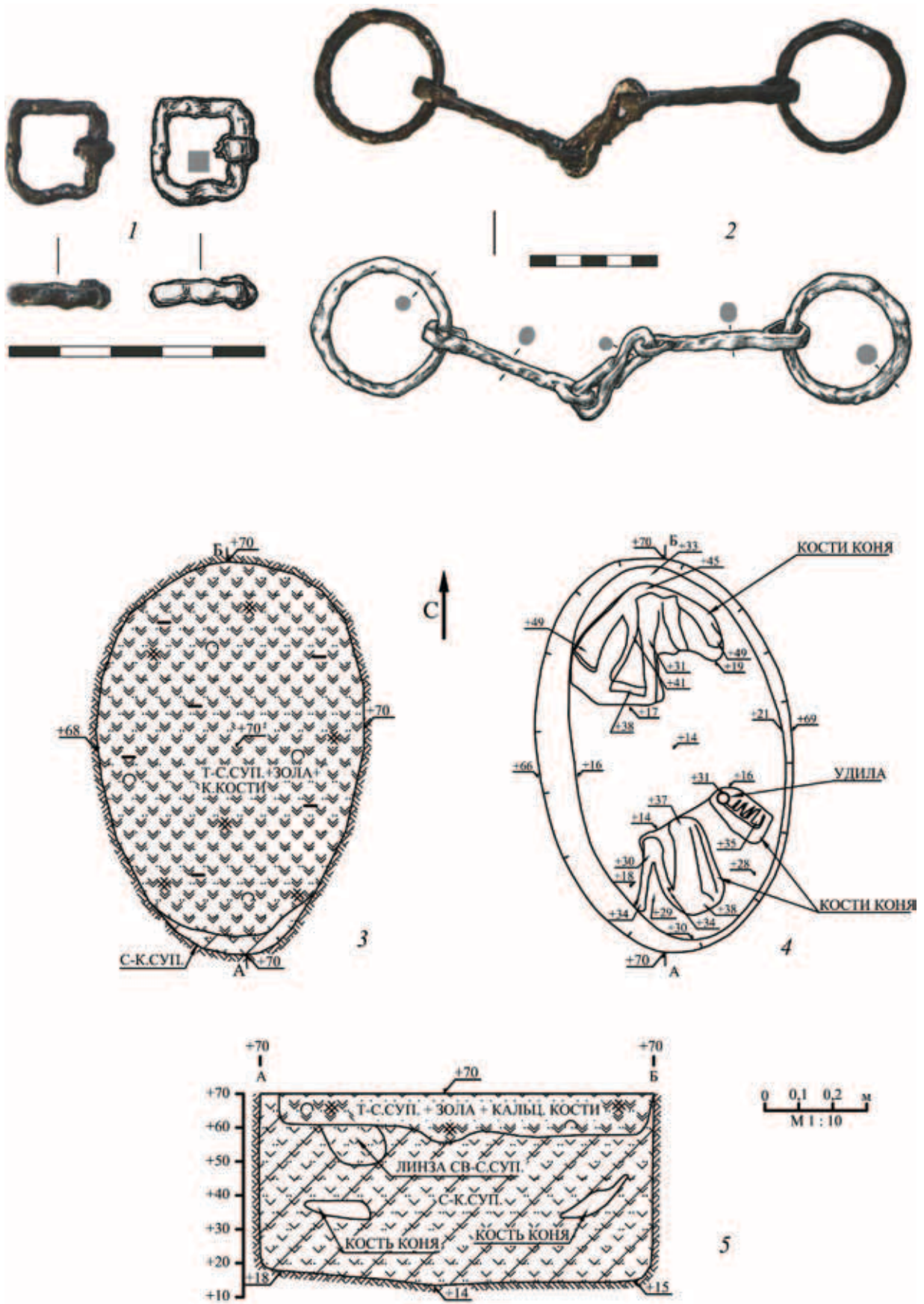

Табл. 25. Объект 29, участок 1

1 – железная пряжка; 2 – железные удила; 3 – план; 4 – план после выборки объекта; 5 – разрез

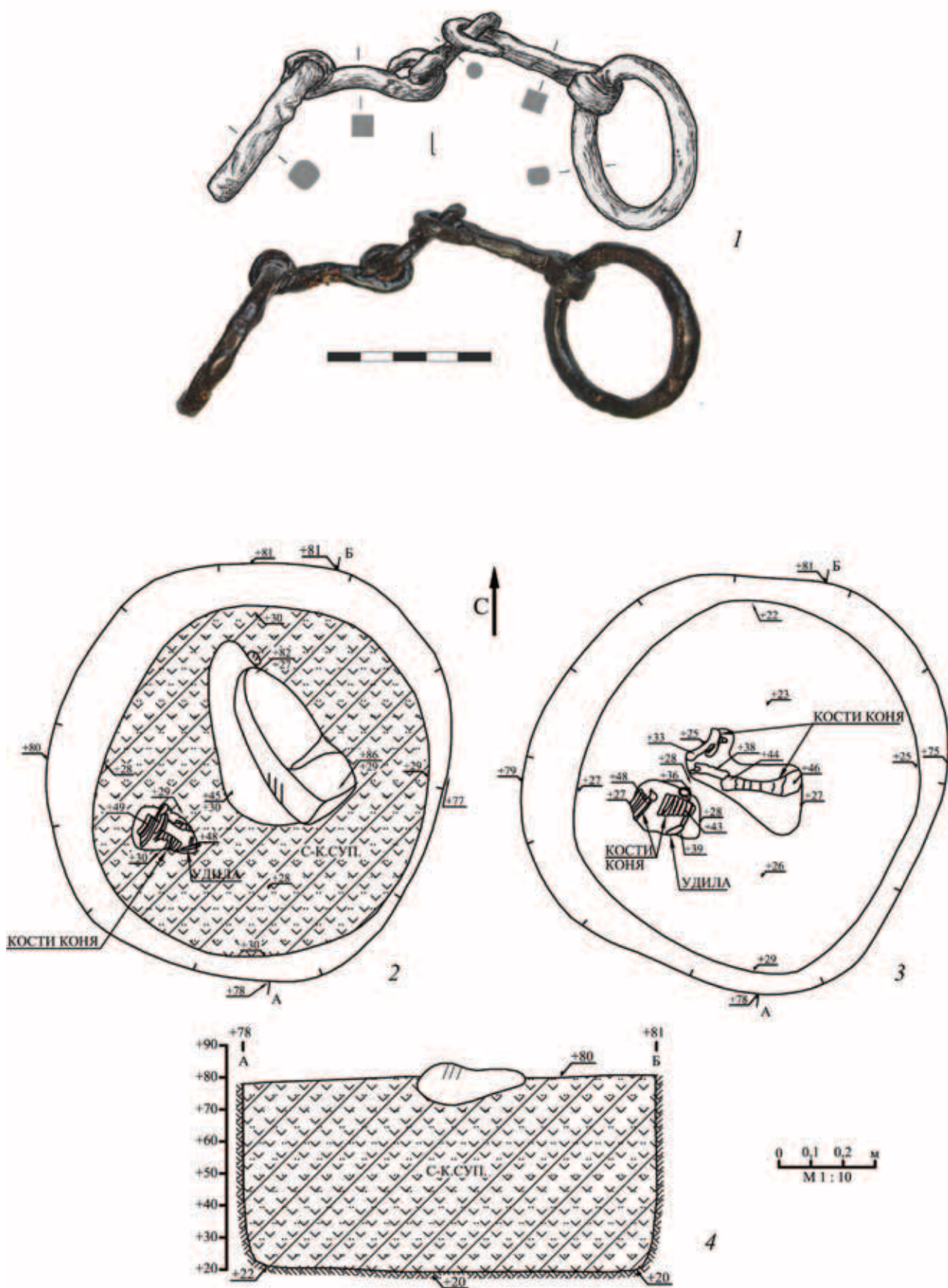

Табл. 26. Объект 32, участок 1

1 – железные удила; 2 – план; 3 – план после выкопки объекта; 4 – разрез

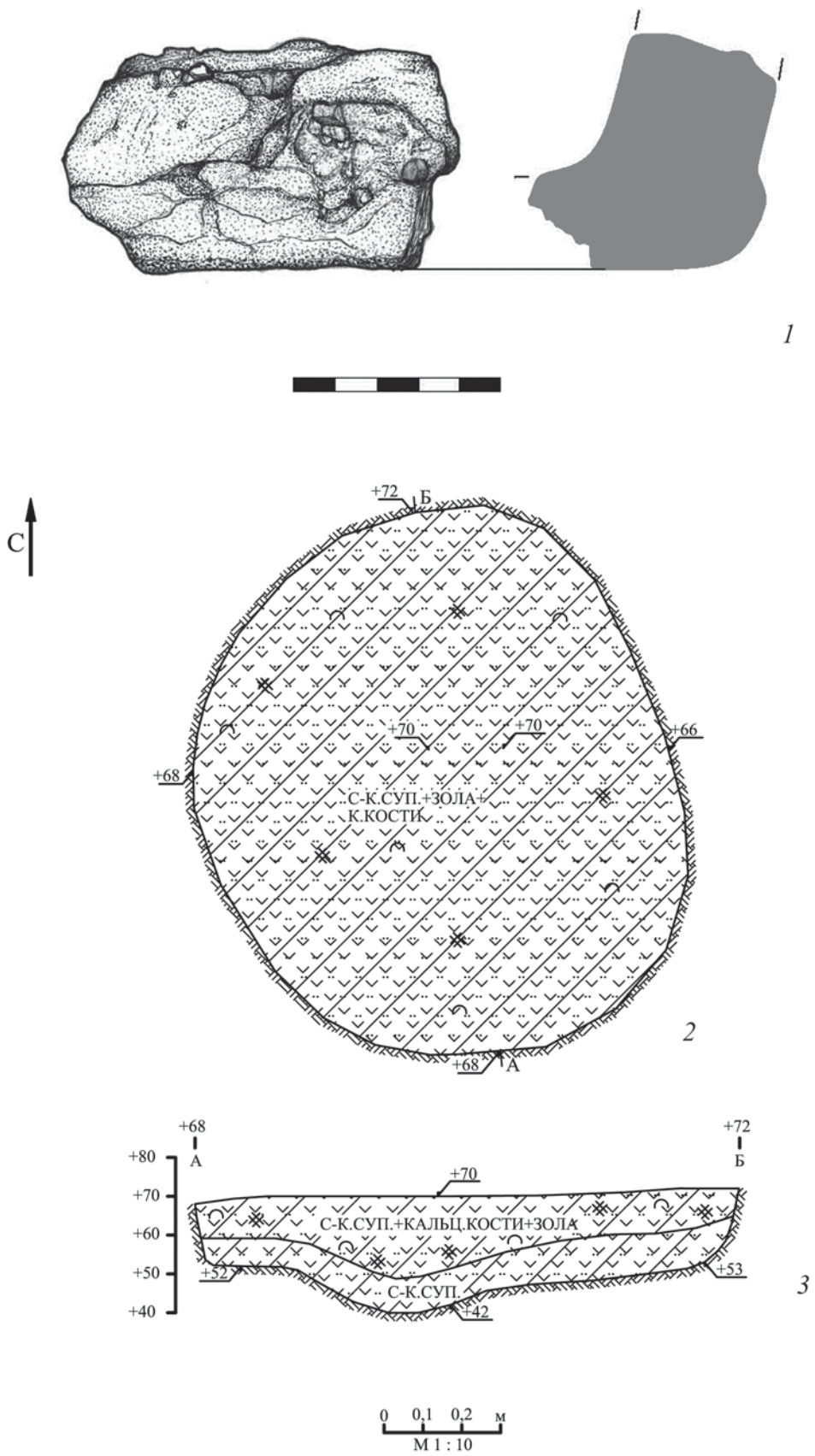

Табл. 27. Объект 33, участок 1

1 – фрагмент керамического сосуда; 2 – план; 3 – разрез

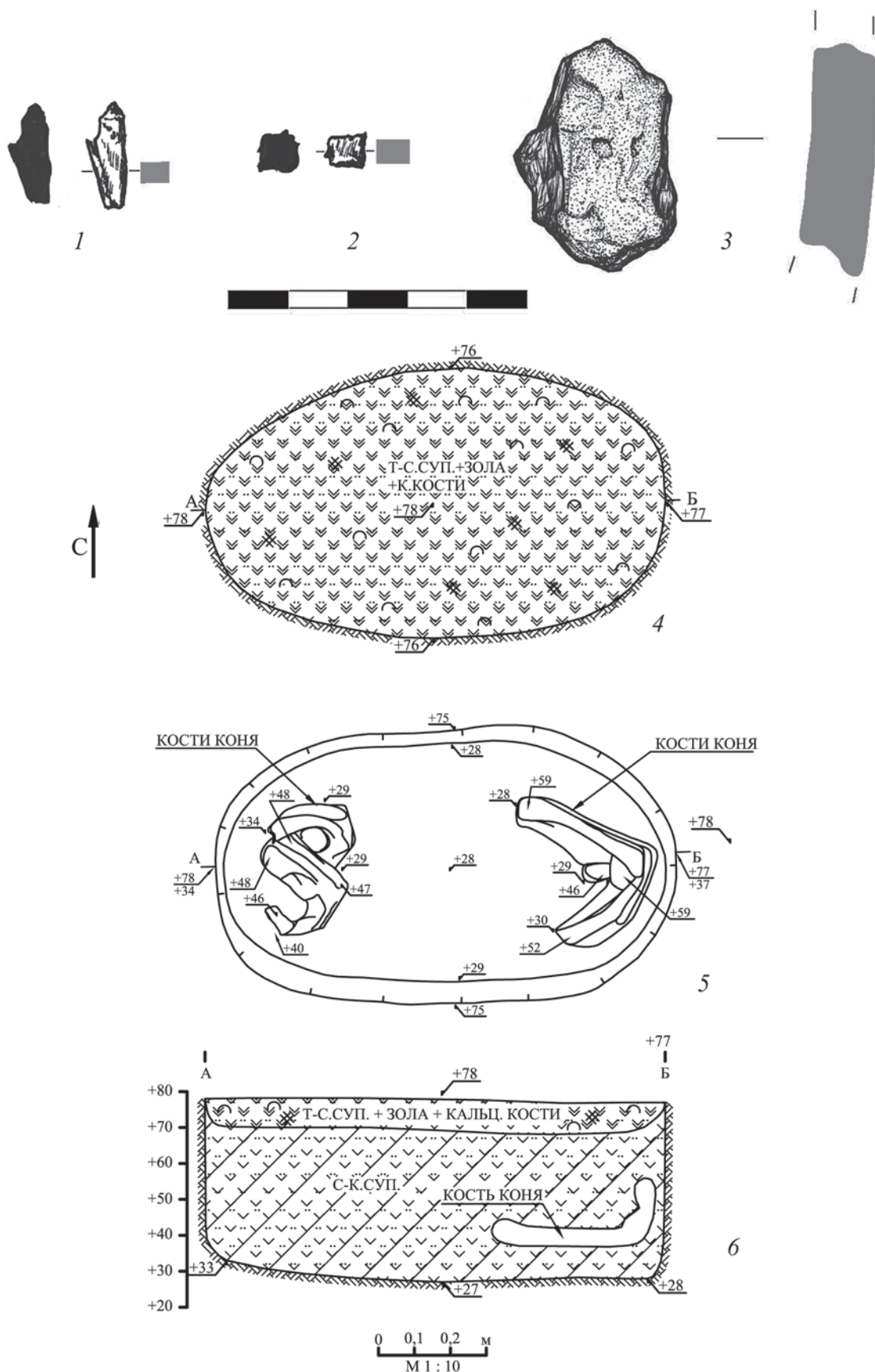

Табл. 28. Объект 34, участок 1

1, 2 – фрагменты железных предметов; 3 – фрагмент керамического сосуда; 4 – план; 5 – план после выборки объекта; 6 – разрез

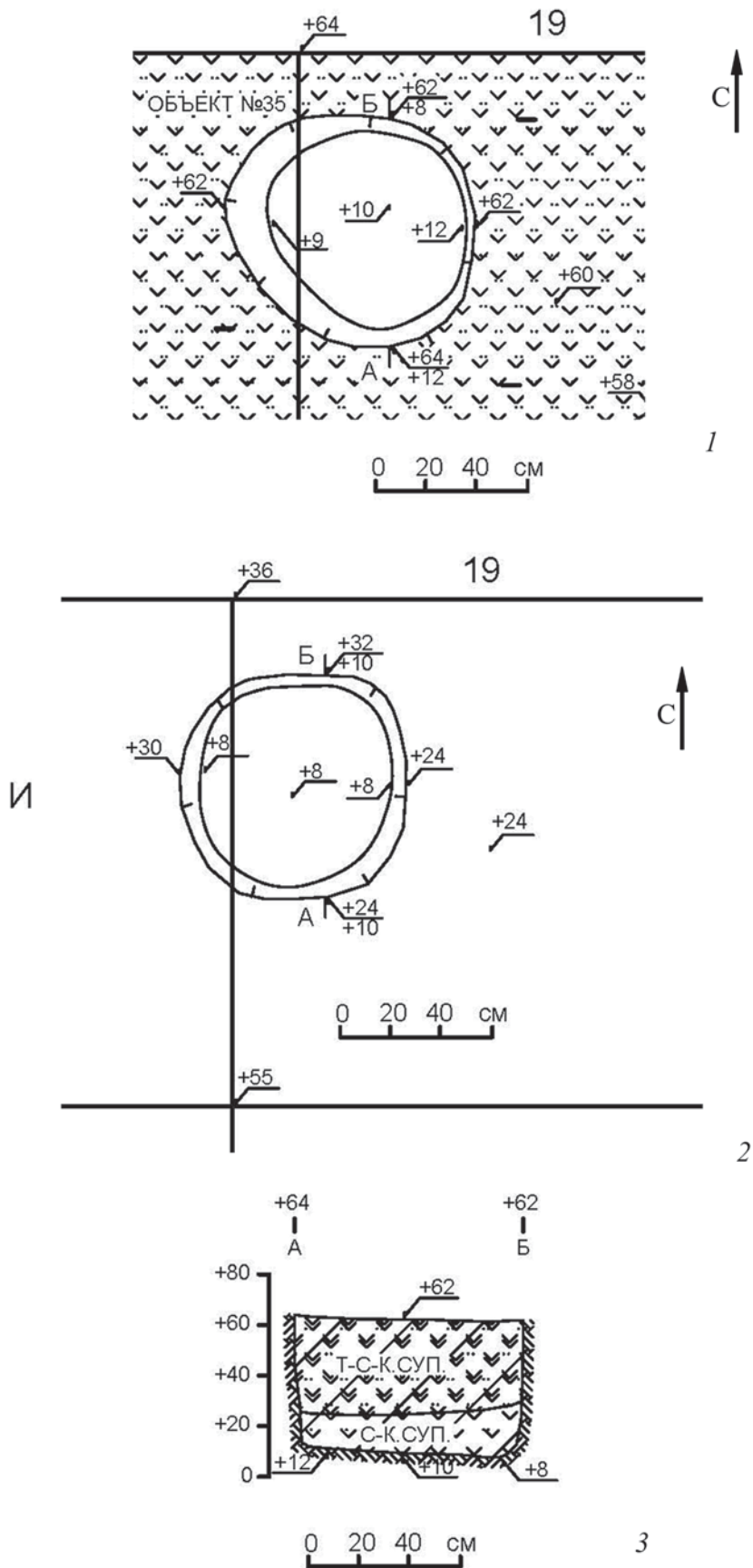

Табл. 29. Объект 35, участок 1

1, 2 – планы на разных уровнях разборки; 3 – разрез

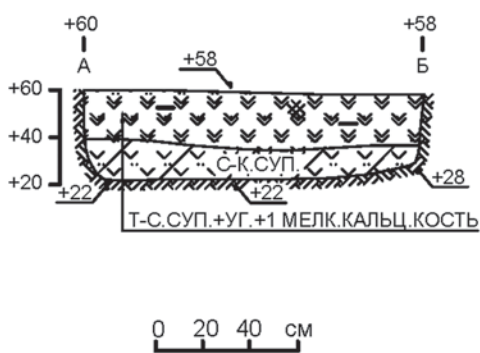
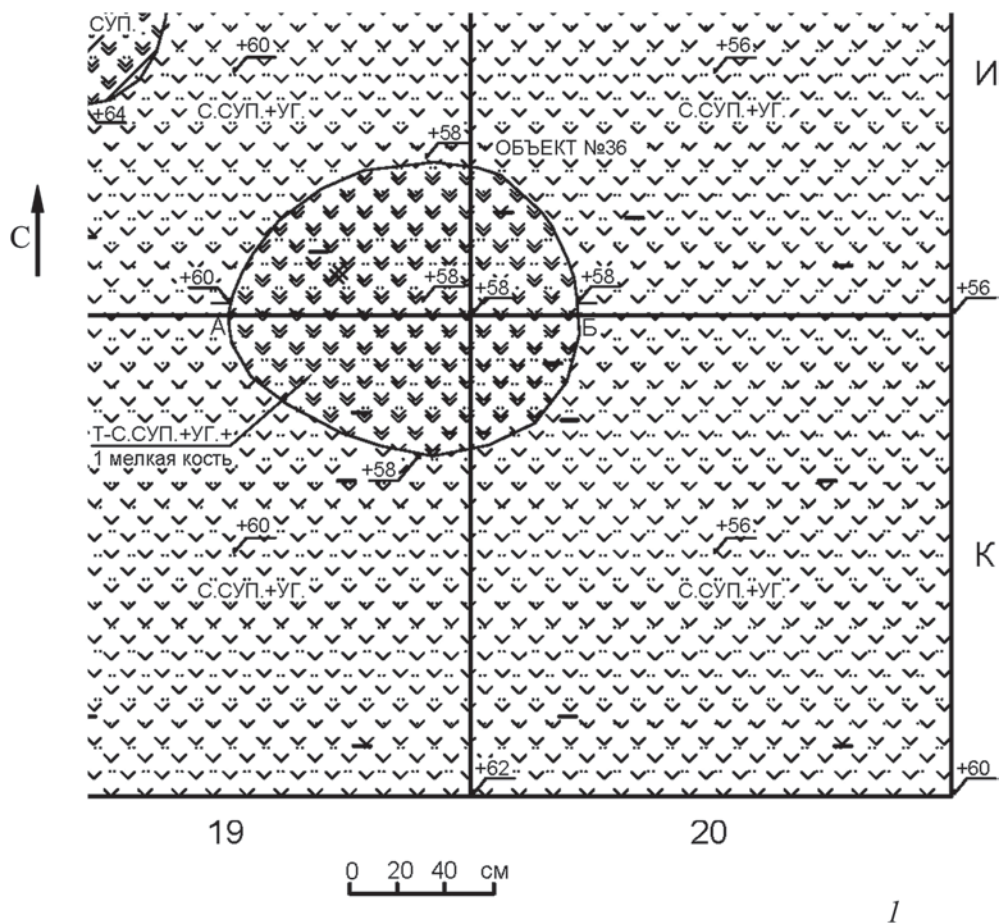

Табл. 30. Объект 36, участок 1

I – план; 2 – разрез

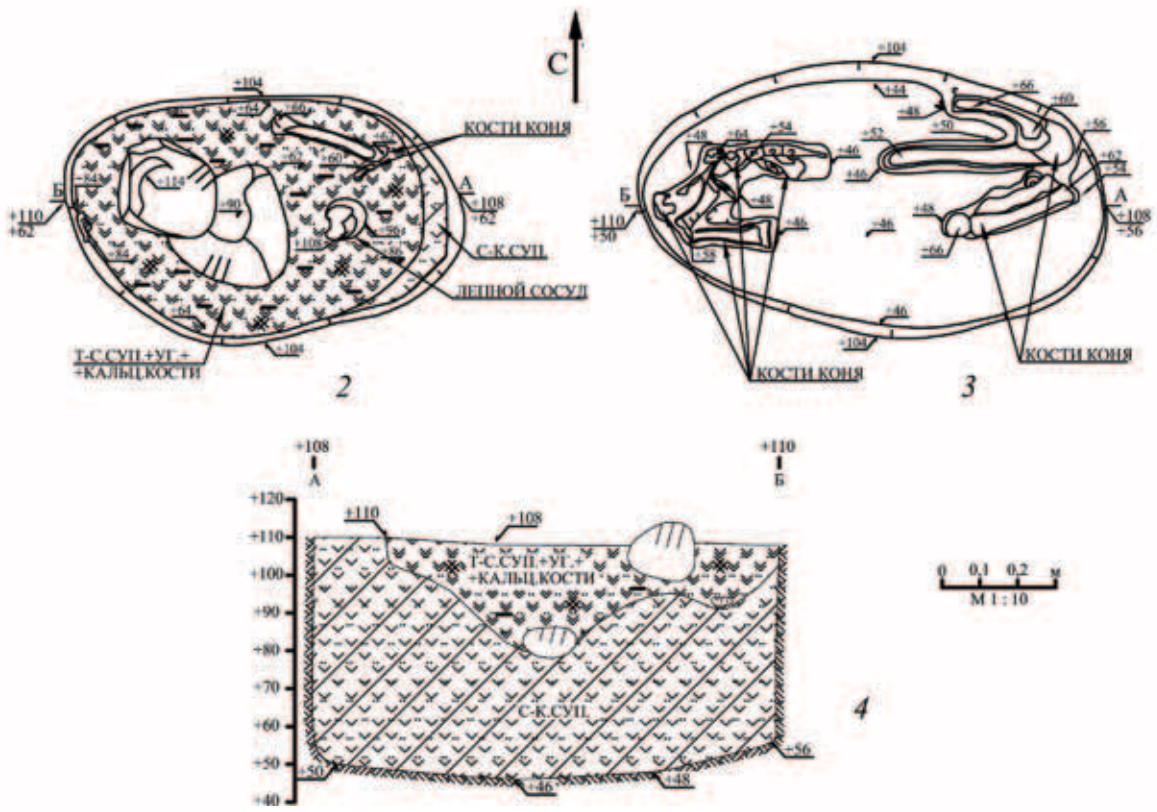
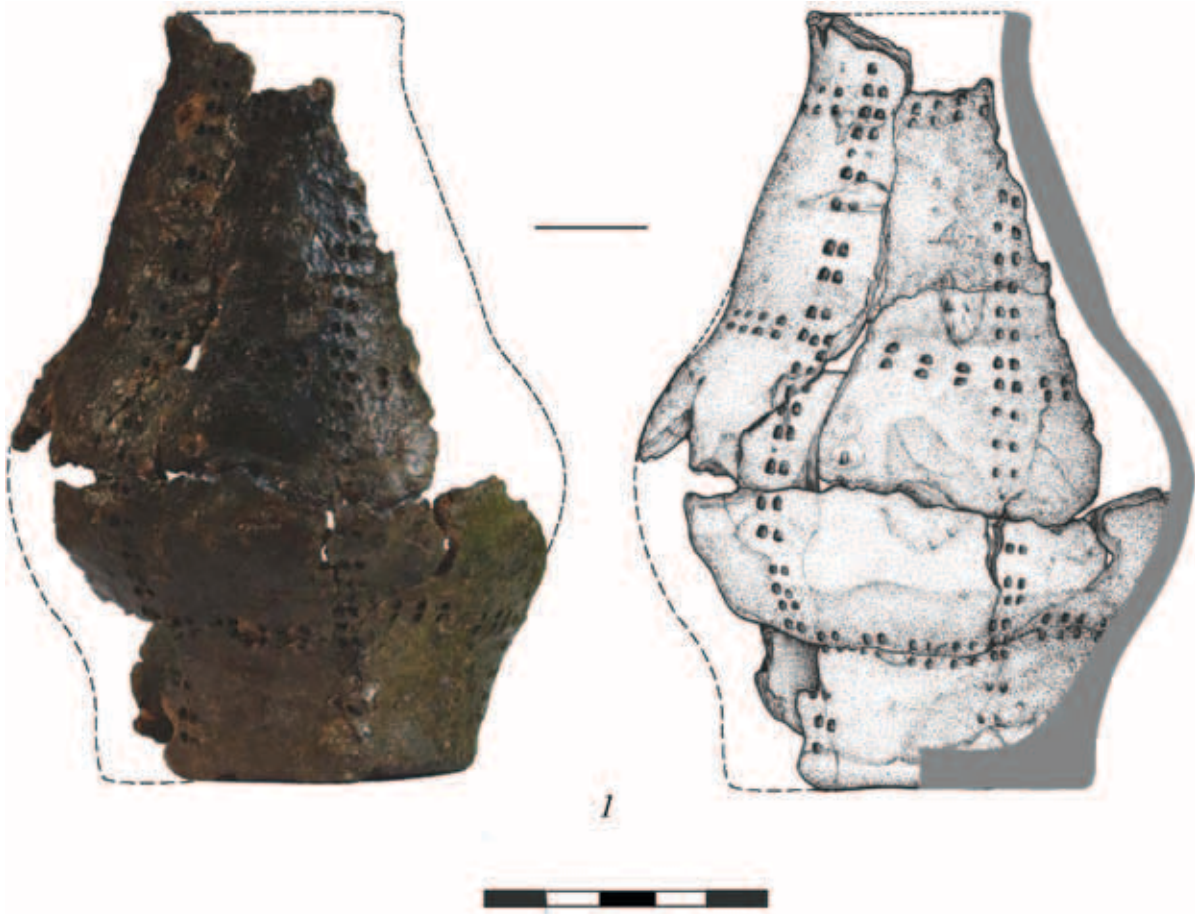

Табл. 31. Объект 37, участок 1

1 – керамический сосуд; 2 – план; 3 – план после выборки объекта; 4 – разрез

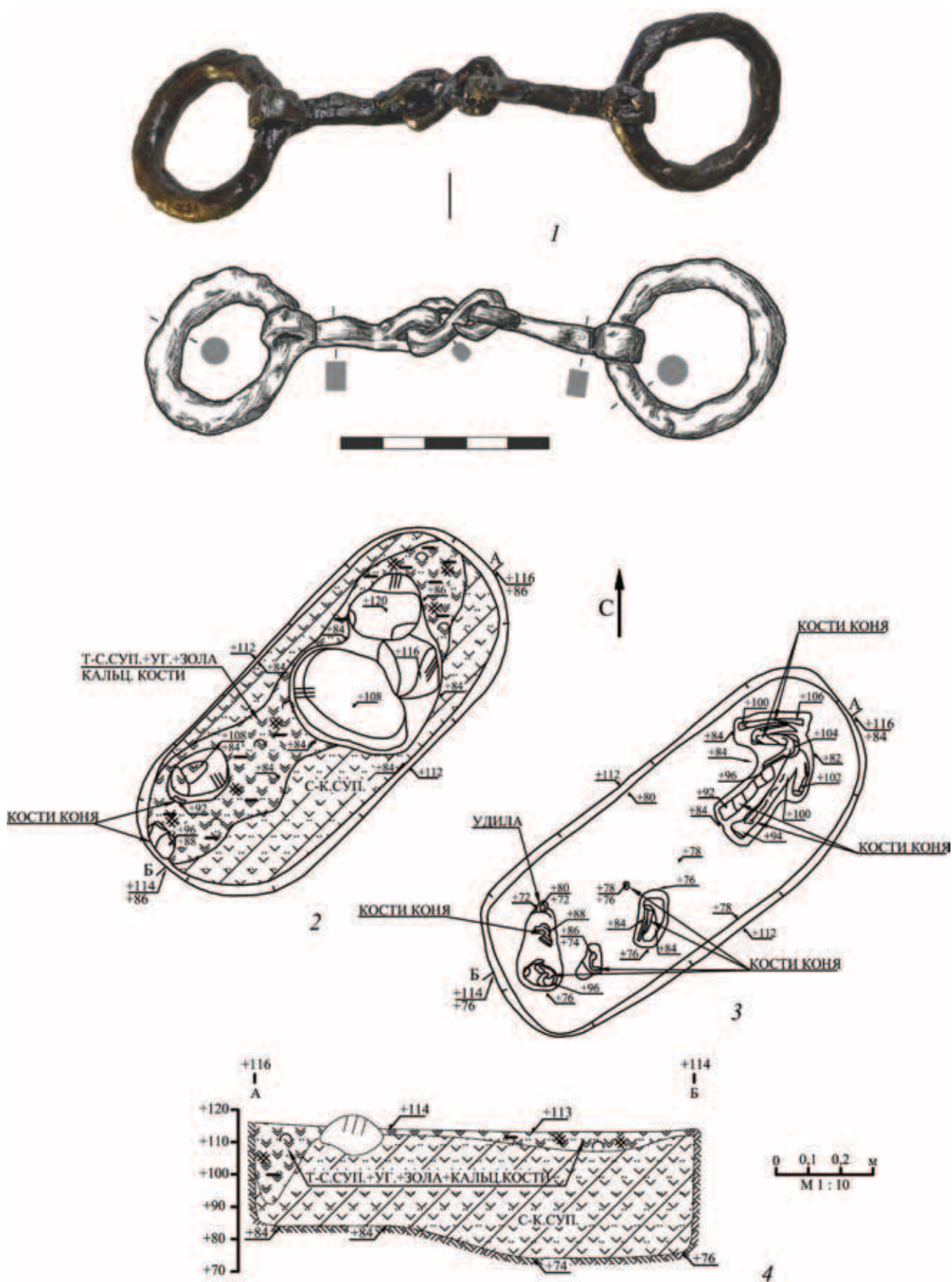

Табл. 32. Объект 38, участок 1

1 – железные удила; 2 – план; 3 – план после выборки объекта; 4 – разрез

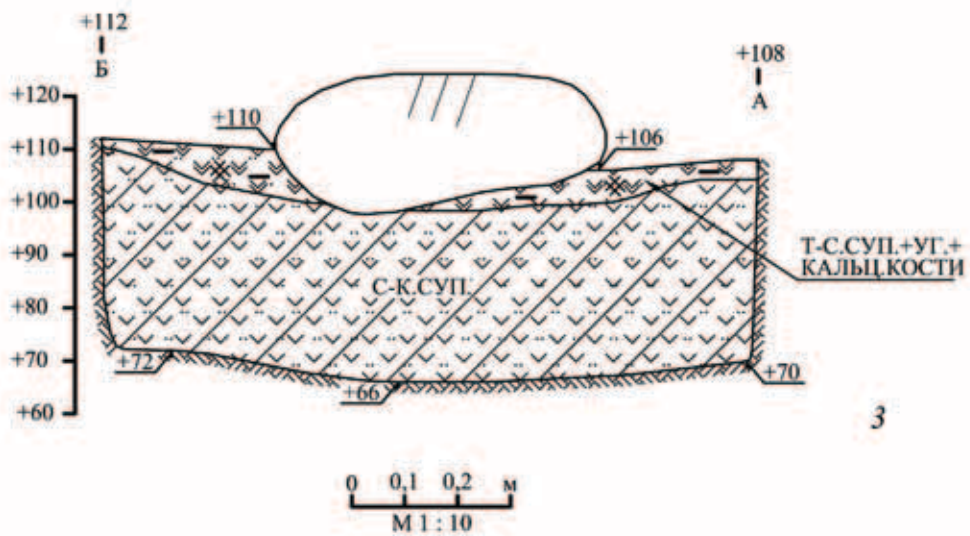
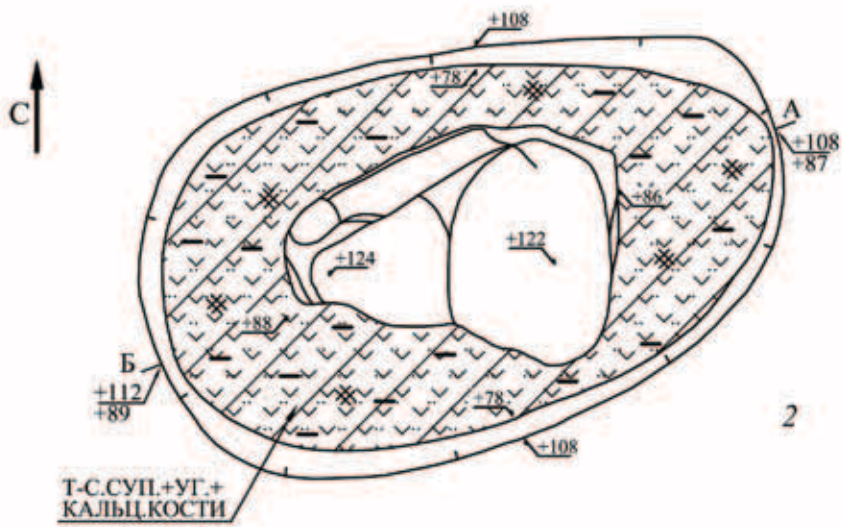

Табл. 33. Объект 39, участок 1

1 – фрагмент керамического сосуда; 2 – план; 3 – разрез

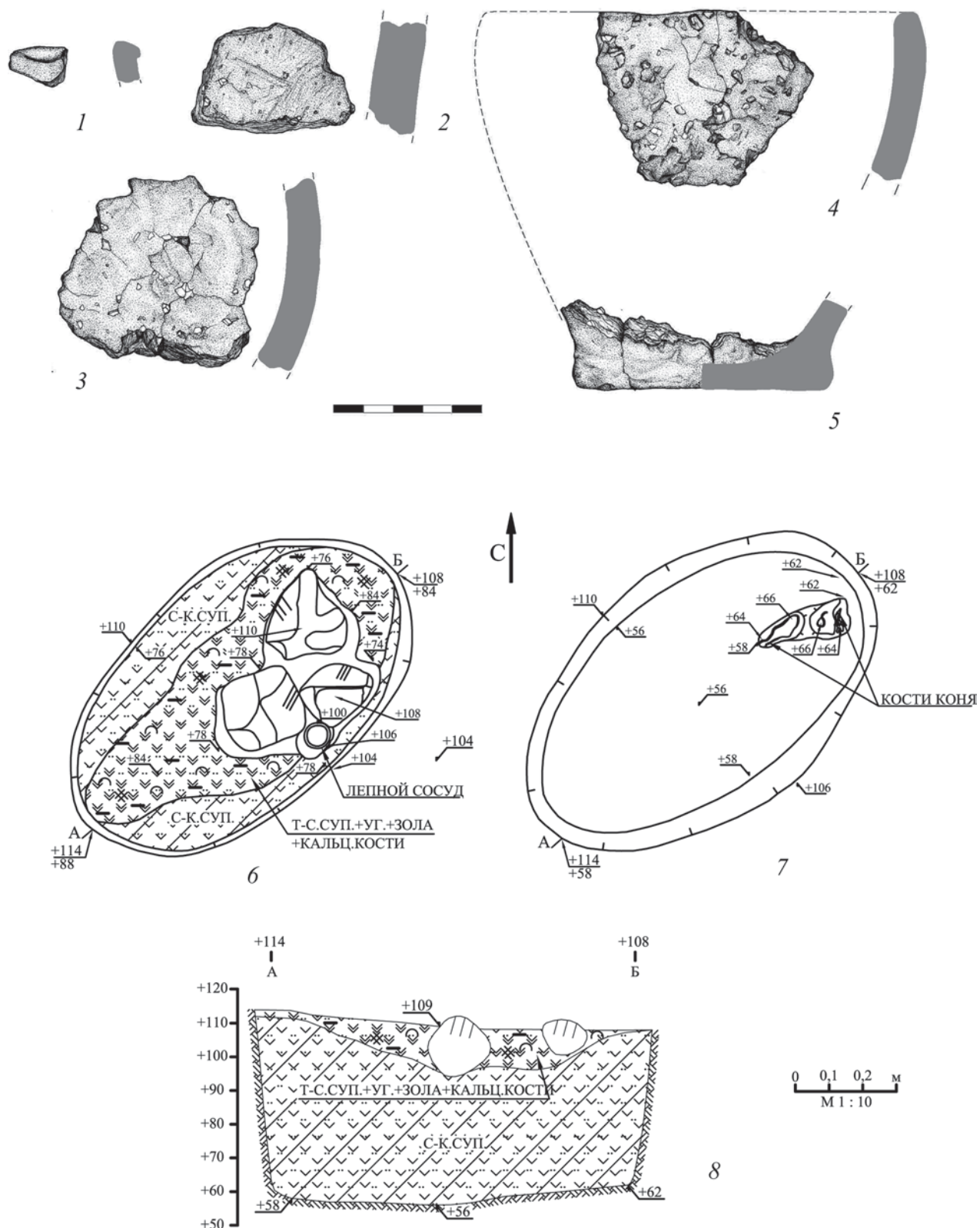

Табл. 34. Объект 40, участок 1

1-5 – фрагменты керамических сосудов 6 – план; 7 – план после выборки объекта; 8 – разрез

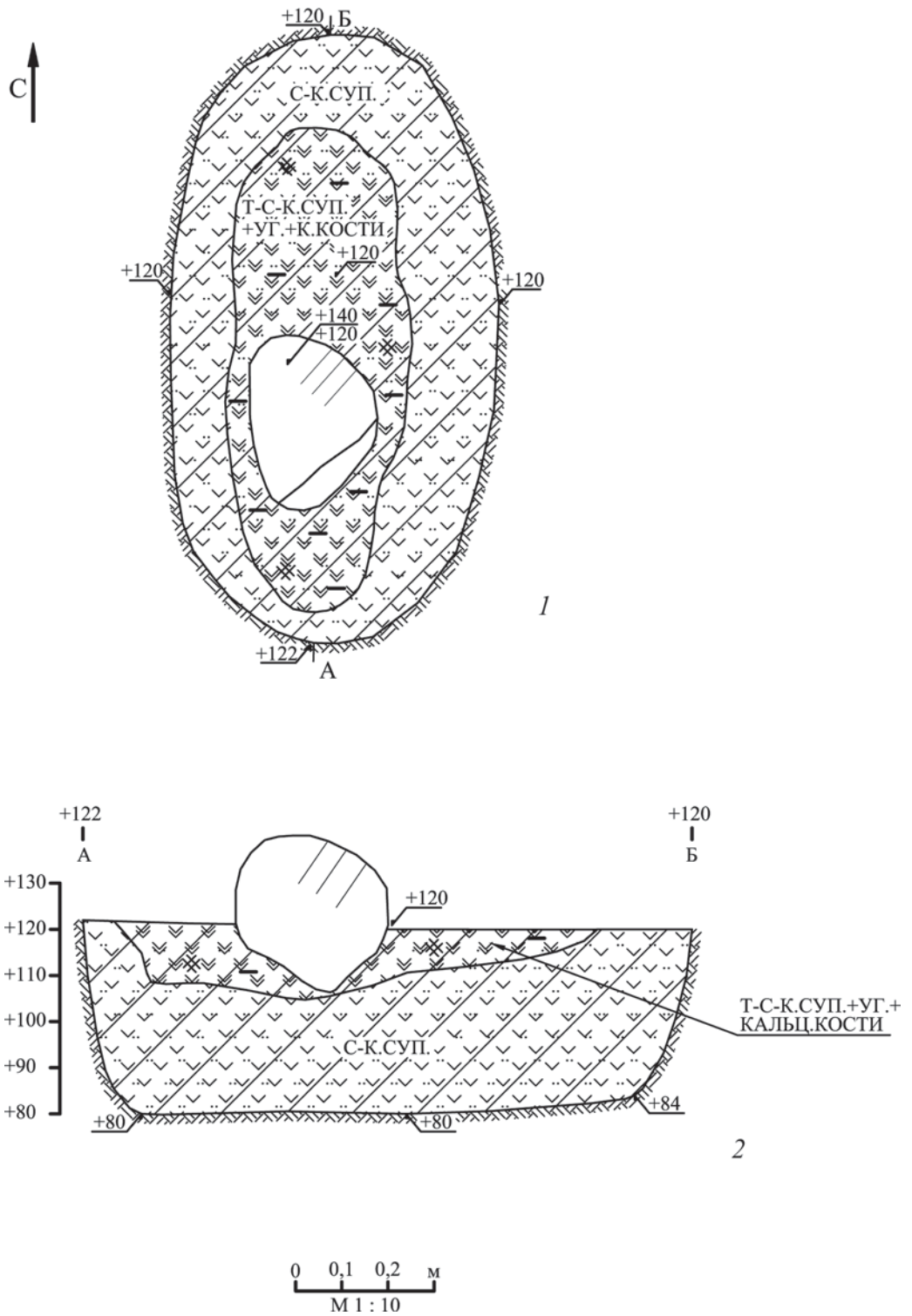

Табл. 35. Объект 41, участок 1

1 – план; 2 – разрез

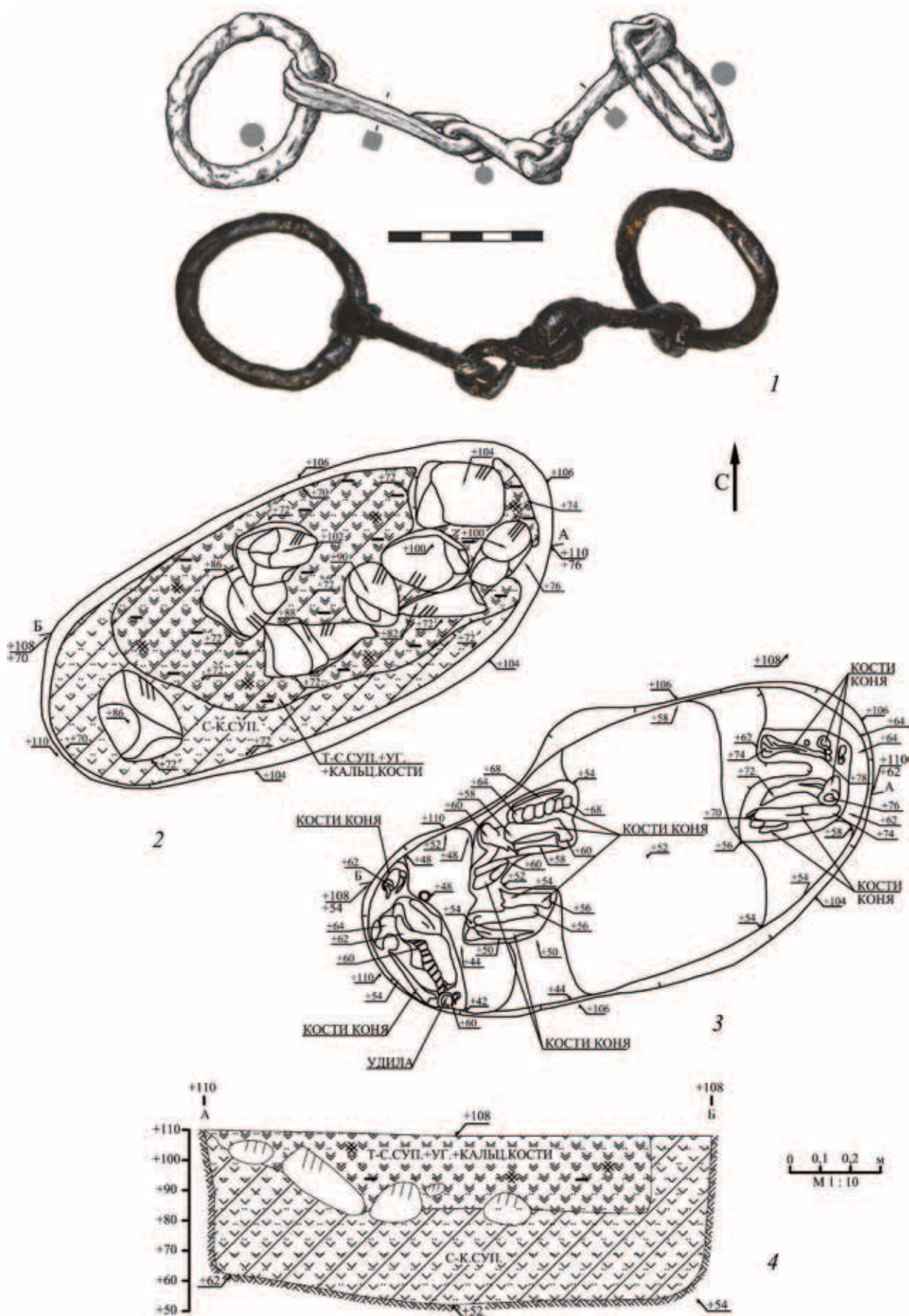

Табл. 36. Объект 43, участок 1

1 – железные удила; 2 – план; 3 – план после выборки объекта; 4 – разрез

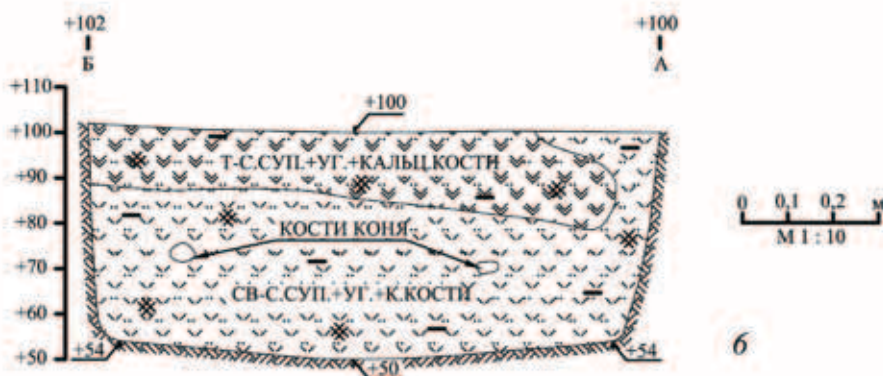
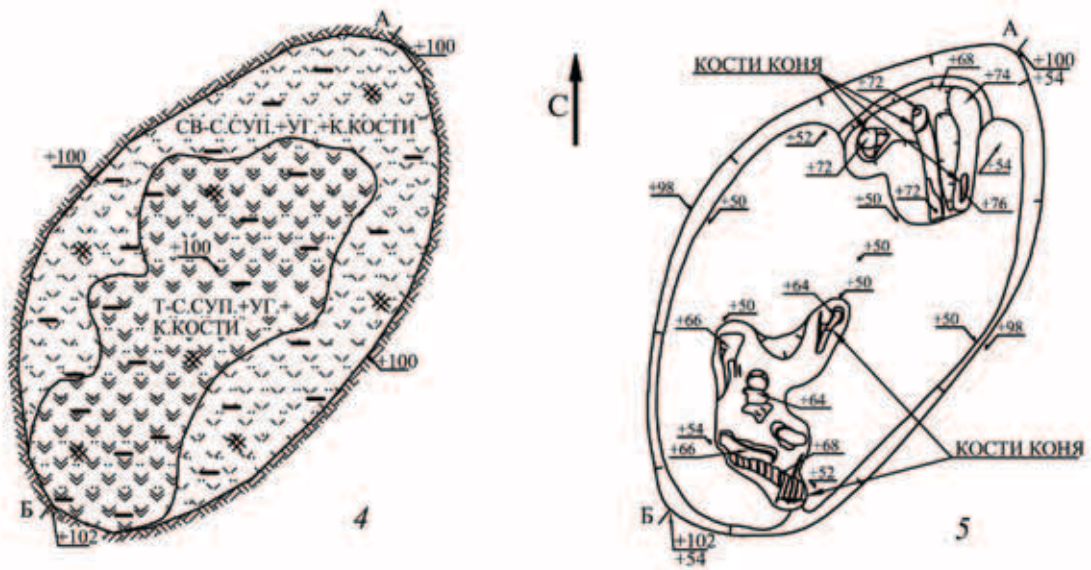
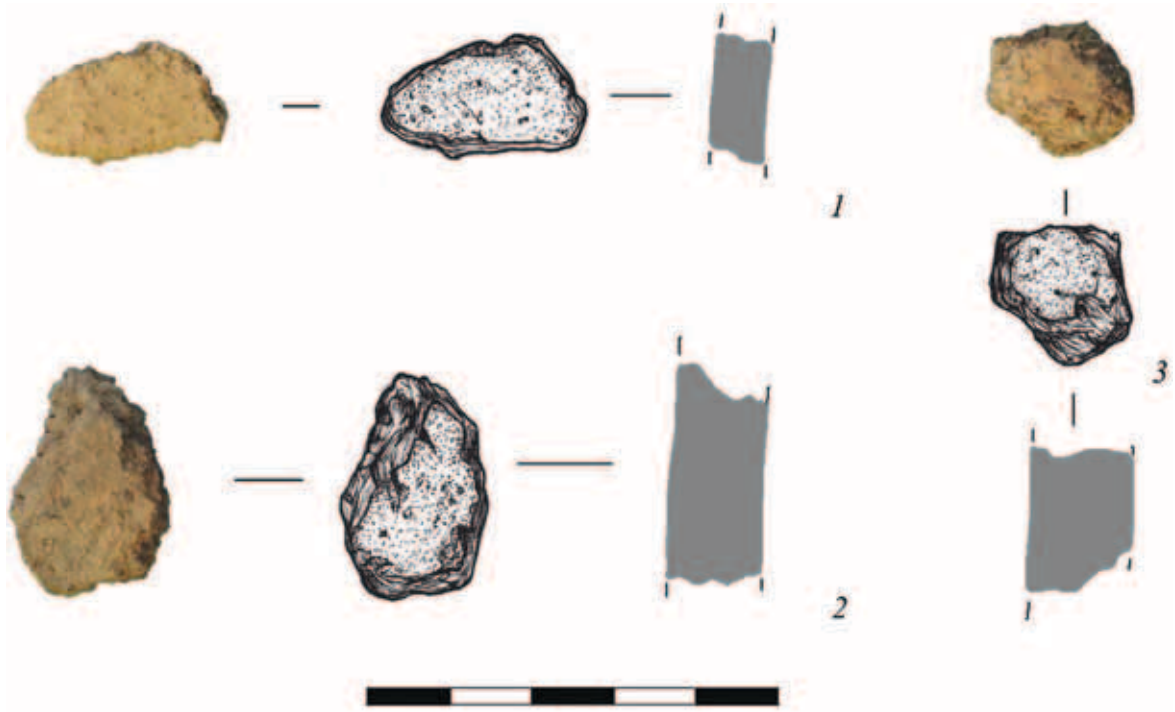

Табл. 37. Объект 44, участок 1

1-3 – фрагменты керамических сосудов; 4 – план; 5 – план после выборки объекта; 6 – разрез

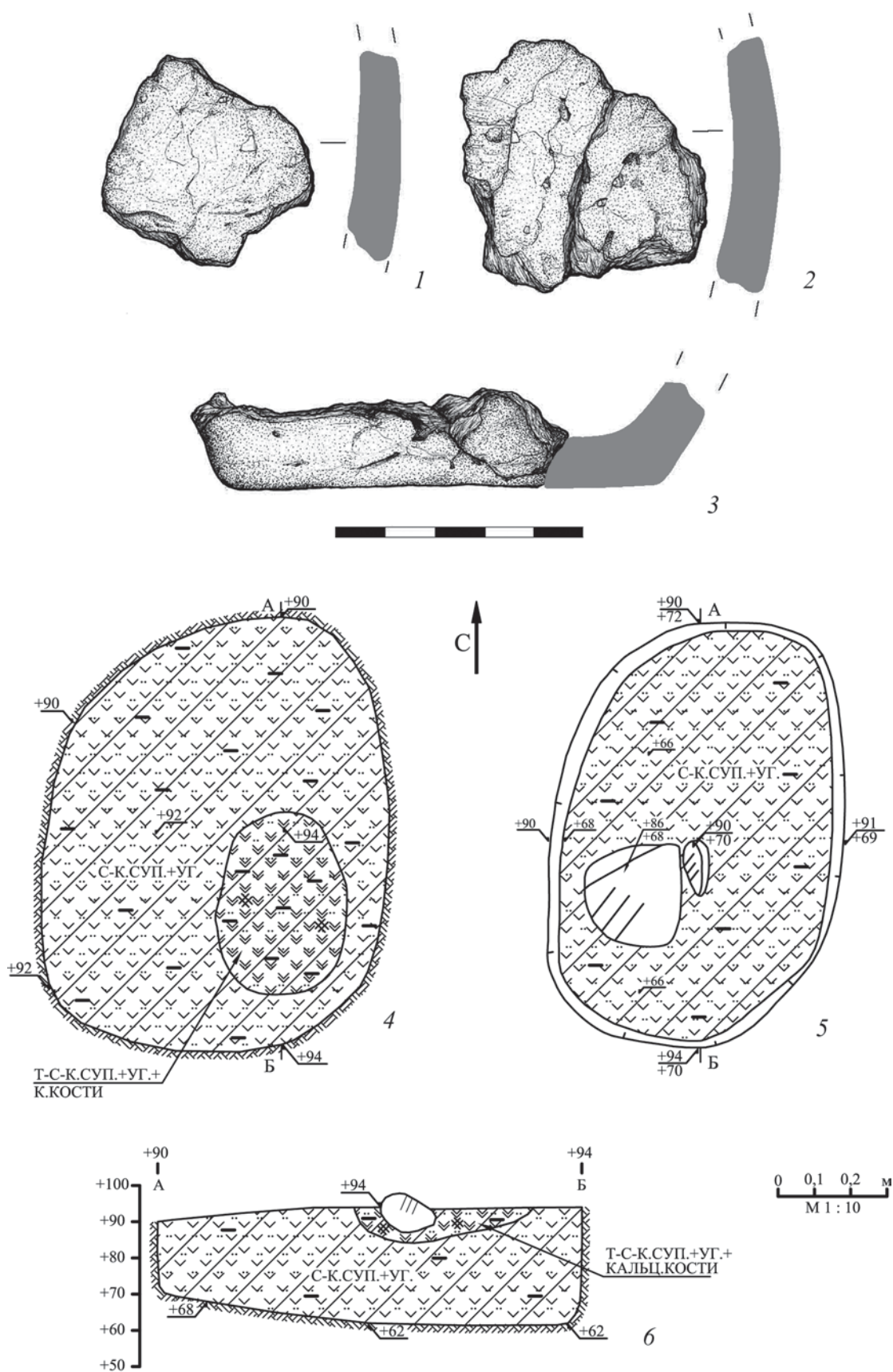

Табл. 38. Объект 46, участок 1

1-3 – фрагменты керамических сосудов; 4, 5 – планы на разных уровнях разборки; 6 – разрез

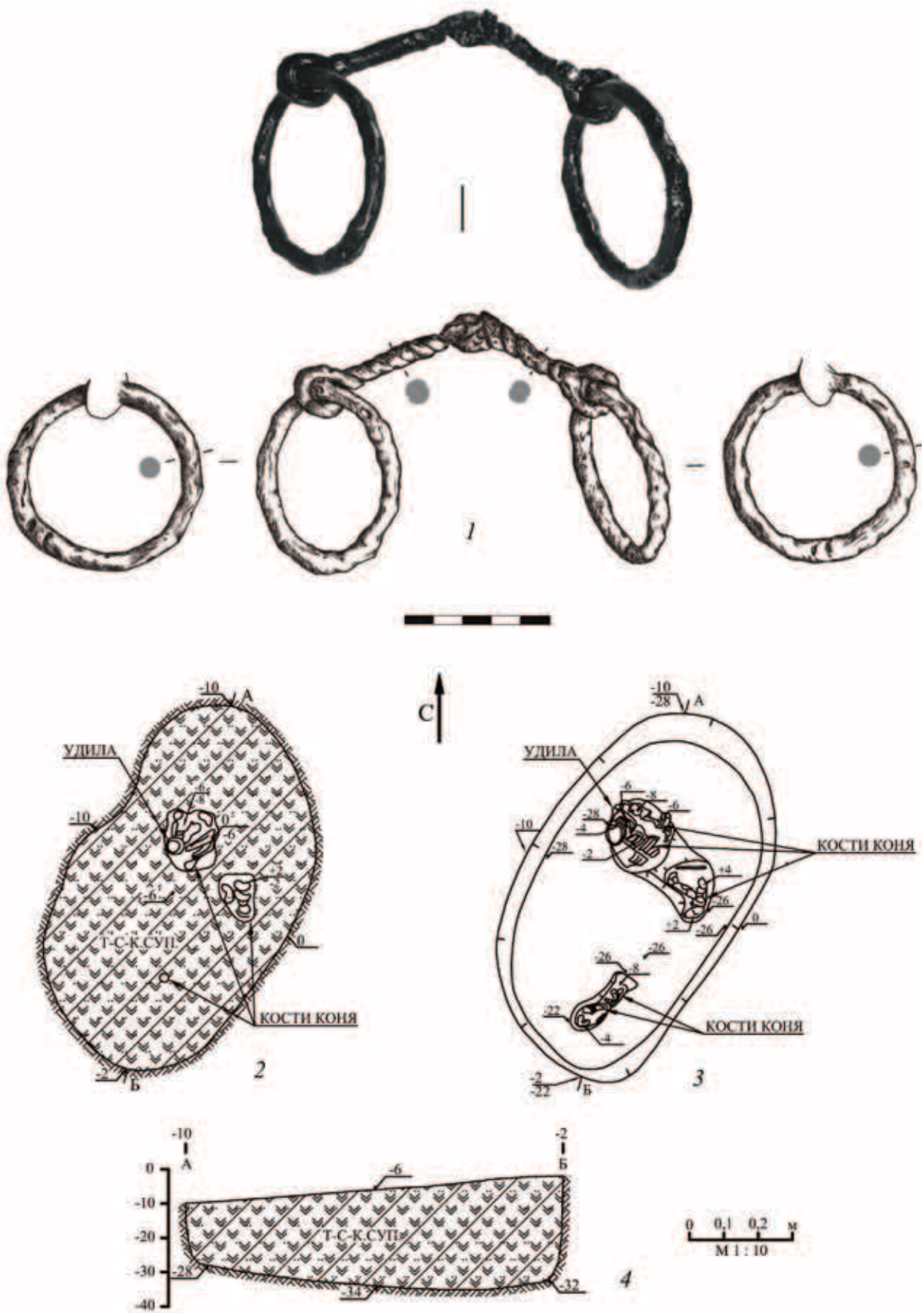

Табл. 39. Объект 47, участок 1

1 – железные удила; 2 – план; 3 – план после выборки объекта; 4 – разрез

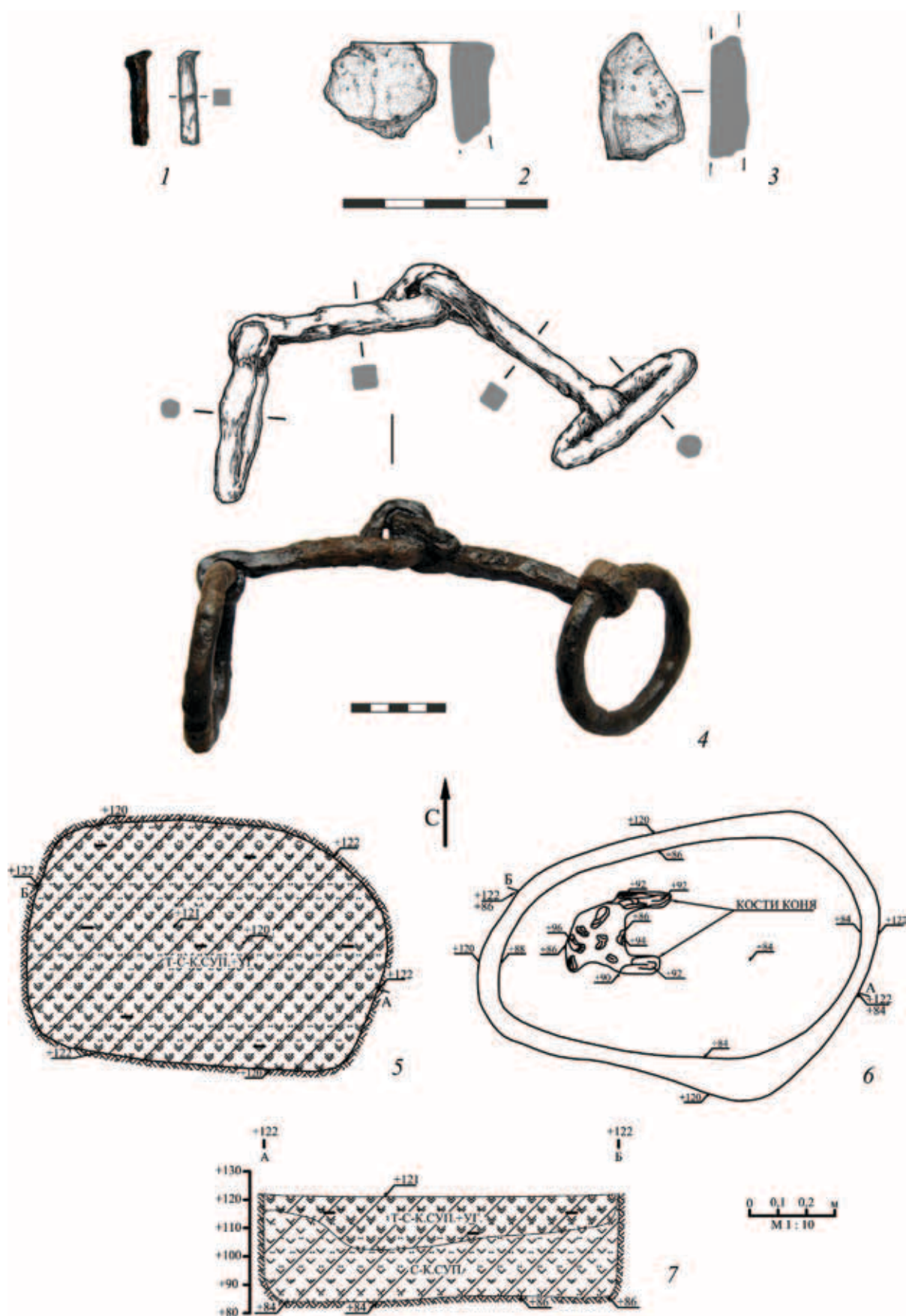

Табл. 40. Объект 48, участок 1

1 – железный предмет; 2, 3 – фрагменты керамических сосудов 4 – железные удила; 5 – план; 6 – план после выборки объекта; 7 – разрез

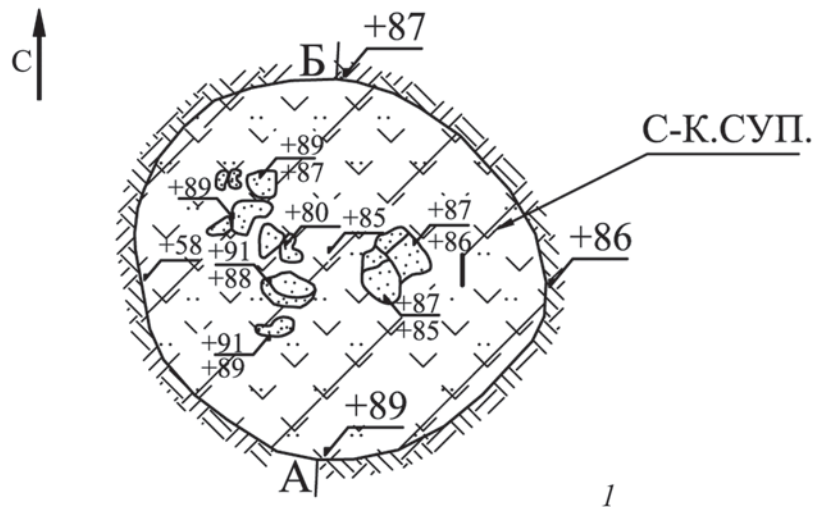

Табл. 41. Объект 20, участок 2

1 – план; 2 – разрез

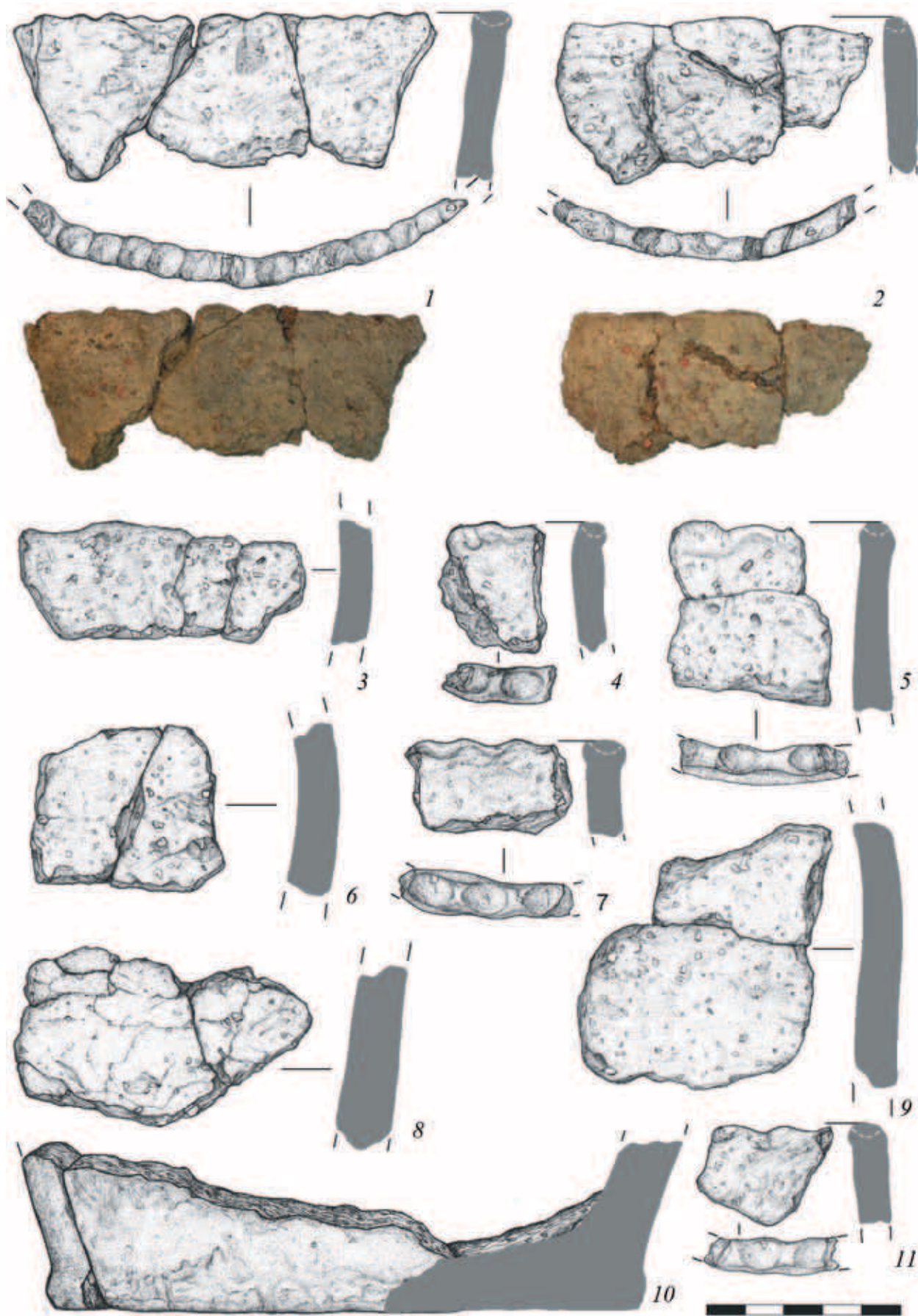

Табл. 42. Объект 20, участок 2
Фрагменты керамических сосудов

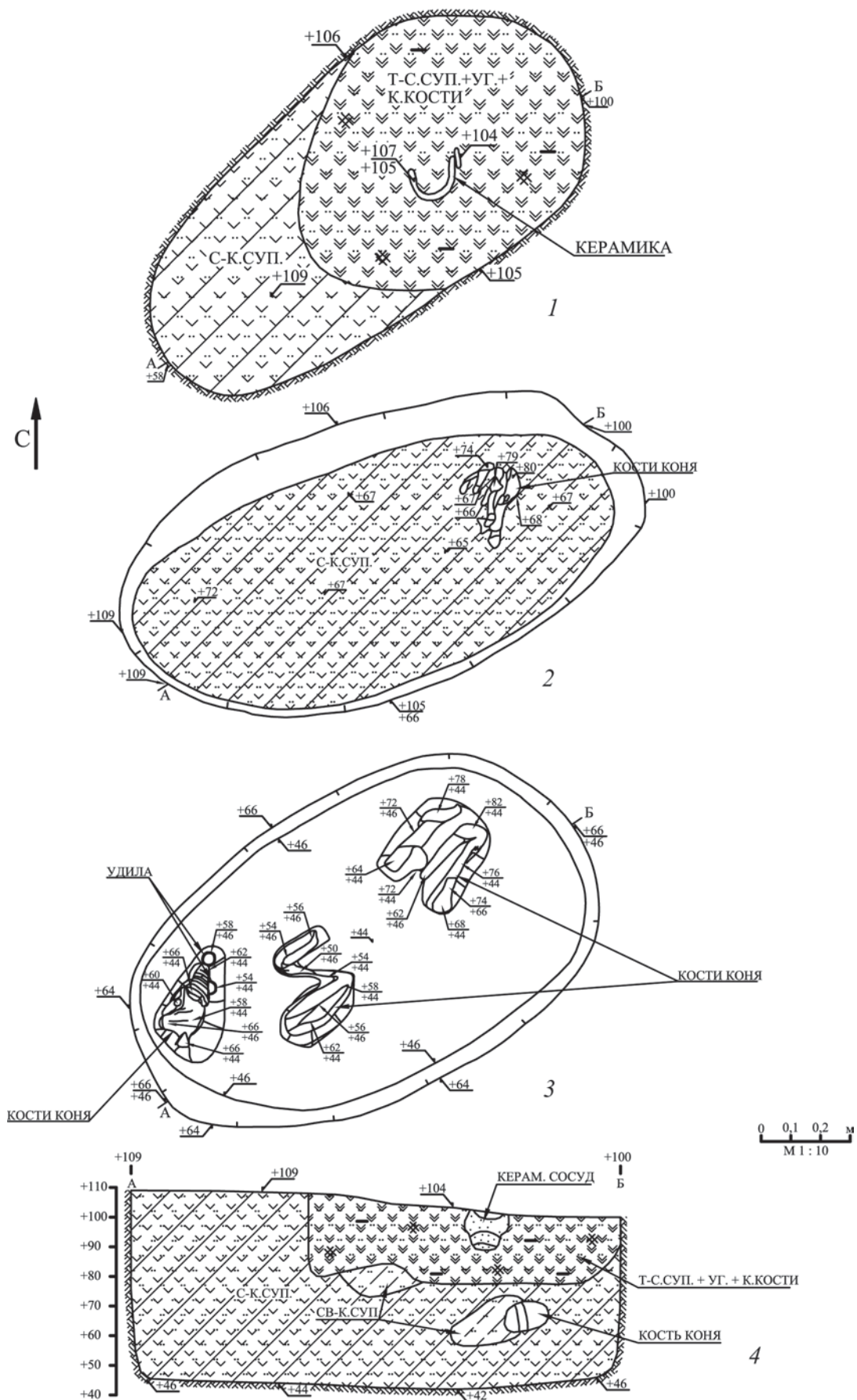

Табл. 43. Объект 33, участок 2

1, 2 – планы на разных уровнях разборки; 3 – план после выборки объекта; 4 – разрез

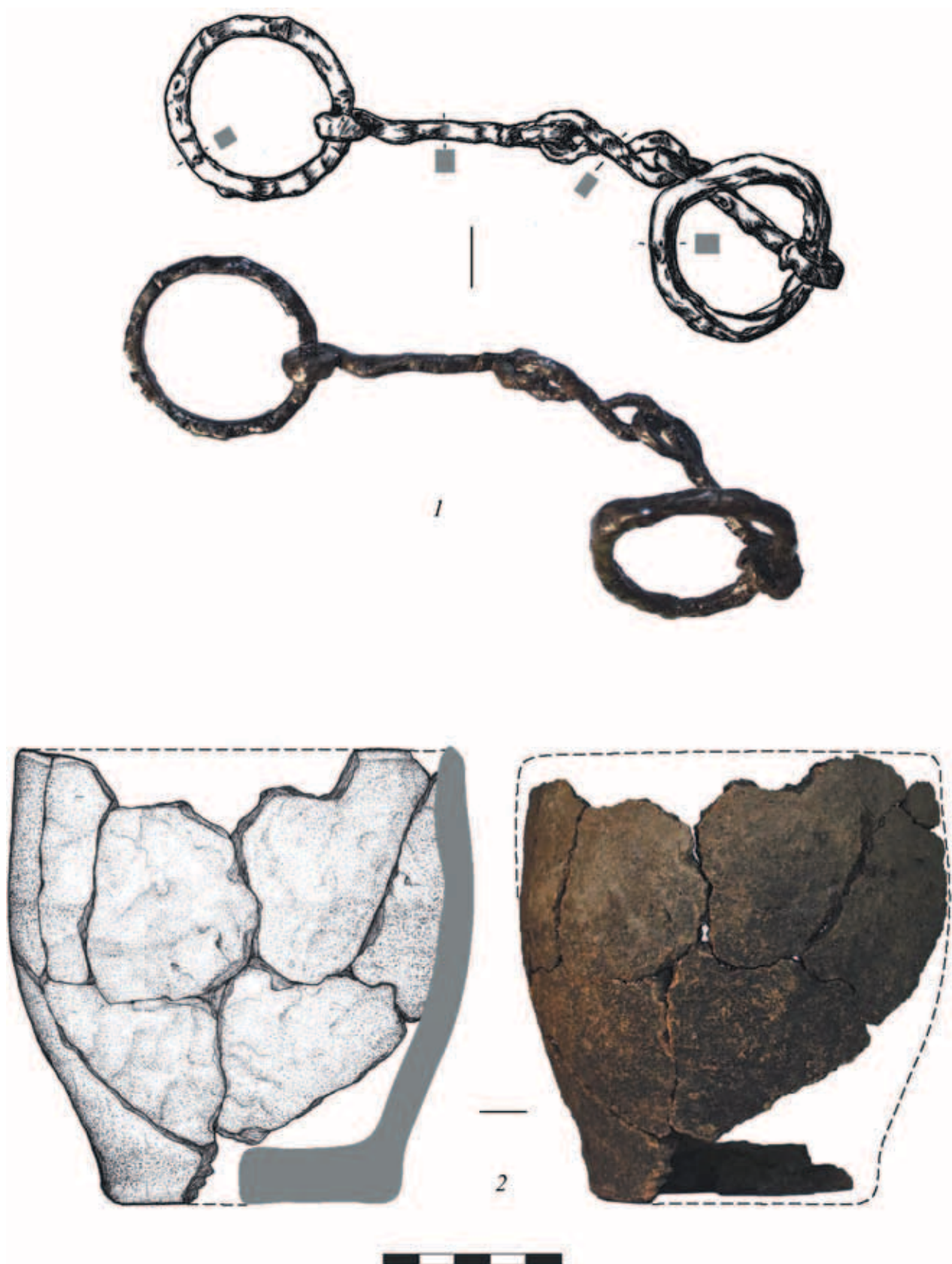

Табл. 44. Объект 33, участок 2

1 – железные удила; 2 – керамический сосуд

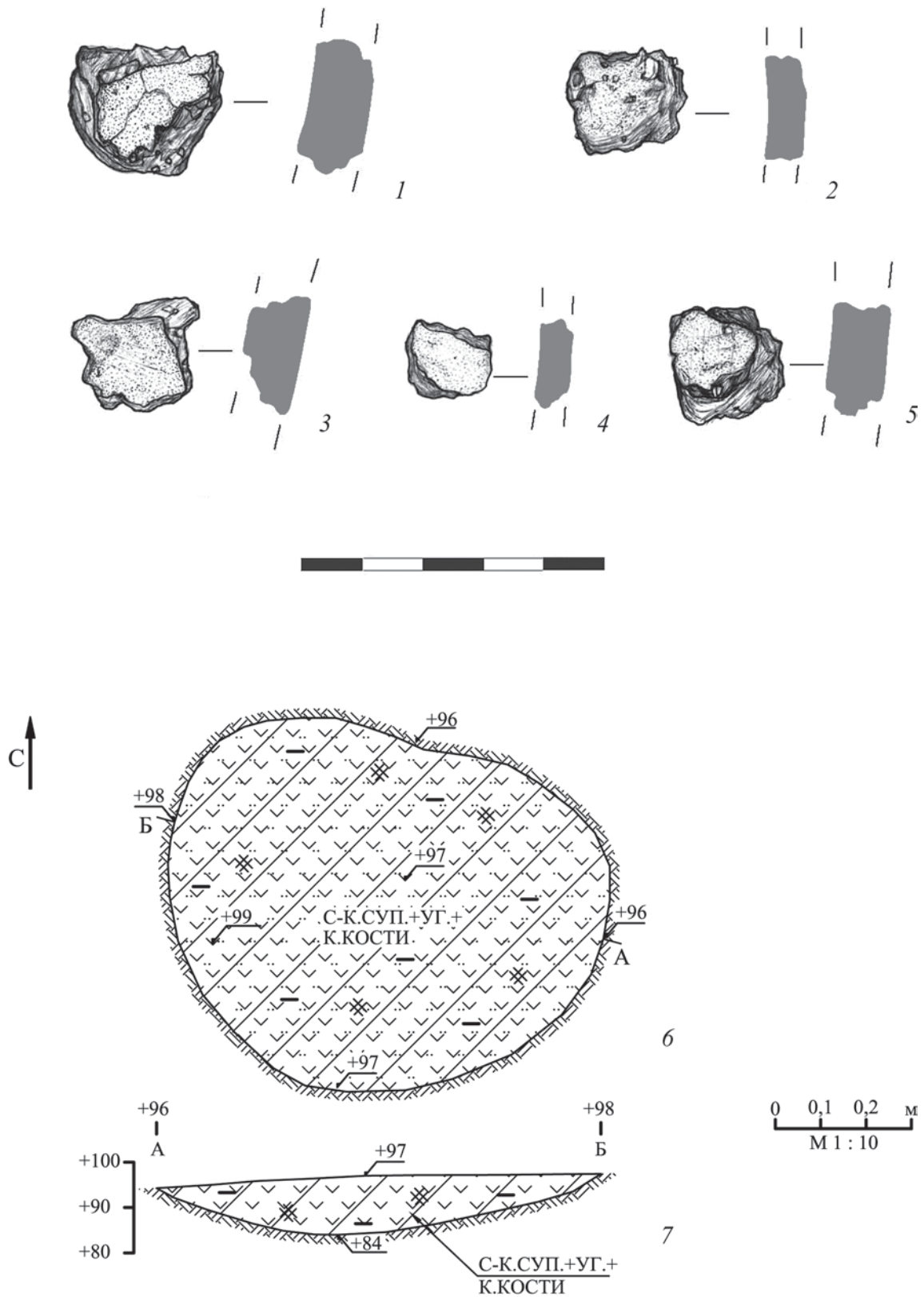

Табл. 45. Объект 34, участок 2

1-5 – фрагменты керамических сосудов; 6 – план; 7 – разрез

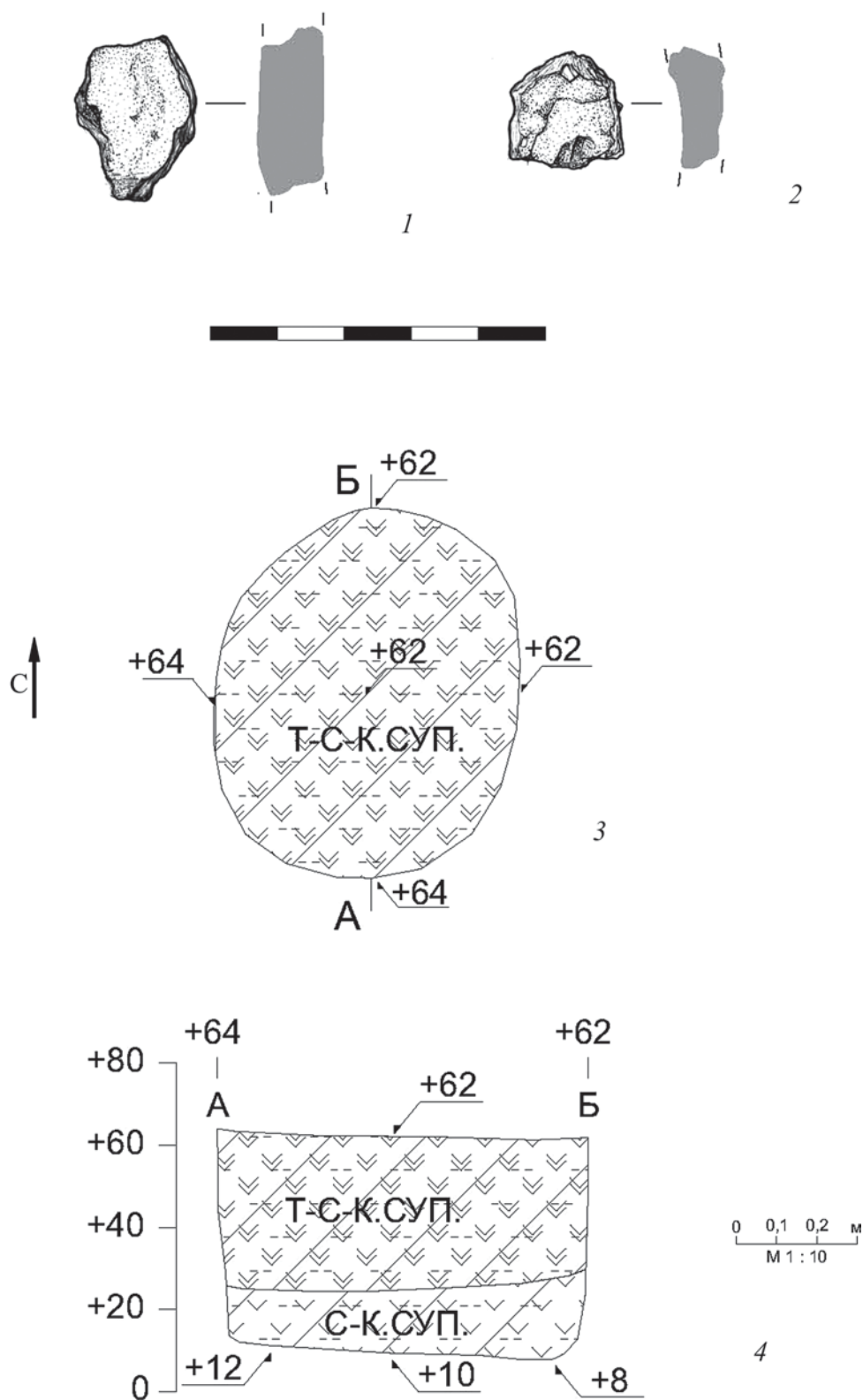

Табл. 46. Объект 35, участок 2

1. 2 – фрагменты керамических сосудов; 3 – план; 4 – разрез

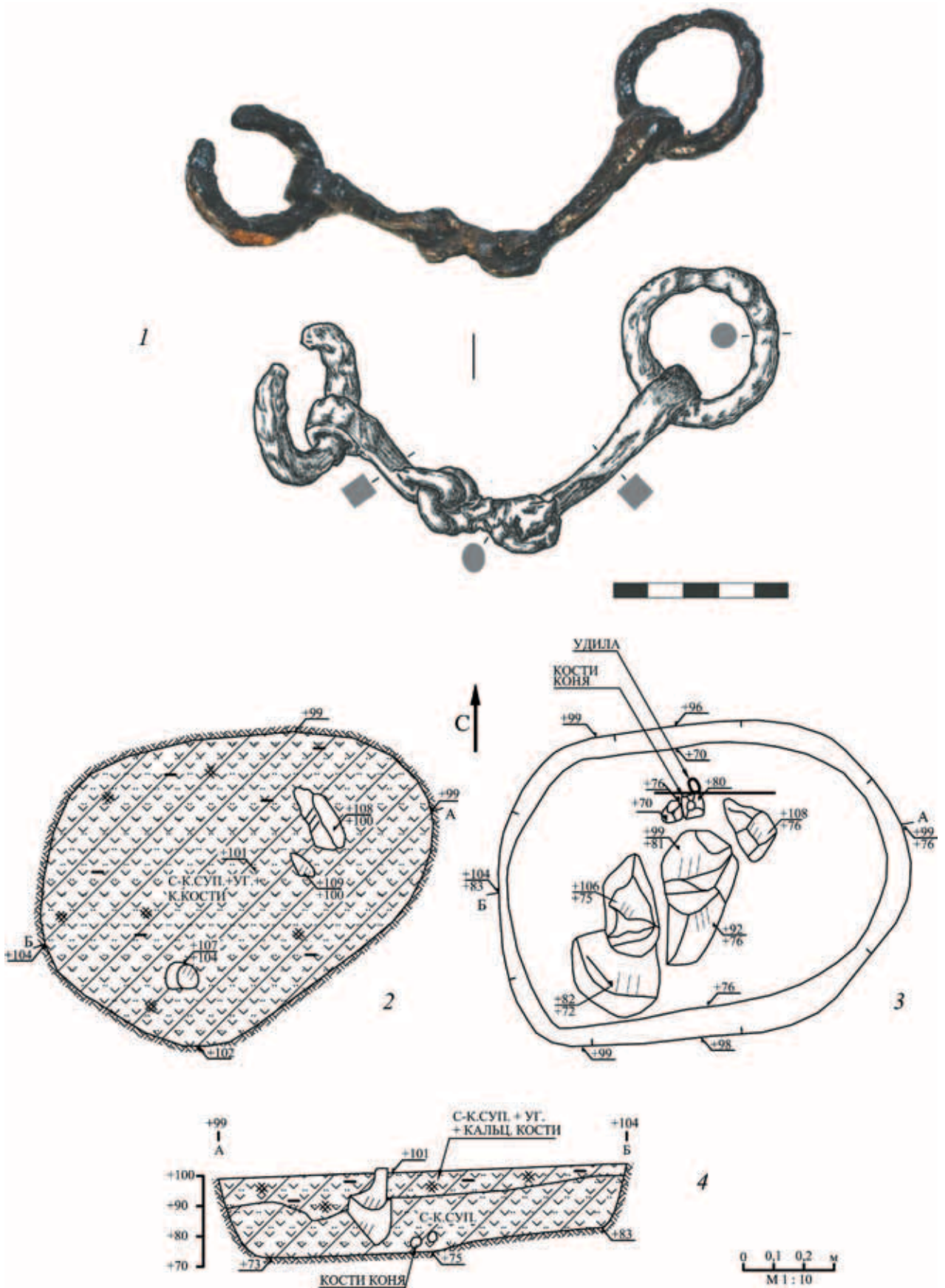

Табл. 47. Объект 40, участок 2

1 – железные удила; 2 – план; 3 – план после выборки объекта; 4 – разрез

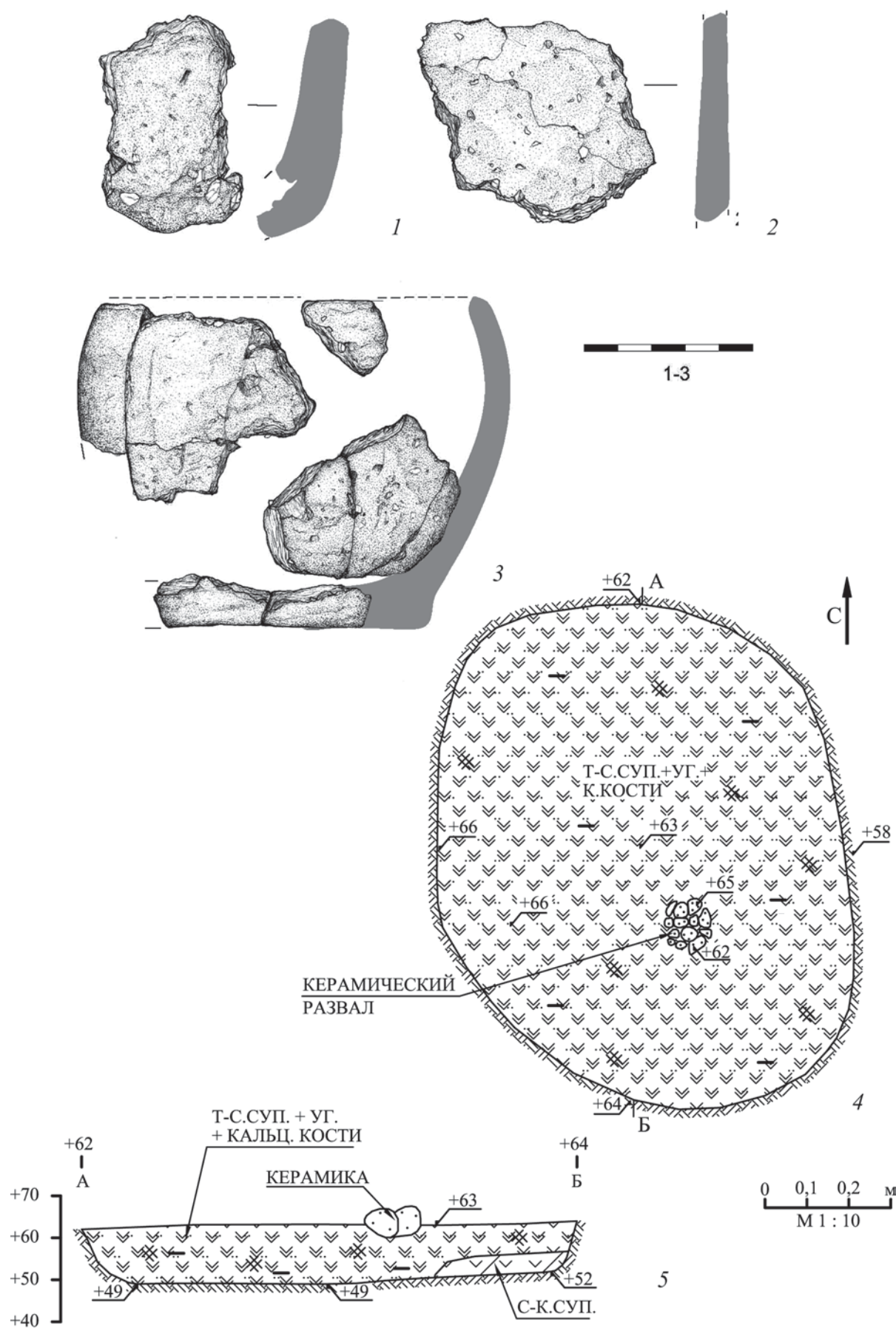

Табл. 48. Объект 41, участок 2

1-3 – фрагменты керамических сосудов; 4 – план; 5 – разрез

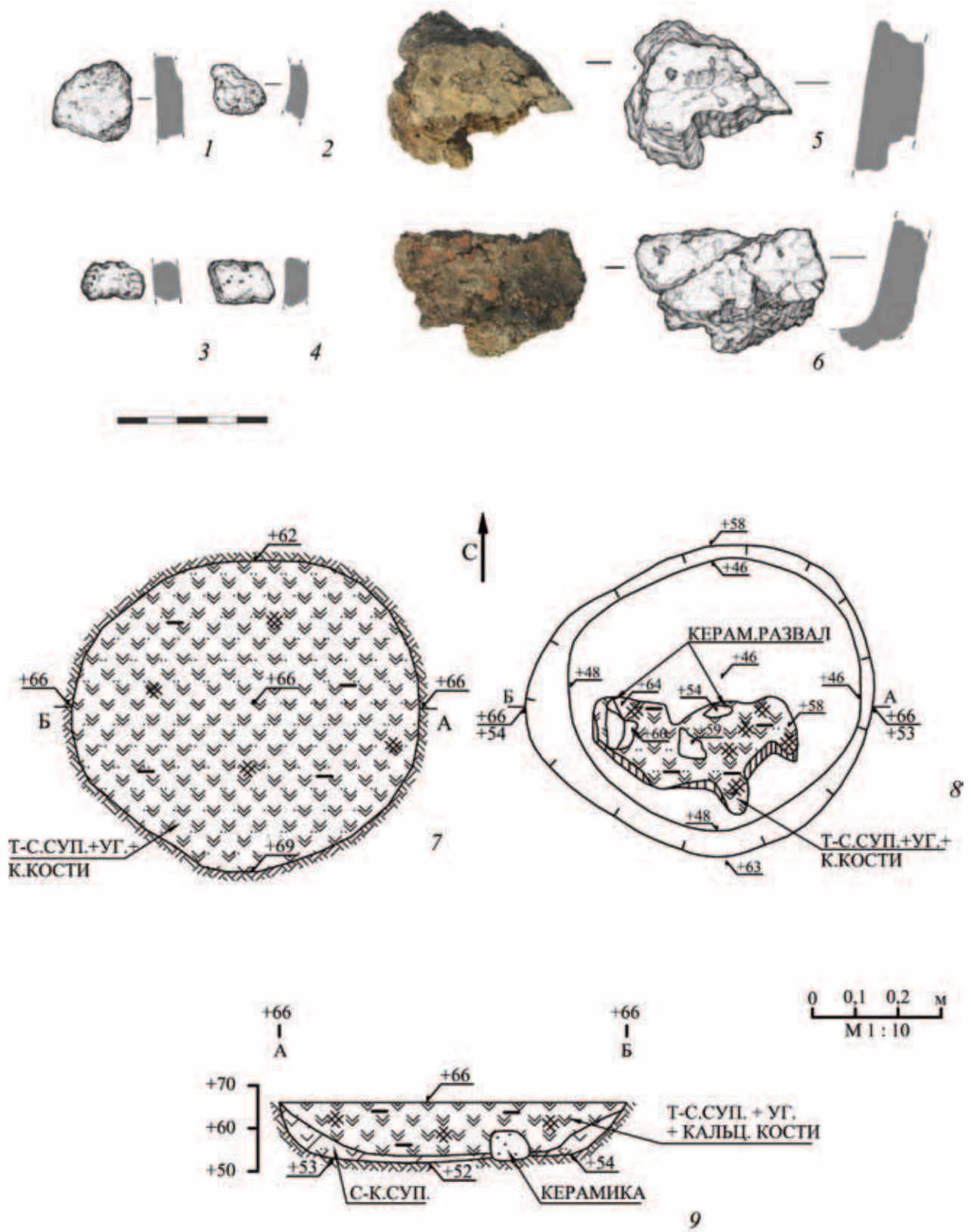

Табл. 49. Объект 43, участок 2

1-6 – фрагменты керамических сосудов; 7 – план; 8 – план после выборки объекта; 9 – разрез

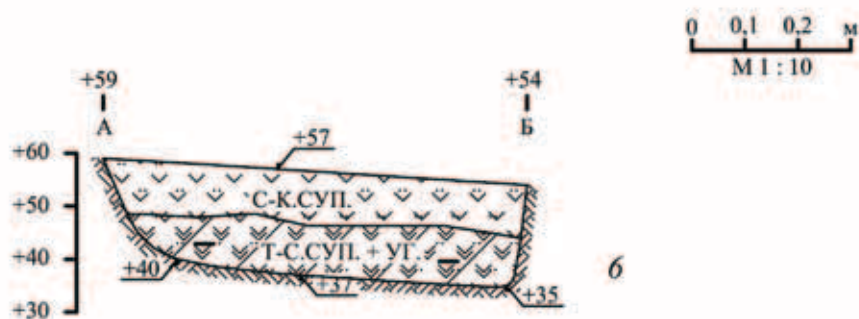
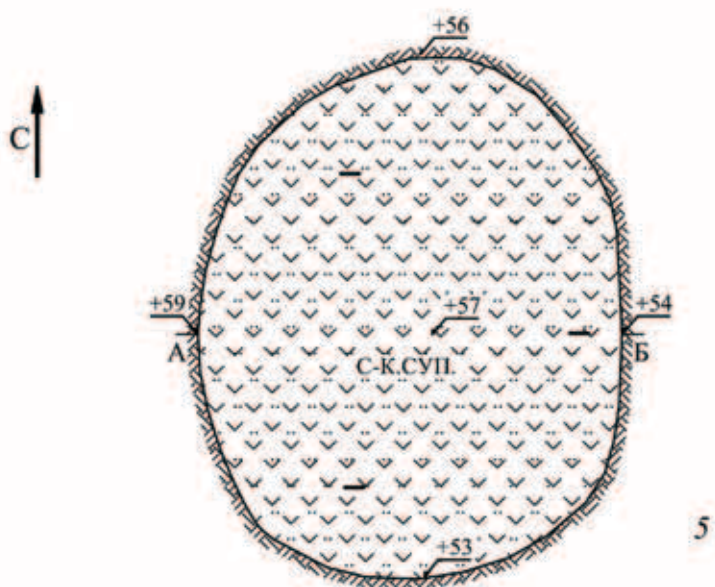
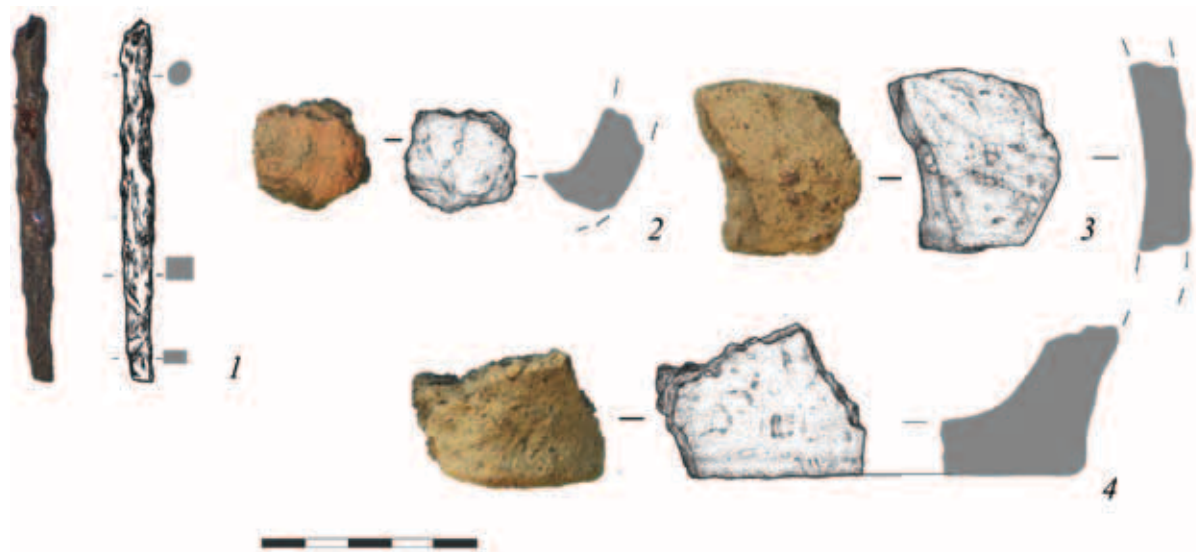

Табл. 50. Объект 45, участок 2

1 – железный предмет; 2–4 – фрагменты керамических сосудов; 5 – план; 6 – разрез

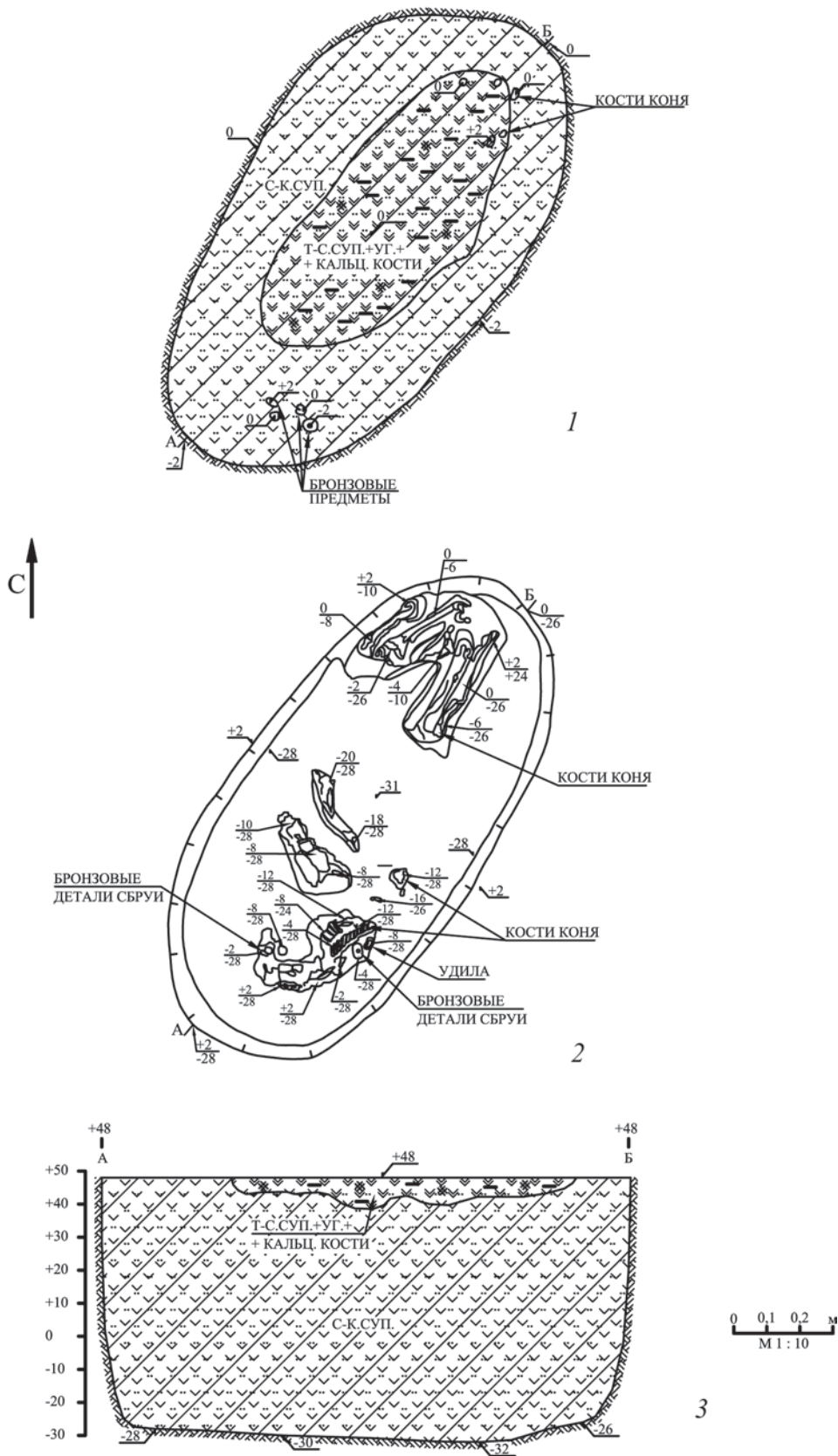

Табл. 51. Объект 46, участок 2

1 – план; 2 – план после выборки объекта; 3 – разрез

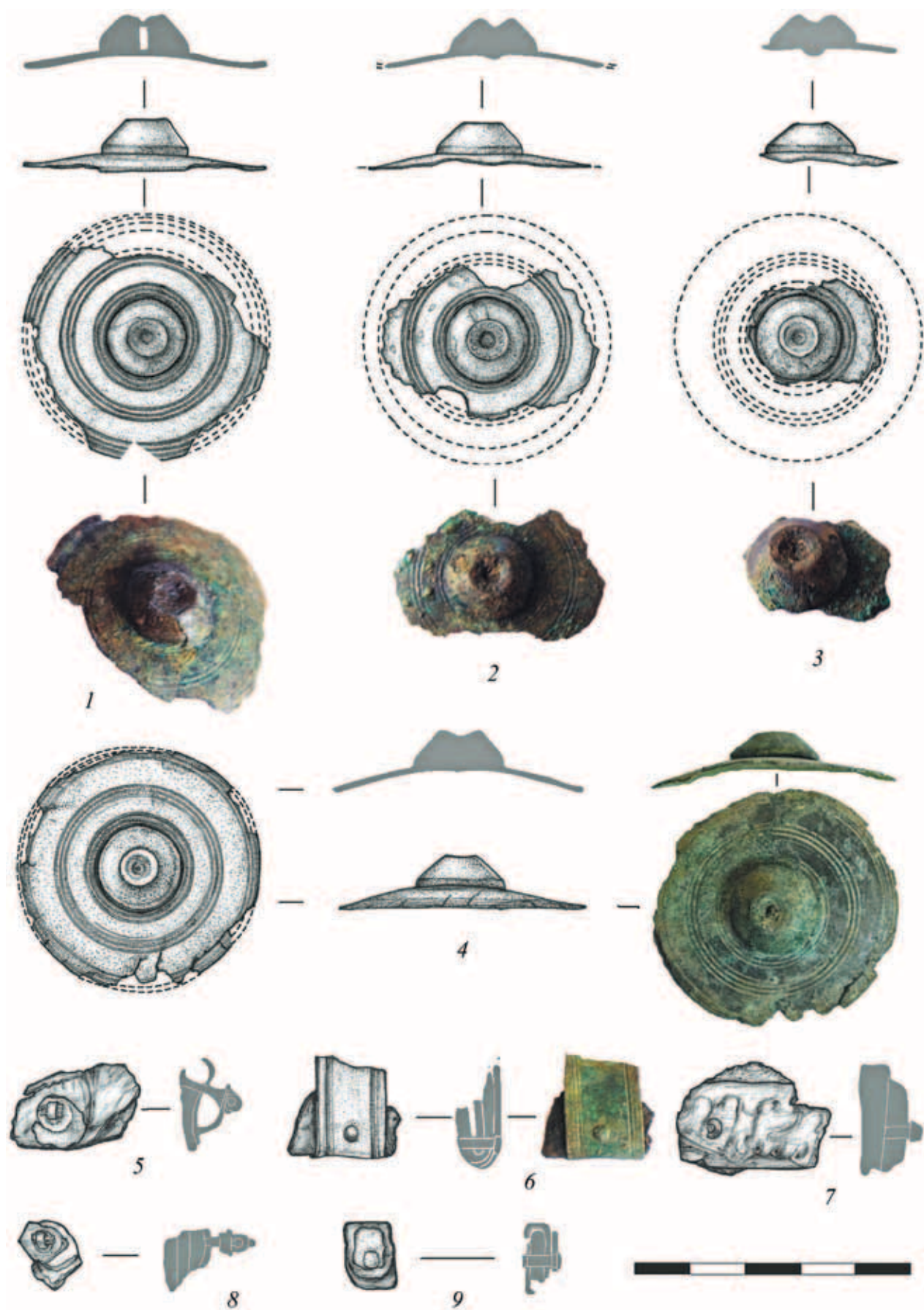

Табл. 52. Объект 46, участок 2

1–4 – бронзовые элементы узды; 5–9 – бронзовые обоймицы и заклепки

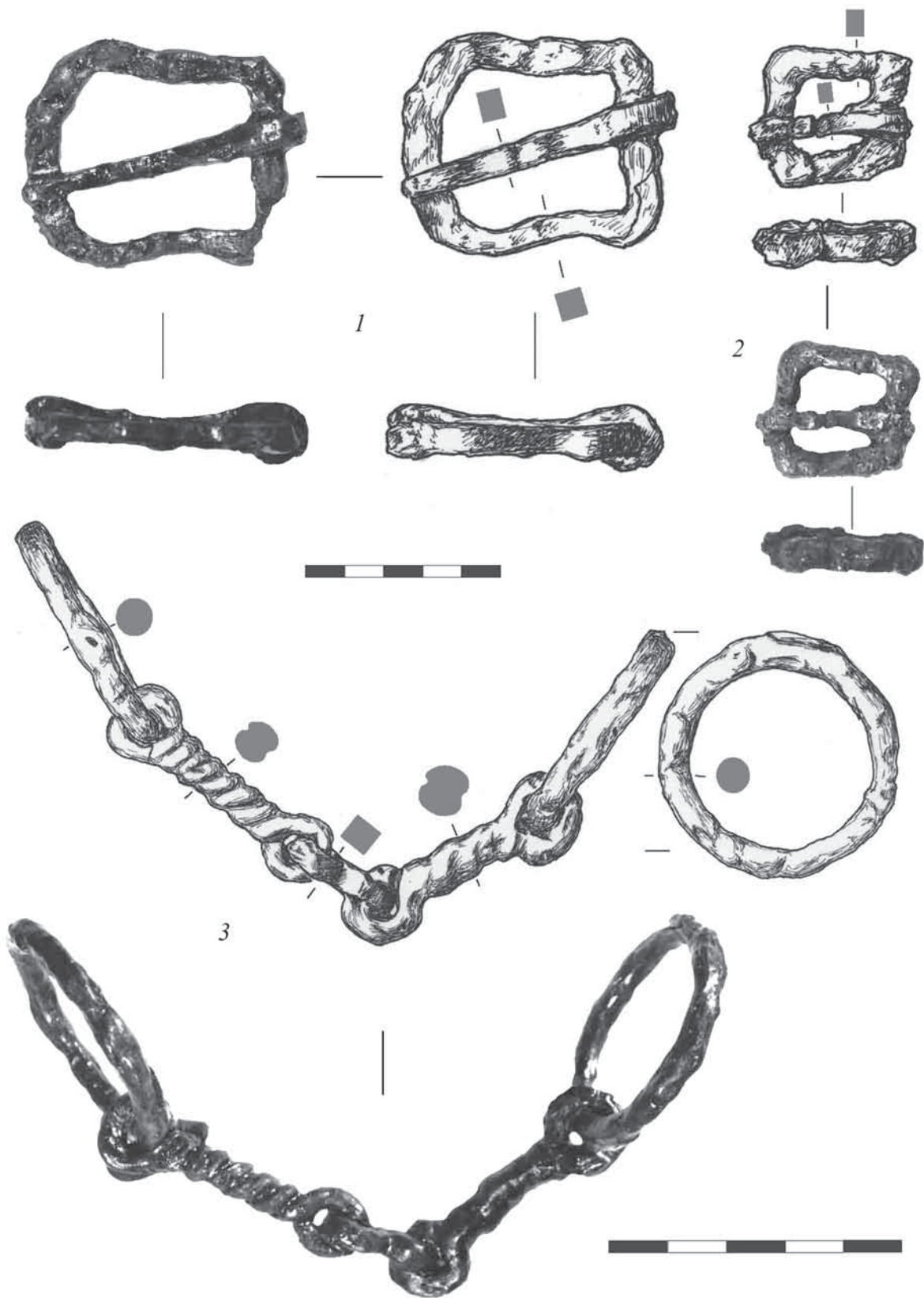

Табл. 53. Объект 46, участок 2

1, 2 – железные пряжки; 3 – железные удила

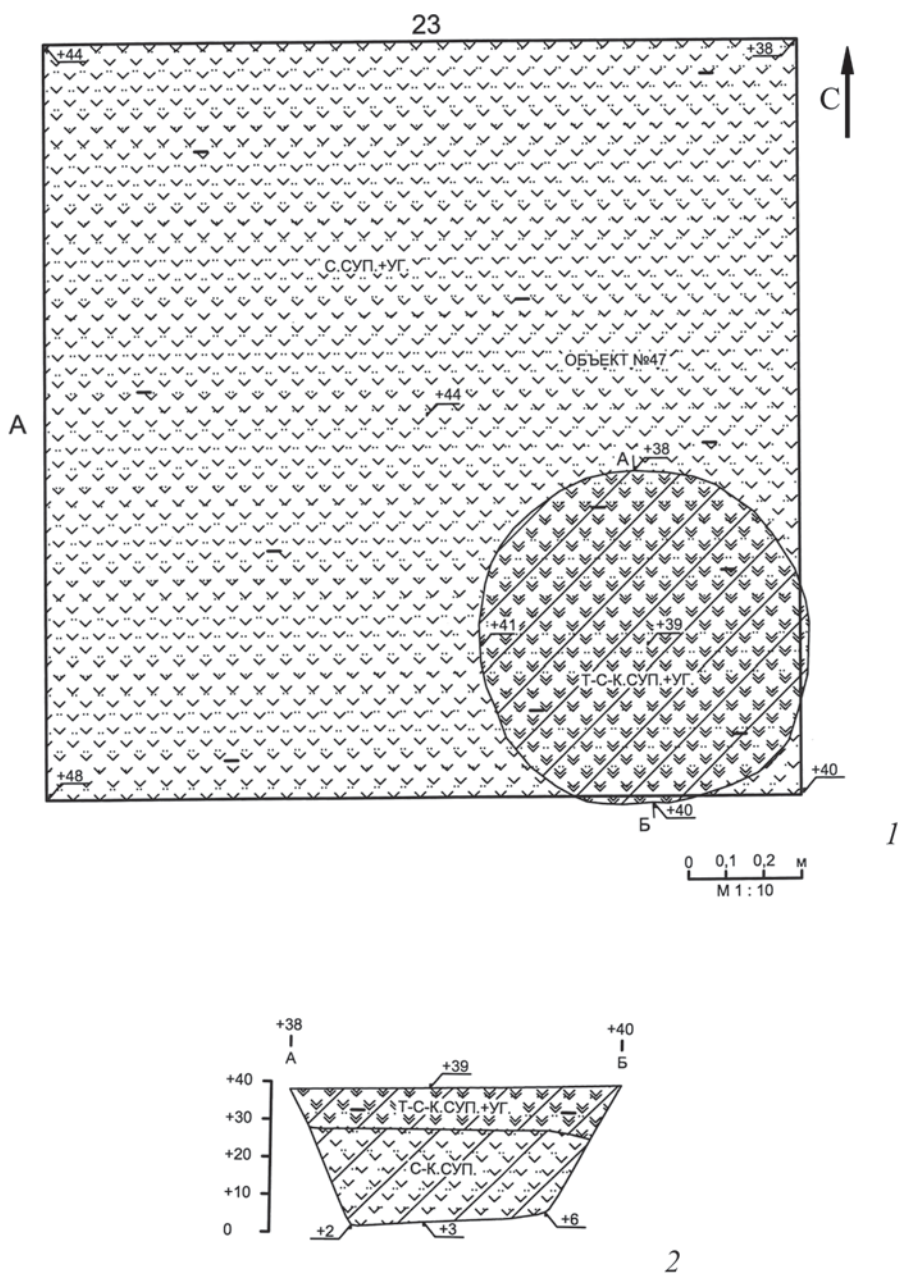

Табл. 54. Объект 47, участок 2

1 – план; 2 – разрез

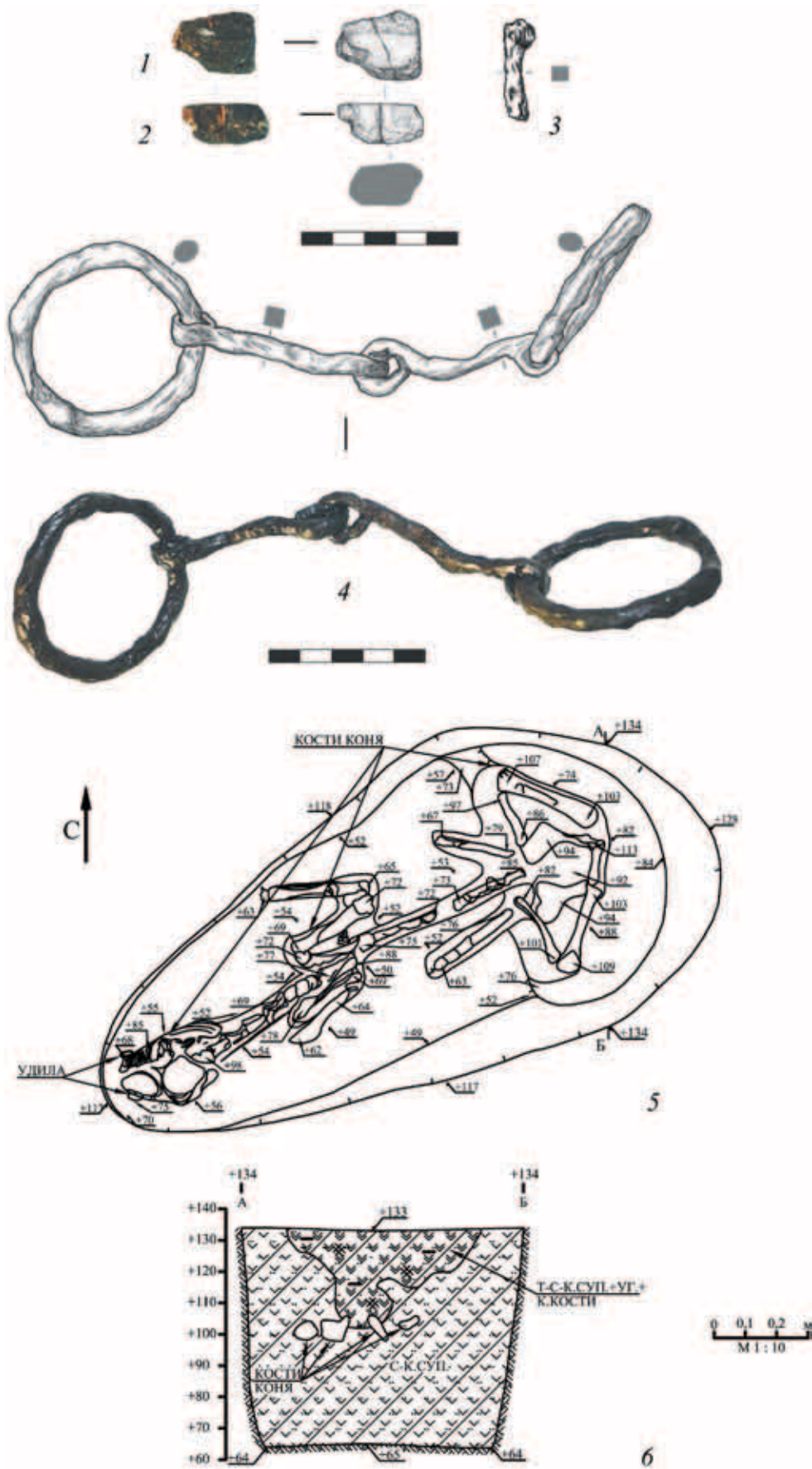

Табл. 55. Объект 1, участок 3

1, 2 – куски янтаря; 3 – железный предмет; 4 – железные удила; 5 – план после выборки объекта; 6 – разрез

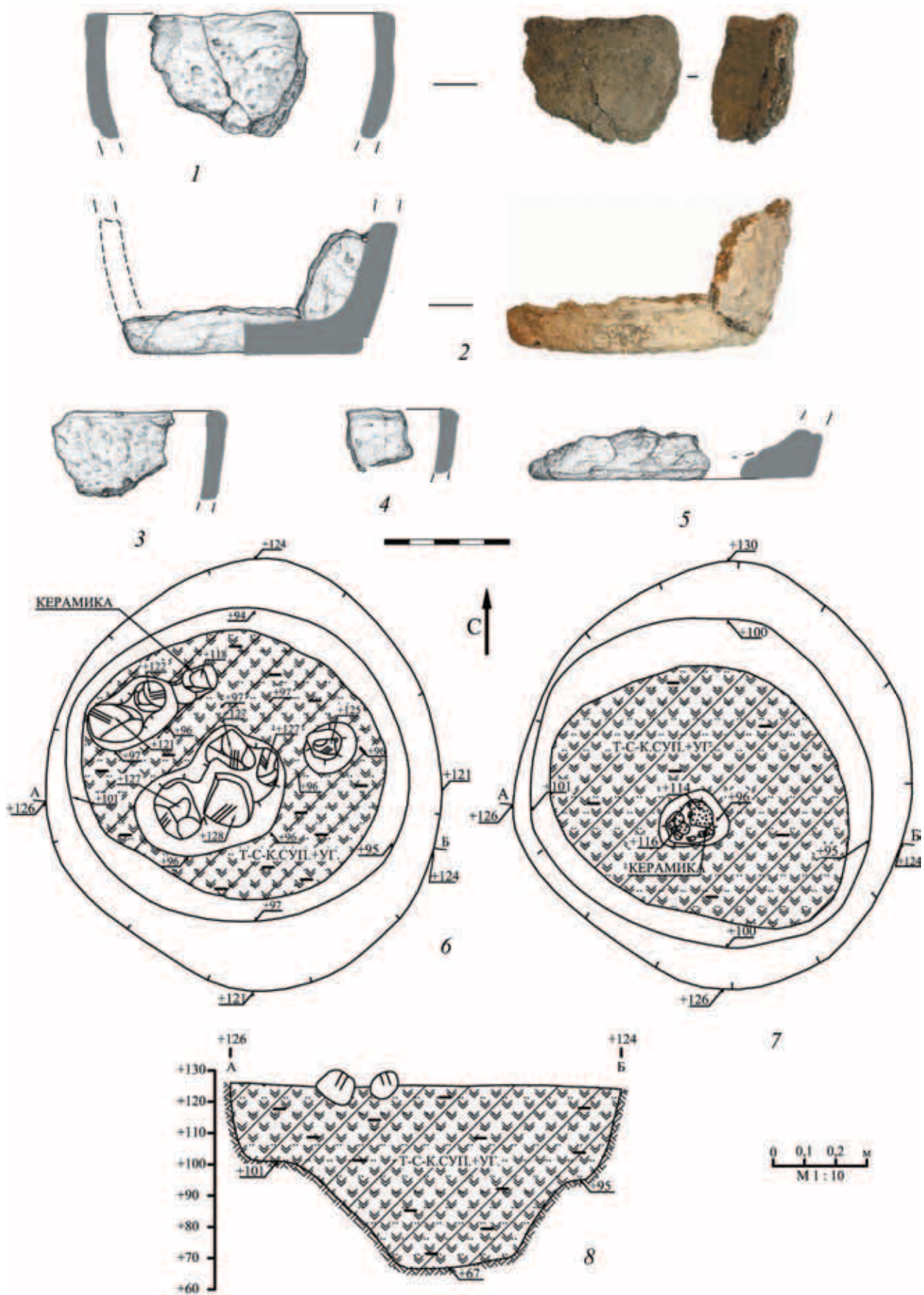

Табл. 56. Объект 2, участок 3

1-5 – фрагменты керамических сосудов; 6, 7 – планы на разных уровнях разборки объекта; 8 – разрез

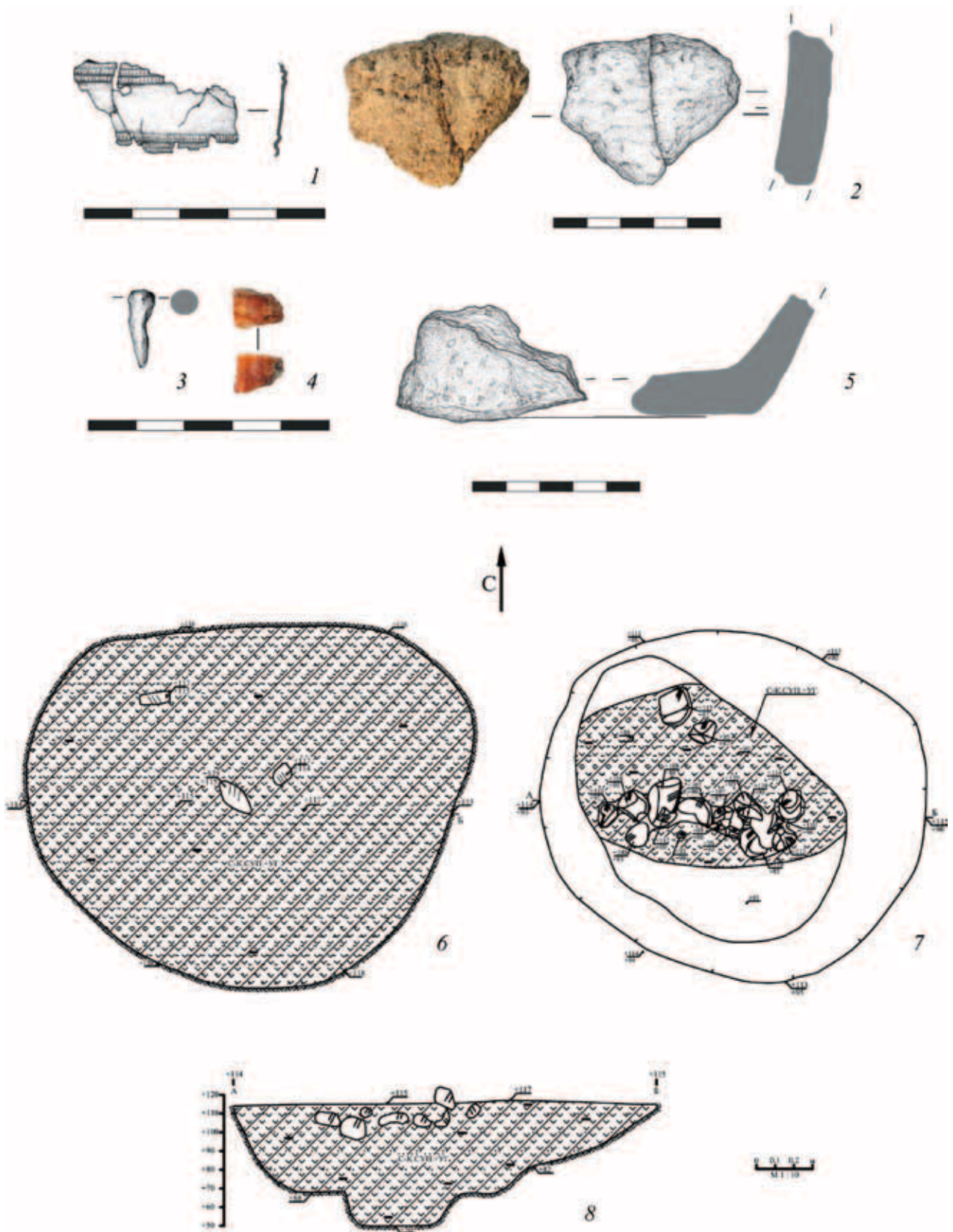
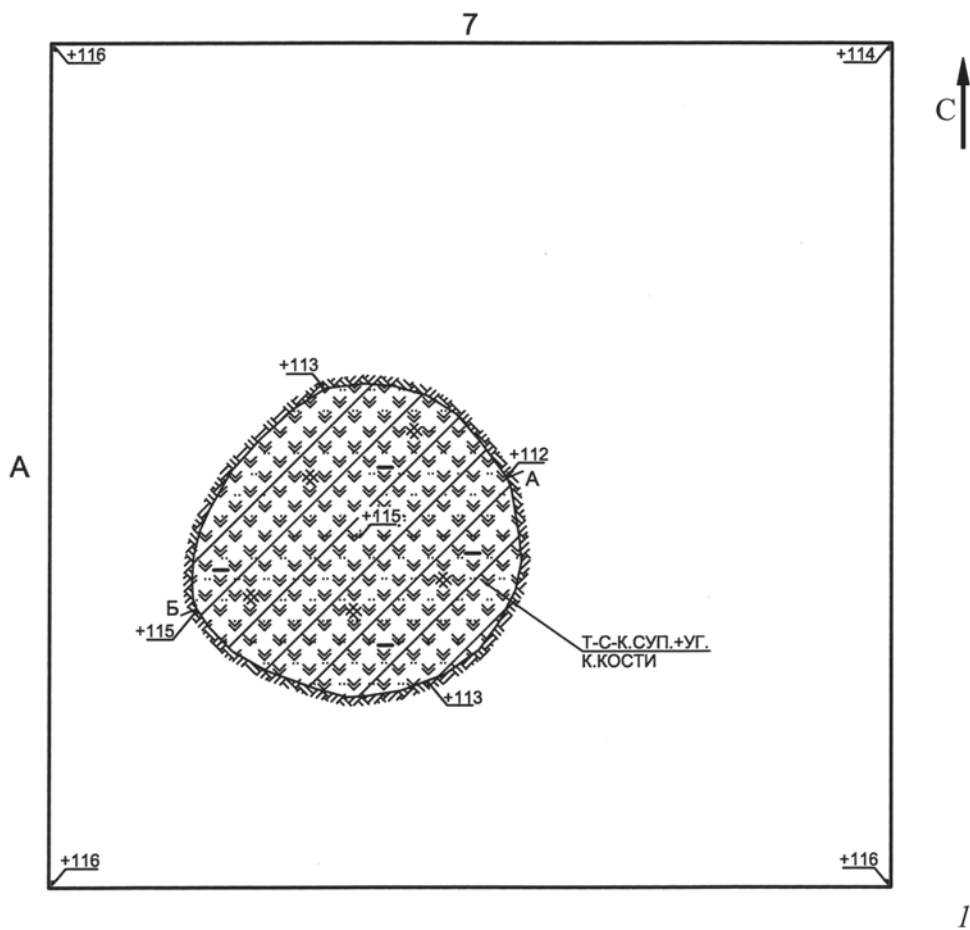

Табл. 57. Объект 3 участок 3

1 – бронзовая пластина; 2, 5 – фрагменты керамических сосудов; 3 – железный гвоздь; 4 – кусок янтаря; 6 – план; 7 – план после выборки объекта; 8 – разрез

0 0,1 0,2 м
М 1 : 10

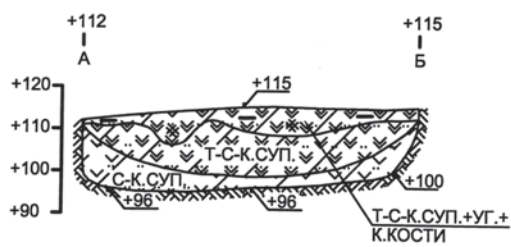

Табл. 58. Объект 4, участок 3

1 – план; 2 – разрез

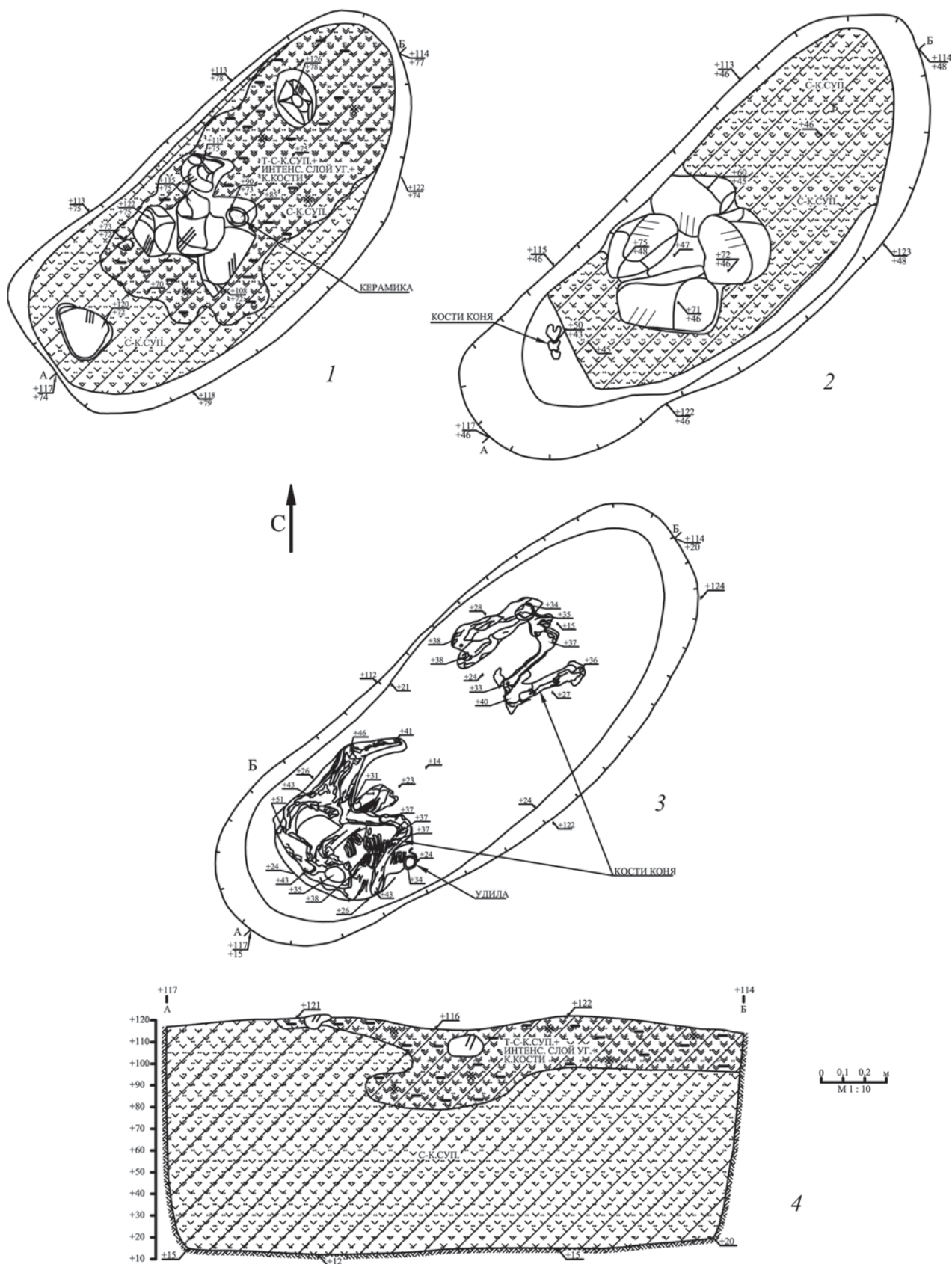

Табл. 59. Объект 5, участок 3

1, 2 – планы на разных уровнях разборки объекта; 3 – план после выборки объекта; 4 – разрез

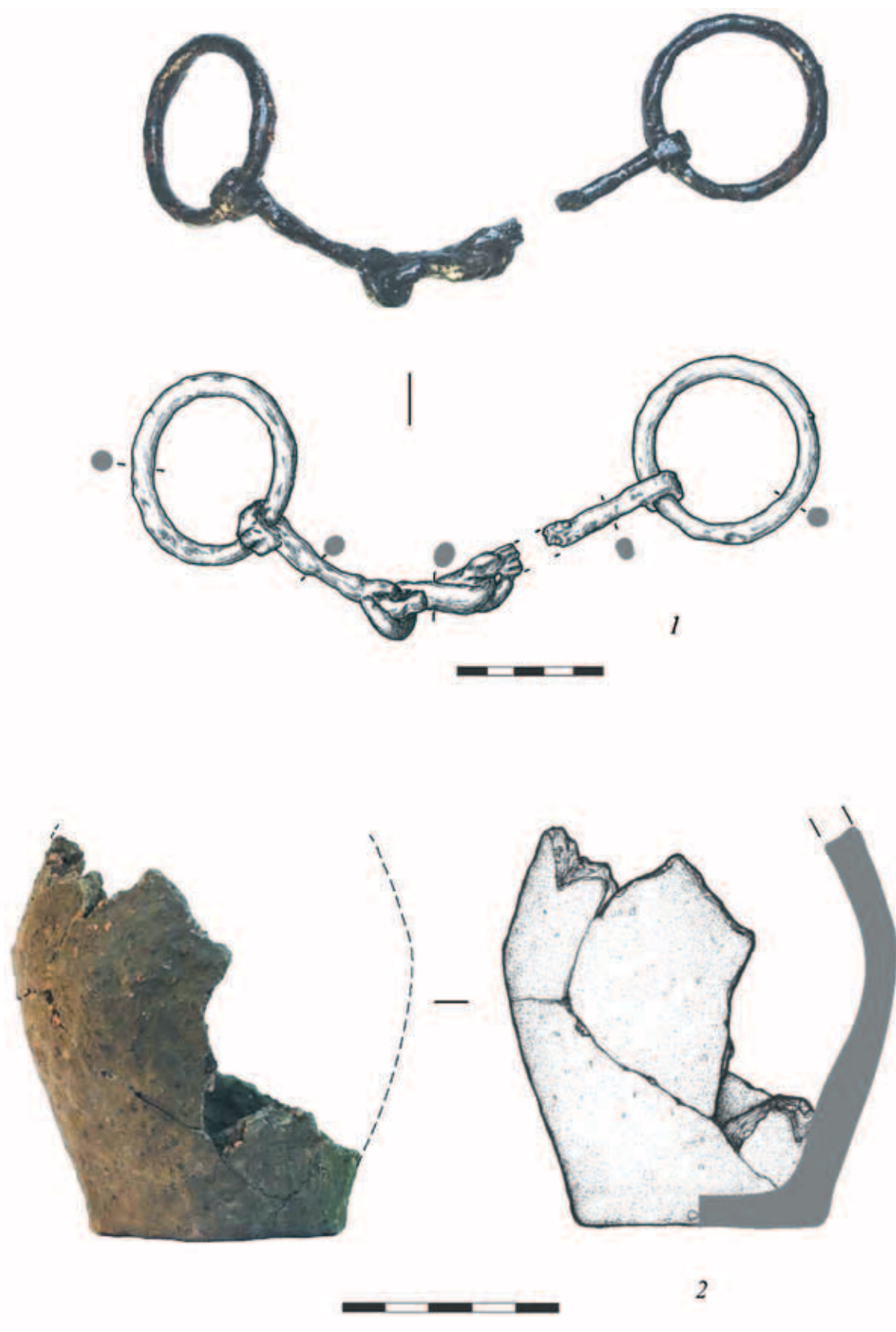

Табл. 60. Объект 5, участок 3

1 – железные удила; 2 – керамический сосуд

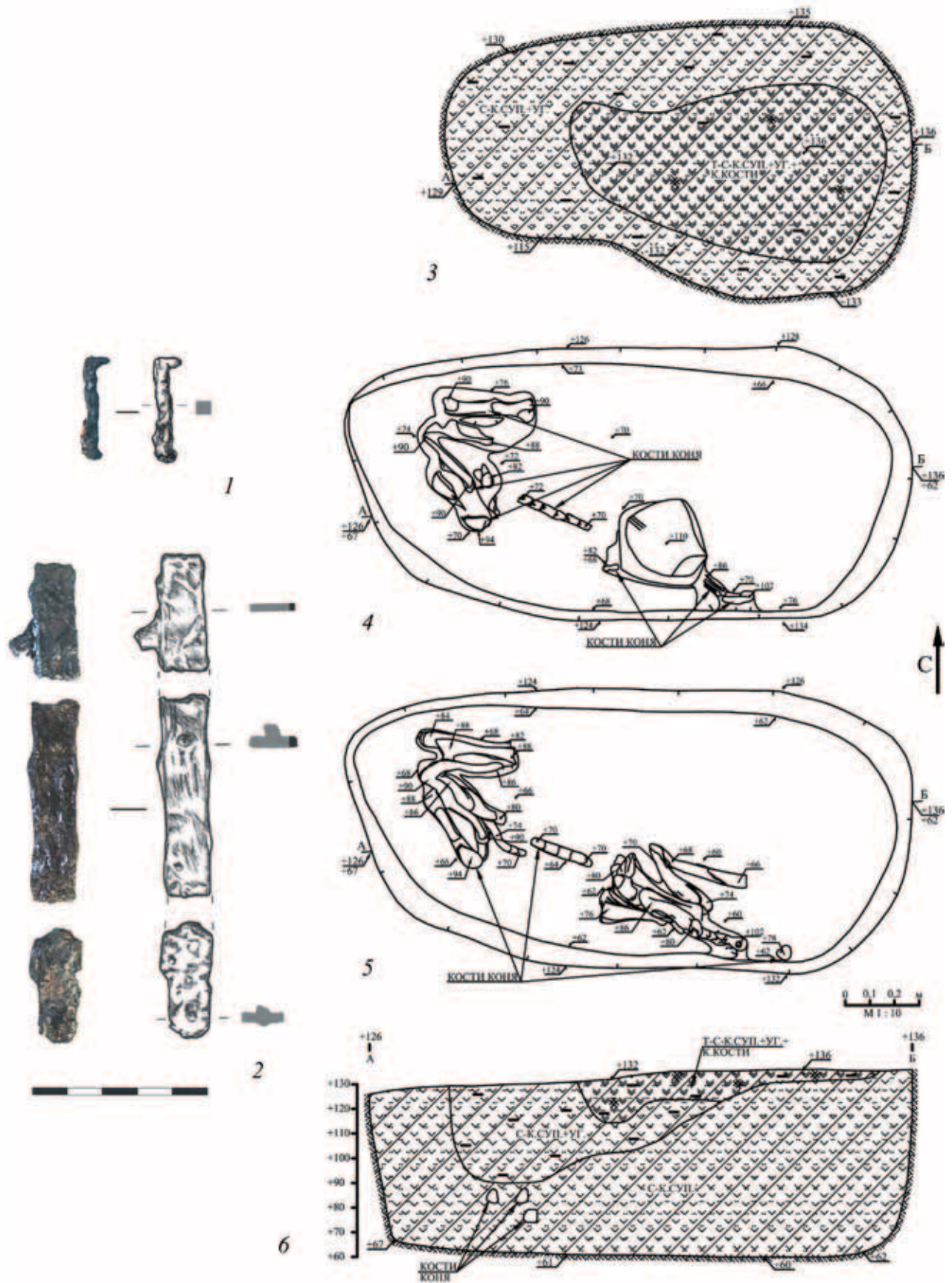

Табл. 61. Объект 6, участок 3

1, 2 – железные предметы; 3, 4 – планы на разных уровнях разборки объекта; 5 – план после выборки объекта; 6 – разрез

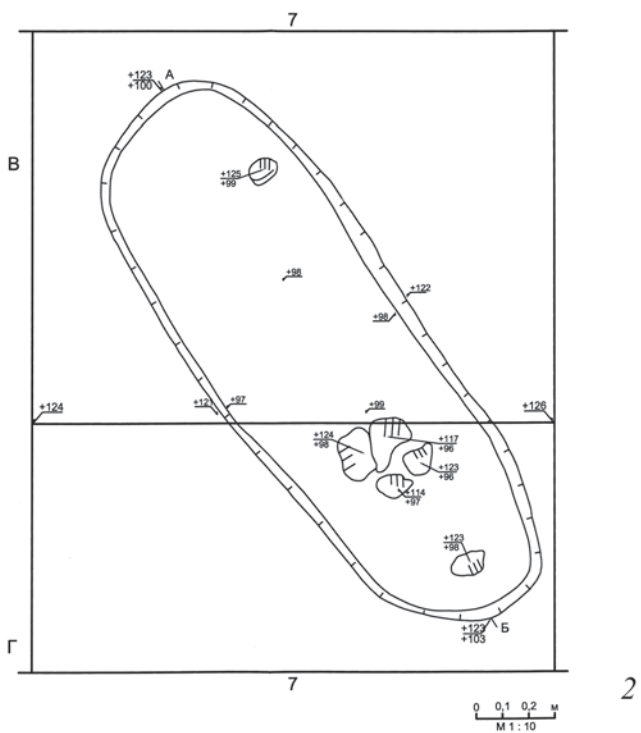
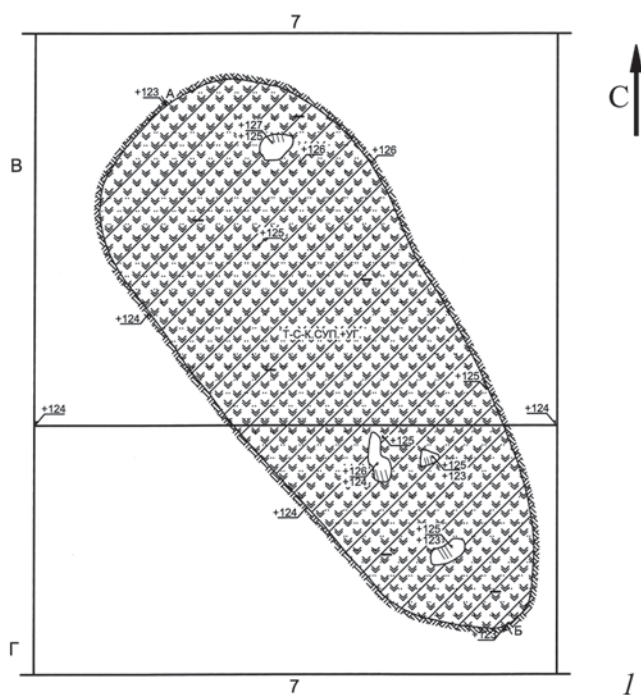

Табл. 62. Объект 8, участок 3

1 – план; 2 – план после выборки объекта; 3 – разрез

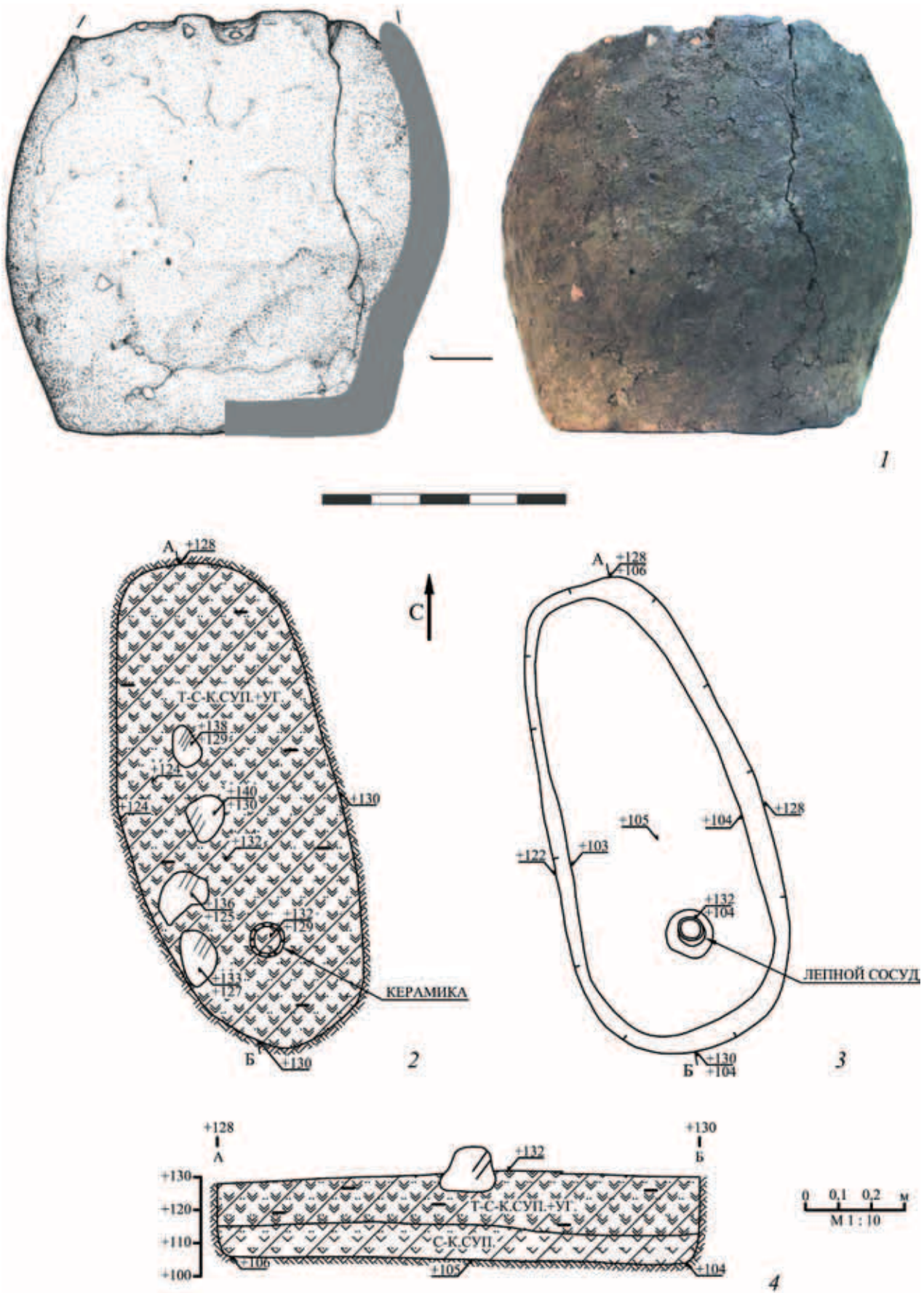

Табл. 63. Объект 9, участок 3

1 – керамический сосуд; 2 – план; 3 – план после выборки объекта; 4 – разрез

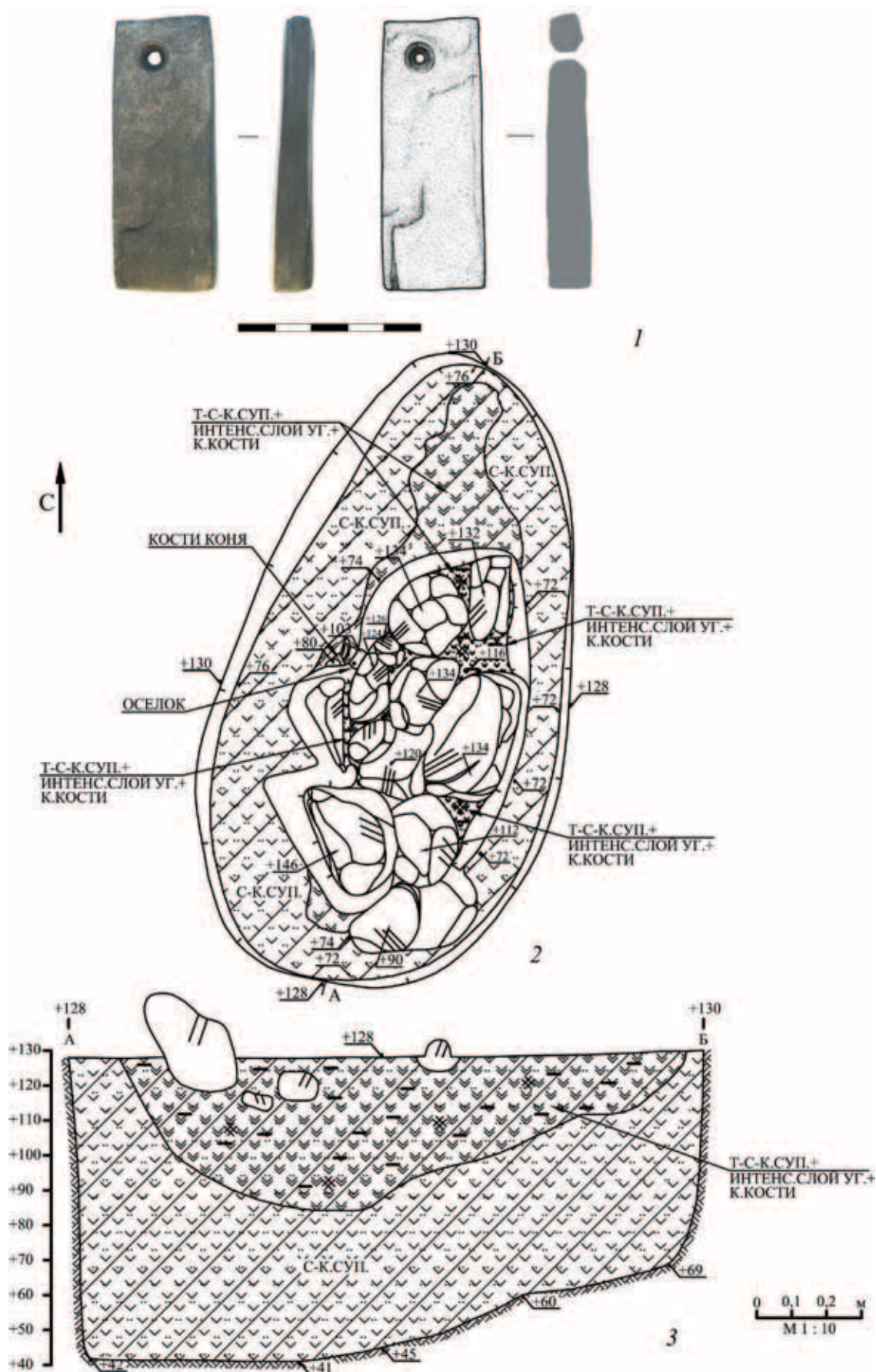

Табл. 64. Объект 11, участок 3

1 – каменный оселок; 2 – план; 3 – разрез

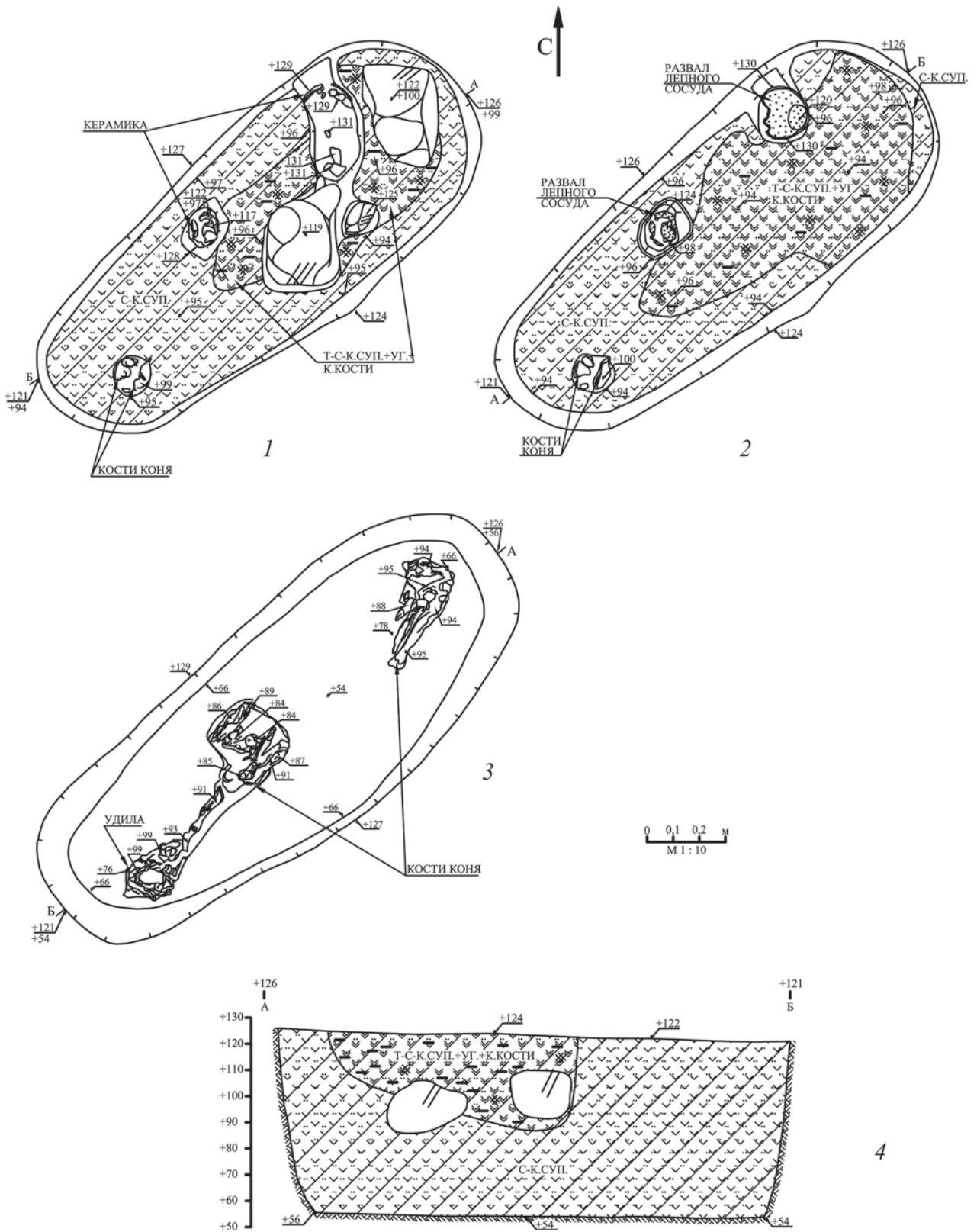

Табл. 65. Объект 13, участок 3

1, 2 – планы на разных уровнях разборки объекта; 3 – план после выборки объекта; 4 – разрез

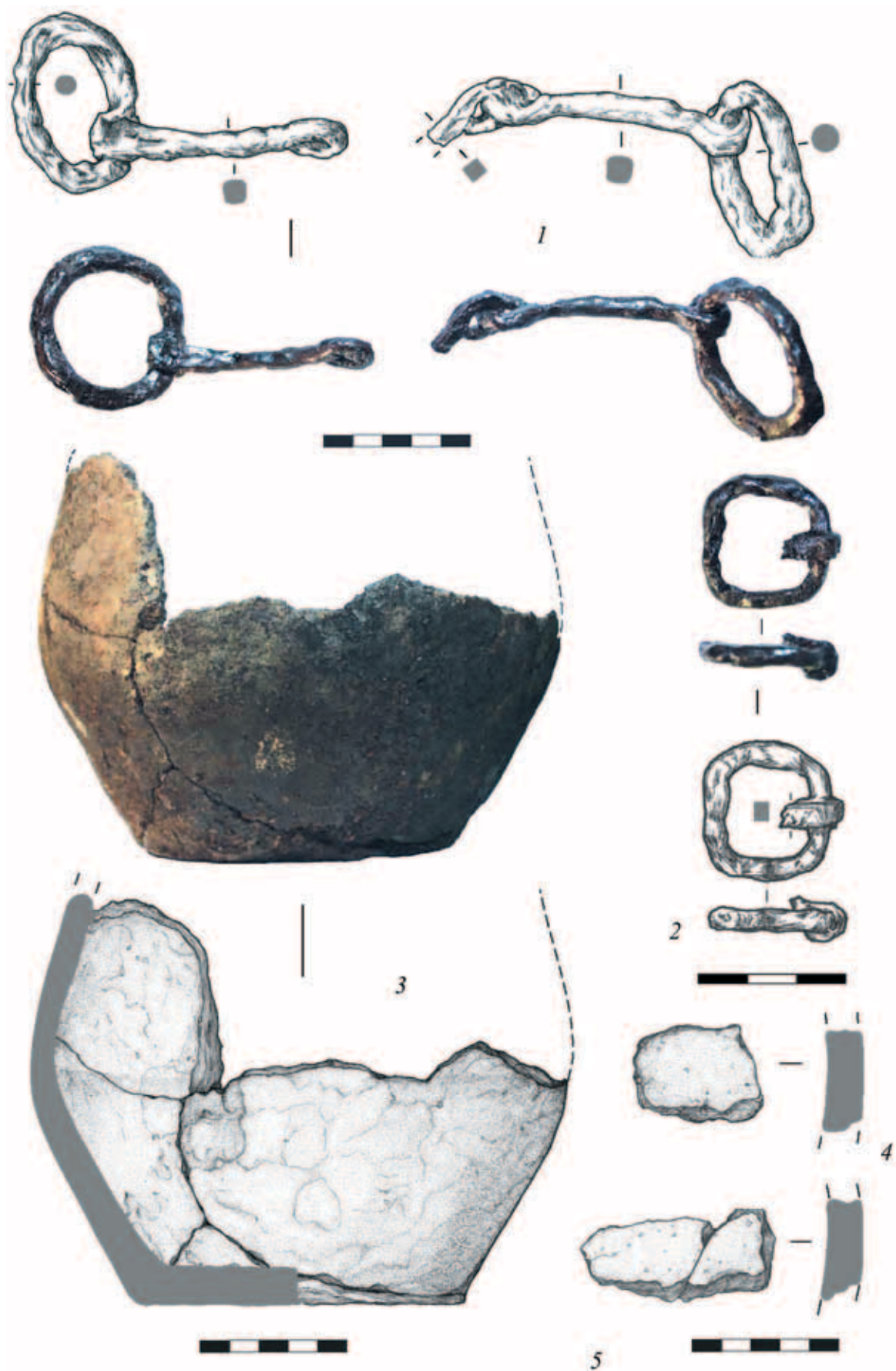
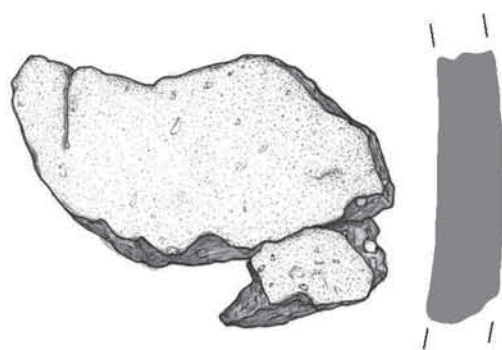
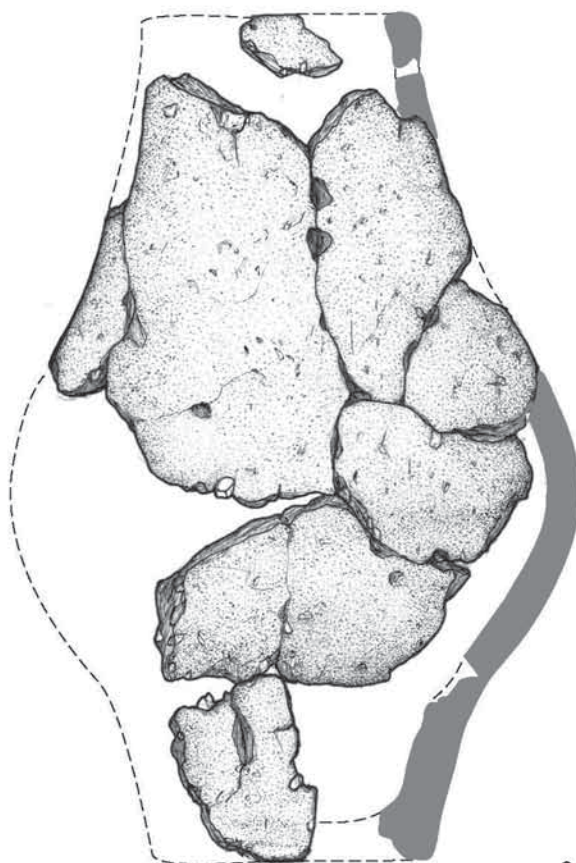

Табл. 66. Объект 13, участок 3

1 – железные удила; 2 – железная пряжка; 3 – керамический сосуд; 4, 5 – фрагменты керамических сосудов

1

2

Табл. 67. Объект 13, участок 3

1 – фрагмент керамического сосуда; 2 – керамический сосуд

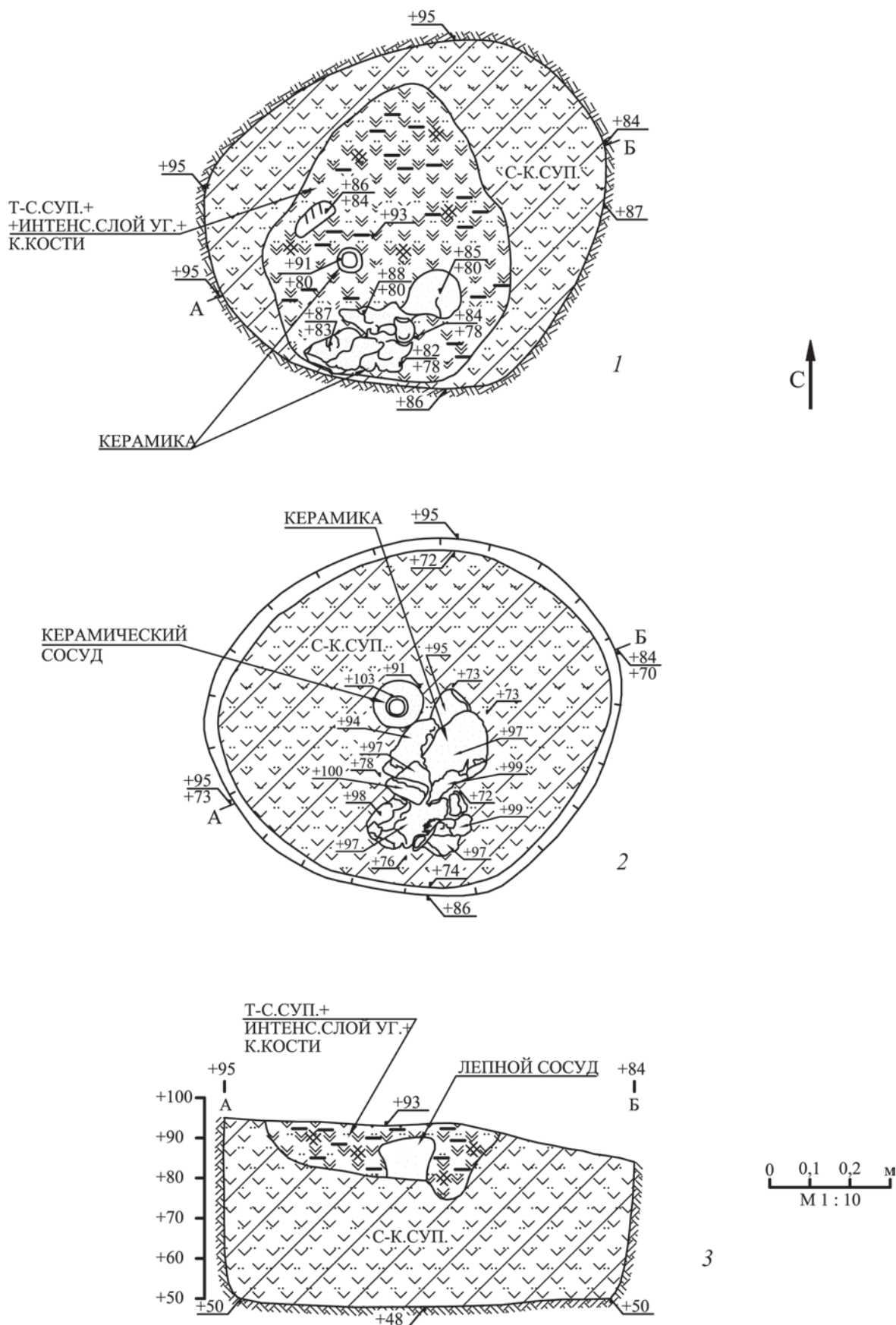

Табл. 68. Объект 14, участок 3

1, 2 – планы на разных уровнях разборки объекта; 3 – разрез

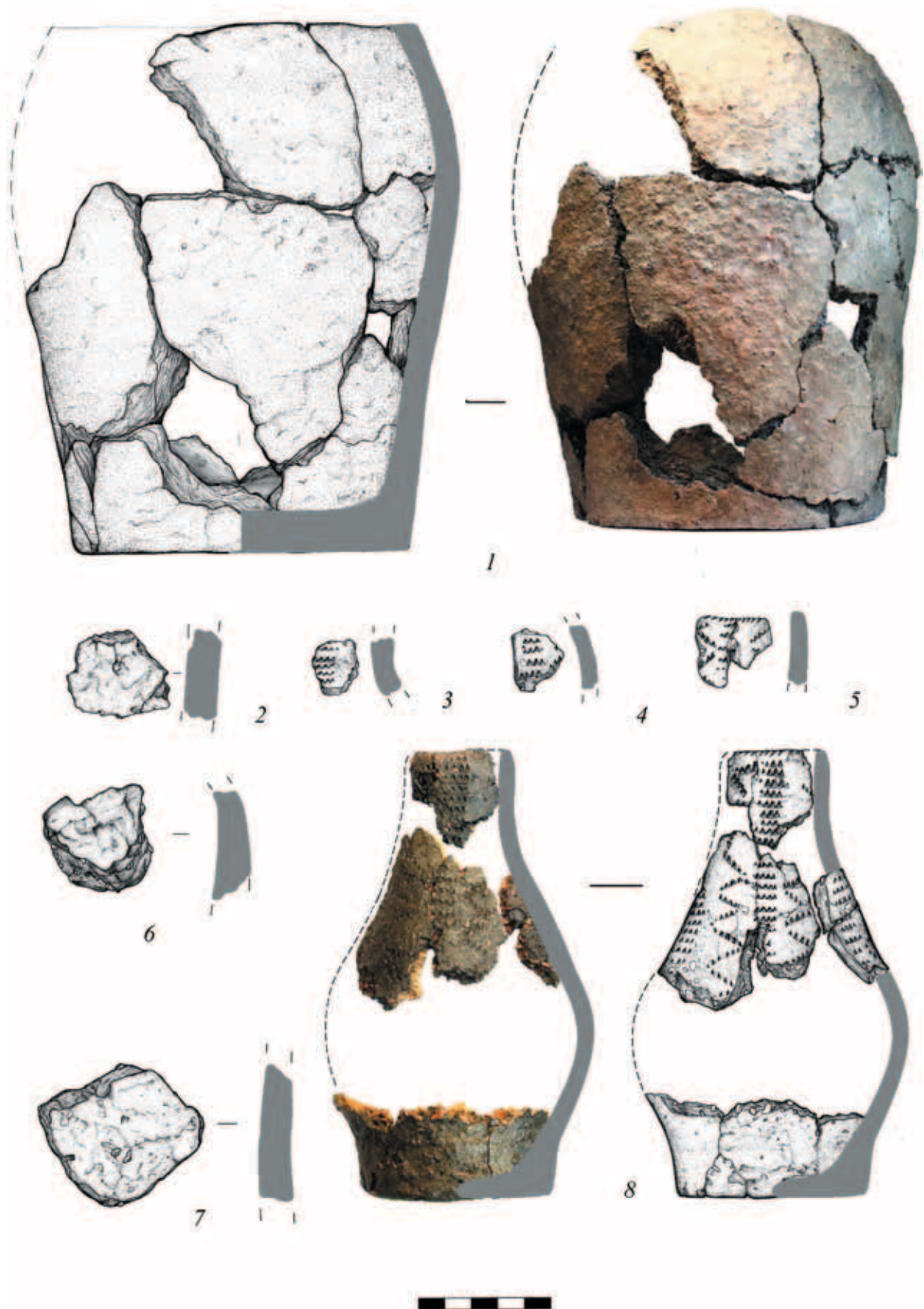

Табл. 69. Объект 14, участок 3
Керамические сосуды и их фрагменты

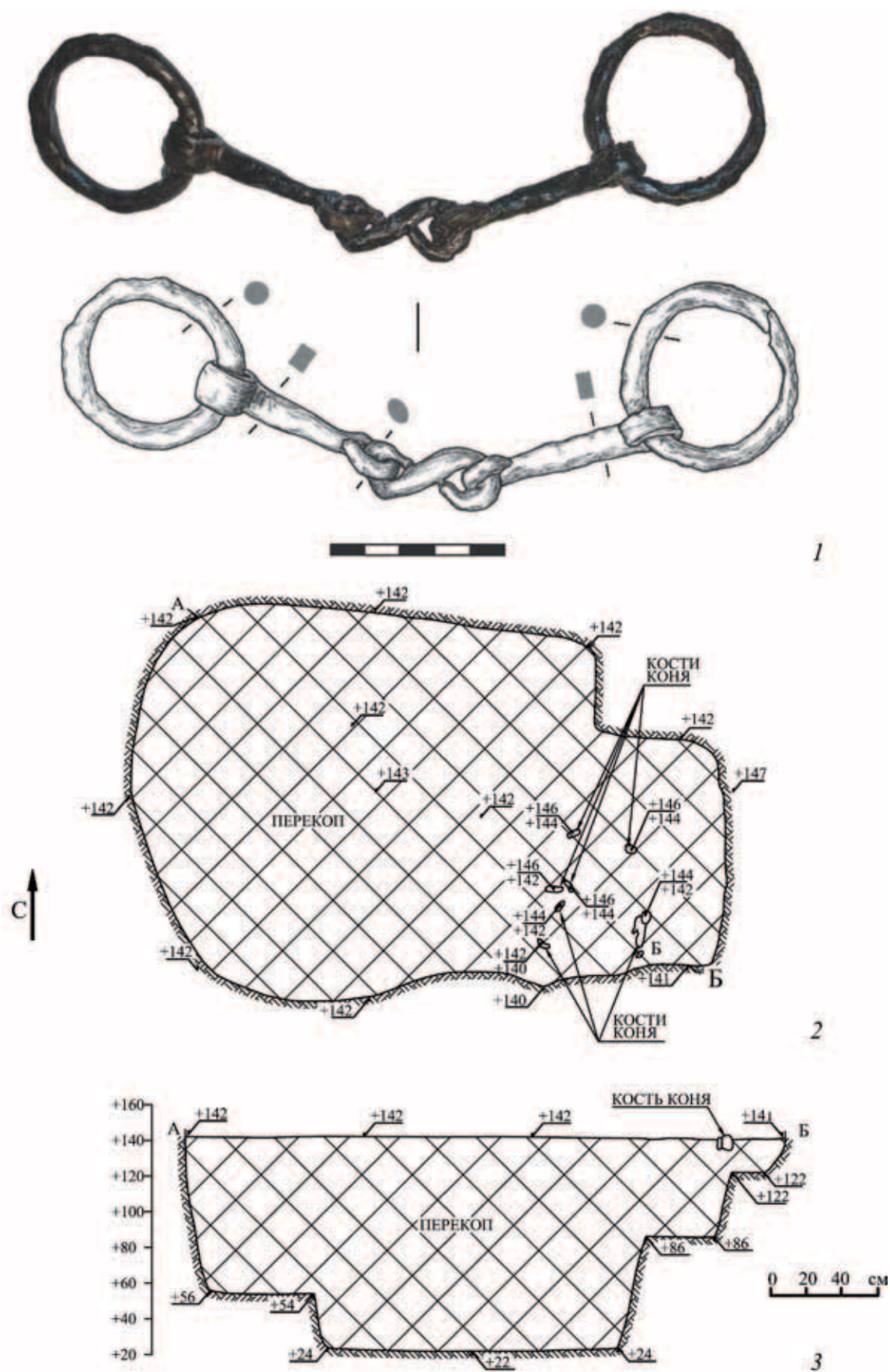

Табл. 70. Объект 15, участок 3

1 – железные удила; 2 – план; 3 – разрез

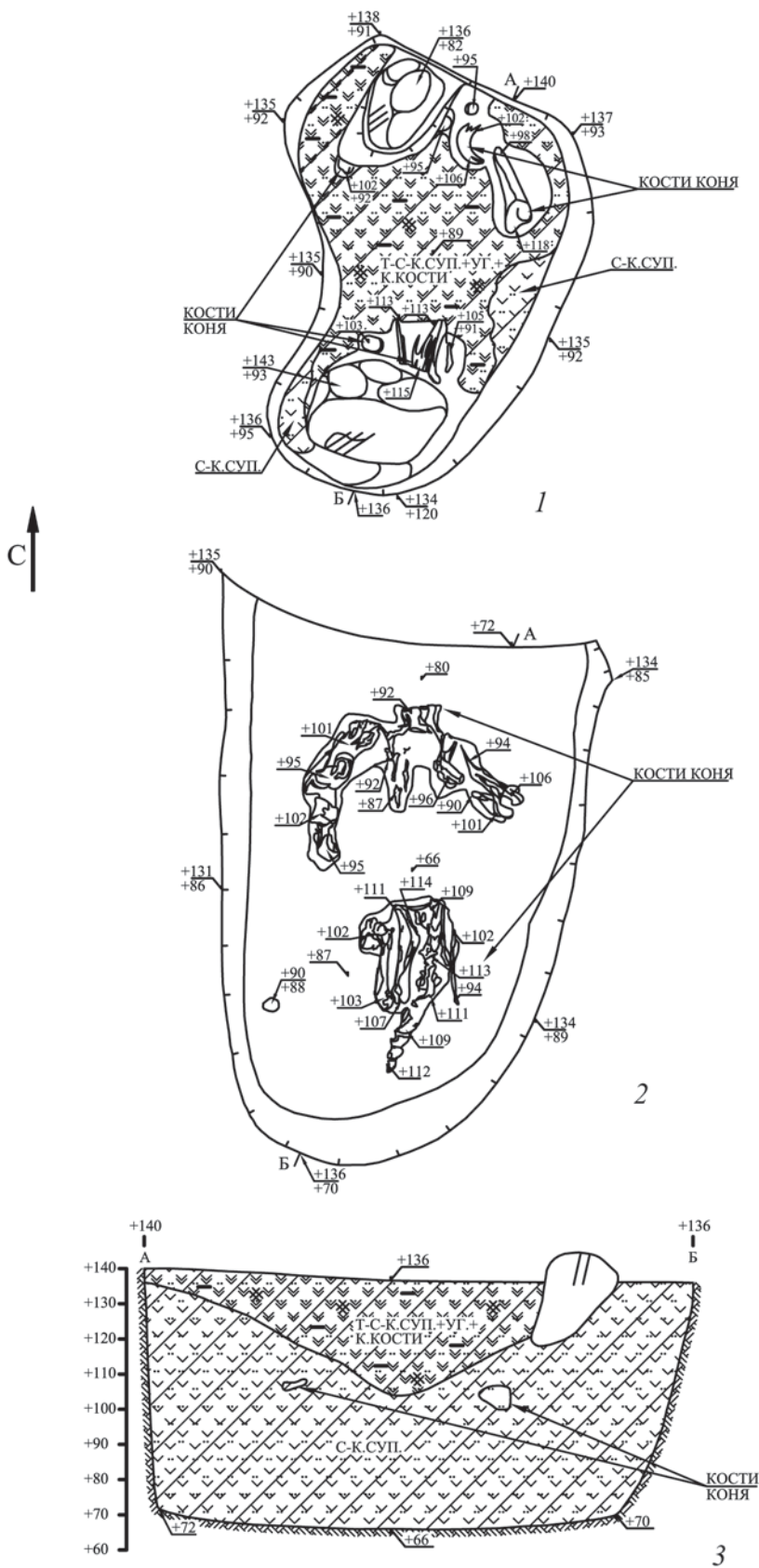

Табл. 71. Объект 17, участок 3

1 – план; 2 – план после выборки объекта; 3 – разрез

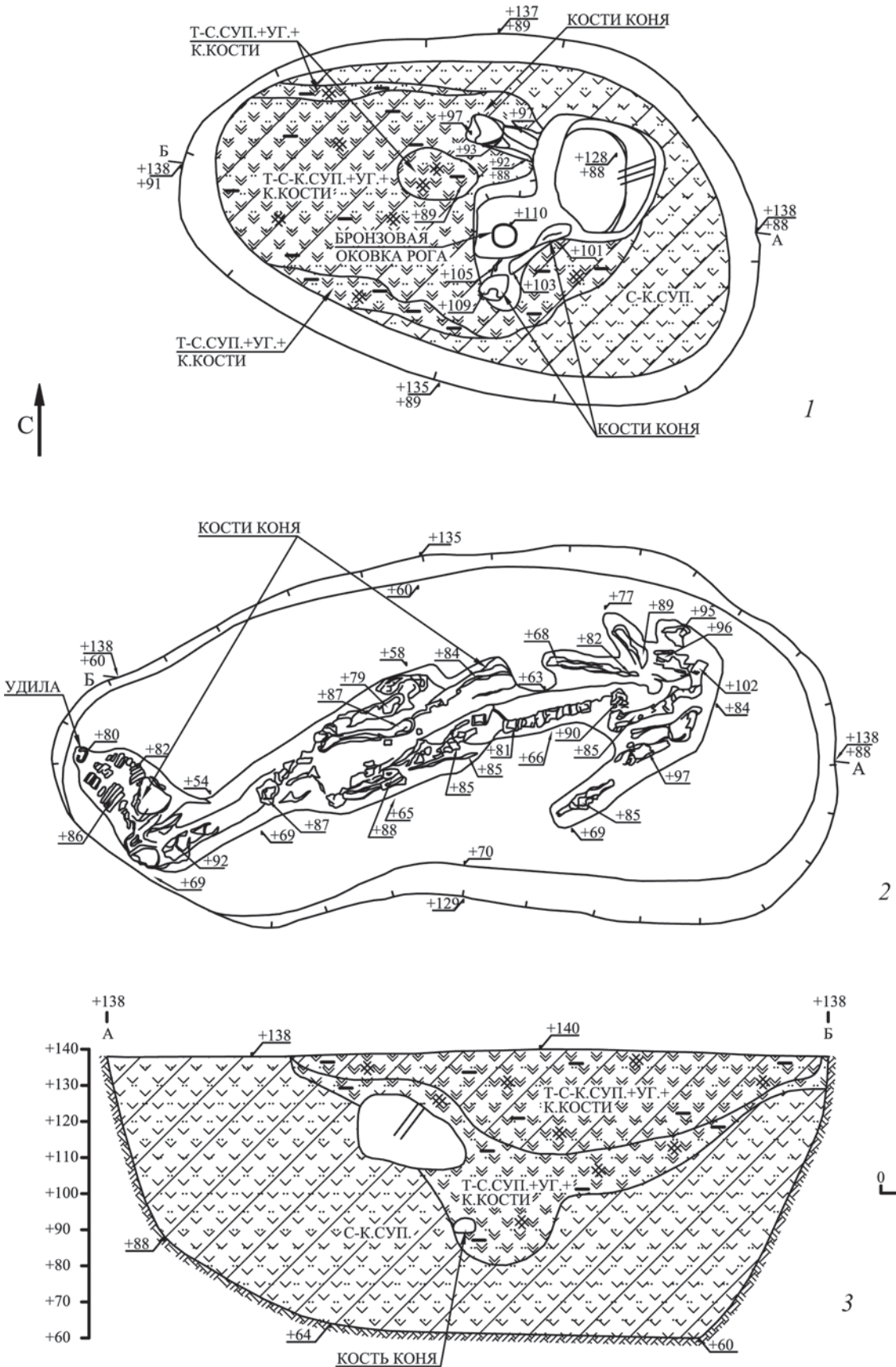

Табл. 72. Объект 18, участок 3

1 – план; 2 – план после выборки объекта; 3 – разрез

Табл. 73. Объект 18, участок 3

1 – бронзовая гарнитура питьевого рога; 2 – бронзовый предмет; 3 – железные удила

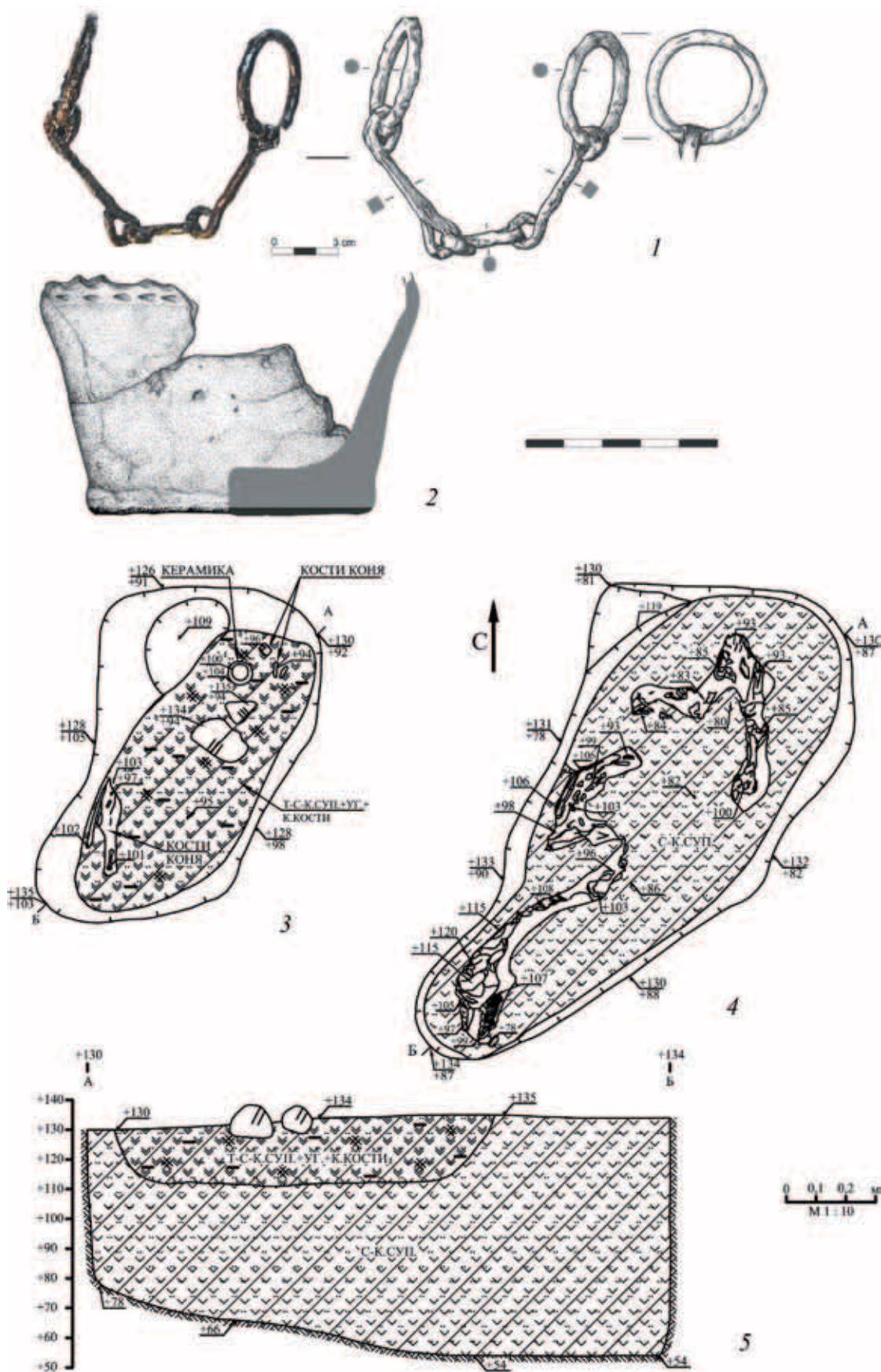

Табл. 74. Объект 19, участок 3

1 – железные удила; 2 – керамический сосуд; 3, 4 – планы на разных уровнях разборки объекта; 5 – разрез

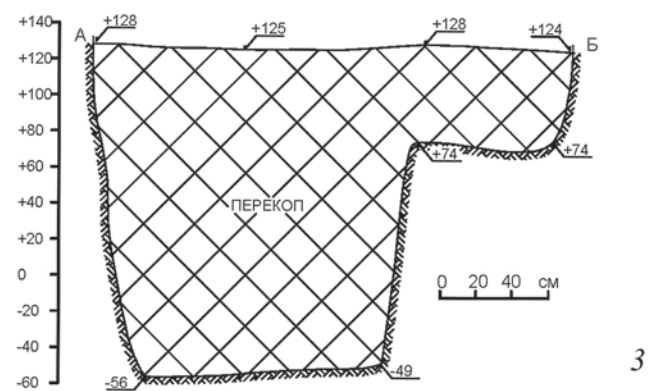
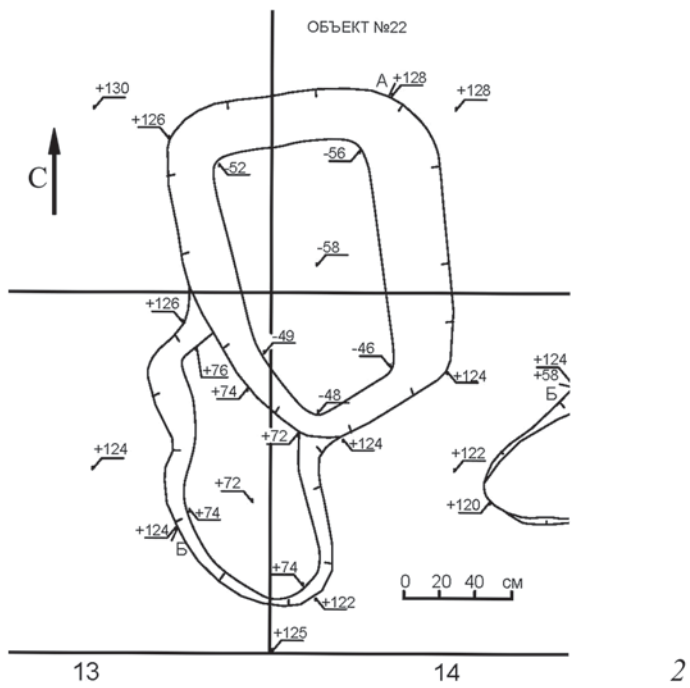
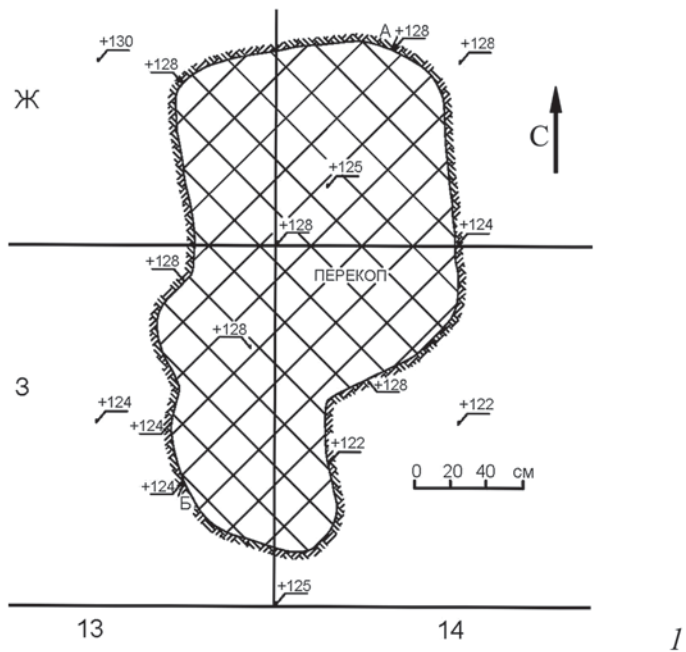

Табл. 75. Объект 22, участок 3

1 – план; 2 – план после выборки объекта; 3 – разрез

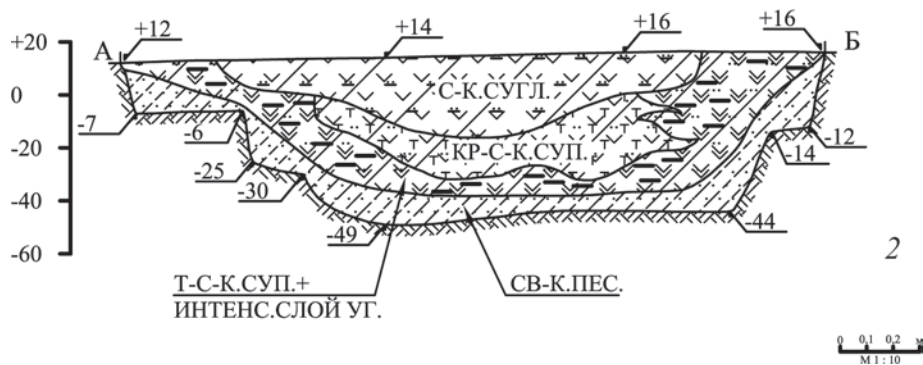
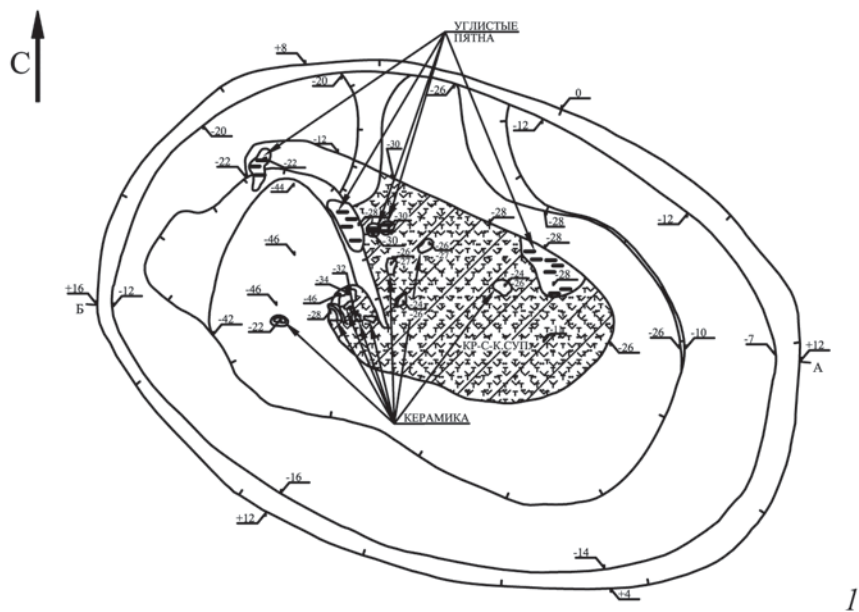

Табл. 76. Объект 23, участок 3

1 – план; 2 – разрез

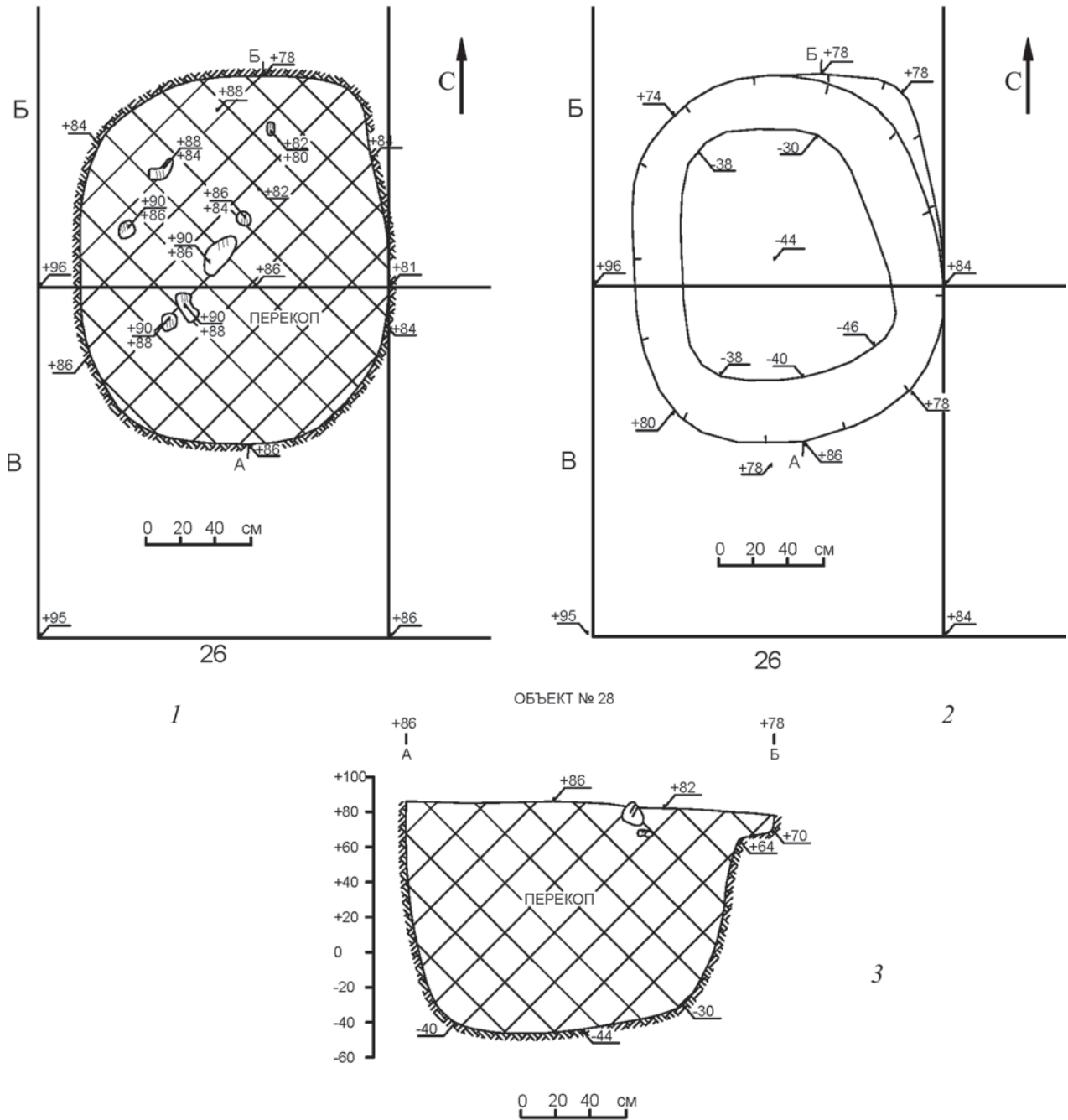

Табл. 77. Объект 28, участок 3

1 – план; 2 – план после выборки объекта; 3 – разрез

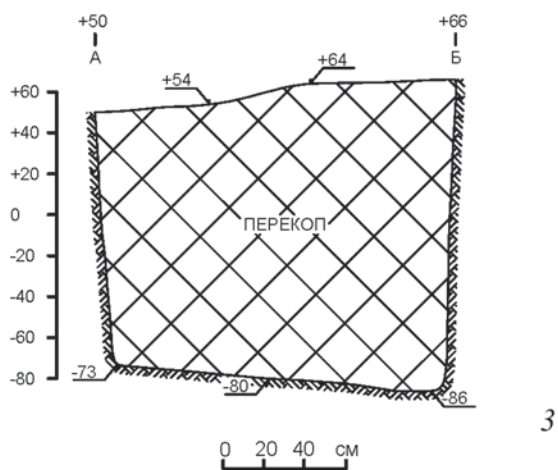
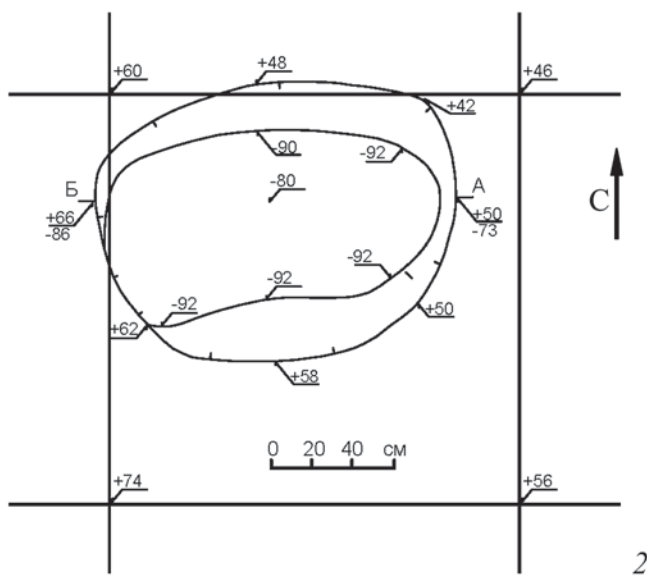
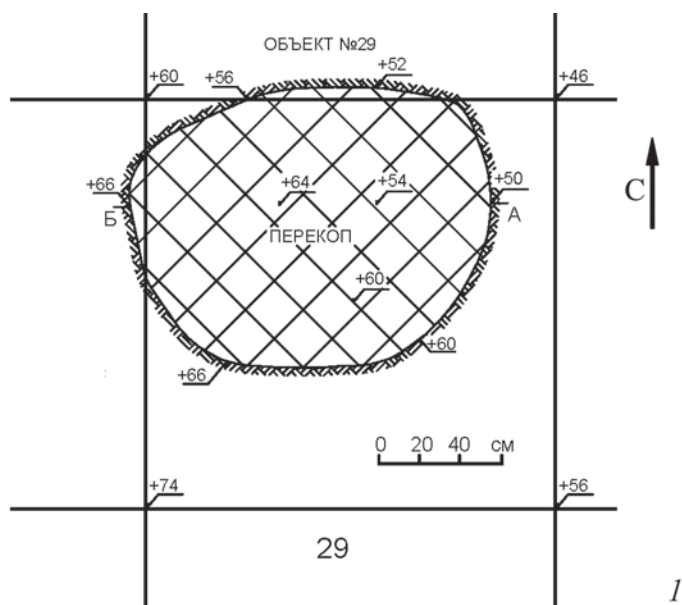

Табл. 78. Объект 29, участок 3

1 – план; 2 – план после выборки объекта; 3 – разрез

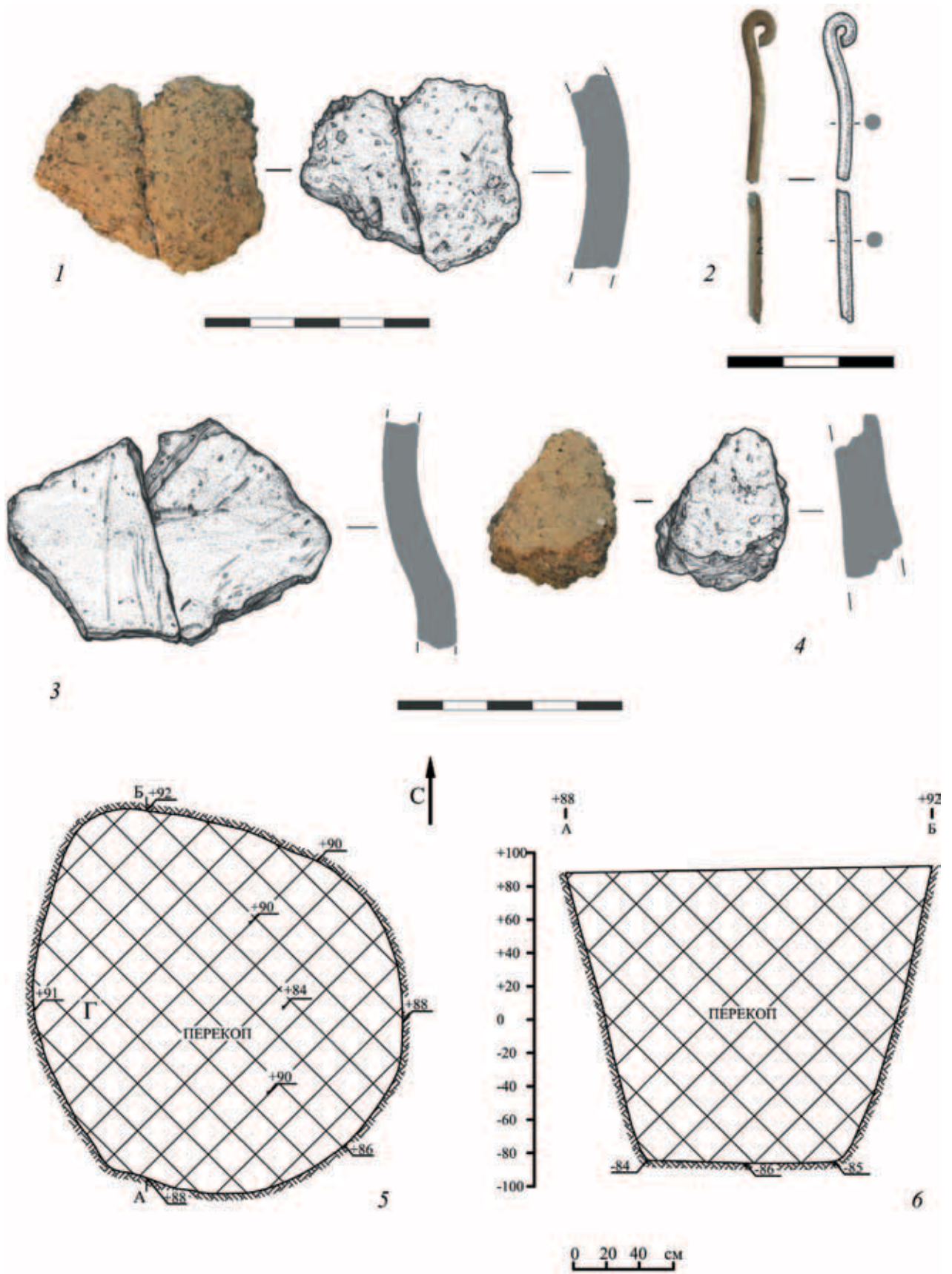

Табл. 79. Объект 31, участок 3

1, 3, 4 – фрагменты керамических сосудов; 2 – бронзовая булавка; 5 – план; 6 – разрез

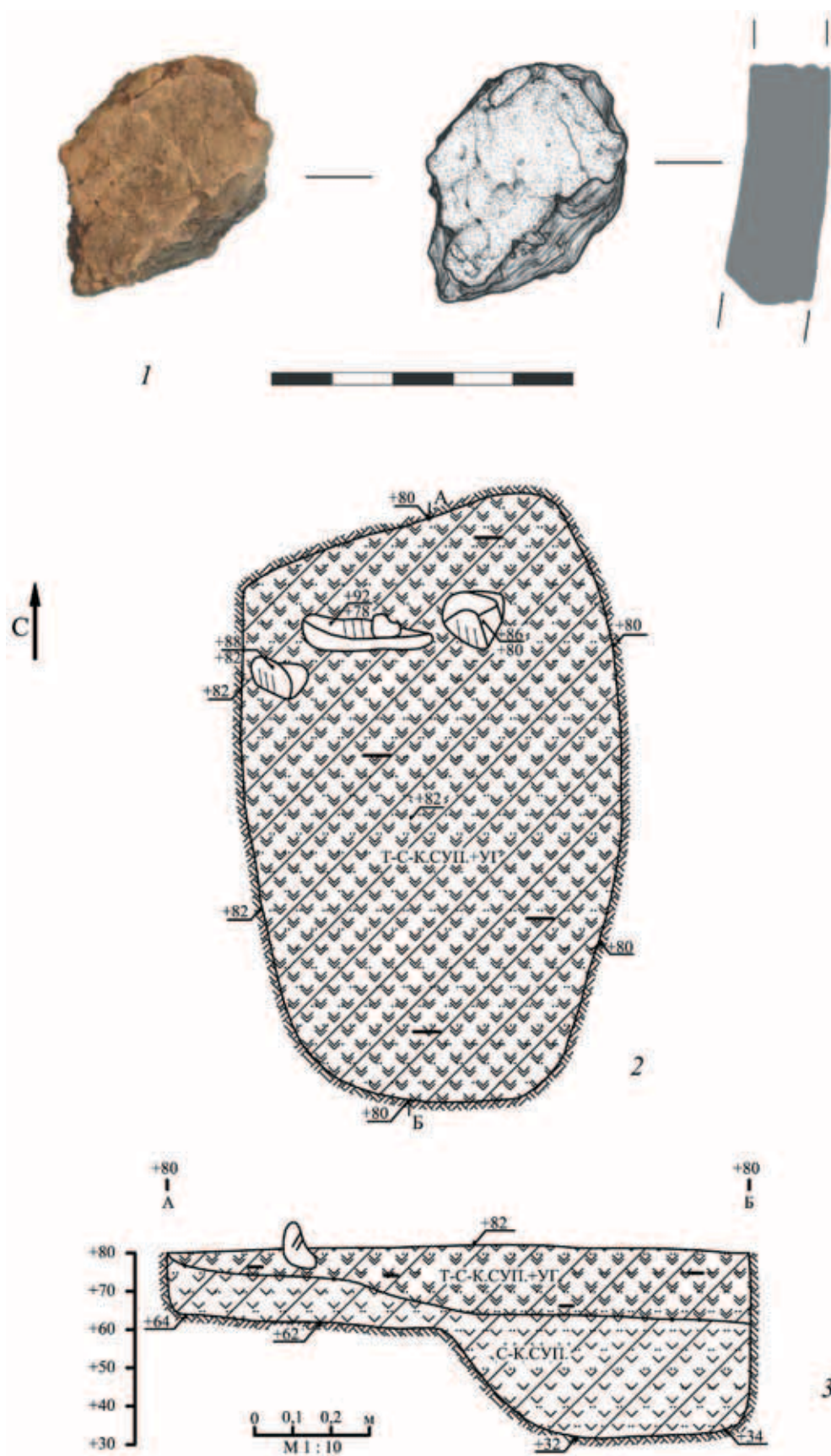

Табл. 80. Объект 32, участок 3

1 – фрагмент керамического сосуда; 2 – план; 3 – разрез

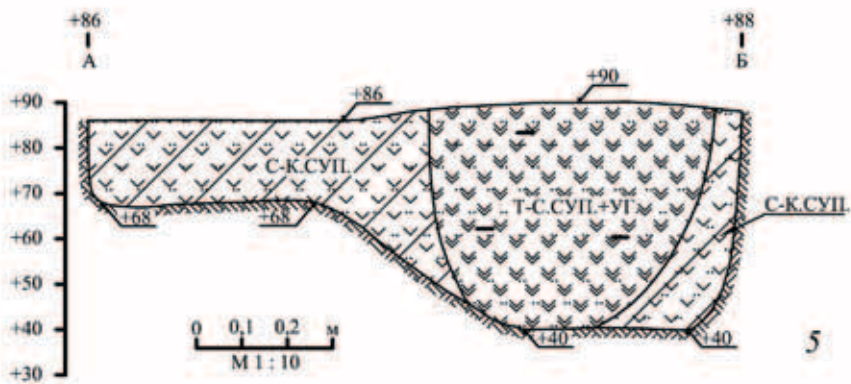
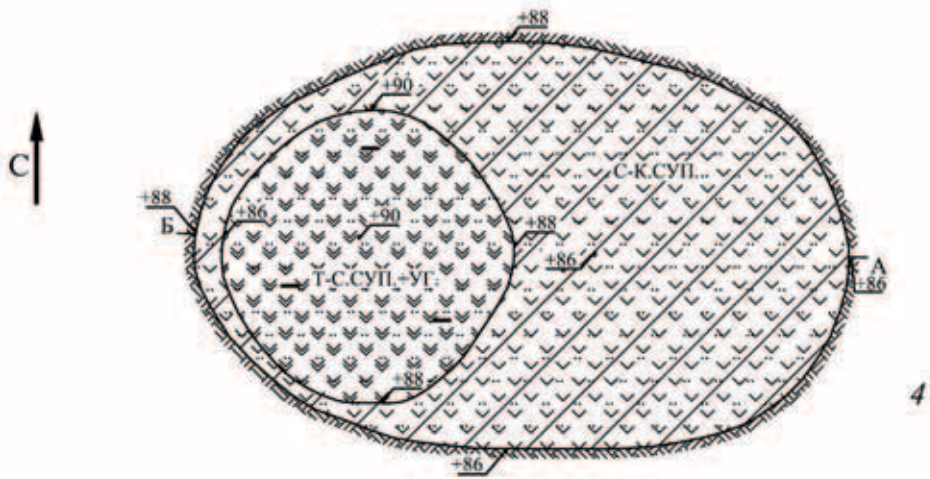

Табл. 81. Объект 35, участок 3

1, 2 – железные предметы; 3 – фрагмент железных удил; 4 – план; 5 – разрез

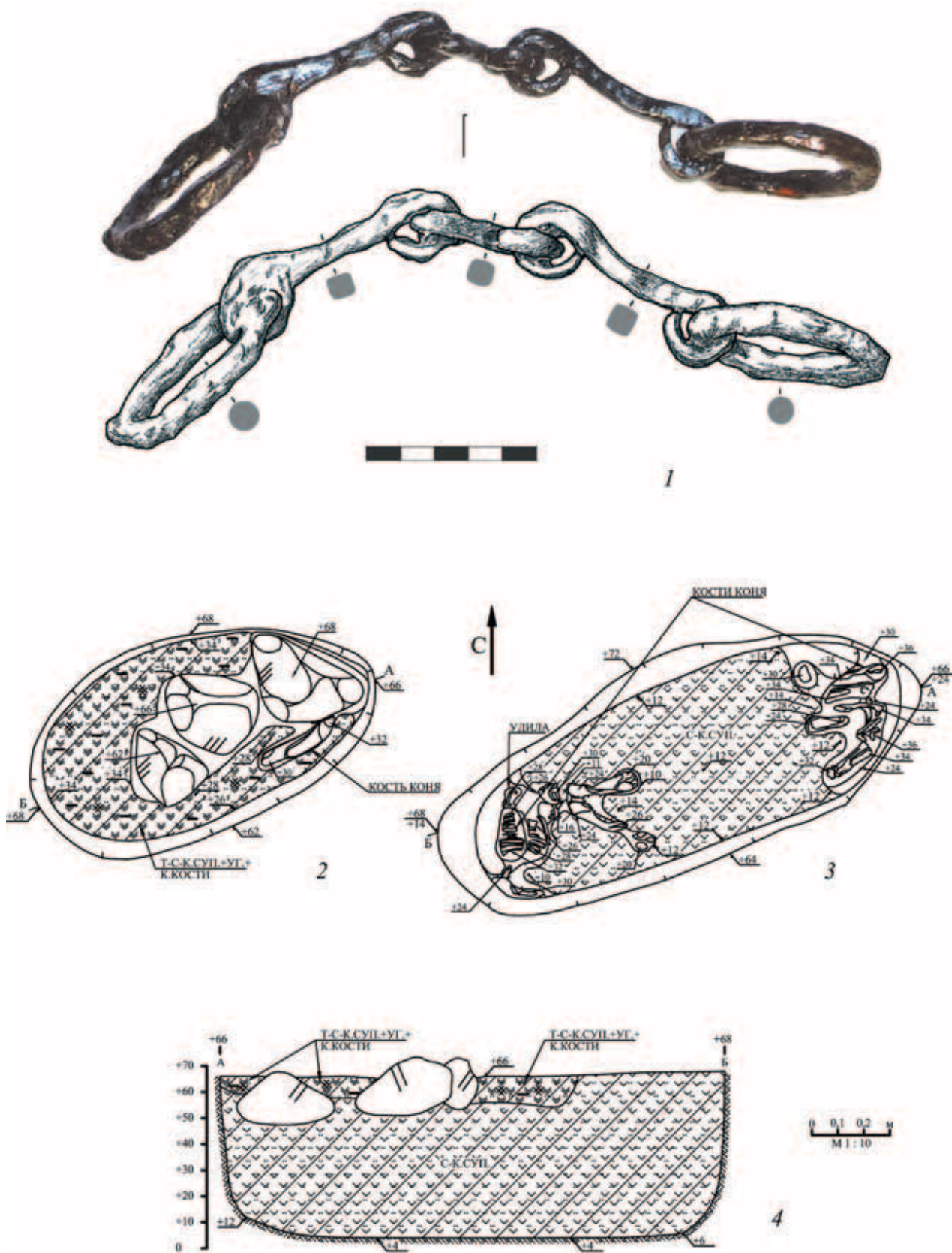

Табл. 82. Объект 37, участок 3

1 – железные удила; 2, 3 – планы на разных уровнях разборки объекта; 4 – разрез

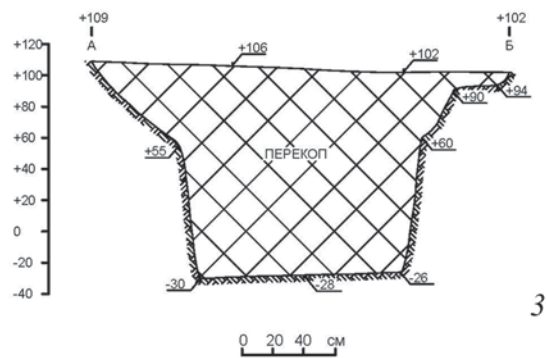
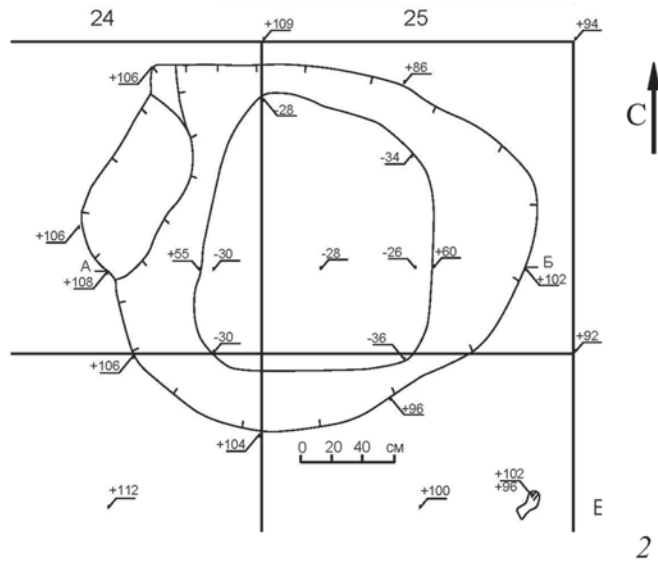
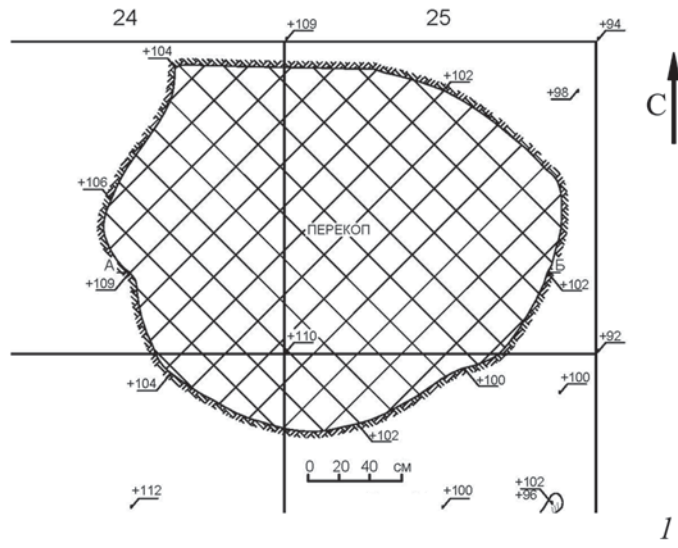
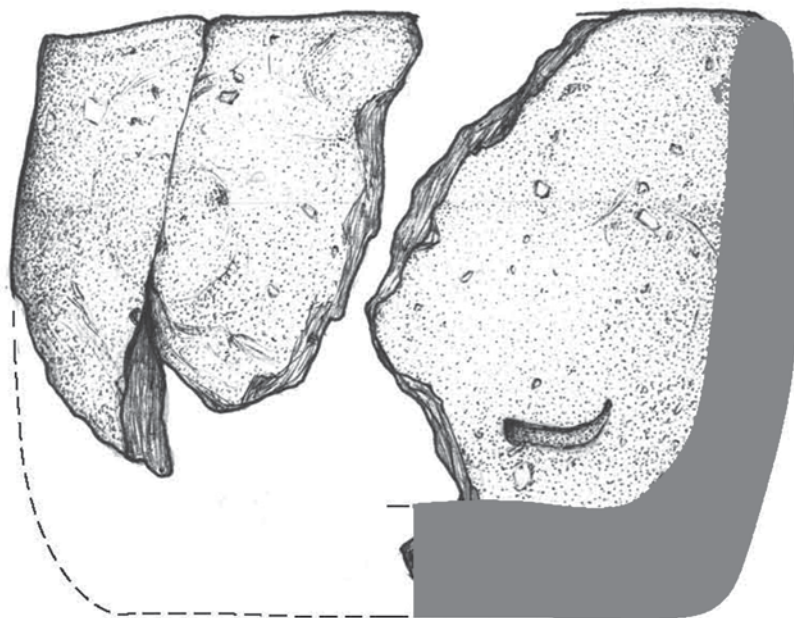
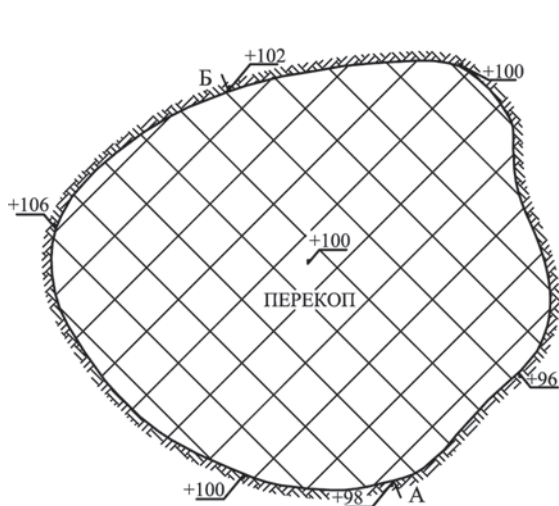

Табл. 83. Объект 38, участок 3

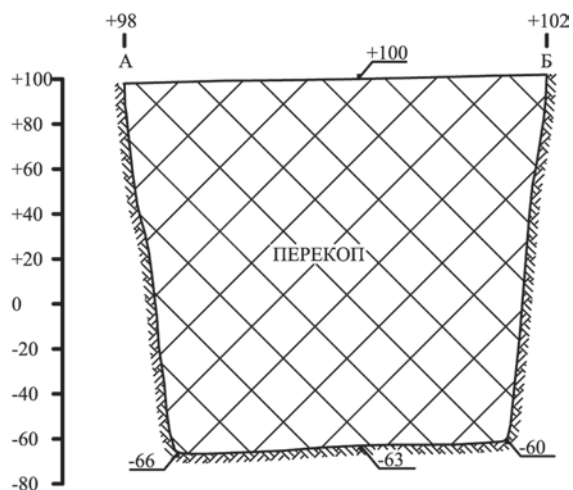
I – план; 2 – план после выборки объекта; 3 – разрез

1

2

3

Табл. 84. Объект 41, участок 3

1 – керамический сосуд; 2 – план; 3 – разрез

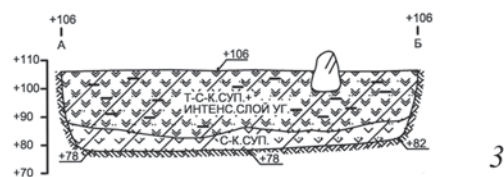
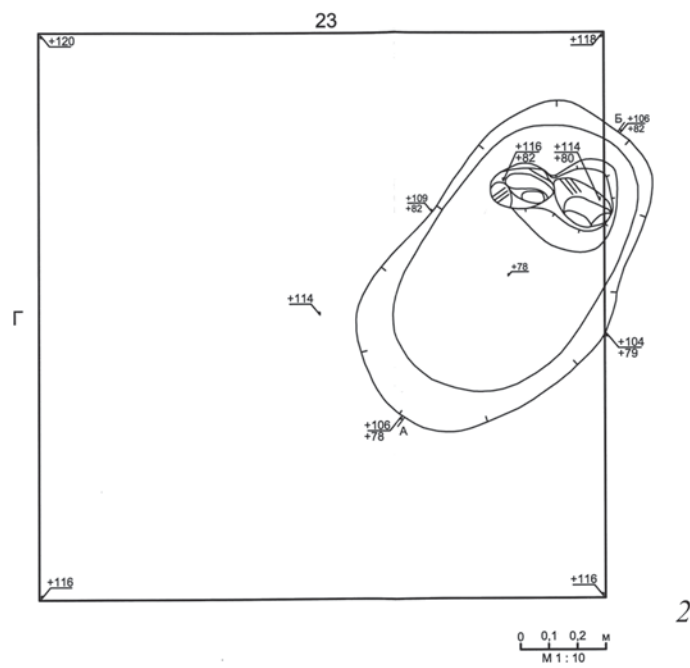
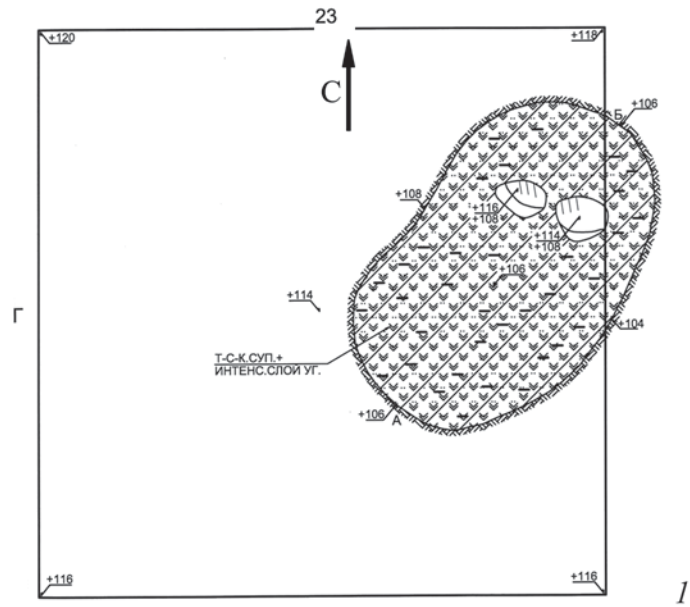

Табл. 85. Объект 42, участок 3

1 – план; 2 – план после выборки объекта; 3 – разрез

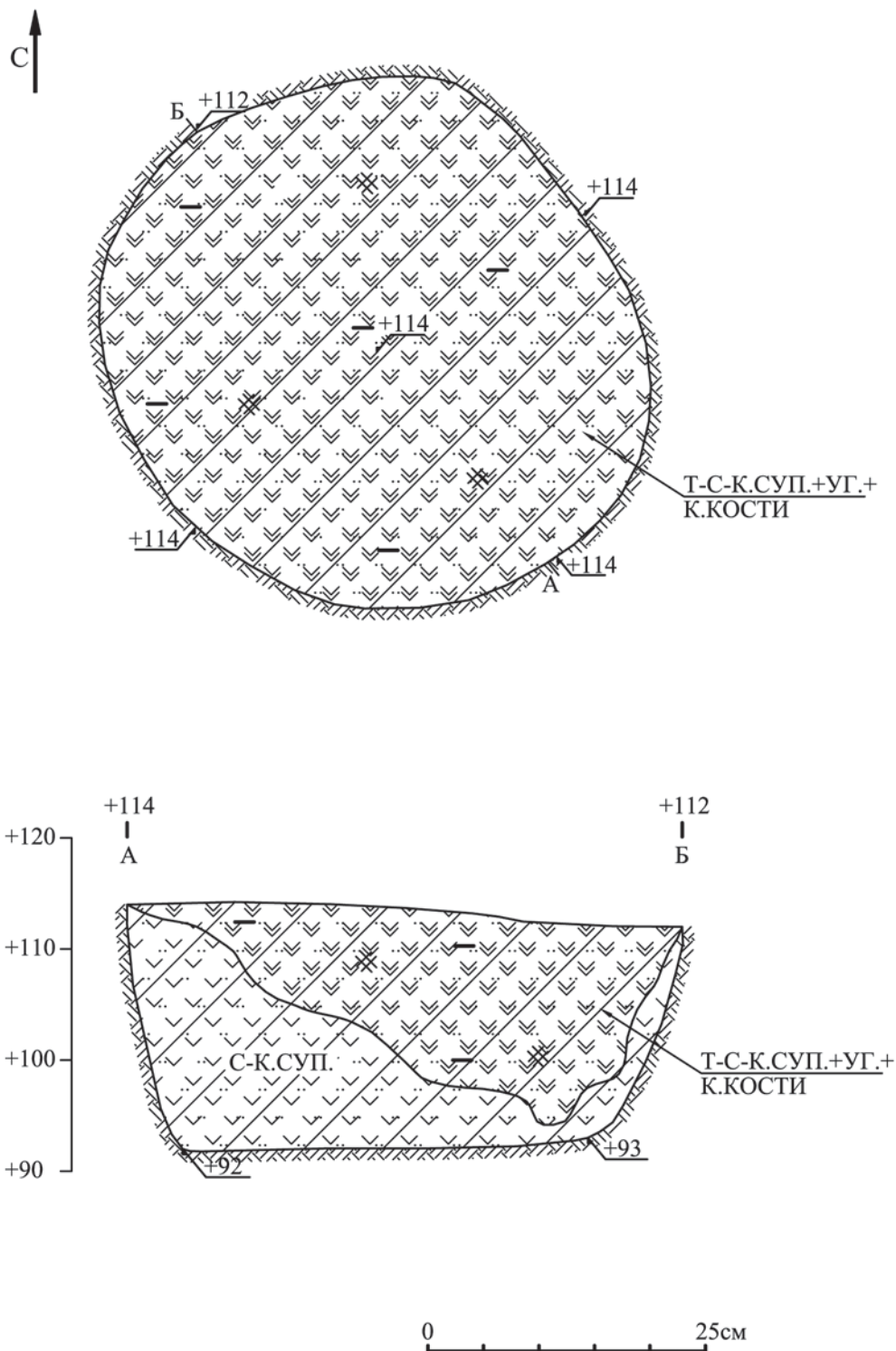

Табл. 86. Объект 43А, участок 3

1 – план; 2 – разрез

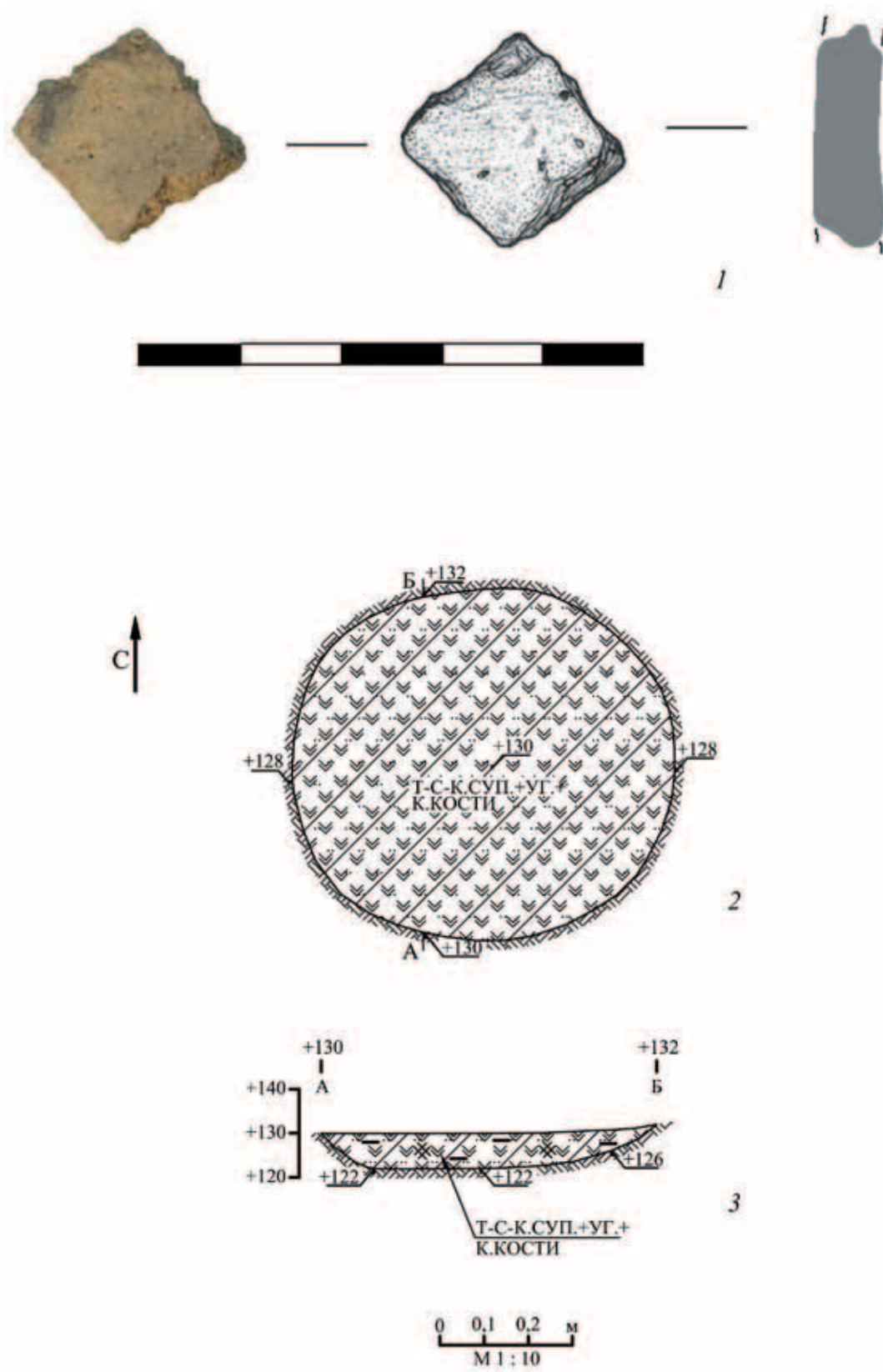

Табл. 87. Объект 45, участок 3

1 – фрагмент керамического сосуда; 2 – план; 3 – разрез

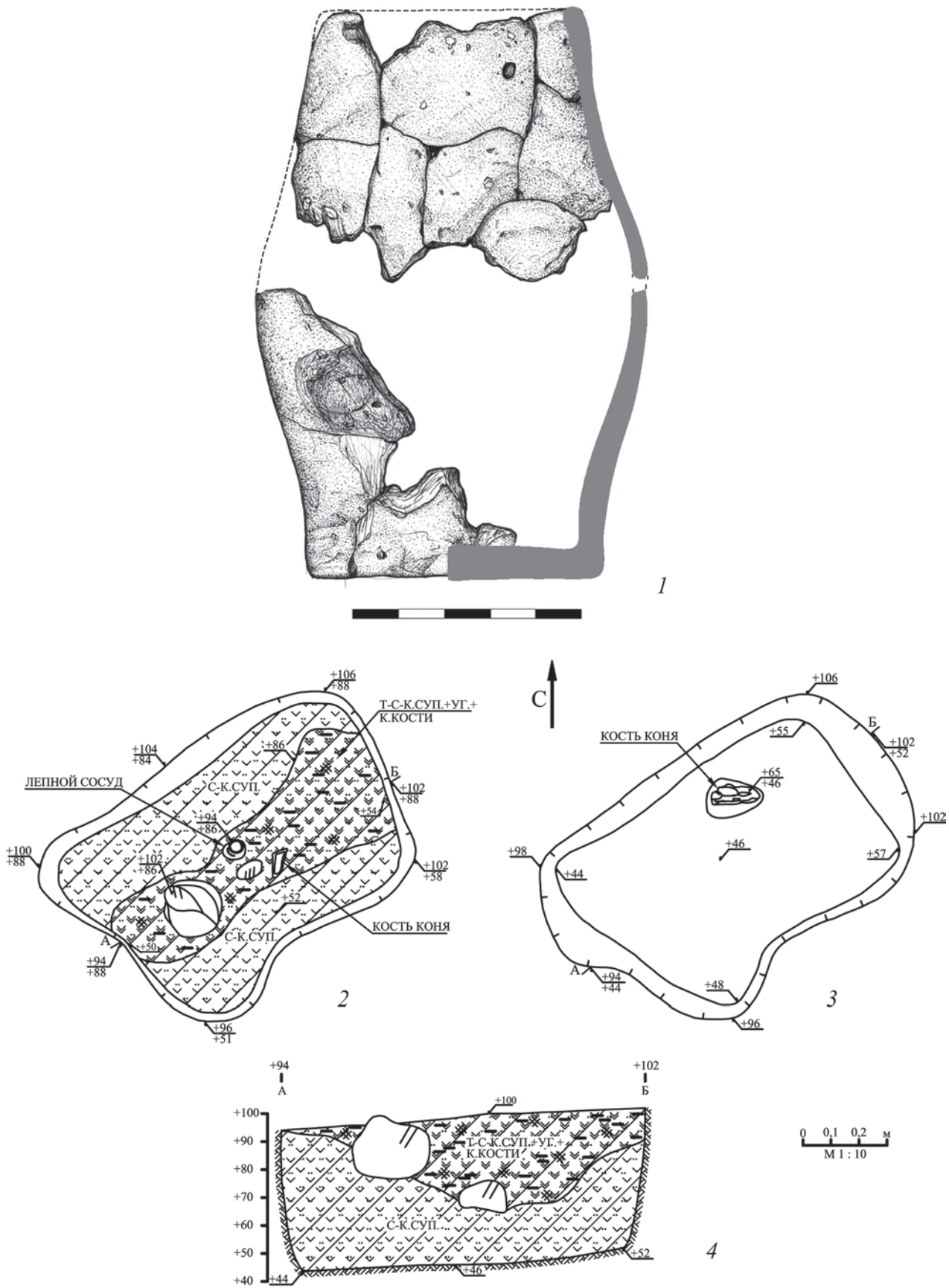

Табл. 88. Объект 46, участок 3

1 – керамический сосуд; 2 – план; 3 – план после выборки объекта; 4 – разрез

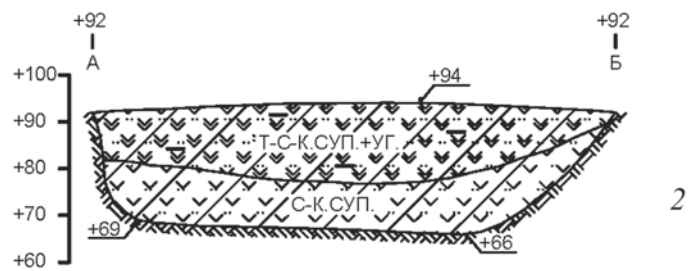
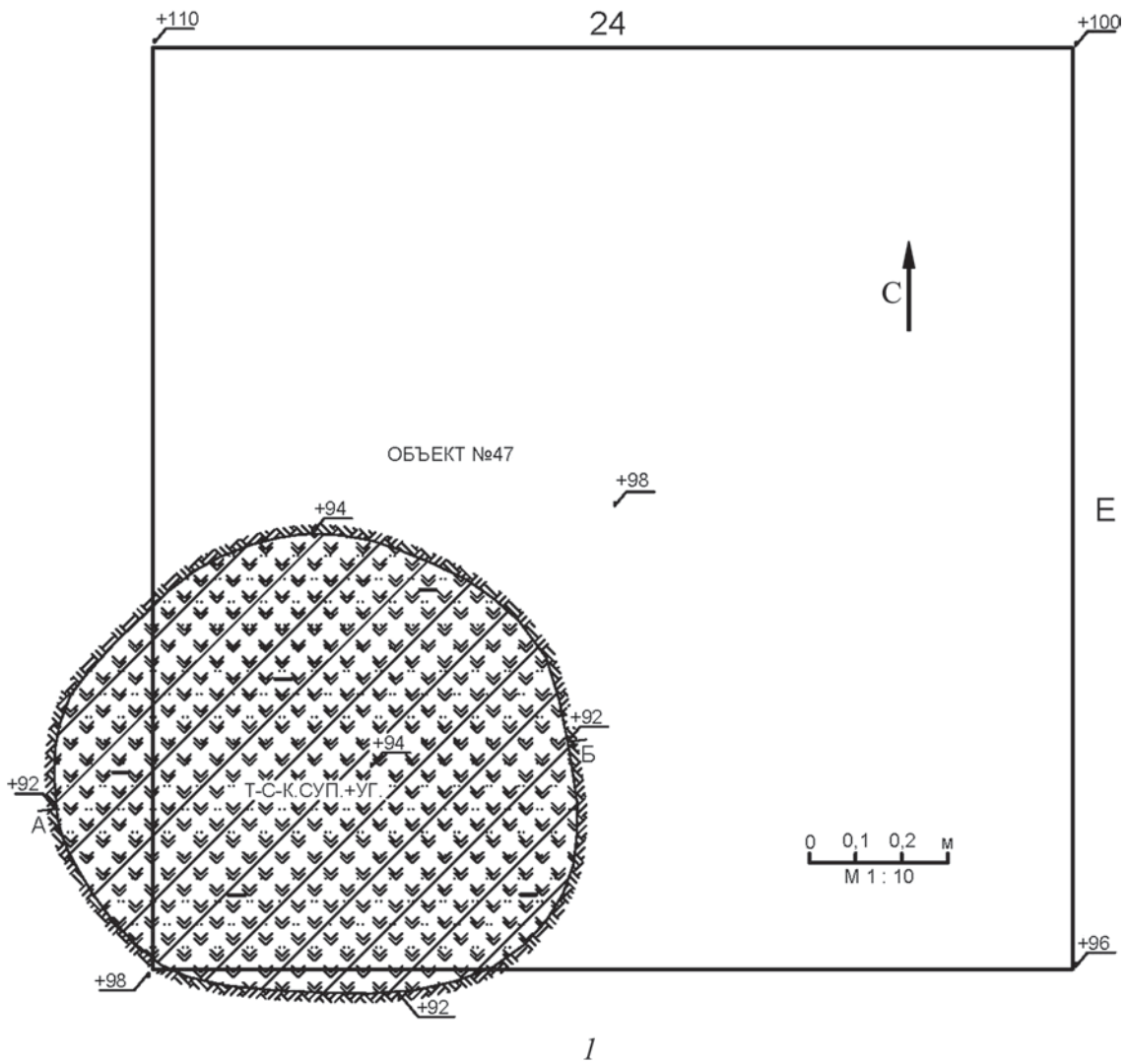

Табл. 89. Объект 47, участок 3

1 – план; 2 – разрез

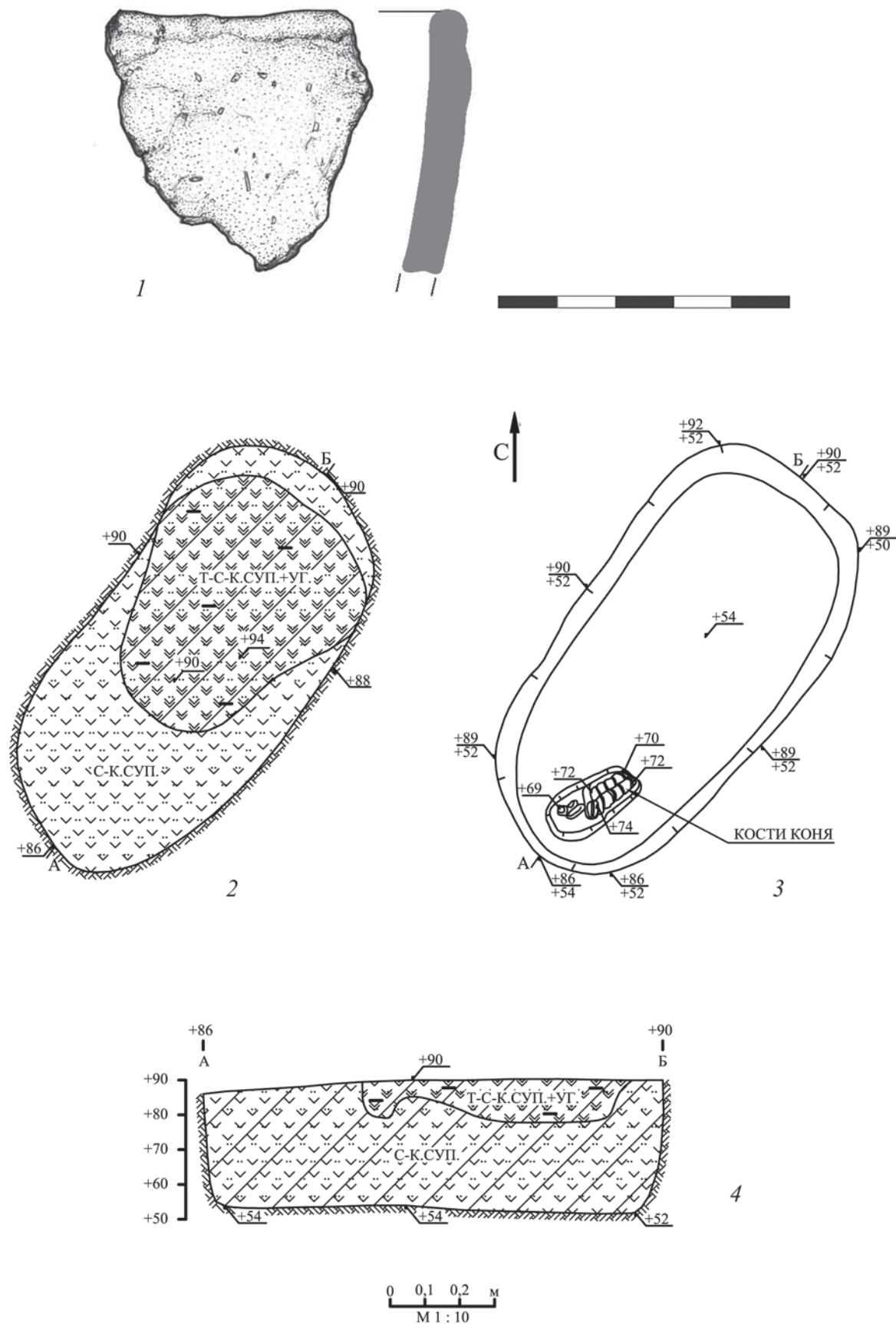

Табл. 90. Объект 48, участок 3

1 – фрагмент керамического сосуда; 2 – план; 3 – план после выборки объекта; 4 – разрез

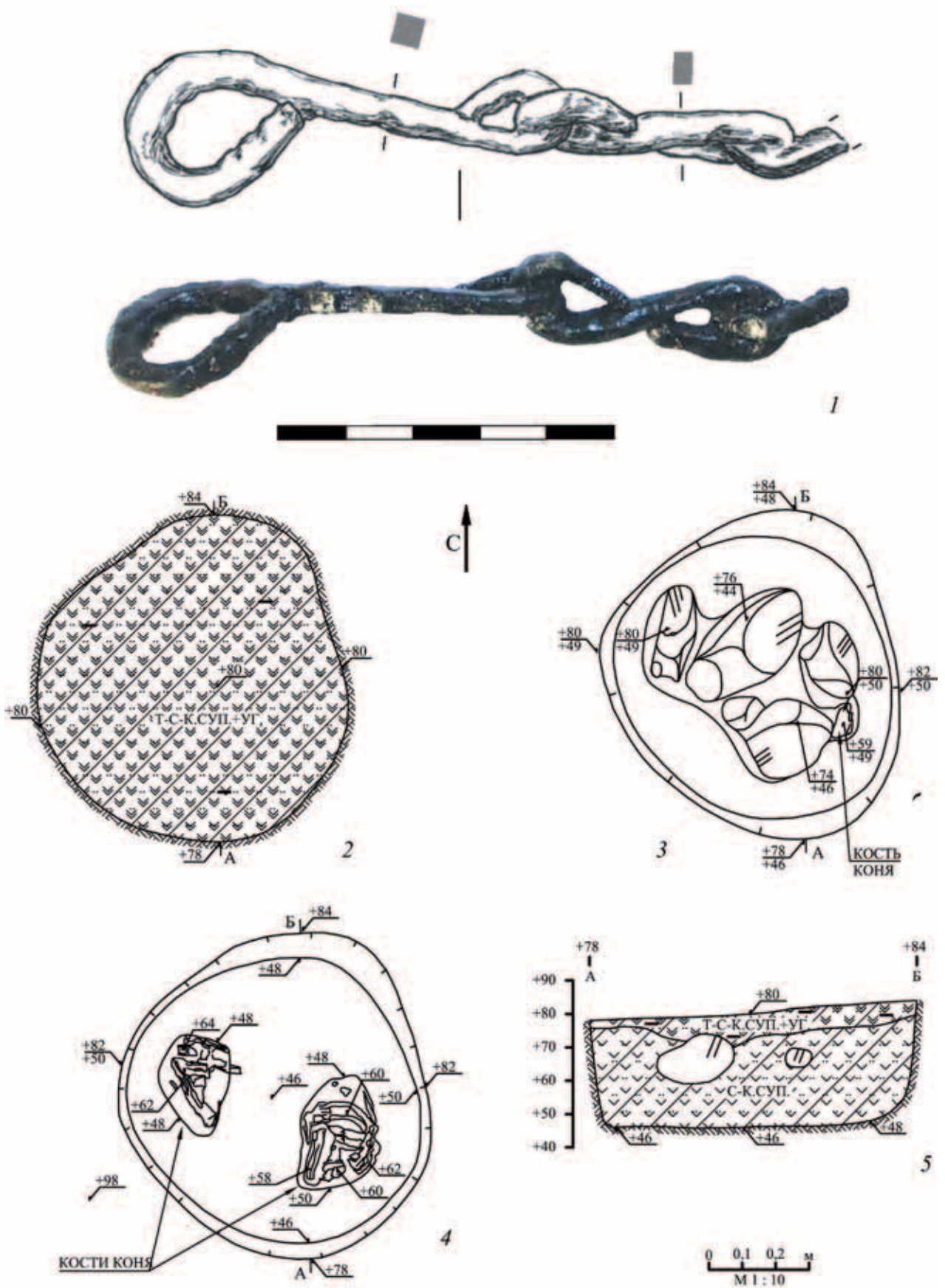

Табл. 91. Объект 49, участок 3

1 – железные удила; 2 – план; 3, 4 – планы на разных уровнях разборки объекта; 5 – разрез

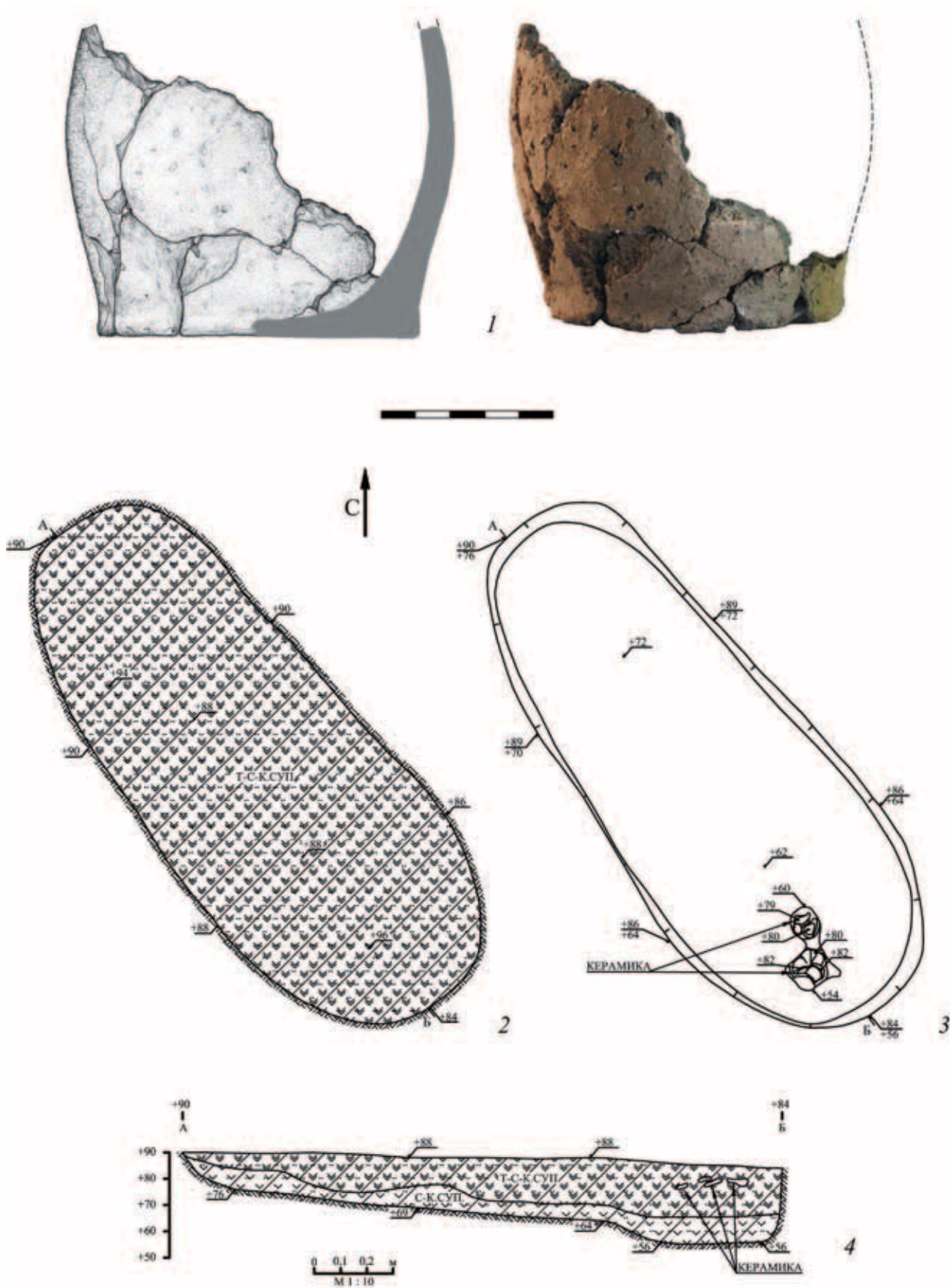

Табл. 92. Объект 50, участок 3

1 – керамический сосуд; 2 – план; 3 – план после выборки объекта; 4 – разрез

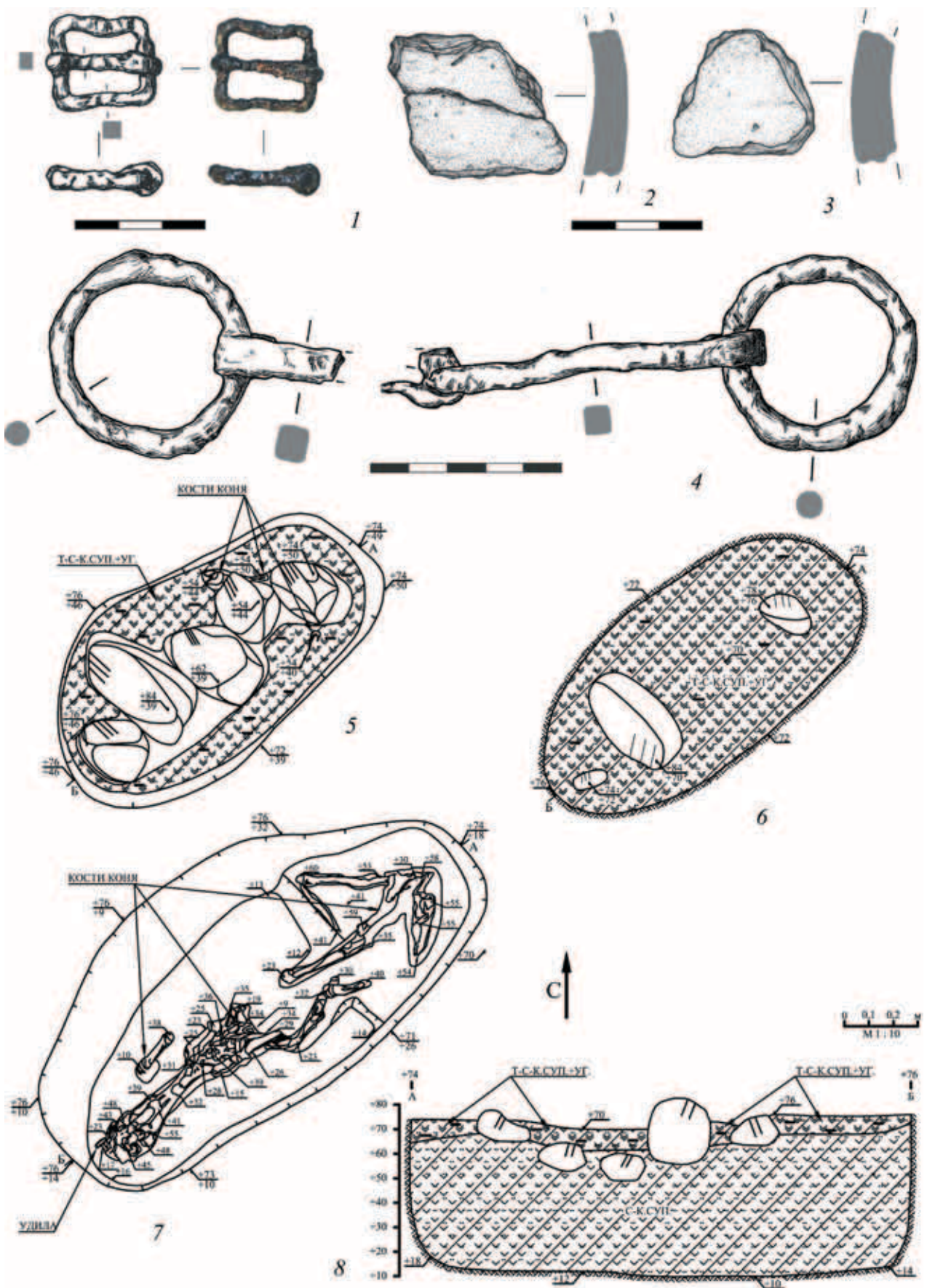

Табл. 93. Объект 51, участок 3

1 – железная пряжка; 2, 3 – фрагменты керамических сосудов; 4 – железные удила;
 5, 6 – планы на разных уровнях разборки объекта; 7 – план после выборки объекта; 8 – разрез

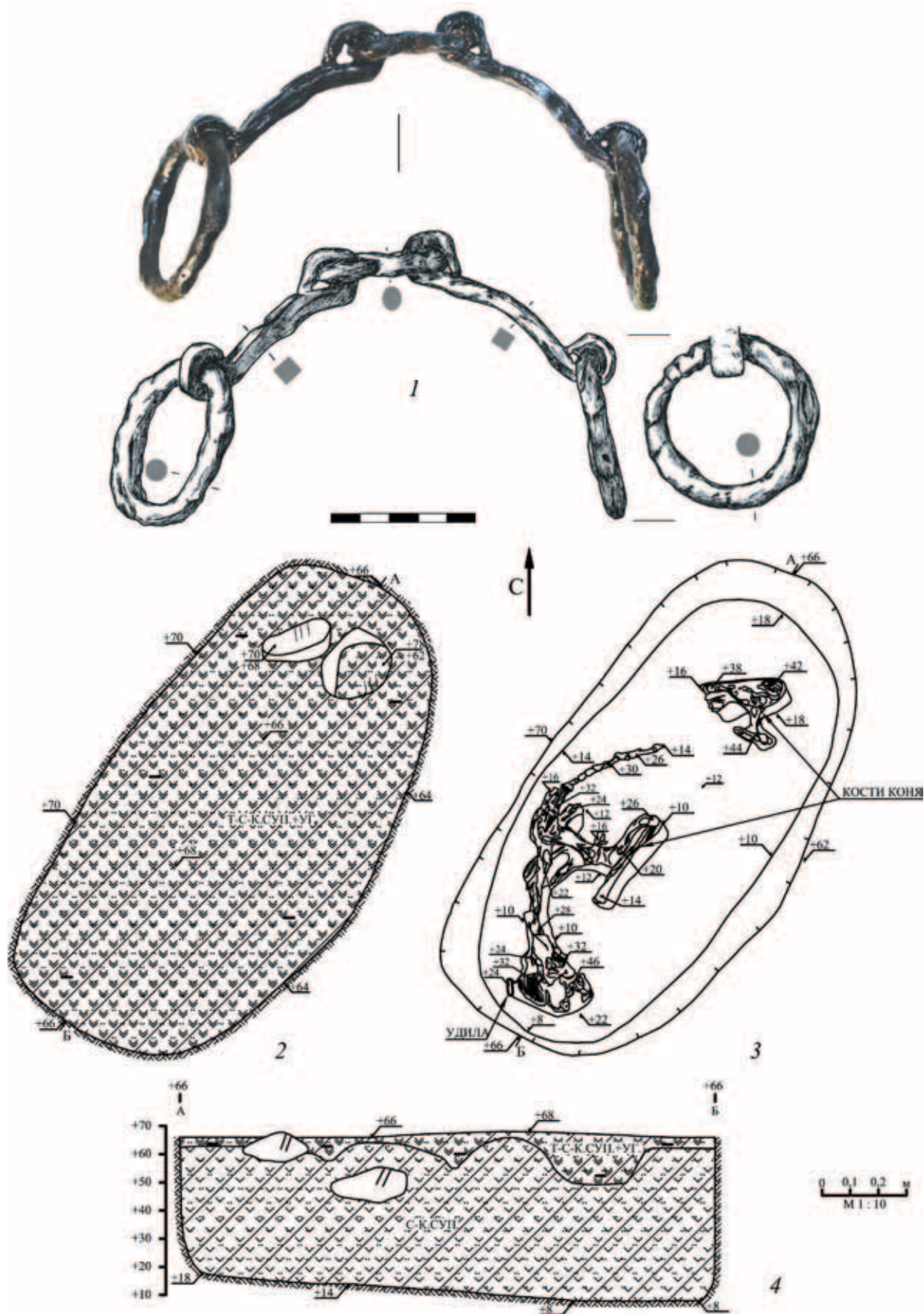

Табл. 94. Объект 52, участок 3

1 – железные удила; 2 – план; 3 – план после выборки объекта; 4 – разрез

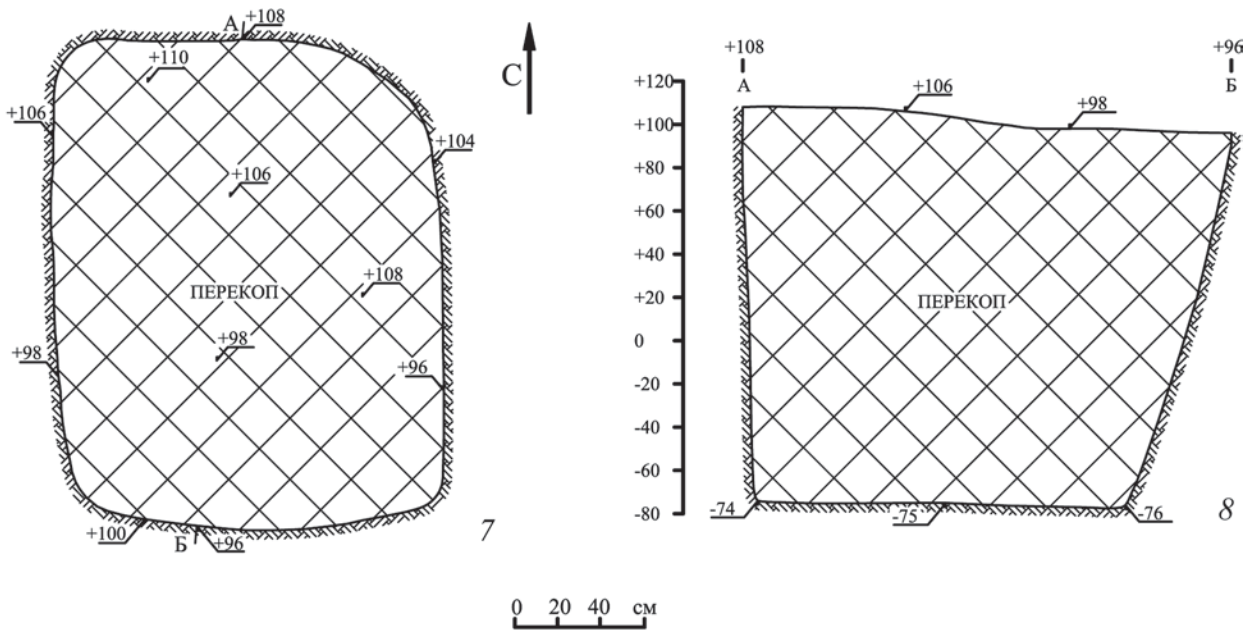
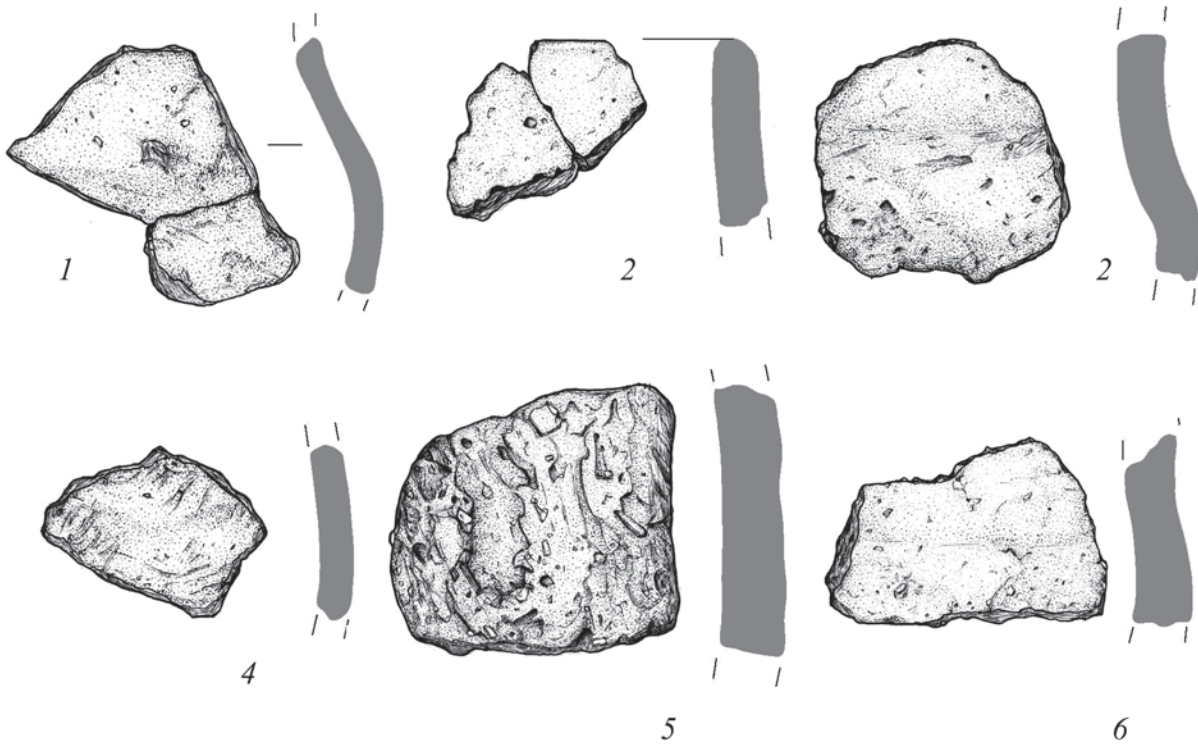

Табл. 95. Объект 54, участок 3

1-6 – фрагменты керамических сосудов; 7 – план; 8 – разрез

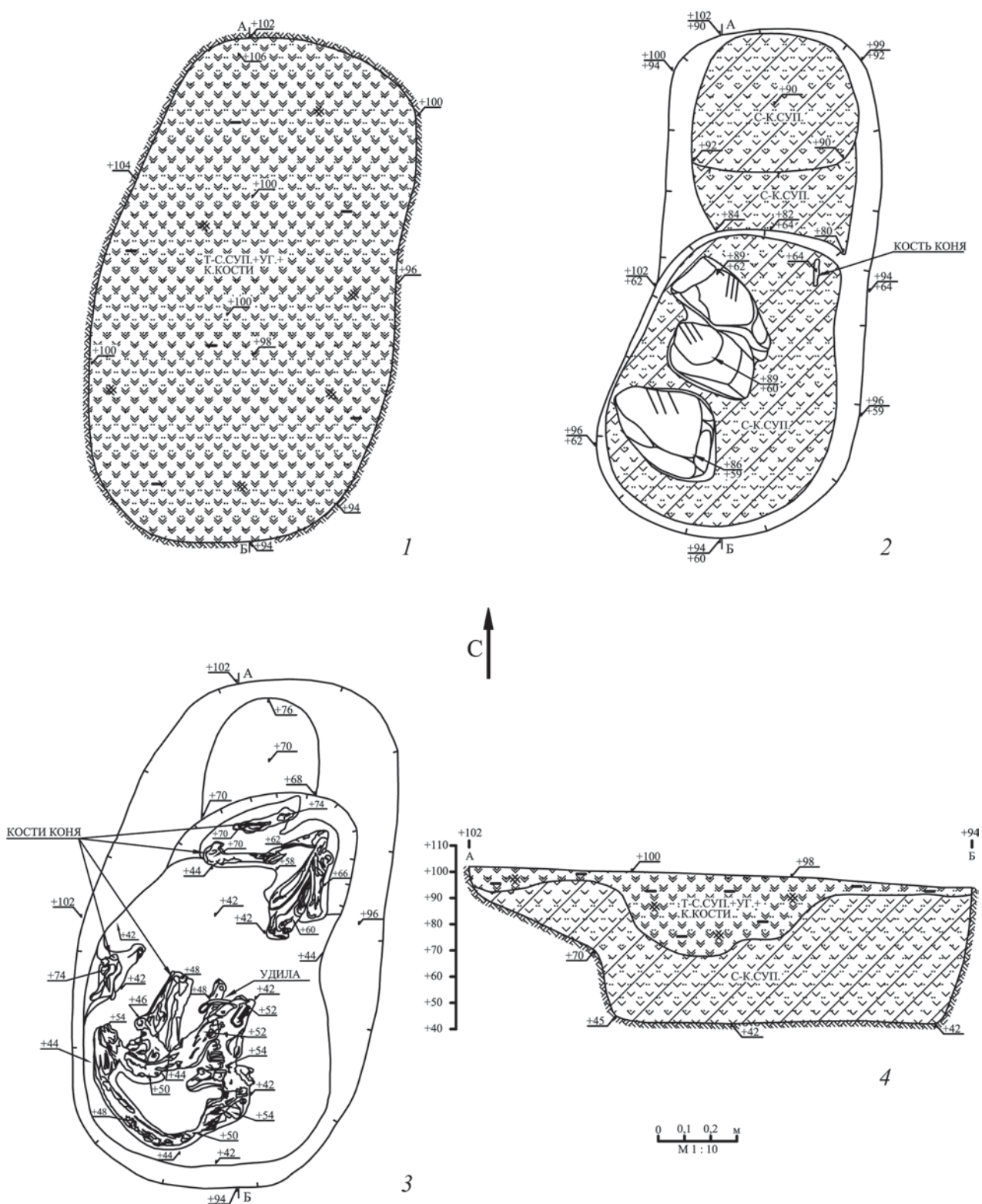

Табл. 96. Объект 55, участок 3

1, 2 – планы на разных уровнях разборки объекта; 3 – план после выборки объекта; 4 – разрез

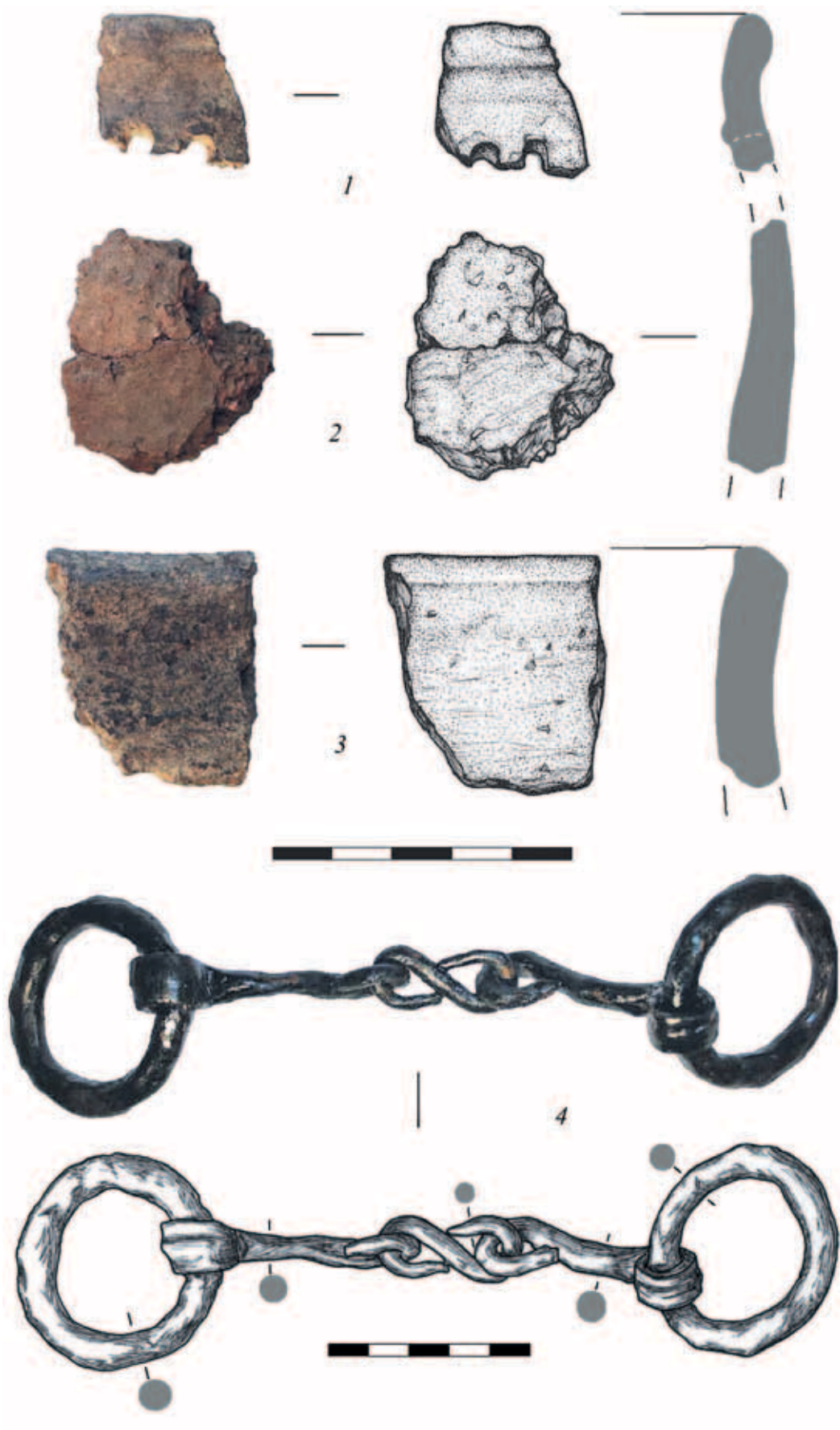

Табл. 97. Объект 55, участок 3

1-3 – фрагменты керамических сосудов; 4 – железные удила

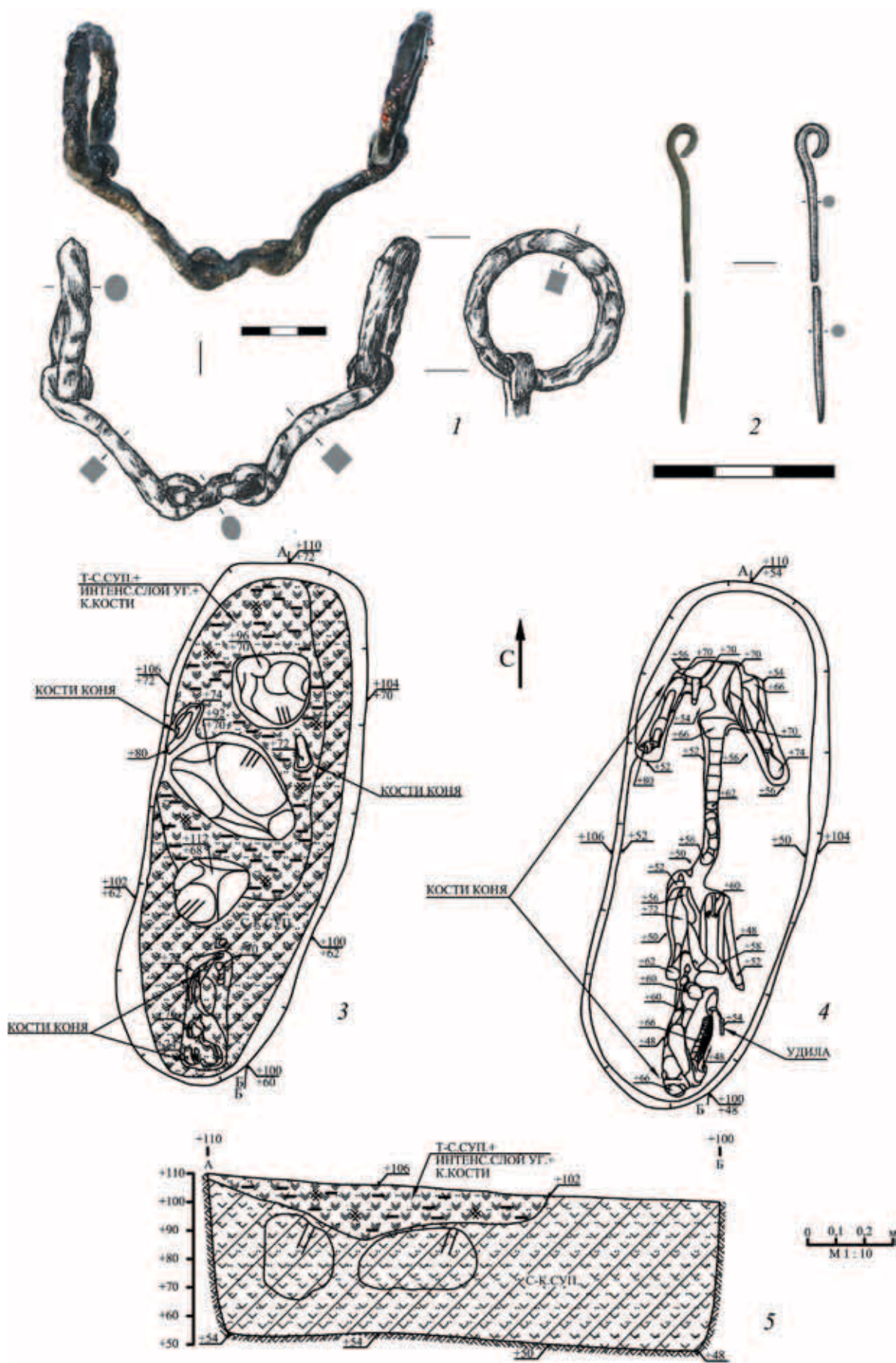

Табл. 98. Объект 58, участок 3

1 – железные удила; 2 – бронзовая булавка; 3 – план; 4 – план после выборки объекта; 5 – разрез

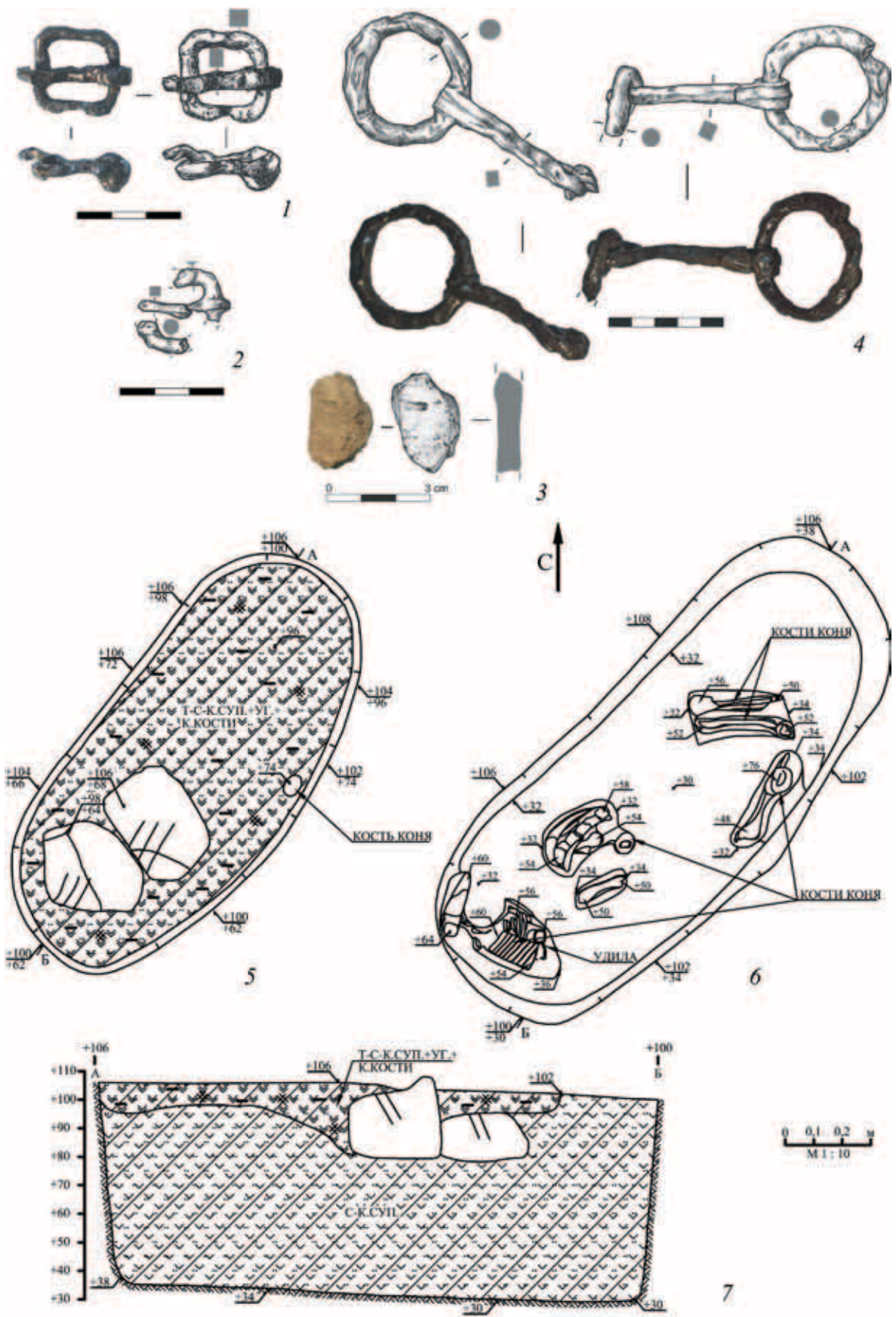

Табл. 99. Объект 59, участок 3

1, 2 – железные пряжки; 3 – фрагмент керамики; 4 – железные удила; 5 – план; 6 – план после выборки объекта; 7 – разрез

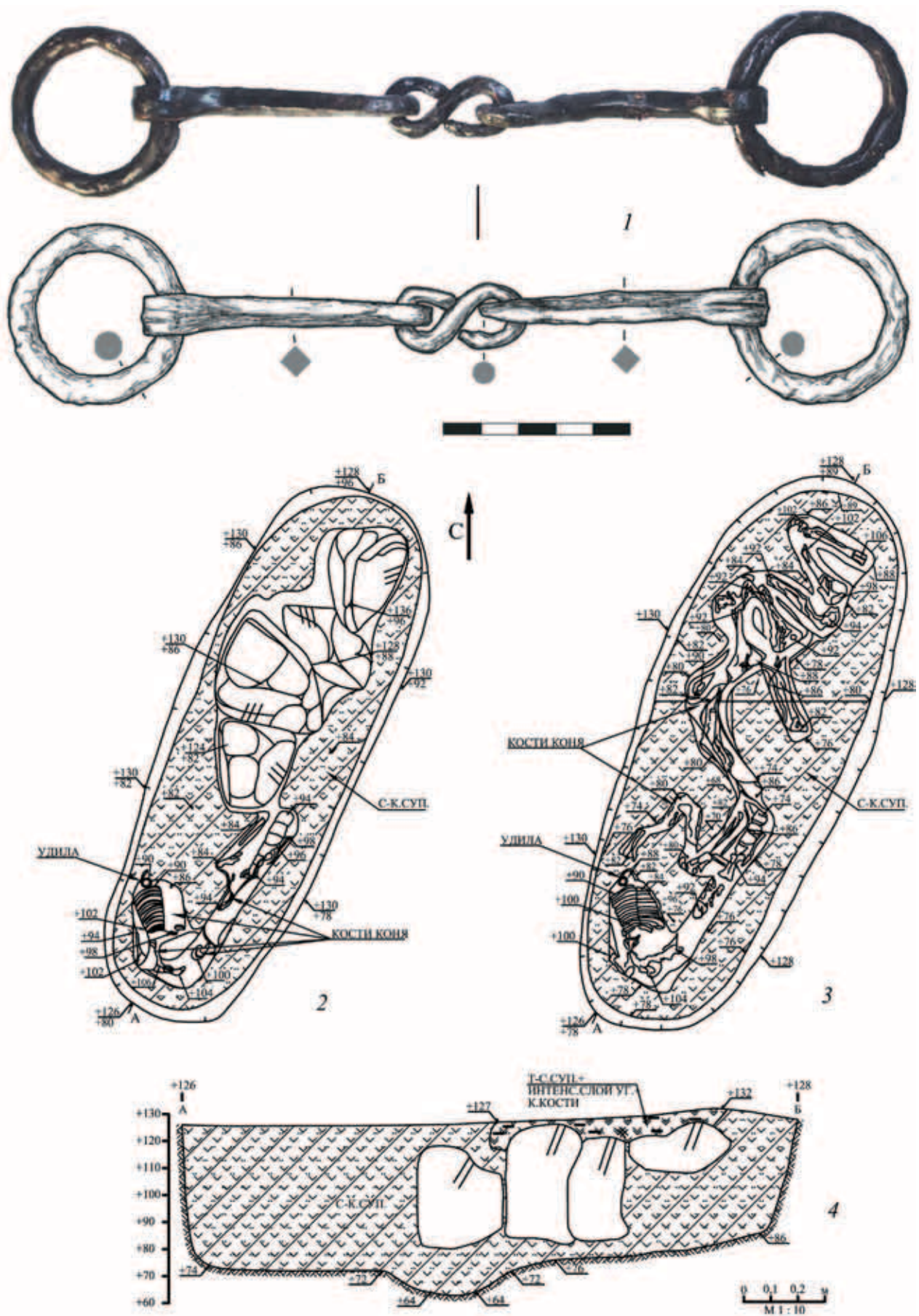

Табл. 100. Объект 61, участок 3

1 – железные удила; 2, 3 – планы на разных уровнях разборки объекта; 4 – разрез

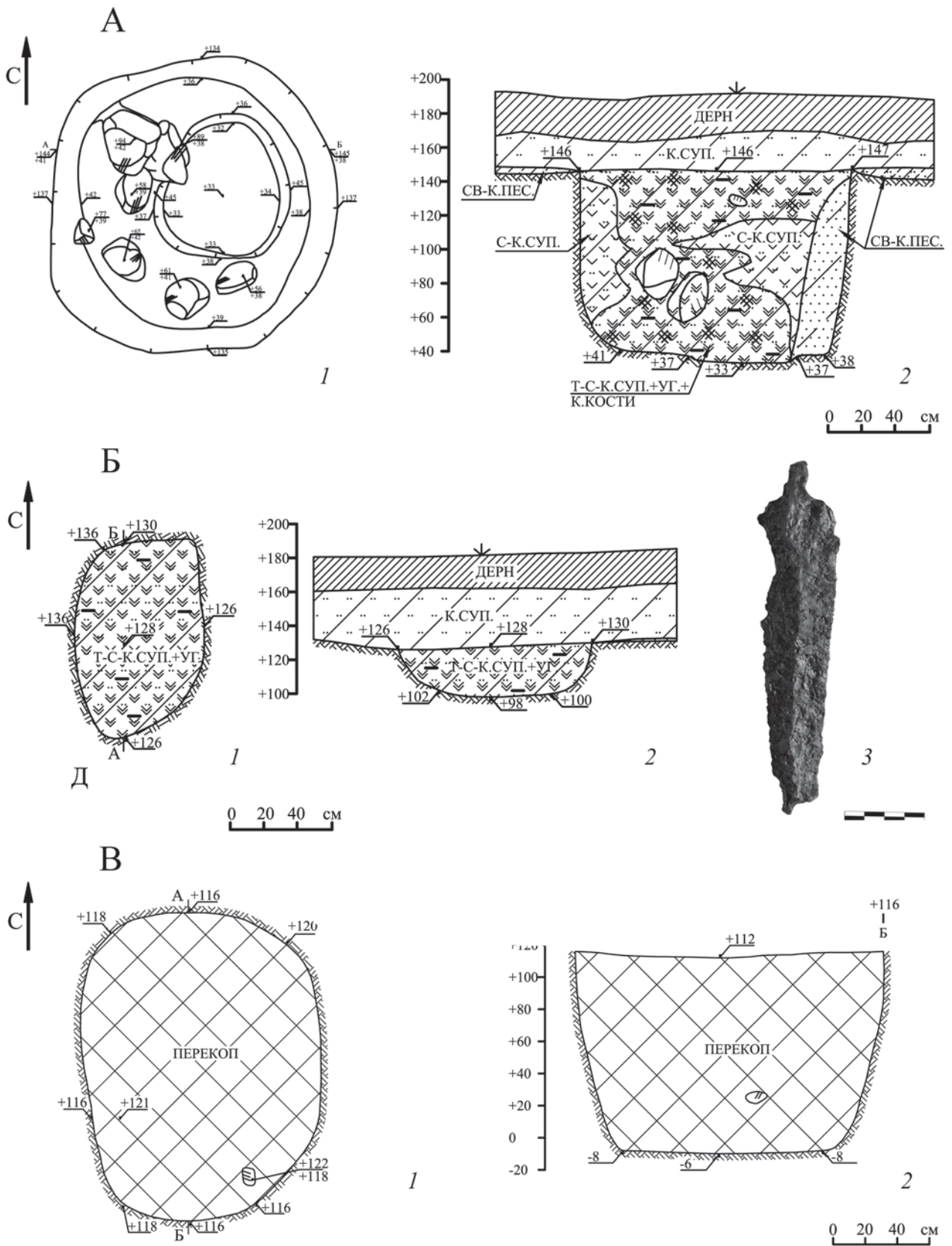

Табл. 101. Объекты 62, 64, 65, участок 3

А – объект 62.3, 1 – план; 2 – разрез; Б – объект 64.3, 1 – план; 2 – разрез; 3 – железный нож (?);
 В – объект 65.3, 1 – план; 2 – разрез

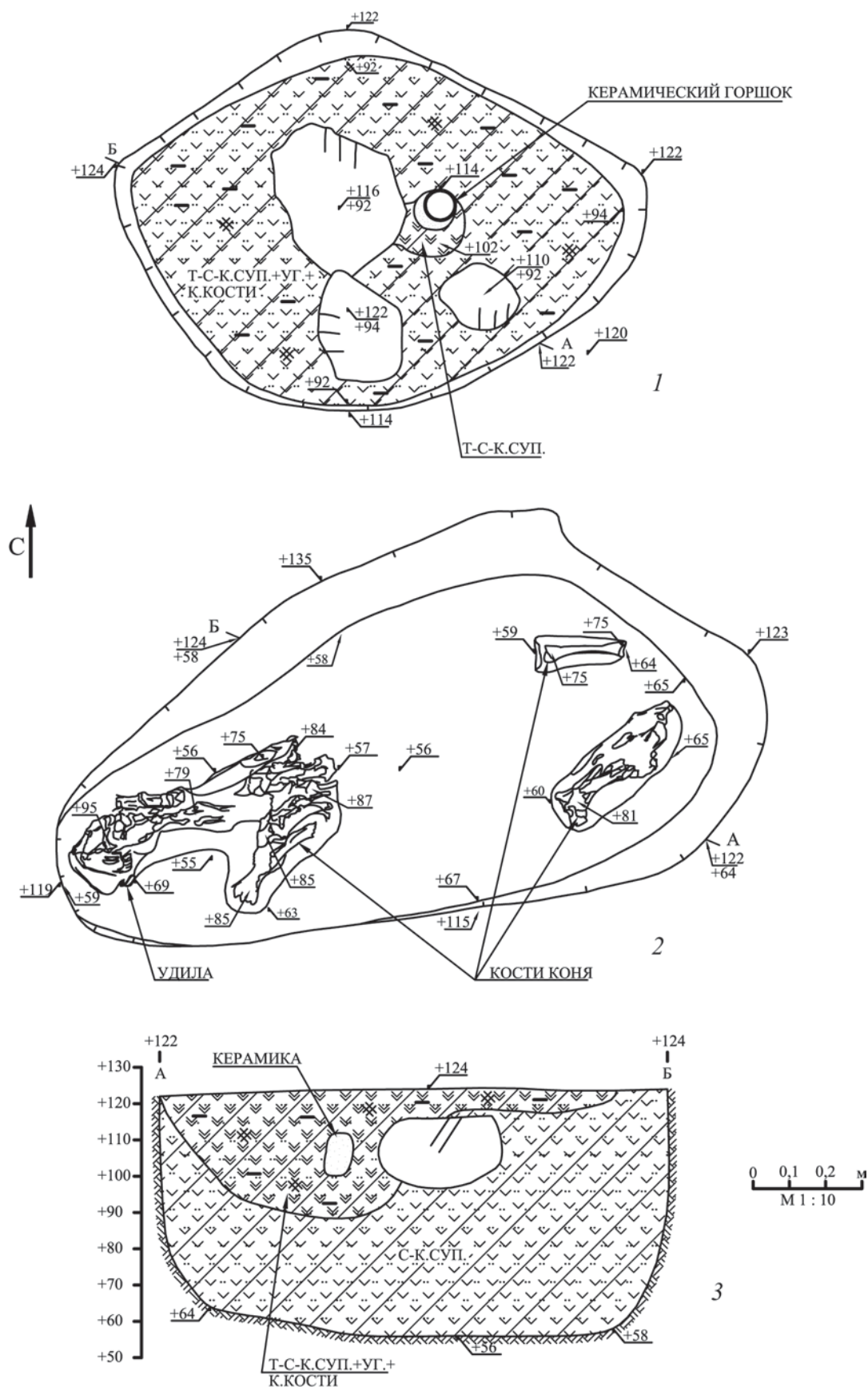

Табл. 102. Объект 66, участок 3

1 – план; 2 – план после выборки объекта; 3 – разрез

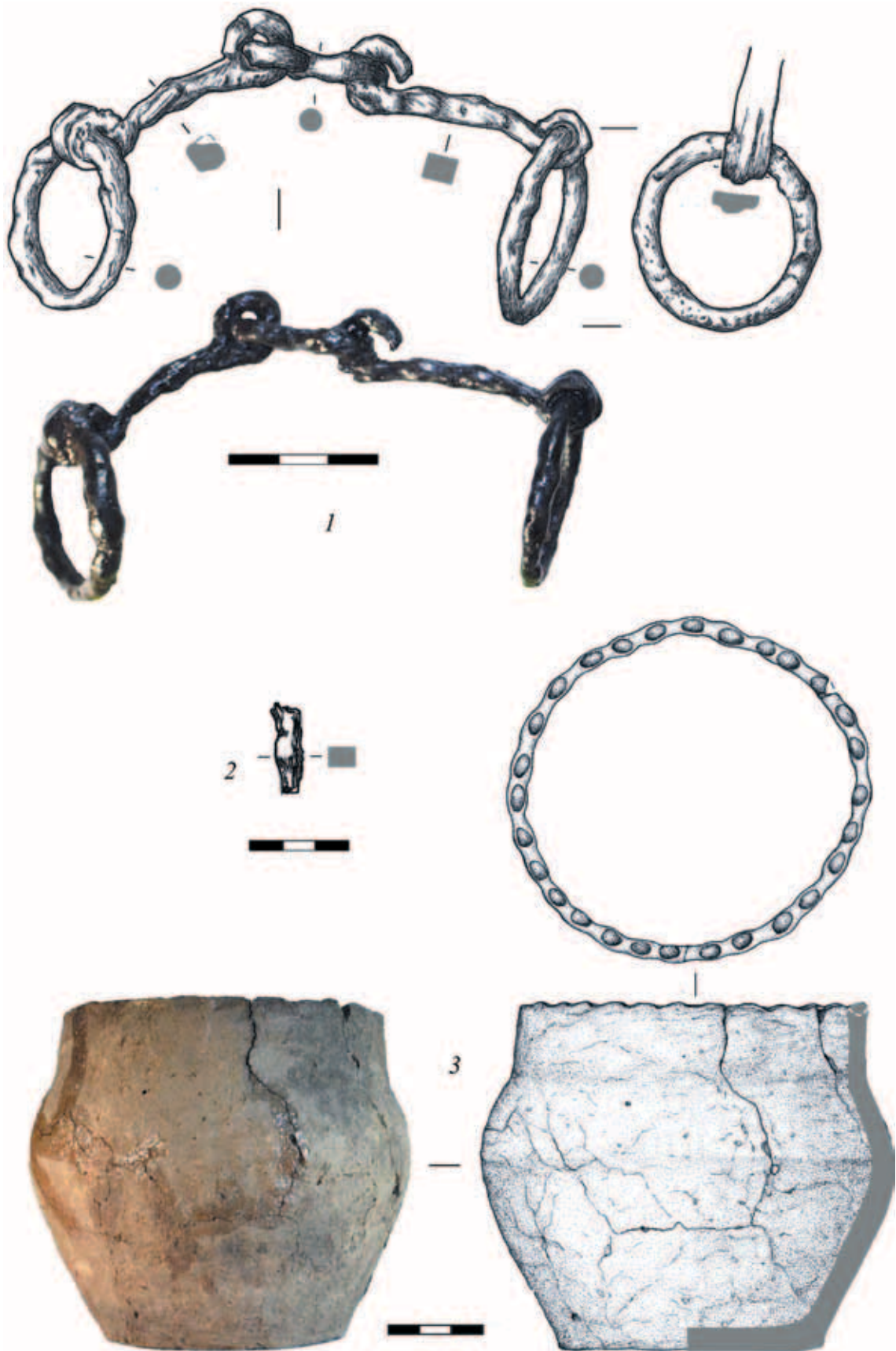

Табл. 103. Объект 66, участок 3

1 – железные удила; 2 – железный предмет; 3 – керамический сосуд

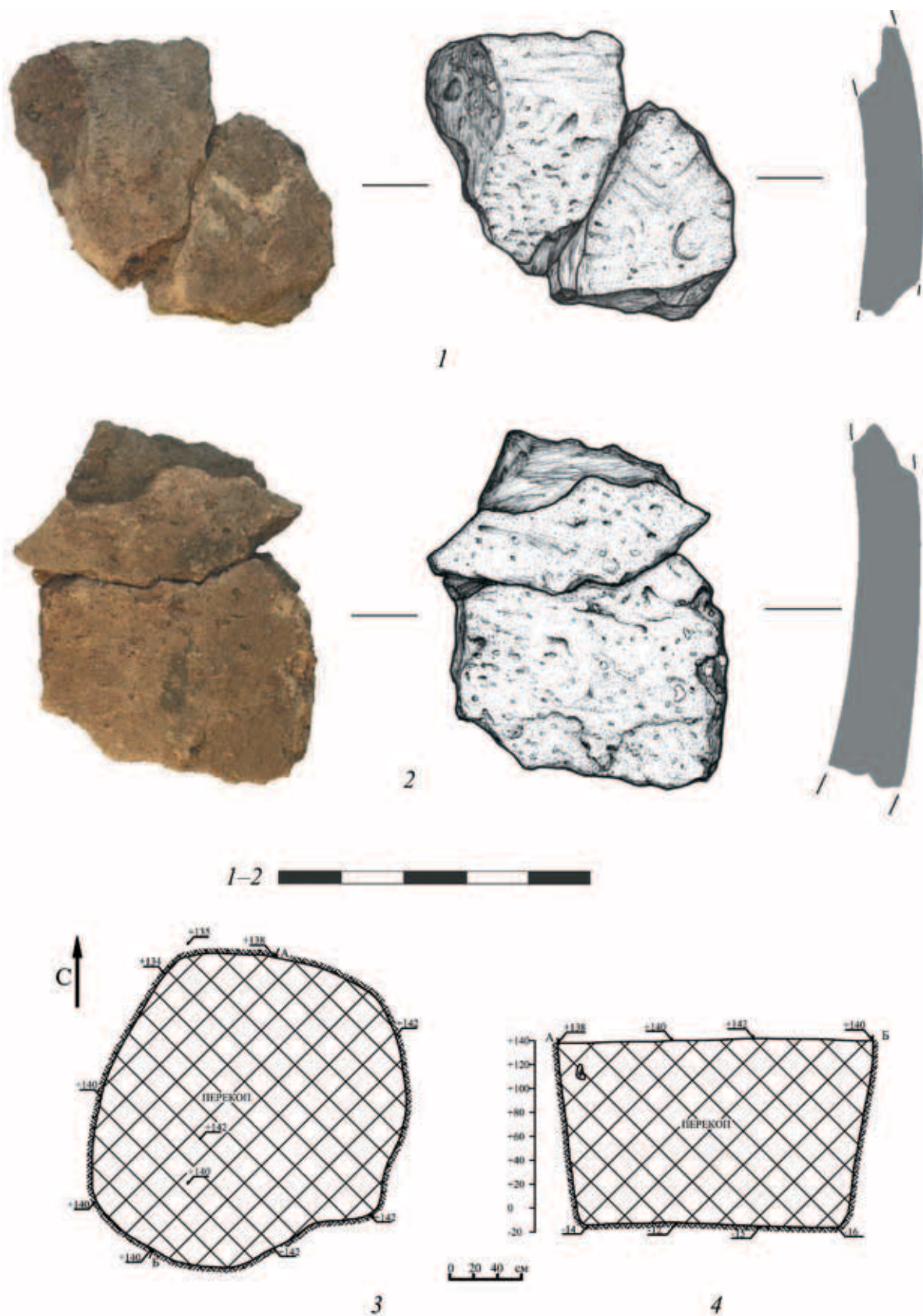
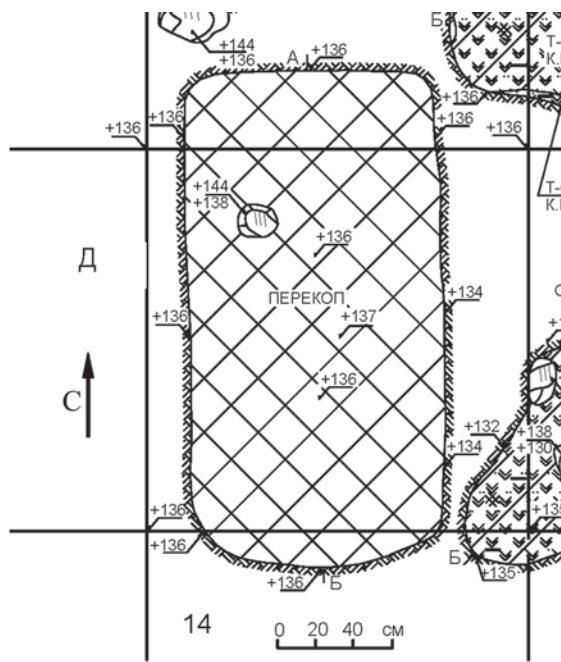
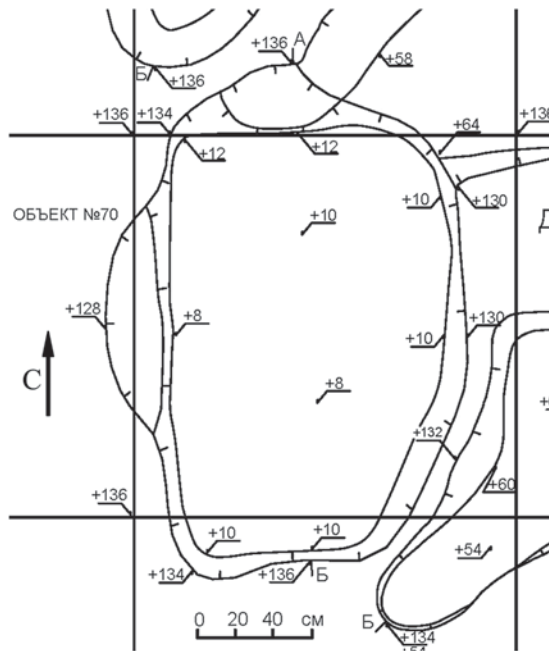

Табл. 104. Объект 67, участок 3

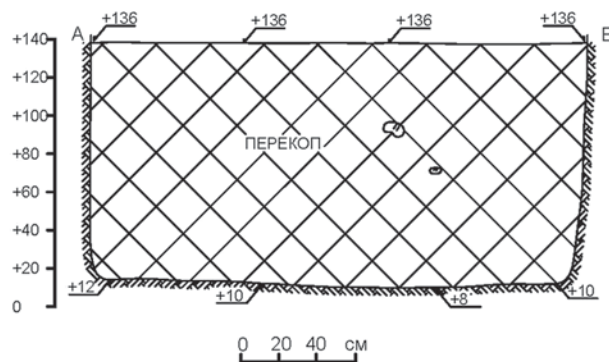
1, 2 – фрагменты керамических сосудов; 3 – план; 4 – разрез

1

2

3

Табл. 105. Объект 70, участок 3

1 – план; 2 – план после выборки объекта; 3 – разрез

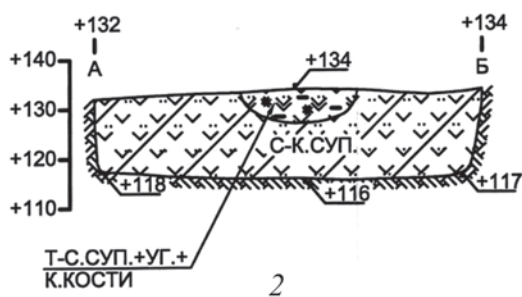
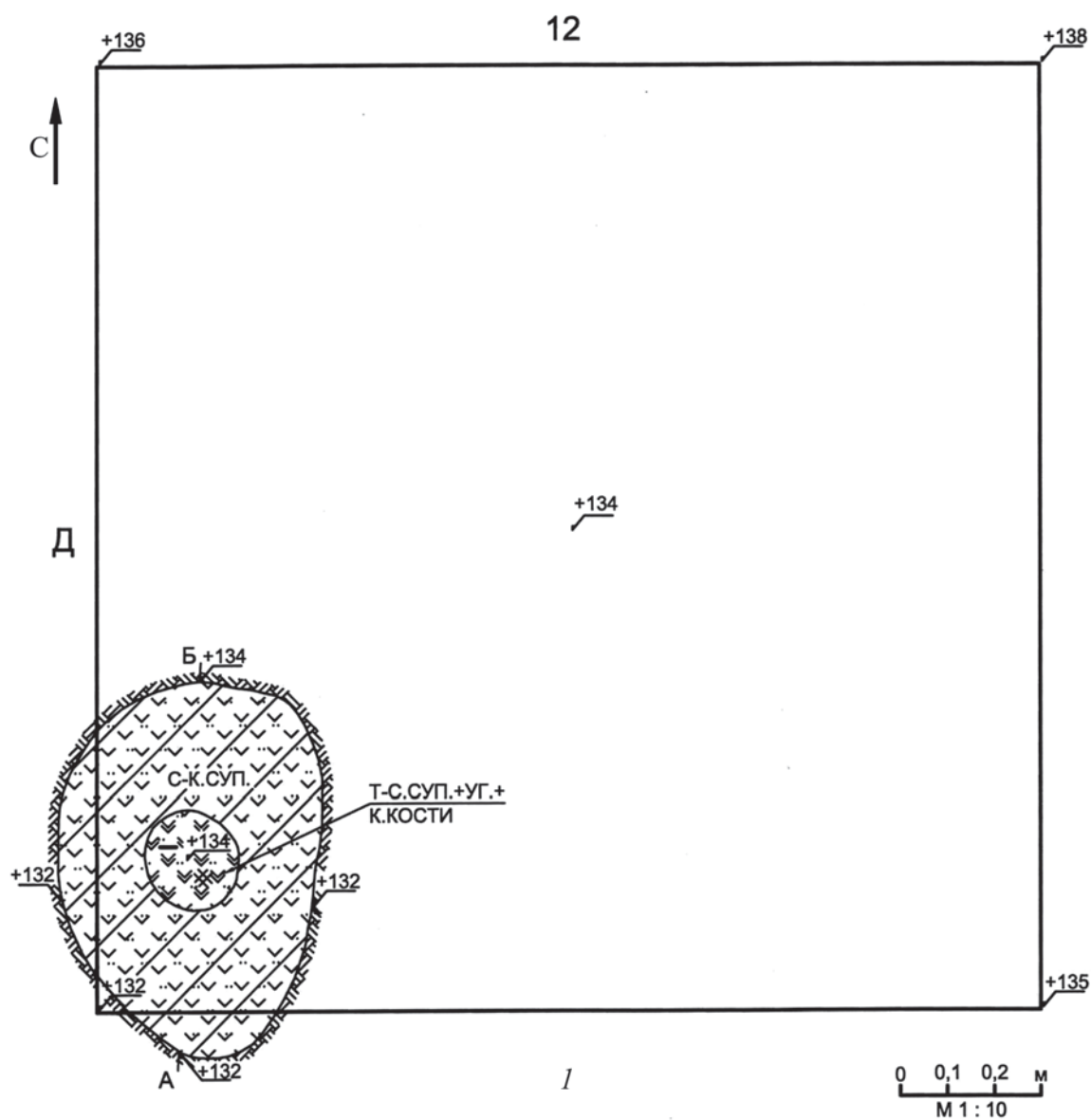
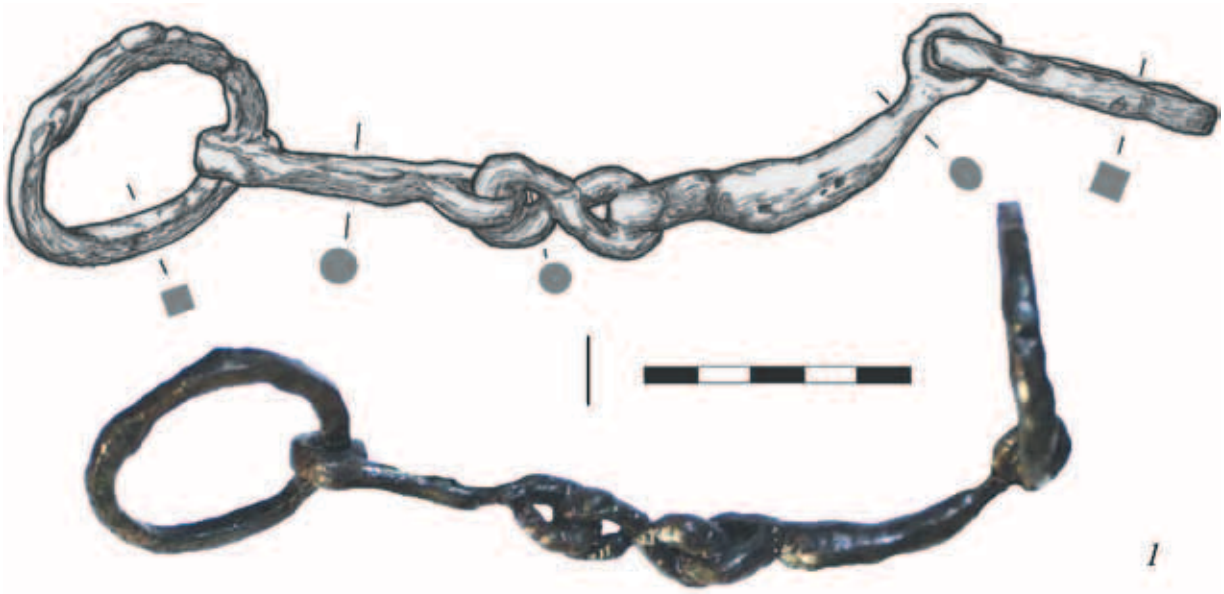
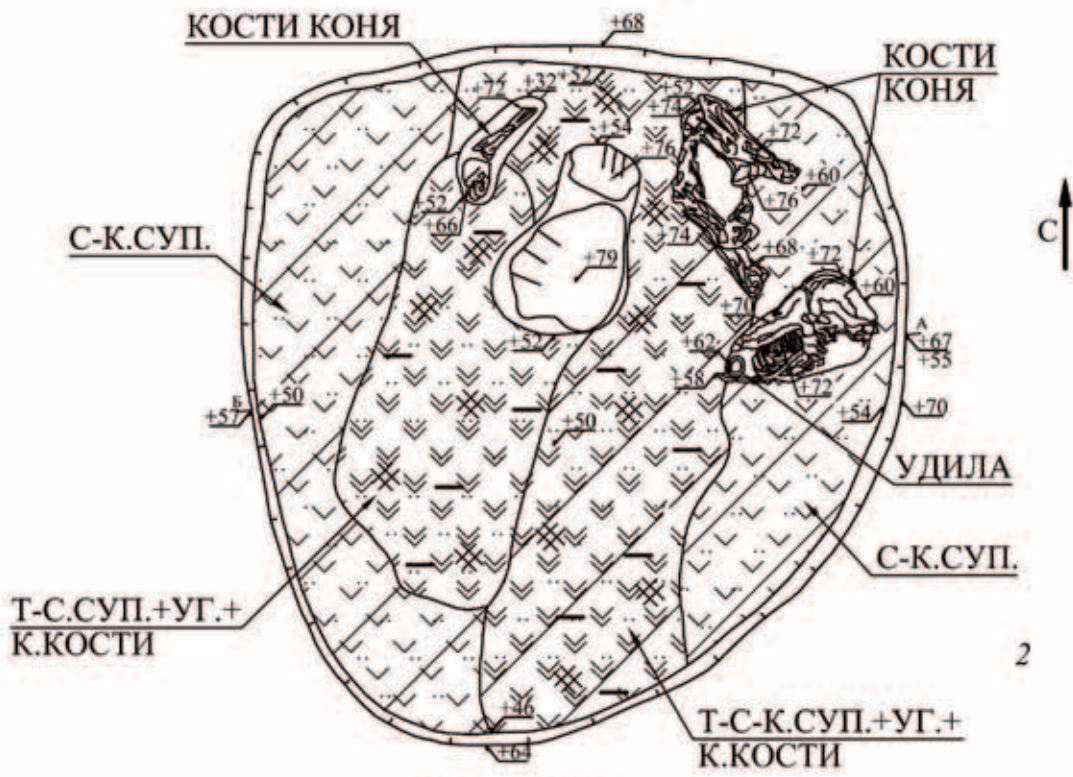

Табл. 106. Объект 71, участок 3

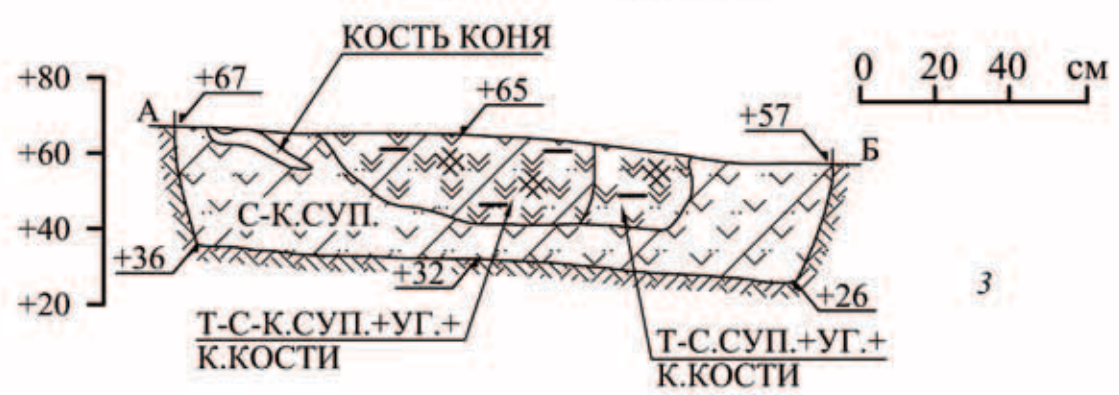
1 – план; 2 – разрез

1

2

3

Табл. 107. Объект 72, участок 3

1 – железные удила; 2 – план; 3 – разрез

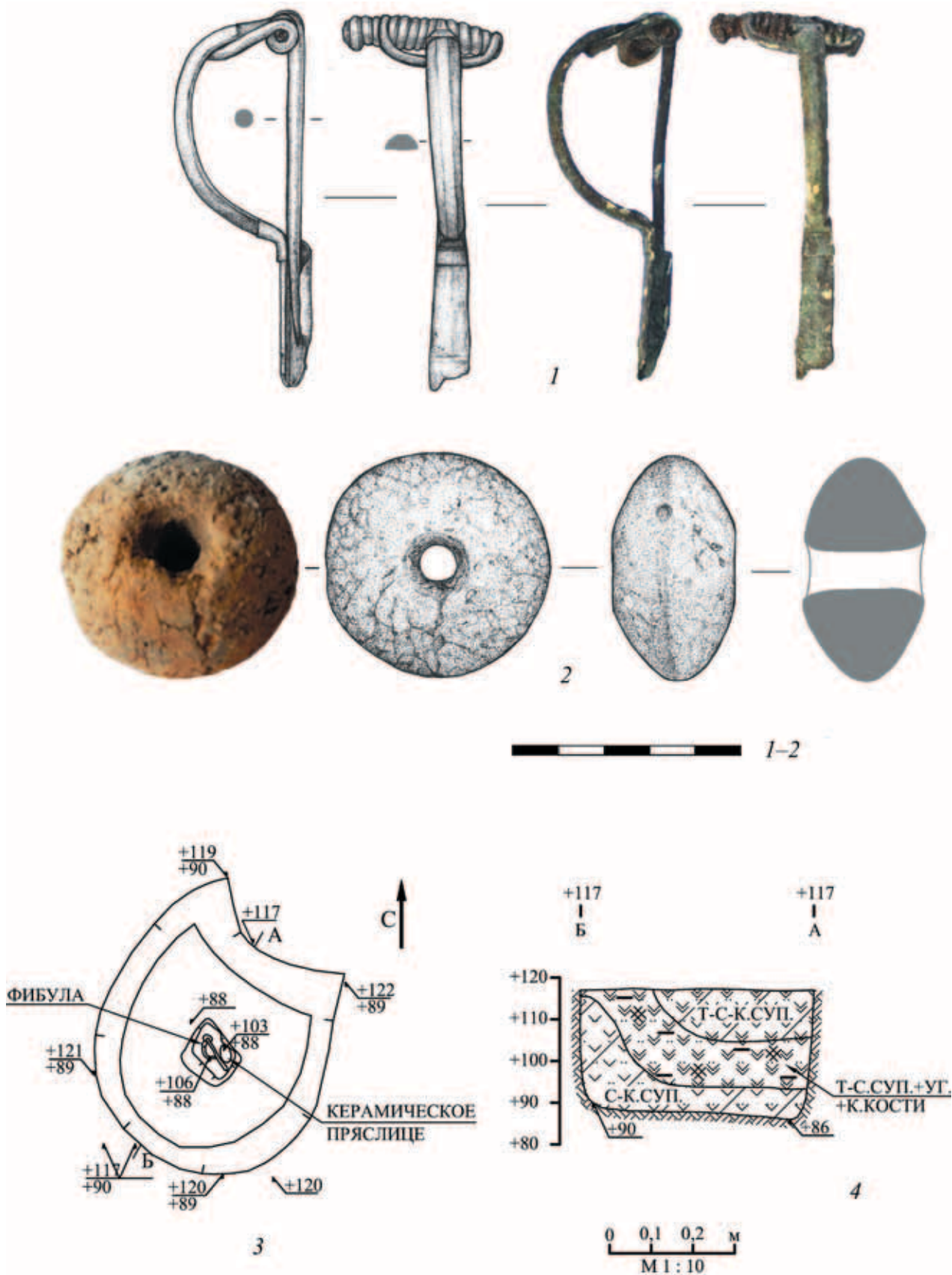

Табл. 108. Объект 73, участок 3

1 – бронзовая фибула; 2 – керамическое пряслице; 3 – план после выборки объекта; 4 – разрез

ЛИТЕРАТУРА И АРХИВНЫЕ МАТЕРИАЛЫ

- Амброз А. К.*, 1968. Дунайские элементы в раннесредневековой культуре Крыма (VI–VII вв.) // КСИА. Вып. 113. С. 10–23.
- Аун М.*, 1992. Археологические памятники второй половины I тысячелетия н. э. в Юго-Восточной Эстонии. Таллин: Олион. 192 с.
- Ахмедов И. Р., Казанский М. М.*, 2004. После Аттилы. Киевский клад и его культурно-исторический контекст // Культурные трансформации и взаимовлияния в Днепровском регионе на исходе римского времени и в раннем средневековье / Отв. ред. В. М. Горюнова, О. А. Щеглова. СПб.: Петербургское Востоковедение. С. 168–202.
- Вернер И.*, 2013. Золотой браслет короля франков Хильдерика и германские браслеты поздне-римского времени // *Stratum plus*. № 4. С. 315–350.
- Вольфрам Х.*, 2003. Готы. СПб.: Ювента. 656 с.
- Гуревич Ф. Д.*, 1951. Рагинянский могильник // КСИИМК. Вып. XXXVI. С. 56–61.
- Добровольская М. В.*, 2010. Результаты антропологического анализа материалов, происходящих из погребальных комплексов могильника Митино // Скворцов К. Н. Могильник Митино V–XIV вв. (Калининградская область). По результатам исследований 2008 г. М.: ИА РАН. С. 199–217.
- Зальцман Э. Б.*, 2013. Отчет о раскопках могильника Заостровье-1 (вблизи поселка Заостровье, Зеленоградского района, Калининградской области) Самбийской археологической экспедиции в 2012 году // Архив ИА РАН. Р-1. № 46701.
- Засецкая И. П., Казанский М. М., Ахмедов И. Р., Минасян Р. С.*, 2007. Морской Чулек. Погребения знати из Приазовья и их место в истории племен Северного Причерноморья в постгуннскую эпоху. СПб: Государственный Эрмитаж. 212 с.
- Звяруга Я. Г.*, 2005. Беларускае Павілее ў жалезным веку і раннім сярэднявекі. Мінск: Інстытут гісторыі НАН Беларусі. 174 с.
- Иордан.* О происхождении и деяниях гетов (Getica) / Текст, перевод и комментарии Е. Ч. Скржинской. СПб.: Алатейя, 2001. 512 с.
- Исланова И. В.*, 2008. Городище Отмичи. М.: ИА РАН. 284 с. (Раннеславянский мир 11).
- Казанский М. М.*, 1997. Остроготские королевства в гуннскую эпоху: рассказ Иордана и археологические данные // *Stratum + Петербургский Археологический Вестник* / Ред. М. Ю. Вахтина, Ю. А. Виноградов. СПб.-Кишнев: Научно-образовательный центр «Рудь-Мэтониум». С. 181–193.
- Казанский М. М.*, 1999. О балтах в лесной зоне России в эпоху Великого переселения народов // *Археологические Вести*. № 6. С. 404–419.
- Казанский М. М.*, 2008. Оружие «западного» и «южного» происхождения в лесной зоне России и Белоруссии в начале средневековья // *Лесная и лесостепная зоны Восточной Европы в эпохи римских влияний Великого переселения народов* / Отв. ред. А. Н. Наумов. Тула: Гос. Музей Заповедник «Куликово Поле». С. 304–324.

- Казанский М. М., 2010а. О контактах населения территории восточной Эстонии и Скандинавии в эпоху Великого переселения народов // Диалог народов и культур средневековой Европы. К 60-летию со дня рождения Евгения Николаевича Носова / Отв. ред. А. Е. Мусин, Н. В. Хвощинская. СПб.: Дмитрий Буланин. С. 330–336.
- Казанский М. М., 2010б. Реки восточной части Балтийского бассейна и античные географы. Еще раз о Турунте и Хесине // Археологические вести. № 16. С. 123–134.
- Казанский М. М., 2010в. Скандинавская меховая торговля и «Восточный путь» в эпоху переселения народов // *Stratum plus*. 2010. № 4. С. 17–127.
- Казанский М. М., 2012. О происхождении скрамасакса // *Stratum plus*. № 5. С. 111–124.
- Казанский М. М., 2013. Арбалетные фибулы эпохи переселения народов в Южной Галлии и «северный след» // Археологический Сборник Государственного Эрмитажа. 39. С. 197–208.
- Казанский М. М., 2014. Вождеское захоронение гуннского времени в Концештах и его культурно-исторический контекст // *Tractus Aevorum*. Вып. 1. С. 28–51.
- Казанский М. М., 2015. Вооружение и конское снаряжение славян V–VII вв. // *Stratum plus*. № 5. С. 43–95.
- Казанский М. М., 2016. Водные пути из Балтики к Черному морю в позднеримское время и в эпоху переселения народов (*Les voies fluviales de la Baltique vers la mer Noire à l'époque romaine tardive et à celle des Grandes migrations*) // *Stratum plus*. № 4. С. 191–240.
- Казанский М., Мاستыкова А., 2001. Центры власти и торговые пути в Западной Алании в V–VI вв. // Северный Кавказ: историко-археологические очерки и заметки / Ред. В. И. Марковин. М.: ИА РАН. С. 138–161.
- Казанский М. М., Мاستыкова А. В., 2009. Кочевые и оседлые варвары в Восточной Европе в гуннскую эпоху // Дивногорский сборник. 1. С. 225–251.
- Казанский М. М., Мاستыкова А. В., 2013. О морских контактах эстиев в эпоху Великого переселения народов // Археология Балтийского региона / Ред. Н. А. Макаров, А. В. Мاستыкова, А. Н. Хохлов. М.: Нестор-История. С. 97–112.
- Казанский М. М., Мاستыкова А. В., 2014. Женские могилы знати постгуннского времени в понтийских степях и константинопольская мода // IV «Анфимовские чтения» по археологии Западного Кавказа / Отв. ред. Т. А. Павленко, Р. Б. Схатум, В. В. Улитин. Краснодар: Традиция. С. 97–108.
- Казанский М. М., Мاستыкова А. В., Скворцов К. Н., 2017. Признаки социальной стратификации у населения самбийско-натангийской культуры в начале средневековья (середина V–VII в.) // РА. № 3. С. 19–36.
- Казанский М. М., Перен П., 2005. Могила Хильдерика (481/482 г.) // КСИА. Вып. 218. С. 24–42.
- Казанский М. М., Перен П., 2014. «Королевские» и «вождеские» погребения раннемеровингского времени в Галлии: состояние исследований // КСИА. Вып. 234. С. 262–286.
- Каргопольцев С. Ю., 1994. Северо-Запад Восточной Европы в системе общеевропейских древностей III–VI вв. СПб. Дисс. ... канд. ист. наук.
- Клавдий Птолемей. Географическое руководство // Латышев В. В. *Scythica et Caucasica*. Известия древних писателей греческих и латинских о Скифии и Кавказе. Том I. Греческие писатели. СПб., 1890. С. 228–247.

- Корнелий Тацит.* О происхождении германцев и местоположении Германии // Корнелий Тацит. Сочинения в двух томах. Том первый. Анналы. Малые произведения. Пер. А. С. Бобовича. М.: Наука, 1969. С. 353–372.
- Корсунский А. Р., Гюнтер Р.,* 1984. Упадок и гибель Западной Римской Империи и возникновение германских королевств (до середины VI в.). М.: Издательство Московского университета. 256 с.
- Кулаков В. И.,* 1989. Могильники западной части Мазурского Поозерья конца V–VIII вв. (по материалам раскопок 1878–1938 гг.) // *Barbaricum.* С. 149–275.
- Кулаков В. И.,* 1990. Древности пруссов VI–XIII вв. М.: Наука. 167 с. (САИ. Вып. Г 1–9).
- Кулаков В. И.,* 1994. Пруссы (V–XIII вв.). М.: Геоэко. 216 с.
- Кулаков В. И.,* 1997. Варникам. Древности прусских вождей // *Гістарычна-Археалагічны Зборнік.* № 12. С. 143–171.
- Кулаков В. И.,* 1998. Holibo. Междуречье Ильфинг и Фришинг в 5 в. н. э. // *Гістарычна-Археалагічны Зборнік.* № 13. С. 98–119.
- Кулаков В. И.,* 2003а. История Пруссии до 1283 года. М.: Индрик. 432 с.
- Кулаков В. И.,* 2003б. Эстии, вены и германцы на Самбии // *Восточная Европа в древности и средневековье: К 80-летию Валентина Васильевича Седова / Ред. Н. А. Макаров, А. В. Чернецов, Н. Л. Лопатин.* М.: Наука. С. 100–108.
- Кулаков В. И.,* 2004. Доллькайм-Коврово. Исследования 1879 г. Минск: Институт Истории НАН Беларуси. 135 с.
- Кулаков В. И.,* 2005. Археологические критерии социальной истории Янтарного берега в I–XI вв. н. э. // *Stratum plus.* № 4. С. 278–382.
- Кулаков В. И.,* 2007. Доллькайм-Коврово. Исследования 1992–2002 гг. Минск: Институт Истории НАН Беларуси. 335 с.
- Кулаков В. И.,* 2011. Декоративное искусство Янтарного края. Орнамент фибул V–VII вв. Saarbrücken: LAP Lambert Academic Publishing. 150 с.
- Кулаков В. И.,* 2014. Hünenberg – «Гора Великанов». Могильник III–IV вв. на севере Самбии // *Barbaricum.* Том 10. С. 199–363. (*Światowit Supplement Series B*).
- Кулаков В. И.,* 2015. Король без дружины или дружина без короля. Археологический комментарий к феномену потестарности у древних германцев // *Исторический формат.* № 3. С. 6–13.
- Кулаков В. И.,* 2016а. Гребитен. Новые данные о старых раскопках // *Университетский научный журнал.* № 20. С. 15–27.
- Кулаков В. И.,* 2016б. Римские пластинчатые фибулы и умбоны на Янтарном берегу // *Mnieszność i większość. Relacje kulturowe na pograniczach. Cz. 1 // Red. P. Pietnoczki, M. Radoch, D. Szweđa.* Olsztyn: Instytut Historii i Stosunków Międzynarodowych Uniwersytetu Warmińsko-Mazurskiego. С. 9–21.
- Кухаренко Ю. В.,* 1980. Могильник Брест-Тришин. М.: Наука. 128 с.
- Лагуткина Е. В.,* 2010. Отчет об охранных археологических исследованиях поселения Заостровье 7 в Зеленоградском районе Калининградской области в 2010 г. // *Архив ИА РАН.* Р–1. № 30077.
- Лебек С.,* 1993. Происхождение франков, V–IX века. 1. Новая история Средневековой Франции. М.: Скарabei. 352 с.

- Лопатин Н. В., 1989. Тушемля, Демидовка, Колочин: о соотношении керамики верхних слоев // КСИА. Вып. 195. С. 9–15.
- Лопатин Н. В., 2005. Группы древностей V–VIII вв. н. э. в Верхнем Поднепровье и на северо-западе России (по керамическим материалам) // *Archeologia o początkach Słowian* / Red. P. Kaczanowski, M. Parczewski. Kraków: Instytut Archeologii Uniwersytetu Jagiellońskiego. С. 463–478.
- Лопатин Н. В., Фурасьев А. Г., 2007. Северные рубежи раннеславянского мира в III–V веках н. э. М.: ИА РАН. 252 с. (Раннеславянский мир 8).
- Максимов А. Д., Розанова Л. С., 1998. Результаты металлографического анализа железных изделий с городища Орлов Городок // Тверской Археологический Сборник. Вып. 3. С. 367–374.
- Мастыкова А. В., 2009. Женский костюм Центрального и Западного Предкавказья в конце IV – середине VI в. н. э. М.: ИА РАН. 502 с.
- Мастыкова А. В., 2011а. Охранные раскопки на могильниках позднеимперского времени Шлакалькен-5 и Шлакалькен-6 на Самбийском полуострове // Труды III (XIX) Археологического Всероссийского Съезда / Отв. ред. Н. А. Макаров, Е. Н. Носов. Том I. СПб.-М.-Великий Новгород: Новгородский технопарк. С. 360, 361.
- Мастыкова А. В., 2011б. Отчет о спасательных раскопках грунтового могильника Заостровье 2 (Schlakalken) Зеленоградского района Калининградской области в 2011 г. // Архив ИА РАН. Р-1. № 34904.
- Мастыкова А. В., 2013. Отчет об археологических разведках на территории Зеленоградского района Калининградской области в 2013 году // Архив ИА РАН. Р-1. № 40904.
- Мастыкова А. В., Добровольская М. В., 2013. Палеоантропологические исследования и погребальный инвентарь самбийско-натангинской культуры // Археология Балтийского региона / Отв. ред. Н. А. Макаров, А. В. Мастыкова, А. Н. Хохлов. М.: ИА РАН; СПб.: Нестор-История. С. 74–79.
- Мастыкова А. В., Добровольская М. В., Юганов К. Л., 2017. Могильник Шлакалькен-5: о культурно-хронологической преемственности памятников римского времени и эпохи Великого переселения народов в северной части Самбийского полуострова // КСИА. Вып. 246. С. 28–55.
- Мастыкова А. В., Хохлов А. Н., 2012. Охранные раскопки могильников римского времени на Самбийском полуострове // Сайт ИА РАН. URL: http://archaeolog.ru/http://www.archaeolog.ru/index.php?id=2&id_nws=190&zid=9. Дата обращения – 17.09.2016 г.
- Матузова В. И., 1979. Английские средневековые источники IX–XIII вв. М.: Наука. С. 13–35.
- Митрофанов А. Г., 1978. Железный век средней Белоруссии. Минск: Наука и техника. 160 с.
- Михайлова Е. Р., 2014. Вещевой комплекс культуры длинных курганов. Типология и хронология. Saarbrücken: LAP Lambert Academic Publishing. 428 с.
- Несман У., 1989. Этнос и связи на Балтике в V–X веках нашей эры // Взаимодействие древних культур в бассейне Балтийского моря / Отв. ред. В. М. Массон. Ленинград: Наука. С. 19–23.
- Новаковский В., 2007. Восточные пруссы как связующее звено между Восточной и Западной Европой: археологические свидетельства V–VIII вв. // Европа без границ / Отв. ред. В. Менгин. Berlin: Minerva. С. 145–155.
- Петр из Дусбурга. Хроника Земли Прусской // Введение, перевод и комментарии В. И. Матузовой. М.: Ладомир, 1997. 384 с.

- Пинар Жил Ж., 2016. Украшения, топография и архитектура: индикаторы социальной стратификации на могильниках раннего вестготского периода в Испании и Южной Франции // КСИА. 244. С. 13–47.
- Подосинов А. В., 2007. Гидрография Восточной Европы в античной и средневековой геокартографии // Джаксон Т. Н., Калинина Т. М., Коновалова И. Г., А. В. Подосинов. «Русская река». Речные пути Восточной Европы в античной и средневековой географии. М.: Языки славянских культур. С. 13–97.
- Прокотий из Кесарии. Война с готами // Пер. С. П. Кондратьева. М.: Издательство АН СССР, 1950. 516 с.
- Санкоев М. П., 1992. Аспар // Alanica-II. Аланы и Кавказ / Ред. В. Х. Тменов. Владикавказ-Цхинвал: Северо-осетинский институт гуманитарных исследований. С. 56–62.
- Сегер Т., 1984. Заселение в эпоху железа (статистический анализ). In: (отв. ред.) // Новое в археологии СССР и Финляндии / Отв. ред. Б. А. Рыбаков. Ленинград: Наука. С. 100–112.
- Симонова Е. Н., 1970. Пальчатая фибула из Венгерского Национального Музея // Древние славяне и их соседи / Отв. ред. Ю. В. Кухаренко. М.: Наука. С. 75–79.
- Скворцов К. Н., 2010а. Могильник Митино V–XIV вв. (Калининградская область). М.: ИА РАН. Т. 1. 302 с. (Материалы охранных археологических исследований. Т. 15).
- Скворцов К. Н., 2010б. Могильник Митино V–XIV вв. (Калининградская область). М.: ИА РАН. Т. 2. 806 с. (Материалы охранных археологических исследований. Т. 15).
- Скворцов К. Н., 2016. Формирование социальных элит у эстиев в конце римского времени и в эпоху Великого переселения народов // КСИА. 244. С. 146–165.
- Скворцов К. Н., Хохлов А. Н., 2014. Погребение всадника конца V – первой половины VI в. из могильника Шоссейное Калининградской области // КСИА. Вып. 232. С. 151–159.
- Философов И. Ю., 2011. Климатическая катастрофа 536–537 годов, «возвращение герулов» и миф о Рагнареке // Известия Саратовского Университета. Серия: История. 11–1. 2011. С. 65–69.
- Харке Г., Савенко С. И., 2000а. Проблемы исследования древних погребений в западноевропейской археологии // РА. № 1. С. 217–226.
- Харке Г., Савенко С. И., 2000б. Проблемы исследования древних погребений в американской археологии // РА. № 2. С. 212–220.
- Хенниг Р., 1961. Посольство эстов в Италии у Теодориха // Хенниг Р. Неведомые земли. Т. II. М.: Издательство иностранной литературы. С. 60–62.
- Шадыра В. І., 2006. Беларускае Падзвінне (I тысячагоддзе н.э.). Мінск: Інстытут гісторыі НАН Беларусі. 150 с.
- Шадыро В. И., 2001. Городище и селище Прудники // Lietuvos Archeologija. Т. 21. С. 267–274.
- Шмидехельм М. Х., 1955. Археологические памятники периода разложения родового строя на Северо-Востоке Эстонии (V в. до н. э. – V в. н. э.). Таллин: Эстонское Гос. Изд. 272 с.
- Шмидт Е. А., 1995. Вооружение и снаряжение воино-всадников тушемлинских племен Поднепровья // Гістарычна-Археалагічны Зборнік. № 6. С. 105–117.
- Юганов К. Л., 2011. Отчет об охранных археологических раскопках на грунтовом могильнике Заостровье 2 в Зеленоградском районе Калининградской области в 2011 г. // Архив ИА РАН. Р–1. № 35879.

- Abegg-Wigg A.*, 2008. Germanic and Roman-provincial symbols of power – Selected finds from the aristocratic burials of Neudorf-Bornstein // *The Turbulent Epoch. New materials from the Late Roman Period and the Migration Period* / Eds. B. Niezabitowska-Wiśniewska *et alii*. Lublin: UMCS. T. I. P. 27–38.
- Albrectsten E.*, 1968. Fynske Jernaldergrave III. Yngre romersk jernalder. Odense: Odense Bys Musee. 406 p.
- Andersson K.*, 1995. Romartida guldsmede i Norden III. Uppsala: Uppsala University. 244 p.
- Andrzejowski J.*, 1991. Okucia rogów do picia z młodszego okresu przedrzymskiego i okresu wpływów rzymskich w Europie Środkowej i Północnej. (Próba klasyfikacji i analizy chronologiczno-terytorialnej) // *Materialy Starożytne i Wczesnośredniowieczne*. T. VI. P. 7–120.
- Andrzejowski J.*, 2000. Wczesnorzymska miniaturka tarczy z Nadkold nad Liwcem // *Superiores Barbari* / Eds. R. Madyda-Legutko, T. Bchnak. Kraków: Uniwersytet Jagielloński-Institut Archeologii. S. 23–47.
- Antoniewicz J., Kaczyński M., Okulicz J.*, 1963. Wyniki badań przeprowadzonych w latach 1958–1960 na cmentarzysku kurhanowym u miejsc. Szwajcaria, pow. Suwalki // *Wiadomości Archeologiczne*. T. 29. S. 166–192.
- Arhiiv Martha Shmidehelm // Ajaloo Instituut. Tallinn. Fond № 22.
- Arrhenius B.*, 1983. The Chronology of the Vendel graves // *Vendel Period Studies* / Eds. J. P. Lamm, H.-Å. Nordström, Stockholm: Statens Historiska Museum. P. 39–70.
- Arrhenius B.*, 1995. Regalia in Svealand in Early Medieval Times // *Tor*. 27–1. P. 311–335.
- Arrhenius B.*, 2013. Helgö in the shadow of the dust veil 536–537 // *Journal of Archaeology and Ancient History*. 5. 2013. P. 1–14.
- Aspelin J. R.*, 1880. Antiquités du Nord finno-ougriennes. IV. L'Age du Fer. Antiquités de la Finlande. Helsinki-Saint-Pétersbourg-Paris: G. W. Edlund; Eggers et Cie; C. Klincksieck. 345 p.
- Aspelin J. R.*, 1884. Antiquités du Nord finno-ougriennes. V. L'Age du Fer. Antiquités des provinces baltiques. Helsinki-Saint-Pétersbourg-Paris: G. W. Edlund; Eggers et Cie; C. Klincksieck. 366 p.
- Astrauskas A., Gleiznienė G., Šimenas V.*, 1999. Perpetės baltų kraštuose I tūkstantmečio vidryje // *Archaeologia Lituana*. 1. S. 119–144.
- Axboe M.*, 1999. The year 536 and the Scandinavian Gold Hoards // *Medieval Archaeology*. 43. P. 186–188.
- Axboe M.*, 2001. Amulet Pendants and a Darkened Sun // *Roman Gold and the Development of Early Germanic Kingdoms* / Ed. B. Magnus. Stockholm: Almquist & Wiksell Intl. P. 119–136.
- Baillie M. G. L.*, 1994. Dendrochronology raises questions about the nature of the AD 536 dust-veil event // *The Holocene*. 4–2. P. 212–217.
- Bavant B.*, 2012. Mors de chevaux d'époque protobyzantine: exemple de Caričin Grad // *Le cheval dans les sociétés antiques et médiévales* / Dir. S. Lazaris. Turnhout: Brepols Publishers. P. 143–154, 278–286.
- Bayard D., Piton D., Schuler R.*, 1981. Le cimetière mérovingien de Moreuil (80) // *Cahiers archéologiques de Picardie*. N° 8. P. 157–205.
- Berendt G.*, 1873. Zwei Gräberfeld in Natangien // *Schriften der Königlichen Physikalisch-ökonomischen Gesellschaft zu Königsberg*. Jg. 14/1. S. 81–101.

- Bertašius M.*, 2005. Marvelė. Ein Gräberfeld Mittellitauens. I. Band. Kaunas: Kauno technologijos universitetas. Humanitarinių mokslų fakultetas. 296 S.
- Beskow-Sjöberg M.*, 1977. The Archaeology of Skedemosse. IV. the UIron Age Settlements of the Skedemosse Area on Öland, Sweden. Stockholm: Almqvist & Wiksell International. 144 p.
- Bezenberger A.*, 1904. Gräberfeld bei Ruboken // Prussia. 22. S. 148–193.
- Bierbrauer V.*, 1975. Die ostgotischen Grab- und Schatzfunde in Italien. Spoleto: Centro Italiano di Studi sull'Alto medioevo. 368 S.
- Bierbrauer V.*, 1980. Zur chronologischen, soziologischen und regionalen Gliederung des ostgermanischen Fundstoffs des 5. Jahrhunderts in Südosteuropa // Die Völker an der mittleren und unteren Donau im 5. und 6. Jahrhundert / Hrsg. H. Wolfram, F. Daim. Wien: Verlag der Österreichischen Akademie der Wissenschaften. S. 131–142.
- Bierbrauer V.*, 1989a. Ostgermanische Oberschichtgräber der römischen Kaiserzeit und der frühen Mittelalters // Peregrinatio Gothica. Łódź: Katedra Archeologii Uniwersytetu Łódzkiego. S. 39–106. (Archaeologia Baltica; VIII).
- Bierbrauer V.*, 1989b. Bronzene Bügelfibeln des 5. Jahrhunderts aus Südosteuropa // Jahresschrift für Mitteldeutsche Vorgeschichte. Band 72. S. 141–160.
- Bierbrauer V.*, 2008. Ethnos und Mobilität im 5. Jahrhundert aus archäologischer Sicht: Vom Kaukasus bis nach Niederösterreich. München: Verlag der Bayerischen Akademie der Wissenschaften. 132 S.
- Bitner-Wróblewska A.*, 2001. From Samland to Rogaland: East-West Connections in the Baltic Basin during the Early Migration Period. Warszawa: Państwowe Muzeum Archeologiczne w Warszawie. 257 p.
- Bitner-Wróblewska A.*, 2003. Family groups at Netta cemetery. From studies on horizontal stratigraphy // Archaeologia Lituana. 4. P. 33–48.
- Bitner-Wróblewska A.*, 2007. Netta. A Balt Cemetery in Northeastern Poland. Warszawa: Państwowe Muzeum Archeologiczne w Warszawie; Fundacja Monumenta Archaeologica Barbarica. 326 p.
- Bitner-Wróblewska A.*, 2008. Observers or participants? The Balts during turbulent epoch // The Turbulent Epoch. New materials from the Late Roman Period and the Migration Period. T. I / Eds. B. Niezabitowska-Wiśniewska *et alii*. Lublin: UMCS. P. 97–112.
- Bitner-Wróblewska A., Wróblewski W.*, 2015. Aestii Tacyta. Mim naprawdę vyli? // Barbaricum. Tom 11. S. 64–78.
- Bliujienė A.*, 2011. Northern Gold: amber in Lithuania (c. 100 to C. 1200). Leiden, Boston: Brill. 424 p.
- Bliujienė A.*, 2013. Romėškasis ir tautų kraustymosi laikotarpiai. Lietuvos Archeologia III tomas. Klaipėda: Klaipėdos Universitetas. 752 p.
- Bliujienė A., Stančikaitė M., Piličiauskienė G., Mažeika J.*, 2017. Human-Horse Burials in Lithuania in the Late Second to Seventh Century ad: A Multidisciplinary Approach // European Journal of Archaeology. P. 1–28.
- Böhme H.-W.*, 1986. Das Ende der Römerherrschaft in Britannien und die angelsächsische Besiedlung Englands im 5. Jahrhundert // Jahrbuch des Römisch-Germanischen Zentralmuseums. Band 33. S. 469–574.
- Brather S.*, 2006. Kleidung, Bestattung, Ritual. Die Präsentation sozialer Rollen im frühen Mittelalter // Zwischen Spätantike und Frühmittelalter. Archäologie des 4. bis 7. Jahrhunderts im Westen / Hrsg. S. Brather. Berlin-New York: Walter de Gruyter. S. 237–273. (Erg.-B. RGA. Band 57).

- Brather S.*, 2009. Memoria und Repräsentation. Frühmittelalterliche Bestattungen zwischen Erinnerung und Erwartung // *Historia archaeologica*. Festschrift für Heiko Steuer zum 70. Geburtstag / Hrsg. S. Brather, D. Geuenich, C. Huth. Berlin-New York: De Gruyter. S. 247–284. (Erg.-B. RGA. Band 70).
- Brulet R.* (dir.), 1991. Les fouilles du quartier Saint-Brice à Tournai. L'environnement funéraire de la sépulture de Childeric. Louvain-la-Neuve / Département d'archéologie et d'histoire de l'art. Vol. 1. 194 p. Vol. 2. 201 p.
- Capelle T.*, 1994. Die Miniaturkette von Szilágysomlyó (Șimleul Silvaniei). Bonn: Habelt. 112 S.
- Christlein R.*, 1973. Besitzabstufungen zur Merowingerzeit im Spiegel reicher Grabfunde aus West- und Süddeutschland // *Jahrbuch des Römisch-Germanischen Zentralmuseums Mainz*. Jg. 20. S. 147–180.
- Cieśliński A.*, 2008. Die spätrömische Kaiserzeit und die frühe Völkerwanderungszeit an der Passarge/Pasłęka // *The Turbulent Epoch. New materials from the Late Roman Period and the Migration Period*. T. I / Eds. B. Niezabitowska-Wiśniewska *et alii*. Lublin: UMCS. S. 113–131.
- Cieśliński A.*, 2010. Kulturelle Veränderungen und Besiedlungsbläufe im Gebiet der Wielbzyk-Kulturen an Łyna, Pałęka und oberer Drwęca. Warszawa-Berlin: Staatliche Museen zu Berlin, Instytut Archeologii Uniwersytetu Warszawskiego. 322 S.
- Ciołek R.*, 2010. Goldene Münzen des 4.-5. Jahrhunderts in den südlichen Ostseegebieten // *Worlds apart? Contacts across the Baltic Sea in the Iron Age* / Eds. U. Lund-Hansen, A. Bitner-Wróblewska. København-Warszawa: Det Kongelige Nordiske Oldskiftelskab, Państwowe Muzeum Archeologiczne. S. 377–388.
- Ciupercă B., Măgureanu A.*, 2008. Huns and Other Peoples – Archaeological Evidence in Present-day Romania // *Hunnen zwischen Asien und Europa* / Hrsg. Historisches Museum der Pfalz Speyer. Weissbach: Beier & Beran. P. 119–130.
- Curletti M. G., Della Porta C.* (ed.), 1995. I Goti a San Marino. Il tesoro di Domagnano. Milano: Electa. 61 p.
- Curta F.*, 1994. On the Dating of the “Vețel-Coșoveni” Group of Curved Fibulae // *Ephemeris Napocensis*. IV. P. 233–265.
- Dion R.*, 1977. Aspects politiques de la géographie ancienne. Paris: Belles Lettres. 305 p.
- Duczko W.*, 1996. Uppsalahögarna som symboler och arkeologiska källor / Ed. W. Duczko. Arkeologi och miljögeologi i Gamla Uppsala. Uppsala: Uppsala University. P. 59–93.
- Eginhard.* Vie de Charlemagne. Texte, traduction et notes sous la direction de M. Sot et C. Veyrard-Cosme. Paris: Belles Lettres, 2014. 114 p.
- Ehrlich B.*, 1939. Das preussische Gräberfeld von Hochschnakeiken, Kr. Eilau // *Prussia*. 33. S. 21–40.
- Ellegård A.*, 1987. Who were the Eruli? // *Scandia*. Vol. 53/1. P. 5–34.
- Fēliksa Jākobsona arhīvs.* Ieraksti «Kreis Fischhausen» // *Latvijas Nacionālais vēstures muzejs*. Rīga.
- Gaerte W.*, 1929. Urgeschichte Ostpreussens. Königsberg: Gräfe und Unzer. 406 S.
- Godłowski K.*, 1980. Zur Frange der völkerwanderungszeitlichen Besiedlung in Pommern // *Studien zur Sachsenforschung*. 2. S. 63–106.
- Grabar A.*, 1966. L'Age d'Or de Justinien. De la mort de Théodise à l'Islam. Paris: Gallimard. 412 p.
- Graudonis J.*, 1974. Agrais dzelzs laikmets // *Latvijas PSR Archeologija*. III. Part / Ed. J. Apals. Rīga: Zinātne. P. 97–132.

- Griciuvienė E.* (ed.), 2009. The Curonians. Tribe Culture According to the Burial Data. Vilnius; Riga: Lietuvos nacionalinis muziejus, Latvijas Nacionālais vēstures muzejs. 464 p.
- Gunn J. D.*, 2000. AD 536 and its 300-year aftermath // Ed. J. D. Gunn, *The Years Without Summer: Tracing A. D. 536 and its Aftermath*. Oxford: B. A. R. P. 5–20. (BAR International Series – 872).
- Hackman A.*, 1905. Die ältere Eisenzeit in Finnland. Helsingfors: Finn. Altermuseum/Tilgmann. 377 S.
- Harhoiu R.*, 1998. Die frühe Völkerwanderungszeit in Rumänien. Bukarest: Editura Enciclopedică. 268 S. CXL Taf.
- Hedeager L.*, 1992. Kingdoms, ethnicity and material culture: Denmark in a European perspective // *The Age of Sutton Hoo: The seventh century in northwestern Europe* / Ed. M. O. H. Carver. Woodbridge: Boydell Press. P. 279–300.
- Hilberg V.*, 2009. Masurische Bügelfibeln. Studien zu den Fernbeziehungen der völkerwanderungszeitlichen Brandgräberfelder von Daumen und Kellaren. Daumen und Kellaren-Tumiany i Kielary, Band 2. Neumünster: Wachholtz Verlag. 615 S. (Schriften des Archäologischen Landesmuseums. Band 9).
- Hollack E.*, 1908. Erläuterungen zur vorgeschichtlichen Übersichtskarte von Ostpreussen. Berlin: Kommissions-Verlag von Carl Flemming. 234 S.
- Hollack E., Peiser F. E.*, 1904. Das Gräberfeld von Mojthienen. Königsberg: Verlag von Gräfe & Unzer. 56 S.
- Ivanišević V., Kazanski M., Mastykova A.*, 2006. Les nécropoles de Viminacium à l'époque des Grandes Migrations. Paris: ACHCB. 352 p.
- Jakobson F.*, 2009. Die Bradgräberfelder von Daumen und Kellaren im Kreise Allenstein, Ostpr. Daumen und Kellaren-Tumiany i Kielary, Band 1. Neumünster: Wachholtz Verlag. 424 S. (Schriften des Archäologischen Landesmuseums. Band 9).
- Jankuhn H.*, 1939. Gräberfeld der ersten Jahrhunderte v. Zr. aus Schlakalken // *Prussia*. 32/2. S. 245–260.
- Jaskanis J.*, 1958. Sprawozdanie s badań w 1956 r. na cmentarzysku kurhanowym w miejsc. Osowa, pow. Suwalki // *Wiadomości archeologiczne*. T. 25. S. 75–98.
- Jaskanis, J.*, 1974. Obrządek pogrzebowy zachodnich Baltów u schyłku starożytności (I–V w. n.e.). Wrocław-Warszawa-Kraków-Gdańsk: Zakład Narodowy im. Ossolińskich. 498 s. (Biblioteka Archeologiczna 23).
- Jaskanis, J.* 1977. Cmentarzyska kultury zachodnobałtyjskiej z okresu rzymskiego. Materiały do badań nad obrządkiem pogrzebowym // *Materiały starożytne i wczesnośredniowieczne*. IV. S. 239–350.
- Jentsch A.*, 1896. Bericht über die Verwaltung des Ostpreußischen Provinzialmuseums in der Jahren 1893–1895. III. Prähistorische Sammlung // *Schriften der Königlich-Physikalisch-ökonomischen Gesellschaft zu Königsberg*. Jg. 37. S. 115–125.
- Juga-Szymańska A.*, 2007a. Archiwalia archeologiczne dotyczące kultury bogaczewskiej // *Kultura bogaczewska w 20 lat później* / Ed. A. Bitner-Wróblewska. Warszawa: Muzeum Archeologiczne. S. 121–137.
- Juga-Szymańska A.*, 2007b. Cmentarzysko kultury bogaczewskiej w Gutach (byłe *Gutten*, Kr. Lötzen) // *Kultura bogaczewska w 20 lat później* / Ed. A. Bitner-Wróblewska. Warszawa: Muzeum Archeologiczne. S. 393–412.

- Kaczyński M.*, 1966. The Cemeteries dating from the Roman and Great Migration Perions in the Augustów Great Lakes Region // *Acta Baltico-Slavica*. 4. P. 79–108.
- Kaczyński M.*, 1976. Problem różnicowania wewnętrznego “kultury sudowskiej” w pozem podokresie wpływów rzymskich i okresie wędrówek ludów // *Prace Archeologiczne*. 22. S. 253–292.
- Karczewska M., Karczewski M.*, 2007. Uwagi o obrządku pogrzebowym kultury bogaczewskiej na przykładzie cmentarzyska w Paprotkach Kolonii / Ed. A. Bitner-Wróblewska. Warszawa: Muzeum Archeologiczne. S. 195–217.
- Katalog des Prussia-Museums*. Teil II. 1897. Königsberg: Selbstverl. der AltertumsGes. 48 S.
- Katsouginannapoulou C.*, 1997. Ein frühmittelalterlicher Fibelfund aus Nordgriechenland // *Archäologisches Korrespondenzblatt*. 27. S. 315–321.
- Kazakevičius V.*, 1987. Motifs of animal Decorative Pattern on Bindings of the 5th–6th Centuries Drinking Horns from Plinkagalio burial ground, Lithuania // *Finski Museum*. 1987. P. 45–63.
- Kazakevičius V.*, 1993. *Plinkagalio Kapinynas*. Vilnius: Vilnius Mokslo ir Enciklopedijų Leidykla. 220 p. (Lietuvos Archeologija. 10).
- Kazanski M.*, 1994. Les éperons, les umbo, les manipules de boucliers et les haches de l'époque romaine tardive dans la région pontique: origine et diffusion // *Beiträge zu römischer und barbarischer Bewaffnung in den ersten vier nachchristlichen Jahrhunderten* / Hrsg. C. von Carnap-Bornheim. Lublin; Marburg: Vorgeschichtliches Seminar der Philipps-Universität Marburg. P. 429–485.
- Kazanski M.*, 1998. Le royaume de Vinitharius: le récit de Jordanès et les données archéologiques // *Strategies of Distinction. The Construction of Ethnic Communities, 300–800* / Eds. W. Pohl, H. Reimitz. Leiden; Boston; Köln: Brill. P. 221–240.
- Kazanski M.*, 1999. L'armement slave du haut Moyen-Age (Ve–VIIe siècles). A propos des chefs militaires et des guerriers professionnels chez les anciens Slaves // *Prehled vyzkumu*. 39. P. 197–236.
- Kazanski M.*, 2009. *Archéologie des peuples barbares*. Bucarest-Brăila: Editura Academiei Române, 489 p. (Florilegium magistrorum historiae archaeologiaeque Antiquitatis et Medii Aevi V).
- Kazanski M., Mastykova A.*, 2005. Les contacts entre la Gaule du Nord et la côte sud-est de la mer Baltique durant l'époque des Grandes Migrations et au début de l'époque mérovingienne // *Voies d'eau, commerce et artisanat en Gaule mérovingienne* / Dir. J. Plumier, M. Regnard. Namur: Ministère de la région wallonne. P. 115–132.
- Kazanski M., Périn P.*, 2005. La tombe de Childéric: un tumulus oriental? // *Travaux et Mémoires (Mélanges Jean-Pierre Sodini)*. 15. Paris. P. 287–298.
- Kiss A.*, 1979. Ein Versuch die Funde und das Siedlungsgebiet der Ostgoten in Pannonien zwischen 456–471 bestimmen // *Acta Archaeologica Academiae Scientiarum Hungaricae*. T. 31. S. 329–339.
- Kivikoski E.*, 1973. *Die Eisenzeit Finnlands*. Helsinki: Weilin+Göögs AB. 90 S.
- Koch U.*, 1999. Nordeuropäisches Fundmaterial in Gräbern Süddeutschlands rechts des Rheins // *Völker an Nord- und Ostsee und die Franken* / Hrsg. U. von Freedon, U. Koch, A. Wiczorek. Bonn: Habelt. S. 175–194.
- Kokowski A.*, 1993. L'art militaire des Goths à l'époque romaine tardive (d'après les données archéologiques) // *L'armée romaine et les Barbares du IIIe au VIIe siècle* / Dir. F. Vallet, M. Kazanski. Saint-Germain-en-Laye: Association française d'archéologie mérovingienne. P. 335–354.

- Kolendo J.*, 1992. Roman Acquaintance with the South-East Baltic Coast. The *Karbores* of Ptolemy // *Barbaricum*. T. 2. S. 186–190.
- Kontny B.*, 2008a. Breves glisii et rotunda scuta. Remarks on the Goths' weapons on the margin of Tacitus' text // *Germania-Sarmatia*. I. P. 180–209.
- Kontny B.*, 2008b. The latest weapons in the Bogaczewo culture // *The Turbulent Epoch* / Eds. Niezabitowska-Wiśniewska B. *et alii*. Lublin: UMCS. T. II. P. 87–103.
- Kontny B., Okulicz-Kozaryn J., Pietrzak M.*, 2011. Nowinka. Site 1. The Cemetery from the Latye Migration Period in the northern Poland. Gdańsk-Warszawa: Archaeological Museum in Gdańsk. 180 p.
- Kontny B., Pietrzak M.*, 2013. Merovingian belt on the Vidivarian waist? Unexpected import from the Elbląg Group cemetery at Nowinka, Tolkemicko com. // *Археология Балтийского региона* / Отв. ред. Н. А. Макаров, А. В. Мастыкова, А. Н. Хохлов. Москва-Санкт-Петербург: Нестор-История. P. 122–133.
- Kowalski J.*, 1991. Z badań nad chronologią okresu wędrówek ludów na ziemiach zachodniobałtyjskich (faza E) // *Archeologia Bałtyjska. Materiały z konferencji*. Olsztyn. 24–25 kwietnia 1988 roku / Ed. H. Judzińska. Olsztyn: Ośrodek badań naukowych im. Wojciecha Kętrzyńskiego w Olsztynie. P. 67–85.
- Kubitschek W.*, 1911. Grabfunde in Untersiebenbrunn (auf em Marchfeld) // *Jahrbuch für Altertumskunde*. Band 5/1–3. S. 32–74.
- Kühn H.*, 1974. Die germanischen Bügelfibeln der Völkerwanderungszeit in Süddeutschland. Graz: Akademische Druck- u. Verlagsanstalt. 528 S.
- Kulakov V.I.*, 2005. The Amber Lands in the Time of the Roman Empire. Oxford: Archaeopress. 168 p. (BAR International Series – 1356).
- Kulakov V.I.*, 2014. Zespół dwóch złotych naszyjników/piersieni z Młoteczna (Hammersdorf) i grzywny typu R300 w krajach nadbałtyckich // *Prutenia*. T. IX. S. 45–63.
- Kulikauskas P., Kulikauskene R., Tautavičius A.*, 1961. Lietuvos archeologijos bruožai; Vilnius: Valstybinė politinės ir mokslinės literatūros leidykla. 532 p.
- Kurila L., Kliaugaitė V.*, 2007. Baliulių pilkapiiai (švenčionių r.) // *Lietuvos Archeologija*. T. 30. P. 121–180.
- La Baume W.*, 1944. Altpreußische Zaumzeug // *Alt Preußen*. Jhg. 9. H. 1/2. S. 2–19.
- Laszlo G.*, 1951. The Significance of the Hun Golden Bow // *Acta Archaeologica Academiae Scientiarum Hungaricae*. T. 1. P. 91–104.
- Laul S.*, 2001. Rauaaja kultuuri kujunemine Eesti kaguosas (500 e. Kr – 500 p. Kr). Tallinn: Ajaloo Instituut. 280 p. (Muinasaja Teadus. 9).
- Legoux R.*, 2011. La nécropole mérovingienne de Bulles (Oise). Saint-Germain-en-Laye: Association française d'archéologie mérovingienne. Vol. 1. 428 p., Vol. 2. 496 p.
- Lincke B.*, 1939. Eine baltische Halsringform der Völkerwanderungszeit // *Prähistorische Zeitschrift*. 28–29/1–2. S. 80–157.
- Ljungkvist J.*, 2008. Dating two Royal Mounds of Old Upsala. Evaluating the Elite of the 6th–7th Century in Middle Sweden // *Archäologische Korrespondenzblatt*. Jg. 38. Heft 2. P. 263–282.
- Löwenborg D.*, 2012. An Iron Age Shock – Did the AD 536–7 event trigger large-scale social changes in the Mälaren valley area? // *Archaeology and Ancient History*. 4. P. 3–29.
- Lund Hansen U.*, 1971. Danish Grave Finds of the Fourth and Fifth Century A. D. // *Inventaria Archaeologia*. Denmark. Fasc. 8. DK 40 – DK 44.

- Lund Hansen U.*, 1988. Handelszentren der römischen Kaiserzeit und Völkerwanderungszeit in Dänemark // Trade and Exchange in Prehistory / Eds. B. Hårdh, L. Larsson, D. Olausson, R. Petré. Lund: Lunds Universitets Historiska Museum. P. 155–166.
- Lundström A.*, 1985. Handel während der Völkerwanderungszeit und Merovingerzeit in Ostskandinavien // Untersuchungen zu Handel und Verkehr der vor- und frühgeschichtlichen Zeit in Mittel- und Nordeuropa. Teil III. Der Handel des frühen Mittelalters / Hrsg. K. Düwel. Göttingen: Vandenhoeck & Ruprecht. S. 270–290.
- Macbain B.*, 1983. Odovacer the Hun? // Classical Philology. 78. P. 323–327.
- Mączyńska M.*, 2007. Pommern in der Völkerwanderungszeit – 20 Jahre nach dem Aufsatz von Kazimierz Godłowski // Barbaren im Wandel. Beiträge zur Kultur- und Identitätsumbildung in der Völkerwanderungszeit / Hrsg. J. Tejral. Brno: Archäologisches Institut AW CR. S. 147–171.
- Mandel M.*, 1995. Eisenzeitliche Grabformen und Bestattungsbräuche auf dem westestnischen Festlande // Archaeology East and West of the Baltic / Ed. I. Jasson. Stockholm: Stockholm University. S. 111–121.
- Mandel M.*, 2003. Läänemaa 5.–13. sajandi kalmed. Tallinn: Eesti Ajaloomuseum. 287 lk. (Eesti Ajaloomuseum Töid Ajaloo Alalt. 5).
- Mastykova A., Dobrovolskaia M.*, 2013. Grave Goods in the Semeteries from the Late Roman and Early Mediaeval Periods on the Sambian Peninsula and Anthropological Accounts // INTER AMBO MARIA. Northern Barbarians from Scandinavia towards the Black Sea / Eds.: I. Khrapunov, F.-A. Stylegar. Kristiansand-Simferopol: Dolya. P. 272–281.
- Menghin W.*, 1983. Das Schwert im Frühen Mittelalter. Stuttgart: Konrad Theisse Verlag. 368 S.
- Michelbertas M.*, 2005. Mikužių kapinyno (Klaipėdos rajonas) radiniai // Archaeologia Lituana. 6. S. 94–111.
- Moora H.*, 1929. Die Eisenzeit in Lettland bis etwa 500 n. I. Teil: die Funde. Chr. Tartu: Õpetatud Eesti Seltsi Toimetused. 194 S. (Õpetatud Eesti Seltsi Toimetused. XXV).
- Moora H.*, 1938. Die Eisenzeit in Lettland bis etwa 500 n. II. Teil: Analyse. Chr. Tartu: Õpetatud Eesti Seltsi Toimetused. 750 S. (Õpetatud Eesti Seltsi Toimetused XXIX).
- Müller-Wille M.*, 1992. Monumentale Grabhügel der Völkerwanderungszeit in Mittel- und Nordeuropa. Bestznd und Deutung // Mare Balticum. Beiträge zur Geschichte des Ostseeraums in Mittelalter und Neuzeit / Hrsg. W. Paravicini. Sigmaringen: J. Thorbecke. S. 1–20.
- Müller-Wille M.*, 1997. Les tombes royales et aristocratiques à *tumuli* // Antiquités Nationales. 27. P. 245–257.
- Näsman U.*, 1998. The Justinianic Era of south Scandinavia: an Archaeological View // The Sixth Century. Production, Distribution and Demand / Eds. R. Hodges, W. Bowden. Leiden-Boston-Köln: Brill. P. 255–278.
- Näsman U.*, 1999. The Ethnogenesis of the Danes and the Making of a Danish kingdom // The Making of Kingdoms / Eds. T. Dickinson, D. Griffiths. Oxford: Oxford University Committee for Archaeology. P. 1–10. (Anglo-Saxon Studies in Archaeology and History 10).
- Näsman U.*, 2006. Danerne og het danske kongeriges opkomst. Om forskingsprogrammet «Fra Stamme til Stat i Danmark» // Kuml. S. 205–241.
- Nerman B.*, 1935. Der Völkerwanderungszeit Gotlands. Stockholm: Kungl. Vitterhets Historie och Antikvitets Akademien. 136 S.
- Nowakiewicz T.* (red.), 2011. Archeologiczne dziedzictwo Prus Wschodnich w archiwum Feliksa Jakobsona. Warszawa: Ministerstwo Kultury i Dziedzictwa Narodowego. 640 s.

- Nowakowski W.*, 1995. Od Galindai do Galinditae. Z badań nad pradziejami bałtyjskiego ludu z Pojezierza Mazurskiego. Warszawa: Instytut Archeologii Uniwersytetu Warszawskiego. 106 p. (Barbaricum. T. 4).
- Nowakowski W.*, 1996. Das Samland in der römischen Kaiserzeit und seine Verbindungen mit dem römischen Reich und der barbarischen Welt. Marburg; Warszawa: Vorgeschichtliches Seminar der Philipps-Universität Marburg. 169 S. (Veröffentlichung des Vorgeschichtlichen Seminars Marburg. Sonderband 10).
- Oexle J.*, 1992. Studien zu merowingerzeitlichem Pferdegeschirr am Beispiel der Trensen. Denkmäler der Völkerwanderungszeit Serie A. Band 16. Mainz: Verlag Philip von Zabern. 307 S.
- Okulicz J.*, 1973. Pradzieje ziem pruskich od późnego paleolitu do VII w. n.e. Wrocław: Zakład Narodowy im. Ossolińskich. 588 S.
- L'Or des princes barbares. Du Caucase à la Gaule Ve s. après J.-C. 2000. Paris: Réunion des Musées nationaux. 224 p.
- Oras E.*, 2015. Practices of Wealthy Depositing in the 1st–9th Century ad Eastern Baltic. London / Sidestone Press. 352 p.
- Ørsnes M.*, 1993. Zaumzeuge des 1.–8. Jahrh. nach Chr. in Mittel- und Nordeuropa // Acta Archaeologica. Vol. 64–1. S. 183–292.
- Ottománi K.*, 2001. «Hunkori» sírok a Pátyi temetőben // Archaeologiai Értesítő. N° 126. O. 35–74.
- Périn P.*, 1998. Possibilités et limites de l'interprétation sociale des cimetières mérovingiens // Antiquités Nationales. 30. P. 169–184.
- Périn P., Kazanski M.*, 2005. La tombe de Childéric, le Danube et la Méditerranée // Villes et campagnes en Neustrie / Dir. L. Verslype. Montagnac: Editions Monique Mergoil. P. 29–38. (Europe médiévale. 8).
- Pėteraitis V.*, 1997. Mažosios Lietuvos ir Tvankstos vietovardžiai, Mokslo ir enciklopedijų leidybos institutas. Vilnius: Mažosios Lietuvos fondas. 608 p.
- Poulik J.*, 1995. Žurān in der Geschichte Mitteleuropas // Slovenská Archeologič. N° 43/1. S. 27–109.
- Quast D.*, 1993. Die merowingerzeitlichen Grabfunde aus Gültlingen. Stuttgart: Kommissionsverlag-Konrad Theiss Verlag. 162 S.
- Quast D.*, 2005. Völkerwanderungszeitliche Frauengräber aus Hippo Regius (Annaba/Bône) in Algerien // Jahrbuch des Römisch-Germanischen Zentralmuseums Mainz. Jg. 52. S. 237–315.
- Quast D.*, 2010. Ein spätantikes Zepter aus dem Childerichgrab // Archäologisches Korrespondenzblatt. 40–2. S. 285–296.
- Quast D.* (Hrsg.), 2015. Das Grab des fränkischen Königs Childerich I in Tournai und die Anastasis Childerici von Jean-Jacques Chifflet aus dem Jahre 1655. Mainz: Römisch-Germanisches Zentralmuseum. 514 S.
- Raddatz K.*, 1957. Der Thorsberger Moorfund. Gürtelteile und Körperschmuck. Neumünster: Karl Wachholtz Verlag. 158 S.
- Ramqvist P.H.*, 1991. Über ökonomische und sozio-politische Beziehungen der Gesellschaft der nordischen Völkerwanderungszeit // Frühmittelalterliche Studien. Band 35. S. 45–72.
- Ramqvist P.H.*, 1992. Högom. The Excavations 1949–1984. Part I. Neumünster: Karl Wachholtz. 236 p. 156 pl.

- Reichstein J.*, 1975. Die kreuzförmige Fibel. Zur chronologie der späten römischen Kaiserzeit und der Völkerwanderungszeit in Skandinavien, auf dem Kontinent und in England. Neumünster: Karl Wachholtz. 188 S. (Offa-Bücher. 34).
- Reynolds R. L., Lopez R. S.*, 1946–1947. Odoacer: German or Hun? // *American Historical Review*. 52. P. 36–53.
- Rudolf Grenz Archiv. Zentralkatalog der ur- und frühgeschichtlichen Funde von Ostpreussen. Fischhausen // Archäologisches Landesmuseum in der Stiftung Schleswig-Holsteinische Landesmuseum, Schloss Gottorf, Schleswig. Dokumentationsarchiv.
- von Rummel P.*, 2007. Habitus barbarus: Kleidung und Repräsentation spätantiker Eliten im 4. und 5. Jahrhundert. Berlin-New York: Walter de Gruyter. 482 S. (Erg.-B. RGA. Band 55).
- von Rummel P.*, 2012. L'aquila gotica. Sull'interpretazione di un simbolo // La trasformazione del mondo romano e le grandi migrazioni. Nuovi popoli dall'Europa settentrionale e centro-orientale alle coste del Mediterraneo / Eds. C. Ebanista, M. Rotili. Cimitile: Tavolario. P. 51–66.
- Rygh O.*, 1885. Antiquités norvégiennes. Christiania: Alb. Cammermeyer. 84 p.
- Samland – Archiv. Fundkartei. K-P // Archäologisches Landesmuseum in der Stiftung Schleswig-Holsteinische Landesmuseum, Schloss Gottorf, Schleswig. Dokumentationsarchiv.
- Schlakalken, Fischhausen. Prussia-Archiv, Signatur PM-A 877/1 // Staatliche Museen zu Berlin, Preussischer Kulturbesitz, Museum für vor- und frühgeschichtlichen Sammlung des Prussia Museums Königsberg i. Ostpr. (Signatur IXd 8).
- Schlicht O.*, 1922. Das westliche Samland. II Band. Dresden: Kolbe und Schlicht. 312 S.
- Schulze M.*, 1977. Die spätkaiserzeitlichen Armbrustfibeln mit festem Nadelhalter (Gruppe Almgren VI, 2). Bonn: Rudolf Habelt Verlag GMHB, 446 S.
- Shchukin M., Kazanski M., Sharov O.*, 2006. Des Goths aux Huns: Le Nord de la mer Noire au Bas-Empire et à l'époque des Grandes Migrations. Oxford: John and Erica Hedges Ltd. 482 p. (BAR International Series –1535).
- Šimėnas V.*, 2006. Etnokultūriniai Procesai Vakarų Lietuvoje pirmojo mūsų eros tūkstantmečio viduryje. Vilnius: Vilnius Universiteto Leidykla. 125 p.
- Skvorzov K.*, 2007. Das Gräberfeld der römischen Kaiserzeit von Bol'shoe Isakovo (eemals Lauth, Kreis Königsberg). Katalog der Funde aus den Grabungen 1998 und 1999 // *Offa*. 61/62. S. 11–219.
- Skvortsov K. N.*, 2013a. The Formation of a sambian-natangian Culture Patrimonial Elite in the Roman Period in the Context of the Amber Trade // *Archaeologia Baltica* 18. № 2. P. 167–191.
- Skvortsov K. N.*, 2013b. «The amber coast masters» some observations on rich burials in the sambian-natangian culture ca. ad. 500 // *Inter Ambo Maria: Northern Barbarians from Scandinavia towards the Black Sea* / Eds. I. Khrapunov, F.-A. Stylegar. Kristiansand; Simferopol: Dolya. P. 352–364.
- Skvortsov K.*, 2015. The Story of a „Byzantine“ coin from Sambia (on the question of Balto-Avar contacts) // *Barbaricum*. Tom 11. P. 601–621.
- Skvortcov K.*, 2017. Nowe spojrzenie na stare materiały. Próba rekonstrukcji inwentarzy grobów 1 i 4 z badań Richarda Klebsa na cmentarzysku w Warnikam w 1877 roku // *Obis Barbarorum. Studia ad Archaeologiam Germanorum et Baltorum Temporibus Imperii Romani Pertinentia Adalberto Nowakowski Dedicata* / Red. C. von Carnap-Bornheim, A. Cieśliński, B. Kontny. Warszawa-Schleswig: Instytut Archeologii Uniwersytetu Warszawskiego; Zentrum für Baltische und Skandinavische Archäologie; Fundacja Monumenta Archaeologica Barbarica. S. 223–238.

- Skvorzov K. N., Pesch A.*, 2011. Krieger, Dicke Vögel und gehörnte Pferde? Ein Sattelbeschlag aus Mitino (obl. Kaliningrad) // *Archäologisches Korrespondenzblatt*. Jhrg. 41. Heft 3. S. 419–438.
- Smirnova M. E.*, 2006. Les tombes et les sanctuaires ouvertes des nécropoles de Sarmie // *De l'Age du fer au haut Moyen Age. Archéologie funéraire, princes et élites guerrières* / Dir. X. Delestre, M. Kazanski, P. Périn (Saint-Germain-en-Laye: AFAM. P. 342–349).
- Soupault V.*, 2003. Les éléments métalliques du costume masculin dans les provinces romaines de la mer Noire III –Ve s. ap. J.-C. Oxford: Archaeopress, 308 p. (BAR International Series – 1167).
- Stauch E.*, 2008. Alter ist Silber, Jugend ist Gold! Zur altersdifferenzierten Analyse frühgeschichtlicher Bestattungen. Zwischen Spätantike und Frühmittelalter. *Archäologie des 4. bis 7. Jahrhunderts im Westen* / Hrsg. S. Brather. Berlin-New York: Walter de Gruyter. S. 275–295. (Erg.-B. RGA. Band 57).
- Steuer H.*, 1982. Frühgeschichtliche Sozialstrukturen in Mitteleuropa: eine Analyse der Auswertungsmethoden des archäologischen Quellenmaterials. Göttingen: Vandenhoeck & Ruprecht. 613 S.
- Steuer H.*, 1987. Helm und Rignschwert. Prunkbewaffnung und Rangabzeichen germanischer Krieger // *Studien zur Sachsenforschung*. 6. S. 190–236.
- Steuer H.*, 1989. Archaeology and history: proposals on the social structure of the Merovingian kingdom // *The birth of Europe. Archaeology and social development in the first millennium AD* / Ed. K. Randsborg. Roma: L'Erma di Bretschneider. P. 100–122.
- Steuer H.*, 2006. Fürstengräber, Adelsgräber, Elitegräber: Methodisches zur Anthropologie der Prunkgräber // *Herrschaft – Tod – Bestattung. Zu den vor- und frühgeschichtlichen Prunkgräbern als archäologisch-historische Quelle* / Hrsg. C. von Carnap-Bornheim, D. Krause, A. Wesse. Bonn: Rudolf Habelt. S. 11–25.
- Stenberger M.*, 1977. Vorgeschichte Schwedens. Berlin: Akademie-Verlag. 544 S.
- Stjernquist B.*, 1955. Simris. On cultural Connections of Scania in the Roman Iron Age. Bonn; Lund: Rudolf Habelt Verlag, GWK Gleerups Förlag 186 p.
- Stjernquist B.*, 1985–1985. Glass from the Settlement of Gårdlösa, Southern Sweden // *Meddelanden från Lunds universitets historiska museum*. 6. P. 139–166.
- Stubavs A.*, 1976. Ķentes pilskalns un apmene. Riga: Zinātne. 144 p.
- Szydłowski J.*, 1974. Trzy cmentaryska typu dobrodzieńskiego. Bytom: Muzeum górnośląskie w Bytomiu. 162 s.
- Tautavičius A.*, 1981. Taurapilio «kunigaikščio» kapas // *Lietuvos Archeologija*. 2. S. 18–43.
- Tautavičius A.*, 1996. Vidurinis geležies amžius Lietuvoje (V–IX a.). Vilnius: Lietuvos pilys. 367 p.
- Tejral J.*, 1976. Grundzüge der Völkerwanderungszeit in Mähren. Praha: Academia. 122 S.
- Tejral J.*, 1997. Les fédérés de l'Empire et la formation des royaumes barbares dans la région du Danube moyen à la lumière des données archéologiques // *Antiquités Nationales*. 29. P. 137–166.
- Tejral J.*, 1999. Die spätantiken militärischen Eliten beiderseits der norisch-pannonischen Grenze aus der Sicht der Grabfunde // *Germanen beiderseits des spätantiken Limes* / Hrsg. T. Fischer, G. Precht, J. Tejral. Köln; Brno: Archäologisches Institut AW CR. S. 217–292.
- Tejral J.*, 2007. Das Hunnenreich und die Identitätsfragen der barbarischen „gentes“ im Mitteldonaauraum aus der Sicht der Archäologie // *Barbaren im Wandel. Beiträge zur Kultur- und Identitätsumbildung in der Völkerwanderungszeit* / Hrsg. J. Tejral. Brno: Archäologisches Institut AW CR. S. 55–119.

- Tejral J.*, 2011. Einheimische und Fremde. Das norddanubische Gebiet zur Zeit der Völkerwanderung. Brno: Archäologisches Institut AW CR. 466 S.
- Theune-Grosskopf B.*, 1995. Zweibelknopffiben und ihre Träger – Schmuck und Rangabzeichen // Die Schrube zwischen Macht und Pracht. Das Gewinde in der Antike. Sigmaringen: Thorbecke. S. 77–112.
- Tihelka K.*, 1963. Knížecí hrob z období stěhování národů u Blučiny, okr. Brno-Venkov // Památky Archeologické. T. 65/2. S. 467–498.
- Tillväxten under år 1907 // Fornvännen. 2. S. 267–270.
- Tischler O., Kemke H.*, 1902. Ostpreussische Altertümer aus der Zeit der grossen Gräberfelder nach Cristi Geburt. Königsberg: In Kommission bei Wilh. Koch. 86 S.
- Tvauri A.*, 2014. The Impact of the Climate Catastrophe of 536–537 AD in Estonia and Neighbouring Areas // Estonian Journal of Archaeology. 18–1. 30–56.
- Ulbert T.*, 1981. Ad Pirum (Hrušica): Spätromische Passbefestigung in den Julischen Alpen (Münchner Beiträge zur Vor- und Frühgeschichte, 31). München: C. H. Beck'sche Verlagbuchhandlung. 246 S.
- Urtans V.*, 1977. Senākie depoziīti Latvija (līdz 1200 g.). Rīga: Zinātne. 284 p.
- Vagalinski L.*, 1994. Zur Frage der ethnischen Herkunft der späten Strahlenfibeln (Finger- oder Bügelfibeln) aus dem Donau-KarpatenBecken 6.–7. Jh.) // Zeitschrift für Archäologie. 28. S. 261–305.
- Vaitkunskienė L.*, 1995. The formation of a warrior elite during the Middle Iron Age in Lithuania // Archaeologia Baltica. 1. P. 94–106.
- Vaškevičūte I.*, 1987. Jauneikių (Joviškio raj.) V–XUI a. kapinynas (5. Rankų papuošalai, kiti radiniai) // Труды Академии Наук Литовской ССР. Серия А. 4 (101). P. 71–81.
- Voss O.*, 1954. The Høstentorp Silver Hoard and its period. A study of a danish find of scrap silver from about 500 A. D. // Acta Archaeologica. Vol. 25. P. 171–219.
- Waldbaum J. C.*, 1983. Metalwork from Sardis: the Finds through 1974. Cambridge, Massachusetts, London: Harvard University Press. 218 p. 67 pl.
- Wolągiewicz R.*, 1993. Ceramika kultury wielbarskiej między Bałtikiem a morem Czarnym. Szczecin: Muzeum Narodowe. 202 s.
- Wolfram H.*, 1997. La typologie des ethnogeneses: un essai // Antiquités Nationales. 29. P. 127–136.
- Wyszomirska-Werbart B.*, 1992. Scandinavians and the Eastern Baltic during the Migration Period. The Cultural Interactions / Eds. B. Hårdt, B. Wyszomirska-Werbart. Contacts across the Baltic Sea during the Late Iron Age (5th–12th centuries). Lund: University of Lund. P. 59–72.
- Zieling N.*, 1989. Studien zu germanischen Schilden der Spätlatène – und der römischen Kaiserzeit im freien Germanien. Oxford: B. A. R. 1065 p. (BAR UInternational Series – 505).
- Zotz L.*, 1935. Die spätromische Kultur Schlesiens im Gräberfeld von Gross Sürding, Leipzig: Schlesischer Altertumsverein in Breslau und dem Institut für Vor- und Frühgeschichte der Universität Breslau. 115 S. (Quellenschriften zur ostdeutschen Vor- und Frühgeschichte, 2).
- Žulkus V.* 2000. Die Völkerwanderung und die Westbalten die Entstehung der Kuren // Archaeologia Baltica. 4. S. 89–108.

ПРИЛОЖЕНИЯ

2 Afib n ger F. R. Nh.

М.В. ДОБРОВОЛЬСКАЯ

КРЕМАЦИИ ИЗ ПОГРЕБЕНИЙ МОГИЛЬНИКА ЗАОСТРОВЬЕ-1

Изучение материалов кремации из погребений может давать независимую информацию как о биологических параметрах погребенных (число индивидов, их пол и возраст, присутствие или отсутствие костей животных, идентификация палеопатологических проявлений), так и об особенностях проведения погребальной церемонии и «посмертной судьбы» останков (тафономические аспекты исследований) (Guidelines to the Standarts, 2004. P. 9–13; *Ubelaker*, 1974. P. 79; *Добровольская*, 2010а. С. 85).

Сочетание этих направлений полностью отвечает методологии биоархеологических исследований и создает новое пространство фактов, интерпретация которых в контексте хронологических данных, исследования погребений и их вещевого сопровождения, формирует еще одну систему независимых признаков, значительно повышающих достоверность выводов о культурной специфике памятника (*Мастыкова, Добровольская*, 2013).

Кремации в погребальной практике самбийско-натангийской культуры занимают важное место. Преобладающее распространение погребений с кремациями связано с позднеримским временем и получает дальнейшее бытование в эпоху Великого переселения народов и в раннем средневековье (*Жулкус*, 2004. С. 153; *Скворцов*, 2010. С. 17). Как известно, Восточная Прибалтика – одна из территорий, наиболее медленно входивших в «христианский мир». Так, традиция трупосожжения, запрещенная в Западной Европе еще Карлом Великим, отступавшая в Восточной Европе по мере христианизации тех или иных территорий, сохранялась в Прибалтике до позднего средневековья.

Многообразие форм кремаций, бытовавших в Европе I тыс. н. э. дает нам основание рассматривать базовые характеристики проведения погребального сожжения не только как «маркеры» технологии, но и черт важнейшей культовой практики, обеспечивающей наилучший путь в посмертный мир. Рассмотрение характеристик кремаций как проявление культурной традиции – взгляд, оправдавший себя и получивший признание в отечественной и мировой научной практике (*Wickholm, Raninen*, 2006. P. 150; *Добровольская и др.*, 2012. С. 103; *Успенский и др.*, 2013. С. 150).

Понимание того, что в языческих обществах сосуществование различных погребальных традиций может быть связано не только (а, возможно, и не столько) с этнической принадлежностью и имущественным статусом, но и с обращением к определенным божествам и обстоятельствам жизни и смерти умершего, существенно усложняет нашу задачу и делает ее еще более интересной.

Материалы кремации из могильника Заостровье-1 были описаны по стандартной программе (*Добровольская*, 2010б), которая включала определения:

1. цветности,
2. размерности фрагментов,
3. деформационных трещин,
4. присутствия углей и углистой пыли,
5. массы скоплений,
6. анатомической принадлежности определяемых фрагментов,
7. патологических и возрастных изменений.

На основании характеристик анатомически определимых участков скелета, а также на основании признаков возрастной изменчивости микроскопического и макроскопического строения костной ткани делались определения пола и возраста индивидов, а также определялось количество индивидов в погребении и присутствие костей других животных. В сжатой форме результаты этих определений представлены в таблице № 1.

РЕЗУЛЬТАТЫ

Всего просмотрены 75 объектов (скоплений кремаций из могильных ям), что позволяет считать выполненные работы репрезентативными по отношению ко всему массиву погребений могильника Заостровье-1 (не менее 90 объектов) (Зальцман, 2013).

Во всех могилах находились только одиночные захоронения или захоронения кремированных костей человека и животного⁶⁴.

Характеристика половозрастного состава. Малые количества кремированных костей обусловили низкую достоверность определений возраста и в особенности, пола. Из 75 объектов 7 определены как мужские, 8 – как женские и 13 – детские и подростковые. Один объект (29.1), вероятно, не содержит костей человека, а полностью представлен останками животного. Итак, менее половины погребенных были атрибутированы по полу. Сложность состояла не только в малых количествах костей и, соответственно, малой вероятности найти диагностически значимый участок скелета, но и в том, что мужские костяки, как правило, не отличаются значительной массивностью, что затрудняет относить индивида к мужчинам и женщинам. С другой стороны, эта сложность дает нам представление о том, что среди этого массива людей, вероятно, не было индивидов крупного и массивного телосложения.

Тринадцать детских захоронений составляют 17% от общего числа просмотренных погребений. Важно отметить, что 35 (почти половина) объектов характеризуются массой кремированных костей не превышающей 10 грамм. Среди группы только у одного индивида было сделано предположительное определение пола. Три индивида определены как детские. Остальные (31 индивид) остались без половозрастных определений. В целом, группа погребений с массами кремаций менее 10 грамм составляет «слепое пятно», внутри которого выявить фрагменты маркирующие пол методами обычной визуальной диагностики практически невозможно (за редким исключением).

Только у четырех индивидов масса кремированных останков составила не менее 100 грамм. Для всех этих четырех случаев были с той или иной степенью достоверности сделаны определения пола. В семи случаях масса останков составляла от пятидесяти до ста грамм и за исключением одного погребения, определения пола также выполнены.

Таким образом, значительная доля погребений с малой массой кремаций определяет эпизодичность данных о половой принадлежности. Стоит признать, что материалы могильника Заостровье-1 не дают внятной картины, на основании которой мы могли бы рассматривать мужские и женские погребения по анатомическим определениям, так как четкие критерии половой принадлежности определены у пяти индивидов.

Возрастной состав захороненных людей разнообразен. С большой долей уверенности можно судить о том, что среди детей не было погребенных младенческого возраста. Из общих демографических закономерностей известно, что наибольшая смертность приходится именно на младенческий возраст. Предполагать некую уникальную ситуацию у нас нет

⁶⁴ Погребения коней тут не учитывались и не принимались к рассмотрению. Описание касается только кремированных останков.

никаких оснований, гораздо более вероятно, что младенцев хоронили с соблюдением других процедур. Напомним, что при описании кремаций из могильника Митино, было обнаружено всего лишь единственное погребение предположительно младенца (из 174 погребений) (*Добровольская*, 2010б. С. 216). Поэтому у нас все больше уверенности в том, что младенцы погребались иным образом. Среди взрослых индивидов встречены мужчины и женщины всех возрастов от молодого до категории «старше 50».

Итак, результаты половозрастных определений не позволяют нам обсуждать половозрастную структуру группы. Хотя к некоторым вопросам гендерных проявлений мы вернемся позже.

Хотелось бы обратить внимание на то, что в одном случае присутствие костей человека остается проблематичным. Это объект 29.1, где присутствуют только останки животного, но нет кремированных останков человека. Мог быть это кенотаф или условия грунта не сохранили до нашего времени мелкие фрагменты кремированных костей, или это было погребение животного? Связывать отсутствие костей человека с тафономическими обстоятельствами вряд ли стоит, так как даже мелкие фрагменты кремированных костей и зола хорошо сохраняются в скоплениях.

Цветность кремированных фрагментов костей из погребений могильника Заостровье-1 стабильна, преобладает светло-серый цвет, который свидетельствует о жарком костровом горении. В восьми случаях наблюдались более темно окрашенные участки. Присутствуют темные участки и в скоплениях большой массы костей (объекты 18.3 и 71.3). Более темные участки формируются или внутри толщи кости, или на поверхности головок бедренных костей. В любом случае – это результат недостаточно длительного сжигания тела для того, чтобы скелет полностью превратился в фрагменты светлого цвета. Поэтому стандартная светло-серая цветность останков из других погребений наиболее вероятно связана с тем, что в погребении депонированы не столь большие объемы кремированных костей и редкие темно окрашенные участки просто не попали в захоронения.

Размерность фрагментов кремированных костей в погребениях вполне стабильна в масштабах могильника. Наряду с мелкими кусочками (менее 1 см) изредка встречаются фрагменты стенок трубчатых костей или свода черепа максимальной длиной до 6 см. Фрагменты размером до 5 см встречены в отмеченных выше двух погребениях с большой массой кремации и также свидетельствуют в пользу того, что малые количества кремированных костей, как правило, не отражают полной картины состояния останков человека после проведения обряда трупосожжения.

Присутствие углистой пыли и золы просматривается практически на материалах из всех могил. В связи с этим, хотелось бы отметить, что вопрос о «промытых» костях с погребального костра остается открытым. Так, К.Н. Скворцов пишет, что «большинство погребальных памятников I тысячелетия занимали небольшие моренные возвышенности или склоны (*Jaskanis*, 1974. S. 38–46). Наличие источников воды (небольшие ручьи, реки, озера) в непосредственной близости от места возникновения могильника являлось необходимым условием их создания (*Jaskanis*, 1974. S. 41)... На погребальных памятниках Самбии и Натангии вплоть до эпохи Великого переселения народов существовал обряд, при котором кремированные останки покойного промывались от следов погребального костра и помещались в могилу в очищенном виде. В археологической литературе погребения такого типа называют чистыми. Возможно, подобного рода ритуал символизировал очищение умершего при помощи как огня, так и воды для перехода из мира живых в мир мертвых» (*Скворцов*, 2010. С. 16). Замечу, что помещение чистых костей в могилу не обязательно сопряжено с «промывкой». Достаточно аккуратно собрать белые фрагменты. Так, нами был проведен эксперимент

по сжиганию частей туши животного в различных частях модели погребального костра. В результате было установлено, что в любом режиме большая или меньшая часть останков представлена белыми фрагментами костей. Картина сбора белых костей воспроизведена у Гомера в сцене погребения Гектора:

«Рано, едва розовоперстая вестница утра явились,
К сруб великого Гектора начал народ собираться.
И лишь собралися все (неисчислимое множество было),
Сруб угасили, багряным вином оросивши пространство
Все, где огонь разливался пылающий; после на пепле
Белые кости героя собрали и братья и други.
Горько рыдая, обильные слезы струя по ланитам.
Прах драгоценный собравши, в ковчег золотой положили»
(Илиада, XXIV, 789 – 796, перевод Н.И. Гнедича).

Здесь однозначно описана процедура сбора белых фрагментов костей после преднамеренного прекращения горения. Возвращаясь к конкретной ситуации могильника Заостровье-1 отмечу, что практически во всех погребениях встречена углистая пыль и зола, которые вряд ли могли сохраниться в случае промывки костей водой или сбора отдельных фрагментов с погребального костра, как это типично для античной традиции (*Добровольская*, 2015. С. 36–37).

В целом, если характеризовать особенности скоплений кремированных костей, то оказывается, что едиными можно считать только такие признаки, как цветность, наличие углистой пыли и золы и, отчасти, наличие деформационных трещин. Последние могут рассматриваться как маркеры сжигания скелетных тканей в период до обезвоживания (*Ubelaker*, 1978. Р. 89) Иными словами, мы предполагаем, что наличие деформационных трещин указывает на сжигание тела сразу после кончины.

К этому списку, отчасти, может относиться и другая особенность: довольно часто в скоплениях встречаются относительно крупные участки позвонков различных отделов скелета, а также фрагменты фаланг кисти и костей стопы. Это позволяет нам сделать предположение относительно положения тела на погребальном костре. Сохранность фрагментов позвонков скорее всего, обусловлена относительно ограниченным доступом кислорода при горении. Это может быть связано с положением на спине на поверхности погребального костра. Сохранность фаланг стопы и кисти связана с малым объемом мягких тканей в этих частях тела и, соответственно, с более быстрым и менее высокотемпературным горением. В том случае, если руки в погребальной позе сложены на груди, есть большая вероятность, что они попадут в зону наиболее жаркого горения и вероятность сохранения фаланг кистей рук минимизируется. Поэтому можно предположить, что погребальная поза не предполагала помещения рук на грудь.

Примечательно, что при сохранении «стандарта» цветности, наличия угольной и зольной засыпки, размерности фрагментов кремаций (от нескольких мм до 5–6 см), мы наблюдаем значительную изменчивость массы скоплений кремированных костей.

Показатели массы скоплений кремированных костей. Как следует из таблицы, массы скоплений кремации варьируют от 1 грамма до 845 грамм. Такой огромный разброс типичен и для могильника Митино (*Добровольская*, 2010б. С. 215–217). Показатели колеблются от 1 до 700 грамм. Примерно аналогичная картина «проступает» и на средневековом могильнике с территории Суздальского Ополя – Шекшово (*Zaitseva, Makarov, Dobrovolskaya* 2016). Такая же неравномерность масс кремированных костей типична для этой эпохи для

памятников с территории Дании и Норвегии (Holck, 2008. Р. 83). Индивидуальные вариации колеблются примерно от 10–20 грамм до 1500 и более грамм. Значение стандартного отклонения сильно превышает среднюю арифметическую величину. Автор, приводя данные об индивидуальной изменчивости масс кремаций, указывает, что это в равной мере касается мужчин и женщин. Причины таких высоких индивидуальных вариаций остаются без окончательных объяснений. Частично разница может связываться с вариациями температуры и продолжительностью горения. Однако, тогда бы мы не имели стандартизованных показателей цветности. П. Холк, приводя литературные данные об этой дискуссии, формулирует одно из наиболее, по его мнению, вероятных предположений – оставление останков где-то еще или поблизости от могильной ямы (Holck, 2008. Р. 88–89).

В некоторых случаях погребения с большими скоплениями кремированных костей могут быть отнесены к «богатым», а в некоторых нет. Так, В могильнике Заостровье-1 самая большая кремация, уверенно определенная как мужская (объект 71.3) отнесена к рубрикации «бедных» погребений. В другом случае – относительно большая масса кремированных останков (100 грамм) зафиксирована в «богатом», (по наличию элементов питьевого рога) для этого некрополя погребении (объект 18.3). Определение пола индивида, даже при такой большой массе мало достоверно (предположительно, женское). Обратные примеры также могут быть приведены.

Идея связи погребений с большой массой кремированных останков с высоким статусом погребенного исходит из общего для археологических реконструкций предположения, что масштаб трудовых затрат на погребение в какой-то мере отражает социальный статус умершего человека. В данном случае предположение не выдержало проверки.

Отсутствие четкой связи между массой погребения и его «богатством» или принадлежностью к тому или иному полу позволяет сформулировать следующую гипотезу:

1. Большой разброс масс кремированных костей в погребениях не является следствием тафономических изменений, утрат в процессе сбора материала и прочих «внешних факторов».
2. Значительные индивидуальные вариации обусловлены своеобразием погребальной обрядности.
3. Мы не можем обнаружить простой прямой связи между полом, «богатством» или еще какой-либо характеристикой погребения и массой кремированных останков.
4. На основании этих наблюдений можно предположить, что в зависимости от индивидуальных обстоятельств жизни и смерти человека его останки с большей или меньшей степени депонировались в грунтовой яме.

Вернемся к теме «промытых костей» и близости места захоронения к проточной воде. Нельзя не привести одно из наиболее очевидных предположений – большая или меньшая часть костей с погребального костра могла отпускаться в воду. Однако, пока у нас не будет археологических свидетельств этого, мы не можем этого утверждать.

В этом разнообразии, также как и в разнообразии вещевого сопровождения, можно видеть сложность языческой погребальной обрядности, которая обуславливалась целым пантеоном богов, с обращением к которым могли совершаться эти обряды, а также другими «индивидуализирующими» факторами формирования погребальной процедура для каждого конкретного человека. Эта картина разительно отличается от унифицирующего обряда ингумаций христианских захоронений или ограниченных вариаций в погребениях на римских некрополях.

Также хотелось бы отметить, что кроме Северной Европы и Восточной Прибалтики такой «неравномерный» обряд грунтовых погребений обнаружен для многих погребений гораздо более ранней эпохи – эпохи позднего Латена с территории Балкан. Так, сходная картина получена для позднелатенского некрополя Чуруг (*Трифуневич, Добровольская, 2018. В печати*). Также важно иметь в виду, что в лесной полосе Восточной Европы в первой половине первого тысячелетия существовали культуры с археологически неуловимыми или трудно уловимыми погребениями. Наиболее яркий пример – дьяковская культура (*Кренке, 2011; Добровольская, 2011. С. 217–218*). При этом погребальные памятники позднедьяковской культуры содержат очень малые количества кремированных костей (*Вишневский, Кирьянова, Добровольская, 2007. С. 100–105*).

Таким образом, высокую индивидуальную изменчивость масс кремаций можно рассматривать как традицию, прослеживаемую не только в прибалтийском Барбарикуме в эпоху Меровингов, но и в других частях Европы конца I тысячелетия до н. э. – I тысячелетия н. э., которые не были затронуты влиянием римских, а позднее – христианских погребальных традиций.

Остановимся более подробно на определениях пола погребенных, сделанных по материалам кремации без учета других факторов. Прежде всего напомним, что определение пола в скоплениях кремированных костей основывается, согласно принятым методикам (*Holck, 2008. P. 50–54*), на оценке следующих признаков:

1. Внутренняя массивность костей конечностей и костей свода черепа.
2. Общая размерность костей и их фрагментов.

Очевидно, что в тех случаях, когда население в целом миниатюрное (грацильное), а половой диморфизм занижен, то эти методические приемы будут мало эффективными. Отчасти с этой проблемой я столкнулась при работе с материалами из некрополя Митино, но там среди большего морфологического разнообразия и присутствия мужчин с массивным скелетом, эти случаи выглядели фоновыми ошибками, которых при работе с материалами кремации бывает не мало. Такой проблемы не было при работе с материалами из могильником Кляйнхайде-Гурьевск.

Выделяются скопления костей, где были фрагменты, которые чаще всего позволяют судить о том – мужчине принадлежат останки или женщине. В данном случае, сделать такие определения затруднительно, так как среди них нет достаточно рельефных и массивных фрагментов, что позволило бы нам уверенно отнести их к мужским останкам и недостаточно миниатюрны, чтобы уверенно считать их женскими. Приведу список этих объектов: 3.1, 4.1, 12.1, 18.1, 25.1, 43.1, 33.2, 35.2, 1.3, 17.3, 18.3, 19.3, 28.3, 46.3, 55.3, 59.3. В этот список вошли те скопления, по которым, в случае хорошо выраженного полового диморфизма могли бы быть сделаны определения, а именно в этой группе из Заостровья-1 возникают затруднения с определением пола. Эти 16 скоплений кремированных костей содержали фрагменты свода черепа, стенки крупных трубчатых костей, что, как правило, позволяет с большей степенью уверенности судить о половой принадлежности индивида. Поэтому на современном уровне исследования материалов можно сделать предположение о том, что эти сложности все же больше связаны с морфологическим своеобразием населения, а не малыми массами кремированных останков.

Подводя итог первым исследованиям кремированных останков из погребений Заостровья-1, можно подчеркнуть сложность погребального обряда, который вряд ли может быть понят в координатах «богатые – бедные», «социальные верхи – социальные низы». Эта сложность, по моему мнению, обусловлена культурной спецификой «варварского мира». Впечатление об этом своеобразии отражено и в римских источниках. Так Тацит в своем сочинении «О происхождении и местоположении германцев» писал: «Что касается правого побережья

Свебского моря, то здесь ... живут племена эстиев, обычаи и облик которых такие же, как у свебов, а язык – ближе к британскому. Эстии поклоняются праматери богов и как отличительный знак своего культа носят на себе изображения вепрей; они им заменяют оружие и оберегают чтящих богиню даже в гуще врагов. Меч у них – редкость; употребляют же они чаще всего дреколье. Хлеба и другие плоды земные выращивают они усерднее, чем принято у германцев с присущей им нерадивостью. Больше того, они обшаривают и море и на берегу, и на отмелях единственные из всех собирают янтарь, который сами они называют глезом. ... У них самих он никак не используется; собирают они его в естественном виде, доставляют нашим купцам таким же необработанным и, к своему изумлению, получают за него цену» (*Корнелий Тацит*, Германия, 45). Текст четко отражает взаимное непонимание ценностей двух миров и их глубинные различия. Поэтому, исследуя памятники меровингского времени в Юго-Восточной Прибалтике, также следует иметь в виду эти базовые культурные отличия. Само по себе разносторонность погребального обряда является «визитной карточкой» этого памятника и требует выработки новых методических подходов изучения, по крайней мере в биоархеологической части этих важнейших материалов.

ЛИТЕРАТУРА

- Вишневский В. И., Кирьянова Н. А., Добровольская М. В.*, 2007. Ратьковский раннесредневековый финно-угорский могильник: хронология, культура, обряд // РА. № 2. С. 89–107.
- Добровольская М. В.*, 2010а. К методике изучения материалов кремации // КСИА. Вып. 224. С. 85–97.
- Добровольская М. В.*, 2010б. Результаты антропологического анализа материалов, происходящих из погребальных комплексов могильника Митино // Скворцов К. Н. Могильник Митино V–XIV вв. (Калининградская область). По результатам исследований 2008 г. М.: ИА РАН. С. 199–217.
- Добровольская М. В.*, 2011. Погребение раннего железного века на поселении Дунино. Антропологическая экспертиза // Кренке Н. А. Дьяково городище. Культура населения бассейна Москвы-реки в I тыс. до н. э. – I тыс. н. э. М.: ИА РАН. С. 217–218.
- Добровольская М. В.*, 2015. Палеоантропологические материалы из склепов Восточного некрополя Фанагории // Социальная стратификация населения Кавказа в конце античности и начале средневековья. Материалы международной научной конференции / Отв. ред. А. В. Мастыкова. Сухуми 31 мая – 5 июня 2015 года. М.: ИА РАН. С. 35–37.
- Добровольская М. В., Медникова М. Б., Бужилова А. П., Тиунов А. В., Селезнева В. И., Моисеев В. Г., Хартанович В. И.*, 2012. Биоархеологические исследования фрагментарных палеоантропологических материалов из верхнепалеолитического жилища на стоянке Костенки 8 // КСИА. Вып. Вып. 227. С. 103–111.
- Жулкус В.*, 2004. Изменение в мировоззрении куршей в раннем средневековье // Восточная Европа в Средневековье / Отв. ред. Г. Г. Литаврин, П. Ф. Лысенко, М. В. Седова. М.: Наука. С. 153–163.
- Зальцман Э. Б.*, 2013. Отчет о раскопках могильника Заостровье-1 (вблизи поселка Заостровье, Зеленоградского района, Калининградской области) Самбийской археологической экспедиции в 2012 году // Архив ИА РАН. Р-1. № 46701.
- Корнелий Тацит*. О происхождении германцев и местоположении Германии // Корнелий Тацит. Сочинения в двух томах. Том первый. Анналы. Малые произведения. Пер. А. С. Бобовича. М.: Наука. 1969. С. 353–372.

- Кренке Н. А.*, 2011. Дьяково городище. Культура населения бассейна Москвы-реки в I тыс. до н. э. – I тыс. н. э. М.: ИА РАН. 487 с.
- Мастыкова А. В., Добровольская М. В.*, 2013. Палеоантропологические исследования и погребальный инвентарь самбийско-натангинской культуры // Археология Балтийского региона / Отв. ред. Н. А. Макаров, А. В. Мастыкова, А. Н. Хохлов. М.: ИА РАН; СПб.: Нестор-История. 2013. С. 74–79.
- Скворцов К. Н.*, 2010. Могильник Митино V–XIV вв. (Калининградская область). М.: ИА РАН. Т. 1. 302 с. (Материалы охранных археологических исследований. Т. 15).
- Трифуневич С., Добровольская М. В.*, 2018. Биоархеологические исследования погребальных кремаций позднелатенского некрополя Чуруг (Банат, Сербия). В печати.
- Успенский В. С., Добровольская М. В., Клещенко Е. А., Шишлов А. В., Федоренко Н. В.*, 2013. Воинские погребения по обряду трупосожжения биритуального могильника Кедровая Роща // КСИА. Вып. 231. С. 141–153.
- Guidelines to the Standarts for recording Human Remains. Reading: BABA O, M. Brackley and J. I. Mc Kenley eds. 2004. 62 p.
- Holck P.*, 2008. Cremated bones. Oslo: Anatomical Institute. 160 p.
- Jaskanis J.*, 1974. Obrządek pogrzebowy zachodnich Baltów u schyłku starożytności (I–V w. n. e.). Wrocław-Warszawa-Kraków-Gdańsk: Zakład Narodowy im Ossolińskich. 498 s. (Biblioteka Archeologiczna 23).
- Ubelaker D. H.*, 1974. Reconstruction of demographic profiles from ossuary skeleton samples. *Smithsonian Contribution to Anthropology*. 18. Washington: Smithsonian Institution Press. 80 p.
- Ubelaker D. H.*, 1978. Human skeletal remains. Washington: Smithsonian Institution Press. 214 p.
- Wickholm A., Raninen S.*, 2006. The broken people: deconstruction of personhood in Iron Age Finland // *Estonian Journal of Archaeology*, Vol. 10. 2. P. 150–166.
- Zaitseva I. E., Makarov N. A., Dobrovolskaya M. V.*, 2016. Cremations in Shekshovo: new evidence of the Viking Age burial rituals in Central Russia // 22nd Annual Meeting of the EAA. Abstracts. Vilnius: Saulius Jokuzy's Publishing-Printing House. TH–1–21. P. 158, 159.

Таблица 1. Первичная характеристика скоплений кремаций

Шифр	Цвет	Трещины	Максимальный размер фрагмента (см)	Угли, углистая пыль	Масса (г)	Анатомически определяемые части, база для половозрастных определений,	Пол	Возраст
Об. 3 Сект. 1 Уч. 1	Серый	Нет	5	Да	9	Фрагмент бедренной кости, стенки	Скорее Женск.	Взрослый
Об. 4 Сект. 1 Уч. 1	Серый		2,5	Да	31	Фрагменты затылочной кости, стенки	Мужск?	До 50 лет
Об. 5 Сект. 1 Уч. 1					Менее 1	Только угольки		
Об. 14 Сект. 1 Уч. 1	Светло-серый	Да	3,5 – 4,5	Да	56	Стенки, свод черепа	Женск.	35-45 лет
Об. 12 Сект. 2 Уч. 1	Светло-серый	Да	4	Да	19	Затылочная кость. Стенки, свод черепа	Мужск?	Взрослый, молодой
Об. 37 Сект. 3 Уч. 1	Светло-серый			Да	7	Животное	-	-
Об. 38 Сект. 3 Уч. 1					Менее 1	Стенки	?	?
Об. 39 Сект. 3 Уч. 1				Нет	1		?	?
Об. 40 Сект. 3 Уч. 1					1,5		?	?
Об. 41 Сект. 3 Уч. 1					3		?	?
Об. 43 Сект. 3 Уч. 1	Серый	Да	3	Да	38	Стенки, свод черепа,	?	Старше 50 лет
Об. 44 Сект. 3 Уч. 1	Серый, белый	Да	2	Нет	14	Только стенки	?	Взрослый
Об. 46 Сект. 3 Уч. 1	Серый, белый	Да	1	Да	9	Неопр. фр.	?	?
Об. 67 Сект. 3 Уч. 1					Менее 1	Неопр. фр	?	?
Об. 25 Сект. 4 Уч. 1	Светло-серый	Да	4	Да	22	Фрагм. нижней челюсти, свод черепа, стенки	?	Взрослый
Об. 27 Сект. 4 Уч. 1					1,7		?	?
Об. 28 Сект. 4 Уч. 1					Менее 1		?	?
Об. 29 Сект. 4 Уч. 1						Зубы животного		
Уч. 1 Сект. 4 Об. 36	Серый				Менее 1	?	?	?
Об. 17 Сект. 6 Уч. 1	Светло-серый	Да	5	Да	27	Только стенки	Мужск?	Взрослый

Таблица 1. Первичная характеристика скоплений кремаций (продолжение)

Шифр	Цвет	Трещины	Максимальный размер фрагмента (см)	Угли, углистая пыль	Масса (г)	Анатомически определяемые части, база для половозрастных определений,	Пол	Возраст
Об. 18 Сект. 6 Уч. 1	Светло-серый	Да	2	Нет	32	Свод, фрагменты позвонков с узлами Шморля	?	Взрослый
Об. 33 Сект. 3 Уч. 2	Светло-серый	Да	5	Да	44	Фрагменты тел позвонков, стенки трубчатых костей	?	Старше 30
Об. 46 Сект. 5 Уч. 2			1		Менее 1	Неопр.	?	?
Об. 47 Сект. 5 Уч. 2					1		?	?
Об. 4 Сект. 2 Уч. 3					1,5	Стенки	?	Взрослый?
Об. 9 Сект. 2 Уч.3					Менее 1		?	?
Об. 15 Сект. 3 Уч.3	Светло-серый	Да	2	Да	5,5	Стенки	?	Взрослый
Об. 22 Сект. 3 Уч. 3	Светло-серый, черный			Да	10	Стенки	?	Ребенок?
Об. 14 Сект. 4 Уч. 3	Светло-серый	Да	1	Нет	18	Стенки	?	?
Об. 35 Сект. 4 Уч. 2	Серый, белый	Да	3	Да	165	Стенки, кости свода черепа грацильные, позвонки 3 шт., фрагмент локтевой кости и лучевой кости	Женск ?	Взрослый
Об. 43 Сект. 4 Уч. 2	Серый	Да	6	Да	280	Свод черепа, стенки, возможная травма бедра, остистые отростки грудных позвонков, присутствие костей животного	Мужск.?	До 40 лет
Об. 46 Сект. 5 Уч. 2	Серый				Менее 1	1 фрагмент	-	-
Об. 47 Сект. 5 Уч. 2	Серый				1,5	Стенки	-	-
Об. 1 Сект. 2 Уч. 3	Серо-черный	Да	3,5	Да	54	Стенки, свод черепа, губчатый фрагменты	Женск?	Взросл.
Об. 5 Сект. 2 Уч. 3	От светлосерого до черного	Да	3	Да	37	Только стенки	Мужск?	20-49 лет
Об. 6 Сект. 2 Уч. 3	Серый, черный	Да	Менее 1	Да	6	Только стенки	?	Ребенок?
Об. 9 Сект. 2 Уч. 3					1		?	?

Таблица 1. Первичная характеристика скоплений кремаций (продолжение)

Шифр	Цвет	Трещины	Максимальный размер фрагмента (см)	Угли, углистая пыль	Масса (г)	Анатомически определяемые части, база для половозрастных определений,	Пол	Возраст
Об. 11 Сект. 2 Уч. 3	Светло-серый	Да	5,5	Нет	50	Большеберцовая кость, лучевая кость, фрагменты черепа,	Женск.	Взрослый
Об. 13 Сект. 2 Уч. 3	Серо-черный	Да	4,5	Да	40	Тонкие стенки, надколенник	?	Подросток
Об. 72 Сект. 1 Уч. 3	Светло-серый	Да, но слабые	4	Да	30	Стенки, затыл. кость свода и пр.	?	Взросл.
Об. 73 Сект. 2 Уч. 3	Светло-серый	Да	3	Да	44	Фрагм. нижней челюсти, стенки	?	Ребенок
Об. 15 Сект. 3 Уч. 3					7		?	?
Об. 17 Сект. 3 Уч. 3	Серый	Да	3	Да	34	Левый надколенник, стенки, фрагм. головки плеча, остистый отросток	Женск?	До 40 лет
Об. 18 Сект. 3 Уч. 3	Серый, черн	Да	5	Нет	100	Кости запястья, фрагменты фаланг, надколенник, стенки. Фрагменты эпифизов	Женск ?	Взросл.
Об. 19 Сект. 3 Уч. 3	Светло-серый	Да	4	Да	82	Все отделы скелета, не массивны	Женск?	Взросл.
Об. 22 Сект. 3 Уч. 3	Серый		1	Да	10	Мелкие фрагменты стенок	?	?
Об. 66 Сект. 3 Уч.3		Да	5-6		43	Кости запястья, свод черепа, фрагмент шейного позвонка надколенник	Мужск.	Взросл.
Об. 70 Сект. 3 Уч. 3	Светло-серый	Да			1		?	?
Об. 71 Сект. 3 Уч. 3	От светло-серого до черного	Да	5	Да	845	Свод черепа, дуги позвонков, корни зубов, пяточные кости, таранная кость, пяточная кость, фаланги кисти и стопы, головка бедра, фаланги кисти	Мужск.	30-39 лет
Об. 70 Сект. 3 Уч. 3		Да	Менее 1		1	Неопр.	?	Ребенок?
Об. 5 Сект. 4 Уч. 3		Нет	4	Нет	3	Тонкая стенка. 1 фрагмент	?	?
Об. 14 Сект. 4 Уч. 3		Да			18	Стенки, череп, чел, кости животного	?	Ребенок?
Об. 36 Сект. 4 Уч. 3					Менее 1		?	?

Таблица 1. Первичная характеристика скоплений кремаций (окончание)

Шифр	Цвет	Трещины	Максимальный размер фрагмента (см)	Угли, углистая пыль	Масса (г)	Анатомически определяемые части, база для половозрастных определений,	Пол	Возраст
Об. 58 Сект. 4 Уч. 3	Светло-серый	Да	2	Углистый порошок, обугливание	43	Тонкие стенки, диплоэ не сформировано	?	Ребенок? Подросток
Об. 59 Сект. 4 Уч. 3		Да	2,5	Да	25	Фрагм. затылка, основание черепа, лопатка, стенки	Женск?	Взросл.
Об. 61 Сект. 4 Уч. 3	Светло-серый, внутр. обугливание	Да	4	Да	32	Суставные поверхности без возрастных изменений	?	Взросл.
Об. 62 Сект. 4 Уч. 3	Светло-серый	Да	3	Нет	26	Фрагмент глазницы, стенки, корень зуба, свод черепа	?	Ребенок – подросток
Об. 62 Сект. 4 Уч. 3	Светлый	Нет	1	Нет	2,5	Стенки, неопр.	?	?
Об. 10 Сект. 5 Уч. 3					3		?	?
Об. 46 Сект. 5 Уч. 3	Желтовато-светло-серый	Да	6	Да	61	Стенки, свод не массивны	Женск?	Взросл.
Об. 54 Сект. 5 Уч. 3	Серый, белый	Да	2	Нет	80	Стенки тонкие, корень зуба не закрыт	?	Подросток ?
Об. 65 Сект. 4 Уч. 3	Серый	Да	3			Тонкие стенки, фрагмент глазницы	?	Ребенок - подросток
Об. 65 Сект. 4 Уч.3	Серый		Менее 1	Да	1,8	Только стенки	?	?
Об. 38 Сект. 5 Уч. 3	Светло-серый	Да	3	Да	30	Стенки крупных трубчатых костей, остистый отросток шейного позвонка	Женск?	Молод.
Об. 43а Сект. 5 Уч. 3	Светло-серый	Да	4	Да	42	Только стенки и свод черепа	?	Ребенок
Об. 45 Сект. 5 Уч. 3					1		?	?
Об. 55 Сект. 5 Уч. 3	Светло-серый	Да	6	Нет	34	Только стенки и свод черепа	?	40-49
Об. 28 Сект. 6 Уч. 3	Светло-серый	Слабо выражены	6	Нет	57	Свод черепа, корни зубов черепа	?	Взросл.
Об. 29 Сект. 6 Уч. 3					1		?	?
Об. 31 Сект. 6 Уч. 3.					1 и менее		?	Ребенок?
Об. 32 Сект. 6 Уч. 3.					1		?	?
Об. 37 Сект. 6 Уч.3	Серый	Да	3	Да	6,5	Фрагменты верхней и нижней челюсти	?	Ребенок

А.В. ЗИНОВЬЕВ

ПОГРЕБЕНИЯ ЛОШАДЕЙ ИЗ МОГИЛЬНИКА ЗАОСТРОВЬЕ-1

Практика лошадиных погребений в континентальной Европе появляется достаточно давно, в гальштадский период (800–600 гг. до н. э.), и является, по всей видимости, более древней чертой обрядности индоевропейцев (*Jameson, 1960; Gräslund, 1980; Shenk, 2002; Зданович, Куприянова, 2008*). Существует множество литературных источников, в которых современники пишут о подобных захоронениях и физическом облике лошадей Греческого и Римского мира (*Hyland, 1990*). Несравненно хуже обстоит дело с подобными свидетельствами для окраин Римской империи и прилежащих территорий, населенных кельтскими, германскими и славянскими племенами. Небольшую толику информации можно получить из работ Цезаря, Страбона, Ибн Фадлана и Петра из Дусбурга. В связи с этим, основное место в понимании обрядности конских захоронений, а также физического облика лошадей, играют материалы из археологических раскопок. Существует серия работ по конским захоронениям Римского времени и Времени викингов ареала Балтийских племен и прилежащих территорий (*Hollack, 1908; Нейт, 1938; Müller-Wille, 1970–1971; Oexle, 1984; Amberger; Kokabi, 1985; Benecke, 1985; 2002; Кулаков, 1992; 2007; Кулаков, Вумязь, 2001; Daugnora, 1994; 1996; 1997; Hyland, 1994; Nowakowski, 1996; Bertasius, Daugnora, 2001; Кулаков, Калашиников, 2002; Shenk, 2002; Brandt, Lund, 2004; von Babo, 2004; Daugnora, Thomas, 2005; Juškaitis, 2005; Zinoviev, 2009* и др.). Концентрируясь на реконструкции погребального обряда, лишь немногие из них обращаются к физическому облику лошадей. Расширить знания о нем призвано настоящее исследование.

МАТЕРИАЛ И МЕТОДЫ

Материалом для настоящего исследования послужили 1650 костей от 49 лошадиных скелетов плохой сохранности из 49 погребений меровингского времени. По мере извлечения из раскопа лошадиные кости распределялись по пластиковым пакетам, на которых указывались участок, сектор и номер объекта. Позднее, при обработке, скелетам была дана сплошная нумерация (Табл. 1). Во избежание разрушения крупных костей скелета во время транспортировки, эти останки извлекались с куском вмещающего их грунта. Впоследствии, в лаборатории Самбийской археологической экспедиции РАН в г. Калининград они расчищались щеточкой. После определения и фотографирования с них снимались промеры по методике фон ден Дриш (*Driesch, 1976*). Длина трубчатых костей определялась с помощью линейки с точностью до 10 мм. С той же точностью, с применением мерной ленты, определялся охват диафиза трубчатых костей. Остальные промеры выполнялись электронным штангенциркулем с точностью до сотых миллиметра. Из-за плохой сохранности костей, снятых таким образом промеров оказалось немного.

Определение возраста лошадей осуществлялось по степени стирания зубов и стадии прирастания эпифизов (*Zietschmann, Krölling, 1955; Habermehl, 1975; Levine, 1982; Muylle et alii, 1997; Muylle, Lauwers, 1999; da Silva et alii, 2003*). Пол определялся по присутствию или отсутствию клыков. Дополнительный метод определения пола по форме *tuberculum pubicum dorsale* and *ramus acetabularis ossis pubis* был невозможен из-за неудовлетворительной сохранности тазовых костей. Рост в холке и конституция определялись по методикам Витта (1952) с поправками Мая (*May, 1985*) и Цалкина (1971). В терминологии мы следовали *Nomina Anatomica Veterinaria* (2005). Сокращения терминов даны в таблице 2, промеров – в таблице 3, сами промеры, использованные далее в вычислениях – в таблице 4, половозрастные и конституционные характеристики лошадей – в таблице 5.

Таблица 1. Соответствие сплошной нумерации лошадиных скелетов нумерации с раскопа

№ лошади	Участок	Сектор	Объект	№ лошади	Участок	Сектор	Объект	№ лошади	Участок	Сектор	Объект
1	1	1	2	18	1	4	34	34	3	3	15
2	1	1	4	19	1	4	35	35	3	3	17
3	1	1	14	20	1	5	19	36	3	3	18
4	1	1	8	21	1	5	21	37	3	3	19
5	1	2	12	22	1	6	17	38	3	3	?
6	1	2	?	23	1	6	18	39	3	5	55
7	1	3	40	24	3	6	37	40	3	3	66
8	1	3	37	25	1	6	47	41	3	4	58
9	1	3	38	26	2	3	33	42	3	4	59
10	1	3	?	27	2	5	46	43	3	4	61
11	1	3	43	28	3	1	72	44	3	5	49
12	1	3	44	29	3	2	1	45	3	5	48
13	1	3	48	30	3	2	5	46	3	5	51
14	1	4	27	31	3	2	6	47	3	5	52
15	1	4	28	32	3	2	11	48	3	5	?
16	1	4	29	33	3	2	13	49	3	5	55
17	1	4	32								

Таблица 2. Сокращения названия костей и групп костей

Cr	Нейрокраниум	Ul	Локтевая кость
Mxl	Верхнечелюстная кость	Rd	Лучевая кость
Mnd	Нижнечелюстная кость	Сгp	Запястье
D	Зубы	Mta	Пясть
Cst	Ребра	Pha	Передние фаланги
Crv	Шейные позвонки	Plv	Таз
Trc	Г рудные позвонки	Fern	Бедренная кость
Lmb	Поясничные позвонки	Tb	Большеберцовая кость
Scr	Крестцовые позвонки	Fb	Малоберцовая кость
Cd	Хвостовые позвонки	Trs	Предплюсна
Str	Г рудина	Mtp	Плюсна
Sc	Лопатка	Php	Задние фаланги
Hum	Плечевая кость		

Таблица 3. Сокращения промеров

По: *von den Driesch*, 1976, с изменениями

Bd	наибольшая ширина дистального конца
BFd	ширина дистальной суставной поверхности
BFp	ширина проксимальной суставной поверхности
Bp	наибольшая ширина проксимального конца
BT	наибольшая блоковая ширина
CD	наименьший обхват диафиза
Dd	наибольшая толщина дистального эпифиза
Dp	наибольшая толщина проксимального эпифиза
GB	наибольшая ширина
GH	наибольшая высота
GL	наибольшая длина
GLC	наибольшая длина со стороны головки
GLI	наибольшая длина латеральной стороны
HM	высота мандибулы перед P2
LA	длина ацетабулома включая губы
LAR	длина ацетабулома по краю
LI	длина латеральной стороны
LM	длина молярного ряда зубов
LmT	длина медиальной части trochlea tali
LP	длина премолярного ряда зубов
PL	физиологическая длина
SD	наименьшая ширина диафиза

Таблица 5. Половозрастные и конституционные характеристики лошадей из могильника Заостровье-1

№	Возраст (мес.)	Возраст (среднее)	Пол	Высота в холке (см)	Размерный класс (по Витту, 1952)	Конституция (по Цалкину, 1971)
1	25–27	26	–	–	–	–
2	25–27	26	–	–	–	–
3	48–52	50	–	–	–	–
4	48–52	50	–	–	–	–
5	54–60	57	–	–	–	–
6	48–52	50	–	124–126	мелкая	тонконогая
7	22–24	23	–	–	–	–
8	25–35	30	–	120–128	мелкая	тонконогая
9	12–15	14	–	–	–	–
10	<42	–	–	–	–	–
11	66–72	69	♂	125–127	мелкая	тонконогая
12	12–14	13	–	–	–	–
13	22–24	23	–	–	–	–
14	12–14	13	–	–	–	–
15	54–60	57	–	125–127	мелкая	полутонконогая
16	18–20	19	–	–	–	–
17	20–22	21	–	–	–	–
18	20–22	21	–	–	–	–
19	<15	–	–	–	–	–
20	13–15	14	–	–	–	–
21	26–28	27	–	–	–	–
22	26–28	27	–	–	–	–
23	<24	–	–	–	–	–
24	25–27	26	–	129–132	малорослая	тонконогая
25	13–15	14	–	–	–	–
26	16–19	18	–	–	–	–
27	16–19	18	–	–	–	–
28	66–72	69	♂	124–126	мелкая	полутонконогая
29	50–52	51	♂	–	–	–
30	66–72	69	♂	129–131	малорослая	полутонконогая
31	66–72	69	♂	–	–	–
32	40 – 42	41	–	–	–	–
33	50–52	51	♂	–	–	–
34	50–52	51	–	120–124	мелкая	полутонконогая
35	>42	–	–	–	–	–
36	25–27	26	–	–	–	–
37	?	–	–	–	–	–
38	?	–	–	–	–	–
39	66–72	69	♂	–	–	–
40	50–52	51	♂	–	–	–
41	25–27	26	♂	130–132	малорослая	крайнетонконогая
42	25–27	26	–	–	–	–
43	56–60	58	♂	–	–	–
44	13–15	14	–	–	–	–
45	22–24	23	–	–	–	–
46	66–72	69	♂	129–130	малорослая	полутонконогая
47	24–26	25	–	–	–	–
48	50–52	51	♂	–	–	–
49	66–72	69	–	–	–	–

РЕЗУЛЬТАТЫ

Среди предоставленного для исследования костного материала абсолютно преобладают зубы (Диаграмма 1). Они – не только одна из самых многочисленных повторяющихся частей костяка; зубы обладают наибольшей устойчивостью к химическим процессам, влияющим на сохранность костей в грунте. Подавляющее преобладание зубов в выборке объясняется также тем, что многие лошади из могильника Заостровье-1 еще сохраняли молочные зубы, которые, наряду с непрорезавшимися постоянными, увеличивали количество зубов от одной особи. На втором месте стоят позвонки, среди которых преобладают самые массивные, шейные. Хорошо представлены крупные трубчатые кости конечностей, а также более многочисленные и массивные, в сравнении с костями запястья, кости предплюсны. Наиболее полно сохранились лошадиные костяки 3, 11, 29, 30, 33 и 47 (Диаграмма 2).

Лошадь № 1 (погр. 2.1). От костяка сохранились целыми и в виде фрагментов 48 костей. Преобладают постоянные и молочные зубы; есть фрагменты верхне- и нижнечелюстных костей, ребер, шейного позвонка, локтевой, лучевой костей, костей запястья и пясти. Промеры могли быть сняты только с правой *os carpale* 3 и проксимального конца правой метаподии. Исходя из стадии смены молочных зубов постоянными, а также по состоянию прирастания эпифизов на лучевой кости и метаподии, возраст лошади на момент погребения можно оценить в 25–27 месяцев.

Лошадь № 2 (погр. 4.1). От костяка сохранились фрагмент верхнечелюстной кости, 16 молочных и постоянных зубов, один шейный позвонок, фрагменты обеих плечевых, лучевых, большеберцовых, плюсневых и пяточных костей, а также передней левой базальной фаланги. По стадии смены молочных зубов, а также по степени прирастания эпифизов, возраст погребенной лошади можно оценить в 25–27 месяцев.

Лошадь № 3 (погр. 14.1). Представлены многие части скелета, но их состояние не позволило снять большинство промеров. Их раскопа извлечены фрагменты: нейрокраниума, верхнечелюстной кости, обеих мандибул, двух ребер, одного шейного и 8 грудных позвонков, обеих плечевых, лучевых и плюсневых костей, левых передних проксимальной и промежуточной фаланг, обеих бедренных и большеберцовых костей, правых *os tarsale* 3 и *os tarsi centrale*, левой и правой плюсневых костей. Неплохое состояние 36 постоянных и молочных зубов, а также стадия прирастания эпифизов трубчатых костей позволили оценить возраст лошади на момент погребения в 48–52 месяца.

Лошадь № 4 (погр. 8.1). Сохранность костяка очень плохая; сохранилось три зуба, три грудных позвонка, фрагменты левой плечевой и лучевой костей, а также левых плюсневой костей и соответствующей базальной фаланги. Судя по прирастанию эпифизов на сохранившихся костях, а также степени стирания коренных зубов верхней и нижней челюсти, возраст лошади на момент погребения может быть оценен в 48–52 месяца.

Лошадь № 5 (погр. 12.1). Из 56 костей, сохранившихся от этой лошади, львиная доля принадлежит зубам. Сохранились также фрагменты таза, правой и левой бедренной, левой большеберцовой и правой плюсневой костей. Приросшие эпифизы трубчатых костей, а также степень стирания коренных зубов позволили определить возраст лошади в 54–60 месяцев.

Лошадь № 6 (сектор 2, участок 1)⁶⁵. От данного костяка сохранились лишь 4 фрагмента: коренной зуб, фрагмент правой лучевой кости, а также участки обеих плюсневых костей. Приросшие эпифизы трубчатых костей, а также степень стирания сохранившегося коренного

⁶⁵ На пакете с костями было указано погр. 21 из сектора 2, но данное погребение находится не в секторе 2, а в секторе 5 участка 1. Из него происходят кости лошади № 21.

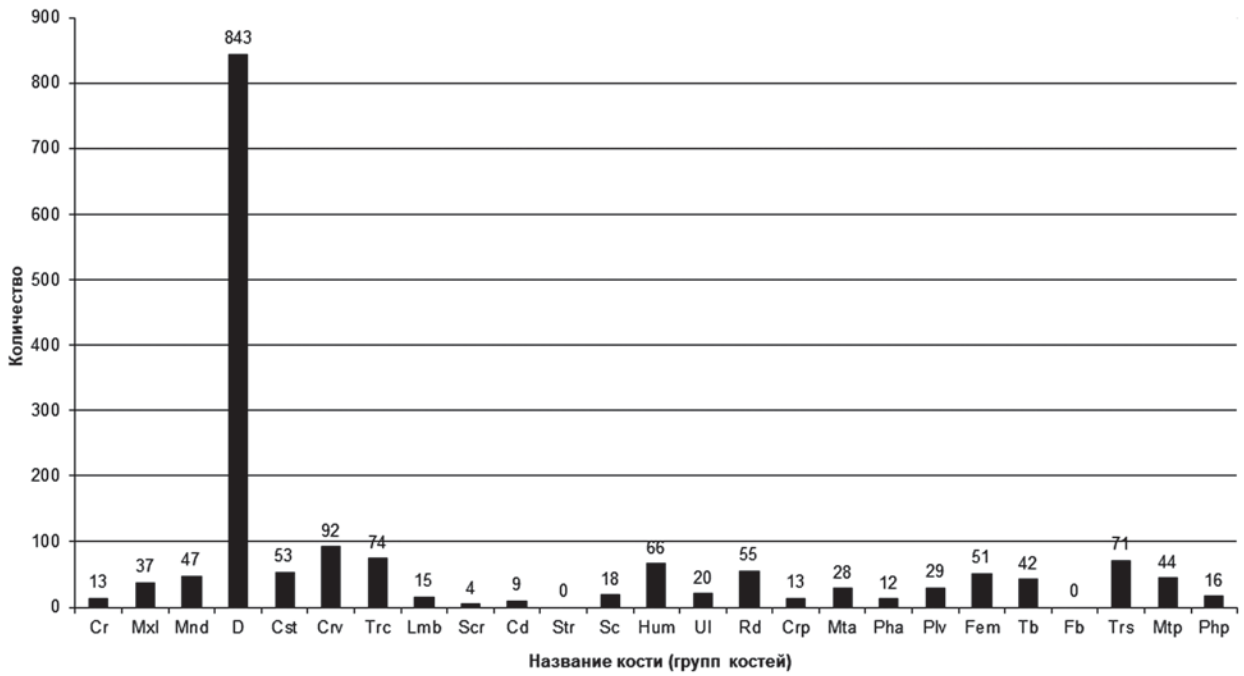

Диаграмма 1. Количественное распределение извлеченных из раскопа лошадиных костей

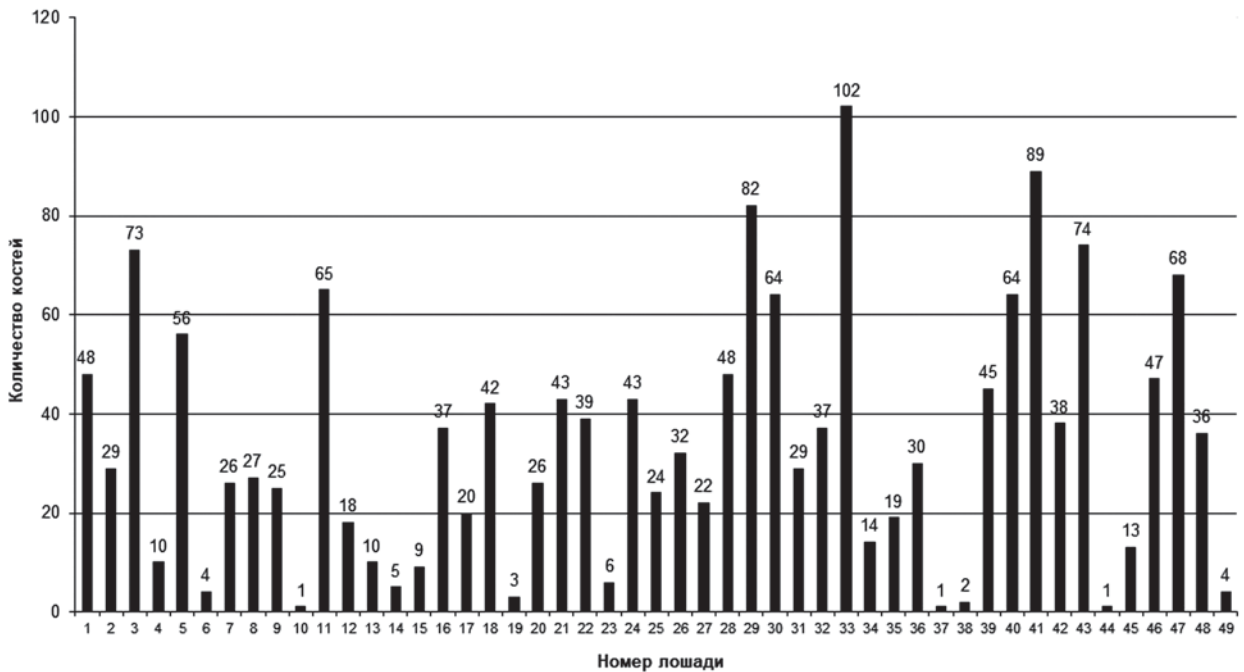

Диаграмма 2. Распределение количества извлеченных из раскопа костей по лошадям

зуба, дали возраст лошади в пределах 48–52 месяцев. Комбинирование промеров для правой и левой плюсневой костей позволили оценить рост животного в холке 124–126 см, что помещает данное животное в класс мелких лошадей. При небольшом росте, лошадь была изящна; пястный индекс 13,5 позиционирует ее между крайнетонконогими и тонконогими лошадьми.

Лошадь № 7 (погр. 27.1). От костяка указанной лошади сохранились мелкие фрагменты костей запястья, правой большой берцовой кости, костей предплюсны и базальной фаланги левой задней ноги. Судя по тому, что дистальный эпифиз большой берцовой кости только начал прирастать, возраст лошади на момент погребения можно оценить в 22–24 месяца.

Лошадь № 8 (погр. 37.1). От скелета сохранились фрагменты шейного и поясничного позвонков, лопаток, обеих плечевых и лучевых костей, а также кости предплюсны и плюсны. Судя по состоянию эпифизов, возраст лошади на момент смерти был в пределах 25–35 месяцев. И хотя нам не удалось измерить длину пястной кости, ее другие промеры в сравнении с таковыми лучшей сохранности лошадей из данного могильника дают рост в холке для указанной лошади 120–128 см, что позволяет отнести ее к группе мелких. Диаметр диафиза указывает на тонконоготь данной лошади.

Лошадь № 9 (погр. 38.1). От указанной лошади сохранились молочные зубы, а также фрагменты правой передней и левой задней конечностей. По стадии смены зубов возраст лошади в момент смерти может быть определен в 12–15 месяцев. Эти же возрастные рамки подтверждаются состоянием эпифизов.

Лошадь № 10 (сектор 3, участок 1)⁶⁶. Скелет сохранился очень плохо; представлен лишь фрагментами правой плечевой кости. По неприросшему проксимальному эпифизу плеча можно заключить, что на момент смерти лошади было более 42 месяцев.

Лошадь № 11 (погр. 43.1). Одна из наиболее относительно полно сохранившихся лошадей. Представлена фрагментами черепа и челюстных костей, всеми постоянными зубами, включая хорошо развитые клыки, по которым можно судить о мужском поле погребенного животного. По ним же определен возраст; он укладывается в промежуток от 66 до 72 месяцев. Сохранились фрагменты ребер, шейных и грудных позвонков, а также почти всех костей передних и задних конечностей. Сохранившаяся левая плюсневая кость позволяет рассчитать рост коня в холке. Он составлял 125–127 см, относя лошадь к категории мелких. Плюсневый индекс 11,3 характеризует коня как тонконого.

Лошадь № 12 (погр. 44.1). Представлена несколькими молочными и постоянными непрорезавшимися зубами, а также мелкими фрагментами правой плечевой и лучевой костей. Сохранились также фрагменты костей предплюсны, плюсны и базальной фаланги правой конечности. Состояние эпифизов, а также стадия смены зубов, позволяют оценить возраст лошади в 12–14 месяцев.

Лошадь № 13 (погр. 48.1). От скелета сохранились несколько молочных зубов и фрагмент правой плюсневой кости. Стадия смены зубов позволяет оценить возраст лошади в 22–24 месяца.

Лошадь № 14 (погр. 27.1). Скелет сохранился плохо; до исследования дошли лишь фрагменты шейного и грудного позвонков, левых: лопатки, плечевой и лучевой костей. Состояние эпифизов позволяет оценить возраст лошади в 12–14 месяцев.

Лошадь № 15 (погр. 28.1). От костяка сохранились несколько постоянных коренных зубов, правая плечевая и левая локтевая кости, фрагменты обеих лучевых костей, а также правая пястная кость. Степень стирания зубов позволяет оценить возраст лошади в 54–60 месяцев. Рост лошади в холке, согласно сохранившейся плюсневой кости, составлял 125–127 см, промежуток, характерный для мелких животных. Пястный индекс 15,5 относит животное к группе полутонконогих.

Лошадь № 16 (погр. 29.1). От скелета сохранилось несколько молочных и непрорезавшихся постоянных зубов. От конечностей представлены фрагменты: левых плечевой, локтевой и лучевой костей, предплюсневых костей обеих конечностей и правой плюсны. Состояние смены зубов позволяет оценить возраст лошади на момент погребения в 18–20 месяцев.

⁶⁶ На пакете с костями было указано погр. 41 из данного сектора, но сюда по полевому отчету данное погребение конских костей не содержало.

Лошадь № 17 (погр. 32.1). От лошади сохранились лишь мелкие фрагменты нейрокраниума и верхнечелюстной кости, а также 18 зубов обеих генераций. Их состояние позволило оценить возраст животного на момент погребения между 20 и 22 месяцами.

Лошадь № 18 (погр. 34.1). От костяка сохранились фрагменты нейрокраниума, верхнечелюстной и зубной костей, а также 26 зубов обеих генераций. Посткраниальный скелет представлен фрагментами левых плечевой и лучевой костей, а также таза, обеих бедренных костей, левых: большеберцовой и плюсневой. Смена зубов позволяет оценить возраст лошади на момент погребения в 20–22 месяца.

Лошадь № 19 (погр. 35.1). Сохранились лишь небольшой фрагмент нейрокраниума, а также дистальный конец левой плечевой и проксимальный – левой локтевой костей. Неприросшие эпифизы указывают на возраст лошади менее 15 месяцев.

Лошадь № 20 (погр. 19.1). От скелета сохранились 14 зубов обеих генераций, а также ребро, поясничный позвонок, фрагмент правой лопатки, обеих плечевых и лучевых костей, левых бедренной и большеберцовой костей и обеих плюсневых костей. Смена зубов указывает на смерть лошади в возрасте между 13 и 15 месяцами.

Лошадь № 21 (погр. 21.1). Сохранились фрагменты нейрокраниума, верхнечелюстной и зубной костей, а также ряд зубов обеих генераций. Помимо двух шейных позвонков, останки лошади представлены фрагментами всех костей передних и задних конечностей. Возраст гибели лошади, судя по смене зубов, был между 26 и 28 месяцами.

Лошадь № 22 (погр. 17.1). Останки лошади представлены преимущественно зубами обеих генераций, а также фрагментами ряда костей передней левой конечности и ее пояса. Возраст по стадии смены зубов может быть оценен в 26–28 месяцев.

Лошадь № 23 (погр. 18.1). Скелет представлен фрагментами левых: большой берцовой, таранной и плюсневой костей. Степень прирастания эпифизов указывает на возраст животного на момент смерти – ему было менее 24 месяцев.

Лошадь № 24 (погр. 37.3). Среди останков количественно преобладают зубы – 23 обеих генераций. Представлены также фрагменты нейрокраниума, верхнечелюстной кости, правой передней и левой задней конечностей с поясами. Стадия смены зубов указывает на возраст животного на момент смерти в 25–27 месяцев. Сохранившаяся в относительной целости левая плюсневая кость позволяет оценить рост животного в холке в 129–132 см и, таким образом, отнести его в группу малорослых (ниже средних) лошадей. Плюсневый индекс 11,1 характеризует лошадь как тонконогую.

Лошадь № 25 (погр. 47.1). Скелет представлен несколькими фрагментами верхнечелюстной и зубной костей, а также шейных позвонков. 16 предкоренных и коренных зубов обеих генераций позволили определить возраст лошади в 13–15 месяцев.

Лошадь № 26 (погр. 33.2). Представлена фрагментами нейрокраниума, верхнечелюстной кости, нескольких ребер, а также костей поясов и свободных конечностей левой стороны. 20 сохранившихся зубов обеих генераций позволяют оценить возраст лошади на момент погребения в 16–19 месяцев.

Лошадь № 27 (погр. 46.2). Сохранились фрагменты нейрокраниума, верхнечелюстной и зубной костей, а также пояса и свободной задней правой конечности. 13 зубов обеих генераций позволяли оценить возраст лошади в 16–19 месяцев.

Лошадь № 28 (погр. 72.3). Вместе с фрагментами верхнечелюстной и зубной костей сохранилось 34 постоянных зуба, которые позволили оценить возраст лошади на момент погребения в 66–72 месяца. Хорошо развитые клыки указывают на самца. Сохранились также

фрагменты пояса и обеих передних конечностей. Относительно непотревоженная левая пястная кость указывает рост в холке погребенного коня; он составлял 124–126 см и позволяет отнести животное к категории мелких. Пястный индекс 15,5 помещает коня в группу полутонконогих, ближе к среднеогим.

Лошадь № 29 (погр. 1.3). Сохранились фрагменты практически всех отделов скелета. Состояние 31 постоянного зуба, включая хорошо развитые клыки, позволяет оценить возраст коня в 50–52 месяца.

Лошадь № 30 (погр. 5.3). Как и у предыдущего животного, от данного коня, имевшего хорошо развитые клыки, сохранились фрагменты практически всех отделов скелета. Степень стертости резцов позволила оценить возраст животного на момент смерти в 66–72 месяца. Целая правая пястная кость указывает на его рост в холке в 129–131 см, что относит коня к группе малорослых. Пястный индекс в 15,1 характеризует коня как полутонконового.

Лошадь № 31 (погр. 6.3). От коня (клыки хорошо развиты) сохранились фрагменты ребер, шейных позвонков, левых лучевой и локтевой костей, а также фрагменты таза и левой бедренной кости. 8 постоянных резцов позволили установить возраст животного на момент погребения; он составил 66–72 месяца.

Лошадь № 32 (погр. 11.3). От лошади сохранились фрагменты посткраниального скелета: ребер, шейных и грудных позвонков, поясов и свободных частей передних и задних конечностей. По стадии прирастания эпифизов возраст животного на момент погребения составлял 40–42 месяца.

Лошадь № 33 (погр. 13.3). Сохранились фрагменты всех частей скелета, за исключением позвонков. 62 сохранившихся зуба обеих генераций, в том числе хорошо развитые клыки, позволяли определить возраст коня в 50–52 месяца.

Лошадь № 34 (погр. 15.3). От животного сохранились 9 постоянных зубов и фрагменты костей левой передней конечности. Возраст лошади на момент погребения можно оценить в 50–52 месяца. Левая пястная кость дает рост в холке в 122–124 см, что позволяет отнести животное к разряду мелких лошадей. Пястный индекс 15,2 относит лошадь к разряду полутонконогих.

Лошадь № 35 (погр. 17.3). От костяка сохранились фрагменты грудных и поясничных позвонков, обеих плечевых костей и ряда костей обеих задних конечностей. Состояние эпифизов указывает на возраст лошади более 42 месяцев.

Лошадь № 36 (погр. 18.3). От костяка сохранились зубы обеих генераций, позволившие определить возраст погребенной лошади в 25–27 месяцев. Из посткраниального скелета представлены фрагменты грудных позвонков, плечевых и бедренных костей, а также кости предплюсны и плюсны.

Лошадь № 37 (погр. 19.3). От костяка сохранилось несколько мелких фрагментов левой плюсневой кости, не позволяющие оценить возраст погребенного животного.

Лошадь № 38 (сектор 3, участок 3)⁶⁷. Сохранившиеся от скелета два мелких фрагмента бедренной кости не позволяют определить возраст погребенного животного.

Лошадь № 39 (погр. 55.3). От костяка сохранились фрагменты зубной кости и 28 постоянных зубов, включая хорошо развитые клыки. Посткраниальный скелет коня представлен фрагментами грудных позвонков, левых плечевой, лучевой, пястной костей, а также

⁶⁷ На пакете с костями было указано погр. 22 из данного сектора, но согласно полевому отчету конских костей в нем было.

соответствующей базальной фаланги. От задних конечностей сохранились фрагменты левой большеберцовой и таранной костей. Возраст коня может быть оценен в 66–76 месяца.

Лошадь № 40 (погр. 66.3). От костяка сохранились фрагменты практических всех костей скелета, за исключением позвонков. 38 постоянных зубов, включая хорошо развитые клыки, позволяют определить возраст коня в 50–52 месяца. На наружной поверхности обеих челюстных костей, в области корней третьих постоянных предкоренных зубов, видны костные свищи (Рис. 1А, Б), которые при жизни могли быть закрыты очень тонким слоем кости или соединительной ткани. Никаких патологических процессов, с ними связанных, не выявлено.

Лошадь № 41 (погр. 58.3). Костяк представлен большим количеством фрагментов, представляющих почти все отделы скелета. 39 зубов обеих генераций, включая клыки, позволяют оценить возраст коня в 25–27 месяцев, а сохранившаяся в относительной целостности правая пястная кость указывает на рост животного в холке в 130–132 см. Эта величина относит погребенного коня к группе малорослых, а пястный индекс 9,5 характеризует его как крайнетонконового.

Лошадь № 42 (погр. 59.3). От костяка сохранились фрагменты верхнечелюстной и зубной костей, а также 30 зубов обеих генераций. Стадия их смены позволяет оценить возраст лошади в 25–27 месяцев. Из посткраниального скелета представлены фрагменты трубчатых костей передних и задних конечностей.

Лошадь № 43 (погр. 61.3). От костяка сохранились фрагменты почти все отделов. 36 постоянных зубов, включая хорошо развитые клыки, позволили определить возраст коня в 56–60 месяцев. На внутренней поверхности левой зубной кости, в области корня второго постоянного предкоренного зуба виден свищ (Рис. 1В), подобный тем, который наблюдался у коня № 40. Закрытый при жизни тонким слоем кости или соединительной ткани, он не связан с патологическими процессами. На коронке третьего левого нижнего коренного зуба имеется точечный кариес (Рис. 1В).

Лошадь № 44 (погр. 49.3). Представлена верхним левым первым молочным предкоренным зубом. Возраст может быть определен в 13–15 месяцев.

Лошадь № 45 (погр. 48.3). Представлена 13 зубами обеих генераций, позволившими определить возраст погребенной в 22–24 месяца.

Лошадь № 46 (погр. 51.3). Присутствуют фрагменты почти всех костей скелета за исключением позвонков. 21 постоянный зуб, включая клыки, позволяют определить возраст коня в 66–72 месяца. Целая левая пястная кость дает рост в холке 129–130 см, относящий коня к малорослым. Пястный индекс 14,6 характеризует животное как полутонконового коня.

Лошадь № 47 (погр. 52.3). От костяка сохранились фрагменты почти всех отделов, за исключением позвонков (исключая шейные). 36 зубов обеих генераций позволили определить возраст лошади на момент погребения в 24–26 месяцев.

Лошадь № 48 (сектор 5, участок 3)⁶⁸. От костяка сохранились фрагменты ребер, шейных и грудных позвонков, а также костей обеих передних конечностей. Состояние зубов, а также наличие хорошо развитых клыков, позволяет определить возраст коня в 50–52 месяца.

Лошадь № 49 (погр. 55.3). От лошади сохранился фрагмент зубной кости и три нижних постоянных резца. Степень их стертости указывает на возраст лошади на момент смерти; он составлял 66–72 месяца.

⁶⁸ На пакете с костями было указано погр. 54 из данного сектора, но судя по полевому отчету, данное захоронение конских костей не содержало.

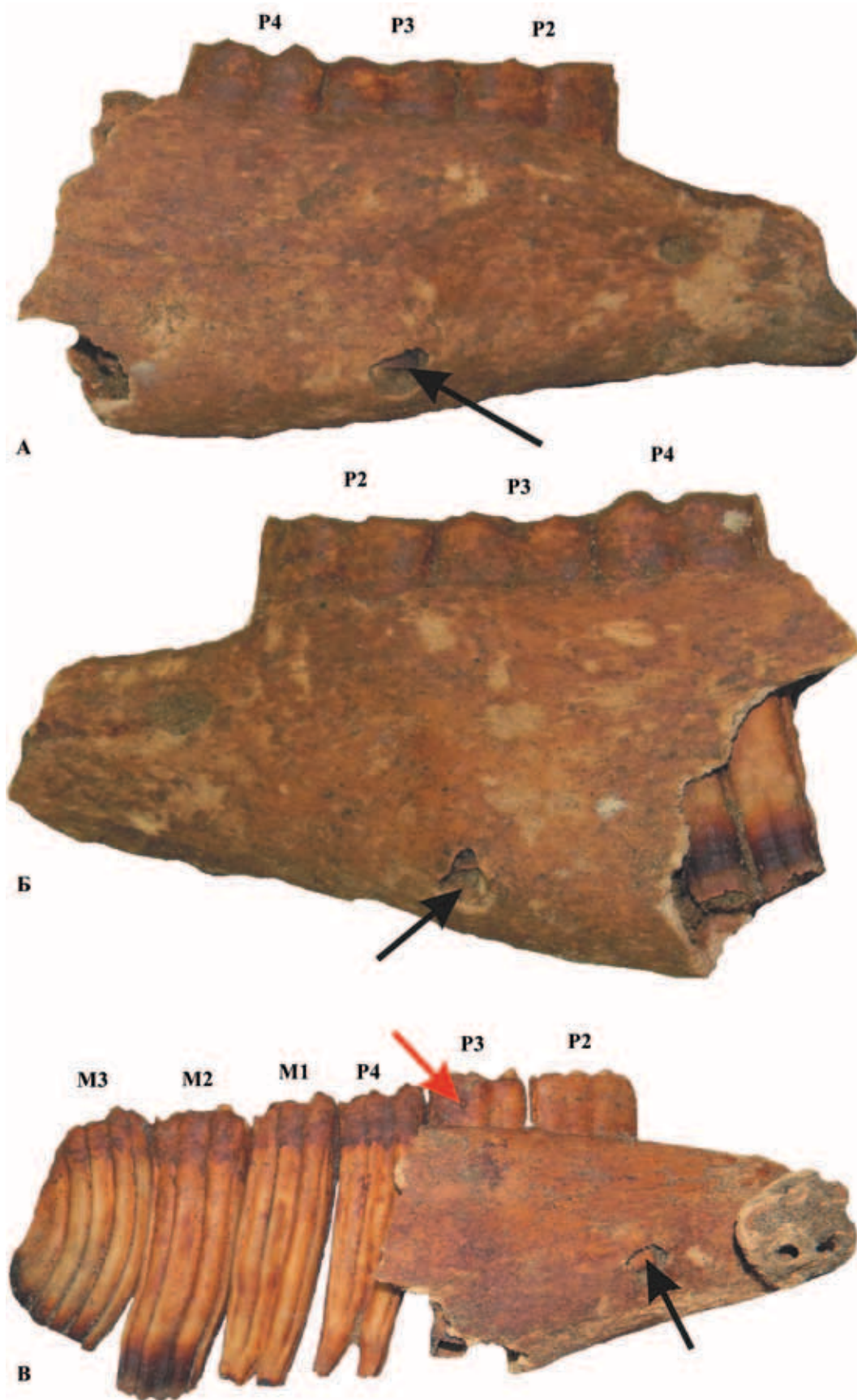

Рис. 1. Патологии на нижних челюстях лошадей из могильника Заостровье-1: фрагменты правой (А) и левой (Б) ветвей нижней челюсти коня № 40 и фрагмент левой ветви нижней челюсти коня № 43 (В). Черными стрелками показаны свищи в районе основания корней предкоренных зубов, красной стрелкой – точечный кариес на коронке третьего предкоренного зуба. Р – предкоренные зубы, М – коренные зубы. Не в масштабе

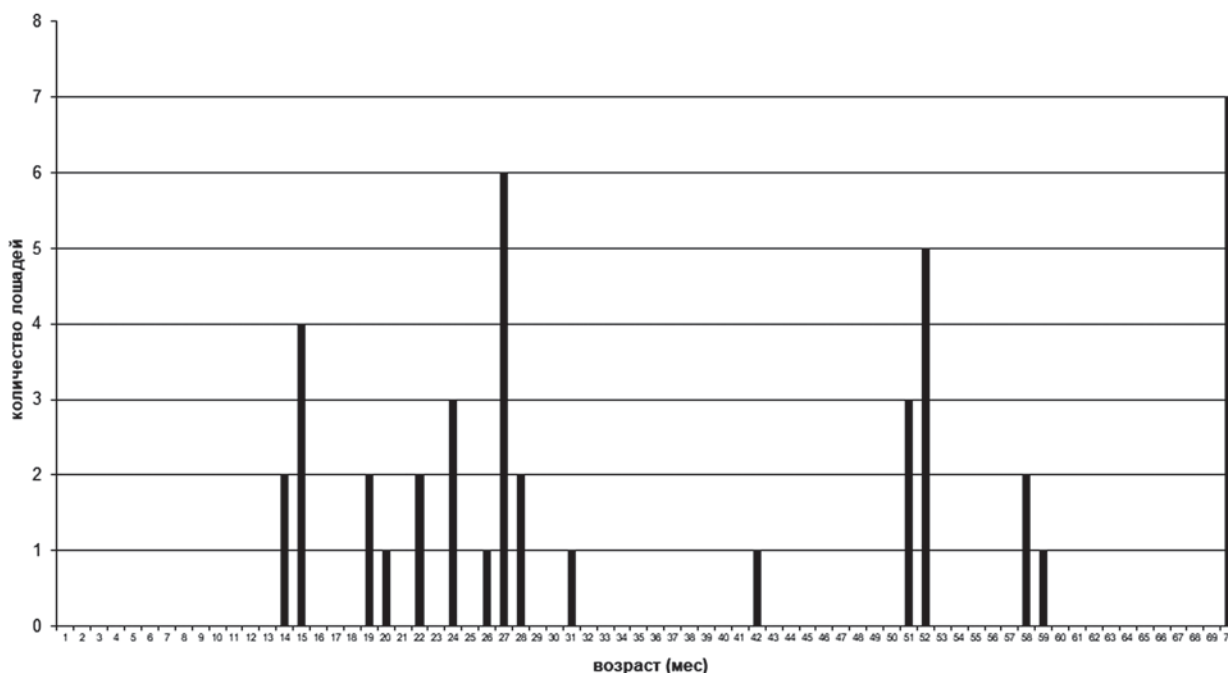

Диаграмма 3. Возрастное распределение лошадей из могильника Заостровье-1

ОБСУЖДЕНИЕ

Возраст. Из таблицы 5 и диаграммы 3 видно, что все, извлеченные из могильника Заостровье-1 лошади, не пересекли возрастную планку шести лет. На диаграмме заметно несколько пиков. Первый, более дробный и самый представительный, состоит из животных возрастом от 1 до 3 лет. Лучшее разнесение лошадей этой группы по возрасту связано с наличием у них молочных зубов, смена которых постоянными позволяет достаточно надежно установить возраст животного. Следующий пик составляют лошади в возрасте 4–5 лет. И, наконец, наиболее консолидированный пик принадлежит животным в возрасте 5–6 лет; точность определения возраста здесь не так велика, как для молодых животных. Сравнение с материалами из других могильников выявляет специфичность материалов могильника Заостровье-1. В большинстве случаев, в могильниках сходного возраста Самбии, Натангии и прилежащих регионов Прибалтики серьезный процент составляют лошади, на момент смерти достигшие 10 лет (Müller-Wille, 1970–1971; von Babo, 2004; Karczewska et alii, 2009), хотя и там имеются сдвиги как в сторону преобладания более старых, так и молодых животных (Bertašius, Daugnora, 2001. Fig. 9). Что касается второго и третьего пиков диаграммы 3, то они напоминают ситуацию на могильнике Либенау (Liebenau), где животные указанного возрастного промежутка составляли 58% (May, 1994). В Заостровском могильнике животные еще не достигли и только что достигли зрелости (таковая достигается в районе 5 лет с закрытием последних эпифизов), а потому не могли быть похоронены как верные компаньоны, служившие скаковыми лошадьми.

Рост в холке (конституция). К сожалению, общая неудовлетворительная степень сохранности костяков из могильника Заостровье-1 не позволила оценить рост в холке для большинства лошадей. Те же, от которых сохранились в относительной целостности трубчатые кости конечностей, оказались мелкими и малорослыми животными, рост которых колебался между 120 и 132 см (Табл. 5). Рост достоверно был вычислен также для животных старше 15 месяцев и моложе 4 лет, времени закрытия последних эпифизов трубчатых костей; для расчетов были взяты уже сформированные к этому времени пястные и плюсневые кости. Сравнение промеров других костей (преплюсны, запястья и т.п.) с таковыми у животных с вычисленным ростом в холке, показало, что и все остальные лошади, скорее всего, попадают в указанные ростовые рамки. Эти рамки неплохо

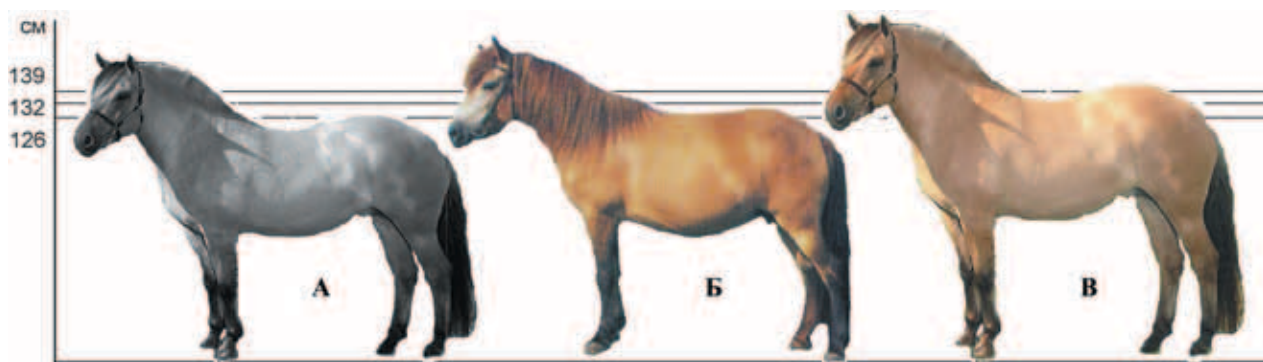

Рис. 2. Средний рост в холке лошадей из могильника Заостровье-1 (А) в сравнении с таковым ныне существующих пород: исландской (Б) и фьордовой (В) лошадей

согласуются с данными по более ранним и одновременным могильникам из других мест Самбийского полуострова (Zinoviev, 2009) и прилежащих территорий (обзор см.: Bertašius, Daugnora, 2001; von Babo, 2004; Girininkas et alii, 2009; Karczewska et alii, 2009). Все найденные там лошади попадают в ростовой промежуток от 115 до 145 см. Лошади из Заостровского могильника, таким образом, находятся у нижней границы этого интервала, являясь мелкими даже для времен раннего средневековья; они ниже возможных потомков раннесредневековых европейских лошадей – исландского пони (133 см), фьордовой лошади (133–145 см) (Рис. 2) и вымершего тарпана (133–136 см) и похожи по размерам на польскую пони (128–135 см). При небольшом росте, Заостровские лошади имели изящное сложение; большинство из них были тонконогими⁶⁹ и полутонконогими; лошади № 8 и № 24 с возрастом, благодаря росту кости в толщину, могли перейти в группу полутонконогих, а № 41 – в группу тонконогих. Конституция погребенных лошадей указывает, что по достижению зрелости они могли использоваться в качестве скаковых.

Пол. В отсутствие сохранных костей таза, пол определялся по наличию клыков. Их присутствие и хорошее развитие у 12 из 49 лошадей указывает на принадлежность скелетов самцам. В большинстве других случаев отсутствие клыков со скелетами связано с неудовлетворительной степенью их сохранности. Основываясь на богатом материале для региона и его окрестностей (May, 1967; 1994; Müller-Wille, 1970–1971; Ahrens, 1975; Müller, 1985; Gebers, 1997; Springhorn, 1991; Bertašius, Daugnora, 2001; von Babo, 2004; Karczewska et alii, 2009; Zinoviev, 2009) мы можем предположить, что и остальные, извлеченные из могильника лошади, вероятнее всего, были самцами.

Травмы и патологии. Травм на дошедших до нас костях лошадей из могильника Заостровье-1 выявлено не было. Это связано, скорее всего, с неудовлетворительной сохранностью материала, в частности, с почти полным отсутствием в сборах сохранившихся целых ребер и позвонков. Последние, в особенности таковые поясничного отдела, являются хорошими индикаторами использования лошади в качестве скаковой (Plukowski et alii, 2010). Большинство из заостровских лошадей, кроме того, и не могло быть использовано в качестве скаковых, поскольку на момент погребения они не достигли необходимого возраста. С этим связано, в частности, отсутствие на материале возрастных патологий. Среди немногих отклонений можно отметить лишь наличие свищей в нижнечелюстных костях в районе корней постоянных предкоренных зубов у жеребцов № 40 и № 43 (Рис. 1А–В). Возраст обоих животных находится в границах 4,5–5 лет, потому возрастными эти изменения вряд ли могут

⁶⁹ Тонконогие лошади сходной конституции преобладают на значительно более раннем (III тысячелетие до н. э.) могильнике из северо-восточной Польши (Karczewska et alii, 2009).

считаться. Отверстия также не связаны ни с какой патологией; при жизни могли быть покрыты тонким слоем кости или затянуты соединительнотканной пленкой.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Материалы по лошадиным захоронениям позднеримского времени и раннего средневековья Прибалтийского и прилежащего регионов показывают их разнообразие в пространстве и во времени – от целых погребенных животных, до их частей. Возраст жертвенных животных также варьирует, от особей не достигших зрелости, до лошадей преклонного возраста. Разнообразие это может быть связано как особенностями племенных и этнических верований, так и с их эволюцией во времени. Следует иметь в виду также возможное разнообразие могильных и жертвенных обрядов с использованием лошади внутри племенной группировки. Одним из вариантов такого обряда можно считать использование в качестве жертвы при погребении не достигших зрелости жеребцов. Элементы этого обряда встречаются с разной частотой почти на всех исследованных могильниках региона. Могильник Заостровье-1 интересен и пока уникален для региона абсолютным доминированием случаев указанного обряда.

ЛИТЕРАТУРА

- Витт В. О., 1952. Лошади Пазырыкских курганов // СА. Т. 16. С. 163–205.
- Зданович Д. Г., Куприянова Е. В., 2008. Парные жертвоприношения лошадей в бронзовом веке Центральной Евразии: археология, мифология и ритуал // Происхождение и распространение колесничества: Сборник научных статей. Луганск: Глобус. С. 187–196.
- Кулаков В. И., 1992. Конское снаряжение пруссов X–XI вв. (проблема относительной хронологии деталей оголовья) // Lietuvos Archeologija. Т. 9. С. 137–143.
- Кулаков В. И., 2007. Доллькайм-Коврово. Исследования 1992–2002 гг. Минск: Ин-т истории НАН Беларуси. Prussia Antiqua. Т. 4. 335 с.
- Кулаков В. И., Витязь С. П., 2001. Массовое погребение коней на могильнике Доллькайм // Археологія епохі сярэднявекую. Матэрыялы на археалогіі Беларусі. Т. 3. С. 195–201.
- Кулаков В. И., Калашников Е. А., 2002. Оголовья коней Доллькайма: Калининградская область // КСИА. Вып. 213. С. 40–49.
- Цалкин В. И., 1971. Некоторые итоги изучения костных остатков животных из раскопок Москвы // Древности Московского Кремля. Материалы и исследования по археологии СССР. Материалы и исследования по археологии Москвы. М.: Наука. Т. 4. № 167. С. 164–185.
- Ahrens C., 1975. Ein neues spätsächsisches Gräberfeld mit Dreifach-Pferdebestattung bei Wulfen, Kreis Harburg // Hammaburg NF. Bd. 2. S. 119–124.
- Amberger G., Kokabi M., 1985. Pferdeskelette aus den alamanischen Gräberfeldern, Giengen an der Brenz und Kosingen // Fundberichte aus Baden-Württemberg. Bd. 10. S. 257–280.
- Benecke N., 1985. Zur Kenntnis der volkerwanderungszeitlichen und frühmittelalterlichen Pferde aus den Pferdegräbern Nordost-Polens // Zeitschrift für Archäologie. Bd. 19. S. 197–205.
- Benecke N., 2002. Zu den Anfängen der Pferdehaltung in Eurasien. Aktuelle archäozoologische Beiträge aus drei Regionen // Ethnographisch-Archäologische Zeitschrift. V. 43. No. 2. P. 187–226.
- Bertašius M., Daugnora L., 2001. Viking age horse graves from Kaunas region (Middle Lithuania) // International Journal of Osteoarchaeology. V. 11. No. 6. P. 387–399.

- Brandt H., Lund N.*, 2004. Karte zu Pferdebestattungen im südwestlichen Ostseegebiet // Haithabu und die großen dänischen Ringburgen. Analysen und Antworten zu den offenen Fragen der dänischen und schleswig-holsteinischen Geschichte des 10. Jahrhunderts. Norderstedt.
- da Silva M. F., Gomes T., Dias A. S., Marques J. A., Jorge L. M., Faisca J. C., Pires G. A., Caldeira R. M.*, 2003. Estimation of horse age based on dental features // Revista Portuguesa de Ciências Veterinárias. V. 98. No. 547. P. 103–110.
- Daugnora L.*, 1994. Steeds of Marvele burial-ground / Proceedings of the Conference of the Second Workshop of the Veterinary Medicine Anatomists of the Baltic and Nordic Countries. Jelgava. Riga: P. 12–15.
- Daugnora L.*, 1996. Steeds of Marvele burial-ground / Papers of the Conference of the Third Workshop of the Veterinary Medicine Anatomists of the Baltic and Nordic Countries. Tartu. Tartu: P. 14–19.
- Daugnora L.*, 1997. Metrical analysis of metacarpals and metatarsals of horses in Marvele cemetery // Veterinarija ir zootechnika. V. 3. No. 25. P. 235–246.
- Daugnora L., Thomas R.*, 2005. Horse burials from middle Lithuania: a palaeopathological investigation / Eds. Davies J., Fabis M., Mainland I., Richards M., Thomas R. Diet and health in past animal populations current research and future directions. Proceedings of the 9th conference of the International Council of Archaeozoology. Oxford: Oxbow Books. P. 68–74.
- Driesch A. v.d.*, 1976. A guide to the measurement of animal bones from archaeological sites. Cambridge: Harvard University. V. 1. Peabody Museum Bulletin. 148 p.
- Gebers W.*, 1997. Pferdebeigabe im Kammergrab // Berichte zur Denkmalpflege in Niedersachsen. Bd. 17. S. 150–151.
- Girininkas A., Daugnora L., Antanaitis-Jacobs I.*, 2009. When did domesticated horses appear in Lithuania? // Archaeologia Baltica. V. 11. P. 22–31.
- Gräeslund A. S.*, 1980. Birka IV. The burial customs: a study of the graves on Bjoerkoe. Stockholm: Almqvist & Wiksell Intl. 94 p.
- Habermehl K.-H.*, 1975. Die Altersbestimmung bei Haus- und Labortieren. Berlin, Hamburg: Paul Parey Verlag. 216 S.
- Heym H.*, 1938. Das Gräberfeld Zohpen. Ein Beitrag zur Volks- und Kulturgeschichte des Nördlichen ostpreußischen Binnenlandes von 400 bis zur Ordenzeit. Inaugural-Dissertation zur Erlangung der Doktorwürde.
- Hollack E.*, 1908. Die Grabformen ostpreußischer Gräberfelder // Zeitschrift für Ethnologie. Bd. 40. Hf. 2. S. 145–193.
- Hyland A.*, 1990. Equus: the Horse in the Roman World. London: B. T. Batsford Ltd. 285 p.
- Jameson M.*, 1960. Mycenaean religion // Archaeology. V. 13. No. 1. P. 33–39.
- Juškaitis V.*, 2005. Horse burials in East Lithuanian barrows of the late Iron Age // Archaeologia Baltica. V. 6. P. 162–163.
- Karczewska M., Karczewski M., Grezak A.*, 2009. The role of horse burials in the Bogaczewo Culture. Key studies of Paprotki kolonia site 1 cemetery, Northeast Poland // Archaeologia Baltica. V. 11. P. 56–88.
- Levine M.*, 1982. The use of crown height measurements and tooth eruption sequences to age horse teeth // Ageing and sexing animal bones from archaeological sites. British Archaeological Reports, British Ser. Oxford. V. 109. P. 91–108.

- May E., 1967. Osteologische Untersuchung frühmittelalterlicher Pferdeskelette aus Reihengräberfriedhöfen der Göttinger Umgebung // Göttinger Jahrbuch. Bd. 15. S. 31–42.
- May E., 1985. Widerristhöhe und Langenknochenmasse bei Pferden – ein immer noch aktuelles Problem // Zeitschrift für Säugetierkunde. Bd. 50. S. 369–382.
- May E., 1994. Die Pferdeskelette aus den Pferdegräbern und weitere Tierknochenfunde aus dem Gräberfeld von Liebenau // Studien zur Sachsenforschung. Bd. 54. S. 133–181.
- Müller H.-H., 1985. Frühgeschichtliche Pferdeskelettfunde // Weimarer Monographien zur Ur- und Frühgeschichte. Bd. S. 3–56.
- Müller-Wille W. M., 1970–1971. Pferdegrab und Pferdeopfer im frühen Mittelalter // Berichten van de Rijksdienst Oudheidkundig voor het Bodemonderzoek. Bd. 20–21. S. 119–248.
- Muyllé S., Lauwers H., 1999. Age-related morphometry of equine incisors // Journal of Veterinary Medicine. Series A. V. 46. № 10. P. 633–643.
- Muyllé S., Simoens P., Lauwers H., Van Loon G., 1997. Ageing draft and trotter horses by their dentition // Veterinary Record. V. 141. № 1. P. 17–20.
- Nomina Anatomica Veterinaria. 2005. Hannover, Columbia, Gent, Sapporo: Editorial Committee. 166 p.
- Nowakowski W., 1996. Das Samland in der Römischer Kaiserzeit und seine Verbindungen mit den Römischen Reich und der barbarischen Welt. Marburg, Warszawa: Philopps-Univ. Marburg Verl. Veröffentlichungen des Vorgeschichtlichen Seminars Marburg. Sonderband 10. 169 S.
- Oexle J., 1984. Merowingerzeitliche Pferdebestattungen – Opfer oder Beigaben? // Frühmittelalterliche Studien. Bd. 18. S. 122–172.
- Plukowski A., Seetah K., Maltby M., 2010. Potential osteoarchaeological evidence for riding and the military use of horses at Malbork Castle, Poland // International Journal of Osteoarchaeology. V. 20. No. 3. P. 335–343.
- Shenk P., 2002. To Valhalla by Horseback? Horse burial in Scandinavia during the Viking Age. Master of Science Thesis. Oslo: University of Oslo. 90 p.
- Springhorn R., 1991. Die Pferde des frühmittelalterlichen Gräberfeldes von Wünneberg-Fürstenberg (Kreis Paderborn, NRW) // Bodenaltertümer Westfalens. Bd. 25. S. 133–160.
- von Babo V. F., 2004. Pferdebestattungen auf dem frühmittelalterlichen Gräberfeld Drantumer Mühle (Gemeinde Emsteck, Kreis Cloppenburg, Niedersachsen). Inaugural-Dissertation zur Erlangung der Doktorwürde. Hannover: Institut für Anatomie. Tierärztliche Hochschule. 185 S.
- Zietschmann O., Krölling O., 1955. Lehrbuch der Entwicklungsgeschichte der Haustiere. Berlin-Heidelberg: Paul Parey. 482 S.
- Zinoviev A. V., 2009. Horses from two burials in Samland and Natangen (Second century, Kalinin-gradskaya Province, Russia) // Archaeologia Baltica. V. 11. P. 50–55.

И. А. САПРЫКИНА

ПРЕДМЕТЫ ИЗ ЦВЕТНОГО МЕТАЛЛА МОГИЛЬНИКА ЗАОСТРОВЬЯ-1: НЕКОТОРЫЕ ЗАМЕЧАНИЯ ПО ХИМИЧЕСКОМУ СОСТАВУ МЕТАЛЛА И ТЕХНИКЕ ИЗГОТОВЛЕНИЯ ИЗДЕЛИЙ САМБИЙСКО-НАТАНГИЙСКОЙ КУЛЬТУРЫ

Коллекция изделий из цветного металла из могильника Заостровье-1 невелика по своему объему и тем ценнее могут быть данные, полученные при изучении тех материалов, которые достаточно сохранились и пригодны к исследованию. Некоторые замечания о химическом составе цветного металла предметов и способах изготовления отдельных категорий украшений самбийско-натынгийской культуры приведены в работах К. Н. Скворцова (2010а; 2010б и др.), О. А. Хомяковой (2010; *Khomiakova*, 2015) и других исследователей. Отмечалось, что для изготовления, в частности, украшений, преимущественно использовалась бронза, на отдельных украшениях и деталях одежды встречается оловянное лужение поверхности (Хомякова, 2010. С. 278; *Khomiakova*, 2015. Р. 195). Исследователями были реконструированы наборы инструментов и предложены основные техники изготовления украшений, встречающихся в материалах памятников самбийско-натынгийской культуры (например: Хомякова, 2010. С. 278–283; *Khomiakova*, 2015. Р. 195).

Для могильника Заостровье-1 нами изучался химический состав металла оковок питьевого рога из погребения 18.3, металлической гарнитуры, также возможно от рога, из погребения 3.3, арбалетовидной фибулы из погребения 73.3 и двух умбоновидных накладок, украшенных концентрическими кругами от конского убора из погребения 46.2. Исследованные в выборке предметы и украшения датируются по археологическим данным поздне римским временем – эпохой Великого переселения народов (фибула и накладки) и, возможно, меровингским периодом (оковки рога).

Ввиду плохой сохранности металла мы ограничились применением неразрушающих методов исследований с тем, чтобы предоставить находки для музейного экспонирования без дополнительных утрат. Реконструкция техники изготовления основывалась на результатах визуального (трасологического) изучения поверхности предметов с помощью бинокулярного микроскопа Stemi 2000-C (Zeiss, Германия) с возможностью цифровой фотофиксации камерой AxioCam ERc 5s (Zeiss, Германия); методические основы реконструкции техники изготовления опубликованы (Рындина, 1963. С. 201–203; Дегтярева, 2006; и др.). Химический состав цветного металла всех исследованных предметов быта и украшений изучался методом безэталонного РФА на спектрометре M1 Mistral (Bruker, Германия); спектры обрабатывались на специальном программном обеспечении XSpec Pro. С каждого предмета было взято не менее трех проб на разных участках для получения достоверных статистических данных по содержанию основных компонентов сплава. Статистическая обработка данных выполнялась по стандартной методике, где порог легирования принимается за 1,0%.

ХИМИЧЕСКИЙ СОСТАВ ЦВЕТНОГО МЕТАЛЛА

Исследуемая выборка состоит из 8 объектов (фибулы, двух умбоновидных накладок, пяти фрагментов оковки рогов для питья), для которых по методу неразрушающего безэталонного РФА было получено 27 проб (Табл. 1). Все пробы были «отобраны» на поверхности исследованных изделий, часть из которых была патинирована или загрязнена, поэтому при дальнейшей обработке данных необходимо давать поправку на содержание железа и свинца.

Таблица 1. Результаты исследования химического состава цветного металла изделий из могильника Заостровье-1 по методу безэталонного РФА

Номер	Наименование	Погр.	Fe	Cu	Zn	As	Ag	Sn	Sb	Pb
4	Большая умбоновидная накладка	46.2	0,81	88,97	4,13	0,93	0,51	2,99	0,14	1,50
			0,68	84,27	8,62	1,00	0,42	2,86	0,15	2,00
			2,40	73,59	4,98	0,67	1,12	7,82	0,31	9,09
			1,51	81,47	8,92	0,32	0,63	4,13	0,21	2,81
	Малая умбоновидная накладка		2,41	72,20	7,41	0,56	0,67	11,67	0,45	4,63
			2,65	72,77	9,25	0,29	0,59	7,08	0,37	7,01
			1,66	73,82	8,03	0,61	0,68	9,38	0,44	5,36
11	Оковка рога пластинчатая	18.3	0,36	82,02	1,02	0,37	0,62	10,32	0,39	4,82
			0,37	80,77	1,09	0,40	0,59	11,40	0,44	4,84
			0,35	81,41	1,01	0,37	0,59	11,30	0,42	4,46
12	Оковка рога пластинчатая	3.3	0,59	68,79	0,98	0,57	1,02	18,91	0,74	8,40
			1,47	65,98	0,82	0,18	1,35	21,44	0,78	7,97
			1,21	63,96	0,82	0,45	1,13	23,04	0,86	8,53
13	Оковка рога пластинчатая	3.3	0,54	78,88	0,84	0,40	0,76	12,43	0,52	5,62
			0,42	78,87	0,88	0,40	0,74	12,71	0,55	5,43
			0,51	70,17	0,81	0,10	1,01	18,24	0,77	8,39
21	Оковка рога пластинчатая	18.3	0,60	69,63	0,61	0,13	0,96	20,09	0,85	7,14
			0,84	73,12	0,67	0,78	0,98	16,87	0,75	5,98
			0,67	66,84	0,66	0,34	1,04	21,37	0,89	8,19
			0,68	75,03	0,78	0,85	0,85	15,64	0,64	5,53
	Ободок рога		2,54	76,29	3,28	0,49	0,35	9,62	0,31	7,12
			2,02	79,65	3,93	0,39	0,30	7,72	0,25	5,75
			1,99	78,84	4,35	0,30	0,34	7,77	0,28	6,13
			2,17	78,18	2,49	0,27	0,38	10,05	0,32	6,15
б/н	Фибула	73.3	4,65	82,29	1,82	0,85	0,08	6,79	0,58	2,95
			3,84	82,55	1,82	0,73	0,11	7,77	0,66	2,51
			3,96	81,92	2,24	0,88	0,10	7,72	0,64	2,54

Пробы показывают наличие в выборке двух типов сплавов на основе меди: многокомпонентного сплава (CuSnPbZn), из которого изготовлены умбоновидные накладки (погребение 46.2 – № 4), арбалетовидная фибула (погребение 73.3 – б/н) и ободок питьевого рога (погр. 18.3 – № 21); и тройной бронзы (CuSnPb), использованной при изготовлении пластинчатых оковок питьевого рога из погребений 3.3⁷⁰ и 18.3. В случае с оковками рога в одном образце концентрация цинка, зафиксированная при анализе, незначительно превышает установленный порог легирования в 1,0% (№ 11), и им при дальнейшей обработке результатов можно пренебречь⁷¹.

В материалах могильника можно отметить пониженное содержание цинка в металле фибулы и ободка рога (от 1,82 до 4,35%) по сравнению с металлом умбоновидных накладок, где его содержание варьирует от 4,13 до 9,25% (Табл. 1). Однако все эти значения указывают на использование металла, полученного в результате переплавки цинкосодержащих сплавов (Craddock, 1978). Многокомпонентный сплав вещей из могильника Заостровье-1 характеризуется также пониженным содержанием олова (2,99–11,67%). Содержание свинца в сплаве варьирует в пределах от 1,5 до 9,09% (с учетом загрязнения поверхности образца и патины; т.е. его реальное содержание в металле может быть ниже). Из микропримесей отметим несколько повышенное содержание мышьяка и серебра (в отдельных пробах умбоновидных накладок).

⁷⁰ Идентификация металлических фрагментов из погребени 3.3 как гарнитуры рога предположительна.

⁷¹ В данном случае концентрацию цинка уже невозможно отличить от естественной примеси меди.

Рис. 1. Фрагменты питьевых рогов, подвергнутые анализу

Полученные для могильника Заостровье-1 данные по содержанию цинка в сплавах отличаются от результатов исследований, проведенных в свое время для металла из прибалтийских памятников и Восточной Пруссии, где доминирует сплав с высоким содержанием цинка (*Черных и др.*, 1969. С. 112–113. Рис. 54–55). По низкому содержанию олова и цинка можно говорить лишь о некотором сходстве с результатами исследования предметов круга выемчатых эмалей, происходящих из Мазурского Поозерья (*Bitner-Wroblewska, Stawiarska*, 2009. S. 319), однако незначительность выборок не дает возможностей для проведения полноценного сравнения.

Оловянно-свинцовая бронза, из которой изготовлены исследуемые пластинчатые оковки питьевых рогов (Рис. 1), характеризуется высоким содержанием олова (min/max 10,32–23,04%; sigma 11–12%, 20–22%) и пониженным, в сравнении с оловом, содержанием свинца (min/max 4,46–8,53%; sigma 5–7%). Сами оковки по содержанию олова можно разделить на две группы: к группе с содержанием олова в средней концентрации 11–12% относятся фрагменты оковок №№ 11 и 13; к группе с содержанием олова в пределах 20–22%, соответственно, относятся фрагменты оковок №№ 12 и 21. Это разделение в содержании одного из основных легирующих компонентов довольно любопытно и свидетельствует, скорее, в пользу нахождения в погр. 3.3 и 18.3 двух питьевых рогов. В то же время, нельзя исключать, что участки взятия проб могли попасть на остатки оловянного лужения, не зафиксированного при визуальном обследовании фрагментов оковок рога из-за загрязнения поверхности. В этом случае говорить о различиях будет преждевременно.

НЕКОТОРЫЕ ЗАМЕЧАНИЯ К ТЕХНИКЕ ИЗГОТОВЛЕНИЯ

Несмотря на плохую сохранность арбалетовидной фибулы из погребения 73.3, можно определить, что основной схемой ее изготовления являлось литье в составную литейную форму, устройство которой и основные параметры литья многократно описаны в литературе. К послелитейной доработке фибулы можно отнести следы профилировки на дужке фибулы (опиливание краевых участков) и формирование площадки под орнаментацию на ножке фибулы. Кроме того, линейным орнаментом, прорезанным штихелем (резцом), была украшена дужка фибулы при переходе к иглодержателю.

Малая умбовидная накладка из погребения 46.2 выполнена тиснением на матрице (толщина кованого листа составляет около 0,03 см). Она имеет пробитое ромбовидное отверстие размером 0,2×0,2 см, в который вставлен штифт диаметром 0,2 см. Внутри накладки

Таблица 2. Результаты исследования химического состава внутреннего заполнения малой умбоновидной накладкой из погребения 46.2 методом безэталонового РФА

Cu	Fe	Zn	As	Ag	Sn	Sb	Pb
83,36	1,04	1,50	0,000	2,16	6,99	3,42	1,43
71,09	3,09	1,48	0,000	3,46	13,26	3,42	1,43
84,85	1,36	1,09	0,000	2,15	6,11	2,86	1,58
85,79	0,72	1,88	0,29	1,52	5,85	1,91	2,02

присутствует заполнение, характер которого, на первый взгляд, говорит о том, что оно фиксировало либо штифт, либо саму накладку. Однако результаты исследования его химического состава показывают, что это заполнение, скорее всего, вторично и появилось в результате коррозионных процессов и разрушения основы, на которую крепилась накладка (Табл. 2).

Большая умбоновидная накладка из того же погребения 46.2 выполнена из кованого листа толщиной не более 0,05 см. Линейный орнамент на лицевой поверхности накладки, судя по характерным рискам, равномерности и глубине линий, был выполнен с помощью токарного станка (Рис. 2). Отверстие в центральной части накладки пробито пробоем с округлым рабочим краем.

Реконструкция схемы изготовления питьевого рога из могильника Заостровье-1 выполнена на основании визуального осмотра наиболее сохранившегося фрагмента № 21 из погребения 18.3. Оковки питьевого рога, сохранившиеся фрагментарно (Табл. 1. № 12, 13, 21), выполнены из кованого листа толщиной не более 0,03–0,05 см; на поверхности оковки

Рис. 2. Следы использования токарного станка при нанесении линейного орнамента на поверхность большой умбоновидной накладки (150×)

сохранились следы нескольких орнаментальных фризов из рядов рубчатого орнамента, нанесенного в технике накатки. Оковка из кованой пластины толщиной около 0,1 см (закрепленная на основе) вставлялась внутрь завальцованного ободка (Табл. 1. № 21). При этом часть орнаментального фриза, расположенного по краю самого рога, оказалась внутри ободка. В погребении 18.3 была также найдена пластина прямоугольной формы (Табл. 1. № 11), частично деформированная, и представляющая собой, вероятно, какую-то деталь, связанную либо с креплением питьевого рога, либо с его починкой (?). Нельзя исключить, что эта деталь могла быть вообще никак не связана с конструкцией питьевого рога.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

По своему химическому составу цветной металл могильника Заостровье-1 вполне сопоставим с известными для позднеримского времени – эпохи Великого переселения народов данными по содержанию цинка и других легирующих компонентов в сплавах. Содержание цинка в сплавах римского времени может служить достаточно четким маркером возможного времени изготовления исследуемых предметов (*Dungworth, 1997*). Многочисленные находки тиглей нетипичных для римской традиции форм позволяют говорить о производстве цинкосодержащих сплавов не только на всей территории Римской империи, но и в отдаленных регионах Барбарикума (*Dungworth, 1996; Rehren, 1999; Bourgarit, Thomas, 2015*; и др.). Так, находки позднеримского времени на территории Копорья в Ленинградской области показывают содержание цинка в металле римских монет, датируемых 138–161 гг. и служивших сырьем, в пределах от 2–3 до 10–12% (клад № 2). Найденные там же украшения, имеющие аналогии в эстонских материалах, показывают содержание цинка до 9% (*Шаров и др., 2010. С. 340–341*). Результаты изучения химического состава металла украшений римского периода из восточно-прибалтийских памятников показывают содержание цинка также до 10% (max 16,5%) при крайне низких значениях олова и свинца (*Simniškýté, 2002. Р. 108–112*). Исследования, посвященные химическому составу цинкосодержащих сплавов римского времени, показывают понижение содержания цинка в металле изделий ниже 10% уже к III в. н. э. (*Dungworth, 1997. Р. 907. Fig. 6*). Скорее всего, имеющиеся в коллекции из Заостровья-1 арбалетовидная фибула и умбоновидные накладки, изготовленные из многокомпонентного сплава с содержанием цинка до 10%, могли быть произведены в местных мастерских, в которых была освоена, помимо прочего, токарная обработка листового металла (умбоновидные накладки), в период не ранее III–IV вв. н. э.

В отношении находок фрагментов бронзовых обкладок рога (рогов?), известные данные свидетельствуют о том, что использование высоколегированной тройной бронзы не характерно для рассматриваемого периода, т. к. доминирующее положение занимал многокомпонентный сплав. Известные данные по химическому составу металла прибалтийских памятников свидетельствуют о доминировании в сплавах цинка, при довольно низких процентных значениях олова или свинца (*Черных и др., 1969. С. 112–113. Рис. 54–55*). Наблюдения, сделанные для металла этого региона еще в 1960-х гг., соотносятся с новейшими данными по составу металла позднеримского времени Южной Европы (*Balogh, 2007; Giunlia-Mair et alii, 2007; Ratković et alii, 2009*). Однако для германских и кельтских территорий отмечается доминирующее использование бронз (в том числе, высоколегированных), а не цинкосодержащих сплавов (*Craddock et alii, 2010. Р. 61–62*). Отличительной особенностью рассматриваемой выборки является присутствие в сплавах высокого процентного содержания олова, как в многокомпонентных сплавах, так и в тройной бронзе. Эти результаты выделяются на фоне массовых данных о преимущественном легировании бронз свинцом, а не оловом (*Dungworth, 1997. Р. 908–909*), т. к. для эпохи Великого переселения народов – раннего средневековья существует проблема источников поступления олова, по системе римских

торговых путей ранее планомерно поставлявшегося с территории Британии. На данный момент для раннесредневекового периода можно считать установленной работу оловянных рудников не только на территории Британии (Корнуолл), но и на территории Галлии (Бретань) (*Penhallurick*, 2008; и др.). Представляется, что дальнейшее исследование химического состава цветного металла памятников самбийско-натангийской культуры позволит в будущем выявить основные источники поступления металла на рассматриваемую территорию в раннесредневековое время.

ЛИТЕРАТУРА

- Дегтярева А. Д.*, 2006. Методика поверхностного изучения цветного металла // Вестник археологии, антропологии и этнографии. № 6. ИПОС СО РАН; Гл. ред. А. Н. Багашев. Тюмень: ИПОС СО РАН. С. 117–126.
- Рындина Н. В.*, 1963. Технология производства новгородских ювелиров X–XV вв. // Материалы по истории и археологии. Вып. № 117. С. 200–247.
- Скворцов К. Н.*, 2010а. Могильник Митино V–XIV вв. (Калининградская область). М.: ИА РАН. Т. 1. 302 с. (Материалы охранных археологических исследований. Т. 15).
- Скворцов К. Н.*, 2010б. Могильник Митино V–XIV вв. (Калининградская область). М.: ИА РАН. Т. 2. 806 с. (Материалы охранных археологических исследований. Т. 15).
- Хомякова О. А.*, 2010. Пластинчатые браслеты самбийско-натангийской культуры // Германия – Сарматия II: сб. науч. ст. по археологии народов Центральной и Восточной Европы посвящ. памяти М. Б. Щукина / Ред. О. А. Щеглова и др.; сост. О. А. Радюш, Л. Н. Скворцов. Калининград; Курск: Калининградский областной историко-краеведческий музей; Курский государственный областной музей археологии. С. 277–288.
- Черных Е. Н., Хоферте Д. Б., Барцева Т. Б.*, 1969. Металлургические группы из цветного металла I тысячелетия н. э. из Прибалтики // КСИА. Вып. 119. С. 109–120.
- Шаров О. В., Палагута И. В., Хаврин С. В.*, 2010. Находки кладов римских монет в районе Копорья // Российский археологический ежегодник. № 1. С. 335–359.
- Balogh T. B.*, 2007. Archaeological and archeometric study of metal fitting of roman age belts (preliminary perspectives) // Proceedings of the 2nd International Conference «Archaeometallurgy in Europe 2007», Aquileia 17–22 June 2007, Digital publication on CD.
- Bitner-Wroblewska A., Stawiarska T.*, 2009. Badania technologiczne wschodniej europejskich zabytkow zdobionych emalia // Bałowie i ich sąsiedzi. Marian Kaczynski in memoriam [Seminarium Bałtyjskie, vol. II]. Warszawa: Państwowe Muzeum Archeologiczne w Warszawie. P. 303–352.
- Bourgarit D., Thomas N.*, 2015. Ancient brasses: misconception and new insights // Archaeometallurgy in Europe III. Proceedings of the 3rd International Conference / Ed. A. Hauptmann, D. Modarressi-Tehrani. Bochum: Deutsches Bergbau-Museum. P. 255–262.
- Craddock P., Cowell M., Hook D., Hughes M., La Niece S., Meeks N.*, 2010. Change and stasis: the technology of Dark Age metalwork from the Carpathian Basin // British Museum. Technical Research Bulletin. Vol. 4. P. 55–65.
- Craddock P. T.*, 1978. The composition of the copper alloys used by the Greek, Etruscan and Roman civilizations. 3. The origin and early use of brass // Journal of Archaeological Science. Vol. 5. P. 1–16.

- Dungworth D.*, 1996. Caley's zinc decline reconsidered // *Numismatic Chronicle*. N° 156. P. 228–234.
- Dungworth D.*, 1997. Roman Copper Alloys: Analysis of Artefacts from Northern Britain // *Journal of Archaeological Science*. Vol. 24. P. 901–910.
- Giunlia-Mair A., De Cecco C., Vitri S.*, 2007. Fibulae production at Socchieve (Udine, Italy) in Late Antiquity // Proceedings of the 2nd International Conference «Archaeometallurgy in Europe 2007», Aquileia 17–22 June 2007, Digital publication on CD.
- Khomiakova O.*, 2015. Disc Brooches of Dollkeim-Kovrova Culture. The Question of the Origin of Ornaments in the Southeast Baltic in the First Centuries AD // *Archeologia Baltica. Archival Materials in the Contexts of Contemporary Archaeology*. Vol. 21–22. P. 14–39.
- Penhallurick R. D.*, 2008. Tin in Antiquity: Its Mining and Trade Throughout the Ancient World with References to Cornwall. London: Maney Publishing. 271 p.
- Ratković D., Stojanović M., Andrić V., Čupić S.*, 2009. Analysis of Copper-Based Jewelry from the Site of Djerdap-Iron Gate on the Roman Limes // *Material and Manufacturing Processes*. Vol. 24. Issue 9: Manufacturing Techniques from Prehistory to the Renaissance. P. 987–992.
- Rehren Th.*, 1999. Small Size, Large Scale: Roman Brass Production in Germania Inferior // *Journal of Archeological Science*. Vol. 26. P. 1083–1087.
- Simniškyté A.*, 2002. Roman Period Metal Half-moon Shaped Pendants with Knobs in Eastern Baltic Region // *Archeologia Baltica*. Vol. 5. P. 95–122.

РЕЗУЛЬТАТЫ РАДИОУГЛЕРОДНОГО ИССЛЕДОВАНИЯ АРХЕОЛОГИЧЕСКИХ ОБЪЕКТОВ МОГИЛЬНИКА ЗАОСТРОВЬЕ-1

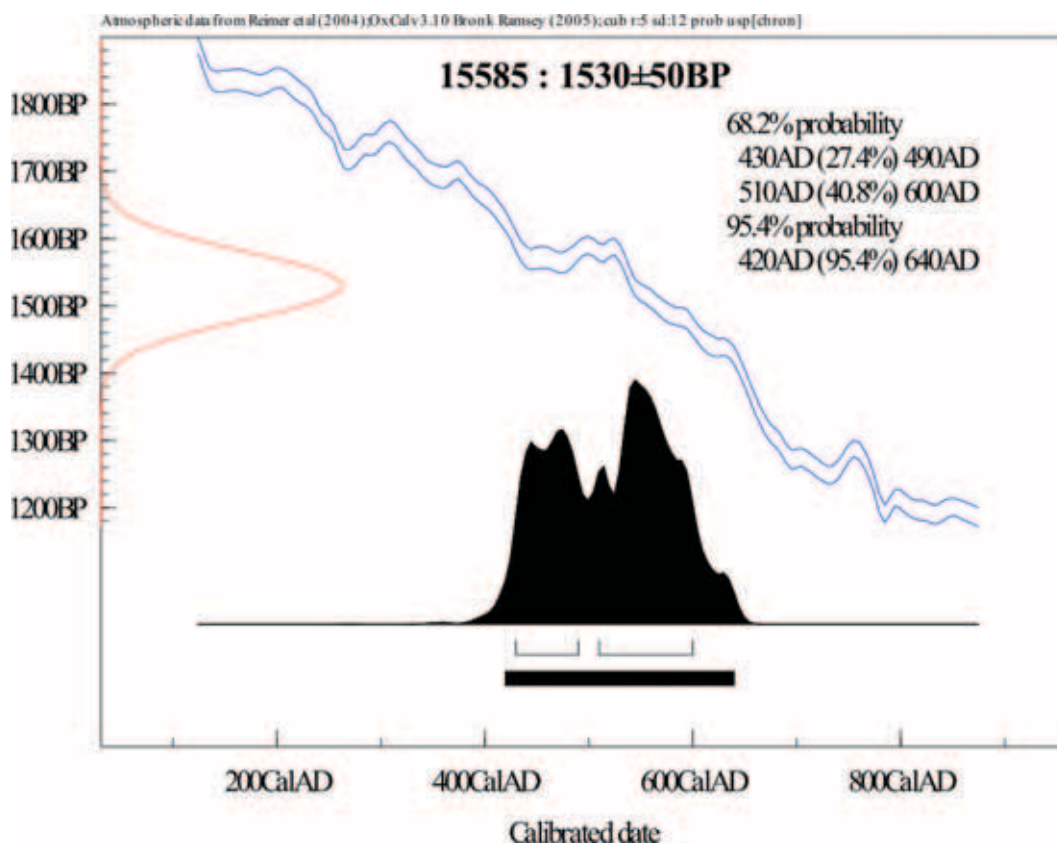
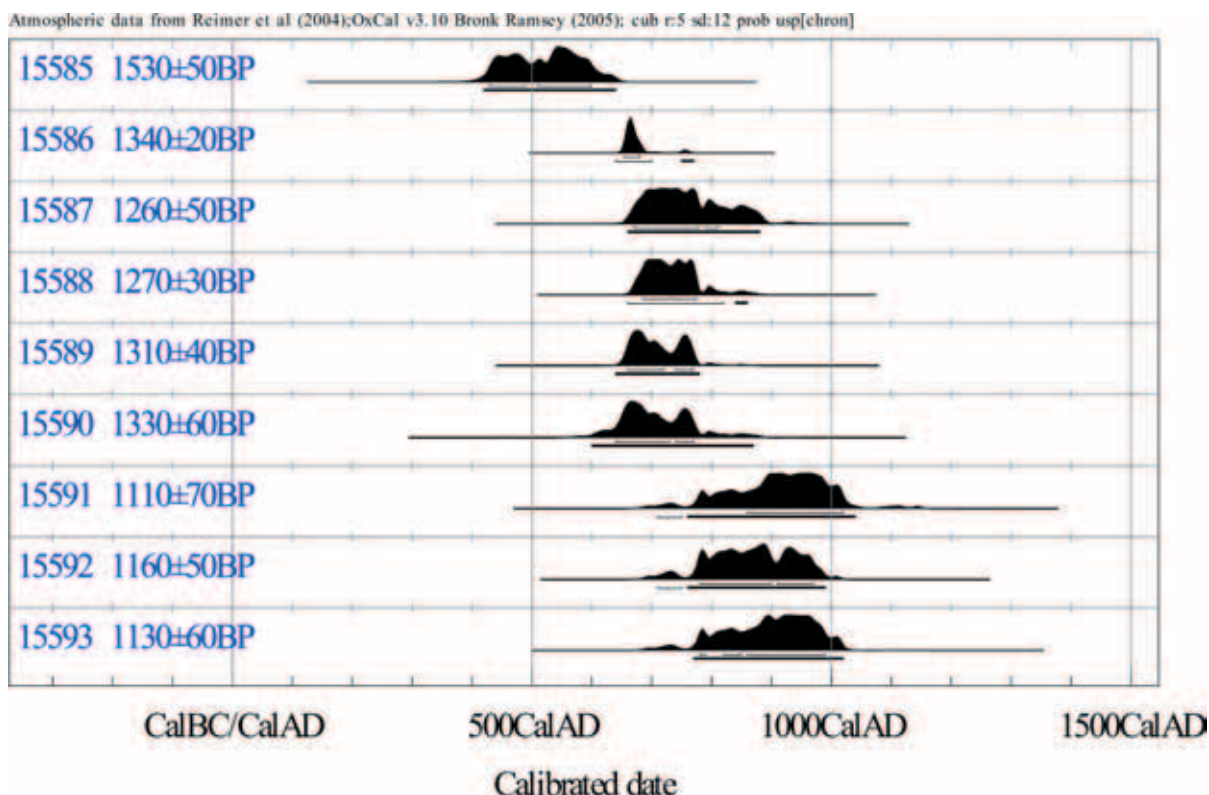
Данные Лаборатории углеродного датирования Института геохимии окружающей среды
НАН Украины⁷²

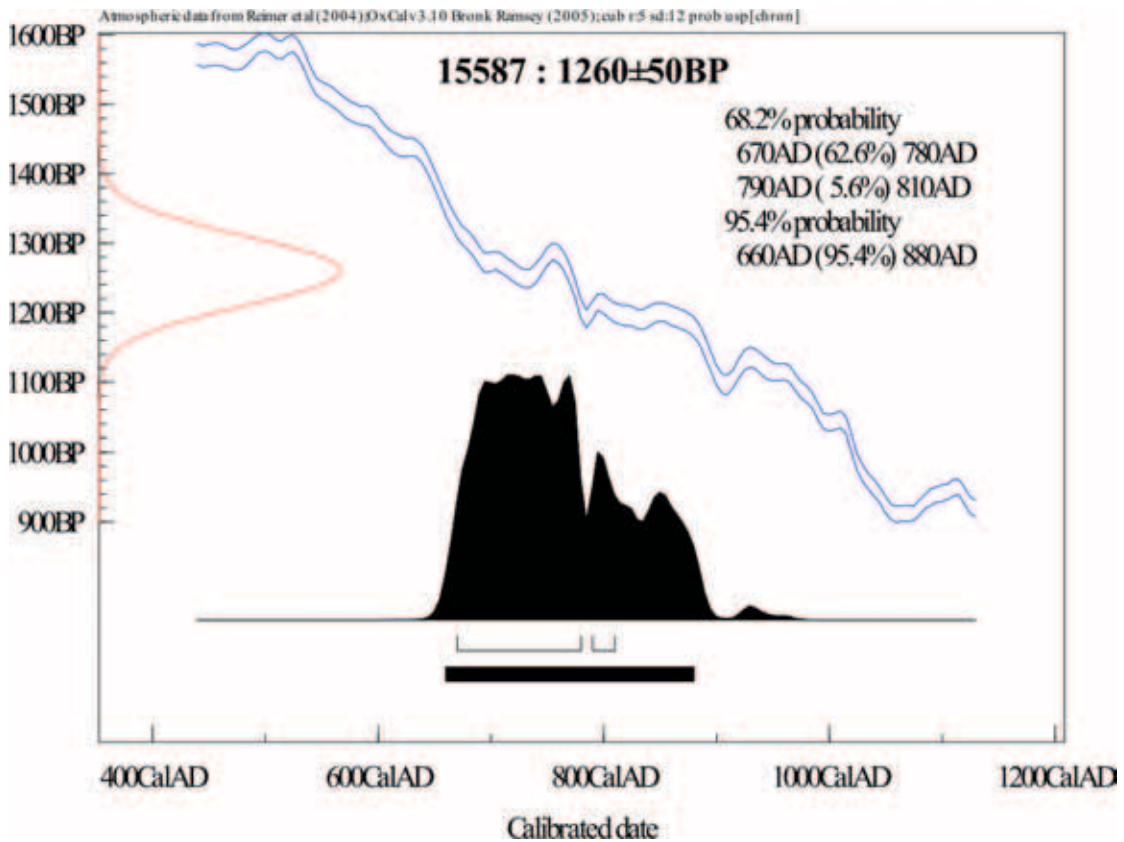
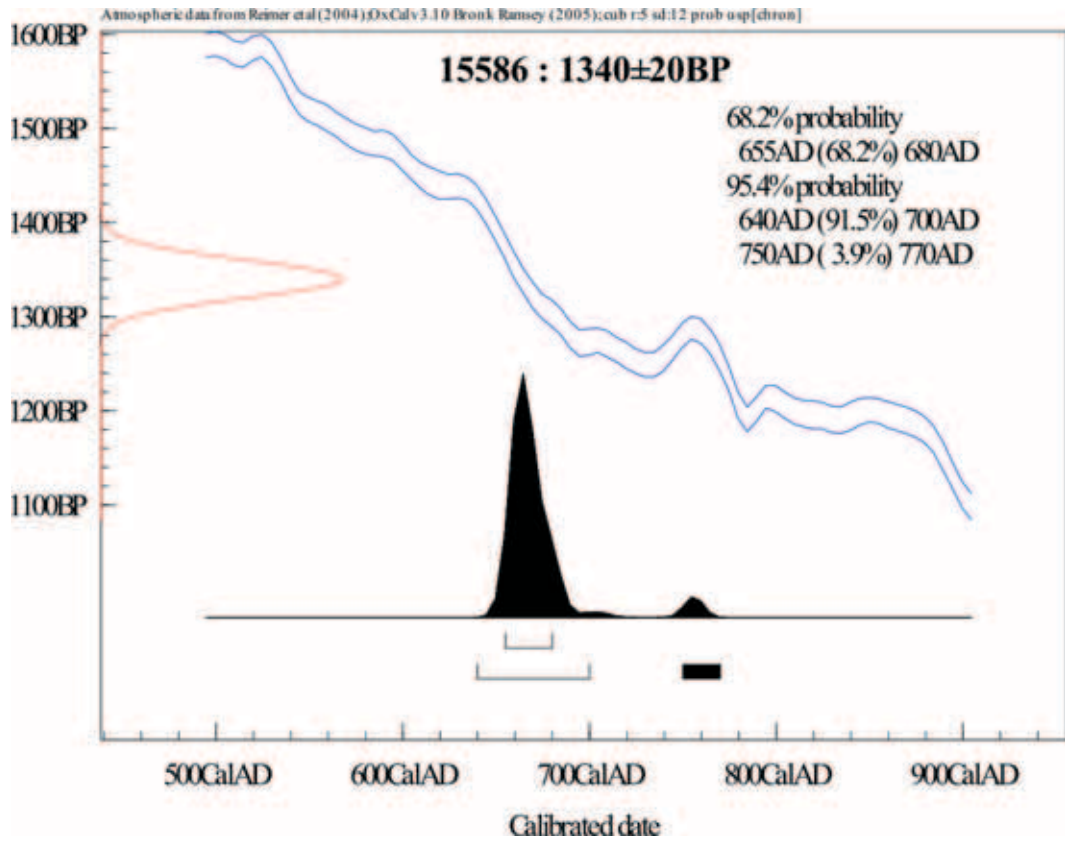
1	Обр. 393. САЭ–2010. Заостровье-1. Уч. 1, сектор 5, Объект 22 , слой с углем	Ki–17550	1565 ± 30	1σ 435 – 455 AD 2σ 420 – 570 AD
2	Обр. 394. САЭ–2010. Заостровье-1. Уч. 3, сектор 7, Объект 23 , слой с углем	Ki–17501	1520 ± 30	1σ 530 – 610 AD 2σ 430 – 620 AD

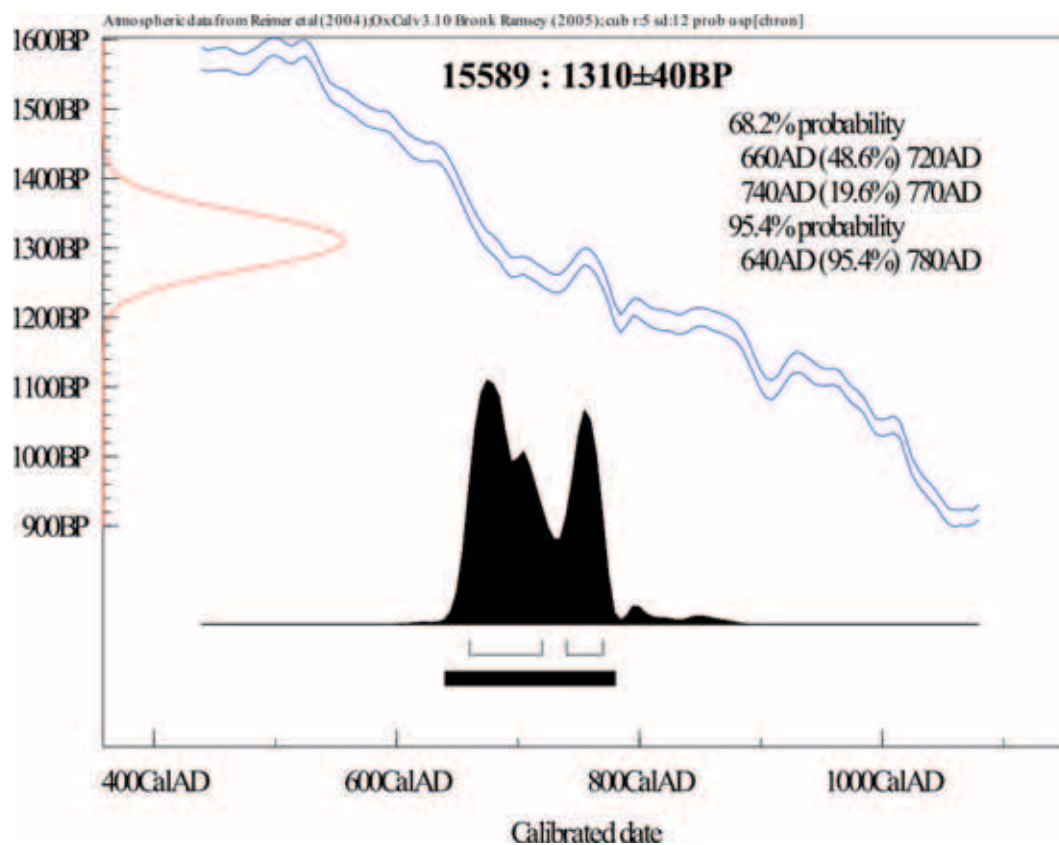
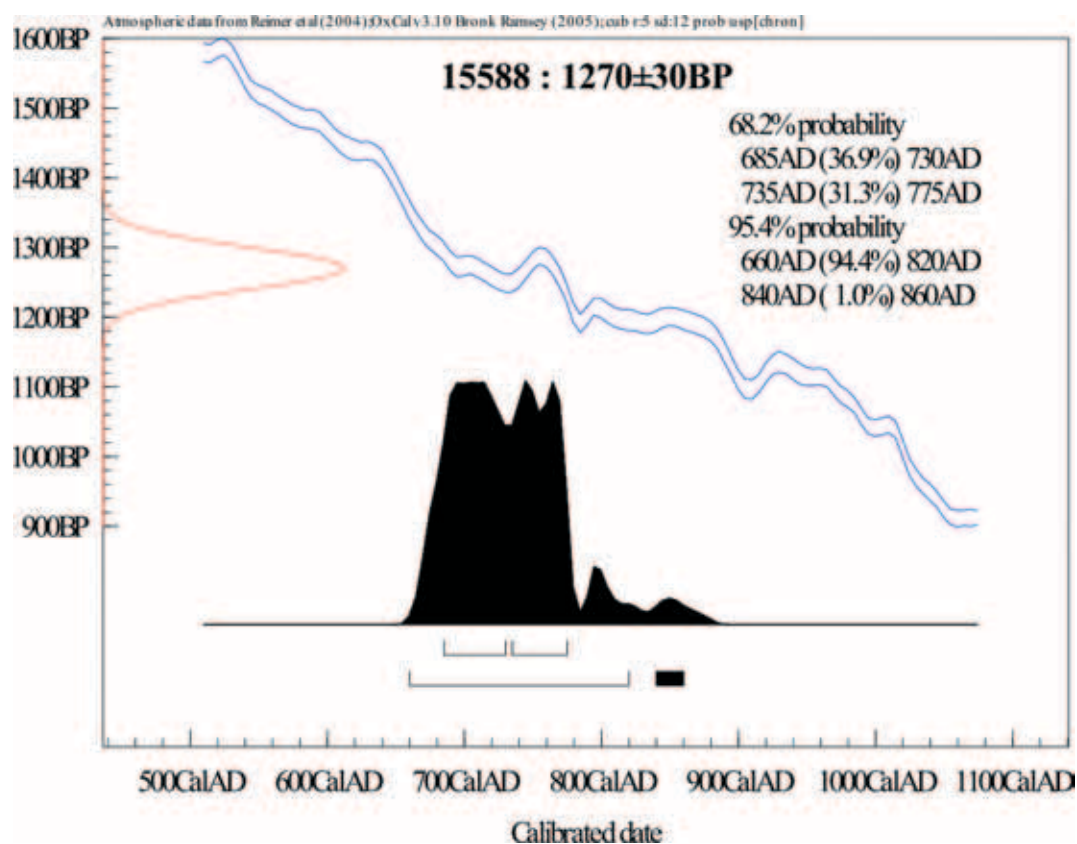
Данные Лаборатории геохимии изотопов и геохронологии Геологического института РАН

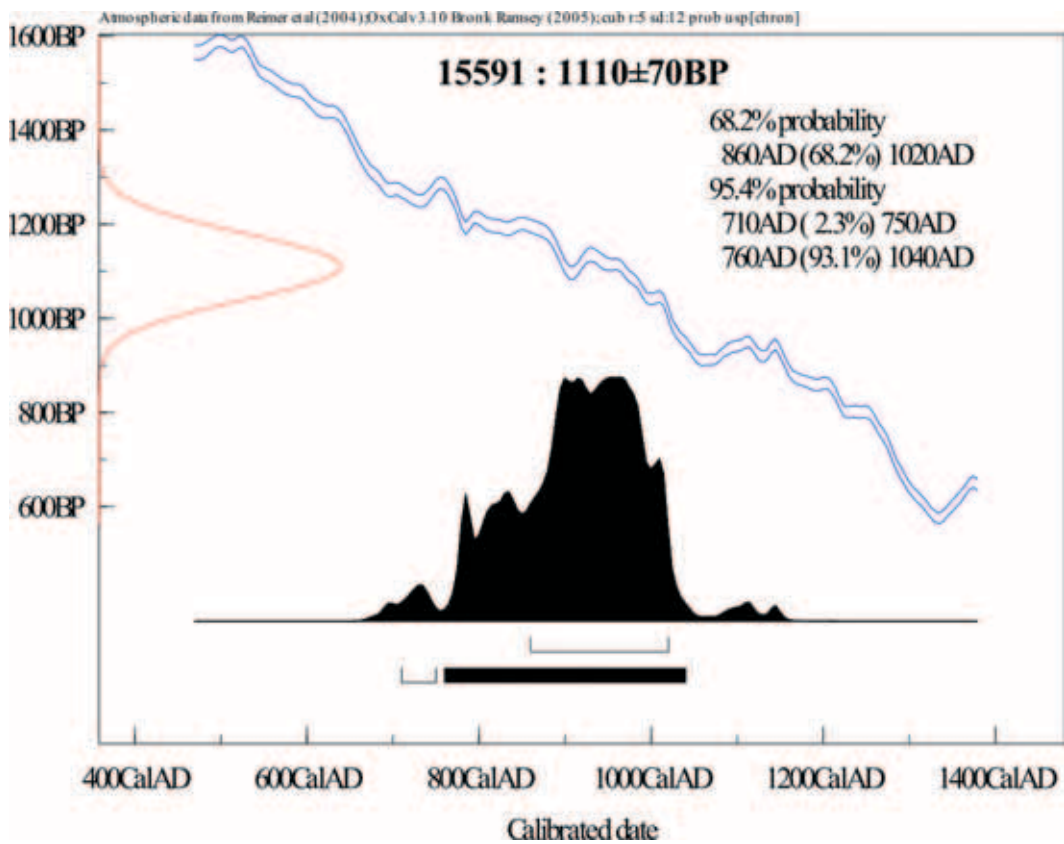
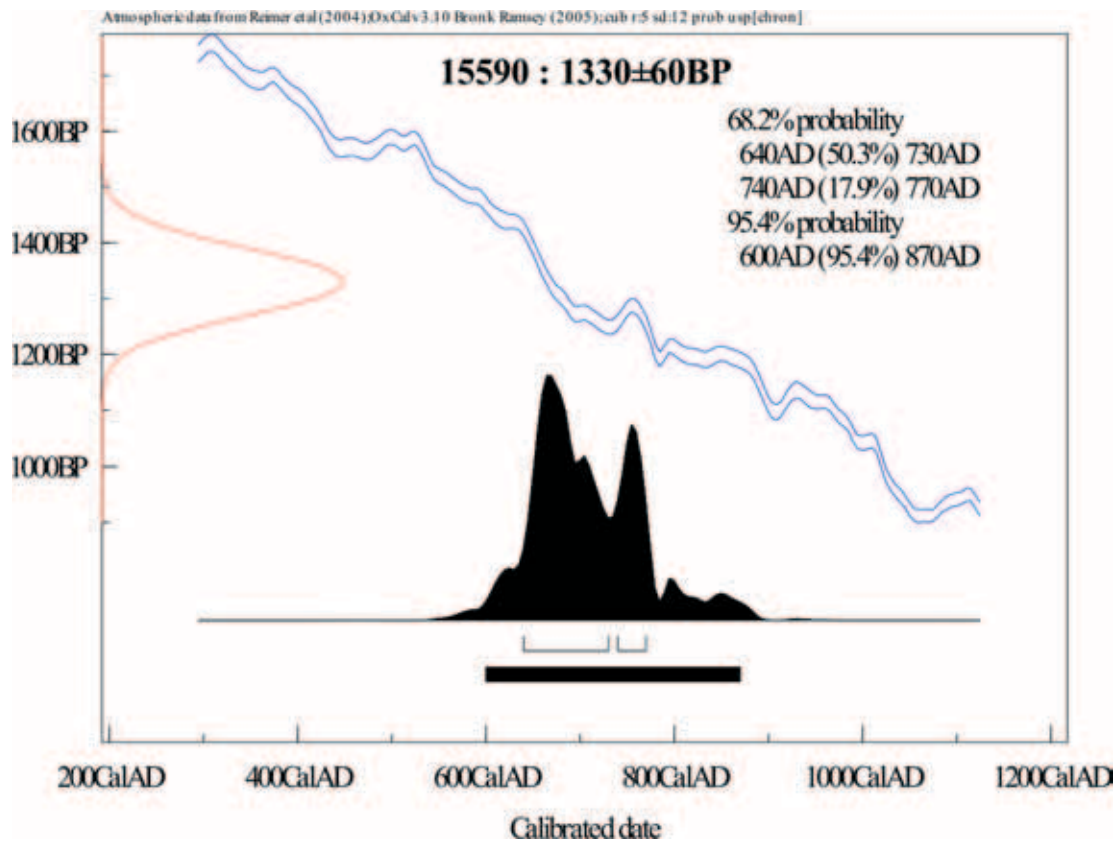
№ пробы	Паспорт	Содержание	Вес (гр)	¹⁴ C дата	Калиброванный возраст
1 15585	САЭ–2010 Заостровье-1 Уч. 1, сек. 3, Объект 37	Уголь	34	1530±50	437 – 594 н.э.
2 15586	САЭ–2010 Заостровье-1 Уч. 1, сек. 1, Объект 4	Уголь	больше 180	1340±20	657 – 675 н.э.
3 15587	САЭ–2010 Заостровье-1 Уч. 1, сек. 4, Объект 33	Уголь	33	1260±50	674 – 780 н.э.
4 15588	САЭ–2010 Заостровье-1 Уч. 1, сек. 4, Объект 27	Уголь	81	1270±30	688 – 771 н.э.
5 15589	САЭ–2010 Заостровье-1 Уч. 1, сек. 1, Объект 14	Уголь	92	1310±40	661 – 712 н.э.
6 15590	САЭ–2010 Заостровье-1 Уч. 1, сек. 5, Объект 21	Уголь	61	1330±60	648 – 721 н.э.
7 15591	САЭ–2010 Заостровье-1 Уч. 1, сек. 6, Объект 18	Уголь	49	1110±70	869 – 1017 н.э.
8 15592	САЭ–2010 Заостровье-1 Уч. 2, сек. 4, Объект 34	Уголь+грунт	60	1160±50	806 – 899 н.э.
9 15593	САЭ–2010 Заостровье-1 Уч. 2, сек. 4, Объект 40	Уголь+грунт	36	1130±60	862 – 988 н.э.

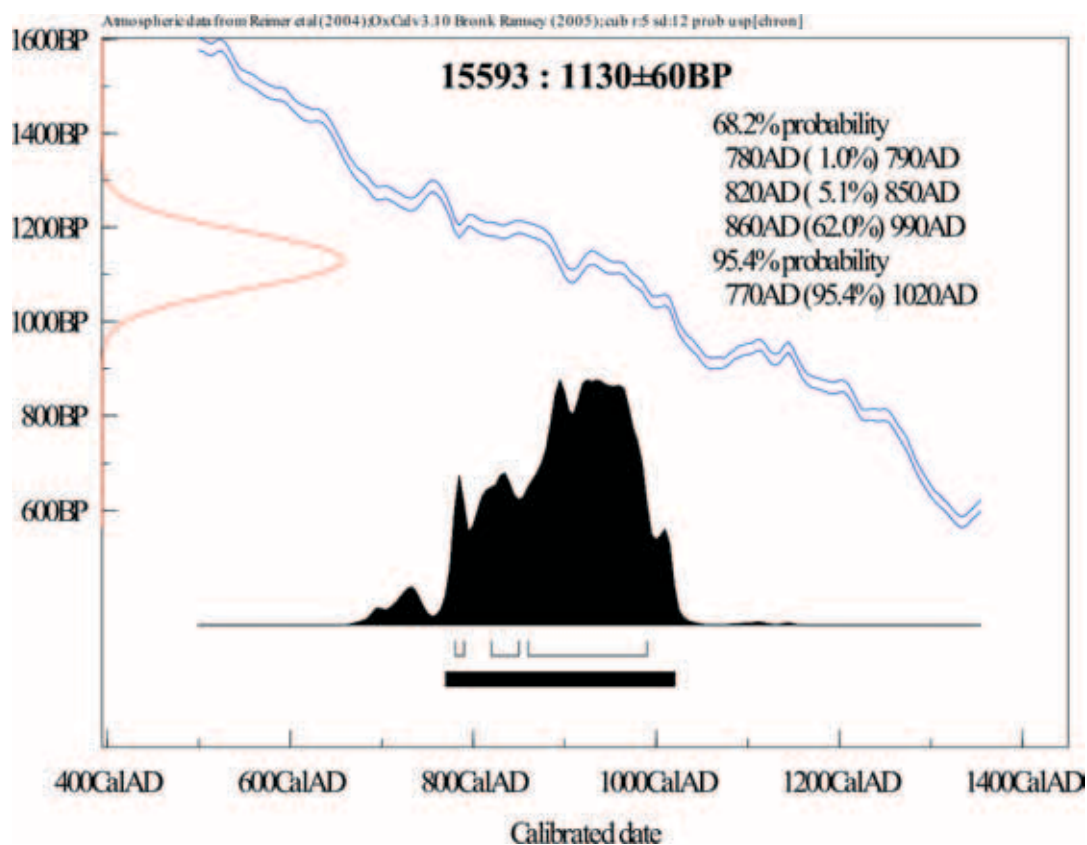
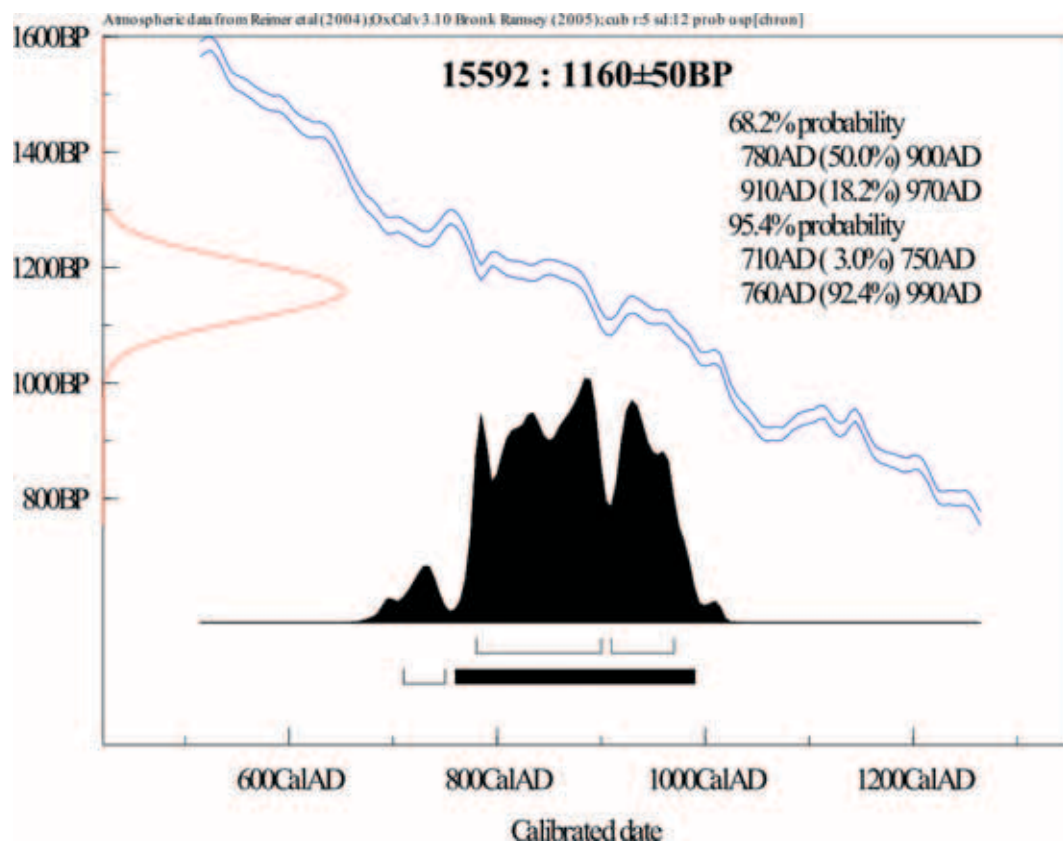
⁷² Пользуемся случаем поблагодарить начальника Самбийской экспедиции ИА РАН А.Н. Хохлова, финансировавшего проведение этих двух анализов.

СОКРАЩЕНИЯ

ИА РАН	– Институт Археологии Российской Академии Наук
ИПОС СО РАН	– Институт проблем освоения Севера Сибирского отделения РАН
М.	– Москва
КСИА	– Краткие Сообщения Института Археологии
КСИИМК	– Краткие Сообщения Института Истории Материальной Культуры
РА	– Российская Археология
СА	– Советская Археология
САИ	– Свод Археологических Источников
СПб.	– Санкт-Петербург
АСНСВ	– Association des amis du Centre d’histoire et civilisation de Byzance
AFAM	– Association française d’archéologie mérovingienne
AV ČR	– Akademie věd České republiky
BAR	– British Archaeological Reports
UMCS	– Uniwersytet Marii Curie-Skłodowskiej
Erg-B. RGA	– Ergänzungsbänd zum Reallexikon der Germanischen Altertumskunde

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ

Добровольская Мария Всеволодовна

Институт Археологии РАН

mk_pa@mail.ru

Зальцман Эдвин Борисович

Балтийский Федеральный Университет имени Иммануила Канта;

Институт археологии РАН

edwin_zalcman@mail.ru

Зиновьев Андрей Валерьевич

Тверской Государственный Университет

nyroca2002@gmail.com

Казанский Михаил Михайлович

Национальный Центр Научных Исследований (Франция). Лаборатория UMR 8167
«Восток и Средиземноморье»

Centre national de la recherche scientifique, UMR-8167 «Orient et Méditerranée»

michel.kazanski@college-de-france.fr

Сапрыкина Ирина Анатольевна

Институт Археологии РАН

dolmen200@mail.ru

Скворцов Константин Николаевич

Институт Археологии РАН

sn_arch_exp@mail.ru

SUMMARY

THE EARLY MEDIAEVAL CEMETERY OF ZAOSTROV'E-1 IN THE NORTH SAMBIA

MICHEL KAZANSKI, EDWIN ZAL'TSMAN, KONSTANTIN SKVORTSOV

with contributions by

Maria Dobrovol'skaia, Andrei Zinov'ev, Irina Saprykina

INTRODUCTION

HISTORICAL AND GEOGRAPHIC CHARACTERISTICS OF THE REGION AND THE HISTORY OF ITS ARCHAEOLOGICAL RESEARCH

This publication is aimed at the introduction into the scholarship of the cemetery from the Great Migration and Merovingian Period, which was discovered in the Zelenograd administrative district of the Kaliningrad oblast', in the northern area of the Sambia peninsula. It was discovered near the former hamlet of Schlakalken (district of Fischhausen, mentioned by the Livonian Order's documents from the fourteenth century on), south of the modern settlement of Zaostrov'e, in the Spokoinaia river basin. Today small river of Spokoinaia with its minor tributaries flows into the Baltic Sea on the northern coast of the Sambia.

The sites of the Sambian-Natangian Culture, to which the cemetery in question belongs, were for the first time registered in the Schlakalken area in the nineteenth century. In 2009–2011, the Sambian Archaeological Expedition of the Institute of Archaeology of the Russian Academy of Sciences (headed by Aleksandr Khokhlov) conducted there large-scale researches, which discovered several cemeteries from the Roman Period and the Early Middle Ages. The site under publication dates to the latest stage of the Sambian-Natangian culture, that is the Great Migration Period and the Early Middle Ages. Regarding the relative archaeological chronology, in this study the antiquities of the Roman Period and the Early Great Migration are dated according to the generally accepted timeline of the Central European Barbaricum. In the case of the antiquities of the Western Balts from the period in question, they are dated according to the Western Balt chronological scheme.

CHAPTER 1

CEMETERY OF ZAOSTROV'E-1 (2010 EXCAVATIONS). GENERAL DESCRIPTION OF THE SITE

The cemetery of Zaostrov'e-1 is located between the right bank of the Spokoinaia river and the left bank of the Bezymiannyi rivulet (right tributary to the Spokoinaia), 1 km south of the southern edge of Zaostrov'e settlement. This site was investigated in 2010 by the division of the Sambian Archaeological Expedition supervised by Edwin Zal'tsman.

According to Rudolf Grenz's account, there was a cemetery from the Great Migration and Early Mediaeval Period located east of the hamlet of Schlakalken, north of the road to Kalkberg, and north-west of the village Lauknicken, west of the Spokoinaia, i. e. almost exactly where Zal'tsman's works were conducted. In 1893, Carl Kretschmann and Heinrich Kemke did excavations near Schlakalken. These works are but briefly mention in the scholarship. Plausibly they happened at the cemetery of Zaostrov'e-1. However, it is also possible that this hill housed two or more cemeteries from the Merovingian Period. The 2010 excavations uncovered the area of 4,392 m². In the excavated area there also were sites (pits and burials) from the Bronze and Early Iron Age. In total, 90 graves and pits related to the cemetery of the Sambian-Natangian culture were discovered. A great part of the burials was plundered. Burial assemblages comprised four groups.

CHAPTER 2

FUNERAL RITE

The cemetery was located on a hill, quite typically for the cemeteries of the Sambian-Natangian culture. These cemeteries are usually located at water sources, which corresponds to the location of the cemetery of Zaostrov'e-1. All without distinction burials in the cemetery of Zaostrov'e-1 are cremations, which rite was very widespread among the Eastern Prussia population in ancient times, from the Bronze Age on, and became predominant in the Roman Period. Cremated bones and remains of funeral pyre, typically for the Sambian-Natangian culture, were put into circular or oval pits with aslant or straight walls. Oval pits were oriented mostly from the north-east to the south-west. Urnless constructions which did not contain burials of horses measured 2.3 m in diameter, and graves with horses measured 0.9 to 2.0 m in length and 0.69 to 1.74 m in width. The number of cremated bones in burials is small. Urnless graves are most typical of the final stage of the Sambian-Natangian culture, that is the Late Great Migration and the Merovingian Period. Today these graves do not have traces visible on the daily surface. Grave pits measured up to 1.5×2.15 m and 0.8 m in depth.

There are cases of burial pits covered with accumulations of stones or single boulders. The stones covering graves are documented everywhere through the excavated area. Stone coverings of more or less circular form are typical of the sites of the Sambian-Natangian culture. A great deal of graves were "two-tier," or having a horse body, often disarticulated or a part of it, on the bottom of the pit and remains of cremated human in the level of the grave, recorded as an accumulation or a lentil with calcined bones, charcoals, and ashes. Such burials occurred everywhere in the excavated area. Two-tier graves were also widespread in the cemeteries from the final stage of the Sambian-Natangian culture.

There is one case with horse's burial apparently documented to the east of the cremation site. This is Grave 15.3 with the cremated burial destroyed by a nineteenth-century pit, and remains of a horse discovered to the east of it. It should be pointed out that in such cases the cemeteries of the Sambian-Natangian culture had horses' graves usually located to the west of cremated remains. Horses in graves of Western Balts occurred in the Early Roman Period and continued to the Middle Ages. They are considered to be related primarily to men's burials, and in the Great Migration Period, they were inalienable attribute of men's graves. However, the cemetery of Zaostrov'e-1 has some horses' burials (in at least four reliable cases) related to the graves interpreted as women's according to palaeoanthropological research.

There are few isolated graves of horses where no traces of funeral pyre have been documented. Isolated horse's graves were rather widely distributed among the Balts in the wide chronological period.

Graves were accompanied with modest grave goods: hand-made pottery, pieces of amber, as well as knives, spiral rings, spindle whorls, and one crossbow brooch. These artefacts occurred both amidst the remains of cremations in the top tier of the grave or below them, in the infill. Graves of horses were often accompanied with elements of horse tack, particularly bits and buckles. An extraordinary find is metal fittings of drinking horns from Graves 3.3 and 18.3. Interesting is also Grave 46.2, which contained remains of bronze mounts of horse tack. Generally, there is no recognizable regularity for the distribution of grave goods in particular types of graves.

Generally, funeral rites in the cemetery in question resemble those well known in the final stage of the Sambian-Natangian culture according to studied in large areas cemeteries of Mitino, Dollkeim-Kovrovo, and others. Urnless cremation graves in simple pits, often below stone pavements and accompanied with horses' burials, are typical of the final stage of the Sambian-Natangian culture. Moreover, the graves from the final stages of the Sambian-Natangian culture contained distinctively poorer grave goods than the graves from the Roman Period. However, this conclusion requires further corrections. Primarily, the Merovingian Period in Sambia and Natangia contained well-known "chieftain's" graves accompanied with rich and prestigious grave goods. Furthermore, some of the sites from the Merovingian Period contained numerous burials which belonged, to the best of our knowledge, to the "middle class" persons, containing ornaments and cloth fittings of relatively not expensive non-ferrous metals, as well as weapons. Therefore, it is quite plausible that the graves under publication belonged to a population group (clan? community?) relatively poor in relation to the others, or the site excavated in 2010, with its strict limitation by modern construction works, corresponded to the least rich area of the site.

CHAPTER 3

GRAVE GOODS

Although grave goods from the cemetery of Zaostrov'e-1 are relatively small in number, they are demonstrative enough, corresponding to the Sambian-Natangian cultural context from the Great Migration Period and the Early Middle Ages.

COSTUME DETAILS AND BELT FITTINGS

Crossbow Brooch. Although the brooch from Grave 73.3 could be related to Central European brooches from the Late Roman Period, it does not meet with direct analogies amidst them.

Spiral Rings. 2010 excavations of the cemetery discovered, out of the archaeological context, a rather wide multiple-turn metal ring. Artefacts of the kind were widespread in the Baltic Area in the Roman Period and in the Early Middle Ages.

Crosier-Shaped Pins. Bronze pin with curved "crosier-shaped" end was discovered in Grave 58.3. Crosier-shaped pins are well known in the Roman Period and in the Middle Ages among the Eastern Balts and Baltic Finns. Among the Western Balts, such pins from the Merovingian Period occurred in women's and children's graves only.

Buckles. From the data in possession one cannot attribute these artefacts to belt and footwear fittings or horse tack, except for the cases when these finds occurred in horses' graves. Palaeoanthropological research shows that these buckles occurred in graves of both men and women. Moreover, there are many cases when the buckles, especially those in the form of the figure-of-eight, formed a part of horse tack. There are the following types of the buckles: those with B-shaped frame; buckles with rectangular frame; and elaborate-profile buckles.

HORSE TACK

In the cemetery under study, horse tack comprised mostly bits, but also mounts and buckles.

Bits. All the bits documented in this cemetery belonged to the same group, of the bits with ring cheek-pieces. Among the finds are two- and three-partite bits. Such bits were widely distributed in Europe as early as in the Roman Period, and continued to exist throughout the Early Middle Ages. They are also well known among the antiquities of the Sambian-Natangian culture from the fifth to seventh centuries.

Mounts. Grave 46.2 contained metal shield-boss-shaped mounts discovered at the horse's head. The most close chronological and functional parallel to them is horse tack mounts in the form of shields from the well-known "princely" grave of Unteresiebenbrunn in Lower Austria, which dates from the first half of the fifth century

DAILY LIFE ARTEFACTS AND WORKING TOOLS

This category comprises a small number of finds. Especially attractive is bronze drinking horn fittings from Graves 3.3 and 18.3, a relatively rare find in the Sambian-Natangian culture from the Great Migration Period (see: Appendix 3). Drinking horns with metal fittings occurred in the circum-Baltic area as early as the Late La Tène and the Roman Periods, and continued to exist there in the Great Migration Period. In the period of interest, they occurred in Sambia and Mazuria, in Lithuania and Poland, in Gotland Island and Southern Norway, in Middle Sweden and Finnish Ostrobothnia. The finds of drinking horns usually appear in privileged graves.

Other artefacts, such as knives, spindle whorls, or whetstones, form mass categories of finds.

CERAMIC WARE

Shards of ceramic vessels appeared in many graves and in other objects related to the cemetery. All of them are hand-formed. There are several forms of ceramic vessels with the most impressive Form 1, or high bi-conical vessels of elongated shape, with high neck, rounded or carinated body flaring below. They are typical of the Sambian-Natangian culture from the Merovingian Period.

CHAPTER 4

CHRONOLOGY AND SPATIAL PATTERN OF THE CEMETERY

The chronology of the cemetery in question has been determined by grave goods and radiocarbon dating. The earliest graves in the cemetery of Zaostrov'e-1 possibly date from the Late Roman Period. This way, the crossbow brooch from Grave 73.3 probably dates from Phase C2–C3 of the European Barbaricum timeline, that is 250/260–350/370 AD. Perhaps the Great Migration Period and the Early Middle Ages is the date of Grave 46.2 with shield-boss-shaped mounts of horse harness, which optimal date in Phase D2–E1 of the Western Balt chronology, that is 375/400–520 AD. Grave 18.3, containing drinking horn fitting, which exact date residing within Phases D–E has not been established yet, possesses rather wide chronology.

The same refers to other elements of horse tack – bits and mounts – which date generally corresponds to the fifth–seventh centuries. This chronology coincides with the radiocarbon dating of Graves 14.1 and 21.1 (see: Appendix 4).

From vessels of Form 1 with stamped decoration there are reasons to determine a group of graves from to Phase E, that is 450–650/675 AD. This ware also occur in Grave 14.1 from Phase F (650–750 AD).

Apart from the graves from the Great Migration and the Merovingian Period, the cemetery contained a small group of burials from the Viking Age (Phase G): Grave 18.1 (869–1017 AD), Grave 34.2 (806–899 AD), and Grave 40.2 (862–988 AD). Their chronology has been determined by the radiocarbon dating only, since in the other aspects these graves used usual ritual and contained usual goods.

Obviously this data are not enough to outline the spatial development of the cemetery. However, it is possible to mark out that the earliest burials were in groups of graves located on the cemetery edge. Later “patchwork ware” was found in the northern half of the cemetery. In the central cemetery area there was the concentration of objects with radiocarbon dating from the mid-seventh to the mid-eighth century. The graves with their radiocarbon dating corresponding to the Viking Age (Phase G) concentrated in the southern excavated cemetery area. Generally, the chronological frames of the site are from the fifth to ninth or tenth centuries.

As it has already been said, the graves formed four compact groups. The first group of burials was oriented from the south-east to the north-west and occupied the north-western area of excavation. The second group stretched from the south-west to the north-east and occupied the central and north-eastern parts of the excavated area. The third, minor group of burials was discovered in the western area of the excavated territory. Finally, the fourth group was in the southern area of excavation. Perhaps this spatial pattern reflects specific areas or groups of (family? clan?) graves with specific grave goods and funeral rituals. Group 1 included Graves 3.3 and 18.3, which contained striking drinking horns. Grave 46.2 with bronze bridle elements was in the southern part of the excavation, in Group 4.

It is possible to determine more aspects of the spatial pattern of the cemetery. The graves of horses concentrated in the western and central area of excavation, in Groups 2–4, though they are totally absent in Group 1. However, the burials accompanied with horses scattered throughout the entire excavated space.

CHAPTER 5

GENDER MARKERS AND THE STRATIFICATION OF GRAVES IN THE SAMBIA PENINSULA FROM THE GREAT MIGRATION AND THE MEROVINGIAN PERIOD

GENDER INDICATORS

Palaeoanthropological research of the cemetery of Zaostrov'e-1 discovered 11 graves of women, seven of men, and 13 of children and teenagers. They are scattered, more or less evenly, throughout the cemetery area. Researches of the cemeteries of Mitino, Zaostrov'e-1 and Schlakalken-5 uncovered few patterns of distribution of grave goods, depending on the sex-and-age of the deceased on the cemeteries in the final stage of the Sambian-Natangian culture. The correlation of archaeological and palaeoanthropological evidences discovers that the set of goods accompanying children's graves was the same, as well as the funeral rite, as those of adult's graves. The number of men's and women's graves with no grave goods subjected to palaeoanthropological analysis is comparable. A great deal of grave goods is common for the three categories of burials and occurred in graves of women, men, and children. However, the number of finds with such artefacts is not equal all the times, allowing one to find out some trends in the composition of grave goods. Among the features

and artefacts common for the men's, women's, and children's graves of the Sambian-Natangian culture are the presence of one or two brooches, few beads, buckles, knives (buckles and knives were more popular in adult's graves), and pieces of rough amber. It comes out that men's graves in the Sambian-Natangian culture are distinguished by the occurrence of spurs, belt-ends, bracelets, and the accompanying burials of horses. The presence of knife among the grave goods is more often in men's graves. The features of women's graves are not so pronounced. However, it could be supposed that the crossbow brooches, pins, and ceramic spindle whorls are most likely indicators of graves of women. In the cemetery of Zaostrov'e-1 with its poor grave goods, apart from the graves where gender of the deceased was interpreted by palaeoanthropology, there should be mentioned the find of a spindle whorl in child's Grave 73.2, which is normally typical of women's graves.

The cemetery of Zaostrov'e-1 contained remains of horses in one men's grave (no. 66.3) and five graves more that could be tentatively attributed as men's by palaeoanthropological materials (nos. 4.1, 12.1, 17.1, 5.3). Moreover, burials of horses accompanied four graves of women (nos. 3.1, 14.1, 59.3, 11.3), and possibly Graves 1.3, 17.3, 18.3, and 19.3, where skeletal remains were tentatively attributed to women, and also children's Grave 37.3 and possibly Graves 6.3 and 58.3.

SOCIAL STRATIFICATION

Archaeology of North European barbarians long since uses the method of determining social determination by the richness of grave goods, their rarity and prestige, and features of the funeral rite. Naturally, one should not use archaeological material as a direct reflection of the social scale uncovered by written sources: the correlation of different disciplines accounts needs further research. However, written sources from a later period directly indicate the connection between the social and property status of the dead and the richness of goods used in funeral rituals in this or that way.

The use of wide circle of monuments from the final stage of the Sambian-Natangian culture, the cemetery of Zaostrov'e-1 in particular, uncovers three base layers of graves established by the significance of grave goods and some details of the funeral rite. However, which groups stand behind this gradation is a question, discoverable only by written sources which are missing in this case.

Level 1. Privileged graves. In the Barbaricum of the Great Migration and the Early Merovingian Period, privileged were isolated graves or small cemeteries with distinctive unusual and rich – in a local comparison – grave goods, featuring, in rare cases, specific funeral rites, and in some instances with specific geographic location.

Level 1a, or the so-called royal and princely graves and hoards, distinctive by both extraordinary grave goods and specific funeral rituals, as well as “status” artefacts, or insignia, has not been found so far in the Sambian-Natangian culture area.

Level 1b, or the so-called chieftain's graves, distinguished by rich grave goods and in some cases specific location (area) in the cemetery, are known in the Sambian-Natangian culture area from the fifth to seventh centuries. In the cemetery of Zaostrov'e-1 such graves are absent.

Level 2. Graves of the “middle class.” European archaeology describes this “popular” level, corresponding to a considerable part of the population, or the so-called “middle class” of the barbarian society, as ordinary graves with relatively inexpensive metal ornaments and costume details. This level is largely presented with the cemeteries of the Sambian-Natangian culture from the fifth to seventh centuries. The set of grave goods divides these graves into three strata:

Level 2a. Graves with prominent goods, such as drinking horns in the cemetery of Zaostrov'e-1 in Graves 3.3 and 18.3. According to palaeoanthropological research, this grave could belong to a woman.

Level 2b. Graves with rather stable set of goods or its components. They are often accompanied with graves of horses. In the cemetery of Zaostrov'e-1, this stratum comprised Grave 46.2, accompanied with horse's burial which contained horse tack elements other than often found bits, and Grave 73.3 with a brooch and a spindle whorl.

Level 2c. Graves with a few artefacts other than pottery, and horse's graves with no goods (with bits and girth buckles or without them). In the cemetery of Zaostrov'e-1 this group comprises Graves 2.1, 3.1, 4.1, 8.1, 12.1, 14.1, 17.1, 18.1, 21.1, 25.1, 27.1, 28.1, 29.1, 34.1, 37.1, 38.1, 40.1, 43.1, 44.1, 48.1, 33.2, 40.2, 1.3, 5.3, 6.3, 8.3, 11.3, 13.3, 15.3, 17.3, 19.3, 37.3, 48.3, 49.3, 51.3, 52.3, 55.3, 58.3, 59.3, 61.3, 66.3, 72.3, and 73.3.

Level 3. Graves of the "lower" social strata. This level comprises graves with no goods apart from pottery and no accompanying burials of horses. Level 3 of the cemetery of Zaostrov'e-1 comprises Graves 33.1, 36.1, 39.1, 41.1, 42.1, 46.1, 34.2, 35.2, 41.2, 42.2, 43.2, 45.2, 47.2, 2.3, 4.3, 8.3, 9.3, 14.3, 27.3, 32.3 (?), 35.3, 42.3, 43a.3, 45.3, 46.3, 47.3, 56.3, 57.3, 57a.3, and 71.3. These graves also often occurred in other cemeteries of the Sambian-Natangian culture.

Obviously, the quantity of graves belonging to different levels does not reflect the true percentage of hypothetical groups of population occupying these levels. Some society members could be buried in the other place or with archaeologically untraceable rite, or were not buried at all.

The comparison of materials from different burial monuments of the Sambian-Natangian culture discovers uneven distribution of rich grave goods. This difference becomes especially obvious from the comparison of Mitino and Zaostrov'e-1 on the one hand and the cemetery of Warnikam-Pervomaiskoe on the other. Most likely, different wealth of grave goods richness would appear at various areas within the same cemetery, which belonged to different groups (families or clans). However, the monuments from the final stage of the Sambian-Natangian culture have never been subject of such analysis.

The large-scale excavations of the sites from the final stage of the Great Migration and the Merovingian Period in the Sambian-Natangian area, such as Mitino and Zaostrov'e-1, uncover their "poorer" appearance in comparison with the cemeteries from the Roman Period and the initial stage of the Great Migration. However, the conclusion of the "poverty" of Sambian-Natangian culture from the Merovingian Period remains tentative. Quite plausibly, this feature is typical of the said sites and not to the culture as a whole. Anyway, today the number of "poor" graves of the Sambian-Natangian culture in the cemeteries of the Merovingian Period is certainly bigger than those from the preceding Roman Period. One is under the impression that the contrast between the "poor" and "rich" graves deepened from the fifth to seventh centuries.

CONCLUSION

THE CULTURAL AND HISTORICAL CONTEXT OF THE SITES IN THE SAMBIA FROM THE GREAT MIGRATION AND THE MEROVINGIAN PERIODS

The cemetery of Zaostrov'e-1 belongs to the latest phase of the Sambian-Natangian culture. This culture already existed in the Roman Period, in Phase B2 of the "Barbarian" Timeline, that is in the 70s AD, and continued at least to the mid-seventh century AD. There is every reason to suppose that the Sambian-Natangian culture people were the Aestii accounted to by Tacitus, Jordanes, and Cassiodorus as the dwellers of the Baltic Sea coast east of the Vistula.

The site under publication is located in the northern half of the Sambia Peninsula, which was rather densely populated in the Great Migration and the Merovingian Period. According to the

recent state of research, the cemeteries of the Sambian-Natangian culture in this peninsula in the Great Migration and the Merovingian Period split into two spatial groups, the northern and the southern, divided by the ridge of the Sambian Elevation. The cemetery of Zaostrov'e-1 certainly belongs to the northern group. More complicated task is to draw the borderline between other groups of the Sambian-Natangian culture discovered in the Kaliningrad oblast'. The number of known sites there is smaller, so the mapping of the finds uncovers only tentative zones.

Generally, in the Great Migration and the Merovingian Period, the sites of the Sambian-Natangian culture, disregarding their geographical location, demonstrated stable set of features of the funeral rite and material culture. Everywhere there were cemeteries, sometimes extraordinary big, comprising graves without visible outer markers, with predominant outside cremations with subsequent funeral of the remains in a pit. There were constructions of stones; graves were often accompanied with a burial of horse and comprised two tiers, with the corpse of a horse or its part placed on the bottom of the grave pit and the remains of cremation in the upper part of the pit. The material culture always had typical artefacts, such as brooches, buckles, scramasaxes, and pots with "patchwork" decoration. Quite probably, this cultural homogeneity reflected some economical, ethnic, linguistic, or confessional unity, though this hypothesis needs extra arguments which would be not related to archaeological sources.

Perhaps the territorial isolation of the groups established above reflects their social and political apartness. In other words, they could form relatively secluded collectives occupying clearly delimited territories with no-man's-lands in between, the situation has been repeatedly addressed by ancient and mediaeval sources describing barbarians. This is also suggested by the distribution map for prestige graves, since every considerable group of sites corresponded to a certain number of "princely" graves. Perhaps spatial groups of the Sambian-Natangian culture corresponded to the so-called minor barbarian kingdoms, well-known in other European regions in the Great Migration and the Merovingian Period. Appearing under specific condition of advanced military tension, these minor kingdoms were built up as military units, with the organization based on strict subjection to the king (leader) of the clans (families) forming the kingdom and individual warriors united in the king's retinue. The subjects, at least at the initial stage, often elected their leader, most likely from the "nobles," charismatic families, and reserved their right to dethrone or kill the king if unsuccessful. Under this, the king was basically the military leader, with his other functions second-graded. He was the figure to unite the others, who collected the retinue of warriors of different origins as the real pillar of his authority.

As isolated collectives, different territorial groups of the Sambian-Natangian culture still not were totally secluded societies. The finds of artefacts of foreign origin testify to the contacts between the Sambian-Natangian culture people and the rest of Europe, both the neighbouring groups of the Balts on the one hand and Scandinavia, Middle Danube, and Western Europe on the other hand. The main bulk of imported artefacts and their imitations in the Sambian-Natangian culture sites is connected either to the southern contacts with the Danube area or the maritime contacts of the Aestii made along the southern coast of the Baltic Sea and towards the Scandinavian islands. Perhaps this "maritime" orientation of the Sambian-Natangian population reflected in Jordanes' and Cassiodorus' accounts of the Aestii as the people living on the shore of the Ocean.

The latest cemeteries of the Sambian-Natangian culture are generally poorer than the cemeteries of the preceding Roman Period. Perhaps the reason is in the events that enveloped the whole Baltic Sea basin. The period of military stress in the Southern Baltic Area lasted to ca. 500 AD: the offering sites of clearly warrior's appearance uncover that in the fourth and fifth centuries this crisis enveloped the Jutland, the Danish islands, Bornholm, Öland, Scania, as we can see. In the early sixth century, a new economic and military-political situation developed in the Baltic Area. From the fifth century on, the centre of economic contacts on the Baltic Sea was on the Bornholm,

Scania, Öland, Gotland, and Uppland. The situation changed again by the mid-sixth century, when some important changes happened and reflected in the hoards of gold ware. In this period, there was not only the known plague of the age of Justinian I but also severe winters, often sun eclipses, crop failures, and starvation, which caused higher mortality of the North European population. Quite plausibly, it was the consequence of a natural catastrophe in 536 AD. Perhaps these dismal events were the reason behind large-scale offering sites. One can assume that the “impoverishment” of the Aestii, the people of the Sambian-Natangian culture, had some relation to this sixth-century crisis. A relatively long post-crisis period continued to the Viking Age, as one can see from the latest burials in the cemetery of Zaostrov’e-1, which did not differ from those from the previous period. Simultaneously, the nature of these late finds uncovers relative stability of the Aestian society as long as the ninth century.

DESCRIPTION OF GRAVES

This catalogue has been compiled against the background of the “Excavation Report of the Cemetery of Zaostrov’e-1”, with the use of extra field documentation. There is no account of the finds from the Bronze and Early Iron Ages, as well as of the pits of later origin (nineteenth-century pits, crater of shell explosions, and so on). The palaeoanthropological attributions are made by Maria Dobrovol’skaia (see: Appendix 1).

APPENDIX 1

MARIA DOBROVOL’SKAIA

CREMATIONS IN GRAVES OF THE CEMETERY OF ZAOSTROV’E-1

All the graves in the cemetery of Zaostrov’e-1 contained a single burial or a burial of cremated bones of a person and an animal. Seven of 75 skeletal remains under investigation are attributed to men. Generally, bones in this series are distinctively smaller in comparison for example to the bones from the formerly investigated cemetery of Mitino. However, it should be underlined that no technique of such comparative analysis has been developed so far. Rare occurrence of individuals with high degree of massiveness markers is an indirect argument for the difference between the appearance of the Zaostrov’e-1 population and that of the Mitino cemetery. We have also discovered eight female individuals and 13 children and teenagers. One object (29.1) probably did not contain any human remain but rather animal’s bones.

The age structure of humans in the graves is different. With a high degree of probability, one might assume that there were no newborns among the deceased. Standard light gray colour of the remains in the rest of graves most probably comes from a small number of cremated bones put into burials, so rare dark-coloured sections were not put into graves. The charcoal dust and cinder occurring in almost every grave could not survive if the bones were washed or separate fragments were collected from funeral pyre, as it was foreseen for example by the Classical tradition. Strain cracks indicate that the bodies were cremated just after the death. Quite often, the accumulations contained relatively big fragments of vertebrae, as well as fragments of finger bones and foot bones. This allows one to imagine the position of the body on the funeral pyre. The preservation of the vertebrae fragments is most likely determined by rather restricted accession of oxygen when firing, perhaps because of the position on the back on the pyre surface. The preservation of foot and finger bones is related to the small size of soft tissues in these parts of the body and, consequently, to faster burning at lower temperature. In case when the hands of the deceased were placed on the chest, there is a

higher probability that they will fall into the zone of burning at higher temperature and the probability of surviving of finger bones is minimised. Therefore, one can suppose that the position of the dead did not foresee the placing of the hands on the chest. The weight of bones in cremation varied from 1 to 845 grams, perhaps in relation to the individual features of the burial ceremony.

APPENDIX 2

ANDREI ZINOV'EV

BURIALS OF HORSES IN THE CEMETERY OF ZAOSTROV'E-1

The rite of burying horses has been practiced in Europe for a long time. Although artefacts accompanying many horses' graves are described in detail, only a few publications provide data on the horses' physical appearance. Our research illustrates physical appearance of the horses from the Baltic Region in the Late Roman Period and the Early Middle Ages. The study is based on the extensive osteological collection from the cemetery of Zaostrov'e-1. The age and size of the buried horses varies, probably due to the different funeral rites performed by different ethnoi. The cemetery of Zaostrov'e-1 is unique by showing the predominant use of young colts, not adult enough for riding.

APPENDIX 3

IRINA SAPRYKINA

**NON-FERROUS METAL WARE IN THE CEMETERY OF ZAOSTROV'E-1:
SOME REMARKS ON THE CHEMICAL COMPOSITION AND MANUFACTURING
TECHNIQUE OF THE ARTEFACTS OF THE SAMBIAN-NATANGIAN CULTURE**

The technique of non-destructive standardless X-ray phase analysis enveloped metal of two shield-boss-shaped mounts, the crossbow-shaped brooch, and several fragments of drinking horn fittings. The analysis discovered two types of copper-based alloys: triple bronze (CuSnPb) and multi-component alloy of zinc, tin, and lead up to 10%. The zinc alloy was used to make shield-boss-shaped mounts (Grave 46.2) produced with lathe-turning technique, and the cast crossbow-shaped brooch (Grave 73.3). Researches of the chemical composition of zinc alloys in the Roman Period has shown that already in the third century AD the contents of zinc decreased to less than 10%. Numerous finds of crucibles of the forms untypical to the Roman Period suggest that zinc alloys were made not only throughout the Roman imperial territory but also in some areas of the Barbaricum. Most likely, the crossbow brooch and the shield-boss-shaped mounts from the Zaostrov'e-1 collection were made in local workshops in the period no later than the third and fourth century AD.

The analysis has documented the high percentage of tin in metal of two drinking horn fittings, with the tin measuring 11–12% for two drinking horn fittings and 20–22% for two drinking horn fittings more. In the period in question, there are very few accounts of sources concerning the sources whence the tin was obtained, since in the Late Roman Period many of known tin mines were exhausted. That is the reason why analytical selections of metals from the Great Migration Period and the Early Middle Ages contained a great deal of alloys with high percentages of lead. So far it could be considered proved that in the early Middle Ages tin mines worked in Britain and Gallia (Bretagne).

APPENDIX 4

RESULTS OF RADIOCARBON RESEARCH OF ARCHAEOLOGICAL OBJECTS OF ZAOSTROV'E-1 BURIAL GROUND

Today there are available radiocarbon dating of two objects, provided by the Laboratory of the Institute of Environmental Geochemistry of the National Academy of Sciences of the Ukraine: Pit 22.1 (group 2, southern area) and Pit 23.3 (group 2, northern area). They date, with 2σ -probability, to 420–570 AD and 430–620 AD respecting, and with 1σ -probability to 435–455 AD and 530–610 AD.

Moreover, the Isotope Geochemistry and Geochronology Laboratory of the Geological Institute of the Russian Academy of Sciences discovered, with 2σ -probability, the date for nine objects more located in Areas 1 and 2. There are Sites 4.1 (657–675 AD), 14.1 (661–712 AD), 18.1 (869–1017 AD), 21.1 (648–721 AD), 27.1 (688–771 AD), 33.1 (674–780 AD), 37.1 (437–594 AD), 34.2 (806–899 AD), and 40.2 (862–988 AD).

Translated from Russian by Nikita Khrapunov

CONTENTS

Introduction. Historical and Geographic Characteristics of the Region and the History of Its Archaeological Research	5
Chapter 1. Cemetery of Zaostrov'e-1 (2010 Excavations). General Description of the Site	8
Chapter 2. Funeral Rite	11
Chapter 3. Grave Goods	14
Costume Details and Belt Fittings	14
Horse Tack	16
Daily Life Artefacts and Working Tools	20
Ceramic Ware	23
Chapter 4. Chronology and Spatial Pattern of the Cemetery	27
Chapter 5. Gender Markers and the Stratification of Graves in the Sambia Peninsula from the Great Migration and the Merovingian Period	29
Gender Indicators	291
Social Stratification	30
Conclusion. The Cultural and Historical Context of the Sites in the Sambia from the Great Migration and the Merovingian Periods	38
Album of Figures	47
Description of Graves	87
Area 1	89
Area 2	102
Area 3	105
Album of Plates	121
List of references	231
Appendix 1	
<i>Maria Dobrovol'skaia.</i> Cremations in Graves of the Cemetery of Zaostrov'e-1	249
Appendix 2	
<i>Andrei Zinov'ev.</i> Burials of Horses in the Cemetery of Zaostrov'e-1	261
Appendix 3	
<i>Irina Saprykina.</i> Non-Ferrous Metal Ware in the Cemetery of Zaostrov'e-1: Some Remarks on the Chemical Composition and Manufacturing Technique of the Artefacts of the Sambia-Natangian Culture	283
Appendix 4	
Results of radiocarbon research of archaeological objects of Zaostrov'e-1 burial ground	289
Abbreviations	295
Contributors	296
Summary	297
Contents	309

СОДЕРЖАНИЕ

Введение. Историко-географическая характеристика региона и история археологического изучения	5
Глава первая. Могильник Заостровье-1 (раскопки 2010 г.). Общая характеристика памятника	8
Глава вторая. Погребальный обряд	11
Глава третья. Погребальный инвентарь	14
Предметы убора и ременная гарнитура	14
Конское снаряжение	16
Бытовые предметы и орудия труда	20
Керамика	23
Глава четвертая. Хронология и планиграфия могильника	27
Глава пятая. Гендерные признаки и стратификация погребений Самбийского полуострова эпохи Великого переселения народов и меровингского времени	29
Гендерные индикаторы	29
Социальная стратификация	30
Заключение. Культурно-исторический контекст памятников Самбии в эпоху Великого переселения народов и в меровингское время	38
Альбом рисунков	47
Каталог погребений могильника Заостровье-1	87
Участок 1	89
Участок 2	102
Участок 3	105
Альбом таблиц комплексов	121
Литература и архивные материалы	231
Приложение 1	
<i>М. В. Добровольская.</i> Кремации из погребений могильника Заостровье-1	249
Приложение 2	
<i>А. В. Зиновьев.</i> Погребения лошадей из могильника Заостровье-1	261
Приложение 3	
<i>И. А. Сапрыкина.</i> Предметы из цветного металла могильника Заостровья-1: некоторые замечания по химическому составу металла и технике изготовления изделий самбийско-натангийской культуры	282
Приложение 4	
Результаты радиоуглеродного исследования археологических объектов могильника Заостровье-1	289
Сокращения	295
Сведения об авторах	296
Summary	297
Contens	309

Научное издание

**Михаил Михайлович Казанский,
Эдвин Борисович Зальцман,
Константин Николаевич Скворцов**

**Раннесредневековый могильник Заостровье-1
в Северной Самбии**

Верстка: В. Б. Степанов
Дизайн обложки: В. А. Кулишов
Подготовка иллюстраций: В. Б. Степанов

Подписано в печать 26.03.2018
Формат 60×84/8.
Усл. печ. л. 36,27. Уч.-изд. л. 31,2
Тираж 200 экз. Заказ №

Институт археологии РАН
117036, Москва, ул. Дмитрия Ульянова, 19

Отпечатано с готового оригинал-макета
в ООО «Тамбовский полиграфический союз»
392000, г. Тамбов, Моршанское шоссе, 14А.
Тел. 8 (4752) 53-26-27
E-mail: info@tps68.ru www.tps68.ru

ISBN 978-5-94375-246-9

9 785943 752469

